

ИСТОРИЯ
РОССИИ
И ДОМА
РОМАНОВЫХ
В МЕМУАРАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
XVII - XX

ПЕРЕВОРОТЫ И ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ
РОССИИ
И ДОМА
РОМАНОВЫХ
В МЕМУАРАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
XVII-XХ

Христофор МАНШТЕЙН

Бурхард МИНИХ

Эрнст МИНИХ

Неизвестный автор

ПЕРЕВОРОТЫ И ВОЙНЫ

Москва 1997

ББК 63.3(2)
УДК 947.0
П27

Составление
кандидат исторических наук
А. Либерман,
кандидат исторических наук
В. Наумов

Послесловие, указатели, глоссарий
В. Наумов

Разработка оформления серии
 / Грошев Дизайн

Художник
Е. Воронцова

ISBN 5-89486-004-0

© Фонд Сергея Дубова. Название серии,
составление, художественное оформле-
ние, справочный аппарат, 1997

...Петр Великий... многое оставил исполнить преемникам, но Меншиков думал единственно о пользах своего личного властолюбия; так и Долгорукие. ...Пигмеи спорили о наследии великана. Аристократия, олигархия губили Отечество... Самодержавие сделалось необходимым прежнего для охранения порядка — и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприняла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную. Сия государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметами близкого разрушения: часть судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман и Миних, одушевленные честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором Отечестве, действовали неутомимо и с успехом блестящим: первый возвратил России ее знаменитость в государственной системе европейской — цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы. К совершенной славе Аннина царствования недоставало третьего мудрого действователя для законодательства и внутреннего гражданского образования россиян. Но злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в истории...

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная правительница утратили власть и свободу. Лекарь француз и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: «гибель иноземцам! честь россиянам!» Первые времена сего царствования ознаменовались нахальством славной лейб-компании, возложением голубой ленты на малороссийского певчего и бедствием наших государственных благодетелей — Остермана и Миниха, которые никогда не были так велики, как стоя под эшафотом и желая счастья России и Елизавете. ...Как при Анне, так и при Елизавете Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими.

Н. М. Карамзин

В этом томе серии «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.»

*Сочинения свидетелей и участников событий
государственно-политической и военной истории
России первой половины XVIII века*

«Записки о России» генерал-майора Христофора-Германа Манштейна содержат уникальные сведения о жизни русского двора и правящей верхушки в 1727—1744 гг., о войнах России с Турцией и Швецией. В Дополнении к мемуарам автор вкратце описывает государственное устройство, экономику, армию и флот России с петровского времени до начала 1740-х гг.

В сочинении фельдмаршала Бурхарда-Христофора Миниха характеризуются особенности сменявших друг друга царствований от Петра I до Петра III, оцениваются личные качества российских правителей. Особое внимание уделяется чрезвычайным высшим учреждениям 1726—1762 гг., стоявшим между монархами и Сенатом: Верховному тайному совету, Кабинету министров, Конференции при высочайшем дворе, Совету при Петре III.

Воспоминания Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, охватывающие события 1708—1741 гг., повествуют о быте и нравах двора, частной жизни Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, а также содержат биографические данные о мемуаристе и его отце.

«Замечания на «Записки о России генерала Манштейна», принадлежащие перу неизвестного автора, характеризуют отдельные военные и политические события с петровского времени до воцарения Екатерины II — такие, как осада Гданьска, покорение Очакова, дела А. П. Волынского и Лопухиных.

Во всех публикуемых источниках описаны дворцовые интриги, заговоры и перевороты, возвышения и падения временщиков, опалы и казни при преемниках Петра I, взаимоотношения монархов и вельмож, участие России в войне за польское наследство 1733—1735 гг., русско-турецкая война 1735—39 гг.

Тексты печатаются на основе изданий:

Записки Манштейна о России. 1727—1744.

Перевод с французского с подлинной рукописи Манштейна
и редакция издания *М. И. Семевского*.
СПб., 1875.

Записки фельдмаршала графа Миниха.

Перевод с французского и редакция издания *С. Н. Шубинского*.
СПб., 1874.

Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки
и замечания гр. Эрнста Миниха.
СПб., 1891.

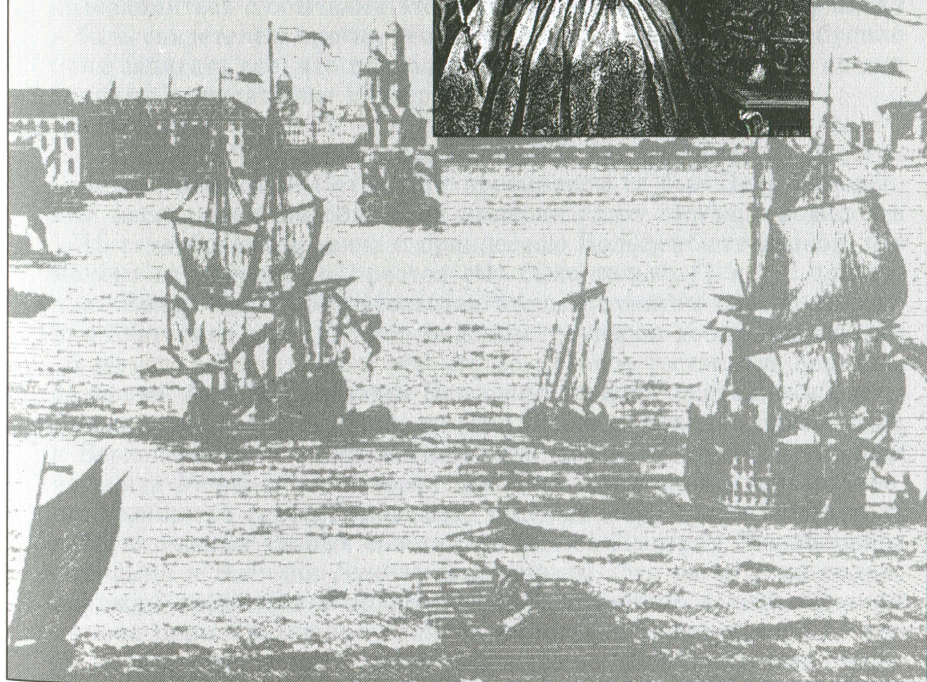
В оформлении использованы

фрагменты старинных гравюр работы мастеров: Вортмана, Махаева,
А. Зубова, Е. Чемесова; живописный портрет работы И. Вишнякова

на форзаце: гравюра И. Соколова «Маскарад в деревянном Зимнем дворце»

на нахзаце: гравюра А. Бека «Изображение победы, одержанной графом Минихом над Крымскими татарами 31 мая 1736 г.»

ЗАПИСКИ О РОССИИ генерала Манштейна

Часть первая

Глава I

*Введение. — Начало царствования Петра II. —
Могущество Меншикова. — Императрица Евдокия
освобождена из заточения. — Обручение
императора с княжной Меншиковой. —
Отъезд герцога Голштейнского. — Интриги против
Меншикова. — Падение Меншикова. — Происхождение
Меншикова.*

1727 г.

Пробыв большую часть моей жизни в России, я успел достаточно познакомиться с обычаями этой страны, выучиться русскому языку и быть свидетелем многих необыкновенных событий. Это побудило меня записать все, что произошло наиболее замечательного со дня кончины императрицы Екатерины по настоящее время.

Начинаю.

16 мая 1727 г. скончалась Екатерина (возведенная на престол пристрастием к ней Петра I), и преемником ее был Петр II, законный наследник этой обширной империи. Этот государь родился в 1715 г. от брака царевича с принцессою Вольфенбюттельской, и в момент вступления на престол ему было только 11 лет с половиною. Ввиду этого обстоятельства вторым пунктом своего завещания Екатерина учредила над молодым государем до достижения им 16-летнего возраста опеку регентства, которое составляли царевны, ее дочери Анна и Елизавета Петровны, герцог Голштейнский, муж Анны, принц Голштейнский, епископ Любский и жених Елизаветин, и Верховный совет, состоявший тогда из шести членов, а именно: из князя Меншикова, генерал-адмирала Апраксина, государственного канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, действительных тайных советников князей Дмитрия Михайловича Голицына и Василия Лукича Долгорукого. Это регентство только однажды собралось в полном составе, а именно в день кончины императрицы Екатерины: занятия его ограничились утверждением духовного завещания, которое через два же часа потом было нару-

шено. По завещанию требовалось положительно, что все дела решались не иначе как большинством голосов, но это не нравилось князю Меншикову; он хотел всем управлять один, распоряжаться по своему усмотрению, предоставляя другим только честь повиноваться его приказаниям. Ему не трудно было успеть в этом намерении, так как никто не смел ему противоречить, не подвергаясь гибели. Тотчас же после кончины Петра I Меншиков захватил власть в свои руки, и чтобы удержать ее за собою, он склонил императрицу Екатерину к принятию одной из дочерей его в супруги императору. В ее завещании есть об этом статья. В самый день кончины императрицы Меншиков перевел государя на жительство в свой дворец, для того чтобы никто не имел доступа к Е. В. без его, Меншикова, позволения. Между тем герцог Голштейнский и министры радовались своей удаче чрез завещание императрицы Екатерины, давшей в их руки регентство; они воображали, что на их стороне будет лежать перевес голосов, так как во главе управления и председательницею совета была герцогиня. Однако Меншиков перехитрил их и заблаговременно принял свои меры.

В России есть обычай: при каждой перемене царствования или министерства давать свободу нескольким заключенным. Следуя этому обыкновению, Петр II приказал освободить свою бабушку, императрицу Евдокию Федоровну из рода Лопухиных. (В 1696 г. Петр I развелся с нею и заключил ее в монастырь.) Император назначил ей приличный ее сану двор и приглашал ее в Петербург. Однако она предпочла остаться в Москве, потому что не любила новой столицы, да и министры, по-видимому, не хотели допустить ее вмешиваться в дела. Так она провела жизнь свою в уединении. Близкие родственники ее, Лопухины, тоже были вызваны из изгнания, в котором находились уже несколько лет. Эти милости были оказаны против желания Меншикова, по внушению некоторых членов Верховного совета, которым удалось расположить молодого государя в пользу бабушки и ее родственников и склонить его к требованию, чтобы они были освобождены из заточения. Все это не нравилось князю Меншикову, однако он не осмелился открыто противиться этим распоряжениям. Зато уж он сам не имел ни минуты покоя. Зная общую к себе ненависть, он ежеминутно страшился какого-нибудь неожиданного удара.

Еще в предыдущее царствование несколько знатных лиц составили было заговор против Меншикова. Хотели склонить императрицу, чтобы она удалила его от дел. Лица, вступившие в этот заговор, были все употреблены Петром I в деле царевича; опасаясь за это мщения Петра II, если он вступит на престол, они намеревались убедить Екатерину, чтобы она отправила его за границу для науки, но тайно решили в случае смерти Екатерины в его отсут-

ствие исключить его от наследства и возвести на престол герцогиню Голштейнскую.

Дело происходило во время отсутствия Меншикова, находившегося в Курляндии. Опасаясь, как бы по возвращении он не уничтожил их замысла, они постарались и успели внушить императрице такое дурное о нем мнение, что ее величество подписала уже указ об аресте Меншикова на пути его в Петербург. Но по какому-то особенному для Меншикова счастью, граф Бассевич, первый министр герцога Голштейнского, находил, что нужно непременно вступить за этого любимца; он успел склонить к тому своего государя, который и выпросил у императрицы прощение Меншикову. Возвратясь ко двору, Меншиков узнал о кознях своих врагов; приказал произвести розыскания, и все приверженцы голштейнского дома были арестованы и строго наказаны. Зять Меншикова, португалец по имени Девьер, также генерал Писарев были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь, а имение их конфисковано. Действительный тайный советник Толстой да сын его и генерал Бутурлин и другие еще лица были отправлены в Сибирь. Граф Александр Нарышкин и генерал Ушаков сосланы в их поместья. Говорят, что граф Бассевич, слишком доверяясь Меншикову, передал ему слышанное им от некоторых знатных лиц уверение в их добром расположении к герцогине. Меншиков тотчас же воспользовался сообщением и пресек все их меры. Это чрезвычайно устрало лица, которые еще оставались привержены голштейнскому двору, но в то же время исполнило их не только недоверия, но даже презрения к графу Бассевичу.

Меншиков не удовольствовался наказанием своих врагов; он хотел оставить память о том всей России и тем отнять у всякого охоту вредить ему и впредь. Вследствие этого Верховным советом был издан манифест, которым предостерегали вступать в опасные сношения, угрожая виновным еще строжайшим против прежних примеров наказанием. Этот указ подписан 6 июня, и в тот же день состоялось обручение молодого императора с дочерью князя Меншикова. Отец невесты воображал себя на вершине блаженства. Только еще один план оставалось ему выполнить, после чего он мог считать себя вне всякой опасности, а именно: он хотел женить своего сына на великой княжне Наталии, сестре императора. Таким образом он надеялся передать русский престол своему потомству. План был ловко обдуман, однако не удался.

Между тем Меншиков пожаловал себя в генералиссимусы сухопутных и морских сил. Одни только герцог и герцогиня Голштейнские возбуждали его подозрения; он опасался, как бы не образовалась в пользу герцогини партия, которая могла разрушить его великие, обширные замыслы. Полагая, что, напротив, если они будут принуждены уступить ему поле битвы, то уже никто не осме-

лится бороться с ним, Меншиков вдруг перестал их щадить. Делая им всяческие затруднения, он заставил их, наконец, выехать из России. Но отъезд их не уменьшил числа его врагов; вся нация уже успела возненавидеть его.

Меншиков постарался окружить императора своими приверженцами, людьми, обязанными ему своим счастьем. Тем не менее доступ к государю имели многие лица, принадлежавшие к тем старинным фамилиям, которых Меншиков не пощадил. Скорбя об изгнании своих родственников, эти лица не упускали случаев обратить внимание молодого государя на самовластные действия Меншикова, на его надежды упрочить свою власть через брак императора с его дочерью, так же как и на то, что, судя по его честолюбию, он, пожалуй, вздумает завладеть и престолом. Императора просили не выдавать тайны, что он и обещал, скрывая покуда свои намерения до первого удобного случая. Случай этот представился по легкомыслию или ужасной неосторожности самого Меншикова.

Не помню, по какому случаю цех петербургских каменщиков поднес императору в подарок 9000 червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру, и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Случилось последнему повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несет деньги. На ответ придворного Меншиков возразил: «Государь, по молодости лет, не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним». Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил его приказание.

На другое утро царевна Наталия, по обыкновению, пришла навестить брата. Только что она вошла к нему, как государь спросил ее: разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царевна отвечала, что не получала ничего. Это рассердило императора. Приказав призвать придворного, он спросил его, куда девались деньги, которые ему велено было отнести к княжне. Придворный извинялся тем, что деньги отнял у него Меншиков. Это тем более раздражило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него, как смел он помешать придворному в исполнении его приказания. Не привыкший к такого рода обращению, князь был поражен как громом. Однако он отвечал, что, по известному недостатку в деньгах в государстве и истощению казны, он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег, и прибавил: «А если вашему величеству угодно, то не только прикажу возратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из собственной своей казны миллион рублей». Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногой, он сказал: «Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения».

Затем, отвернувшись, ушел; Меншиков пошел за ним и так упрасивал его, что он на этот раз смягчился; но мир продолжался недолго.

Спустя несколько дней Меншиков опасно заболел, чем и воспользовались его враги для окончательной его гибели. Князья Долгорукие, в особенности князь Иван, в то время уже входивший в большую милость, совершенно погубили его в мнении государя. Все эти козни были известны Меншикову, так же как и потеря его значения, но он надеялся не сегодня-завтра войти в милость и произвести впечатление на императора своим обычным повелительным тоном.

По выздоровлении своем Меншиков сделал другую ошибку. Вместо того чтобы отправиться в Петергоф, куда переехал двор во время его болезни, он поехал в Ораниенбаум, загородный дворец свой, в восьми верстах от Петергофа. У него тут строилась церковь, которую он хотел освятить. На эту церемонию приглашены были император и весь двор. Но так как врагам Меншикова недаром грозила месть его в случае примирения его с государем, то они научили последнего отказаться от приглашения под предлогом нездоровья, что он и сделал. Меншиков, однако, еще не видел в этом доказательства совершенной немилости; он снова поступил неосторожно, заняв во время церемонии место в виде трона, предназначенное для императора. И это обстоятельство выставили на вид его враги и тем довершили его погибель.

Вечером того же дня Меншиков поехал в Петергоф, но не застал там императора, которого увезли на охоту. Обратившись к Остерману, он завязал с ним резкий и грубый разговор. Этот день и следующий Меншиков остался в Петергофе, но император не возвращался туда. Между тем, встречая всюду холодное выражение лиц, Меншиков решился возвратиться в Петербург, может быть в той уверенности, что там он будет грознее, нежели в среде придворной. Действительно, прибыв в столицу, он, вместо того чтобы разыгрывать роль впавшего в немилость царедворца, напротив, все утро провел в посещении коллегий и в отдаче разных приказаний; особенно занялся он распоряжениями для приема императора в своем дворце, полагая, что государь по-прежнему будет жить у него по возвращении своем в город. Но около полудня приехал генерал Салтыков с приказанием взять из дома Меншикова царскую мебель и перенести ее в летний дворец. Это сразило князя как громом, он совершенно потерялся, особенно когда, в довершение удара, ему возвратили мебель его сына, который по должности обер-камергера жил при государе.

В своем смятении он худо сделал, что распустил по квартирам свой Ингерманландский полк, который он расставил было для сво-

ей безопасности близ своего дворца на Васильевском острове*. Этот полк, которого Меншиков считался полковником с самого начала его образования, был вполне ему предан, и то верно, что он внушал немало уважения врагам князя.

На другой день император возвратился в Петербург. Снова послан был генерал Салтыков с объявлением Меншикову, что он арестован. Жена его и дети поспешили в летний дворец, чтобы броситься к ногам императора, но их не допустили до него.

Между тем князя уверили, что его лишают только должностей, но имущества его не тронут и ему позволяют провести остаток жизни в Раненбурге, хорошеньком городке на границе Украины, им же построенном и даже несколько укрепленном. Пока князь оставался в Петербурге, ему не мешали распоряжаться своим имением, так что когда он выехал отсюда, то по обозу его нельзя было заключить, что едет опальный вельможа. С ним ехало все его семейство и большое число слуг. По всему обращению с ним в первые дни путешествия казалось, что ему не желали большого зла. Когда же он прибыл в Тверь, город, лежащий на пути из Петербурга в Москву, то нашел там повеление наложить печати на все его имущество с оставлением ему только необходимого. Стражу его удвоили и стали внимательнее наблюдать за ним в дороге.

Едва прибыл он в Раненбург, как ему подали кипу бумаг с обвинениями против него, и по следам его ехали лица, назначенные судить его. Его приговорили к ссылке в Березове, самом отдаленном местечке Сибири. Жена его, лишившись зрения от слез, умерла в дороге, остальное семейство провожало его до места ссылки. Он перенес свое несчастье с твердостью, которой в нем не предполагали, и из худосочного, каким он был прежде, стал здоровым и полным. На его содержание было назначено по десяти рублей в день; этой суммы было так достаточно, что сверх собственных нужд он мог откладывать из нее на расходы для постройки церкви, над которой сам и работал с топором в руке. Умер Меншиков в ноябре месяце 1729 г. от прилива крови, так как во всем Березове не нашелся человек, который сумел бы пустить ему кровь.

О происхождении Меншикова существует общее мнение, что он сын крестьянина, отдавшего его в учение пирожнику в Москве, и что он, распевая, разносил по городу пироги, что он был замечен Петром I и понравился ему своими ловкими и острыми ответами. Царь отдал его в услужение Лефорту, а от него взял к себе и малопомалу составил его счастье.

---

* Васильевский остров составляет часть города Петербурга. Петр I подарил его даже весь Меншикову, но потом взял его обратно, полагая выстроить на нем весь Петербург; но план этот не состоялся. — *Примеч. авт.*

Другие же утверждают, будто отец Меншикова находился на военной службе при царе Алексее Михайловиче, а сам Меншиков служил конюхом при дворе царя, так как очень часто дворяне служили при царских конюшнях. Петр I, часто обращаясь к Меншикову, заметил остроумие в его ответах и поэтому перевел его из конюшни на службу при своей особе; открыв затем большие дарования в Меншикове, Петр в течение немногих лет возложил на него высшие государственные должности.

Я всегда находил первое мнение более близким к правде. Несомненно верно, что Меншиков низкого происхождения; он начал с должности слуги, после чего царь взял его в солдаты первой регулярной роты, названной им потешной. Отсюда уже царь взял его к себе, оказывая ему полное доверие, так что во многих случаях Меншиков управлял Россией так же деспотически, как сам государь. Однако в последние годы царствования Петра I значение Меншикова заметно умалилось; полагают даже, что если бы жизнь этого государя продлилась еще несколько месяцев, то произошли бы снова большие перемены при дворе и в министерстве.

Из следующего изображения Меншикова каждый может заключить, какие качества брали у него верх: дурные или хорошие.

Меншиков был сильно привязан к царю и сочувствовал его правилам относительно просвещения русской нации. С иностранцами, если только они не считали себя умнее его, он был вежлив и любезен. Он также не трогал русских, умевших гнуть спину. С низшими обращался кротко и никогда не забывал оказанной услуги. В самых больших опасностях обнаруживал всю надлежащую храбрость и, раз полюбив кого-нибудь, становился его усердным другом.

С другой стороны, честолюбие его было безмерно; ни выше себя, ни равного он не терпел, а тем более человека, который вздумал бы превзойти его умом. Алчности был ненасытной и враг непримиримый. В уме у него не было недостатка, но отсутствие воспитания сказывалось в его грубом обращении. Любостяжание его часто производило неприятные для него столкновения с Петром I, который не один раз подверг его произвольному штрафу. Несмотря на то, после его заточения у него найдено до трех миллионов рублей как наличными деньгами, так серебряной посудой и драгоценными камнями. Меншиков имел сына и двух дочерей. Из них бывшая невеста императора скончалась при жизни отца; другая в царствование императрицы Анны вышла замуж за Густава Бирона, брата Курляндского герцога. Она умерла в начале 1737 г. Сын Меншикова служил майором в гвардии. Пока отец его был в счастии, все находили его умным, хотя в то время он был еще очень молод; но со времени опалы и смерти отца находят, что едва ли кто во всей России

глупее его. Из ничтожества возвысившись до высших степеней, Меншиков мог бы с честью окончить свое поприще, если бы не увлекло его честолюбие до притязания возвести свое потомство на русский престол. Это тот самый камень преткновения, о который разбились, подобно ему, все следовавшие за ним любимцы, как это окажется далее.

Глава II

*Князя Долгорукие заступают место Меншикова. —
Отъезд императора в Москву для коронования. —
Интриги против Долгоруких. — Волнение украинских
казаков и сведения об этом народе. — Запорожские
казаки. — Донские казаки. — Кончина сестры
императора. — Император влюбляется
в княжну Долгорукую. — Император объявляет
о своем намерении жениться на княжне Долгорукой. —
Болезнь и кончина императора. — Княжна Елизавета,
невеста принца Гошштейнского. — Интриги князей
Долгоруких во время болезни
и после смерти императора.*

1727—1730 гг.

По завещанию Екатерины Петр II должен был находиться под опекою регентства. Не находя это удобным для себя, Меншиков один захватил всю власть и правил всем один. После его падения не было уже и речи о регентстве: император хотел управлять непосредственно от своего имени. Каждая из старинных фамилий надеялась преимущественно перед другими заслужить доброе расположение к себе государя. Лопухины и Салтыковы, как близкие родственники императора, ожидали, что этого одного будет достаточно для получения первых мест. Но и те и другие обманулись. Князя Долгорукие, из которых некоторые по должности своей стояли близко к его величеству, тотчас же сумели воспользоваться случаем и сразу захватили, так сказать, все пути к императору.

Князь Иван (сын Алексея Долгорукого, действительного тайного советника и дядьки императора) был красивый молодой человек и живого характера. Ему часто случалось беседовать с молодым государем, который полюбил его и наконец так к нему привязался, что не мог ни минуты оставаться без его общества. Долгорукие не упустили воспользоваться этою привязанностью и стали во главе всех дел. Спустя несколько времени после ссылки Меншикова все семейства, сосланные им некогда в Сибирь по делу царевича, были

вызваны оттуда обратно и конфискованные их имения были им возвращены.

Немедленно после смерти Екатерины император пожелал ехать в Москву для коронования, но Меншиков всегда тому препятствовал, опасаясь, что в Москве он не мог бы так держать государя на своих глазах, как в своем доме в Петербурге, а враги князя как раз могли бы найти удобный случай погубить его. Теперь же, когда Меншиков был удален, отъезд в Москву был назначен в январе 1728 г. — 20-го числа этого месяца двор выехал из Петербурга, но на дороге император заболел корью, что заставило его на две недели остановиться в Твери; не ранее 15 февраля мог совершиться торжественный въезд его в Москву.

С крайней завистью смотрела остальная знать на сильное влияние Долгоруких. Но как ни приводили в действие разные пружины, влияние это не успевали уничтожить.

7 апреля к одним из московских ворот подкинута было безымянное письмо с надписью на конверте, что содержание его чрезвычайной важности для государства. В этом письме с пространными подробностями оправдывали образ действий Меншикова и в то же время старались внушить недоверие к тогдашним министрам и любимцам. Однако этот случай только усилил влияние Долгоруких, заставя их, впрочем, быть еще осторожнее прежнего.

Князь Иван внимательно изучал наклонности своего государя. Стараясь каждый день доставлять ему новые удовольствия, он этим приобрел полное и исключительное к себе доверие молодого Петра, который пожаловал его в обер-камергеры и дал ему андреевскую ленту. Между тем этот же князь резким обращением и пренебрежением ко всем увеличивал число своих врагов.

Постигшая императора в августе болезнь встревожила все государство. Опасались за его жизнь, так как горячка, в которую он впал, была очень сильная. Однако на этот раз он избежал смерти. Недруги любимца тотчас же отнесли на его ответственность эту болезнь, уверяя императора, что его заставляют делать слишком много движения и от недостатка в отдыхе силы его слабеют; если он не переменит своего образа жизни, здоровье его окончательно расстроится.

В сущности, эти лица были правы. У императора была страсть к охоте, но Алексей Долгорукий, отец любимца, вместо того чтобы позволять ему предаваться ей умеренно, напротив, заставлял его по целому дню, а иногда и по несколько дней кряду рыскать по полям, от чего молодой государь сильно уставал и разгорячался. Телосложение его было так нежно, что ему трудно было привыкнуть к усиленному движению — в столь раннем возрасте.

Приблизительно около этого времени что-то зашевелились украинские казаки. После бунта Мазепы они так были принижены Петром I, что при жизни его не смели выходить из его власти. Зато теперь несовершеннолетие Петра II показалось им временем удобным, и они начали волноваться. Однако этой попытке был вскоре положен конец. Посланы были войска; самых богатых казаков и самых беспокойных схватили и сослали в Сибирь. Остальные просили помилования, которое и получили, но все-таки они должны были отправить в Москву многочисленную депутацию для исхода-тайствования им прощения. Во главе ее находился гетман, т. е. князь их. Мало того, ручательством их верности должны были служить оставленные ими заложники. В настоящее время нет надобности строго наблюдать за ними. После недавней войны с турками они так обессилены, что не скоро в состоянии будут снова восстать.

Про этот народ, может быть, мало знают. Поэтому я скажу о нем несколько слов.

Казаки разделяются на несколько категорий; известнейшие из них: донские, запорожские и украинские. Я говорил о последних. Они обитают Украину, или так называемую Малую Россию — бесспорно, один из прекраснейших краев в Европе. Одна половина принадлежит Российской империи, другая — Польше; обе доли разделяет река Днепр, или Борисфен, служа в то же время обоюдною границей. В прежнее время казаки были независимый народ. Происхождение их одинаковое с поляками, но веру исповедуют греческую. Когда этот народ не был разъединен, он мог поставить в поле полтора-два тысяч человек; все они служат на коне. Казаки долгое время находились под покровительством Польской республики и оказали ей важные услуги в войне с турками.

Когда же поляки вздумали поступать с ними как с рабами, они взбунтовались под предводительством гетмана Хмельницкого, который отдал себя под покровительство Порты, тому около ста лет. Спустя несколько лет, по смерти уже Хмельницкого, преемник его, Дорошенко, отдался России. Это было поводом к войне, которая кончилась разорением города Чигирина, в то время столицы Украины, около 1674 г. В первые годы затем они сохранили все свои привилегии и управлялись выбранным из своей среды гетманом. Когда же гетман Мазепа перешел на сторону шведского короля Карла XII, Петр I поставил этот беспокойный народ в такое положение, что у него была отнята всякая возможность выйти из-под власти царя. В настоящее время он почти не имеет привилегий и страна его считается завоеванным краем. После смерти в 1734 г. последнего гетмана, Даниила Апостола, казаки не имели уже права избрать себе другого гетмана. Над ними поставлено русское правление, имеющее

пребывание в Глухове. Теперь они могут выставить в поле до 22 000 человек конных. В последнюю войну с турками они на то только и были полезны русской армии, что увеличивали численность войска, и нельзя отрицать, что старинное их мужество совершенно исчезло. Во время последних походов они почти не исполняли другой службы, кроме подвоза припасов на армию.

Запорожские казаки обитают на островах Борисфена, или Днепра, и [занимают] небольшой край земли в стороне Крыма за порогами реки. Это смесь всякого народа, большая часть русские, поляки и украинские казаки. Они находились под покровительством когда турок или крымских татар, когда России. Если не ошибаюсь, они вновь покорились России после 1734 г.; до того они были в союзе с Портой со времени прибытия Карла XII в Бендеры.

Их вождь или начальник их республики называется кошевым атаманом; выбрав его из своей среды, они повинуются ему слепо столько времени, сколько им вздумается. Как скоро же он не может на них угодить, они отставляют его от должности без всяких формальностей и выбирают другого. С тех пор как они покорились России, не было у них начальника, которого не утвердило бы в этом звании глуховское правление; а главная причина частой смены кошевых, как справедливо полагают, то обстоятельство, что русский двор обязан каждому вновь избираемому кошевому дарить по семи тысяч рублей, которые кошевой обыкновенно делит между значительнейшими лицами из казаков в видах задобрить их. Очень часто кошевой находится в своей должности только несколько месяцев, после чего его отставляют и он становится наравне с простыми казаками. Бывали даже случаи, что убивали кошевых только потому, что они не понравились большинству. В военное время двор выдает им жалованье и во время походов снабжает припасами. У этих казаков только один секретарь, или скорее писарь, который один имеет право писать и получать письма. Если бы кто другой вздумал вести какую-либо переписку, его немедленно казнили бы смертью, хотя бы то был сам кошевой. Когда же к кому-либо из казаков приходит письмо, то его несут к писарю, который читает его вслух перед старшинами. Число войска, которое казаки могут поставить в поле, неопределенно. В последнюю войну с турками казаки доставили русской армии 8 000 человек конных. Впрочем, если они употребят все свои усилия, они могут выставить от 12 000 до 15 000 людей.

У них странные обычаи. Ни одному запорожскому казаку не дозволено иметь жену в пределах их края. Если же кто женат, того жена должна жить в соседнем крае, где казак может от времени до времени навещать ее, и то так, чтобы не проводали о том старшины. Всякий волен выйти из среды их, если ему там не живется, и не

обязан предупреждать о том кого бы то ни было. На его место придет посторонний, и он записывается в казаки без дальних околичностей, а только объявляет согласие свое подчиняться их обычаям и законам. Вот отчего они никогда не могут в точности определить свои силы. Все их общество делится на разные артели, и все находящиеся налицо в их станице казаки обязаны обедать и ужинать в общественных столовых. Они не терпят присутствия женского пола даже при посторонних, которые у них бывают. Во время войны русских с турками запорожцы допустили гарнизон регулярных войск в свою станицу, называемую Сечь, а эта станица не что иное, как укрепленная деревня. Начальствующий над гарнизоном подполковник Глебов вызвал к себе жену. Не успела она приехать, как толпа казаков окружила дом Глебова, требуя выдачи им женщин, которые там были, с тем чтобы каждый мог ими воспользоваться. Много стоило Глебову труда успокоить толпу, и то с помощью нескольких бочек водки. Но в то же время он должен был отправить жену обратно в предупреждение нового смятения.

Наказания у них так же странны, как их образ жизни. Они отъявленные воры и разбойники; но осмелся только кто украсть малейшую вещь у своего товарища, его привязывают к столбу на площади станицы, ставят подле него штоф водки, хлеб и несколько дубин. Каждый прохожий вправе задать ему столько палок, сколько ему угодно, после чего может дать ему выпить водки и поесть хлеба. В этом положении судьи оставляют виновного столько времени, сколько им заблагорассудится, иногда до пяти суток. Если после такой пытки он останется в живых, то снова вступает в свое общество. Вся эта вольница состоит из одних воров и бродяг, живущих грабежом как в мирное, так и в военное время. Гайдамаки, опустошающие Польшу, не что иное, как запорожские казаки. Русский двор не в силах помешать этим беспрерывным набегам — напротив, он принужден щадить запорожцев, чтобы они не изменили ему.

Донские казаки обитают местность между рекою Доном, древним Танаисом, и притоком его Донцом. Земля у них хорошая, есть несколько красивых городов и больших сел. Их столица называется Черкасск. Эти казаки по происхождению русские крестьяне, бежавшие сюда от своих господ, у которых жизнь казалась им слишком тяжкой. Здесь они образовали республику и впоследствии добровольно отделились под покровительство России. Двор относится к ним с кротостью и осторожностью. Эти казаки отличные воины. Они в состоянии поставить в поле до 15 000 человек конных. Россия пользуется ими с большою выгодой против турок и кубанских татар. Их начальник, или глава республики, называется войсковым атаманом и выбирается из числа знатнейших должностных лиц своей среды, но необходимо при этом утверждение двора.

Возвращаясь к истории императора. Ему очень нравилась Москва, так что он и не помышлял о возвращении в Петербург. Старинные русские были очень довольны этим; они ненавидели Петербург, стоивший им порядочной доли их богатства.

В начале декабря великая княжна Наталья, сестра императора, захворала и 14-го числа того же месяца скончалась. Все знавшие великую княжну согласны в том, что она подавала большие надежды и была умна не по летам. Она скончалась 14 лет и 4 месяцев от рождения. Утверждают, будто она часто выговаривала брату, что он слишком предается удовольствиям, и давала ему заметить, что Долгорукие такие же деспоты, каким был ненавистный Меншиков. Но, по молодости лет не способный управлять собою и весьма довольный доставляемыми удовольствиями, юный государь не обращал внимания на слова сестры. Он совершенно отдался Долгоруким; все от них зависело, и без их согласия никто не смел приближаться к императору.

Давно уже князь Иван Долгорукий старался устроить брак императора со своею сестрой, и это отчасти удалось ему. Катерина Долгорукая, не будучи совершенной красавицей, была очень хорошенькая девушка; росту выше среднего, стройная; большие голубые глаза ее смотрели томно. Сверх того, она не была лишена ни ума, ни образования. В эту-то княжну страстно влюбился Петр II. Государь часто ездил в имения своего любимца и там охотился, и в одно из этих путешествий Долгорукий дал завтрак государю в своей подмосковной деревне, пригласив туда и сестру свою. Он представил ее императору, который тут же решился жениться на ней.

19 ноября его величество объявил о своем намерении в присутствии всего совета. Спустя несколько дней государь приказал уведомить иностранных послов и всех имевших проезд ко двору, чтобы они явились с поздравлением. 30-го того же месяца во дворце Лефорта, где жил в то время император, происходило обручение с большою церемонией. Княжну привозили во дворец в придворном экипаже, а Новгородский митрополит отправлял богослужение. После этой церемонии государь и его невеста снова принимали поздравления от двора и иностранных министров. Конец 1729 г. и начало 1730 г. были рядом праздников и увеселений. Долгорукие воображали, что преодолели все препятствия, и располагали через несколько дней сыграть свадьбу императора, после чего нечего было им опасаться врагов и их козней. Но они обманулись в своих надеждах.

17 января император заболел оспой. Невежество врачей, принявших оспу за горячку, и излишняя живость самого государя были причиной его смерти. Он открыл у себя окно в то время, когда оспа стала высыпать; она скрылась, и затем последовала смерть 29 января по старому стилю, похитив государя во цвете лет.

Царствование Петра II продолжалось только 2 года и девять месяцев; несмотря на то что государь этот умер в очень молодых летах, весь народ много жалел о нем. Русские старого времени находили в нем государя по душе, оттого что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву. Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со всеми соседями; служить в войсках никого не принуждали, так что каждый мог спокойно наслаждаться своим добром и даже умножать его. За исключением некоторых вельмож, завистливо смотревших на могущество Долгоруких, вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах; государственная казна обогащалась, и Москва начала поправляться от разорения, причиненного ей пристрастием Петра I к Петербургу. Только армия да флот приходили в упадок и погибли бы, вероятно, вконец, если бы царствование это продолжалось в этом виде еще несколько лет.

По причине нежного возраста покойного государя трудно определить, каков был его характер. Впрочем, общий голос говорил, что сердце у него было доброе, ум живой и проницательный и отличная память. Слышанное им один раз уже затвердевалось в его памяти. Если бы при этих природных дарованиях дано ему было иностранное образование, нет сомнения, что из него вышел бы со временем великий государь. Петр I поручил воспитание его венгерцу по имени Секан, бывшему наставнику молодых графов Нарышкиных, но так как это семейство было сослано незадолго до смерти Екатерины, то и наставник должен был отправляться с ним. Императрица назначила воспитателем к Петру графа Остермана, а дядькой — князя Алексея Долгорукого. На Остермана возложено было преимущественно наблюдение за обучением; он исполнил эту обязанность со всем возможным старанием, насколько ему самому в этом не мешали и насколько позволяли ему другие возложенные на него дела.

Я позабыл упомянуть выше, что в завещании Екатерины заключалась также статья о браке цесаревны Елизаветы Петровны с принцем Голштейнским, епископом Любским, который находился в Петербурге уже несколько месяцев, и о выдаче ей в приданое 300 000 рублей. Но брак этот не состоялся по случаю смерти жениха, заболевшего 22 мая 1726 г. и умершего 1 июня. Этот принц был брат принцессы Цербстской и ныне царствующего шведского короля, и таким образом он приходился бы дядей теперешней великой княгине.

Говоря об этом предположенном браке, кстати упомянуть о двух других брачных проектах, задуманных для той же цесаревны. Первый из них возник еще при жизни Петра I и метил на французского

короля Людовика XV. Одни уверяют, будто Петр сделал предложение об этом союзе сам, но французский двор будто отклонил его. Другие же утверждают, что герцог-регент и французское министерство охотно бы содействовали этому плану и французскому министру в Петербурге, г-ну Кампредону, было поручено вести о том переговоры, но многие другие дворы, находя в этом союзе невыгоды для себя, интригами своими расстроили дело. По второму проекту, уже в царствование Петра II, имели в виду прусского принца крови, маркграфа Карла, но я не знаю, почему этот брак не состоялся.

В царствование же Петра II впервые через Ладожский канал прошли суда. Это то великое сооружение, которое начал Петр I с целью содействовать торговле центра его империи с Балтийским морем. Так как я буду еще иметь случай говорить об этом канале, то распространюсь о нем ниже.

Во все время царствования Петра II Россией управляли только Меншиков да Долгорукие. Первого ненавидело все государство за притеснение старинных фамилий и за безмерное честолюбие. Заменившие его в милости и власти князья Долгорукие переняли и его пороки, и конец их был еще трагичнее первого.

Долгоруких обвиняли в том, что они от всех скрывали болезнь императора до последней возможности, когда же увидели, что ему уже не встать, они сочинили завещание, которым обрученная невеста императора объявлялась императрицей и наследницей государства. Князь Иван подписал завещание от имени императора, так как и при жизни государя он привык уже подписываться за него, по его приказанию.

Лишь только Петр II закрыл глаза, как князь Иван вышел из комнаты и, со шпагой наголо, закричал: «Да здравствует императрица Катерина!» Но так как на этот возглас никто не отвечал, то он увидел тщетность своего плана, вложил шпагу в ножны, отправился домой и сжег завещание.

Очень многие уверяют, что никакого завещания не существовало, что это измышлено недругами Долгоруких с целью погубить их. Но так как в манифестах, изданных против этих князей, именно включено это завещание как один из главных предметов обвинения, то я и счел нужным упомянуть о том. Впрочем, это обстоятельство о выходе князя Ивана со шпагой в руке совершенно верно. Оно сообщено мне человеком, достойным доверия и к тому же принадлежащим к семейству Долгоруких. Вполне верно и то, что если бы в самом этом семействе не происходили ссоры, то княжна Катерина непременно вступила бы на престол. Но несогласие, господствовавшее между старшими членами семейства, повело к гибели их всех.

Глава III

Заседание совета и избрание Анны. — Условия, на которых избрана императрица Анна. — Болезнь графа Остермана. — Царевна Елизавета имела возможность вступить на престол. — Граф Ягужинский предупреждает императрицу о заключениях совета. — Приезд императрицы в Москву. — Императрица объявляет себя государынею самодержавною.

1730 г.

После смерти императора в одной из комнат дворца Лефорта, местопребывания Петра II в последние месяцы его жизни, собрались Верховный совет, Сенат и главные генералы армии, находившиеся в Москве. Государственный канцлер граф Головкин объявил собранию о кончине императора; после него князь Дмитрий Михайлович Голицын встал и сказал: «Так как со смертью Петра II потомство Петра I пресеклось в мужской линии, а между тем Россия страшно пострадала от деспотической власти, чему содействовали иностранцы, в большом числе привлеченные в страну Петром I, то следует верховную власть ограничить полезными законами и поручить императрице, которая будет избрана, царствование не иначе, как под некоторыми условиями».

Князь спросил, все ли собрание принимает предложение, и все дали свое согласие без малейшего противоречия. Затем князь Василий Лукич Долгорукий предложил вдовствующую герцогиню Курляндскую, объясняя это тем, что если короне приходится перейти в женское поколение, то справедливость требует отдать предпочтение дочерям царя Иоанна, старшего брата Петра I, а не дочерям последнего, и что герцогиня Мекленбургская* хотя и старшая, однако надобно иметь в виду, что она находится в замужестве за иностранным принцем, тогда как герцогиня Курляндская в настоящее время вдовствует и ей только тридцать шесть лет, так что она может вторично сочетаться браком и дать наследников престолу.

Истинная же причина, почему предпочтение дано герцогине Курляндской, была та, что она находилась в ту пору в Митаве и самая эта отдаленность позволяла устроить на досуге республиканскую форму правления.

---

* Герцогиня Мекленбургская в то время уже несколько лет проживала в Москве. Она разошлась со своим супругом в 1719 г. и возвратилась в Россию. — *Примеч. авт.*

По соглашению всех голосов решено было, что вся власть будет принадлежать Верховному совету, состоявшему из семи лиц (в этом числе большинство составляли Долгорукие и их родственники), и собрание постановило следующие условия.

1) Императрица Анна будет управлять не иначе как согласно с заключениями Верховного совета.

2) Она не будет ни объявлять войны, ни заключать мира.

3) Она не будет налагать новых податей, ни раздавать важных должностей.

4) Не будет казнить смертью дворянина без явной улики в преступлении.

5) Не будет конфисковывать ничего имущества.

6) Не будет располагать казенными землями, ни отчуждать их.

7) Не вступит в брак и не изберет себе преемника без соглашения по этим предметам Верховного совета.

Собрание назначило трех лиц для объявления императрице о призывании ее на престол и для предложения ей условий, на которых ей следовало царствовать. Депутатами были: от Верховного совета — князь Василий Лукич Долгорукий; от Сената — князь Михаил Голицын; от дворянства — генерал-лейтенант Леонтьев. Депутатам поручено было предложить императрице, чтобы она подписала вышеозначенные статьи и не брала бы с собою в Москву своего любимца, камер-юнкера Бирона.

Граф Остерман, не покидавший ни на минуту императора во время его болезни, как только он скончался, уехал к себе усталый и сказался больным, чтобы не участвовать в собрании совета и Сената, хотя он был вице-канцлером империи. Благодаря этим своевременным болезням, Остерман так долго держался в этой империи.

Несмотря на распоряжения Верховного совета, царевна Елизавета была бы императрицей, если бы она в первые минуты послушалась совета своего доктора, ныне графа Лестока. Как скоро Лесток узнал о кончине императора, он вошел в спальню царевны, спавшей в то время, разбудил ее, стал ее уговаривать собрать гвардию, показаться народу, ехать в Сенат и там предъявить свои права на корону. Но она никак не соглашалась выйти из своей спальни. Может быть, в то время она еще не имела достаточной твердости для исполнения такого великого предприятия. Впоследствии, как мы видели, она приобрела больше смелости. Но в то время она предпочитала свои удовольствия славе царствовать, и очень вероятно, что и впоследствии не подумала бы вступить на престол, если бы ее не тревожили в царствование Анны, а оставили бы жить спокойно посвоему. В это же время партия ее была почти бессильна; некоторые из вельмож империи открыто говорили, что Елизавета слишком молода для сана императрицы и что ее больше занимают удовольствия, нежели необходимые заботы о правлении.

Распорядившись, чтобы вся армия принесла присягу служить императрице не иначе как совместно с советом, члены этого учреждения думали, что этим они достаточно оградились от деспотического правления. До распухания собрания последовало еще запрещение под страхом смерти уведомлять новую императрицу о том, что было обсуждено и решено собранием. Только через депутатов государыня должна была узнать о своем избрании и об условиях, при которых она должна вступить на престол. Несмотря на то, генерал-поручик граф Ягужинский в ту же ночь отправил своего адъютанта Сумарокова в Митаву известить обо всем императрицу. Он ей писал, прося ее выехать из Митавы немедленно после данной депутатам аудиенции, принять все условия, какие ей будут предложены, и довериться его советам, а он между тем до прибытия ее в Москву постарается увеличить ее партию, которая не удовлетворяется правлением совета; что великий канцлер граф Головкин уже на ее стороне, так что когда ее величество приедет в Москву, все окончится по ее желанию.

Все дороги, идущие от столицы, так зорко стерегли, что Сумарокову стоило немало труда пробраться. Прохожих обыскивали, нет ли при них писем. Однако Сумароков так искусно перерядился, что его не узнали и пропустили. Таким же опасностям подвергался он на границе Курляндии у караулов, которым велено было задерживать всякого, кто прибыл бы по московской дороге. Он сделал большой объезд и, несмотря на препятствия, благополучно прибыл в Митаву. По милости всех этих задержек в дороге он едва успел передать императрице свои депеши, как приехали депутаты и стали просить аудиенции.

Не знаю, какими путями князь Долгорукий узнал, что из Москвы приезжал посланный и имел свидание с императрицей до депутатов. Он приказал разыскивать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послал за ним в погоню; его и привезли обратно в Митаву. Господа депутаты избили его, велели заковать в железа и отправить в Москву, где и Ягужинский был арестован и заключен в тюрьму.

Были люди, которые ставили в вину императрице выдачу Сумарокова депутатам, которым она открыла и причины, почему он был послан к ней. Я в этом постоянно сомневался. Однако справедливо и то, что во все время царствования Анны Сумароков оставался без должности и жил в нищете.

Императрица без труда согласилась подписать все, что ей представлено было от имени Верховного совета, не противоречила требованию оставить любимца своего в Митаве и распорядилась немедленным отъездом.

20 февраля императрица прибыла в село Всесвятское, в четырех верстах от Москвы, где она пробыла пять дней. Тотчас по ее

приезде члены совета с великим канцлером во главе отправились туда. Последний поднес императрице на золотом блюде андреевскую ленту со звездой. Увидев орден, императрица сказала: «Да, ведь я и забыла надеть его». Она взяла ленту и просила кого-то из окружающих надеть на нее, не допуская до этого никого из членов Верховного совета; когда же великий канцлер вздумал сказать ей речь, она велела ему замолчать. В тот же день она произвела в подполковники гвардии Преображенского полка графа Салтыкова, близкого родственника царицы-матери. Вот первые ее меры по вступлении на престол.

Судя по ее действиям в первые дни по прибытии в Москву, многие члены совета и Сената полагали, что императрица вполне удовлетворена ограничениями, положенными самодержавию. Она снова подписала все, чего требовал Верховный совет, показывая вид, что охотно покоряется всем условиям. Но втайне она действовала иначе. Оставленный было в Митаве, по требованию совета, любимец ее прибыл в Москву. Она употребляла всевозможные средства, чтобы составить себе большую партию. Гвардию старалась задобрить щедрыми подарками, которые раздавала офицерам, стоявшим каждый день на карауле при ее особе. Словом, она не упускала ничего, что вело ее прямо к цели, а цель эта была — возбудить несогласие между членами Верховного совета.

Все удалось ей по желанию. Им дали понять, что князья Долгорукие и их родственники одни извлекут пользу из ограничения могущества императрицы, что они для того и связали ей руки, чтобы утвердиться во власти, захваченной ими при Петре II, что из их семейства и так уже много членов находятся в составе как Верховного совета, так и Сената и что со временем и того больше их будет; что не следует забывать их поступков после кончины императора, когда они пытались передать царскую корону в свое семейство, а так как это им не удалось, то не теряли надежду успеть в своих планах со временем посредством ограничения верховной власти. Вместе с тем старались возбудить недоверие и в низшем дворянстве (которого численность велика в России), уверяя их, что пока власть будет находиться в руках Верховного совета, никто из среды этого дворянства не удостоится мало-мальски значительной должности, потому что каждый член совета норовит как бы раздать лучшие места своим родственникам да прихвостням, так что, собственно говоря, дворянство будет в рабстве у Верховного совета, тогда как если императрица провозглашена будет самодержавною правительницей, то последнему дворянину будут открыты пути к первым государственным должностям, совершенно наравне с первыми князьями; что примеры тому представляет царствование Петра I, когда уважались только истинные заслуги, и что если этот государь и бывал строг, то его к этому принуждали; низшее же дворянство никогда не стра-

дало при нем, напротив, в его царствование оно снова поднялось. Подобные тому соображения, выраженные кстати, конечно, производили желаемое действие.

Начались сборища гвардейцев, которые, начиная с офицеров до последних рядовых, принадлежат здесь почти все к дворянству; сотни помещиков-дворян собирались в домах князей Трубецкого, Бярятинского и Черкасского как лиц, к которым они имели наиболее доверия, и как сторонников императрицы. Эти господа продолжали разжигать их до 8-го числа марта, когда они нашли, что все подготовлено как следует. В этот день названные князья, став во главе шестисот дворян, отправились к императрице и, получив аудиенцию, стали ее просить о созвании Верховного совета и Сената для нового просмотра некоторых пунктов относительно управления.

Императрица дала свое согласие на это и вместе с тем поручила графу Салтыкову (генерал-поручику и подполковнику гвардии) расставить стражу у всех выходов и не позволять никому выходить из дворца. Кроме того, караулу велено было зарядить ружья пулями и всех приходивших во дворец предупреждали о принятых мерах. Между тем Верховный совет и Сенат успели собраться, и императрица велела допустить их к ней. Она приняла их в тронной зале. Тут граф Матвеев подошел к ее величеству и сказал, что имеет поручение от всего дворянства империи представить ей, что депутаты Верховного совета ввели ее в заблуждение; что так как Россия в продолжение веков была управляема царями, а не каким-либо советом, то все дворянство умоляет ее взять в руки бразды правления; таково желание и всего народа, чтобы дом ее величества царствовал над ним до скончания веков.

На эту речь императрица отвечала притворным удивлением. «Как, — спросила она, — разве не по желанию всего народа я подписала поднесенный мне в Митаве акт?» — «Нет», — отвечало собрание единодушно. Тогда она обратилась к князю Долгорукому со словами: «Так ты меня обманул, князь Василий Лукич?» Затем она приказала великому канцлеру принести подписанные ею бумаги; заставив его прочесть содержание вслух, она останавливала его после каждого пункта, спрашивая присутствующих, удовлетворяет ли это условие нацию. Но когда на каждый такой вопрос собрание отвечало отрицательно, императрица взяла бумаги из рук канцлера и, изорвав их, сказала: «Следовательно, эти бумаги лишние». И тут же прибавила: так как до сих пор русским государством управляло одно лицо, то и она требует тех же преимуществ, какими пользовались ее предки, что она вступает на престол не по выбору, как объявлял совет, а по праву наследства и что всякий, кто осмелится восставать против единовластия, будет наказан как государственный изменник. За этими словами последовало общее

одобрение, и во всем городе раздавались крики радости. Императрица прибавила еще увереннее, что и при полновластии своею она намерена управлять со всевозможной кротостью, что для нее не будет ничего дороже блага ее народов; что она всегда будет пользоваться благонамеренными советами своего Сената, в котором заседают такие опытные и дознанной честности лица, и что она будет прибегать к строгости только в крайних случаях. В предупреждение злонамеренных попыток, на всех улицах были расставлены караулы. Войска приведены были к новой присяге, и во все губернии были разосланы курьеры с объявлением о принятии императрицей самодержавия.

Глава IV

Граф Ягужинский освобожден. — Выздоровление графа Остермана. — Императрица Анна учреждает Кабинет. — Арест князей Долгоруких. — Печальный конец Долгоруких. — Коронование императрицы Анны. — Возвышение Бирона и его происхождение.

1730 г.

Первым делом императрицы по объявлении себя самодержавною государыней было выпустить графа Ягужинского из тюрьмы, куда его засадили по приказанию Верховного совета. Однако ему не тотчас возвратили его должности, а позже, по ходатайству графа Левенвольде у императрицы, как это рассказано будет ниже.

Вслед за объявлением Анны самодержавною императрицей, когда и в столице все успокоилось, граф Остерман совершенно выздоровел. Глаза перестали у него болеть и стали зорки как никогда, и он был в состоянии исполнять все то, чего от него хотели. Ловкий политик, он сумел увернуться от заседания в Верховном совете, собравшемся после кончины Петра II, а когда императрица прибыла в Москву, она поручила Остерману составить план интриги, которая повела бы ее к самодержавию. Остерман согласился и, несмотря на болезнь свою, так хорошо повел дело, что оно имело тот счастливый конец, о котором рассказано выше. Бывший впоследствии посланником в Копенгагене г. Корф имел поручение все советы графа Остермана передавать Бирону, а секретарь канцелярии, Хрипунов, как посвященный в тайну, сообщал обо всем великому канцлеру. Услуга Остермана доставила ему благорасположение и доверие императрицы, которые он сохранил во все время ее царствования.

(В царствование Екатерины и Петра II Сенат приобрел большую силу благодаря тому, что оба царствующие лица очень были довольны сложить с себя бремя правления, только бы оставили им свободу

предаваться своим удовольствиям. Петр II к тому же и по несовершеннолетию своему не в состоянии был управлять таким обширным государством. Не такою была Анна. Она хотела вникать во все дела и судить обо всем собственными глазами или, скорее, глазами своего любимца. Поэтому было необходимо ограничить власть Сената, тем более что императрица лично была им недовольна, так как большая часть членов Сената имела намерение ограничить самодержавие. Она учредила высший совет под названием Кабинета, без согласия которого ни одно существенное дело не могло быть решено.) Он состоял из трех членов: великого канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и действительного тайного советника князя Черкасского.

В речи, сказанной императрицей по случаю принятия ею самодержавия, она обещала править государством с кротостью и прибегать к строгим наказаниям только в крайних случаях.

А между тем она не могла забыть, что князья Долгорукие осмелились мечтать о короне для княжны их дома, а когда это не удалось, то пытались подорвать самодержавное правление, чтобы продолжать господствовать под другим именем.

Все князья Долгорукие, замешанные в деле совета, были арестованы одновременно. Нарядили над ними суд и обвинили их в разных преступлениях, между прочим в том, что они отклонили покойного императора от изучения полезных для него наук и обогащения себя сведениями, необходимыми для управления, что они расстроили его здоровье частыми поездками на охоту и тем были причиною его преждевременной кончины; кроме того, они, из видов честолюбия, намеревались женить государя до его возмужалости на княжне своего дома и, наконец, раздавали важнейшие должности своим родственникам и клеветам, и проч.

На этот раз императрица даровала им жизнь. Бывшую невесту императора заперли в монастырь. Князь Иван, бывший обер-камергер и любимец императора, его отец, дяди, вообще все ближайшие их родственники были сосланы: кто в свои поместья, кто в Березов или другие отдаленные места Сибири. Запрещена была всякая переписка с ними без особенного разрешения двора. Фельдмаршал Долгорукий и брат его, тайный советник, не подверглись опале. Но спустя немного времени случилось фельдмаршалу высказаться несколько свободно, за это он был арестован и отвезен в крепость Ивангород близ Нарвы. И брат его не удержался. Несколько лет спустя арестовали и его и отправили в Шлиссельбург. Оба они оставались в тюрьме до восшествия на престол Елизаветы. (Доносчиком на фельдмаршала Долгорукого был принц Гессен-Гомбургский, который, подольщаясь ко двору, донес о несколько непочтительных словах, сказанных Долгоруким об императрице.) Кабинет издал приказ,

которым воспрещалось повышать военным чином кого-либо из Долгоруких без непосредственного повеления двора.

Это несчастное семейство провело восемь лет спокойно в своей ссылке, как вдруг императрице понадобился один из них. Князь Сергей Григорьевич уже несколько раз был в различных посольствах во Франции, в Вене и Лондоне. Его призвали в Петербург, намереваясь отправить в Англию. Накануне его отъезда какой-то тайный враг притянул его к суду, и не его только, но и все семейство. Не дав ему уехать, его арестовали и увезли в Новгород, а заодно и семейство его. Возобновили старое обвинение в составлении подложного завещания императора в пользу княжны Катерины, и хотя оговорили, что завещание это не было представлено собранию совета и Сената, однако оно доказывало их вредные замыслы; мало того, они из ссылки своей поддерживали незаконную переписку с иностранными землями и пр. Князей Василия и Ивана (того, что был любимцем) колесовали, двое других четвертованы, еще двое или трое наказаны другого рода смертью.

Этот переход от освобождения к казни, без сомнения, покажется странным; я постараюсь несколько объяснить дело. Пока Долгорукие оставались вдали от дел, враги их не трогались; но едва императрица вызвала одного из них, как это возбудило в противной стороне опасения, как бы они снова не восстали от падения и не взяли силу. Поэтому все было употреблено для их гибели, и с успехом, как мы видели. Говорят, будто Волынский всего более содействовал их гибели, но истинная причина все-таки будет заключаться в злом сердце Бирона, который никогда не мог им простить их требования, чтобы императрица не брала его с собою из Митавы; притом же он опасался, как бы они не положили преграды тем великим планам, которые он надумал при объявлении его герцогом Курляндским.

Фамилия князей Голицыных, родственников и свойственников князей Долгоруких, тоже пострадала от падения последних. Сначала никого из них никуда не сослали, но их удалили от двора и от дел и дали в управление области около Казани и в Сибири. Во все время царствования императрицы Анны Голицыны не могли оправиться.

Когда водворилась прежняя тишина, императрица короновалась в Москве, в соборной церкви, 28 апреля старого стиля. Венчал ее на царство архиепископ Новгородский в качестве митрополита Российской империи.

Бирон, несколько лет служивший камер-юнкером, в бытность императрицы герцогинею Курляндской был пожалован в графы, получил голубую ленту и должность обер-камергера, которая оставалась вакантной после ссылки князя Ивана Долгорукого. Так как

этот самый Бирон играл значительную роль при петербургском дворе, то я намерен короче с ним познакомиться.

Его дед по фамилии Бирен был первым конюхом герцога Иакова III Курляндского. Сопровождая всюду своего господина, Бирен успел заслужить его милость, так что герцог подарил ему в собственность небольшую мызу. У этого Бирена было два сына: один из них поступил в польскую службу и дослужился до генеральского чина, другой же, отец Бирона, о котором буду говорить, оставался на службе в Курляндии и сопровождал принца Александра, младшего сына герцога, в Венгрию в 1686 г. Принц был ранен под Будой и умер от ран. Служивший при нем в качестве конюшего с чином поручика Бирен привез имущество принца обратно в Курляндию. Тут ему дали должность капитана охотничьей команды, и благодаря наследованному им от отца небольшому поместью, он жил в довольстве. У него было три сына. Старший из них, Карл, начал службу свою в России, дослужился до офицерского чина и был взят в плен шведами в сражении с русскими. Нашедши способ бежать из тюрьмы, он направился в Польшу, поступил там в службу и дослужился до чина подполковника. Потом он поступил на русскую службу, где в скором времени повысился до генерал-аншефа. Это был грубейший человек: он весь был искалечен вследствие драк и ссор, которые затевал в пьяном состоянии и по грубости поступков. В России его боялись и избегали, потому что брат его был всецельный любимец. Второй сын, Эрнст-Иоганн, есть тот, который возвысился до звания герцога Курляндского и о котором я буду говорить подробнее ниже. Третий, Густав, был тоже генерал-аншефом в русской службе. Он начал служить в Польше, но когда императрица Анна вступила на престол, она вызвала его в Россию и пожаловала майором вновь образованного полка гвардии. Как брат любимца, он быстро повышался. Это был весьма честный человек, но без образования и недалекого ума.

Возвращаясь ко второму брату. Он провел несколько лет в кенигсбергском высшем училище, отсюда он бежал, чтобы не попасть под арест, которому подвергался за некоторые некрасивые дела. Возвратясь в Курляндию, он убедился, что не может существовать без службы, поэтому в 1714 г. отправился в Петербург. Здесь он домогался должности камер-юнкера при дворе кронпринцессы, супруги царевича. Однако такое домогательство со стороны человека столь низкого происхождения показалось слишком дерзким; ему отвечали презрительным отказом и посоветовали даже скорее убраться из Петербурга.

По возвращении в Митаву он познакомился с г. Бестужевым (отцом великого канцлера), обер-гофмейстером двора герцогини Курляндской; он попал к нему в милость и пожалован камер-юнке-

ром при этом дворе. Едва он встал таким образом на ноги, как начал подкапываться под своего благодетеля; он настолько в этом успел, что герцогиня не ограничилась удалением Бестужева от двора, но еще всячески преследовала его и после, отправив Корфа нарочно в Москву жаловаться на него. А Бирен своею красивой наружностью в скором времени так вошел в милость у герцогини, полюбившей его общество, что она сделала его своим наперсником. Курляндское дворянство исполнилось зависти к новому любимцу; некоторые лица пытались даже вовлечь его в ссору. Необходимость иметь поддержку в дворянстве заставила Бирена искать союза в одной из древних фамилий. Несколько раз ему отказывали; наконец он навязался фрейлине герцогини, девице Трейден, на которой и женился еще до получения согласия ее родителей. Теперь он надеялся, что дворянство примет его в свою среду, однако встретил жестокий отказ.

Русское министерство так же его не терпело, как и курляндское дворянство. Всех возмутил его поступок с Бестужевым, от этого и в Москве его ненавидели и презирали. Дело дошло до того, что незадолго до кончины Петра II, когда Корф ходатайствовал об увеличении содержания герцогине, министры Верховного совета объявили ему без обиняков, что для ее императорского высочества все будет сделано, но что не хотят, чтобы Бирен этим распоряжался.

Выше было упомянуто, что в числе условий, которые депутаты должны были предложить новой императрице, было и то, чтобы она оставила своего любимца в Митаве. Хотя она и дала на это свое согласие, однако Бирену приказано было следовать за нею не в дальнем расстоянии, а как скоро императрица объявила себя самодержавною, Бирен был пожалован в камергеры, затем в день коронавания возведен в высшие должности, как упомянуто ранее.

Когда герцог Фердинанд Курляндский, последний потомок дома Кетлеров, умер, Бирен происками своими добился избрания в герцоги. Таким образом, он стал владетельным государем той самой страны, которой дворянство несколько лет перед тем отказалось принять его в свое сословие. В то время, когда он стал подвигаться на поприще счастья, Бирен присвоил себе имя и герб французских герцогов Бирон. Вот какой человек в продолжение всей жизни императрицы Анны и даже несколько недель после ее кончины царствовал над обширною империей России, и царствовал как совершенный деспот. Своими сведениями и воспитанием, какие у него были, он был обязан самому себе. У него не было того ума, которым нравятся в обществе и в беседе, но он обладал некоторого рода гениальностью, или здравым смыслом, хотя многие отрицали в нем и это качество.

К нему можно было применить поговорку, что дела создают человека. До приезда своего в Россию он едва ли знал даже название

политики, а после нескольких лет пребывания в ней знал вполне основательно все, что касается до этого государства. В первые два года Бирон как будто ни во что не хотел вмешиваться, но потом ему полюбили дела и он стал управлять уже всем. Он любил роскошь и пышность до излишества и был большой охотник до лошадей. Имперский посланник Остейн, ненавидевший Бирона, говорил о нем: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит как человек; когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается как лошадь». Характер Бирона был не из лучших: высокомерный, честолюбивый до крайности, грубый и даже нахальный, корыстный, во вражде непримиримый и каратель жестокий. Он очень старался приобрести талант притворства, но никогда не мог дойти до той степени совершенства, в какой им обладал граф Остерман, мастер этого дела. После довольно пространного отступления пора продолжать прерванную историю.

Глава V

Преобразование кавалергардов и образование двух новых гвардейских полков. — Кончина фельдмаршала князя Голицына. — Размолвка графа Ягужинского с Бироном. — Принц дон Эмануил, инфант португальский, приезжает в Москву. —

Принцесса Анна переходит в православную веру. —

Присяга по поводу назначения преемника. —

Двор переезжает из Москвы в Петербург. —

Примеры строгости императрицы. — Семейство Меншикова и некоторые другие вызваны из ссылки. — Граф Миних пожалован в фельдмаршалы. — Основание кадетского корпуса. — Образование трех кирасирских полков. —

Увеличение жалованья русским

офицерам. — Новый военный штат. —

Союз дворов петербургского и копенгагенского. —

Китайское посольство. — Возвращение завоеванных

у Персии областей. — Раздор с Польшей по поводу

герцогства Курляндского. — Путешествие двора

по Ладожскому каналу и описание канала.

1731—1732 гг.

Императрица Анна преобразовала кавалергардский корпус, сформированный Петром I по случаю коронации Екатерины, и на место его образовала конногвардейский полк, в который вступила большая часть офицеров кавалергардского корпуса, а прусский король

прислал несколько офицеров и унтер-офицеров для введения прусского учения. Императрица пожелала также увеличить гвардейскую пехоту и с этою целью велела сформировать новый полк из трех батальонов, дав ему название Измайловского (по имени подмосковного дворца). Полковником полка назначен граф Левенвольде, подполковником — Кейт, а майором — Густав Бирон. Офицерами были большей частью иностранцы, или лифляндские дворяне. Эти два гвардейских полка должны были служить противодействием остальным старым и сдерживать народ от попыток к мятежу.

В декабре Россия лишилась лучшего полководца из своего рода, фельдмаршала князя Голицына, умершего на 56 году от рождения. Это был человек с большими достоинствами, выказавший во всех случаях истинное мужество и величайшие военные способности. Ему обязаны победой над шведами при Лесном.

После услуги, оказанной графом Ягужинским императрице, как я рассказал выше, он надеялся, что его отличат преимущественно перед другими вельможами империи. Напротив того, ему некоторое время не возвращали прежних его должностей и, может быть, и совсем оставили бы без внимания, если бы ему не удалось расположить в свою пользу графа Левенвольде. Вот по поводу какого дела это случилось.

При заключении Ништадтского мира со Швецией Петр I утвердил привилегии лифляндцев со следующей оговоркой: «насколько они (привилегии) совместны с системой правления». Эта оговорка внесена также в патенты преемников Петра. Когда Анна вступила на престол, обер-шталмейстер граф Левенвольде, пользовавшийся ее вниманием, вздумал воспользоваться ее милостью, чтобы освободить свое отечество от упомянутого ограничения. Но граф Остерман, как верный министр, не допускал никакой перемены. Ягужинский воспользовался этим случаем, намекнув Левенвольде, что если ему, Ягужинскому, возвратят его прежнюю должность обер-прокурора Сената, то он берется окончить дело по желанию Левенвольде. Обер-шталмейстер без труда исходатайствовал у императрицы восстановление Ягужинского, а этот со своей стороны тоже сдержал слово и выхлопотал, чтобы подписали привилегии Лифляндии. После счастливого окончания этого дела Ягужинский, некогда один из первых любимцев Петра I, вообразил, что он может распоряжаться делами в такой же мере, как бывало при том государе, когда он в Сенате имел значение, почти равное императору; однако Кабинет не одобрил и не допустил этого притязания, да еще сделал ему по этому поводу довольно колкие замечания. Ягужинского взорвало; полагая, что всему причиною Бирон, который и без того не оказывал достаточного уважения его особе, он разгневался на любимца и в разных случаях стал довольно дурно отзываться о нем. Но так как

ему показалось, что он этим не довольно выместил Бирону, он решился и на большее. Находясь однажды за столом у гр. Бирона, Ягужинский, выпив лишнего, не удержался и насказал ему грубостей. Ссора дошла до того, что Ягужинский вынул уже шпагу против хозяина дома; их разняли, а Ягужинского отвезли домой.

Для всякого другого, кроме Ягужинского, это приключение окончилось бы весьма худо. Но императрица, не забывая оказанной им услуги, сделала ему только выговор за его проступок, а чтобы дать обер-камергеру время успокоиться, она отправила Ягужинского послом в Берлин. Когда, спустя несколько лет, умер великий канцлер гр. Головкин, то на его место в Кабинет был вызван Ягужинский. Так как в то время гр. Бирон за что-то сердился на гр. Остермана, то он примирился с Ягужинским, чтобы умалить значение Остермана, потому что оба министра никогда не были большими друзьями: их взаимная неприязнь возникла на Ништадтском конгрессе.

Когда Петр I в 1721 г. послал туда гр. Остермана, он предписал ему в инструкции настаивать на уступке Выборга, но не до того, чтобы прервать для этого переговоры. Остерман, постигая всю важность этой крепости, во всех своих реляциях не переставал представлять необходимость удержать ее за Россией и головою отвечал, что шведы в крайности уступят. Говорят, что на этот счет у него были верные сведения через измену одного шведского министра, который за то получил восемьдесят тысяч рублей. Действительно, в таком смысле были по этому предмету даны инструкции шведским уполномоченным. Остерман, знакомый со складом ума своего государя и зная о желании Ягужинского присутствовать на конгрессе, боялся, чтобы Ягужинский не воспользовался нетерпением Петра I покончить с войной и не заставил его уступить, а как в таком случае Ягужинскому же пришлось бы привезти с собою окончательные условия, то он сговорился со своим другом гр. Шуваловым, комендантом Выборга, и просил его, если Ягужинский туда придет, угостить и задержать его у себя сколь возможно долее, а его уведомить с курьером.

Как он предвидел, так и случилось. Ягужинский, падкий на гульбу, не отказался от приглашения и пробыл целых два дня в гостях. Предваренный Шуваловым, Остерман воспользовался этой неосторожностью. Он велел сказать шведам, что ему дан приказ покончить с делом в одни сутки, а не то прервать переговоры. Хитрость удалась; доведенные до крайности шведы согласились на уступку Выборга, и договор был заключен и подписан до приезда Ягужинского. Последнего это поразило как громовым ударом, и тем сильнее, что он не посмел и придраться ни к кому; это еще пуще его раздражило. Он не мог простить Остерману этой проделки. Впро-

чем, надобно отдать ему справедливость: когда он был назначен кабинет-министром, то находился, по крайней мере наружно, в ладах с Остерманом. Это согласие может быть приписано и болезненному состоянию обоих, не позволявшему им видаться друг с другом за стаканами, потому что, как скоро Ягужинскому приходилось выпить, уже ничто на свете не в силах было сдержать его запальчивость.

В начале 1731 г. в Москву прибыл принц дон Эмануил, инфант португальский, с намерением жениться на императрице Анне. Этот проект был делом имперского посланника, гр. Вратислава, писавшего о том в Вену, где в то время находился инфант. Имперский двор одобрил план и отправил принца в Россию. Здесь он был принят с подобающим отличием и всевозможными почестями, но о браке не хотели и слышать. Пробыв несколько месяцев в Москве, инфант возвратился в Вену.

Граф Бирон нисколько не одобрял проекта гр. Вратислава и в продолжение нескольких месяцев относился к нему очень холодно. К счастью, в то время венский двор не имел надобности в помощи России, иначе искательства его были бы безуспешны, потому что любимец не поддерживал интересов этого двора. Но вскоре дела приняли другой оборот, и во все время царствования Анны венский кабинет имел большое влияние на дела России.

Несмотря на то что лета позволяли императрице Анне вторично выйти замуж, она не хотела об этом и слышать, но зато позаботилась о выборе себе преемника. Первым делом ее в этом смысле было усыновить свою племянницу, дочь герцога Карла-Леопольда Мекленбургского и сестры ее Екатерины Ивановны. Эта принцесса отреклась от протестантства и имя Екатерины, полученное ею при крещении, переменила на имя Анны. В то время ей было только двенадцать лет, а между тем императрица уже выбирала ей супруга. Сначала выбор ее остановился на прусском доме, именно на маркграфе Карле; начались переговоры, и дело уже довольно подвинулось, как находившийся при берлинском дворе министр императора, маршал Секендорф, сообщил о том своему двору; этот, встревожившись, приказал Секендорфу всеми силами стараться расстроить дело. Это удалось благодаря многим интригам. А в супруги принцессе Анне двор предложил принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, племянника римской императрицы. С согласия русского двора этот принц приехал в Петербург в 1733 г. Когда он предпринимал это путешествие, казалось, счастье открывало ему свои объятия и его ожидало высочайшее благополучие, а между тем последующие события доказали, что он приехал в Россию как для своего собственного несчастья, так и для несчастья многих других лиц.

В конце 1731 г. велено было приводить весь народ к клятвенному обещанию признать того законным преемником царства, кого назначит императрица. Анна в этом случае поступала по примеру Петра I, приводившего к такой же присяге в 1722 г. Но последствия доказали, что подобная присяга не препятствует революциям. По случаю этой присяги все находившиеся в Москве полки ночью были расставлены по улицам, и при них пушки в предупреждение могущего возникнуть по поводу присяги мятежа.

Около этого времени императрица намеревалась заключить цесаревну Елизавету в монастырь, чтобы отнять у нее надежду вступить когда-либо на русский престол и утвердить корону на главе избранного ей преемника. Анна не без основания опасалась, что порядок престолонаследия, ею установленный, не удержится, покуда существует и находится при дворе дочь Петра I, потому что партия Елизаветы могла противопоставить ее тому преемнику, которого избрала бы императрица. Если б не граф Бирон, Елизавета была бы, без сомнения, принуждена постричься.

В январе 1732 г. двор выехал из Москвы в Петербург. Для этого путешествия выбрана была зима, так как в этой стране летние путешествия очень неудобны по причине обширных болот и комаров. Зимой из Москвы в Петербург, т. е. расстояние в 200 французских лье, можно очень удобно проехать в санях в трое суток. В свете нет страны, где бы почта была устроена лучше и дешевле, чем между этими двумя столицами. Обыкновенно везде дают на водку ямщикам, чтобы заставить их скорее ехать, а между Петербургом и Москвой, напротив, надобно давать на водку, чтобы тише ехали. За несколько дней до своего отъезда императрица пожелала поручить ведомство финансов генерал-поручику Румянцеву. Так как этот генерал всегда служил в армии, то он и извинился перед ее величеством, сказав, что он всегда готов служить своей государыне в военных делах, но для письма он, должен признаться, неспособен. Этот отказ оскорбил императрицу; она приказала Румянцеву сдать свои должности генерал-поручика и подполковника гвардии, отняла у него красную ленту св. Александра и сослала его в его казанскую деревню. В 1735 г. его вызвали из ссылки. Императрица возвратила ему ленту и назначила губернатором в Казань. В следующий за тем год ему дали управлять Украиной. Он участвовал в турецких походах 1737—1739 гг. под начальством фельдмаршала Миниха, как это будет изложено ниже.

Ссылка Румянцева напоминает мне двух лиц, испытавших ту же участь около того же времени. Первый из них был г. Фик, которого Петр I посылал в 1716 г. в Швецию для собрания сведений по многим предметам относительно управления этой страны. Этот государь имел намерение ввести в своих владениях те же постановления

относительно полиции и финансовой экономии, что употребительны в Швеции, но так как тамошние учреждения не имеют ничего общего с русским управлением, то спустя несколько лет Петр I бросил это намерение. Между тем г. Фик в бытность свою в Швеции успел пристраститься к республиканскому правлению, и когда после смерти Петра II Верховный совет занялся ограничением царской власти, он вздумал выказаться и завязал переписку с кн. Дмитрием Михайловичем Голицыным, предлагая ему советы о том, как утвердить новую систему. По объявлении императрицы Анны самодержавною государынею переписка Фика была обнаружена, к тому же он позволил себе отзываться слишком вольно о любимце. За все это он был арестован и без всякого суда отправлен в Сибирь, где оставался до восшествия на престол императрицы Елизаветы.

Другой был адмирал Сиверс, человек очень сведущий в мореходстве. От излишней осторожности он попал в беду. Я уже говорил, что Верховный совет приводил всех к присяге в том, чтобы служить императрице не иначе как в соединении с советом. Когда же императрица приняла самодержавие, она приказала привести всех к новой присяге. Так как посланный в Адмиралтейство курьер еще не успел приехать в одно время с тем, который был отправлен к военной коллегии, то Сиверс не решился приводить флот к присяге, желая сперва узнать обо всем происшедшем в Москве, и как скоро он получил ожидаемые приказания, то и исполнил все то, чего требовали от него. Хотя в его образе действия не было ничего достойного порицания, однако нашлись люди, сумевшие очернить его в мнении императрицы, объясняя его осторожность пренебрежением к приказаниям ее величества и как бы явным неповиновением; он впал в немилость, и ему приказали выехать из Петербурга в четыре часа. Жалованья его лишили и велели жить в небольшом своем поместье в Финляндии. Там он и умер в нищете после десятилетнего изгнания. У него было два сына: один служил во флоте, другой — в армии; обоих отставили от службы. Виновником несчастья Сиверса, как и Фика, считали графа Миниха.

После этих примеров строгости императрицы следует сказать и об оказанных ею милостях. Она вызвала из ссылки несколько семейств, сосланных в царствование Екатерины и Петра II, между прочим семейство Меншикова, которому она велела возвратить большую часть конфискованного имущества, несмотря на то что она имела причину быть недовольной князем Меншиковым, который в царствование Екатерины делал ей возможные неприятности.

Когда двор прибыл в Петербург, императрица усердно принялась за дело. Она хотела, чтобы во всей ее обширной империи все было приведено в лучший чем когда-либо порядок. Она начала с войска. Граф Миних, назначенный ею президентом военной коллегии,

после опалы фельдмаршала князя Долгорукого был пожалован в звание фельдмаршала и поставлен во главе всего военного ведомства. Императрица не могла сделать лучшего выбора, потому что благодаря стараниям этого генерала русская армия приведена в такой стройный порядок, какого прежде не бывало, и в войске водворилась дотоле столь чуждая ему некоторая дисциплина.

В видах образования хороших младших офицеров для армии Миних с самого начала 1731 г. предлагал устроить им рассадник посредством основания кадетского корпуса для юношей русского и лифляндского дворянства, также и для сыновей иностранных офицеров, которые согласились бы вступить на службу в корпус. Этот проект понравился и был одобрен. Миниху поручено главное управление корпусом, а в помощники ему дан генерал-майор барон де Люберас. Прусский король прислал офицеров и унтер-офицеров для первого устройства этого корпуса и обучения прусским военным приемам. Помещением для кадет был выбран дом Меншикова. Это здание обширно, и в нем удобно размещены 360 человек кадет и все офицеры и учителя корпуса. Это заведение — одно из лучших в России; молодые люди получают здесь очень хорошее воспитание, и обучают их не только телесным упражнениям, но, по желанию и по способностям, учат наукам и литературе. Выпущенные из корпуса офицеры оказываются, бесспорно, лучшими между остальными офицерами из русских.

По совету же графа Миниха императрица приказала образовать три кирасирских полка. До того времени в России такого рода войска не существовало, да она, я полагаю, могла бы и обойтись без него; эта кавалерия стоила больших издержек, а государство до сих пор почти не воспользовалось ею. Первый из этих полков был лейб-кирасирским, второй был дан графу Миниху, а третий — принцу Брауншвейгскому. Так как в России не водятся лошади настолько крепкие, чтобы они годились для тяжелой кавалерии, то пришлось их закупать в Голштейнском герцогстве, а для того чтобы привести эту кавалерию в порядок и устроить на прусский лад, король прусский прислал многих офицеров и унтер-офицеров для этих полков. Но король не ограничился тем только, что снабдил войско императрицы офицерами и унтер-офицерами как для кадетского корпуса, так и для кавалерии; спустя несколько времени он прислал ей инженерных офицеров, которые должны были войти в состав инженерного корпуса. Взамен этого он получил 80 человек рослых солдат для своего лейб-гренадерского корпуса.

Около этого времени императрица одобрила другой проект графа Миниха, состоявший в том, чтобы увеличить весьма скудное до того жалованье офицеров из природных русских. Петр I при образовании армии учредил три оклада жалованья: иностранцы, вновь

поступавшие на службу, получали высшее жалованье; те, которые родились в России — так называемые старые иноземцы, — получали меньшее, а природные русские — наименьшее; прапорщик имел не больше восьми немецких гульденов в месяц. Миних представил, что таким жалованьем невозможно содержать себя и что несправедливо было давать иностранцам большее жалованье против своих; и так уравнили всех, и жалованье русских было удвоено.

По совету же фельдмаршала Миниха предпринято было составление нового военного штата, которым армия была бы поставлена в более правильный против прежнего порядок. Двор назначил комиссию из нескольких генералов армии, которым было поручено составить этот штат под руководством Миниха. В 1733 г. штат был опубликован и введен в армию.

Императрица не довольствовалась тем, что привела в порядок свою армию; она хотела, чтобы и торговля процветала в ее государстве. Она уменьшила на треть ввозную пошлину на многие товары и возобновила все прежние торговые договоры.

Несогласие, господствовавшее уже несколько лет между петербургским и копенгагенским дворами, кончилось заключением в Копенгагене союзного трактата при посредничестве императора. Несогласия обоих дворов начались еще при Петре I. Еще будучи союзником датского короля, Петр I был недоволен им, а когда он решился выдать свою старшую дочь замуж за герцога Голштейнского, Петр вступился за интересы своего зятя против того двора. В том же духе действовали Екатерина и Петр I, так что согласие обоих дворов окончательно расстроилось. Когда же Анна вступила на престол, интересы герцога Голштейнского уже не возбуждали сочувствия ее двора, так что легко было согласить обе стороны. Этим трактатом король датский признал впервые императорский титул за русскими государями, а императрица обязалась ограждать все без исключения области, входящие в состав владений короля.

Около этого же времени в Петербург прибыло китайское посольство. Это было вообще первое при европейском дворе. Оно состояло из трех послов и многочисленной свиты. В прежние времена китайские дипломаты отправлялись только к губернатору Сибири и все торговые дела решали в Тобольске. Ни нравы, ни воспитание китайское не оказались поучительными в этом посольстве, хотя послы были из числа мандаринов второй степени, следовательно лица высшего звания. Один из них был украшен двумя павлиньими перьями — знак высокого отличия в Китае. Привезенные ими петербургскому двору подарки состояли из большого количества фарфора, из коралловых и перламутровых фигур. Они же увезли с собою в большом количестве меха и серебряную модель военного корабля. По-

следним подарком хотели дать китайскому императору понятие о морских силах России.

Петербургский двор давно уже искал удобного случая с честью отделаться от областей, завоеванных Петром у Персии и стоивших государству более расходов, нежели было от них выгоды, особенно как в них погибло множество народу. Наконец средство было найдено. Двор вступил в переговоры по этому предмету с испаганским двором и уступил области взамен многих разных льгот по торговле. Но так как Тамас-Кули-хан намеревался возобновить войну с турками, то одною из статей договора Россия обязывалась содержать в крае свои гарнизоны еще несколько лет; таким образом императрица оставила некоторые города за собою до 1734 г. Россия принуждена была содержать в этих областях до 30 человек гарнизонного войска, и не проходило года, чтобы не встретилась надобность пополнять их более чем наполовину, потому что непривычный для русских климат страны производил между ними такую смертность, что они умирали как мухи. Рассчитано, что с 1722 г., когда Петр начал войну, во время выхода войск из Персии погибло до 130 000 человек. Спустя несколько времени по заключении договора Шах-Надир объявил войну туркам и осадил город Ардебиль, но осада его не подвигалась. Тогда главнокомандующий русскими войсками в Персии генерал Левашев по приказанию двора послал шаху нескольких артиллерийских и инженерных офицеров для управления осадой; город хотел уже сдаться, когда Левашев предложил свое посредничество; обе стороны приняли его. Он выхлопотал свободный выход турецкому гарнизону и отправку его в принадлежащую Порте крепость Шамаху. Этим генерал Левашев заслужил большую благодарность обеих сторон. Во все время, что русские офицеры находились в персидском лагере, они носили персидское платье, чтобы турки их не узнали.

Около этого времени у России возник спор с Польшей. Эта республика решила разделить герцогство Курляндское на воеводства после смерти владетельного герцога, и это дело предстояло обсудить сейму. Однако императрица велела объявить, что она ни за что не потерпит этого разделения, а так как она имела притязание на Курляндию относительно своей вдовьей части, то располагала сохранить за тамошним дворянством право выбирать герцога в случае смерти царствующего, если бы этот умер бездетным. Ее посланник в Варшаве представлял там несколько записок по означенному предмету, но так как русскому двору казалось, что на представления его не обращают должного внимания, то и было приказано нескольким полкам двинуться к границам Польши для поддержки требований посланника. Однако после некоторых переговоров дело это уладилось; войска были вызваны обратно в квартиры, но не слишком

удалились от границы. Еще по другой причине войско было двинуто к границам Польши. Примас и фамилия Потоцких опасались покушения короля на польскую вольность, так как он во многих случаях поступал в противность *Pactis conventis**; между прочим, он хотел назначить графа Понятовского коронным гетманом до открытия сейма. Поэтому они послали бельского воеводу из фамилии Потоцких же к русскому двору просить защиты императрицы против короля. Когда же, спустя несколько месяцев, этот государь умер, то те же войска, которые двинулись было к границе против него, теперь вступили в Польшу, чтобы утвердить сына его на престоле.

В сентябре императрица со всем двором посетила Ладожский канал. Это путешествие совершено было водою на 80 судах, галерах и буерах. Государыня проехала весь канал от начала до конца и выражала большое удовольствие об окончании этого сооружения. Петр I начал его в 1717 г. При основании Петербурга этот государь имел в виду сделать его не только столицей своею, но и первым торговым городом империи. Для последней цели необходимо было способствовать перевозке товаров и припасов из внутренних губерний, так как страна около Петербурга не в состоянии была прокормить такой значительный город. А лучшим средством для торговли представлялись каналы. Великий во всех своих предприятиях, Петр задумал соединить моря Балтийское и Каспийское. Казалось, этот проект было легко выполнить посредством прорытия небольшого канала близ Вышнего Волочка (городка или посада на пути из Москвы в Петербург) для соединения двух речек, из которых первая соединяется с Волгой посредством Тверцы, а вторая впадает в Мсту, тоже сливающуюся у великого Новгорода с рекою Волховом; Волхов втекает в Ладожское озеро, из которого вытекает Нева, впадающая в море ниже Петербурга. Между тем Ладожское озеро, как постоянно бурное и наполненное подводными камнями, не представляло удобного сообщения: ежегодно в нем погибало большое число судов. Необходимо было более обширное сооружение. Стали исследовать местность вдоль берега озера, и как она не представляла больших затруднений, то Петр I поручил дело кн. Меншикову и генералу Писареву. Но оба они не имели ни малейшего понятия о подобных работах; при них два года рыли землю, но без всякого успеха, и вероятно, этому каналу не суждено было бы видеть конец, если бы в то время не вступил в русскую службу Миних. Император поручил ему работы, и он имел честь их окончить и привести канал в то состояние, в котором он теперь находится.

Канал начинается у Шлиссельбурга, где он сообщается с Невой и тянется потом вдоль озера до города Ладоги, где соединяется с

---

* Заключенным соглашениям (лат.).

Волховом. Длина его 104 версты, или 26 французских лье. Ширина 70 футов, а глубина 16 футов. Берег обложен бревнами, только одна часть его выложена камнем. Вдоль всего канала поделаны 24 шлюза для подъема и спуска воды.

Глава VI

Ссора графа Миниха с Бироном. — Дело, бывшее у принца Гессенского с крымскими татарами. — Смуты в Польше. — Станислав приезжает в Польшу и избран в короли. — Попытки петербургского двора. — Русские войска вступают в Польшу. — Курфюрст Саксонский избран королем под именем Августа III. — Блокада и осада Данцига. — Фельдмаршал Миних приходит к Данцигу. — Другие экспедиции русских войск в Польше. — 10 000 русских отправлены на Рейн. — Проект паши Бонневалья относительно турецкой милиции.

1732—1734 гг.

По возвращении двора из путешествия между Бироном и Минихом произошла ссора, которая едва не погубила последнего. Так как эти два лица вместе с Остерманом играли самые значительные роли на сцене России, то я не могу упустить ничего, что должно разъяснить их чувства и образ мыслей; вот почему я расскажу эту ссору в подробностях.

Когда двор только что расположился в Петербурге, граф Миних нашел способ вкрасься в доверенность графа Бирона. Последнему он сделался наконец так необходим, что без его совета тот не предпринимал и не решал ни одного даже незначительного дела. Граф Миних только того и хотел, чтобы всегда иметь дело, и, в честолюбии своем, стремился стать во главе управления. Он пользовался всеми случаями, которые могли открыть ему доступ в министерство и в Кабинет. Но как он этим захватывал права графа Остермана, то встретил в нем человека, вовсе не расположенного уступать, а напротив, старавшегося при всяком случае возбудить в обер-камергере подозрения к фельдмаршалу наговорами, что этот честолюбивый генерал стремится присвоить себе полное доверие императрицы и что если он этого достигнет, то непременно удалит всех своих противников, начиная, разумеется, с обер-камергера. То же повторял граф Левенвольде (обер-шталмейстер и полковник гвардии, большой

любимец Бирона), и будучи смертельным врагом графа Миниха, он всячески раздувал ненависть.

Прежде чем открыто действовать, Бирон подослал лазутчиков подсматривать действия Миниха относительно его. Прошло несколько дней, как любимцу передали неблагоприятные речи о нем фельд-маршала. Тут он убедился в его недобросовестности и понял, что если Миних будет по-прежнему часто видаться с императрицей, то ему, Бирону, несдобровать. Ум Миниха страшил его, так же как и то, что императрица могла к нему пристраститься и тогда, пожалуй, первая вздумает отделаться от своего любимца. Надобно было опередить врага. Первой мерой было дать другое помещение Миниху, назначив ему квартиру в части города, отдаленной от двора, тогда как до сих пор он жил в соседстве с домом Бирона. Предлогом этого перемещения Бирон представил императрице необходимость поместить туда принцессу Анну Мекленбургскую. Миниху внезапно было дано приказание выезжать и поселиться по ту сторону Невы. Тщетно просил он Бирона дать ему срок для удобного вывоза мебели; он должен был выехать не мешкая. Из этой крутой перемены к нему Бирона Миних заключил, что ему придется испытать еще худшую беду, если не удастся в скором времени смягчить графа. Он употребил всевозможные старания, чтобы снова войти в милость Бирона, и приятели, как того, так и другого, немало старались помирить их, но успели в этом только наполовину. С этого времени Бирон и Остерман стали остерегаться Миниха, который и со своей стороны остерегался их.

В конце 1732 г. русские войска под командой принца Гессен-Гомбургского имели жаркое дело с крымскими татарами в завоеванных персидских областях, куда этот принц был послан для начальствования над частью войск. Я уже выше упомянул о заключенном с Шах-Надиром договоре. Будучи в войне с турками, шах хотел с помощью русских гарнизонов оградить себя с тылу, чтобы беспрепятственно поражать неприятеля. Он осадил Вавилон, или Багдад, сильно наступал. Порта, беспокоясь об участи этого города, приказала крымскому хану идти ему на помощь с лучшими своими войсками, взяв кратчайшую и удобнейшую дорогу в Персию, где и произвести диверсию. Хан немедленно отправил свои войска в поход, приказав им, не спросясь позволения, пройти через русские владения. Тогда принц Гессен-Гомбургский послал сказать начальнику татар, султану Тертигирею, чтобы он не покушался приходить по русской земле, а не то он не допустит его и встретит как неприятеля. Султан, не обращая внимания на это предостережение, настоял на проходе через провинцию, да кроме того старался взбунтовать татарские орды, обитающие в этой покоренной Россией местности. Он посылал им письма, возбуждая их к мятежу, но

старшины татар, не слушая этих предложений, самые письма отсылали нераспечатанными к принцу Гессенскому. Тем не менее султан, пройдя через реку Терек, стал лагерем со своею армией близ деревни Чеченеи и располагал пройти дальше. Русские лазутчики дали знать принцу, что султан решился двинуться до другой деревни, Горячей; а как туда вели две дороги через два не отдаленные друг от друга ущелья, из которых одно было шире другого, то принц разделил свое войско на три отряда. Одного полковника с 500 драгун он послал занять более опасное ущелье; в другое отрядил генерал-майора Еропкина с несколькими сотнями казаков. С остальным войском, 400 драгунами и таким же числом пехоты, он остался сам, заняв такой пост, откуда мог идти на помощь туда, где бы оказалась наибольшая опасность.

Сначала татары подавали вид, будто хотят атаковать позицию генерала Еропкина, но внезапно отрядили наибольшие свои силы к другому ущелью и храбро атаковали его. Командовавший там полковник долго отбивался, и ему, наверное, пришлось бы уступить, если бы не быстрая помощь принца, который при первом известии об опасности поспешил к месту с резервным корпусом, приказав направиться туда и генералу Еропкину с частью его войска. Едва успели они выстроиться, как татары ринулись на них с саблями наголо. Их встретили сильным мушкетным огнем и залпом из полевых пушек, что немного охладило их горячность. Они удалились из-под выстрелов, потом, пришедши в порядок, напали вторично; на этот раз правое крыло, командуемое Еропкиным, принуждено было отступить на 500 шагов. Тогда открыли огонь из пушек, расставленных принцем для защиты большого дефиля.

Выстрелы, попадая во фланг неприятелю, заставили его немедленно прекратить бой. Они уступили одержанную было победу и удалились в большом смятении, оставив 1000 убитых на поле сражения. Русские потеряли 400 человек убитыми и ранеными; генерал Еропкин, бывший в деле, был ранен в лицо ударом сабли, а принц Гессенский, окруженный неприятелем, отделался от плена только благодаря быстроте своей лошади. Татары были в числе более 25 000, русских же было не более 4 000, включая сюда и казаков.

Смуты начались в Польше с начала 1733 г. Король Август II, прибывший в Варшаву для собрания чрезвычайного сейма, умер там 11 февраля. Архиепископ Гнезенский, примас королевства, принял регентство и созвал соборный сейм, на котором было единогласно решено — не выбирать иностранного принца, а только лицо из дома Пястов или туземного дворянина. Сначала дворы петербургский и венский вполне одобрили это решение сейма и поручили своим послам выразить республике свое удовольствие по этому случаю, но с прибавлением, что они никак не допустят избрания сеймом

короля Станислава, который был признан сеймом не способным управлять. В то время оба двора далеко не были расположены в пользу курфюрста Саксонского. Напротив, между ними господствовало сильное несогласие, которое могло бы окончиться войной, если бы не случилась смерть короля, потому что он не только отказался подписать прагматическую санкцию, но еще вошел в тесный союз с Францией в противность интересам Австрии.

Неудовольствие России возникло вследствие того, что король в делах Курляндии поступил не в пользу русских интересов, а примас с частью дворянства, подозревая короля в намерении ограничить польскую вольность, обратился к России с просьбою о защите в случае, если король предпримет что-либо против республики. Вскоре дела приняли другой оборот. Курфюрст Саксонский нашел возможность успокоить венский двор, подписав прагматическую санкцию, а России обещал соображаться с волей императрицы касательно Курляндии. Таким образом оба двора соединились, чтобы доставить ему польскую корону. Посланникам их были даны повеления совершенно противоположные первым, а именно, объявить примасу напрямки, что их дворы не признают никакого другого короля польского, как только курфюрста Саксонского, и что русская императрица будет поддерживать избрание этого принца всеми силами, если республика не примет его добровольно.

Петербургский двор собрал два корпуса войска: один в Украине, на литовской границе, другой в Лифляндии, на курляндской границе. Между тем Франция не щадила ни денег, ни труда, чтобы заставить избрать королем Станислава. Примас и большая часть шляхты, видя, что русские хотят господствовать над ними, что дело шло о подчинении себя иностранным державам, после чего они должны будут утратить свое *liberum veto**, составляющее самую существенную часть польской свободы, соединились в пользу Станислава. Написали во Францию, чтобы он поспешил прибыть в Польшу и присутствовать при своем избрании. Собравшийся для выбора сейм начал свои действия 25 августа и продолжался, невзирая на сильные противоречия, до 12 сентября — дня, в который Станислав Лещинский был вторично провозглашен королем польским общим голосом всей собравшейся в Коле (выборном поле) шляхты. Станислав прибыл в Варшаву 9-го числа того же месяца и жил инкогнито в доме французского посланника. Примас и его партия из шляхты считали торжество свое совершенным в той надежде, что как бы ни были недовольны петербургский и венский дворы таким исходом дела, а им все-таки не удастся расстроить решение почти всей нации.

---

* Либерум вето, свободное вето (лат.).

В Петербурге и в Вене были известны интриги Франции и примаса. Императрица приводила в действие всевозможные пружины с целью отвратить избрание Станислава и надеялась проволочками дать партии курфюрста возможность увеличиться, так что он будет избран в короли без открытого разрыва. Ее посланники в Варшаве имели приказание не скупиться ни деньгами, ни обещаниями для ослабления французской партии. Она писала литовским чинам, выражая свою готовность поддержать свободу республики. Цель ее была склонить всех сенаторов великого княжества к отторжению от Польши. Но она не успела в этом вполне. Только небольшое число отделилось и перешло за Вислу, в деревню под названием Прага. В том числе, крайне незначительном в сравнении с остальной шляхтой, находились епископы Краковский и Познанский, князь Вишневецкий и некоторые другие. А между тем они-то и дали ход всему делу и посадили Августа III на польский престол. Некоторые из удалившихся знатных лиц имели сами для себя виды на корону; когда же убедились в несбыточности своих ожиданий, они согласились между собою лучше отдать ее курфюрсту Саксонскому, нежели допустить спокойное обладание ею королем Станиславом. Они писали в Петербург, прося защиты России против примаса и французской партии.

Искак уже прежде предлога для отправки войска в Польшу, императрица не могла придумать ничего лучше того, о чем просили ее сами поляки. Она приказала графу Ласи вступить в Литву с 20-тысячной армией. Усиленными переходами спешил он в Варшаву, надеясь поспеть вовремя, чтобы помешать провозглашению Станислава королем, однако примас уже сумел принять свои меры. Между тем недовольные паны отправились навстречу графу Ласи и вместе с ним 30 сентября прибыли к берегам Вислы. Они хотели переправиться через реку и немедленно отправиться на выборное поле, но противная партия поляков разрушила мосты тотчас после того, как Станислав отправился с целью овладеть городом Данцигом. Не теряя времени, приступили к избранию курфюрста Саксонского близ деревни Комиец на том же самом поле, на котором был избран Генрих Валуа. Это великое дело кончилось 5 октября, накануне дня, в который назначено было закрыть сейм. Присутствовали 15 сенаторов и до 600 человек шляхты.

Покуда граф Ласи со своими русскими войсками занимался дарованием короля полякам, последние намекали посланникам дворов петербургского и дрезденского, чтобы они в определенный срок выезжали из Варшавы. Когда же срок этот, 29 сентября, миновал, а посланники не выезжали, то поляки стали грабить дворец графа Левенвольде-младшего, второго русского посланника, а на саксонский дворец напали с шестью пушками; сделано было 20 или 30

выстрелов, прежде нежели пробили ворота, после чего хотели штурмовать дом, но потеря 40 человек убитыми охладила их порывы, и они предложили капитуляцию остававшимся в доме. Министры же за несколько дней перед тем удалились к графу Вильчеку, имперскому посланнику.

После провозглашения короля Августа граф Ласи перешел через Вислу и разместил несколько полков по квартирам в Варшаве. Императрица отправила в Польшу и Литву еще несколько отрядов под начальством генерала князя Барятинского и генерала Кейта. Численность всех этих войск простиралась до 50 000. Генералам неоднократно повторялось от двора не оставаться в бездействии, а беспрестанно стараться поддерживать партию Августа, партию же Станислава уничтожить. В Петербурге желали покончить с польскими делами до начала нового похода, но это было невозможно. Почти вся Польша была на стороне Станислава, а шляхта слишком дорожила свободой выбирать себе короля, чтобы так легко отступить от собственного своего дела. Убедились наконец, что не будет спокойствия в стране, куда будет оставаться в ней Станислав. Вот почему графу Ласи велено собрать сколько возможно более войска, идти прямо на Данциг и тем заставить Станислава выйти из города и даже совсем из Польского края. Это предприятие представляло немало затруднений. Несмотря на значительные силы России, находившиеся в Польше, Ласи мог собрать только 12 000 человек для действия в этой стороне, потому что большая часть войска была размещена по разным областям как для собственного ее легчайшего продовольствия, так и для необходимого обуздания всего края. С этим корпусом Ласи двинулся в Польскую Пруссию и 16 января вступил в Торн. Этот город покорился новому королю без труда и принял русский гарнизон. Распорядившись здесь устройством магазина, Ласи продолжал путь.

6 февраля войска впервые расположились по квартирам в местности около Данцига, а 22-го подошли к городу и заняли соседние деревни. Генерал остановился в местечке Пруст, в полумиле от Данцига. Он отправил в город трубача, пригласить сенат отстать от короля Станислава и его приверженцев и покориться законному королю Августу III, впустив русский гарнизон; в случае же отказа ожидать дурных последствий. Однако жители Данцига решили по-своему. Присутствие короля и разные обещания маркиза де Монти от имени Франции побуждали их лучше всем рисковать, нежели покинуть короля, искавшего у них убежища и положившегося на их верность. Правда, что ни король, ни обыватели города не предвидели того решительного оборота, который приняли дела. Между тем взяты были все меры для продолжительного и сильного сопротивления. Сформировано несколько новых полков; сами обыватели

стали в ряды для службы на стенах города. Франция выслала им инженеров, и из Швеции прибыли более 100 офицеров с запасом ружей и разных других боевых принадлежностей и с обещанием скорой, еще большей помощи. Все это укрепило жителей в верности Станиславу. Весьма вероятно, что если бы между ними случились люди решительные и офицеры с головою, которые предприняли бы что-нибудь, то русские принуждены были бы отказаться от намерения завладеть Данцигом еще до проведения первой траншеи, потому что вначале их силы состояли только из 12 000 человек, тогда как у осажденных было вдвое больше; к тому же осаждающим нужно было оберегать большие расстояния, что принуждало их размещаться по деревням более чем на две мили кругом. Следовательно, весьма было бы легко с превосходными силами напасть на некоторые стоянки, разбить их по частям и таким образом расстроить все их планы. Партия Станислава имела тоже в поле более 50 000 человек войска под начальством нескольких польских панов. Но эти господа, вместо того чтобы помышлять о помощи королю, только грабили да разоряли свою же родину. Этим временем русские воспользовались и так устроили дела, что поставили город в весьма жалкое положение.

Так прошел февраль без какого-либо предприятия и со стороны графа Ласи. Не только время года не позволяло начать осаду, но и средств на это еще не было у графа. Покуда он занимался устройством магазинов и ставил препятствия продовольствию города, задерживая подвоз провизии из сел и деревень. Он приказал отвести воду реки Радауна, которою снабжалась лучшая или, скорее, единственная мельница в Данциге.

Осажденные сделали несколько небольших вылазок, и не прошло дня без стычки с казаками, причем то одна, то другая сторона брала верх. Таково было положение дел, когда 9 марта прибыл к Данцигу фельдмаршал граф Миних в сопровождении прусского конвоя. Граф Бирон, не переставая подозревать графа Миниха, желал его удаления от двора и добился того, что Миниху поручено было главное начальство над всеми войсками в Польше с приказанием действовать решительно для скорого покорения Данцига; но Бирон и его клевреты вовсе не желали ему успеха. Фельдмаршал нашел, что для столь важного предприятия слишком мало людей, и вызвал к себе несколько полков. Первым делом его было отправить в Данциг прокламацию с увещанием жителей отступить от Станислава, покориться королю Августу III и впустить русский гарнизон; он давал на размышление только 24 часа срока. Но по прошествии срока, видя, что жители не одумались, Миних приказал открыть траншею и построить редут со стороны Циганкенберга.

В ночь с 19-го на 20 число осаждающие атаковали укрепление Ору, в которой находилось 400 человек гарнизона, и овладели им после двухчасового сопротивления. 21-го числа раздались первые выстрелы, направленные на город, но почти без результата, потому что в лагере находились только полевые орудия, из которых самые крупные были восьмифунтовые, да две мортиры, те и другие взятые в Оре. Город обложили еще теснее. Осаждающие взяли форт, называемый головою Данцига, и заняли пространство между городом и морем. Миних полагал, что взятие города Эльбинга послужит в пользу дела, и для того отрядил туда полковника с 500 драгун и 400 пехотинцев, чтобы заставить город сдаться. Город сдался без затруднений; находившийся в нем в гарнизоне польский полк присягнул королю Августу, и в город вступил русский гарнизон. Найденные в городе орудия и боевые припасы отправлены в лагерь под Данцигом.

Графу Миниху донесли, что многочисленный корпус конфедератов под начальством графа Тарло и кастеляна Черского перешел Вислу и направляется на помощь городу. Миних тотчас же отрядил ему навстречу генерал-поручика Загряжского и генерал-майора Карла Бирона с 2 000 драгун и 1 000 казаков.

Этот отряд встретил под городом Швецом корпус кастеляна Черского, состоявший из 33 рот, или около 3 000 человек польской шляхты на коне и до 2 000 пехотинцев регулярного войска, которые заняли позицию за рекою Бредой, разрушив на ней мост. Генерал Загряжский прежде всего послал людей исправить мост, и 200 драгун спешились с целью защищать работы. Так как поляки первыми открыли огонь, то русские отвечали им выстрелами из полевых пушек; это так напугало неприятеля, что он начал отступать. Только что мост был исправлен, как русские перешли через него и стали преследовать отставших. В магазине в Швеце найдено было 80 четвериков овса, столько же ржи и большое количество сена и соломы.

Спустя несколько дней пришло известие, что граф Тарло приближается со 130 ротами поляков, двумя пехотными полками и остатками побитого корпуса; что он намеревался напасть на генерала Загряжского, пробиться к Данцигу и заставить снять осаду. Тогда граф Миних 17 апреля отрядил генерала Ласи с 1500 драгун в помощь генералу Загряжскому, поручив ему прогнать неприятеля из окрестности. Ласи сделал усиленный переход, в тот же день присоединился к Загряжскому и принял начальство над всем войском. 18-го и 19-го числа корпус был в походе, а 20-го настиг, наконец, неприятеля близ деревни Вичезины, лежащей у моря, недалеко от границы Померании. Неприятель выстроился тут в боевом порядке, имея перед собою два затруднительных дефилея, один позади другого, сквозь которые надобно было пройти, чтобы атаковать

его. Сперва два полка драгун спешили и прошли через первый дефилей, а чтобы заставить думать неприятеля, что у них есть и пехота, барабанщикам велено было играть пехотный марш. Пройдя первый дефилей, русские выстроились и стали направляться ко второму, очень близкому к неприятелю; несколько сотен казаков были посланы вперед тревожить неприятеля и тем дать время регулярному войску развернуть фронт; сначала казаков отбили, но когда другие войска подоспели к ним на помощь, неприятель был атакован и рассеян. Благородная шляхта первая стала спасаться бегством, бросила регулярное войско, и последнее, видя себя оставленным, последовало их примеру. Поляков было по крайней мере 10 000, тогда как русских было всего 3 200 драгун и 1 000 казаков. Это была единственная попытка поляков-конфедератов помочь Станиславу и городу Данцигу.

В последних числах марта осаждающие устроили редут на берегу Вислы, с тем чтобы отрезать сообщение между городом и крепостью Вейксельмюнде; это дело вышло довольно удачно благодаря тому, что в этом месте река очень узка; суда могли проходить только с большим трудом. Все-таки графу Миниху трудно было усилить осаду в той мере, в какой он этого желал, за недостатком тяжелой артиллерии. Король прусский сначала даже противился пропуску осадной артиллерии через его владения, но после убедительных представлений позволил, наконец, высадить орудия в Пиллау и перевезти их водою до армии.

Не могу здесь умолчать об одном странном и, может быть, единственном в этом роде случае. Дело в том, что несколько мортир были привезены из Саксонии по почте; телеги, на которых они были сложены, были прикрыты и под видом экипажей герцога Вейсенфельского перевезены через владения прусского короля. Эти мортиры прибыли к Данцигу 29 апреля, а как почти в то же время прибыла и прочая артиллерия, отправленная из Пиллау, то фельдмаршал распорядился усилить осадные действия против города.

30-го числа брошены были в него первые бомбы, и в нескольких местах загорелось, но без важных последствий. В ночь с 6 на 7 мая фельдмаршал приказал штурмовать форт Зомершанц, который и был взят после часовой атаки. Командовавший в нем офицер и с ним 70 человек успели удалиться в Вейксельмюнде. Взятие этого укрепления было тем важнее, что только через эту местность город мог еще иметь свободное сообщение с Вейксельмюнде.

Я выше сказал, что у графа Миниха было слишком мало войска для такого значительного дела, как осада Данцига. А как войска, стоявшие в Варшаве и в окрестностях ее, были там бесполезны, то он и послал приказание генерал-майору Люберасу, командовавшему одною частью войска, выступить с полками и присоединиться к нему.

Но Люберас находил, что квартиры в Варшаве лучше, нежели под Данцигом, и под каким-то предлогом отказался идти. Миних послал ему вторичное приказание, которого Люберас также не послушался, как и первого. Тогда Миних приказал его арестовать, передал начальство старшему по нем из офицеров; войска были посажены на суда, на которых по реке Висле и прибыли в лагерь под Данцигом. Тем не менее Люберас благодаря поддержке обер-шталмейстера графа Левенвольде представил двору свои извинения и был освобожден. Левенвольде не было бы неприятно, если бы Миних не успел в своих предприятиях.

Взятие Зомершанца с весьма слабой потерей людей внушило Миниху уверенность, что ему так же легко удастся овладеть Гагельсбергом, а как в это время курьер привез ему из Петербурга приказание ускорить осадные действия, то он и надеялся взятием того укрепления принудить жителей Данцига сдаться на капитуляцию. 8 мая в сопровождении графа Ласи и генерала Бирона Миних отправился на рекогносцировку укреплений этой горы; справа, со стороны ворот Оливы, крутизна почти неприступная; на вершине ее правильный кронверк с равелином, контрэскарпом и гласисом; все это исправно обнесено палисадом и штурмфалами и снабжено несколькими орудиями.

Но слева, в стороне Шейдлица, есть только одно земляное укрепление без прикрытого пути и без гласиса, ров сухой и без палисада; только одна берма снабжена изгородью. Итак, было решено с этой стороны начать атаку. В течение 9-го числа делались приготовления. Откомандированы были 8 000 человек; из этого числа 3 000 должны были штурмовать укрепление, прочие же поддерживать их. К вечеру они собрались в тылу траншей. Около 10 часов войска выступили тремя колоннами; отрядили еще 1 500 человек для производства трех фальшивых атак; первой — по ту сторону Вислы, второй — против Бишофсберга и третьей — против правой стороны Гагельсберга. Назначенные для штурма войска двинулись вперед, в удивительном порядке и тишине, до того места, где надлежало им подниматься на гору. Атака началась около полуночи; пройдя через ров, солдаты пошли на штурм с твердостью, какую только можно себе вообразить, и завладели батареей в 7 пушек. Но по какому-то странному несчастью при первом залпе неприятеля начальники трех колонн, почти все штаб-офицеры и инженеры, были кто убит, кто ранен. Колонны смешались, вместо того чтобы действовать каждой отдельно, так что за отсутствием начальников, которые сумели бы воспользоваться добытым преимуществом, дальше не пошли, а между тем хотели удержаться на местности, которой они овладели; они пробыли тут три часа кряду, выдерживая страшнейший огонь от осажденных. Граф Миних и прочие генералы, стоя

во главе траншеи, заметили беспорядок в войске и послали своих адъютантов с приказанием людям удалиться. Но солдаты не повиновались, объявляя, что они скорее согласны быть убитыми на месте, нежели отступить хотя на один шаг. Граф Ласи принужден был сам идти к солдатам увещевать их, и тут они послушались.

В этой атаке русские потеряли более 2000 человек солдат — убитыми и ранеными — и 120 офицеров. Со стороны осажденных потеря была менее чем вполовину. Если бы гарнизон сумел воспользоваться неудачей этого штурма и тотчас же сделал бы вылазку с большею частью своего войска, он этим принудил бы русских снять осаду. Произведенная этою неудачей убыль в русском войске заставила графа Миниха приказать, чтобы выведенные из Варшавы полки спешили к месту. Также вытребовал он в лагерь несколько отрядов, размещенных по соседним городам. В это время более чем когда-либо ходили слухи о французской помощи, и даже пришло известие, что на данцигский рейд прибыло несколько судов. С целью отнять у французов в случае их высадки все средства к продовольствию, Миних приказал сжечь все приморские деревни, а чтобы отнять у них возможность помогать городу со стороны моря, он приказал преградить ход по реке, так что всякое сообщение с Вейксельмюнде было прервано и пустившиеся было по реке суда должны были воротиться.

14-го числа часть варшавских войск вступила в лагерь, а остальные прибывали в следующие дни, до 20-го числа.

22-го числа вследствие неоднократных представлений магистрата фельдмаршал согласился на двухдневное перемирие. Магистрат желал призвать все сословия города на совещание по поводу предложения графа Миниха покориться милосердию русской императрицы и признать короля Августа III.

Перемирие кончилось, не приведя ни к чему, и враждебные действия возобновились с большею против прежнего силою. В тот же день прибыл французский флот из 16 кораблей и высадил 3 полка французской пехоты, а именно: Блезуа, Перигорский и Ламарш под начальством бригадира де ла Мот Перуза, всего их было 2400 человек. Они прибыли слишком поздно, и число их было слишком недостаточно для того, чтобы заставить русских снять осаду.

25-го числа в лагерь пришли саксонские войска под начальством герцога Вейсенфельского. Они состояли из 8 батальонов и 22 эскадронов. Они стали лагерем: правое крыло в стороне Нейшотланда, левое — по направлению к Оливе; квартира герцога была в Лангфуре.

Расположившись вдоль берега между каналом и морем, французские войска вышли из лагеря и тремя колоннами двинулись пря-

мо на русские ретраншементы. Они подавали сигналы городу, приглашая осажденных вылазкой помочь им в предприятии. Действительно, из города вышел большой отряд пехоты и направился к левому крылу русских, куда французы атаковывали их с другой стороны с необычайной отважностью. Перейдя через засеки, прикрывавшие ретраншемент, французы подошли к нему на расстояние 15 шагов, прежде нежели русские сделали один выстрел, но потом, открыв огонь как раз кстати, продолжали его с большою силою. Французы несколько раз пытались овладеть ретраншементом, то как это им не удавалось, то они удалились, оставив на месте 160 человек убитыми, в числе которых был и граф де Плело, посланник французского короля в Копенгагене. Городские, увидав, что французы отбиты, удалились за свои стены; их преследовали вплоть до гласиса.

Граф Миних издержал все пули, бомбы и прочие снаряды в том огне, которым он забросал город; он надеялся, что саксонцы доставят ему новые запасы, однако они ничего не привезли. Это обстоятельство ослабило бомбардирование, и с тем большим нетерпением стали поджидать русский флот, который вез порядочное количество боевых припасов.

В ночь с 28-го на 29 саксонцы в первый раз сменили русских в траншеях. До 12 июня осаждающие занимались только продолжением траншейных работ и приведением в порядок батарей, чтобы с большею силою атаковать город по прибытии артиллерии.

12 июня наконец показался русский флот, состоявший из 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 7 других судов. Он вошел в данцигский рейд; тотчас же принялись за загрузку артиллерии и прочего, необходимого для осады.

14-го числа уже возобновили огонь, который был очень силен во все остальное время осады.

Три французских полка расположились лагерем под выстрелами Вейксельмюнде, на острове Плате, где они оставались спокойно, не тревожимые осаждающими. Но по прибытии флота решено было не оставлять их дольше в покое. Бомбардирские суда приблизились к берегу и начали бомбардировать вейксельмюндский форт и лагерь; 15-го взорвали пороховой магазин крепости, а французы очень страдали от корабельной артиллерии. 19-го числа граф Миних требовал от французского бригадира и от командующего фортом сдачи. Они просили трехдневного перемирия, которое и было даровано. В это время были начаты переговоры с французами. Они хотели, чтобы их посадили на суда и отправили в Копенгаген, в чем им отказали. Наконец после многих хлопот было дозволено войску выйти из лагеря со всеми военными почестями и сесть на русские

суда, где они положат оружие, затем их отвезут в один из балтийских портов, по соглашению с русскими адмиралами. Вследствие этой капитуляции их отправили на судах 24-го числа, но как в капитуляции не было сказано, в какой именно порт их везти, то вместо нейтрального порта их привезли в Кронштадт. Потом их отправили в Лифляндию на квартиры, а оттуда, уже через несколько месяцев, возвратили во Францию.

24-го числа сдался также Вейксельмюндский форт. На другой день выступил из него с обычными почестями гарнизон из 468 человек и присягнул королю Августу III.

28-го числа данцигский магистрат выслал к графу Миниху парламентеров. Но предложение их не хотели принять иначе, как с предварительным условием выдать короля Станислава, примаса, маркиза де Монти и других. 29-го числа магистрат известил фельд-маршала письмом, что король Станислав тайно выехал из города. Это до того рассердило Миниха, что он велел возобновить бомбардирование, прекращенное за два дня перед тем.

Наконец 30-го числа дела уладились; город сдался на капитуляцию и покорился королю Августу. То же сделали и находившиеся в городе польские паны, которым дозволено было отправляться куда им угодно. Только примас королевства, граф Понятовский, и маркиз де Монти были арестованы и отвезены в Торн.

Осада Данцига продолжалась 135 дней, начиная с 22 февраля, когда граф Ласи подошел к городу. Она стоила русским более 8000 человек солдат и около 200 офицеров. Вред, нанесенный городу 4000 или 5000 брошенных туда бомб, не был так велик, как бы следовало.

На город была наложена контрибуция в два миллиона ефимков в пользу русской императрицы; из этих двух миллионов один был наложен в виде наказания за то, что не помешали побегу Станислава. Однако императрица уступила половину этой суммы.

Покуда одна часть русской армии была занята осадой Данцига, остальные разбросанные по польским областям войска дрались с партией короля Станислава. Я уже выше сказал, что почти все паны королевства и большая часть мелкой шляхты пристали к партии этого государя. Они набрали много войска, которым наводнили весь край; но главным их делом было грабить и жечь имущество своих противников, принадлежавших к партии Августа, а не воевать с русскими. Все их действия клонились к тому, чтобы беспокоить войска бесполезными походами, к которым они их время от времени принуждали. Они собирались большими отрядами в нескольких милях от русских квартир, жгли поместья своих соотечественников и распространяли слух, что намерены дать сражение, как скоро завидят

неприятеля, но как только неприятель показывался вдали, не успевал он сделать по ним два выстрела из пушки, как поляки обращались в бегство. Ни разу в этой войне 300 человек русских не сворачивали ни шага с дороги, чтобы избегнуть встречи с 3 000 поляков; они побивали их каждый раз.

Не так везло саксонцам: поляки частенько их побивали и оттого презирали их, тогда как к русским они питали сильный страх.

Большая часть польских магнатов, взятых в плен в Данциге, покорились королю Августу, это склонило почти половину королевства последовать их примеру. Но прочие все еще продолжали войну, и это удержало русских еще целый год в Польше. Не видя более надобности в содержании многочисленной армии в этом королевстве и уступая повторенной просьбе императора Карла VI прислать ему помощь на Рейн, императрица приказала отправить туда 16 пехотных полков. Начальство над ними поручено графу Ласи. Он двинулся с ними к границам Силезии, где войска были размещены на зимних квартирах и приведены в хорошее состояние. В начале весны генералу Ласи велено идти с 8 полками, составлявшими 10 000 человек, на Рейн; прочие же должны были оставаться на границах Силезии и ждать дальнейших приказаний. Генералы, командовавшие под начальством Ласи, были: генерал-поручик Кейт, генерал-майоры Бахметев и Карл Бирон.

По вступлении войск в Силезию им сделан был смотр комиссарами императора, которые были: фельдмаршал граф Вильчек и генерал-лейтенант барон Гаслингер. Войска прошли через Богемию и Обер-Пфальц и в июне пришли к Рейну. Они возбуждали общее внимание и удивление тем порядком и той дисциплиной, которую наблюдали в походе и на квартирах.

Так как господа австрийцы при всяком удобном случае любят выставлять свою надменность, то я приведу здесь один такой пример, за который генерал Кейт очень умно отплатил. Когда русские войска вступили в Силезию, императорский комиссар, как я выше упомянул, генерал Гаслингер, осматривавший полки генерала Кейта, после церемонии собрал офицеров и сказал им благодарственную речь, но в речи своей давал императрице только титул царицы. Кейт, в отместку, отвечал тоже речью, в которой совсем не упоминал об императоре, а только об эрцгерцоге австрийском, уверяя, что его государыня императрица всегда с удовольствием готова пособить эрцгерцогскому дому, когда только представится случай. Речь эта страшно смутила Гаслингера, и чтобы в другой раз не попасть впросак, от отправил в Вену курьера и оттуда получил приказание давать всегда русской государыне титул императрицы. Но и во многих случаях австрийские генералы поступали с высокомерием, и по

этому поводу русские генералы неоднократно имели с ними размолвки. Венский двор никогда не мог простить Кейту его речи к барону Гаслингеру и старался вредить ему, когда только представлялся к тому малейший случай.

Во время пребывания фельдмаршала Миниха в Польше его враги не пропустили случая очернить его в глазах императрицы. Он несколько подал повод к тому штурмом Гогельсберга, который будто бы был предпринят неосмотрительно. Но возвратясь ко двору по окончании похода, Миних нашел возможность оправдаться и войти снова в милость. Он участвовал во всех советах. В то время было решено объявить войну туркам, как скоро польские дела совершенно утихнут. Миних был снова отправлен в Варшаву для окончательных действий. Наконец дела приняли желанный оборот, мир состоялся и вся Польша покорилась королю, данному ей Россией.

Граф Миних выехал тогда из Варшавы в Украину, где ему было поручено начальствовать над войсками. Я хотел говорить о польских делах, не прерывая рассказа; теперь я упомяну о других замечательных событиях с 1734 по 1735 г.

Победы, одержанные Тамас-Кули-ханом над турками, очень радовали петербургский двор, так как несколько раз подтверждалось известие, что французский посол при Порте чрезвычайно старался склонить последнюю к разрыву с Россиею. Это беспокоило императрицу, хотя наружно не выказывали тревоги.

Беспокойство усилилось, когда узнали в Петербурге, что граф или, лучше сказать, паша Бонневаль успел целый корпус войска выучить военным упражнениям и эволюциям, принятым в других европейских армиях, и что он намерен все вооруженные силы Турции обратить в регулярные войска. Помощниками Бонневалья в этом деле были французы, принявшие магометанский закон, между прочими Рамсей и Моншеврель, которые выехали из Франции с аббатом Макарти. Однако проект Бонневалья не удался. Покуда он ограничивался обучением 3 000 человек, турки оставались этим весьма довольны, как увеселительным зрелищем. Султан, его министры и двор были в восхищении от ловкости, выдаваемой солдатами на учении. Когда же паша обнаружил намерение распространить это нововведение на остальное войско, то никаким образом не мог получить на то разрешения. Константинопольский двор опасался возбудить общее возмущение, если бы он стал вводить в войске новые порядки.

Русская императрица не довольствовалась неудачей этого проекта. Ей хотелось совсем удалить из Константинополя тех способных людей, которые могли быть полезны Порте, если бы ей вздумалось снова приняться за оставленный тогда проект. Русскому посланнику в Константинополе было поручено склонить этих офи-

церов к отъезду из Турции и для этого обещать, что в России устроят их судьбу. Рамсей и Моншеврель поддались; несколько дней они скрывались в доме английского посольства, потом отплыли в Голландию. Моншеврель умер на пути, а Рамсей прибыл в Петербург. Его записали в службу майором. Назвавшись графом де Бальмен, он отличался во всех случаях; будучи уже полковником, он был убит в вильманстрандском деле.

В течение 1734 г. петербургский двор возобновил договор о союзе с Персией. Тамас-Кули-хан обязался не заключать мира с Портой иначе как с соображением интересов России. Императрица желала связать с этою державой самую тесную дружбу, однако шах не сдержал своего слова. Он заключил мир с Портой в то самое время, когда Россия находилась в самой упорной войне с турками.

В 1735 г. в Швеции происходил сейм, который до некоторой степени встревожил Россию. Известно было, что Франция всеми силами склоняла шведов к разрыву с русскими, а когда Станислав находился в Данциге, то многие шведские офицеры, с разрешения сената, отправились туда предложить этому государю свои услуги. При сдаче города эти офицеры были взяты в плен; императрица приказала немедленно переслать их в Стокгольм и передать некоторые жалобы, но так как для нее очень важно было сохранить с этой стороны мир, то она в то же время сделала шведскому двору такие выгодные предложения, что он согласился на возобновление заключенного прежде договора с Россией о союзе и торговле. Россия обязалась заплатить Голландской республике шведский долг в 300 или 400 тысяч гульденов и позволить шведам преимущественно перед другими нациями закупку и вывоз зернового хлеба из лифляндских портов.

В июле при петербургском дворе произошел случай, достойный занять место в числе анекдотов. Старшую воспитательницу принцессы Анны, госпожу Адеркас, обвиняли в том, что она, вместо того чтобы дать хорошее воспитание принцессе и блюсти за ее поведением, вздумала потворствовать сношениям между принцессой и одним иностранным посланником. Когда это обнаружилось, то г-жу Адеркас немедленно уволили от должности, посадили на корабль и отправили в Германию; спустя несколько времени и посланника, мечтавшего о такой блестящей победе, удалили под предлогом какого-то поручения к его двору, чтобы двор уже не возвращал его в Петербург. Кроме того, камер-юнкер императрицы, некто Брылкин, пользовавшийся добрым расположением принцессы, был удален от двора и записан капитаном в казанский гарнизон по подозрению, что он был посвящен в эти сношения. После ареста герцога Курляндского Анна Леопольдовна вызвала Брылкина из Казани, пожаловала его камергером и назначила генерал-прокурором Сената.

Глава VII

Начало войны с Портой. — Поход генерал-лейтенанта Леонтьева. — Прибытие в Украину Миниха, главнокомандующего войсками. — Пограничная линия. — Украинское войско. — На каком основании некоторые министры были против войны. — Объявление войны. — Начало кампании; осада Азова. — Поход в Крым. — Первое сражение с татарами. — Атака и взятие перекопских линий. — Описание линий. — Сдача Перекопа. — Генерал Леонтьев отряжен для взятия Кинбурна. — Армия продвигается далее в Крым. — Экспедиция генерала Гейна. — Взятие Козлова. — Взятие Бахчисарая.

1735—1736 гг.

По прекращении польских смут Россия была вынуждена снова объявить войну Порте. Предлогом к тому служили частые вторжения татар в русские пределы; на представления о том петербургского двора не было дано Портой удовлетворительного ответа. Из желания отомстить императрица начала войну, стоившую больших денег и множества людей, без всякой существенной пользы.

Уже Петр I имел в виду эту войну; он не мог равнодушно вспомнить о Прутском мире. По его приказанию на Дону были устроены обширные магазины, заготовлено в Воронеже, Новопавловске и других пограничных местах множество лесу для постройки плоскодонных судов, которые могли бы спуститься вниз по реке Днепру и по Дону; запасено большое количество оружия, военных припасов, солдатского платья; словом, все было готово к походу, как смерть постигла Петра и проект не состоялся.

Когда Анна Иоанновна вступила на престол, обер-шталмейстер Левенвольде напомнил о проекте. Вследствие этого в 1732 г. генерал-майору Кейту, главному инспектору армии, дано было поручение при осмотре войск объехать пограничные крепости и освидетельствовать сложенные в них запасы, а в случае порчи их заготовить свежие. Оказалось, что большое количество муки в магазинах сгнило, также и платье, несколько лет лежавшее в куче, а оружие заржавело — до того небрежен был присмотр за всем назначенных к ним приставов. Кейт сделал большую закупку хлеба, сложил его в магазины и завел лучший против прежнего порядок. Возникшие в Польше смуты помешали императрице тотчас же атаковать турок; когда же все в Европе затихло, она нашла, что наступило удобное время для

отмщения туркам, тем более что они были впутаны в невыгодную войну с Персией.

Все-таки Россия еще удерживалась от открытого объявления войны. Ей нужно было покончить со всеми приготовлениями. Русский посол в Константинополе Неплюев, проживший там несколько лет, был отозван в Петербург, с тем чтобы изустно получить от него самые верные сведения о настоящем положении Порты. Его прошальная аудиенция у султана совпала с новым поражением, которое потерпели турки от Тамаса-Кули-хана и которое немало посбавило спеси великому визирю. Последний рассыпался в вежливостях перед русским послом, извинялся в набегах татар и обещал не только положить им конец, но и оказать России всяческое удовлетворение. Однако было уже поздно. Петербургский двор уже решился на войну.

В августе генерал граф Вейсбах, командовавший войсками в Украине, получил приказание собрать 20-тысячный корпус и быть в готовности выступить в поход. Но в то самое время, когда следовало начать военные действия, этот генерал умер. Двор передал начальство генерал-лейтенанту графу Дугласу: и его это назначение застало больным горячкою. Наконец назначен был начальником войск генерал-лейтенант Леонтьев. Между тем в этих распоряжениях из Петербурга прошли шесть недель, так что этот генерал мог выступить в поход только в начале октября. Сущность его инструкций состояла в том, что Россия хотела отомстить за набеги татар; чтобы вторгнуться в Крым, воспользовались временем, когда хан вышел оттуда с лучшими войсками в принадлежащую Персии Дагестанскую область, поэтому генералу Леонтьеву поручалось не мешкая вступить в Крым, предать край огню и мечу, освободить русских подданных и истребить совершенно ногайских татар, кочующих в степях между Украиной и Крымом.

Под начальством Леонтьева было 20 000 человек регулярного войска, большею частью драгун, да 8 000 казаков. С этою армией он вступил в степи в начале октября. Сначала дело шло успешно; встречи были несколько ногайских отрядов, из них более 4 000 татар умерщвлены, малое число пощажено. Отобрано у них большое количество скота, особенно баранов.

Эти успехи дорого стоили русским. Поход начат был в слишком позднюю пору года, подножный корм начал истощаться; ночи, и в летнюю пору свежие в этом краю, начинали быть холодными; в войске появились болезни, оказался падеж на лошадей. Каждый день насчитывалось значительное число смертных случаев. Больных принуждены были таскать с собою, потому что в этих степях не встречаются города, где бы можно устроить госпитали и оставлять там больных. Армия начинала уже терпеть разные лишения, а ей пред-

стояло сделать еще десять переходов до крымских оборонительных линий. Леонтьев собрал военный совет, на котором было решено воротиться. В это время армия была расположена близ Каменного затона. В ночь перед выступлением в обратный поход выпало снега на целый фут, и более 1000 лошадей пало. Войска возвратились в Украину и к концу ноября разместились по зимним квартирам. Полки находились в весьма расстроенном состоянии. Этот поход поглотил более 9000 человек и такое же число лошадей, а выгоды из этого Россия не извлекла никакой. Двор очень огорчился неудачей проекта, успех которого казался несомненным. Виновником проекта был покойный граф Вейсбах. Может быть, если бы он остался в живых, он выполнил бы его лучше своего преемника. Генералом Леонтьевым остались недовольны, однако он оправдался перед военным судом.

Покуда генерал Леонтьев был занят своим несчастным походом, фельдмаршал Миних прибыл в Украину и принял там начальство над войсками. Он со всевозможным старанием занялся приготовлениями к предстоящему походу, начав с посещения воронежской верфи и с устройства новой верфи в Брянске для постройки небольших судов, годных для плавания по рекам Днепру и Дону до Черного моря. По возвращении оттуда он объездил украинскую линию, которую исправил во многих местах, и вдоль границы привел все крепости или, лучше сказать, укрепленные города и селения в такое положение, что им нечего было опасаться нападений от татар. Понятно, что для этого нужно было немного, потому что и 2000 татар не решатся атаковать редут, защищаемый 50 солдатами.

Я думаю, нелишне будет здесь дать некоторое понятие об украинских линиях. Петр I предположил их устроить в защиту от набегов татар. После его кончины, до 1731 г., дело на этом остановилось, потом за эти линии снова взялись и их кончили в 1732 г.; но укрепления были отстроены не ранее 1738 г.; правая сторона линий опирается на Днепр, а левая — на Донец. Всего они простираются более чем на 100 французских лье*, и на этом протяжении выстроены до пятнадцати крепостей, снабженных хорошим земляным бруствером, штурмфалами, наполненными водою рвом, гласисом и контрэскарпом с палисадом. В промежутках крепостей по всей линии устроены надежные редуты и реданы. Линии охраняются 20000 драгун из милиции, размещенных по крепостям и по селам, нарочно для них выстроенным. В мирное время они получают на одну треть менее обыкновенного войскового жалованья, а взамен им розданы участки пахотной земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано из 200000 бедных дворянских семейств в областях

---

* Лье — четыре с небольшим версты. — *Примеч. авт.*

Курской и Рылской, так называемых однодворцев, т. е. владельцев одного только двора, которые сами пахут свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линию из своей среды известное число работников в помощь войску при земледельческих работах. Скажу мимоходом, что это превосходнейшее войско в России. Из этого войска выбраны были при императрице Анне люди как для Измайловского гвардейского полка, так и для Кирасирского графа Миниха. Все же войско было сформировано по проекту Миниха в 1731 г. До него, еще при Петре I, существовало это войско в числе 6000: из числа последних и сформирован был Измайловский полк.

Все эти меры не мешали татарам делать набеги на Украину; на таком большом протяжении линия не могла быть всегда исправно охраняема. Они только и делали, что переходили через линию взад и вперед, совершенно безнаказанно. Только в последнюю войну этих грабителей порядком несколько раз побили и отняли у них добычу благодаря благоразумным мерам, принятым фельдмаршалом. Осмотрев линии и верфи, Миних расположился на главной квартире в Изюме, казацком городе поблизости линий. По планам двора, поход должен был начаться с осады города Азова, и в то же время надлежало сильно напирать на крымских татар, завоевать, если возможно, весь их край и заложить крепость на берегу Черного моря. Таким образом, большая часть заготовленных запасов оказалась ненужной. Миних постарался вознаградить потерю закупкой большого количества хлеба в России. Но несмотря на все его старания, дело подвигалось не так скоро, как он желал.

Полкам велено справлять свою походную амуницию. Фельдмаршал снова завел пики, которые было вышли из употребления после Ништадтского мира. Каждый полк обязан был иметь 350 пик, каждая длиною в 18 футов, и также 20 рогаток длиною в туаз для постановки перед лагерем. Эти рогатки оказали большую пользу, потому что лишь только войско становилось лагерем, как рогатки выставлялись и армия была обеспечена от нечаянного нападения. Но пики были бесполезны, даже затрудняли солдат в походе (вторая шеренга несла пики), и кроме того, надобно было увеличить обоз двумя подводами на полк, так как на них складывались пики больных. Миних распорядился также освободить офицеров и унтер-офицеров от эспонтонов и алебард, которые он заменил более практичными короткими ружьями со штыками.

Военные приготовления русских в Украине и поход генерала Леонтьева, хотя и неудачный, встревожили Порту. Испытав новый Урон со стороны персиян, она опасалась стать в слишком невыгодное положение, если бы еще Россия вознамерилась напасть на нее. Великий визирь пригласил к себе преемника г. Неплюева, г. Вешнякова.

Осыпав его учтивостями, он объявил, что намерен сохранить мир со всеми христианскими державами. Он предложил даже заставить татар вознаградить причиненные ими русской земле убытки. Он обратился также к австрийскому посланнику Тальману и к другим иностранным послам, склоняя их оказать свое посредничество и уладить несогласия, возникшие между обоими дворами. Это, впрочем, не мешало великому визирю принять все нужные меры для защиты границ, усилить гарнизон и отправить в Черное море флот для прикрытия крепости с этой стороны.

Морские державы старались отклонить императрицу от войны, но она уже решилась. Некоторые члены петербургского Кабинета были против войны, в особенности граф Остерман. Они доказывали, что Россия ничего не выиграет от войны с турками, а только издержит большие суммы денег и потеряет множество людей без всякой пользы. По их мнению, татары одни покусились на враждебные действия против России, поэтому их одних и следует наказать, не объявляя формальной войны Порте. А для этой цели следует собрать большее число легкой кавалерии, присоединив к ним корпус регулярного войска; все это в хорошее время года напустить на Крым, жечь и губить все, что встретится на пути, стараясь проникнуть в глубь страны насколько возможно далее, затем вернуться на Украину. Если бы Оттоманская Порта вздумала жаловаться на эти действия, то можно было сказать ей в свое оправдание, что Россия не ищет ссоры с ней, но так как многократные жалобы на хищничества, производимые в русской территории, остались без удовлетворения — может быть, оттого, что Порта, занятая внешней войной, хотела потворствовать татарам, — то императрица была вынуждена уже собственной властью наказать разбойников, искавших способа разорить ее страну да еще поссорить ее с Портой. Впрочем, императрица ничего так не желает, как жить в согласии с этим двором. Когда война кончилась, тогда все убедились, что доводы эти были справедливы. Потеряв в войне много людей и не выиграв почти ничего, Россия не могла же признать существенной для себя пользой ту славу, которую приобрела ее армия или, скорее, несколько отдельных лиц. Сам фельдмаршал Миних был против войны с турками; когда же она была объявлена, он уже не прочь был продолжать ее еще несколько лет.

По приказанию императрицы граф Остерман обратился к великому визирю с пространном посланием, которое было в то же время манифестом и объявлением войны. В этом документе исчислены были все случаи нарушения мира турками и татарами с начала текущего столетия. В заключение было объяснено, что ее величество вынуждена употребить против Порты Богом дарованные ей средства и тем оградить на будущее время своих подданных от наносимых

им обид. Но как императрица решается на это против своего желания и только с целью получить соразмерное удовлетворение за понесенные империей потери и испытанные насилия и наконец добиться прочного мира на условиях, могущих обеспечить на будущее время безопасность и спокойствие государства и народа, то, во избежание пролития крови, ее величество готова на соглашение. И если Порта разделяет эти чувства, то пусть она уведомит о том ее императорское величество и выйдет на границу министров, снабженных достаточным полномочием, с которыми тотчас же могут начаться переговоры.

Венский двор предложил свое посредничество. Порты и Россия приняли его, но ничего из этого не вышло.

Послание Остермана получено великим визирем в одно время с известием об осаде Азова и о походе русской армии в Крым. Вследствие этого визирь издал в Константинополе манифест с объявлением России войны.

Собрав многочисленную армию, великий визирь перешел с нею через Дунай, но это и все, что он сделал во все продолжение кампании. В эту войну Порты следовала политике, которой в прежнее время не держалась. Она позволила русскому посланнику выехать из Турции, тогда как обыкновенно турки в случае войны с какой-либо державой сажали посланника ее в семибашенный замок до заключения мира.

Сделав все нужные приготовления к раннему походу, граф Миних в начале марта направился к крепости св. Анны, выстроенной в 30 верстах от Азова, на турецкой границе. Там по его распоряжению были собраны 6 пехотных полков, 3 драгунских и 3000 донских казаков. Когда узнал об этом азовский комендант, он послал одного из своих офицеров к фельдмаршалу поздравить его с прибытием на границу, не подавая вида, что подозревает нападение на Азов; он изъявил свои дружеские чувства и, предлагая свои услуги, присовокуплял, что он надеется на взаимность со стороны Миниха, притом выражал уверенность, что граф прибыл в эти края не с враждебной Порте целью, потому что не объявлена война, а что он, комендант, не подавал повода к жалобе. Фельдмаршал ласково принял турка, сделал при нем смотр войску, но только в известном отдалении, постаравшись расположить ряды так, чтобы его малочисленный отряд показался 20-тысячной армией. Затем он отпустил офицера обратно в Азов, не дав ему никакого положительного ответа, а только поручил ему кланяться паше.

До этого времени у крепости св. Анны ежегодно собирались войска, которые там стояли лагерем обыкновенно шесть месяцев.

27 марта Миних переправился через реку Дон и направился к Азову, 31-го числа до рассвета, когда войско выступило в поход,

генерал-майор Спарейтер был отряжен с 600 человек пехоты и партией казаков, чтобы служить авангардом и прогнать передовые посты неприятеля. Этот генерал подвигался вперед так осторожно и неслышно, что подошел к двум замкам на берегу Дона, близехонько от Азова, и не был замечен. Генерал атаковал и взял замки, не потеряв ни одного человека. В то же время к городу подступил с армией фельдмаршал, завладел несколькими постами, расставил в известном расстоянии друг от друга несколько редутов для прикрытия войска от вылазок из города и совершенно блокировал город с суши.

По приказанию паши турки в продолжение всего дня стреляли из пушек, извещая тем жителей, что крепость атакуют и чтобы они укрылись в городе, однако народ предпочел искать спасения у кубанских татар. 3 апреля, в ночь, фельдмаршал приказал атаковать форт Лютис, который и был взят с потерей одного поручика и трех рядовых убитыми и 12 человек ранеными. В форте найдено 20 как чугунных, так и железных пушек; 50 янычар и при них офицер взят в плен и, вероятно, столько же было убито. Русским отрядом командовал снова генерал Спарейтер.

4-го числа в лагерь прибыл генерал Левашев с одним драгунским полком и тремя пехотными полками. Фельдмаршал передал ему начальство над войсками, облегавшими Азов с суши, до прибытия графа Ласи, которому поручено было распорядиться осадой.

6-го числа фельдмаршал выехал из лагеря под Азовом к Царицыну (городку в двух лье от Днепра, на крайнем конце украинской линии), где формировалась главная армия, которую он должен был принять под свое начальство. В день приезда Миниха, 18-го числа, тут уже находилось несколько пехотных и драгунских полков под начальством принца Гессен-Гомбургского. Остальная армия прибыла 13-го, 20-го и 21-го числа. Она состояла из 12 драгунских полков, 15 пехотных, 10 полков милиции, 10 гусарских эскадронов и 12 000 казаков, в том числе 5 000 донских и 3 000 запорожских; остальные были украинские. Численность всей армии состояла из 50—54 тысяч человек. Под командой фельдмаршала находились следующие генералы: принц Гессен-Гомбургский, главный начальник артиллерии, генерал-лейтенанты Леонтьев и Измайлов, генерал-майоры Шпигель, князь Репнин, Магнус Бирон, Штофельн, Гейн, Тараканов, Лесли и Аракчеев. Полкам роздан запас хлеба на два месяца, и офицерам приказано взять с собою по крайней мере столько же. Фельдмаршал желал бы снабдить войско и большим запасом провизии, потому что ее было много припасено в течение зимы, но для этого недоставало подвод. Все-таки из-за этого он не решался откладывать поход, а поручил генерал-майору князю Трубецкому позаботиться об этом деле. Он приказал ему отправлять к армии боль-

шие обозы по мере того, как он добудет волов, и самому следовать за армией. Так как несколько полков, по отдаленности зимних квартир от границы, не успели ко времени сбора всей армии, то им велено прикрывать обозы и следовать за армией. Между тем князь Трубецкой действовал так медленно, что еще не успел кончить своих распоряжений, когда армия возвратилась в Украину. Обозы, им отправленные, были так незначительны, что не могли удовлетворять потребностям войск, которые много терпели от голода, как это будет изложено ниже. Другая причина, побудившая Миниха начать поход, заключалась в том, что он никогда не воевал в этой местности и поэтому знал Крым только по рассказам казаков, бывших там по своим торговым делам; он поверил им, что этот край изобилует всем до такой степени, что по прибытии туда армия найдет там все нужное для своего существования, не имея надобности в подвозе припасов.

Армию разделили на пять колонн: первую повел генерал Шпигель, образуя авангард из трех пехотных полков, трех драгунских и части легкого войска. Вторую колонну вел принц Гессен-Гомбургский, третью — генерал-лейтенант Измайлов, четвертую — генерал-лейтенант Леонтьев, пятую и милицию — генерал-майор Тараканов. Фельдмаршал большую часть времени следовал с авангардом. Четыре первые колонны находились друг от друга на расстоянии одного перехода; генерал Тараканов несколько отстал от них, потому что не находился еще налицо в то время, когда вся остальная армия выступила в поход. В этом порядке армия шла вдоль реки Днепр или в некотором расстоянии от реки вплоть до Каменного затона, напротив Сечи, столицы запорожских казаков. Тут 10 мая все четыре колонны соединились. Армия сделала еще пять переходов, не видя и не слыша ничего о неприятеле. Наконец 17-го числа, во время стоянки войска на берегу речки Дружки, верстах в двух от передовых постов замечена была партия в 100 человек. Казаки кинулись им навстречу, однако никого не захватили. На другое утро более значительный неприятельский отряд подошел к правому крылу армии и удалился, не связываясь даже с казаками.

19-го числа фельдмаршал велел выступить пяти отрядам; каждый состоял из 400 драгунов и 500 казаков. Так как местность представляла обширную равнину, то отрядам велено идти интервалами, имея друг друга в виду, и присоединиться к тому отряду, который будет ближе к неприятелю, и тогда соединиться. Всеми отрядами начальствовал генерал Шпигель. Не прошли они и двух лье, как встретили партию в 200 ногайских татар, которые, увидев издали русских, немедленно бежали. Однако казаки нагнали их, побили нескольких и двоих взяли в плен. Имея приказание двинуться на самое близкое расстояние к неприятелю, Шпигель не успел пройти

еще двух лье, как нашел нужным поспешно собрать все отряды. Навстречу ему шел корпус в 20 000 человек. Генерал только что успел образовать из драгунов каре и спешить переднюю шеренгу, как неприятель окружил его со всех сторон. С гиком напал он на русских и засыпал их стрелами. Драгуны не смешались, стреляли не торопясь, только когда были уверены, что не промахнутся. Такой отпор так подействовал на татар, что они не смели подойти к каре ближе, как на сто шагов; ограничиваясь тем, что со всех сторон тревожили его, сделали несколько ружейных выстрелов и пустили чрезвычайно много стрел. Узнав об опасности, которой подвергался генерал Шпигель, фельдмаршал во главе 3 000 драгун и 2 000 казаков отправился с генералом Леонтьевым выручать его. За ним следовали полковник Девиц с 10 гренадерскими ротами и пикет от всей пехоты. Неприятель, завидев их, поспешно удалился, оставив на месте 200 убитых. В этой атаке, продолжавшейся более шести часов кряду, Шпигель потерял 50 человек убитыми и ранеными. Сам он и полковник Вейсбах были ранены. Большая часть ран произведена стрелами.

Это дело сильно подействовало на обе стороны: татарам оно внушило небывалое уважение к русским, а русские стали презирать татар. Это впечатление много содействовало успехам русских в этой войне. От взятых в плен татар узнали, что хан со всею своею армией, состоящей из 100 000 человек, стоял лагерем в 80 верстах отсюда; что корпус этот под начальством калги-султана был выслан для рекогносцировки русских, о движении которых хан узнал только дней десять тому назад. Калга-султан, т. е. главнокомандующий войска, есть высшее звание у крымских татар; в этот сан хан обыкновенно облакает или родного брата, или ближайшего из своих родственников; он же обыкновенно бывает преемником хана.

Вся армия подошла к самому месту бывшего сражения, так называемой Черной Долине, где и расположилась лагерем. 21-го числа армия выступила в поход, в первый раз образуя каре, в середине которого находился багаж, и этот порядок соблюдался во все время войны каждый раз, как армия находилась поблизости от неприятеля. Вновь взятые в плен татары подтверждали, что в неприятельской армии считается по крайней мере 100 000 человек и что, кроме того, вообще все жители Крыма были принуждены взяться за оружие для защиты своих линий.

Армия расположилась в местности, называемой Татарские Колodцы; проточной воды здесь не имеется на расстоянии шестнадцати верст кругом, но стоит прокопать землю на один фут глубины, как тотчас окажется очень хорошая вода. Армия провела в этом лагере несколько дней; 24-го числа казаки захватили двух гонцов, ехавших из Константинополя; у них отобрали письма великого ви-

зия к хану о том, чтобы последний не надеялся в эту кампанию на помощь турок; как видно, визирь, казалось, был недоволен татарами, навязавшими Порте эту новую войну.

26-го числа армия, сделав переход в 24 версты, расположилась лагерем на речке Каланче. При выступлении армии из прежнего лагеря ее окружили татары и с криком напали на нее со всех сторон. Русские отделились от них несколькими выстрелами из пушек, которые были так удачны, что сразу многих положили на месте. Это их до того устрасило, что они бросились бежать и скрылись за линиями.

28-го числа армия расположилась лагерем на расстоянии пушечного выстрела от Перекопа. Следующие два дня были употреблены на устройство батарей; затем началось бомбардирование города. Когда армия подошла к крымским линиям, фельдмаршал написал хану, что он послан сюда императрицей для наказания татар за их частые набеги на Украину и намерен, во исполнение данного ему повеления, предать весь Крым разорению, но если хан и его подданные намерены отдать себя под покровительство ее величества императрицы, впустить в Перекоп русский гарнизон и признать над собою владычество России, то он, фельдмаршал, немедленно вступит в переговоры и прекратит враждебные действия; первым же условием требует сдачи Перекопа. В ответ на это письмом 30-го числа хан поручил мурзе, т. е. татарскому чиновнику, объяснить графу Миниху, что война не была объявлена и поэтому его удивляет это нападение в его собственном государстве; что крымские татары не вторгались насильственным образом в Россию; вероятно, то были ногайцы, народ, хотя и пользующийся покровительством крымских татар, однако до того необузданный, что с ним и справиться никогда не могли; Россия могла бы ограничиться взысканием с них и наказать по своему усмотрению всех, кого только удалось бы захватить, как это и было сделано в прошлом году; а что он, сам хан, так связан константинопольским двором, что не может решиться на разрыв; что касается до Перекопа, то он не волен над ним, потому что гарнизон, состоящий из турецкого войска, не согласится на сдачу. Впрочем, хан просил прекратить военные действия, предлагая вступить в переговоры, а заключил объявлением, что если на него нападут, то он будет защищаться всеми силами.

Фельдмаршал, видя, что против татар остается только употребить оружие, отпустил мурзу с ответом хану, что после отказа его от милости императрицы и от предлагаемых мер кротости он увидит опустошение страны и пылающие города; что зная вероломство татар, он не может им верить, когда они предлагают переговоры. По отъезде мурзы велено армии готовиться к наступлению.

Тотчас по пробитии зори полки встали под ружье; в лагере оставлены больные и по десяти человек из каждой роты для охраны

обозов. Армия, взяв дирекцию направо, шла шестью колоннами; к 1500 человек, отряженным к батареям, присоединена еще 1000, и велено им подойти к правому флангу линии и за час до рассвета произвести фальшивую атаку для привлечения внимания неприятеля в эту сторону. Армия шла всю ночь в глубоком молчании. В версте от линий она остановилась на часовой отдых в ожидании рассвета. Ничего не зная о движении армии, татары обратили все свои силы к стороне фальшивой атаки и очень удивились, увидев слева от себя армию, построенную в шесть колонн. Русские солдаты с величайшею смелостью бросились в атаку; сначала неприятельский огонь был очень силен, да и ров оказался глубже и шире, нежели полагали, но так как он был сух, то солдаты, спустившись туда и с помощью пик и штыков помогая друг другу, стали взбираться наверх.

Между тем артиллерия не переставала громить бруствер. Увидев, что дело принимает серьезный оборот, татары не дождались появления русских на верху бруствера и обратились в бегство, бросив свой лагерь, впрочем, довольно скудно снабженный. Теперь армия могла перейти линии, не встречая уже препятствий. Они довольно своеобразны, что можно видеть из следующих подробностей. Длина их 7 верст, от Азовского до Черного моря. Вход к ним один, по большой дороге к Перекопу, входящему в состав линий; вдоль линий выстроено шесть каменных башен, защищенных пушками. Ширина рва — 12 туазов, глубина — 7, а высота от дна до верхнего края бруствера — 70 футов при соразмерной толщине бруствера. Над этими линиями до самого окончания их работали в продолжение нескольких лет 5000 человек, и татары воображали, что линии неприступны. Правда, что всякое другое войско, кроме татарского, сумело бы не так затруднить переход через них. Тем не менее вход в Крым был и иначе доступен. Впоследствии узнали, что рукав Азовского моря, к которому примыкают линии, летом до того мелеет, что глубина в нем не превышает трех футов, так что можно обойти линии.

В следующие два похода граф Ласи этим путем прошел в Крым. В упомянутых мною башнях, выстроенных вдоль линий, еще держался гарнизон, состоявший из янычар. Из ближайшей к армии башни канонада продолжалась и побила несколько людей. Тогда граф Миних поручил принцу Гессенскому отрядить туда офицера с людьми, с тем чтобы выбить оттуда неприятеля. На ту пору, что принц получил этот приказ, при нем находился капитан Петербургского гренадерского полка Манштейн. Последний просил назначить его туда, на что принц согласился. С 60 человек своей роты Манштейн отправился. Топорами разрубили дверь в башне, невзирая на огонь неприятеля; капитан вошел с горстью людей, предлагая неприятелю сдаться; турки согласились и начали было складывать оружие, как один из гренадер ударил штыком янычара; взбешенные этим

поступком, турки снова взялись за сабли и стали защищаться; они убили шестерых гренадер и ранили 16, в том числе и капитана. Зато все 160 янычар, охранявших башню, были заколоты. Гарнизоны прочих башен поступили умнее: бежали все вовремя вслед за татарами. Все это дело стоило русским убитыми одного офицера и 30 человек рядовых, да ранеными 1 офицера и 176 человек рядовых. Фельдмаршал отрядил 2000 рабочих, которым было поручено в нескольких местах линий проложить дорогу для обоза армии, ставшей лагерем на той стороне. А в покинутый за ночь русский лагерь вступил генерал Тараканов со своими полками милиции.

Фельдмаршал требовал от коменданта Перекопской крепости, чтобы он сдался. Паша просил сутки сроку на размышление, на это последовало согласие; по прошествии этого срока, 1 июня, он поручил двум своим офицерам просить Миниха о свободном пропуске его с гарнизоном для присоединения к татарскому хану. Сначала хотели, чтобы он сдался военнопленным, но после его отказа и еще нескольких переговоров ему дали обещание, что его проводят до первой приморской пристани, откуда он со своими людьми должен отплыть в Турцию, и взято с него слово, что он в течение двух лет не будет участвовать в войне против России. Однако русские нарушили условия. По выходе коменданта с гарнизоном в 2554 человека из крепости с ним поступили, как с военнопленным. На жалобы его отвечали, что Порты и хан, в противность условию последнего трактата, задержали 200 человек русских купцов и поэтому пока их не выпустят, и ему не дадут свободы. Турецкий гарнизон заменили 800 гренадер, а граф Миних расположился в городе на квартире. В складах не оказалось большого запаса; в крепости и в башнях насчитали до 60 пушек, в том числе несколько с русским гербом, отнятых во время несчастного похода в Крым князя Голицына в прошлом столетии.

В городе Перекопе до 800 домов, большею частью деревянных; улицы, как во всех турецких городах, очень узки, а городские стены фланкированы башнями старинной формы укрепления из дурного песчаника, который рассыпается при первом пушечном выстреле. Одним словом, Перекоп не может выдержать осады. Белозерскому полку велено занять город, а командир полка Девиц назначен комендантом крепости. Кроме того, граф Миних отдал под его команду 600 казаков и принял также другие меры для защиты линий. 4 июня генерал-лейтенант Леонтьев с 10 000 регулярного войска и 3 000 казаков был отряжен к Кинбурну, укрепленному городку по сию сторону устья Днепра, против Очакова, с целью взять Кинбурн и преградить буджакским татарам переправу через реку. В тот же день фельдмаршал собрал военный совет для обсуждения дальнейших военных действий. По мнению почти всех генералов, надлежало

армии стоять у Перекопа до самого конца похода и высылать только отряды в неприятельский край для опустошения его. Но Миних, мечтавший не более и не менее как о завоевании Крыма, не согласился с этим мнением. Он доказывал, что предлагаемые действия ни к чему не поведут и самое взятие Перекопа бесполезно, если из победы не будут извлечены все выгоды, а отряжать людей небольшими партиями внутрь страны слишком опасно, потому что если бы они зашли далеко в край, то их было бы легко отрезать и разбить. Тогда генералы стали представлять графу Миниху необходимость выждать по крайней мере первые обозы с припасами, так как в наличности оставалось хлеба на армию только на 12 дней. На это Миних возразил, что армия, находясь в неприятельской земле, должна стараться и продовольствоваться на счет татар; цель похода, по мыслям двора, состоит именно в том, чтобы не давать вздохнуть этим разбойникам и разорять их край, если не удастся утвердиться в нем более прочным образом. И затем фельдмаршал приказал, чтобы армия готовилась в поход на другой день. С этой минуты Миних и принц Гессенский перестали быть друзьями; образ же действий принца в этот поход, как и в следующий, не принес ему чести.

5 июня фельдмаршал выступил из окрестностей Перекопа, направляясь к центру Крыма. Татары совершенно окружили армию, которая постоянно шла в каре. Они не переставали беспокоить ее, но только издали, а как скоро приближались на расстояние пушечного выстрела, то достаточно было нескольких ядер, чтобы разогнать их. 8-го числа они могли бы наделать много вреда русским, если бы сумели воспользоваться случаем. Направляясь по дороге к Козлову, армия подошла к морскому проливу, называемому Балчик, по которому надо было переправиться, а моста не было. Казаки отыскиали несколько мелких мест, и армия прошла их вброд; при этом в каре образовался интервал в полторы тысячи шагов; человек 200 татар ринулись в образовавшийся промежуток и вместо того чтобы схватиться с войском, принялись расхищать обоз, а отстоявшая оттуда на пушечный выстрел татарская армия поглядывала на них. Русские успели тем временем сомкнуться; порядочное число татар побито, у прочих настолько хватило духу, что они саблями очистили себе дорогу.

9-го числа армия стояла на месте. Известясь, что неприятель стоит в 12 верстах отсюда, фельдмаршал под вечер отрядил всех гренадер армии, 1500 драгун и 2000 донских казаков и, поручив их начальству генерал-майора Гейна, приказал им идти всю ночь со всевозможными предосторожностями и стараться напасть на неприятеля на рассвете врасплох.

Если бы это дело было поручено не генералу Гейну, а всякому другому, то оно имело бы успех и немалая часть неприятельского

войска была бы уничтожена. Этот же генерал, чем бы ускорить марш, провел половину ночи в ранжировке солдат и двигался медленно. Донские казаки, выступив вперед, на рассвете ударили на татарский лагерь, где почти все еще спали, и принялись колоть и рубить все, что попадало под руку. Поднялась тревога, татары вскочили на лошадей и, увидев, что имеют дело только с казаками, в свою очередь ударили на них и принудили с большою потерей ретироваться. Они могли бы совершенно разбить их, если бы, завидев приближавшийся отряд генерала Гейна, сами не обратились в бегство, бросив свой лагерь, в котором нашлось много фуража и несколько палаток.

Фельдмаршал выступил в поход, как только занялся день; в оставленной неприятелем местности расположились лагерем. Потеря была почти равная с обеих сторон, а именно около 300 человек, с тою разницею, что у неприятеля убито несколько знатных начальников.

По приказанию графа Миниха Гейн за неисполнение данных приказаний был арестован и отдан под военный суд, который приговорил его к лишению чинов и дворянства и к пожизненной службе рядовым в драгунах милиции. Приговор был буквально исполнен. Это было довольно строгое наказание за проступок, заключавшийся в трусости, а может быть, и глупости или неумении распорядиться как следует. Но в России строгость — условие первой необходимости, потому что там примеры снисхождения не производят того действия, что строгость. Там привыкли ничего не делать, если не заставят силой.

Несмотря на то что план напасть врасплох на татар и разбить их не имел всего желаемого успеха, последние уже не отваживались стоять на близком расстоянии от русской армии; они даже оставили ее в покое в продолжение нескольких дней, показываясь только малыми отрядами, и то издали.

Армия продолжала поход по направлению к Козлову и 15 июня подошла к городу на расстояние восьми верст, откуда усмотрен был сильный пожар. 16-го граф Миних отрядил всех гренадер армии, донских казаков и запорожцев и, поручив начальство над ними генералу Магнусу Бирону, приказал атаковать Козлов. Ворота города оказались открытыми и все предместье в огне: татары подожгли дома христианских купцов. Обыватели же из турок удалились по направлению к Бахчисараю, а турецкий гарнизон, сев на суда, которых было 30, отплыл в Константинополь. В городе оставалось только около 40 купцов из армян.

Козлов окружен прочной каменной стеной, снабженной большими башнями, ров очень широкий и высечен в скале. Гавань хорошая и просторная, способная вместить до 200 судов. Это самый торговый город в Крыму; в нем до 2 500 домов, большею частью каменных, и

несколько красивых мечетей; есть и христианская церковь в предместье. Турки обыкновенно содержат в Козлове гарнизон в 3 000 человек.

Перед удалением своим из города обыватели постарались скрыть свое имущество, иное закопав в землю, другое спустив в колодцы, однако солдаты и казаки сумели добраться до всего; добыча золота, серебра, жемчуга, разных материй и платья была очень велика. В особенности значительно было количество медной посуды, которую нельзя было взять с собою. Найдены еще 21 чугунная пушка и значительное количество свинца; рису и пшеницы было такое изобилие, что этих запасов стало бы на армию более многочисленную, нежели была русская. Миних приказал раздать всей армии провизии на 34 дня; чувствовался уже недостаток в хлебе.

По дороге от Перекопа до Козлова был часто недостаток в воде. Татары, покидая свои деревни, не довольствовались сожжением фуража, но еще портили воду в колодцах, бросая в них всякие нечистоты. В этом крае речная вода очень редка. От Перекопа до Козлова, на протяжении почти полутора верст, встречаются только три речки с пресной водой. Причина та, что в Крыму много соленых озер, от которых вода вытекающих из них речек тоже делается негодной для питья. Понятно, что этот недостаток не остался без вредного влияния на здоровье войска и что в нем стали обнаруживаться болезни. Еще более ослабили люди оттого, что обычный для солдата кисловатый ржаной хлеб здесь заменялся пресным пшеничным. Солдаты сами мололи муку в ручных мельницах, находимых в селах, через которые проходило войско и которые все были выжжены.

Казаки ухитрились захватить 10 000 баранов и несколько сотен рогатого скота; солдат не мог нарадоваться этому празднику, потому что две недели не приходилось ему есть мясное.

18-го числа к армии примкнул генерал Лесли, везя с собою под конвоем из 2 000 человек подводы с провизией, запасенной в Украине. Накануне вся неприятельская армия произвела на него нападение, но генерал с таким успехом употребил в дело два полевых орудия, взятых им в Перекопе, что татары, потревожив русских четыре часа кряду и потеряв много людей, принуждены были отступить. Татары подходили уже к самым рогаткам. Генерал сам убил одного ударом шпаги.

Армия простояла пять дней под Козловом как для отдыха, так и для печения хлеба. 21-го числа она выступила в поход по направлению к Бахчисараю и держась берега Черного моря. Со времени вступления войск в Крым они еще не находили такого изобилия в воде и фураже; неприятель не полагал, что они пойдут по этой дороге, и потому не истреблял ничего, а Миних еще раньше распустил ложный слух, будто он возвращается прямо в Перекоп, но по другой

дороге. Татары дались в обман и произвели большое опустошение по другому направлению.

22-го числа фельдмаршал отрядил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Лесли с двумя драгунскими полками, четырьмя пехотными и с несколькими казаками для следования влево от армии, чтобы выбить неприятеля из некоторых селений. Однако татары довольно упорно отбивались, чего никак нельзя было ожидать; наконец, они были вынуждены бежать. Русские забрали множество скота, который отведен был в армию и роздан солдатам. В этой схватке русские потеряли убитыми одного офицера и двух казаков, а ранеными одного майора и 20 человек солдат. От военнопленных узнали, что хан ожидает прибытия от 6 до 7 тысяч турок, которых капитан-паша вышлет ему с флота, вошедшего в Кафскую гавань вследствие того, что он не мог ничего предпринять против русских под Азовом.

27-го числа армия подошла к ущельям холмов, которые ограждают равнину под Бахчисараем. Неприятель стоял на высотах в весьма выгодной позиции. Так как дорога, по которой надлежало идти на Бахчисарай, была очень затруднительна и к тому же поход этот надобно было совершить скрытно от неприятеля, то фельдмаршал решился идти туда только с отборным войском, а обозы и больных оставить позади под охраной четвертой части армии, вверив ее начальству генерал-майора Шпигеля. Он выступил вечером, тотчас по пробитии зори. Выступление совершено в таком порядке и в такой тишине, что неприятель не слышал, как русские обошли его лагерь, и очень удивился, когда на рассвете увидал его под Бахчисараем. Довольно большой отряд татар с примесью янычар яростно бросился на донских казаков и на расположенный поблизости от них Владимирский пехотный полк. Нападение было сделано с такою силою, что казаки подались назад, а у пехотного полка отбита пушка. Когда же фельдмаршал выдвинул вперед пять других пехотных полков и несколько орудий под начальством генерал-майора Лесли, то неприятель недолго мог выдержать огонь и бежал, бросив и захваченную им пушку. По отступлении неприятеля Миних отправил четвертую часть армии в город для разграбления, а прочие оставались под ружьем. Все обыватели бежали из города, спасши свое лучшее имущество в горах, тем не менее добыча русских была значительна.

Бахчисарай в переводе значит садовый дворец; это обыкновенное местопребывание крымского хана. Город расположен в глубокой долине; домов в нем около 2 000; треть этого числа принадлежит грекам, у которых тут же и церковь своя. Существовала и иезуитская миссия, но так как она была принуждена следовать за ханом, то и дом, и библиотека ее так же мало были пощажены, как

и все другие дома. Ханский дворец, состоявший из нескольких больших, довольно красивых и очень опрятных зданий, был обращен в пепел, как весь город. В последнем не было никакого укрепления.

Неприятель немедленно после того, как он был отброшен под Бахчисараем, отрядил большой корпус для нападения на генерала Шпигеля, шедшего с обозом. Встретив украинских казаков вне лагеря на фуражировке, татары напали на них, имели сначала успех, побили человек 200 и столько же взяли в плен, но с регулярным войском они не могли совладать. Несколько раз накидывались они на ограду, составленную из обозных телег, но всякий раз были отброшены с потерей, и дело кончилось тем, что они бросили эти попытки.

29-го числа армия удалилась от окрестностей Бахчисарая и расположилась лагерем на берегу реки Альмы, где присоединился к ней и обоз.

3 июля фельдмаршал отрядил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Магнуса Бирона с регулярным войском в 8 000 человек, 2 000 казаков и 10 орудиями для атаки города Акмечети, или Султан-сарая*, местопребывания калги-султана и знатнейших мурз. Они не нашли там почти никого, потому что за два дня перед тем жители бежали. Найденные припасы свезены в лагерь, а город с его домами числом до 1800, большею частью деревянными, предан пламени. На обратном пути отряд был атакован неприятелем; с ним обошлись по обыкновению; у русских убито 4 солдата и 8 казаков и ранено несколько человек.

С этого дня армия видела неприятеля только вдали, и то отдельными небольшими партиями. Бежавший из плена грузин говорил, что турки удалились в Кафу, а татары — в горы, решившись более не утомлять себя напрасными усилиями преграждать русским дорогу, а только следить за русской армией посредством небольших отрядов и в некотором отдалении от нее.

До сих пор армия шла по дороге к Кафе и фельдмаршалу весьма бы хотелось овладеть этим городом и устроить тут прочное укрепление, но в армии стала обнаруживаться заметная убыль; третья доля ее подверглась болезням, а прочие состояли из людей до того слабых, что они едва передвигали ноги. Я уже выше указал на некоторые причины тому; к ним присоединился зной, ставший нестерпимым. Итак, решено было возвратиться в Перекоп и там переждать жары. Неприятель опустошил всю окрестность Кафы и сжег все села, чтобы отнять у русских все средства к продовольствию. Как же татары озлобились, когда увидели, что русские пошли к Перекопу!

---

* Султан-сарай — значит дворец султана. — *Примеч. авт.*

17 июля армия пришла сюда и весьма обрадовалась, когда нашла тут провизию сухарей, достаточную на 2 недели и доставленную из Украины с двумя полками драгун под командой генерал-майора Аракчеева. При этом случае подъехало немало маркитантов с водкой и разными припасами, так что после всех понесенных войском трудов оно пользовалось наконец некоторым избытком. 18-го числа к армии присоединились три драгунских полка, стоявших на Дону; ими командовал полковник Ведель. С ними пришел еще обоз с припасами, хотя и незначительный. А так как фуража было весьма мало на линиях, то полковнику Веделю приказано отвести полки свои в степь, за 24 версты от Перекопа, и там расположиться лагерем.

Глава VIII

Взятие Кинбурна. — Генерал Шпигель отряжен в поход. — Русская армия выступает из Крыма и возвращается в Украину. — Продолжение осады Азова. — Прибытие графа Ласи под Азов. — Поход фельдмаршала Ласи в Крым. — Набеги татар. — Хан крымский низложен. — Экспедиция Дондук-Омбо. — Возвращение 10-тысячного корпуса с Рейна. — Размышления о походе 1736 г. — Порядки, которых держались русские во время похода против турок. — Перечисление их обоза. — Каким образом поддерживалось сообщение с Украиной. — Зимние квартиры русского войска. — Набеги татар. — Порядок, наблюдаемый татарами в походе. — Сигналы, устроенные по границе.

1736—1737 гг.

По прибытии армии в Перекоп генерал-поручик Леонтьев дал знать фельдмаршалу, что он с корпусом своим подошел почти под самый Кинбурн и посылал своего адъютанта Зоммера к коменданту с требованием сдаться; комендант немедленно вступил в переговоры и сдал крепость под условием, что ему дозволят выйти с гарнизоном, состоящим из 2000 янычар, в Очаков. Таким образом, взятие города Кинбурна не стоило России ни одного человека, да и в продолжение всей этой экспедиции только 3 или 4 человека были убиты в стычке. В городе содержались в неволе 250 русских, которых освободили; там же найдено 49 орудий и 3000 лошадей.

Казаки отняли у неприятеля 30000 баранов и от 4 до 5 сотен рогатого скота, которые были скрыты им в лесу.

По взятии Кинбурна генерал Леонтьев спокойно стоял с войском в лагере под крепостью. Дела у него не было, потому что ни турки, ни буджакские татары не покушались перейти за Днепр.

Фельдмаршал Миних простоял у Перекопа до 28 августа и в это время сделал несколько распоряжений относительно продовольствия войска и облегчения обратного пути в Россию.

Перекопский турецкий гарнизон, следовавший за армией во время всех ее переходов, был отправлен под крепким конвоем в Украину. Хан не выпускал русских купцов из плена, в противность условиям последних договоров, поэтому и петербургский двор счел себя вправе отплатить тем же.

Фельдмаршал известился, что небольшой пролив в Азовском море, примыкающий к перекопским линиям, так мелок во многих местах, что его можно переходить вброд и что татары беспрепятственно переправляют через него большие отряды войска с целью атаковать редуты, устроенные в степях для удобства сообщений с Украиной и для охраны идущих оттуда обозов. Миних отрядил генерал-майора Шпигеля с 5 полками драгун и 2 000 казаков с поручением препятствовать выходу неприятеля из Крыма и строго наблюдать за всеми дорогами.

Несмотря на все принятые против татар предосторожности, эти разбойники успевали однако иногда уводить лошадей и скот русской армии, особенно со времени возвращения ее к Перекопу. По недостатку подножного корма в окрестностях лагеря русские принуждены были выводить лошадей по ту сторону линий, в степи, за 24 версты от лагеря. Как ни остерегались эти отряды, однако татары несколько раз захватывали их врасплох и в короткое время угнали до 1500 лошадей. Посылали за ними и в погоню, но без успеха.

Для сбережения запасов и фуража, который с каждым днем становился реже, фельдмаршал отправил запорожских и украинских казаков на их родину. Первым велено высылать почаще небольшие отряды к стороне Очакова и Бендер и стараться провести о намерениях турок, как и о том, где стоит их армия.

Вследствие представления, сделанного фельдмаршалом двору о невозможности держаться долее в Крыму, он получил приказание отвести армию в Украину. Для облегчения похода он отрядил генерал-майора Магнуса Бирона с 6 драгунскими полками и 2 000 донских казаков в конвой для больных армии.

25 июля 3 000 человек были откомандированы на линии для срытия их в нескольких местах и разрушения башен, в то же время стали подводить подкопы под стены города. 27-го числа вся артиллерия и гарнизон выведены из крепости, а 28-го утром русская армия вышла

из Крыма двумя колоннами. Час спустя мины были взорваны и разрушена часть стен и несколько домов города Перекопа.

Армия подвигалась беспрепятственно. Со дня выступления из Крыма по 27 сентября, когда армия подошла к реке Самаре, неприятель ни разу не осмелился ее атаковать. Татары слишком были рады избавиться от непрошенных гостей, и к тому же у самих у них было много дела по устройству у себя порядка, так что им было уже не до преследования русских во время их отступления.

2 сентября генерал-поручик Леонтьев с корпусом своим присоединился к армии, ведя за собою 20 000 баранов из тех 30 000, которые были уведены казаками; их роздали солдатам.

Господин Шпигель, которого первоначально отрядили с поручением препятствовать татарам переходить вброд Гнилое море, получил приказание идти прямо на Бахмут и исследовать местность на пути туда, чтобы удостовериться, не легче ли идти в Крым этою дорогою, нежели вдоль Днепра. Оказалось, что преимущество на стороне бахмутской дороги: во-первых, путь был короче, во-вторых, удобнее было на походе достать лесу и воды. Вот почему в два другие похода, следовавшие за крымской экспедицией, генерал Ласи всегда избирал эту дорогу. Корпус Шпигеля на пути своем только раз был атакован; неприятель, отраженный с большою потерей, уже не возобновлял нападения.

По приходе армии к реке Самаре фельдмаршал сделал смотр всем полкам. Те из них, которые участвовали в крымском походе, представляли большую перемену; в начале похода они находились в полном комплекте*, по окончании же похода ни один полк не мог поставить в знаменной линии 600 человек. Таким образом, половина армии погибла в одном только походе, и замечательно то, что в бою пало или взято в плен неприятелем менее 2 000 человек, включая сюда и казаков.

Один только корпус генерал-поручика Леонтьева сохранился в целости, так как он спокойно простоял под Кинбурном по взятии этой крепости.

Полки отпущены на зимние квартиры в Украину, но при этом старались разместить их так, чтобы они по первому приказанию могли немедленно соединиться в случае, что татары вздумали бы вторгнуться в Россию зимою.

Покуда фельдмаршал Миних был занят в Крыму, фельдмаршал Ласи производил осаду Азова. Изложу наиболее замечательные события этой осады.

---

* В то время в пехотном полку числилось два батальона, всего 1280 человек рядовых. Полный же комплект с офицерами и унтер-офицерами доходил до 1575 человек. — *Примеч. авт.*

Когда фельдмаршал Миних оставил корпус армии, назначенный для осады, то временный командир этого корпуса, генерал Левашев, в ожидании прибытия Ласи распорядился еще теснее обложить город и занялся укреплением своего лагеря для защиты от всяких нападений со стороны осажденных, потому что гарнизон города едва ли не превосходил числом осаждавшее его регулярное войско.

14 апреля 300 человек кавалерии и столько же пехоты сделали вылазку, целя напасть на обоз в полтораста телег с припасами, конвоируемый одним поручиком с сотней людей. Этот офицер, увидав издали приближающихся турок, окружил себя обозом в виде ретраншемента и так удачно защищался в течение двух часов кряду, что дал время казакам прийти к нему на помощь, и неприятель был отброшен назад в город.

Эта неудача не лишила осажденных мужества. Два дня спустя они произвели вторую вылазку с 1000 янычар и 500 конных и ударили на редуты, устроенные для стеснения крепости. Конница атаковала донских казаков, расставленных между редутами, меж тем как янычары с удивительным мужеством бросились на один из редутов, однако их несколько раз отражали и наконец обратили в бегство и преследовали до города. В этом деле неприятель лишился более 100 человек и офицера, командовавшего вылазкой; русские же потеряли всего 17 человек убитыми и ранеными.

6 мая почти весь гарнизон вышел из города с целью атаковать русскую армию. Извещенный о том генерал приказал донским казакам скрыться в засаде. Продав тут, покуда не вышла большая часть неприятеля, казаки внезапно выскочили из засады и ударили в тыл и во фланг турок, опрокинули все, что встретили на пути, и принудили их скрыться за своими стенами после значительной потери. После этой схватки осажденные некоторое время не трогались с места.

15 мая наконец-то прибыл в лагерь под Азов граф Ласи, едва не попав в плен к татарам. Этот генерал, возведенный императрицей в звание фельдмаршала в феврале, командовал вспомогательными войсками, посланными ею к римскому императору; ему велено их оставить и отправиться к Азову для командования осадой этого города. Торопясь прибыть в армию, граф отправился почти налегке, взяв с собою небольшой казацкий конвой, который шел в недалеком расстоянии от его почтовой кареты. От украинских линий до Изюма дорога идет по степи около 3 лье; тут на конвой напала партия татар, бродившая по окрестности; все казаки были рассеяны или взяты в плен. Фельдмаршал едва успел ускакать верхом, и спасла его жадность татар, потому что они бросились грабить его карету, иначе графу не избежать бы плена.

В самый день прибытия графа под Азов открыли траншею, которую живо продолжали копать. Под начальством фельдмаршала Ласи находились: генерал-аншеф Левашев, генерал-поручик граф Дуглас, генерал-майоры Бриньи-старший, Бриллы, Спарейтер и Бриньи-младший.

19-го числа контр-адмирал Бредаль прибыл под Азов, по течению Дона, с пятнадцатью галерами, двумя однопалубными судами и множеством других судов, везя с собою тяжелую артиллерию, которую тотчас же начали выгружать. В тот же день в лагерь прибыли 4 пехотных и 2 драгунских полка.

20-го числа генерал-майор Бриньи был отряжен с 400 человек пехоты и 150 казаками для овладения постом, расположенным близ города. Это дело удалось, и генерал занял пост. Вслед за тем неприятель сделал вылазку с 300 конными и 500 янычарами с целью отбить пост. Стремительно ударил он на русских и заставил их отступить с большою потерей. К счастью, что генерала Бриньи вовремя поддерживали; неприятеля отбросили в город, причем он понес значительную потерю. Когда артиллерия была выгружена, фельдмаршал приказал Бредалю встать с флотом таким образом, чтобы он мог бомбардировать город с моря, отрезать ему всякое сообщение и не допускать с этой стороны помощи. Это приказание было как нельзя лучше исполнено. Четыре бомбардирских судна не переставали денно и ночно забрасывать крепость бомбами.

На помощь Азову пришел с моря турецкий флот под начальством капитана-паши Джиянум-Кодиа, но он ничего не мог предпринять, так как устье Дона совершенно заперто песком и отмелями, так что вода в наименее мелких местах была не глубже 3 или 4 футов; позиция же русского флота была такова, что капитан-паша не в состоянии был послать помощь в Азов в шлюпках или других плоскодонных судах, и поэтому вынужден был отойти, не сделав ничего. Это же обмеление донского устья помешало русскому флоту действовать сильнее на Азовском море; сюда можно было впустить только большие лодки и другие мелкие плоскодонные суда, которые и служили Бредалю в оба следующих похода, как сказано будет ниже.

Ласи, щадя своих людей, ограничивал их работы проведением сапы, что и продолжалось до 13 июня. В промежутке этого времени осажденные делали несколько вылазок, но без всякого результата.

14-го числа осаждающие подвинулись на расстояние 40 шагов от прикрытого пути, как турки произвели сильную на них вылазку, вытеснили их из траншей и часть их работ засыпали. Фельдмаршал Ласи и генерал Дуглас подоспели со свежими войсками, которые

напали на неприятеля и отбросили его. Турок сбили даже с поста, занятого ими в 20 шагах от палисада. Русские тотчас же его заняли и в то же время принялись устраивать тут три батареи. В этой схватке русские потеряли значительное число людей. Сам фельдмаршал был ранен пулей в ляжку и, выступив слишком далеко вперед для ободрения войска, едва не попал в плен к окружившим его туркам.

Но осажденные не хотели оставлять своего неприятеля в покое на захваченном им посту и оттого делали беспрестанные вылазки, но так как последнее предвидели, то стража была удвоена; турок всякий раз отбивали, а батареи и ложементы были наконец окончательно устроены.

18-го в один из значительнейших складов пороха в крепости попала бомба. От взрыва разрушено пять мечетей и более 100 домов и погибло 300 человек.

Осаду продолжали до 28-го числа, когда осаждающие подошли к гласису. Однако неприятель оспаривал у них каждую пядь земли; эта медленная осада надоедала фельдмаршалу. Полковнику Ломану с 800 гренадерами, 700 фузелерами и 600 землекопами велено взять с бою прикрытый путь. Атака началась в полночь. Осажденные упорно отбивались и взорвали две мины, которые не причинили вреда. Наконец принуждены были они отступить и бросили несколько орудий. Их преследовали до ворот города, а осаждающие засели в прикрытом пути. Русские лишились 20 человек убитыми и 60 ранеными.

29 июня паша, комендант крепости, послал с офицером письмо к фельдмаршалу с предложением капитуляции. 1 июля от имени коменданта прибыли в русский лагерь четыре турецких офицера для составления капитуляции. Ласи долго настаивал на том, чтобы гарнизон сдался военнопленным, но как комендант постоянно отвечал, что он предпочитает схоронить себя с гарнизоном под развалинами города, то ему дозволили выйти с гарнизоном из крепости без военных почестей и под русским конвоем идти в Абсук, город, принадлежащий султану, с условием в продолжение года не служить против России. Как скоро капитуляция была подписана, паша отдал в распоряжение русских одни ворота и 4 июля вышел из Азова во главе гарнизона, состоявшего из 3463 мужчин и 2233 женщин и детей. В городе нашлись 221 человек христиан, содержавшихся в неволе; их освободили. В городе остались также 63 купца из армян и греков. Стены укрепления были снабжены 137 медными пушками и 11 такими же мортирами да чугунными 26 пушками и 4 мортирами. В городе нашлось также большое количество амуниции и боевых снарядов, но зато мало продовольственных припасов, потому что магазины были разрушены бомбами, которые и попортили много провизии. Это-то обстоятельство заставило коменданта сдаться

раньше, нежели он решился бы на это без таких случайностей. Хотя русские и овладели прикрытым путем, однако наружные укрепления еще не были в их руках, и они не сделали ни одного пролома в стенах крепости. Зато внутренность города представляла одни груды камней вследствие сильного бомбардирования.

По сдаче крепости фельдмаршал Ласи приказал привести ее в порядок, а между тем стоял с армией поблизости до начала августа. Генерал Левашев назначен губернатором, а генерал Бриньи-старший — комендантом Азова. Для гарнизона оставили 4 000 человек, а город был снабжен всем нужным.

После всех этих распоряжений фельдмаршал Ласи получил от двора приказание идти со своими войсками в Крым для соединения с Минихом. Ласи мог вести с собою только 7 000 человек и отправился с ними в поход. Подошедши к реке Калмиусу, авангард встретил трех казаков, объяснивших, что они принадлежат к корпусу генерала Шпигеля, который шел на Бахмут, но сбились с пути и теперь ищут, как бы соединиться с ним. Фельдмаршал не поверил казакам, велел их задержать и продолжал идти. На другой день привели других казаков, которые повторили сказанное первыми и прибавили, что фельдмаршал Миних с корпусом своим выступил из Крыма и направился в Украину. Это известие заставило Ласи поворотить назад. Но без этой счастливой встречи он, пожалуй, дошел бы до Крыма, где ему грозила бы величайшая опасность при том малом числе войска, которое с ним было. В начале октября фельдмаршал Ласи прибыл в Изюм. Полки, составлявшие его армию, были размещены по зимним квартирам на восточном конце украинских линий, недалеко от Донца. Квартиры эти были расположены таким образом, что войска легко могли сойтись и оказывать помощь друг другу по первому известию о приближении татар. Сам Ласи расположил свою квартиру в Харькове.

Едва отпустил он часть своих войск, как пришло известие, что татары ворвались в русские пределы, увели множество людей, скота и разорили несколько сел. Фельдмаршал отрядил в погоню за ними полковника Краснощеку из донских казаков с 2 000 казаков и калмыков. Краснощека шел почти без отдыха двое суток и на рассвете третьего дня, 27 октября, настиг партию в 200 татар между речками Конские и Молочные воды, в местности, называемой Волчий буграк. Он ударил на них, побил 170 человек, а 30 остальных взял в плен. Узнав от них, что более многочисленная партия с братом хана во главе ушла уже вперед, Краснощека тотчас же погнался за нею и настиг ее в тот же день в полдень. Этот отряд состоял из 800 человек турок и татар; он ударил на них, разбил, положил на месте 300 человек и в плен взял 47 татар и 3 турок. Все русские подданные,

попавшие в плен, числом до 3 000 человек, были освобождены, а казаки захватили 400 лошадей.

Порта, недовольная поведением хана в Крыму во время этого похода, низложила его и на его место поставила калгу-султана.

Петербургский двор, не довольствуясь нападением на Порту в Крыму и осадой Азова, захотел еще смирить кубанских татар и с этой целью приказал Дондук-Омбо, вождю калмыков, кочующих между Царицыном и Астраханью, напасть на тех татар. В начале апреля Дондук-Омбо выступил в поход с 20 000 своих подданных и вступил в кубанскую землю. Отряд, высланный для рекогносцировки, привел пленного, который объяснил, что 5 000 татарских кибиток, содержащих каждая по одной семье, собрались, с тем чтобы сняться с места и отправиться далеко в степь для того, чтобы там поселиться и поставить своих жен и детей вне опасности от калмыков. Вследствие этого известия Дондук-Омбо удвоил шаг и настиг татар между реками Кубанью и Орпою. Они очень выгодно расположились, окружив себя в три ряда кибитками вроде ретраншемента. Дондук-Омбо велел однако атаковать их. Сын его Голдан-Нарма во главе 10 000 человек должен был ворваться в стан неприятеля. Он пошел прямо на него и, став на таком расстоянии, которое позволяло схватиться, велел людям своим спешиться и мужественно напал на татар. Эти также их встретили, но после двухчасового сопротивления наконец их смяли. Резня была страшная, всех мужчин перерезали; пощадили только жен и детей числом до 10 000, а калмыки захватили множество скота. На месте остались 24 мурзы и 6 000 татар. Отправив добычу и пленников под крепким конвоем в свои кочевья, Дондук-Омбо продолжал идти далее, дошел до реки Гогорлики и здесь стал лагерем, чтобы дать людям и лошадям отдых.

Спустя некоторое время он узнал, что четыре главные татарские орды, состоящие из 30 000 кибиток, собрались в 40 лье от него, позади ущелий, и здесь поджидают его. Калмыцкий князь повел туда свое войско и 37 дней блокировал татар, так как он не считал свои силы достаточными для атаки их в этой позиции. Татары тоже не воспользовались малочисленностью неприятельского войска. Они боялись оставить свою выгодную позицию и не выходили из своих ущелий в надежде, что за истощением припасов калмыки принуждены будут удалиться. Когда же на помощь калмыкам подошел большой отряд донских казаков, Дондук-Омбо тотчас распорядился ударить на неприятеля. Проведав о том и боясь потерять все, если бы дело дошло до крайности, татары решились отправить к калмыцкому князю некоторых из знатнейших мурз своих объявить, что они покоряются русской империи, и просить, чтобы он принял их в число подданных ее императорского величества. Эту просьбу приняли

с большим удовольствием. Затем татарский султан и 200 мурз отправились в лагерь Дондук-Омбо и принесли присягу в верности; несколько значительнейших лиц оставлены заложниками.

В то время когда русские армии под начальством фельдмаршалов Миниха и Ласи были заняты в Крыму и под Азовом, корпус из 10 000 человек, посланный императрицей в Германию, возвращался в Украину под начальством генерал-лейтенанта Кейта. Это войско стояло на зимних квартирах в империи, прошедши через Богемию и Польшу, оно в конце сентября прибыло в Киев, где и простояло гарнизоном в течение зимы. Из подробностей изложенного мною похода можно было усмотреть, что для русской армии всего менее были страшны турки и татары, с которыми она воевала. Гораздо губительнее действовали на нее голод, жажда, постоянные труды и переходы в самое жаркое время года. И хотя я большой почитатель графа Миниха, однако я не могу вполне оправдать его ошибки в эту кампанию, стоившую России около 30 000 человек. Надобно признаться, что он употребил всевозможные старания для устройства магазинов на зиму, и если оказался недостаток в подводах для доставки продовольствия в армию, то вина была не его, а военных комиссаров. Однако лучше было бы начать поход двумя месяцами позже или совсем отказаться от начальства над армией, нежели вести несколько тысяч народу в отдаленный край с опасностью потерять их всех, на основании только одной надежды, что, может быть, удастся продовольствовать армию на счет неприятеля. В обращении своем Миних был слишком суров; он часто без надобности изнурял солдат; в самое жаркое летнее время, вместо того чтобы выступать в поход ночью или за несколько часов до рассвета, армия, вместо того чтобы воспользоваться свежестью воздуха, почти всегда выступала часа два или три после восхода солнца. Это обстоятельство много содействовало распространению болезней в войсках. Зной до того изнурял людей, что многие из них падали мертвые на ходу. В эту кампанию даже несколько офицеров умерло от голода и лишений. А что довершило расстройство армии, так это несогласие, господствовавшее между главными начальниками.

Как я уже упомянул, под начальством Миниха находился принц Гессен-Гомбургский, не охотник до военных трудов. Он не только был ленив и небрежен в исполнении даваемых ему приказаний, но еще заводил крамолы в армии. Он осуждал все распоряжения фельдмаршала и о нем самом отзывался дурно при офицерах и даже в присутствии солдат; жалел последних каждый раз, что им приходилось что-либо вытерпеть; говорил, что все происходило от непредусмотрительности начальника армии, который хотел заморить людей голодом и трудами. Такой образ действий, клонившийся ко вреду интересов государыни из-за одной личной ненависти, не мог не иметь

дурного влияния на армию. Солдаты ничего не делали с усердием, все им не нравилось, малейший труд возбуждал их ропот.

Принц Гессенский еще дальше пошел. Увлечши несколько природных русских генералов, также генерала Магнуса Бирона, двоюродного брата обер-камергера и ничтожнейшего ума человека, принц со всеми этими господами, одинаково недалекими, часто держал совет. Наконец, когда прибыли в Крым и подошли к Бахчисараю, принц сделал им предложение: если фельдмаршал велит идти далее, то не слушаться этого приказа, а если он вздумает употребить власть, то арестовать его и передать начальство ему, принцу, как самому старшему генералу армии. В этом случае советники показали себя более рассудительными, нежели принц. Они возражали, что все, сколько их ни есть, ответят головой своей за такое предприятие; уличить фельдмаршала в каком-либо преступлении никак нельзя, инструкции его им неизвестны, поэтому они страшно рискуют, если употребят в отношении его силу. Они могли только представить фельдмаршалу о том, что болезни усиливаются в армии и если не принять против этого мер, то вся армия погибнет. Принц должен был сообразоваться с этим мнением. Несмотря на то, принц втихомолку послал курьера с письмом к обер-камергеру. Этот же подлинное письмо обратил к графу Миниху. Можно себе представить, насколько этот случай усилил взаимную вражду обоих генералов, и удивительно ли, что они возненавидели друг друга смертельно. Принц несколько раз желал помириться, первый делал в этом смысле всякого рода попытки, однако граф не в состоянии был пересилить свое чувство и показать хотя тень доброжелательства; дело дошло до того, что даже при встречах, когда ему никак нельзя было не оказать принцу необходимой вежливости, заметно было по его виду, что она вынужденная.

Хотя Бирон и отослал письмо принца графу Миниху, однако оно произвело некоторое впечатление на двор и на кабинет, в котором считалось несколько врагов Миниха. Решено было обсудить поступки фельдмаршала на военном совете под председательством фельдмаршала Ласи. Однако последний отказался от предложения, и дело на том остановилось. К великому счастью графа, его злейший враг, обершталмейстер граф Левенвольде, умер в конце 1735 г. Иначе он не отделался бы так легко от беды.

Ничто так не служит в похвалу графу Ласи, ничто так не обнаруживает прямоты его души, как это отклонение от себя поручения подвергнуть следствию образ действий Миниха; несмотря на то что последний, будучи по службе моложе графа Ласи, возведен, однако, в звание фельдмаршала раньше его, Ласи не хотел быть ни насколько причиною несчастья своего соперника.

Зимою граф Миних съездил в Петербург, где сумел поднять свой кредит, упавший в его отсутствие. Он так ловко оправдался перед императрицей, что она не только не сказала ему слова в осуждение, но еще дала ему в награду обширные поместья в Украине, возвратившиеся в казну после смерти графа Вейсбаха.

Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время их похода против турок. Как скоро до главнокомандующего доходило известие, что неприятель близок, армия строилась в одно или несколько каре, помещая внутри обоз. Такой порядок возможен в степях того края, представляющего плоскую равнину, где очень мало ущелий, так что разве через десять лье встретится холм или балка, через которые надо переходить. Кроме того, тут нет собственно проложенных дорог, вся ширь степи открыта для войска, что весьма облегчает поход. Но тем более хлопот представляет обоз, который армия должна тащить за собою. Во всей стране между Украиной и Крымом нет городов, за исключением Запорожской станицы, не стоящей порядочного села; поэтому, собираясь в поход, армия поставлена в необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода до того, что иногда воду и дрова надобно перевозить из лагеря в лагерь. Понятно теперь, как велик должен быть обоз такой армии. Я не преувеличиваю, говоря, что армия Миниха не выступала в поход иначе как в сопровождении обоза из 90 000 подвод, особенно после того, как опыт доказал, что нельзя продовольствоваться на счет неприятеля. Эта чрезмерная цифра, может быть, удивляет; так я докажу, что действительно было так на самом деле. Для армии в 80 000 человек везли муки на 6 месяцев, а для этого одного требовалось 40 000 подвод; отдельный обоз каждого полка состоял не менее как из 250 подвод; прибавьте к ним генеральские обозы, обоз регулярного войска, артиллерийский парк да 7 или 8 тысяч маркитантов, и окажется, что я несколько не преувеличиваю. Спору нет, что без этого страшного обоза походы Миниха далеко не были бы так изнурительны и Россия извлекла бы из них, может быть, более выгоды. Важным удобством для армии было то, что ей не нужно было запастись фуражом; русские лошади привыкли быть все лето на подножном корме, а степи, через которые проходила армия, представляют самые роскошные пастбища. Край этот один из великолепнейших в Европе, только жаль, что эта местность не обрабатывается от недостатка в воде и лесе; можно пройти 15 и 20 верст, не встретив ни одного куста, ни малейшего ручейка; вот почему надо было тащить дрова с одной стоянки на другую от неизвестности — найдутся ли они на новом месте. Кроме того, каждая рота всегда везла по большой бочке с водою для утоления жажды солдата в походе. Бочки имели еще другое назначение; в

каждом полку их имелось от 8 до 10 и по столько же больших дубовых досок; те и другие служили мостами для переправы пехоты и легкого обоза; понтоны служили только для перехода тяжелого обоза и кавалерии.

В двух местах этого края есть следы городов: один из них Самара, другой — Белозерка; оба носят название рек, на которых они были выстроены. Первый город был разрушен на основании условий мирного договора, заключенного Россией с турками в прошлом столетии. Другой же, имевший своего собственного государя, был разграблен и разрушен татарским князем Мамаем, который очень прославился между этими племенами в XIV веке.

В этих степях замечательны могилы татар. Это высокие груды земли, встречающиеся, начиная от Самары до 80 верст от Перекопа, на некотором расстоянии друг от друга. На верхушке многих из этих курганов высится грубой выделки каменный истукан, изображающий или мужчину или женщину. Сделанные в некоторых из этих курганов раскопки открыли в них сосуды с пеплом, а на дне несколько золотых или медных монет с полуистертыми арабскими надписями.

Понятие о плодородии этого края можно себе составить из того, что трава на лугах достигает вышины, превосходящей рост самого высокого мужчины. Спаржа растет тут в большом количестве, и ботанисты нашли там множество растений весьма редких, которые в наших аптекарских садах имели бы большой уход. В этих же степях растет трава, из которой турки и татары готовят свои фитили. В июле или августе татары выжигают траву в степях. Они делают это потому, что как нет возможности косить траву, то она от зноя выгорела бы и заглушила бы молодые отростки, в предупреждение чего они сами ее выжигают огнем. Татары часто поджигали луга с целью лишить русских фуража, и если бы не брали охранительных мер против такого пожара, то он легко бы сжег целый лагерь. Оттого фельдмаршал Миних распорядился снабдить каждую телегу метлой для гашения огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвом в два фута ширины, чтобы не сгореть живыми. Дичи в степях очень много, как-то: зайцев, куропаток, глухарей. Солдаты ловили их руками, особенно много перепелов. В походе каждый день их ловили во множестве.

В походе 1736 г. граф Миних поддерживал сообщение с Украиной следующим образом. Как скоро армия выступила из пределов России, он приказал выстроить редуты на известном расстоянии друг от друга, так что, когда местность представляла удобства относительно воды и леса, то редуты эти находились один от другого не далее одного или двух лье. В удобной местности делали большие ретраншементы, как, например, в Самаре, на речке Белозерке и в Кизикермене на Днепре. При каждом редуте приставлен был офицер

с 10 или 20 солдатами или драгунами и 30 казаками. Ретраншементы охранялись караулом в 400 или 500 человек регулярного войска и таким же числом казаков под начальством штаб-офицера. Эти отряды обязаны были конвоировать курьеров и собирать сено на случай позднего возвращения армии, когда степь уже не дает подножного корма. Эти редуты и ретраншементы были очень удобны для обозов, шедших за армией. Здесь они находились в безопасности от нечаянного нападения, и обыкновенно обозы проводили здесь ночь. Удивительно то, что хотя эти крепостцы были расположены среди степи, а татары нападали на многие из них, однако они не взяли ни одной и перехватили только одного или двух курьеров, посланных Минихом ко двору.

Возвращаясь в Украину, фельдмаршал вывел гарнизон из всех укреплений, кроме самарского ретраншемента, который оставался занятым во все продолжение войны. Его оставили за собою даже после мира, устроив из него род укрепленного города. Разрушать же редуты было бы напрасно, потому что татары не умеют ни защищаться в укреплении, ни атаковать его.

Несмотря на то что этот образ сообщения оказался совершенно удачным во время похода 1736 г., однако в следующие походы граф Миних уже не употреблял его. Он опасался, как бы неприятель со временем не стал смелее и, взяв эти укрепления, не заполонил бы много народу; к тому же эти малочисленные гарнизоны все-таки уменьшали силы армии.

Могут вообразить, что после совершенного русской армией столь трудного похода она наконец получила возможность насладиться отдыхом в зимнее время. Более половины служила стражею на границе, чтобы препятствовать набегам татар. Более 30 000 человек были размещены вдоль Днепра, начиная от Киева до украинских линий на протяжении почти 200 лье (800 верст), с тою целью, чтобы разламывать лед на реке и тем отнять у татар возможность переправиться на другой берег. Легко понять, что труд этот был немалый и не всегда мог иметь совершенный успех, но все-таки он был и не бесполезен, затруднив татарам набеги в Украину, хотя и не помешал им вполне. Несмотря на все предосторожности, нельзя было помешать татарам делать наезды, захватывать людей, сжечь весьма многие села. Раза два-три их настигали, отнимали у них добычу, но все это было ничтожно в сравнении с убытками, которые потерпела Украина в продолжение четырехлетней войны с турками.

В бытность свою в Крыму русская армия опустошила значительную часть этого края. Татары, в отмщение, решились делать набеги в Украину, что и исполнили несколько раз в течение зимы 1736—1737 гг., несмотря на то что, по приказанию Миниха, везде им пути

были тщательно преграждены. Татарам удалось сжечь несколько незначительных посадов и сел, и они увели в неволю более 1000 семейств.

Самый значительный набег происходил в феврале 1737 г. 24-го этого месяца несколько тысяч татар перешли по льду через Днепр, близ города Калиберды. Когда генерал Лесли, квартировавший поблизости, узнал, что татары успели ворваться в край сквозь расставленные посты, он наскоро собрал 200 человек и пошел навстречу татарам. Сначала неприятель принял их за авангард большого корпуса и начал было отступать, но когда он увидел, что к генералу Лесли помощь не подходит, он снова обратился на него и атаковал русский отряд; генерал и большая часть команды были положены на месте. Сын генерала, служивший при нем адъютантом, да 20 человек солдат были взяты в плен. После этого поражения татары вторглись в Украину и в продолжение двух суток кряду выжгли много городов и сел. Между тем русские войска успели собраться; все дороги, по которым татары могли отступить, были заняты; неприятель был отбит, а когда наконец они нашли свободное пространство, то не успели уйти от настигшего их генерал-майора Радинга, который ударил со своими 2 000 драгун на их арьергард; около 300 человек татар убито и часть добычи отнята. На возвратном пути в Крым татары атаковали главную станицу запорожских казаков, но были отбиты с большою потерей; им удалось только сжечь у казаков несколько хуторов.

Татары в походе соблюдают особенный порядок. Каждый из идущих в поход, сам будучи на коне, ведет на поводу еще двух или трех лошадей: это для смены своей, если бы она устала, а если лошадь до того истомится, что уже не в состоянии вынести поход, тогда татарин выпускает ее на волю в степь поправиться, куда продолжается поход, и обыкновенно хозяин находит ее потом в наилучшем состоянии. Достоинство татарских лошадей доказывается тем, что они в силах проскакать 25 лье как ни в чем не бывало. Судя по этому, можно себе представить, как быстро татары совершают свои походы. Они берут с собою запаса столько, сколько можно навьючить на себя, а обыкновенно это очень немного. Когда нужно, татарин воздержан; с него довольно ломтя хлеба или сухаря, пока он не на неприятельской земле, — здесь уж он запасется, чем угостить себя дома. Татары никогда не делают набегов в Украину целым корпусом, обыкновенно отряжают половину или третью долю, но более двух суток они не смеют оставаться на неприятельской земле; потом они обязаны возвратиться к своим с захваченной добычей.

Русскому двору удалось подкупить нескольких секретарей, или переводчиков, служивших при Порте и при государе молдавском;

они всегда извещали Миниха о каждом даже незначительном предприятии неприятеля. Но эта мера не была достаточна против нечаянных вторжений татар. Поэтому отряды запорожских казаков беспрестанно бродили в поле, около крымской линии, наблюдая за каждым движением татар, и тотчас давали знать, если замечали, что неприятель поднялся. Для того чтобы дать весть всему краю, вдоль границы чрез каждые полмили были выстроены по три столба, снабженные на верхушке смоляными бочками с сухим лесом и соломой. Как скоро делалось известно, что татары выступили, то зажигали огонь на первых сигнальных столбах по всей линии: этим предупреждали караулы и жителей быть настороже; если же неприятель показывался поблизости от одного из постов, зажигали огни на вторых столбах, а когда неприятель уже вторгся в страну в каком-либо месте, то зажигали огонь на третьих столбах. Тогда все войско немедленно выступало навстречу неприятелю и шло по направлению завиденного огня, стараясь отрезать хищникам отступление. Для большей быстроты движения каждому пехотному полку было роздано по 200 лошадей, которых запрягали попарно в сани с 3 или 4 седоками. Я полагаю, что нет человеческой возможности принимать более предосторожностей, и несмотря на то, года не проходило без того, чтобы из многих набегов, делаемых татарами, не удался им хотя один.

Глава IX

Калмыцкая экспедиция. — Приготовление к походу 1737 г. — Поход фельдмаршала Миниха. — Переправа через Буг. — Атака и взятие Очакова. — Размышления по поводу взятия Очакова. — Меры, принятые в Очакове. — Русская армия выступает из Очакова. — Переправа через Буг. — Татары захватывают фуражиров. — Генерал Румянцев отряжен в Украину. — Генерал Штофельн отряжен в Очаков. — Армия возвращается в Украину. — Размышления об очаковском походе. — Поход в Крым в 1737 г. под начальством фельдмаршала Ласи. — Вступление в Крым. — Битва под Карасубазаром. — Странная экспедиция калмыков. — Граф Ласи выступает из Крыма.

1737 г.

Я довольно сказал о крымских татарах, теперь перейду к новой экспедиции, предпринятой калмыками и донскими казаками под началь-

ством знаменитого Дондук-Омбо против кубанских татар. Эти самые татары были разбиты в мае, и несколько орд покорились России, но большая часть осталась верна Порте. Русский двор, желая обеспечить себя с этой стороны, отдал калмыцкому князю приказ: взяв своих людей да донских казаков под начальством их полковников Краснощеки и Ефремова, идти на Кубань и так наказать татар, чтобы они долго не могли оправиться. 30 ноября эти войска в числе 25 000 человек выступили в поход; по прибытии к речке Егорлик выслан был на разведку небольшой отряд. Ему посчастливилось наткнуться на неприятельскую партию, разбить ее и увести пленного. Этот человек объяснил, что одна из сильнейших орд, орда Фетис-кули, которая могла выставить в поле до 20 000 конных воинов, вышла из гор за недостатком продовольствия и вывела скот свой и лошадей на пастбище по сию сторону реки Кубани, а для защиты от нападений калмыков и казаков орда расставила по ущельям, через которые надобно пройти к ней, несколько крепких караулов. Дондук-Омбо тотчас же отрядил Краснощеку и Ефремова с казаками для рекогносцировки татарских караулов, а сам следовал за ними с остальным войском. В течение дня были высмотрены все места, в которых засел неприятель, а когда наступила ночь, казаки напали на один из сильнейших караулов в 1000 человек и разбили его после упорного сопротивления. Так как все лошади у этих татар были отбиты, то ни один не мог уйти, все были заколоты, кроме начальника, которого увели в стан, с тем чтобы расспросить его. Узнав от пленного все нужное и разделив свое войско на отряды, Дондук-Омбо пошел на неприятеля и напал на него с нескольких сторон зараз, разбил его и затем прошел весь край вдоль реки Кубани до Азовского моря, совершенно разорив орду. Все жилые места на реке разграблены; Дондук-Омбо проник даже в город Капиль, обнесенный стенами, обыкновенное местопребывание начальника этих татар, султана Бахти-Гереея, и взял его приступом, после чего разрушил. Эта экспедиция продолжалась с 1 до 14 декабря, и захваченная калмыками и казаками добыча оказалась весьма значительной. 10 000 с лишним женщин и детей взято в неволю. Количество скота было чрезвычайное: на долю калмыков досталось до 20 000 лошадей сверх рогатого скота и овец. Дондук-Омбо утверждал, что он не одерживал такой полной победы. Неприятелю она стоила по крайней мере 30 000 душ, включая сюда попавших в неволю: 15 000 убито на месте, прочие утонули в реке Кубани, бросившись в нее вплавь, но берега обледенели и вообще были высоки. Дондук-Омбо, не довольствуясь этой победой, отправил добычу домой, а сам расположился с войсками вдоль Кубани. Спустя немного времени он узнал, что приближаются татары в числе 3 000 человек. Навстречу

им он послал отряд, который и ударил на них. Они упорно отбивались, но наконец их смяли и обратили в бегство.

В крымском походе фельдмаршал Миних узнал на опыте, сколько затруднений представляют походы в обширных степях. Поэтому как скоро войска были размещены по квартирам, он занялся приготовлениями к следующему походу. Он съездил зимою в Петербург, где так хорошо устроил все дела, что во время похода 1737 г. армия не испытала недостатка ни в чем. Полки были пополнены 40 000 рекрутов, набранных со всей империи. На новой брянской верфи закипели работы по постройке плоскодонных судов, удобных для плавания по Днепру и для употребления в Черном море; их назвали двойными шлюпками; они могли вмещать 4 трехфунтовые пушки и 8 однофунтовых да 100 человек экипажа. Необходимо было сделать их очень плоскими по причине днепровских порогов, через которые очень трудно пробраться на обыкновенных судах. Русские извлекли весьма мало выгоды из этого нового флота. Он пригодился только в одном случае: по взятии Очакова на нем подвозили припасы для русского там гарнизона. Но ни один офицер не соглашался употребить эти суда в Черном море. Через этот флот Россия лишилась почти всех своих старых матросов и многих хороших флотских офицеров из иностранцев.

Поход 1737 г., во время которого русская армия взяла Очаков, был самый убийственный во всю войну относительно понесенных русскими потерь. Фельдмаршал возвратился из Петербурга в конце февраля, а по прибытии в свою главную квартиру в Киев он докончил приготовления к походу. В половине марта по полкам отдан приказ — быть в готовности выступить в поход через 24 часа после получения о том известия. В начале апреля вся армия вышла из своих квартир. Пехоту посадили на большие суда и спустили по Днепру до Переволочной, где ее разместили на постой в селах и деревнях, так как трава еще не показывалась. (Тут, близ Переволочной, переправлялся через Днепр шведский король Карл XII после несчастной для него Полтавской битвы). В конце апреля армия выступила в поход. Переправа ее через Днепр происходила в трех местах: дивизия генерал-аншефа Румянцева — у Кременчуга, дивизия генерал-поручика Леонтьева — у Орлика, а третья дивизия, принца Гессен-Гомбургского, — у Переволочной; последняя переправа происходила по плавучему мосту в 503 туаза длины, для устройства которого потребовалось 128 судов.

6 мая вся армия была переправлена; в тот же день в лагерь прибыли 3 гвардейских пехотных батальона и 300 человек конной гвардии. К армии примкнул также принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, чтобы участвовать в кампании волонтером. 12 мая армия выступила

далее, а 3 июня все дивизии соединились в одном лагере на реке Омельник. Армия состояла из 63 батальонов пехоты, 2 эскадронов конной гвардии, одного эскадрона кирасирского графа Миниха полка, из 29 полков или 145 эскадронов драгун. Артиллерийский и инженерный корпус состоял из 3000 человек; легкая кавалерия: 1500 гусар и до 13 000 казаков всякого рода, так что во всей армии считалось от 60 до 70 тысяч человек. В артиллерийском обозе было: 62 тяжелые орудия 18- и 24-фунтового калибра, 11 мортир, 16 гаубиц, 175 полевых орудий 3- и 12-фунтового калибра и 392 небольшие мортиры для 6-фунтовых гранат.

Генералы, находившиеся под начальством фельдмаршала Миниха, были: принц Гессен-Гомбургский, генерал фельдцейхмейстер; генерал-аншеф Румянцев; генерал-поручики Леонтьев, Кейт, Карл Бирон и Левендал; генерал-майоры Тараканов, Магнус Бирон, князь Василий Репнин, Штофельн, Бахметев, Аракчеев и Густав Бирон, командовавший тремя гвардейскими батальонами. Эта армия шла несколькими колоннами до реки Буг, держась, сколько было возможно, течения Днепра.

25 июня армия пришла к Бугу; 26-го начали строить три моста: из них один понтонный, а прочие два с помощью бочек. Армия употребила на переправу три дня и исполнила ее без малейшей помехи со стороны неприятеля. Последний еще не собрался вполне у Бендер, пункта соединения всех частей его войска, да и не мог ожидать такого быстрого появления русской армии.

Прежде нежели армия отошла от Буга, к ней присоединились волонтерами несколько иностранных офицеров; подошел также обоз из 28 000 телег с припасами и приведены 2 000 верблюдов. Последних роздали по всем полкам, так что на каждую роту приходилось по два верблюда. На них навьючили палатки.

2 июля армия удалилась с Буга и, пройдя 1 лье, пришла к речке Сухая Чертала. В этот поход армия в первый раз шла в каре. Так как она была многочисленнее прошлогодней и обоз ее был гораздо больше, то ее разделили на три каре, шедших таким образом, чтобы они могли помогать друг другу.

3-го числа армия прошла 17 верст, или 4 лье, до реки Мертвые Воды. Пришлось проходить ущелья, так что одна часть обоза и припасов с арьергардом могли прибыть в лагерь только 4-го числа; а что всего было обременительнее в этом переходе, так это совершенный недостаток в воде на всем пространстве от Черталы до Мертвых Вод; целые сутки скот не был напоен, только люди были снабжены водою, так как им приказано было налить свои фляжки и бочки. До сих пор армия не сходила с дороги в Бендеры с целью ввести в заблуждение неприятеля и заставить его отвлечь часть войска от

Очакова. Между тем фельдмаршал узнал, что турки, не вдаваясь в обман, высылали в подкрепление тамошнего гарнизона значительную часть своего лучшего войска. Это побудило его поспешить походом туда, пока неприятель не успел там еще более укрепиться или, пожалуй, привести всю свою армию. Для облегчения похода тяжелый обоз, подвижной магазин с припасами и часть тяжелой артиллерии оставлены позади под начальством генерал-поручика Леонтьева и генерал-майора Тараканова, которым велено следовать за армией небольшими переходами.

6-го числа армия прошла с лишком 5 лье и расположилась лагерем на Буге. Высланные к стороне Бендер и Очакова команды донесли, что они видели несколько передовых караулов по очаковской дороге, которые, однако, скрылись, заведя русских, и не выжидали, чтобы их настигли.

7-го числа армия шла берегом реки вниз по течению ее, но встретив холмистую местность, могла пройти не более 3 лье. 8-го числа армия прошла не больше того по причине холмов и переправы через речку Ятицкую. Вдали показался неприятельский авангард, который, однако, не смел ничего предпринять и удалялся, как скоро легкие войска подходили для атаки.

9-го числа армия рано утром выступила в поход и только в позднюю ночь пришла к реке Янчикзай, прошедши около 7 лье. Местность была довольно ровная, но зато ни капли воды от одного лагеря до другого. Партия донских казаков напала на передовой неприятельский пост и взяла в плен трех конных азиатцев рехлеис. Они объяснили, что их послали из Очакова высмотреть направление русской армии, что гарнизон крепости состоит из 15 000 человек, но поджидают еще сегодня или завтра подкрепления с суши и с моря; что для приведения в исправность укреплений Очакова работали целый год, что крепость снабжена сотней пушек и мортир; что в гавани стоят 18 галер и несколько транспортных судов. Далее, что начато было исправление и кинбурнских укреплений, разрушенных в прошлом году генералом Леонтьевым, но когда пришло известие, что русская армия выступила в поход, то землекопов вызвали оттуда. Пленные прибавили, что стоявшие под Очаковом буджакские татары бежали, несмотря на увещание их султана. Они оставили его и возвратились восвояси. Неприятель сжег всю траву, начиная от реки Янчикзай до Очакова и на 4 лье кругом, чтобы лишить русских фуража.

10-го числа армия выступила в поход на рассвете. Находясь уже в 3 лье от Очакова, она увидела неприятельские передовые посты. Казаки схватились с ними, те мужественно отбивались, и стычка вышла горячая. Казаки принуждены были отступить. К ним на

помощь прискакал гусарский полковник Стоянов со своим полком, но так как неприятели непрестанно получали подкрепления из города и готовы были окружить легкое войско, то отрядили драгунский полк и два пехотных полка с несколькими орудиями, после чего неприятель был принужден отступить. Взято несколько людей в плен, между прочим 4 офицера, которые объяснили, что они только накануне прибыли в Очаков с 7 000 отборного войска, состоящего из босняков и арнаутов, так что в гарнизоне считалось до 20 000 человек. Из них 5 000 лучшей конницы вышли против русских легких войск. Продолжавшаяся около четырех часов стычка стоила русским 10 гусар и 15 казаков; неприятель же потерял более 100 человек убитыми, ранеными и пленными.

Армия подошла к Очакову на пушечный выстрел, где кое-как расположилась лагерем уже при наступлении ночи. Она увидела горевшее предместье, зажженное по приказанию коменданта.

11-го числа, утром, армия перенесла свой лагерь на местность между лиманом (так называют устье Днепра) и Черным морем. Фельдмаршал держал большой военный совет, и было решено атаковать город со всевозможною силой до прибытия новых ожидаемых там подкреплений или даже всей турецкой армии, собиравшейся при Бендерах для той же цели. Совет еще не кончился, как в десять часов утра неприятель вышел из крепости в числе 15 000 человек. Разделившись на два отряда, они подошли в одно время справа и слева армии; а как главная их сила находилась справа, где стояли донские казаки, то с целью удержать неприятелей против них был отряжен барон Левендаль с пикетами армии и несколькими полевыми орудиями. Огонь был сильный и продолжался около двух часов; но как неприятель лишился большого числа людей, то он принужден был отступить. С обеих сторон убито до 200 человек. Русские не потеряли ни одного офицера.

Когда фельдмаршал Миних собирался в поход, он в то же время отдал князю Трубецкому приказание спуститься с флотом, выстроенным в Брянске, по Днепру, нагрузив суда частью тяжелой артиллерии, боевыми снарядами в большом количестве, провизией и всяким материалом, необходимым при производстве осады. Всего этого армия не могла бы взять с собою, будучи и так обременена огромным обозом. Но по недостатку ли соображения или доброй воли со стороны начальника флот не подошел к устью Днепра в назначенный срок. Князь Трубецкой оправдывался тем, что флот часто был задерживаем противными ветрами и бурями; что на днепровских порогах вода была так мелка, что перевалить через них суда требовало гораздо больше времени, нежели ожидали. Оттого, пришедши к Очакову, вместо того чтобы найти там флот, фельдмаршал

удостоверился, что во всем нужном для ведения осады был недостаток: не было лесу ни для дров, ни для фашин; не было подножного корма на 8 лье кругом, так как неприятель все выжег, как я уже выше заметил. Лошадей граф решил приказать отвести в тяжелый обоз; всего более затруднял недостаток в лесу и в необходимых для осады материалах, которые должен был привезти флот. Но фельдмаршал полагал, что суда не замедлят подойти, и в этой надежде осада началась.

Удивительно, как мог Миних, при своем уме и дальновидности, вторично поручить такую важную экспедицию князю Трубецкому, который в прошлом году так худо выполнил данное ему поручение, и от лени, чтобы не сказать хуже, был причиною, что от недостатка в продовольствии погибла немалая доля армии. Другому на месте князя Трубецкого пришлось бы дорого поплатиться за такие ошибки, но Миних, который был к нему расположен, выручил его и даже оказывал ему большие услуги. В благодарность за эти благодеяния этот же князь Трубецкой причинил ему много горя.

11-го числа, вечером, откомандированы 5 000 землекопов под охраной 5 000 солдат для возведения в ночное время пяти редутов и насыпей между лиманом и Черным морем, чтобы они могли впоследствии служить контрвалационными линиями и прикрывать тыл траншеи. Ночь была месячная, к тому же короткая, а земля тверда как камень, так что, несмотря на все усилия войска, не было возможности отстроить хотя один редут до рассвета. Фельдмаршал желал, чтобы хотя средний редут был окончен, и для этого велел поставить сюда 2 000 землекопов; когда же солнце взошло, то земли было раскопано не более как на два фута в глубину. В то же время турки открыли сильный огонь с вала на войска, находившиеся ближе, чем на пушечный выстрел, что заставило фельдмаршала отозвать их обратно в лагерь. Бригадир Ливену и полковнику Еропкину поручено было наблюдение за двумя редутами на крайнем конце правого крыла близ Черного моря. Они нашли их готовыми с бруствером и рвом; приказав их исправить и окружить рогатками, они разместили тут свою команду. Это были городские сады, которые отделялись друг от друга достаточно глубокими рвами и земляными насыпями. Оба сада или редута, занятые Ливеном и Еропкиным, находились на расстоянии полвыстрела пушечного от города, из чего можно было заключить, что неприятель сделает вылазку с этой стороны. На рассвете подошел сюда генерал Румянцев во главе пикетов правого крыла с несколькими полевыми орудиями; в то же время пикетам остальной армии, гренадерским ротам и казакам дано приказание выстроиться впереди своего лагеря.

12-го числа, в шесть часов утра, передовые посты завязали между собою дело с большою храбростью с обеих сторон. Вся армия

стала под ружье: одна половина полков со знаменами вышла по направлению к городу, а другая, под начальством принца Гессенского, осталась в лагере. (Принц Гессенский заболел в тот самый день, когда казаки взяли в плен первых неприятельских солдат, и выздоровел уже по взятии Очакова).

У неприятеля справа, к стороне лимана, находился ретраншемент, или выбитая дорога, в которую засели люди в большом числе, а слева он занял несколько тех садов, о которых я упомянул выше. Здесь он упорно отбивался, но под конец его вытеснили и он скрылся за палисадами. Русские тотчас же заняли эти посты и, под защитой этих же садов, подошли на ружейный выстрел к контрэскарпу. Огонь с обеих сторон продолжался с утра до наступления ночи.

Фельдмаршал приказал подвезти тяжелые орудия и мортиры, как и полевую артиллерию, а когда нашелся удобный сад, то все это было в нем расставлено и не потребовалось устраивать ни батареи, ни платформы. Артиллерия действовала непрерывно; днем в разных пунктах города вспыхивал пожар, но его тотчас гасили.

Ночью принялись за работу в траншее. Хотели по крайней мере устроить сообщение между садами, но твердость почвы противилась успеху. Нужно было бы двое суток времени на поправку парашета и устройство защиты от ядер. По особенному счастью, в этой работе не оказалось надобности. В продолжение всей ночи продолжалась пальба из пушек и мортир. За час до рассвета 13-го числа в середине города показался огонь; бомбами старались помешать, чтоб его не гасили. Это удалось. Пожар распространился и охватил, как ясно было видно, несколько улиц. Фельдмаршал захотел воспользоваться этим. Стоявший с дивизией своей в центре атаки и в ближайшем расстоянии от города генерал Кейт получил приказание подойти к гласису на ружейный выстрел и открыть непрерывный огонь, чтобы выманить гарнизон на вал, держать его в тревоге и тем помешать ему тушить пожар. Кейт отвечал, что он стоит ближе, чем на ружейный выстрел от гласиса, что у него на теперешнем посту уже много людей побито и ранено ружейными выстрелами с вала. Немного погодя пришло приказание от фельдмаршала поддерживать постоянный ружейный огонь против вала. Кейт повиновался. Не прошло пяти минут, как велено ему выйти из редут и стрелять с открытой местности. Кейт немедленно исполнил приказание, но в то же время представлял, что этот маневр причинит только бесполезную потерю людей.

Едва люди очутились впереди редута, как фельдмаршал снова прислал своего адъютанта сказать, что он, фельдмаршал, да генералы Румянцев и Бирон со своими гвардейцами подвинулись с правым крылом до гласиса, почему он надеется, что и генерал Кейт последует их примеру. Такое же приказание получил и Левендалъ,

стоявший с левым крылом и артиллерией шагах в 100 позади центра. Он примкнул к Кейту, и оба они направились к городу. Подойдя к гласису, войска наткнулись на первый ров футов в 12 ширины; нельзя было перелезть через него за недостатком всего нужного для штурма и для перехода; тем не менее они простояли тут около двух часов под сильнейшим огнем, не отступая ни на шаг, а беспрестанно отыскивая, где бы можно пройти. Некоторые успели и перелезть через передний ров, но это не могло заставить город сдаться. Наконец, видя, что нельзя ни пройти через передний ров, ни засесть в прикрытом пути, войско обратилось назад в большом замешательстве и возвратилось в сады или редуты, которые оно занимало в прошлую ночь. В то же время несколько сотен турок вышли из города в погоню за отступающими и побили многих, особенно раненых, которые не в силах были поспешно уйти. Если б сераскир и комендант крепости догадались сделать вылазку с гарнизоном, то они разбили бы совершенно русскую армию и заставили бы ее, сняв осаду, возвратиться в Россию.

Фельдмаршал, полагая, что после этой неудачи все потеряно, впал в величайшее уныние, но пожар внутри города дал другой оборот его делам. Пожар сделался общим, а в 9 часов утра взорвало главный пороховой магазин; взрыв не только разрушил часть города, но схоронил в развалинах более 6 000 человек. Эта катастрофа навела страх на сераскира и на весь гарнизон. Видя невозможность погасить пожар и во избежание гибели от огня и разрушения остальных жителей, сераскир приказал снять с вала все расставленные в большом числе по валу и на гласисе, по турецкому обычаю, знамена и поднять белый флаг. Вместе с тем он отправил своего баши-чауса, или генерал-адъютанта, к графу Миниху просить перемирия на 24 часа. В просьбе ему отказали, а на место того предлагали сдаться в плен с гарнизоном в час времени, иначе не будет ему никакой пощады. Между тем пришло известие, что гусары и донские казаки проникли в город со стороны моря. Сераскир и часть гарнизона вышли было из крепости, чтобы бежать на галеры и транспортные суда, покуда будут писать капитуляцию, но казаки и гусары кинулись на них, заставили их возвратиться в город и сами последовали за ними. Затем сераскир послал во второй раз к фельдмаршалу и сдался безусловно, прося только пощадить жизнь, на что и было дано согласие. Отряд гвардейской пехоты тотчас занял одни ворота, а гарнизон был обезоружен и отведен в лагерь. Во время этих распоряжений несколько сотен солдат вошли в город и перекололи много народу. Около 200 человек турок успели добраться до галер и спастись. Но столько же и потонуло в море, куда они бросились в надежде вплавь достигнуть судов, тогда как эти суда, увидав, что город взят, подняли якоря и ушли в море, чтобы дать знать в Констан-

тинополе об удаче русских. Посланы были люди для тушения пожара, но с ним не скоро можно было справиться: еще два пороховых магазина взлетели на воздух, убив часть русских, прибежавших на грабеж.

Вот список потерь, которые понесли русские. Убиты на месте: 2 гвардейских капитана, 4 полковника, 2 подполковника, 2 майора, 58 других офицеров и 987 унтер-офицеров и солдат. Ранены: генерал-поручики Кейт и Левендаль; генерал-майоры Хрущев и Аракчев; бригадиры Ливен и Ганф; 2 капитана, 2 поручика и 2 гвардейских прапорщика, 6 полковников, 2 подполковника, 19 майоров, до 100 офицеров и 2703 унтер-офицеров и солдат. Под фельдмаршалом одна лошадь была убита, другая ранена. У принца Антона-Ульриха, не отстававшего от фельдмаршала ни на шаг, тоже лошадь была убита. Сопровождавший принца подполковник Геймбург был ранен возле него; один из пажей убит, другой ранен.

В плен взято неприятелей: сераскир Яйя, трехбунчукный паша и главнокомандующий войсками, зять последнего великого визиря и бывший при низложенном султани обер-шталмейстером; комендант крепости Мустафа-паша, двухбунчукный; 300 человек высших офицеров и 60 низших; 3174 человека рядовых всех разрядов, как-то: янычар, спаги, босняков и арнаутов; 200 служителей и 1200 женщин и детей; 54 грека, вступивших в гусарский полк, и несколько сотен невольников, которых отпустили на свободу.

Из этого перечисления можно себе представить, как велика была потеря турок в городе, так как один гарнизон состоял из 20 000 человек без обывателей. 20 июля было погребено до 17 000 турок, и еще много оставалось зарытыми под развалинами; эти трупы найдены уже гораздо позже. На стенах крепости оказались 82 медные пушки, 6 чугунных, 7 мортир и 1 гаубица.

Взяты 9 бунчуков, 8 жезлов и большое количество превосходного оружия. Знамен насчитали до 300, и добыча войска была очень значительна.

Донские казаки очень отличились под Очаковым. Они добровольно спешились и даже пошли на штурм.

Вот довольно точное изложение взятия Очакова. Осада эта представляет нечто единственное в свете. Нужно было счастье Миниха, чтобы покончить с нею, потому что после сделанных им ошибок он заслуживал, чтобы его разбили и заставили снять осаду. Не удостоверяясь ни в положении города, ни в том, каковы были его укрепления, Миних решился штурмовать наилучше укрепленную сторону Очакова без всяких необходимых материалов для засыпки переднего рва, о существовании которого даже не знали до минуты, когда к нему подошли. Если бы фельдмаршал обошел город и атаковал его

со стороны моря, то взять его было бы гораздо легче, потому что с этой стороны он окружен был только одной стеной, местами поврежденной.

Когда фельдмаршал был неприятелем отражен, то он причину этой неудачи хотел свалить на генерала Кейта, сказав принцу Брауншвейгскому в присутствии нескольких генералов, будто Кейт слишком сгоряча начал штурм, отчего он и не удался; но как в неприятельском городе пожар продолжается, то дело еще можно поправить. Эти слова были переданы Кейту. Чрезвычайно оскорбленный обвинением в деле, на которое он пошел против воли, Кейт поручил просить Миниха, чтобы упреков ему не делали, потому что он исполнял только его приказания; он готов даже просить военного суда, перед которым он и обнаружит все ошибки, которые были сделаны с самого начала осады. На другой день Миних пришел навестить Кейта и между прочим сказал: «Мы отчасти вам обязаны, генерал, успехом этого великого предприятия». Но Кейт, помня сказанное о нем накануне, отвечал: «Извините, граф, я не приписываю себе тут ни малейшей славы, так как я ограничился только исполнением ваших приказаний».

Еще зимою граф Миних посылал в Очаков кондуктора с поклоном к паше и с поручением попробовать снять план города. Этому человеку турки едва позволяли смотреть в окно своей комнаты; тем не менее, желая угодить графу, он представил ему план шестиугольника, уверяя, что город таким именно образом укреплен. Из плана видно, прав ли он был. А между тем на основании этого донесения, без всякого другого ознакомления, начали осаду.

14 июля в город вступили генерал-майор Бахметев и инженерный полковник Братке во главе 2 драгунских полков, 12 батальонов пехоты и 2000 казаков. Из этого войска два полка назначались к отправлению в Кинбурн с полковником Веделем.

В уверенности, что турки будут пытаться отнять Очаков, русские распорядились снабдить его всем нужным и поставили его в такое положение, которое позволяло долго сопротивляться неприятелю. Туда свезли часть артиллерии и отрядили инженеров наблюдать за работами по укреплению. Гарнизона негде было поместить в совершенно разрушенном городе, и так он расположился лагерем вдоль переднего рва; сейчас же началась работа над ретраншементом, который должен был окружить город с лица, имея справа лиман, а слева Черное море. Но как эта работа должна была долго протянуться, то с каждой стороны устроили два небольших ретраншементов, а потом продолжали работать и над большим, но он никогда не был окончен. Эти линии должны были служить передовыми укреплениями, которые заставили бы неприятеля в случае атаки

начать траншейные работы на весьма большом расстоянии. Оконченные верки были так хорошо устроены, что нельзя было опасаться взятия их штурмом.

Армия пробыла еще два дня в лагере под Очаковым, отдыхая после 13-дневных трудов, после чего Миних выступил в поход. Согласно с данными ему инструкциями, он должен был по взятии Очакова идти на Бендеры. Однако пришло известие, что неприятель выжег луга в той стороне. Кроме того, численность русской армии значительно уменьшилась, так как во время осады потеряно много людей, в Очакове оставлен гарнизон и сверх того было много больных; словом, из рядов ее выбыло от 20 до 24 тысяч человек со времени выступления в поход. Поэтому было решено, не удаляясь от Буга, сделать несколько переходов и контрмаршей, чтобы заставить неприятеля полагать, что идут на него. Но главная цель была — прикрывать Очаков от турок и не допускать их до осады города до тех пор, пока гарнизон не успеет исправить укрепления и не построит домов для жилья на время зимы.

22 июля армия находилась в 60 верстах, или 15 лье от Очакова, близ Буга. К ней присоединился генерал-поручик Леонтьев, который оставался позади с тяжелым обозом и подводами с провизией.

23-го числа, рано утром, армия выступила в поход, но едва она прошла четверть лье, как донские казаки, выезжавшие на разведку к стороне Бендер, донесли, что навстречу армии идет большой неприятельский отряд, а авангард его уже в половине лье. До сих пор так мало было слышно о неприятеле, что, казалось, армия шла в мирное время, так что хотя армия и подвигалась в несколько каре, однако обозу было дозволено обгонять войска или оставаться позади, смотря по тому, как удобнее было людям. Фельдмаршал, велев выступить, сам остановился, занявшись отправлением курьера ко двору. Едва он сел на лошадь, как неприятельский отряд ударил на его обоз и заодно на обоз принца Брауншвейгского. Миних отрядил на них постоянно сопровождавшие его кавалерийские эскадроны, которые и отбили их; между тем неприятель успел убить несколько человек прислуги и увести несколько лошадей. Почти в то же время несколько тысяч турок и татар окружили исправлявших должность генерал-квартирмейстеров полковника Фермора и подполковника Ливена. Эти господа, не ожидая дурной встречи, выехали вперед только со своими квартирмейстерами и фурьерами, числом всего навсего 350 человек, не дожидаясь двух драгунских полков, которые должны были их конвоировать. Полковник Фермор приказал малочисленной команде своей спешиться и образовал из нее каре. Неприятель бросился на него — и конный, и пеший, но его несколько раз отбивали с большою потерей. Фурьеры так ловко стреляли, что

ни один выстрел не дал промаха. Турки вздумали поджечь траву, но полковник Фермор взял свои меры, и прежде чем огонь мог коснуться его команды, он весьма искусно перевел ее на такое место, где нечему было гореть. Неприятель ударил на него вторично, но его снова отбили. Впрочем, квартирмейстерам не устоять бы против превосходного числа, если бы несколько полков не подоспели вовремя на выручку. В этой стычке русские потеряли 50 человек убитыми и ранеными, а 100 человек, большею частью прислуга, взяты в плен. Несколько бежавших невольников говорили, что неприятеля было 5000 турок и 10000 татар, пришедших из Бендер, чтобы атаковать генерала Леонтьева до присоединения его к армии.

25-го числа генерал Бахметев доносил, что работы в Очакове значительно подвигаются и что туда прибыли запорожские казаки в числе 1500 человек на 38 судах; они проплыли и по Черному морю и посетили острова близ Крымского берега, но не нашли там жителей.

26-го числа армия прошла вверх по реке Бугу около четырех лье и расположилась на отдых в местечке Андреевке, где видны развалины бывшего города. Фельдмаршал приказал выстроить тут укрепление, названное им [во имя] св. Андрея, и назначил тут стоять большой части артиллерии под защитой двух пехотных полков, которыми командовал принц Голштейнский; флот должен был прийти и перевезти артиллерию в Очаков. Так как неприятель выжег кругом все луга, то, за неимением корма, лошади и быки, тащившие артиллерию, ежедневно падали дюжинами.

27-го числа фельдмаршал получил известие, что часть флота под начальством полковника Хрипунова наконец пришла в Очаков. Флот состоял из 14 двойных шлюпок и 70 больших судов, из которых каждое вмещало до 150 тонн. Весь этот флот был нагружен всякого рода припасами, несколькими тысячами бомб, ядрами, гранатами, габионами, топливом и строевым лесом — всем тем, что этот флот должен был привезти ко времени осады, а привез только спустя недели две по взятии крепости. Из этого видно, что не следует полагаться на транспорты, идущие водою, особенно по такой реке, как Днепр, где много порогов, через которые нельзя пройти во время мелководья.

Когда армия, следуя вверх по течению Буга, дошла до его притока Чичаклея, то фельдмаршалу донесли, что по ту сторону реки есть луга и лесу вдоволь. Это заставило его произвести здесь переправу, хотя в этом месте ширина реки была в 95 туазов, а к западу берег болотистый. 30 июля принялись за постройку моста, а 1 августа первые полки перешли через реку.

Запорожские казаки на своих легких судах произвели новый набег до устья Днестра, отсюда вверх по реке; на пути разграбляли

и жгли села и тем подняли тревогу во всей стране вплоть до Бендер. Они возвратились с большою добычею и повторили еще несколько раз эти наезды, но с меньшим успехом, потому что жители успели спасти свое лучшее имущество в Бендерах и внутри страны.

Ночью 7 августа заметили, что неприятель зажег лес и кустарник по ту сторону Буга, по дороге к Бендерам, на расстоянии четырех лье от лагеря. Сначала полагали, что подходят атаковать русских или большой турецкий отряд, или даже вся их армия. Но когда выслали несколько партий казаков, которые проехали далекое расстояние за огнем, не встретив и следа неприятельского, то тревога прекратилась.

После дела с квартирмейстерами не слышно было о неприятеле; армия стала в этом отношении так беспечна, как бы она находилась среди России. На фуражировку ходили без всякого конвоя; некоторые служители уходили за два и за три лье от армии. За то уж и поплатились они. 11 августа партия татар в 1500 человек, переплыв Буг несколько верст выше лагеря, накинулись на фуражиров левого крыла, рассеянных по полю; многих закололи и увели 1000 быков, прежде нежели армия пришла в лагерь. Донские казаки, которые стояли ближе того места, где происходило это дело, вскочили на лошадей и погнались за неприятелем. Последний, вовсе не имевший в виду сражаться, старался только уйти, лишь только он увидел казаков. Главную свою силу татары пустили вперед, вместе с пленными и добычею, а самые храбрые отстали и следовали медленно за другими. Казаки нагнали их, побили сотню, а 20 человек взяли в плен. Потом продолжали погоню за 10 лье (40 верст) от лагеря, до Мертвых Вод, но татары, выиграв время, успели между тем скрыться со своею добычею. После этой неприятной встречи люди стали осторожнее, но и граф Миних, не спускавший офицерам ни малейшей небрежности, приказал строго исследовать, по чьему приказанию фуражиры вышли из лагеря без конвоя. Вся вина пала на командиров полков и на майоров, так что в левом крыле армии не было штаб-офицера, который не подвергся бы наказанию. Многие из них были разжалованы на некоторое время, другие оштрафованы удержанием жалованья за несколько месяцев.

12-го числа фельдмаршал отрядил генерала Румянцева с гвардией, несколькими драгунскими полками и казаками для возвращения в Украину. Под этим конвоем отправлены также все турецкие военнопленные. Назначение отряда было облегчить доставление фуража для армии.

19-го числа прибыл по Днепру под начальством бригадира Барятинского остальной флот, назначавшийся для осады, а теперь служивший для снабжения Очакова продовольствием. Флот состоял из

48 двойных шлюпок, 4 канчибасов и 57 больших судов, нагруженных боевыми припасами, всяким материалом и продовольствием, с 1878 солдатами и матросами. Оставалось прибыть третьей части флота, почти таких же размеров, под командой контр-адмирала Мамонова. Но он мог успеть только в половине сентября.

20-го числа армия перешла на другой лагерь, вниз по течению Буга, почти у слияния его с Днепром, где и оставалась несколько дней. Отсюда фельдмаршал в сопровождении принца Брауншвейгского совершил поездку в Очаков, чтобы лично удостовериться, хорошо ли исполнены работы по увеличению укреплений этой крепости и Кинбурна.

Так как граф Миних уже сомневался, что турки примутся за осаду Очакова, а для двора важно было иметь там знающего человека, то он и назначил туда генерал-майора Штофельна; Бахметев же просил его уволить по причине расстроенного здоровья. Штофельн, искавший случая отличиться, с удовольствием принял начальство. Далее увидим, как блистательно он защищался, когда турецкая армия стала осаждать крепость.

По возвращении фельдмаршала армия сделала еще несколько переходов вдоль реки Буг и в последних числах августа начала возвращаться в Украину. Фельдмаршал разделил армию на несколько корпусов, которые, однако, все должны были перейти через Днепр по мосту у Переволочной; там корпуса разделились, и каждый полк пошел своим путем на зимние квартиры. Фельдмаршал избрал для своей главной квартиры Полтаву.

Этот поход принес много чести фельдмаршалу Миниху и содействовал славе русского войска. Но для государства поход мало принес пользы, а для армии он был утомителен и убийствен: она потеряла 11 000 человек регулярного войска и 5 000 казаков; вдвое того, можно сказать, погибло денщиков и крестьян, везших подводы. Так как я исчислил все то, что было убито или взято в плен неприятелем, то ясно становится, что значительнейшая потеря произошла от болезней. Что же касается до дезертирства, то в русских войсках это дело почти неизвестно.

Одно обстоятельство сильно развивает болезни в русских армиях — это почти непрерывные посты, которые они обязаны соблюдать по уставу православной церкви, так что они три четверти года постятся. И народ так суеверен, что несмотря на разрешение Синода во время похода питаться скоромным, мало кто пользуется этим позволением; прочие готовы лучше умереть, нежели употреблять грешную пищу. Кроме того, в походе русский солдат спит на голой земле, не заботясь достать соломы, а об одеялах в палатках и помина нет. Правда, что в войне с турками удобства эти были и немислимы,

так как все время проходило в непрерывных походах: оставаться 5 дней в одном и том же лагере считалось чем-то необыкновенным. Понятно, что при таких обстоятельствах уход за больными не мог быть удовлетворителен, и что бы ни говорили о чрезвычайно крепком сложении русских, а они подвержены многим болезням, как-то: цинге, горячкам, а в походе кровавому поносу. Обыкновенно треть больных умирает. Такие примеры нередки, что в полку, стоящем на квартирах, бывает до 200 больных как ранней весной, так и осенью. При каждом полку находятся по одному старшему лекарю и по одному младшему, и те не весьма искусные; а ротные фельдшера едва умеют брить. Когда полковник делает смотр рекрутам, то он выбирает из них одного в фельдшера, хотя бы тот двадцать лет только землю пахал; этот отказывается от дела, к которому он не имеет призвания, но это все напрасно: его заставляют насильно повиноваться, а не то пустят в дело палки. Таким же образом выбирают гобоистов, из чего можно заключить, какие прекрасные концерты разыгрываются в армии.

Падеж скота в этот поход был чрезвычайно значителен. Дожди были так редки, что травы повысохли ранее обыкновенного. Да еще татары поджигали их, так что армия, бывало, делала два перехода кряду, не находя достаточно травы для лошадей и для рогатого скота. Одна артиллерия потеряла более 15 000 пар волов; впрочем, случай этот приписывали плохим распоряжениям принца Гессен-Гомбургского, который во время выступления армии в поход не позаботился запастись сверхкомплектными волами, хотя их оставалось еще несколько сотен пар лишних. Армия не успела еще сделать двенадцать переходов, как в артиллерийском походе уже оказались беспорядки: там несколько пар волов пало, поэтому надобно было уменьшить число тех, которые тащили тяжелые орудия; а как эти стали отставать, то от этого и все войско часто замедлялось на походе, что и продолжалось вплоть до прибытия армии под Очаков. Когда город был взят, фельдмаршал приказать оставить там большую часть артиллерии, а взять с собою столько, сколько удобно будет везти. Принц, в противность этому приказанию, оставил в крепости только незначительную часть артиллерии. На втором или третьем переходе уже не было возможности тащить остальной обоз. При выходе из лагеря четвертая часть артиллерии осталась на месте; арьергард бывал принужден останавливаться иногда на целые сутки в ожидании возвращения волов, привезших часть артиллерии в новый лагерь и долженствовавших везти еще то, что оставалось в старом лагере. Это затруднение заставило Миниха построить на Буге укрепление св. Андрея и отправить большую часть артиллерии с флотом в Очаков. С этого времени доверие

к принцу Гессен-Гомбургскому совершенно пропало и ему уже не давали никакого важного начальства. Будь у русских неприятель более догадливый, то они потеряли бы две трети своей артиллерии, если не более, так как не были приняты некоторые существенно необходимые меры.

Покуда армия, командуемая фельдмаршалом Минихом, находилась в походе в стороне Очакова, фельдмаршал Ласи с другой армией шел в Крым. Эта армия состояла из 13 драгунских полков, 20 пехотных и от 10 до 12 тысяч казаков и калмыков, что в итоге составляло до 40 000 человек под ружьем. Под начальством Ласи командовали следующие генералы: генерал-аншеф Левашев; генерал-поручики Дуглас, Шпигель и Брильи; генерал-майоры Еропкин, Бриньи-младший, Девиц и другие.

Пехота этой армии собралась в начале весны на реке Миус, против Павловской крепостцы, и выступила в поход несколькими колоннами прямо на реку Калмиус, где простояла несколько дней в ожидании флота, которому надлежало под командой адмирала Бредаля действовать в Азовском море совокупно с армией и пособлять ее предприятиям в Крыму. Когда флот подошел, Ласи продолжал вести войско вплоть до реки Берды: здесь соединились все части армии. Граф Дуглас привел прямехонько через степи своих драгун к Бахмуту, где им назначено было собраться. На пути своим фельдмаршал Ласи устроил несколько редутов, чтобы они охраняли сообщения с Азовом.

После нескольких совещаний с контр-адмиралом Бредалем, который с флотом своим присоединился к армии и стоял на якоре в устье Берды, и сговорившись с ним насчет операций предстоящего похода, Ласи пошел далее с войском, держась сколько возможно было Азовского побережья. Пришедши на реку Молочные Воды, он приказал выстроить укрепление, в котором оставил достаточный гарнизон и всех больных армии.

26 июня армия расположилась лагерем около залива Азовского моря, который подходит к перекопским линиям, а флот оставался от нее на расстоянии пушечного выстрела. Намереваясь вступить в Крым без потери времени, Ласи приказал заняться постройкой моста, который и был окончен 28-го числа; сперва дали перейти нескольким драгунским полкам да 3 000 или 4 000 казаков, чтобы занять позицию. 30-го числа перешла вся армия и отсюда продолжала идти берегом Азовского моря. 2 июля к армии присоединились 4 000 калмыков, приведенные Голдан-Нармою, сыном калмыцкого хана.

Хан крымских татар, не мечтавший никогда, чтобы русские вошли в его владения с этого конца, весьма удивился полученному о том известии. Он стал со всем своим войском позади перекопских линий,

которые заблаговременно были им исправлены, и надеялся на этот раз загородить русским путь успешнее, нежели удалось это старому хану в прошлом году. Но он трудился напрасно. Ласи шел на Арабат, не потеряв ни одного человека.

Так как русская армия принуждена была продолжать путь свой по довольно узкой косе, образуемой Азовским морем и идущей до Арабата, то хан вообразил, что в этой местности он легко может поправить все свои дела; он поспешил идти русским навстречу в надежде загородить им дорогу посредством устроенных перед этой косой линий и заставить их отступить, даже разбить их, если запрямятся пройти. Однако фельдмаршал Ласи расстроил все эти меры. Узнав, что хан пришел на Арабат и там выжидает русских, фельдмаршал приказал исследовать глубину залива, отделяющего эту косу от остального Крыма; там, где оказалось место, пригодное для его намерения, он велел сколотить плоты из всех порожних бочек армии и бревен рогаток и таким образом переправился через залив с пехотой и обозом. Драгуны же, казаки и калмыки пустились кто вброд, кто вплавь.

Не только хан считал отважным делом со стороны фельдмаршала пробираться по косе к Арабату, даже генералы русской армии были того же мнения. Все они, за исключением генерала Шпигеля, явились к нему однажды утром и представляли ему, что он слишком рискует войском и что все они находятся в опасности погибнуть. Фельдмаршал возразил, что все военные предприятия сопряжены с опасностями, а настоящее, по его мнению, не представляет более риска, чем другие. Впрочем, он просил их дать ему совет, как лучше поступить. Они отвечали, что надобно воротиться. «Когда так, — возразил Ласи, — если господа генералы желают возвратиться, то я велю им выдать их паспорта». Призвав своего секретаря, Ласи велел ему изготовить паспорта и немедленно вручить их генералам. Он приказал уже отрядить 200 драгун для конвоирования их в Украину, где они должны были дожидаться его возвращения. Не ранее как через три дня генералы успели настолько смягчить фельдмаршала, что он простил им их дерзкое предложение отступить.

Хан, располагавший ударить на русских на крайнем конце косы, против Арабата, немало удивился, когда узнал, что русская армия переправилась через морской залив и направляется теперь прямо навстречу ему. Не заблагорассудив дожидаться русских, он удалился к горам, преследуемый по пятам казаками и калмыками. Известие об отступлении неприятеля заставило и фельдмаршала свернуть с Арабата, он взял вправо, тоже по направлению к горам, с целью встретиться с ханом и, если представится удобным, дать ему сражение.

23 июля армия расположилась лагерем в 26 верстах, или около 7 французских лье, от одного из лучших крымских городов, Карасубазара. Здесь ее атаковал значительный корпус отборного войска, которым хан лично командовал. Первый натиск неприятеля был сначала очень сильный, но около часу спустя татары были отбиты и прогнаны в горы казаками и калмыками, которые преследовали их на протяжении 15 верст, или 4 лье. Армия осталась в прежнем лагере. Однако легкая конница сделала наезд по направлению к Карасубазару для разорения татарских жилищ. Она возвратилась в тот же день с 600 пленными, значительной добычей и большим количеством скота.

25-го числа генерал-поручику Дугласу поручен авангард в 6000 человек, частью драгуны, частью пехотинцы и большая часть легкого войска, с тем чтобы идти на Карасубазар. Фельдмаршал следовал за ними с армией, оставив обозы и больных в лагере с прикрытием 5000 человек под командой бригадира Колокольцева. Все неприятельские передовые отряды, намеревавшиеся препятствовать наступлению русских, были опрокинуты; на высоте, близ города, замечен укрепленный лагерь, занятый приблизительно от 12 до 15 тысяч турок. Тогда фельдмаршал усилил корпус Дугласа двумя полками драгун и приказал ему атаковать неприятеля и завладеть Карасубазаром, что и было исполнено с совершенным успехом. После часового боя турки бежали. Все обыватели покинули свой город; оставалось несколько греческих и армянских семейств, так что город взят без сопротивления, разграблен и обращен в пепел. В этом городе считалось до 6000 домов, наполовину выстроенных из камня, 38 мечетей и молелен турецких, 2 христианские церкви для армян и греков, 50 водяных мельниц и множество разных общественных зданий. Доставшаяся войску добыча была очень значительна, потому что обыватели не успели спрятать своего имущества. Так как город выстроен у входа в горы, где дороги так узки, что трем человекам не стать рядом, к тому же не было в окрестностях фуража, то фельдмаршал воротился и расположился лагерем в одном лье отсюда. Калмыкам и казакам повелено идти в горы сколько можно дальше и жечь все жилища татар.

26-го числа армия русская выступила с целью занять свой бывший лагерь, где оставлены были обозы, но едва она вышла на равнину, как по ту сторону реки Карасу показался неприятель с большею частью своих сил. Ласи отрядил графа Дугласа с несколькими пехотными и драгунскими полками и частью легкого войска для атаки неприятеля. Дуглас переправился через реку в расстоянии одного лье выше неприятеля и пошел прямо на него. Около часа действовала против него артиллерия, тогда казаки бросились в рукопашную.

Схватка с обеих сторон была жаркая, казаки трижды были отбиты, но как в это время регулярное войско постоянно приближалось в стройном порядке, то неприятель принужден был наконец отступить, а армия расположилась лагерем на месте битвы.

Во время дела фельдмаршал приказал калмыкам ударить на неприятеля с тылу и с фланга; когда же бой прекратился, калмыки исчезли из глаз. Фельдмаршал встревожился, полагая, что калмыки, преследуя неприятеля, зашли слишком далеко в горы, что они отрезаны от армии и, может быть, все перебиты. Спустя два дня калмыки возвратились в лагерь, таща за собою более 1000 пленных, в том числе несколько мурз, которых они захватили во время самовольного наезда в горы до самого Бахчисарая.

27-го числа армия возвратилась в тот лагерь, который она занимала до прихода в Карасубазар. Фельдмаршал держал большой военный совет, в котором было решено, что так как все предписанные по плану действия исполнены и сверх этого не предстоит никакого значительного дела, то можно будет приблизиться к границе Крыма.

Армия употребила пять дней на переход из лагеря к устью Шунгара. Тем временем легкие войска разъезжали по окрестностям и жгли села и деревни татарские в 4 и 5 лье от армии числом до 1000, так как в этой стороне население очень густо. Они привели в лагерь до 30 000 волов и свыше 100 000 баранов. Неприятель, со своей стороны, тревожил армию во время ее похода и успевал захватывать в плен денщиков, которые отваживались выходить из ограды аванпостов, да сверх того отбил несколько сотен обозных лошадей.

По прибытии армии к реке Шунгар велено построить понтонный мост; он был готов на другой день, 2 августа, и в этот же день переправилась часть войска. Едва успела она занять берег, как подошел неприятель со всеми своими силами, чтобы помешать переходу. В подкрепление его прибыли из Кафы несколько тысяч турок. Они несколько раз ударяли на легкие войска, но постоянно были отбиваемы. Наконец, в досаде на неудачу и на напрасную потерю людей под пушечными выстрелами, неприятель удалился, оставив на месте около 100 человек убитыми.

4 августа фельдмаршал переправился через Шунгар с остальной армией. Простояв здесь лагерем несколько дней, он выступил далее к реке Молочные Воды, где и простоял весь август, пользуясь обильными местными пастбищами. В течение этого времени фельдмаршал отряжал несколько партий легких войск к стороне Перекопа и к Днепру, чтобы разведывать о движениях неприятеля, так как слышно было, что хан выступил из Крыма с 30 или 40 тысячами войска попытать счастья.

17-го числа партия русских повстречалась с партией татар, которую побила, взяв нескольких людей в плен. Их привели в лагерь, и они объяснили, что хан действительно выступил из-за перекопских линий тотчас по переходе русской армии за реку Шунгар и что он несколько дней стоял лагерем в степи, но когда узнал, что граф Ласи стоит на реке Молочные Воды, то побоялся, чтобы отсюда не пришли его атаковать, и поэтому воротился восвояси.

Глава X

*Морское сражение. — Фельдмаршал Ласи
возвращается в Украину. — Осада турками
Очакова. — Турки снимают осаду. —
Замечательные события 1737 г. — Немировский
конгресс. — Венский двор требует
от России войска. — Граф Бирон избран
в герцоги Курляндские.*

1737 г.

9 августа русский флот под начальством контр-адмирала Бредалья имел дело с турецким. Оно происходило следующим образом. Приближаясь к мысу Высокому с флотом во 100 парусов (все — двойные шлюпки) и другими небольшими судами (большие суда не могли пройти в устье Дона по причине отмелей), Бредаль заметил несколько турецких судов, которые шли на тот же мыс. Это заставило его приблизиться к берегу и бросить якорь в удобном месте. Около двух часов пополудни показался и весь оттоманский флот: то были 2 военных корабля, 13 галер и 47 гребных судов; на одном из военных кораблей развивался флаг капитана-паши. Бредаль принял все нужные меры к сильной защите, подвинул все суда как можно ближе к берегу и на берег выгрузил пятнадцать 3-фунтовых пушек и два 12-фунтовых орудия. В пять часов началась обоюдная жаркая канонада, которую турки прекратили в восемь часов, удалившись в море вне выстрелов. Русские суда мало потерпели, так как почти все ядра перелетали через них. На другой день, 10-го числа, в восемь часов утра турки возобновили дело. Корабль с флагом капитана-паши ближе прочих подошел к русскому флоту и открыл сильный огонь. Но и его встретили таким успешным огнем из пушек с канонерских лодок и из тех, которые были расставлены на берегу, что неприятель принужден был отступить в смятении после трехчасового боя. Корабль капитана-паши и несколько других судов были сильно повреждены. Со стороны русских оказалось 30 человек или

ранеными, или убитыми. Турецкий флот пробыл в виду русского еще до полудня 11-го числа, после чего снялся с якоря и вышел в море по восточному направлению. Прошло несколько дней без всякого слуха о неприятеле, тогда Бредаль 20-го числа велел отрядить шлюпку для разведки; она возвратилась с известием, что доходила до реки Берды, не встретив ни одного неприятельского судна. Спустя несколько дней узнали, что турецкий флот проплыл через пролив и удалился в Кафу.

В начале сентября граф Ласи снялся с лагеря у Молочных Вод и пошел по пути в Украину. Татары не думали тревожить его на пути, так как они были довольные его уходом. В октябре он подошел к границам России и распустил свои войска на зимние квартиры по берегам Дона и Донца.

Упомяну здесь о странном случае, бывшем с армией во время этого похода, я слышал его от самого графа Ласи. На походе в Крым близехонько от лагеря нашли родник желтоватой воды, на вкус горьковатой. Многие офицеры и солдаты напились ее, чувствуя сильную жажду, но немного погодя все напившиеся точно опьянели или одурели. Фельдмаршал встревожился и опасался потерять свое войско еще до встречи с неприятелем. Однако после того, как эти люди проспали несколько часов, граф успокоился: они отделались непродолжительным поносом. Таких родников довольно много в стороне Кизляра на границе Персии.

Одним из замечательнейших событий 1737 г. была осада Очакова, предпринятая турками в октябре, но оставленная ими вследствие мужественной обороны генерала Штофельна. Так как во все время похода против русских турки не имели над ними ни малейшего успеха, то они надеялись более успеть осенью, так как армия уже в начале октября переправилась через Днепр и решилась осадить Очаков. Но прежде чем перейти к осаде, надобно мне воротиться к предшествующему времени. При взятии русской армией Очакова я уже говорил, что город представлял одну груду камней и что гарнизон не нашел себе нигде помещения, отчего с самого начала вступления в город он и занялся всеми необходимыми приготовлениями. Кроме того сказано уже, что Очаков расположен среди пустыни, где не только не найдешь никаких материалов для постройки домов, но даже нет предметов первой необходимости в жизни. Все нужное поэтому должно было доставлять из России с флотилией, однако и тут днепровские пороги и бури часто не позволяли судам дойти до места их назначения, так что сильно терпел гарнизон. А между тем он без устали работал над постройкой домов к зиме и над возведением дополнительных укреплений, а именно линий вокруг крепости, начиная от лимана до Черного моря. К этому

прибавились жестокие болезни, причиняемые изнурением от работ, дурной пищей и испарениями от более чем 40 000 мертвых тел, включая сюда и павший скот. Из 8 000 человек гарнизона в конце сентября насчитывали только 5 000, и из этих 1 000 составляли больные. Вот каков был состав людей, с помощью которых господа Штофельн и Братке выдержали осаду и заставили турок снять ее.

Неприятель высылал по временам партии людей, державшиеся в отдалении и довольствовавшиеся похищением нескольких голов скота. Таким образом, гарнизон немного терпел беспокойства от неприятеля до 17 октября, когда подошли первые турецкие корабли и бросили якорь на пушечный выстрел от Кинбурна; впрочем, они пробыли тут не более двух часов, опасаясь нападения со стороны стоявшей в очаковской гавани русской флотилии. Они снялись с якоря и были встречены сильною бурей.

19-го числа, около полуночи, сильный турецкий конный отряд подошел к новому редуту, воздвигнутому близ лимана; люди спешили и намеревались застигнуть гарнизон врасплох, но так как они были замечены, то их встретили огнем, чем заставили поспешно удалиться; впрочем, наезд их не пропал даром: они успели увести около 100 штук быков, выведенных на пастбище впереди линий, вместе с караульными.

24-го числа Штофельн узнал от партии казаков, что неприятель стоит не далее как в десяти лье от Очакова. Он приказал удвоить попечение и привести все в наилучшее состояние для сильнейшего отпора, собрал военный совет из старших офицеров гарнизона, на котором решено было защищаться до крайности, и, наконец, не принимать и не давать пощады.

26-го числа к Очакову подошел неприятельский авангард; ночью крепость обложили с суши, а на другой день, 27-го числа, вся турецкая армия стала лагерем на полтора пушечных выстрела от гласиса. Едва расставили они палатки, как некоторые отряды стали подступать к редуту, другие схватились с казаками, которыми командовал полковник Капнист, но не причинили им никакого вреда, так как полковник держался гласиса и не допускал неприятеля окружить его. Остальная неприятельская армия начала открывать среди дня траншеи, воздвигала укрепления и устраивала батареи, и все это так проворно, что в следующую ночь уже открыли огонь и начали бросать бомбы. Неприятельская армия состояла из 20 000 турок и 30 000 татар. Начальство над ними имели Иенч-Али-паша, крымский хан Бегли-Гирей и белгородский султан.

28-го числа, на рассвете, Штофельн ввел в город полки, стоявшие вне стен. Ночью турки подошли довольно близко к гласису и разместили несколько тысяч человек между крепостью и новою

флешью. В 8 часов утра корпус, состоявший из 6 000 человек турецких войск, пошел на атаку линий в двух местах: 1500 из них направились на местность, в которой Смоленский полк начал было построюку своих казарм, а прочие напали на флешь перед Преображенскими воротами. Тогда 400 человек с двумя пушками были выпущены из Кристофельских ворот и направились прямо на тех, которые атаковали казармы. Неприятеля оттеснили, но когда он готов был присоединиться к тем, которые заняты были другой атакой, то гарнизонный отряд преследовал их и там и, ударив на них с тылу и с фланга, заставил неприятеля бежать и покинуть все захваченные было им посты. Их преследовали вплоть до их батарей, взяли у них четыре знамени и два бочонка с порохом; потеряли они свыше 400 человек. В 10 часов турки возобновили нападение, но не подходили ближе ружейного выстрела; пока ружейный огонь не переставал с обеих сторон, неприятельский отряд окопался в одном из ближайших садов и поместил в нем пушку и мортиру, из них до двух часов ночи он непрерывно громил флешь, от которой был уже отбит.

В тот же день по полученному приказанию в Очаков прибыл полковник Ведель, стоявший с двумя полками в Кинбурне, и привел с собою большую часть своего отряда, а именно 800 человек. Хотя неприятель и появлялся под Кинбурном, однако не предпринял ничего, несмотря на хвастливое уверение крымского хана, будто он приходил с татарами именно затем, чтобы совершенно срыть этот город.

29-го числа неприятель общими силами стал штурмовать Измайловские ворота, под которыми ров был вполовину засыпан обвалами после дождей, и уже проник в прикрытый путь, но его вскоре оттуда отбросили и преследовали за его окопы. Их оттеснили бы и далее, если б не поддержал их резервный отряд. Они потеряли свыше 500 человек да отнято у них три знамени. В тот же день неприятель устроил окончательно свою третью батарею, откуда стал метать большие бомбы и стрелять из пушек 18- и 24-фунтового калибра, тогда как до сих пор у них в деле были только 12-фунтового калибра орудия. Всю ночь неприятель работал на высоте перед Измайловскими воротами над устройством ретраншемента с редутами, а 30-го числа турки заняли их. Огонь не прекращался ни с той, ни с другой стороны; вечером осажденные сделали вылазку по направлению к редутам, вдоль лимана; они выгнали отсюда турок со всех их постов по этой стороне; 150 человек убито, отнято еще 4 знамени и заклепаны шесть орудий. Командовавший отрядом майор Анциферов был убит. Ночью один офицер с 50 солдатами успел пройти незамеченным через неприятельские посты, проник в лагерь и убил несколько человек неприятелей в их палатках; полчаса не произошло

ни малейшей тревоги; они стали грабить палатки убитых ими, но тогда только шестеро успели бежать, прочие же все были убиты.

31-го числа огонь продолжался как накануне; одна неприятельская бомба попала на бастион и зажгла два бочонка пороха, отчего несколько людей было убито. К вечеру к редутам приблизились две турецкие галеры и стали их обстреливать. На это им отвечали так, что они принуждены были уйти в море. Во все время, что продолжалась осада, только 14 турецких галер подходили к крепости, но ни одна не успела проникнуть в лиман благодаря кинбурнским пушкам.

1 ноября огонь не ослабевал; одна бомба хотя и упала на бастион близ Кристофельских ворот в стороне лимана, взорвав несколько гранат, но другого вреда не причинила.

2 ноября бомба взорвала на воздух небольшой склад пороха, причем убито три человека. В море показались семь галер и стали у берега под Очаковым, против неприятельского лагеря.

3-го числа осажденные кончили траверсы в большом рву и в крытом пути; сверх того они устроили линию сообщения от Преображенских ворот, также ретраншемент, начиная от каланчи до моря, за который принялись 1-го и 2-го числа.

4-го числа, за два часа до рассвета, со стороны Измайловских ворот разразился сильный пушечный и ружейный огонь, и как только рассвело, 6000 турок с яростью бросились штурмовать редуты, устроенные у моря; после часового сражения они овладели ретраншементом, захватили редуты и проникли до каланчи. Но успех этого был непродолжителен. Штофельн отрядил из города 1000 человек под командой бригадира Братке, которые и отбили турок со всех сторон; их выгнали из ретраншемента и из редут и преследовали вплоть до их лагеря. Смятение в турецкой армии было общее; были между неприятелем такие, которые уже собирались бежать из лагеря, и только после того как их офицеры убили нескольких трусов, им удалось обратить остальных к их долгу и воротить в лагерь. Этот штурм стоил неприятелю до 2000 человек. У осажденных оказались убитыми только 150 человек, и потеря была бы еще менее, если б 30 человек сгоряча не вздумали, прогнав неприятеля, еще преследовать его, несмотря на запрещение офицеров. Как только турки несколько опомнились, они сейчас всех перебили. Большую услугу оказали в этом деле небольшие мортиры системы Когорн, метящие 6-фунтовые гранаты.

5-го и 6-го числа неприятель усилил артиллерийский огонь и засыпал город бомбами, но они не могли много вредить, потому что в городе почти не было домов, а весь гарнизон был размещен на стенах крепости в крытом пути и в редутах.

8-го числа, за час до рассвета, неприятель взорвал мины, проведенные им против бастиона Левендаля; но как глубина их была незначительна, то они не нанесли вреда ни палисадам, ни стоявшим позади их войскам. Спустя полтора часа турки произвели фальшивую атаку на редут, устроенный на высоте со стороны лимана, при содействии огня всей их артиллерии. После того внезапно повернули направо, к Измайловским воротам, и с этой стороны пошли на приступ со всею пехотой и 5000 спагов, которые должны были спешиться. Атака произошла с такою яростью, что 300 человек прорвались через палисад и проникли до Измайловских ворот. За ними несколько сот турок перешли через палисад против Кристофельских ворот и, продолжая атаку во рву, достигли водяных ворот.

Однако гарнизон так стойко защищался, что неприятель скоро был отбит и преследуем до его собственного ретраншемента. Потеря их простиралась до 4000 человек. Много способствовал поражению турок взрыв двух мин, подожженных русскими во время штурма с большим успехом: они подорвали многих на воздух; другие, опасаясь той же участи, так трусили, что офицеры не могли помешать их отступлению и бегству. Во время штурма Штофельн командовал в стороне крытого пути, а бригадир Братке и полковник Ведель находились близ водяных ворот. Русские захватили много знамен и четыре бунчука, большое число лестниц, много фашинов и разные орудия для копания земли; все это было доставлено в город.

Во время этой осады, и особенно в последнем деле, пики чрезвычайногодились русским. Когда неприятель, овладев рвом, атаковал водяные ворота, то полковники Ведель и Ла Тур сделали вылазку из других ворот, пошли колонной на неприятеля, и люди их в этом случае действовали только пиками как единственным орудием, которым можно было оборониться от турецких сабель.

Во весь день неприятель не сделал уже ни одного выстрела и возобновил огонь своих батарей, усилив его только 9-го числа. Среди дня турки нанесли в aproши лестницы и фашины для нового приступа, но спустя три часа по закате солнца неприятель вдруг прекратил пальбу, а потом во многих местах его лагеря заметили огни. Часть гарнизона отряжена была туда, но здесь никого уже не застали, и с батарей исчезли пушки и мортиры.

На другое утро, 10-го числа, на рассвете выслан был более сильный отряд в избежание какой-либо неожиданной случайности, и весьма скоро подтвердилось, что неприятель поспешно бежал, оставив на месте большое количество бомб, гранат и боевых снарядов, так же как и фашины, лестницы и орудия для копания земли.

Несколько запорожских казаков, выезжавших из своей станицы почти под самые Бендеры, в тот же день прибыли в Очаков с известием, что неприятель в полдень переправился через речку Березовку в 14 верстах, или около 4 французских лье, от Очакова.

11-го числа узнали, что он ушел уже за 10 лье. В тот же день гарнизон очистил ров и окрестности города от мертвых тел. После штурма 8 ноября найдено 3 000 неприятельских трупов. Вся осада стоила туркам более 20 000 войска, из которых половина умерла от болезни. Много способствовали смертности людей и неудаче предприятия позднее время года и бесперывные дожди.

Когда турки были отбиты на последнем штурме, то 10 000 из них отправилось обратно восвояси, невзирая ни на увещания, ни на строгости офицеров, которые некоторым даже отрубили головы; ничем нельзя было воротить их в лагерь к их обязанностям. Оставшиеся громко роптали на то, что их напрасно ведут на гибель, что крепость, подобную Очакову, нельзя взять в позднее время года, особенно когда осажденные защищаются как львы; что они шагу не сделают вперед, чтоб идти на приступ. Такие речи заставили сераскира снять осаду: он опасался лишиться всего своего войска и многочисленной артиллерии, если бы он стал упорствовать и оставаться еще несколько дней.

Потеря гарнизона превышала 2 000 человек — половину того числа, которое он составлял в день обложения крепости; он был увеличен 800 человек, приведенными Веделем из Кинбурна, а в день снятия неприятелем осады в городе не насчитывали 2 000 здоровых людей.

С первого дня осады до снятия ее весь гарнизон был размещен на стенах, в крытом пути и в редутах, где он оставался бессменно день и ночь, и едва доставало людей для занятия всех постов. Подобные по необходимости труды порождали болезни, а так как сверх того многого недоставало в крепости для обыкновенного продовольствия, то люди наконец были до того изнурены, что едва держались на ногах; несмотря на все это, они превосходно исполняли свои обязанности, не ропща, и во все время осады Очакова оказались только два дезертира.

Фельдмаршал Миних весьма беспокоился во все время осады; правда, он принял все зависящие от него меры предосторожности для отражения неприятеля, но на успех надеяться он не мог, зная жалкое положение гарнизона. Как скоро он узнал, что крепость обложена, он распорядился послать туда помощь. Генерал-поручику Леонтьеву было поручено идти с корпусом в 10 000 человек; кроме того, несколько полков посажены на суда для отплытия вниз по Днепру; последние переправлялись уже через пороги, как пришло

известие, что турки удалились. Радость о том была тем живее, чем менее того ожидали.

Императрица осталась весьма довольна образом действия генерала Штофельна. Она не удовольствовалась производством его в генерал-поручики, а бригадира Братке — в генерал-майоры. Первому она пожаловала еще значительные поместья в Украине, а всему гарнизону выдано в награду жалование за несколько месяцев.

Стоявший под Очаковом флот, в котором считалось до 100 парусов, большею частью двойные шлюпки, также немало способствовал к снятию осады; он не только не допустил турок блокировать крепость с моря, но и поддерживал огонь осажденных. Турецкий командир флота был обезглавлен за то, что он, в противность приказанию атаковать и разбить русский флот, не сделал этого.

Я сомневаюсь, чтобы на свете было другое войско, которое, подобно русскому, в состоянии было бы или решилось бы терпеливо выносить такие же непомерные труды, какие перенесены русскими в Очакове. Это усиливает во мне давнишнее убеждение, что русские способны все выполнить и все предпринять, когда у них хорошие руководители. Но им нужно большое число иностранных офицеров, так как солдаты больше доверяют им, нежели своим собственным.

Рассказав без перерыва о военных действиях похода, я включу сюда еще несколько других замечательных событий, относящихся до 1737 г.

Еще в царствование Екатерины петербургский и венский дворы заключили между собою тесный союз, еще более скрепленный в царствование императрицы Анны: было условлено, что в случае, если один из дворов будет принужден к разрыву с Портой, то другой окажет ему помощь посредством значительного корпуса войска* и даже объявит Порте войну, если допустят обстоятельства. Вследствие этого договора император в 1736 г. сделал в Венгрии все нужные приготовления и война была объявлена в начале 1737 г. Но вместе с тем приступили и к переговорам.

Для конгресса был избран Немиров, польский городок на реке Буг поблизости от валахской границы, принадлежащий великому гетману Польши графу Потоцкому. Петербургский двор назначил туда барона Шафирова, Волынского и Неплюева; венский — графа Остейна, барона Тальмана и графа Вользека; Порты — рейс-эфенди, или великого канцлера Метипея и Мустафу-эфенди, оба были в чине визирей. Конгресс открылся 16 августа, но так как ни одна из

---

* В 30 000 человек. — *Примеч. авт.*

трех воюющих держав не уступала в своих требованиях ни на шаг, то переговоры недолго продолжались и конгресс был прерван 14 октября. Граф Остейн возвратился в Петербург, где он уже несколько лет занимал пост полномочного министра. Но русские министры в течение всего этого года оставались в Киеве, чтобы быть готовыми возобновить переговоры.

Возвратясь в Петербург, граф Остейн всячески ходатайствовал у русского двора о посылке значительного корпуса через Валахию в Венгрию для присоединения к императорской армии с целью сильнее действовать отсюда. Для поддержания этого ходатайства из Вены был послан генерал де Ботта. Но граф Миних, прибыв ко двору, сумел представить доводы столь убедительные, что в этой помощи было отказано. Россия желала, чтобы армии ее действовали отдельно и, атакуя Порту с двух сторон, произвели бы диверсию такую сильную, чтобы она помешала всем турецким ополчениям одновременно напасть на императорскую армию. Оттого к концу войны обнаружилось, что если бы императору так же хорошо послужили, как России, то он не был бы вынужден согласиться на постыднейший мир, какой только был заключен в течение веков.

Венский двор никогда не был вполне доволен графом Минихом, и если бы от него зависело, то этот генерал был бы удален ранее, чем постиг его печальный конец. И граф Миних оплатил этому двору; гордость его не выносила надменности венского двора, и он не упускал случая обнаружить ее перед императрицей или русским Кабинетом. Я полагаю, что если б он оставался во главе государства, то оба двора в настоящее время не были бы так дружны, как теперь.

Из Вены отправили полковника Беренклау, который должен был участвовать в походе русской армии, наблюдать за военными действиями и доносить о них своему двору. А со стороны русских с тою же целью послан в австрийскую армию полковник Даревский и другие офицеры. По взятии Очакова Беренклау написал реляцию о том своему двору. В письме к графу Остейну в Немиров он включил, между прочим, такого рода критические размышления: «Правда, что никогда войско не атаковало города с большим мужеством, но что касается до генералов, то сколько их ни есть, все они способны быть только гренадерскими капитанами». Копию этого письма Остейн представил русским министрам, которые сообщили ее в Петербург, откуда она была отправлена к графу Миниху. Можно себе представить, каково было его негодование на Беренклау. Он сделал ему строжайший выговор и обращался с ним надменно и презрительно. Все это только пуще раздражало ненависть к нему венского двора. Беренклау отозвали, а вместо него был послан

полковник барон де Рейски, который и участвовал в походах русской армии 1738 и 1739 гг.

Полковник Даревский, посланный петербургским двором в 1737 г. в императорскую армию, в следующие два года имел поручение вести в Польше переговоры с местными панами, а вместо него в австрийскую армию был отправлен Броун. В несчастном деле при Кроцке он был взят в плен турками и выкуплен французским послом маркизом де Вильневом.

В этом же 1737 г. граф Бирон был избран в Курляндские герцоги. Герцог Фердинанд, из дома Кетлеров, умер в Данциге, и с ним угасло мужское поколение этого дома. По получении о том известия петербургский двор приказал рижскому коменданту, генералу Бисмарку, ввести свои войска в герцогство и поддерживать выбор нового герцога. Между тем курляндское дворянство съехалось в Митаву. Там оно собралось в соборе, где по окончании молебна большинством голосов избран в герцоги Эрнст-Иоганн Бирон. Надобно заметить, что несколько рот кавалерии были расставлены генералом Бисмарком на кладбище и в городе, так что избрание не могло не состояться.

Я уже выше говорил о происхождении этого нового герцога. Курляндское дворянство, до того весьма беспокойное, пользовавшееся большою свободою при управлении прежних герцогов, увидело себя разом совершенно в противоположных обстоятельствах. Никто не смел слова сказать, не рискуя попасть под арест, а потом в Сибирь. В ход пустили такого рода маневр. Проболтавшегося человека в ту минуту, как он считал себя вне всякой опасности, схватывали замаскированные люди, сажали в крытую повозку и увозили в самые отдаленные области России. Подобные похищения повторились несколько раз в течение трех лет, что Курляндией правил герцог Эрнст-Иоганн. Но одно из них было так странно и вышло так комично, что я не могу не упомянуть о нем здесь.

Некто Сакен, дворянин, стоя под вечер у ворот своей мызы, внезапно был схвачен и увезен в крытой повозке. В течение двух лет его возили по разным провинциям, скрывая от глаз его всякую живую душу, и сами проводники не показывались ему с открытыми лицами. Наконец по истечении этого времени ночью отпрягли лошадей, а его оставили спящим в повозке. Он ждал до утра, полагая, что снова поедут, как обыкновенно. Утро настало, но никто не приходил; вдруг он слышит, что около него разговаривают по-курляндски; он отворяет дверцы и видит себя у порога своего собственного дома. Сакен пожаловался герцогу; этот сыграл только комедию, послав и со своей стороны жалобу в Петербург. Отсюда отвечали, что если найдутся виновники этого дела, то их строжайшим образом накажут.

Глава XI

Вторжения калмыков в Кубанскую область. — Вторжение татар в Украину. — Поход 1738 г. под предводительством Миниха. — Переправа через Буг. — Битва на Кодиме. — Савранское сражение. — Бой между реками Молочище и Белочище. — Армия приходит к Днестру. — Армия удаляется с Днестра. — Армия снова переходит через Буг. — Нападение татар на фуражиров. — Размышления по поводу похода 1738 г. — Жалобы поляков. — Жалобы венского двора на фельдмаршала Миниха. — Крымский поход под предводительством фельдмаршала Ласи. — Ласи вступает в Крым и овладевает Перекопом. — Взятие Перекопа. — Жаркое дело между турками и русскими. — Ласи выступает из Крыма и возвращается в Украину. — Состояние очаковского гарнизона. — Казнь мнимого царевича.

1738—1739 гг.

Возвращаясь к военным действиям. Калмыки сделали новый набег на Кубань. Большая часть края была ими опустошена. Остальные покорились ее императорскому величеству.

Зимние квартиры армии оставались те же, что были в прошлом году, т. е. в Украине, где большая часть армии была занята пробиением льда на Днестре и ограждением границ от татарских набегов, впрочем, нисколько не прекращавшихся.

Такого рода значительный набег татары попытались было совершить в феврале, но успех был маловажен. Говорили, будто сам хан стоял во главе 40 000 человек. Замысел его был пробиться сквозь украинские линии, проникнуть дальше в страну и предать все мечу и огню. Подошедши к линиям, он нашел, что с этой стороны пробиваться было бы слишком опасно, так как ему могут отрезать отступление. Тогда он пошел далее до Изюма, где линии не существуют, а напротив, стелются равнины. Пришедши сюда, он не хотел рисковать всем своим войском в неприятельской земле; пошел на Донец и оттуда уже стал высылать в Украину отряды татар, которые успели сжечь несколько сел и увести много местного народу. Между тем генералы, охранявшие границы, собрали свои войска и так искусно повели их, что несколько татарских отрядов были отрезаны на дороге и добыча у них отнята, а когда войска соединились и двину-

лись навстречу ханской армии, хан поспешно бежал. В это самое время фельдмаршал Миних возвращался из Петербурга в свою квартиру в Полтаве. Узнав в чем дело, он стал преследовать татар по степям, сделав несколько переходов, но не нагнал их. После того войска вернулись в свои зимние квартиры.

Граф Миних, желая пораньше открыть поход, заставил полки заняться своей амуницией и запастись сухарями на несколько месяцев. В России солдата ничем не снабжают, он должен сам изготовлять все необходимое; повозки, мундиры, даже хлеб изготовляются в полку; солдатам раздают муку, а они уже сами пекут хлеб и сухари; последние в походе легче перевозятся и меньше подвергаются порче.

В начале года при дворе происходило большое производство в генералы, но чтобы не обременять военной кассы сверхштатными расходами, новым генералам предоставлены те же полки, которыми они командовали в чине полковника; из доходов с них они должны были получать себе жалованье. Комиссариат выплатил им только излишек против прежнего их оклада. В России полка лишается тот, кто произведен в генералы.

В начале апреля полкам дано приказание выступить в поход и отправиться на общее сборное место армии, а именно, как в прошлом году, близ Переволочной. В первых числах мая вся армия была в сборе и переправилась через Днепр по понтонному мосту.

Служившие в этом походе под начальством Миниха генералы были следующие: генерал-аншеф Румянцев; генерал-поручики Загряжский, Карл Бирон, Левендаль и Густав Бирон; генерал-майоры принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, принц Голштейнский, Бутурлин, Ливен, Кайзерлинг, Фермор, Магнус Бирон, Философов, Хрущев, Штокман, князь Василий Репнин и др. Артиллерию поручили в особенности Левендалю, так как принц Гессен-Гомбургский, женившись в Петербурге, не участвовал ни в этом, ни в следующем походе. Двор остался недоволен его образом действия в оба первых похода. По причине раны, полученной под Очаковым, генерал Кейт не мог также участвовать ни в настоящем походе, ни в следующем. Императрица произвела его в генерал-аншефы — чин, соответствующий генералу от кавалерии или инфантерии в германских войсках. Во время этого похода он оставался в Полтаве, имея под командой все войска, оставленные для защиты Украины. В продолжение этой кампании армия фельдмаршала Миниха едва состояла из 55 000 человек, включая казаков.

Переправясь через Днепр, армия прошла спокойно, не торопясь, до реки Буг, куда прибыла 30 июня. В этот же день от пленных, взятых легкими войсками, получено первое известие, что неприятель находится поблизости и идет к речке Кодиме, где будет выжидать

русскую армию и даст ей сражение. Первое дело, стали строить мосты; три из них были готовы 3 июля; один был понтонный, а два сплочены из бочек.

4-го числа армия начала переходить через мосты, а 7-го и все обозы прошли. Армия простояла на другом берегу лагерем три дня. Здесь она была разделена на три дивизии; из них каждая образовывала каре, в середине которого заключала свой багаж, когда находилась в походе. Но они и лагерем стояли таким же образом, когда местность не позволяла упереться в реку или иначе занять более крепкую позицию.

10-го числа армия выступила в поход и около полудня переправилась через речку Кодиму недалеко от впадения ее в Буг на различных устроенных тут мостах; затем стала лагерем между обеими реками, левым флангом к Кодиме, а правым к Бугу, так что последняя находилась у нее в тылу. Около шести часов пополудни, пока войско устраивало лагерь, начальник донских казаков известил, что по той стороне Кодимы, через которую армия только что переправилась, показался неприятель в числе нескольких тысяч.

Но так как большая часть армейского и артиллерийского обоза не успела прибыть в лагерь по причине затруднявших дорогу дефилей, то генерал Румянцев и генерал-поручик Густав Бирон взяли несколько полков и воротились на тот берег. В этот день неприятель ничего не предпринимал; армия спокойно устроила свой лагерь; артиллерия, провиант, весь остальной обоз успели прибыть туда ночью.

11-го числа, ранним утром, казаки донесли, что вдали показался неприятельский отряд; на это не обратили большого внимания; когда же к 7 часам все пространство в полтора лье покрылось турками, фельдмаршал рассудил, что дело становилось серьезным. Фуражиры и их прикрытия были отозваны назад в лагерь, и всей армии велено стать под ружье. В 8 часов передовые отряды правого крыла были атакованы. Генерал-поручик Загряжский так кстати пришел к ним на помощь с частью армейских пикетов, что неприятель на этом месте был отбит. В то же время турки атаковали лагерь украинских казаков в надежде справиться с ними без большого сопротивления, так как это было самое худшее русское войско. Но видя приближение нескольких пикетов, которые вел генерал-майор Философов, они ушли.

Сильнее всего действовал неприятель против центра. Бригадир Шипов, будучи дежурным и видя, что передовые посты правого крыла атакованы, собрал в один корпус передовые посты центра. Так как он слишком зашел вперед, то турки окружили и атаковали его со всех сторон. Он защищался со всевозможною храбростью, но ему бы не устоять, если бы не пришли скоро на помощь ему. На выручку

ему двинулся сам фельдмаршал во главе кирасирского отряда. Его поддерживали генерал-поручики Левендаль и Густав Бирон, каждый с несколькими батальонами. Наконец и здесь отбили неприятеля. Он возобновлял атаки еще несколько раз, но без всякого успеха. Артиллерия действовала отлично; от нее неприятель потерял людей больше, нежели от ружейного огня. Турки оставались еще несколько времени в виду русских, но когда фельдмаршал двинулся вперед с частью армии, так что фланги защищала пехота, драгуны, большей частью спешившиеся, шли между пехотой вдоль линий, а гусары и казаки на флангах, то неприятель совершенно удалился по очевидной невозможности устоять против слишком сильного артиллерийского огня. С обеих сторон урон был невелик: у русских ранен один полковник, а на поле битвы найдено около 200 неприятельских трупов.

Покуда главные турецкие силы тревожили армию, один их корпус был отряжен навстречу обозу, шедшему из Украины и успешшему беспрепятственно подойти к армии на расстояние 4 лье. Но благодаря степной местности, командующий обозом офицер усмотрел неприятеля весьма издалека. Он успел окружить себя обозом, из-за которого и защищался, пока фельдмаршал, известившийся об опасном его положении, не отправил к нему на помощь несколько полков, которые его и выручили; затем обоз вступил в лагерь, не потеряв ни одной повозки. При этом случае в армию прибыло несколько иностранных офицеров, кто волонтером на время похода, а кто для поступления на службу. В числе волонтеров находились граф Краффорд, несколько шотландцев, или англичан, и граф Изенбург, кавалер тевтонского ордена и подполковник гессенской службы.

После этого дела армия несколько дней продолжала путь спокойно; турки подходили к ней только малыми партиями. Между тем дошли слухи, что они со всеми своими силами идут к речке Савран на границе Польши. Граф Миних решился следовать за ними туда же. Он прибыл к месту 17-го числа, и тотчас же приступлено было к устройству мостов для переправы.

18-го числа посланные на разведку запорожские казаки воротились с известием, что неприятель находится не далее как в один или два лье и в настоящую минуту идет атаковать русских.

19-го числа авангард армии, состоявший из 7 пехотных полков, 1 гусарского и из нескольких тысяч казаков, под командой генерал-поручика Карла Бирона перешел через Савран. В час пополудни неприятель распорядился атаковать армию. Турки начали с запорожских казаков, взявших позицию на высоте с правого фланга и укрепившихся за обозом; они несколько раз, и верхом и спешившись, ударили на русских с большою силою, но встретили такой отпор, какого не ожидали; это их крайне озадачило, так что когда

фельдмаршал выслал казакам некоторую помощь, неприятель удалился в соседний лес.

Между тем граф Миних вывел армию из лагеря, в котором под начальством генерала Румянцева оставил лишь столько людей, сколько нужно было для охраны обоза. Он образовал только одну линию, правым флангом опиравшуюся на запорожский лагерь, а левым — на глубокую и чрезвычайно крутую балку, находившуюся впереди лагеря. Эти меры не смутили неприятеля. Он несколько раз атаковывал то правый, то левый фланг; некоторые даже обошли линию и напали на лагерь. Однако их отовсюду отбивали. К 4 часам неприятель отступил со всех сторон; полагали даже, что он окончательно сойдет с поля битвы. Однако ошиблись. К 5 часам турки снова выстроились впереди леса и кинулись на русских с большею против прежнего яростью; их снова отбили, и они принуждены были бежать, оставив на месте сражения более 1000 убитых. Этой победе много содействовал генерал-поручик Левендаль, расставив артиллерию на высоте у правого крыла, откуда он громил неприятеля с фланга.

Это дело привело неприятеля в такое уныние, что он не только не беспокоил русскую армию в ее походе в течение нескольких дней, но даже о нем и слышать не было. Только 1 августа один валахский дезертир извещал, что в 4 лье от армии стоит значительный корпус, состоящий из турок и татар под командой белгородского султана и четырех пашей и что неприятель намерен произвести атаку на следующее утро. По этому известию стали делать приготовления к бою, а как армия в это время проходила чрез дефилеи, то она шла, не останавливаясь, всю ночь, чтобы успеть выйти из них до утра. Отряженные для наблюдения за неприятелем донские казаки 3-го числа, рано утром, возвратились, ведя с собою 8 человек пленных, захваченных у неприятельского отряда, который они встретили и обратили в бегство. Пленные объяснили, что бендерский сераскир, перешедши с армией Днестр, приказал белгородскому султану идти со своими татарами навстречу русским, но тот отказался это исполнить, если сераскир не даст ему в помощь несколько турецкого войска. Тогда сераскир дал 8 000 человек под командой Вели-паши, одного из лучших их офицеров, того самого, который атаковал русских в делах 9 и 11 июля. Этот Вели-паша в следующем за тем году был бендерским сераскиром и командовал оттоманскими войсками против русских.

Армия продолжала идти к Днестру, до которого оставалось пройти только 2 лье; справа у нее была речка Молочище, слева Белочище. Когда вскоре затем показался неприятель, фельдмаршал во главе отряда конной гвардии и кирасиров сам пошел на рекогносцировку. Он увидел турок, выстроенных в боевой порядок, позади горы, в

пол-лье от армии. Вследствие этого он приказал генерал-квартирмейстеру Фермору, командовавшему авангардом, 7 пехотными полками, 1 гусарским полком и 2 000 казаков, образовать из своего войска каре, идти на высоту и оттуда высмотреть расположение неприятеля. В то же время он приказал генерал-поручику Карлу Бирону следовать со всею своею дивизией за авангардом и выдвинуть вперед под командой принца Брауншвейгского три пехотных полка и несколько конногренадерских рот. С этим корпусом принц стал против левого неприятельского крыла. К нему присоединился генерал-поручик Левендаль, который тут же расположил полевую артиллерию. Вскоре потом неприятель ударил на дивизию генерал-поручика Бирона и на отряд принца Брауншвейгского, однако его живо отбросили, у него произошло смятение, а когда турки увидели, что на них идут, то они бежали. Их преследовали легкие войска, которые, воротясь, донесли, что неприятель удалился отчасти к Днестру, отчасти вдоль Молочища. За несколько дней до этого дела армия сделала два перехода кряду по степи, где не было ни капли воды; если бы неприятель настиг ее при такой печальной обстановке, то он мог бы нанести ей значительный вред.

6-го числа, с рассветом, армия выступила в поход, имея по-прежнему по правую руку Молочище, по левую Белочище. Не прошла она много, как увидела на высоте при впадении Молочища в Днестр, по ту сторону речки, лагерь белгородского султана со всеми его татарами и несколькими тысячами турок. Едва неприятель завидел армию, как тотчас же перешел через речку и занял позицию на высоте, влево от русских; из этого маневра фельдмаршал заключил, что его хотят атаковать. Авангард остановился, чтобы дать время отставшим на пути дивизиям и арьергарду догнать его, да чтобы и принять меры к прикрытию обозов и провианта. Неприятель вывел много войска для атаки арьергарда, что исполнилось около 10 часов утра; в то же время другой корпус атаковал авангард, но этот тотчас же отбили казаки и калмыки. Атака же арьергарда была и продолжительнее и горячее. Граф Миних лично туда отправился. Донские казаки испытали на себе первые порывы неприятельской ярости; так стремительно они на них напали, что сначала казаки подались назад, однако, скоро оправившись, в свою очередь атаковали татар пиками и заставили их отступить, несмотря на их превосходство в числе. Генерал-майор Философов, шедший в арьергарде с четырьмя пехотными полками, должен был несколько отстать для прикрытия следовавшего за армией остального багажа, который по причине дурных дорог не мог идти вплотную, как обыкновенно. Неприятель сильно ударял на него и даже взял бы верх, если бы не скорая помощь генерала Румянцева, прибывшего на место действия с несколькими

конногренадерскими ротами и тремя пехотными полками, что заставило турок удалиться.

Для лучшего ограждения обоза несколько батальонов были расставлены вдоль флангов, начиная от арьергарда до головы армии; армия же отдыхала, покуда устраивался для нее лагерь. Неприятель хотел было сжечь травы, но бывшие перед тем дожди уничтожали действие огня. Около 5 часов пополудни неприятель произвел новую атаку на донских казаков и калмыков, но, снова отброшенный, он удалился, держась берега Днестра.

Тут армия вступила в лагерь, имея правое крыло на пушечный выстрел от Днестра, а тыл — обращенным к речке Белочище. Потеря русских в этом деле не превышала 200 человек убитыми; в числе их был полковник донских казаков.

Настоящий лагерь русских приходился как раз против неприятельского, расположенного по ту сторону Днестра; он был искусно укреплен и с хорошими батареями. По временам янычары переплывали реку на небольших лодках, чтобы схватиться с передовыми караулами. Весь день 7-го числа прошел в этих схватках и в обозрении берегов для отыскания удобного места для переправы. Но так как берега утесисты и чрезвычайно круты, то о такой переправе едва ли можно было помышлять. Соображая неприятельские силы, расположенные на противоположном берегу и состоявшие из 60 000 человек с 60 пушками и 15 мортирами в батареях, да соседство белгородского султана, который не переходил через реку, а оставался влево от русских в двух лье, беспрестанно тревожа передовые караулы, — фельдмаршал ограничился устройством на берегу батарей с пушками и мортирами и в ночь на 9 число открыл огонь против неприятельского лагеря, но без всякого результата. Между тем оказался недостаток и в фураже, пришлось поэтому переменить лагерь.

9-го числа, с рассветом, армия выступила в поход. Едва отошла она на пушечный выстрел от оставленного лагеря, как турки в большом числе переправились через реку и присоединились к татарам. Они шли параллельно с русскими во все время их похода, беспрестанно тревожа их. Неприятель между тем продолжал переправу через реку во весь день, так что к вечеру более половины его армии успела перейти.

10-го числа армия стала под ружье, чтобы прикрыть обозы, шедшие через мосты, которые были построены на Молочище. Неприятель двинулся в боевом порядке и ударил на русских одновременно в нескольких местах, повторяя свои нападения, но их постоянно отбивали; впрочем, никогда еще турки не оказывали такой стойкости. Местность, изрытая оврагами, полная скал и громадных камней, представляла для янычар то удобство, что они, прячась за ка-

менями, могли так близко подойти к русским, что стреляли в них почти в упор. Однако фельдмаршал приказал наконец нескольким гренадерским ротам идти на них; они так ловко на них ударили, что заставили их выйти из своих засад и бежать. Гусарский Стоянова полк да казаки и несколько драгунских рот преследовали бежавших, насколько позволяла местность. Потеря русских простиралась до 300 человек; но ни один офицер не был ни убит, ни ранен. Неприятель лишился 1000 человек, оставшихся на поле битвы.

Фельдмаршал оставался еще несколько времени в окрестностях Днестра, подавая вид, что намерен совершить переправу, но он постоянно находил против себя неприятеля; наконец он пришел к реке Буг и тут переправился 1 сентября, после полученного известия, что неприятельская армия не только разделилась, но что даже тот отряд, который, не отставая, беспокоил его во время переходов, ушел по ту сторону Днестра.

Еще за несколько времени до переправы фельдмаршала через Буг неприятель в течение нескольких дней показывался только издали, и то малыми партиями, что значительно успокаивало русских. Белгородский султан воспользовался этим. Ночью он подошел к армии со значительным отрядом и стал в засаде в глубокой балке. На другое утро генерал-поручик Загряжский, командовавший армейской дивизией, приказал своим людям выйти на фуражировку под прикрытием полковника, майора и 800 человек как пехотинцев, так и драгунов; но как все полагали себя в безопасности, то прикрытия служило только для виду. Фуражиры с повозками своими оставили конвой позади и ушли за 2 лье от лагеря, рассыпавшись по равнине. Внезапно бросаются на них татары, умерщвляют 4 или 5 сотен человек солдат или денщиков, столько же хватают в плен и уводят до 2000 голов быков и лошадей, а прикрытия уже не в состоянии было помочь. Этот случай дорого обошелся командовавшему конвоем полковнику Тютчеву. На наряженном по воле фельдмаршала военном суде Тютчева приговорили к расстрелу. Генерал Загряжский за то, что выслал людей на фуражировку без дозволения фельдмаршала и с малым конвоем, разжалован в рядовые драгуны; тому же наказанию подвергся дежурный бригадир валахский князь Кантакузин за то, что он не находился на сборе отряда и не дал инструкций полковнику. Конвойный майор также разжалован в солдаты, но так как не он начальствовал, то наказание это не продлилось более нескольких месяцев; но генерал и бригадир принуждены были весь следующий поход прослужить рядовыми драгунами и получили прощение только после [заключения] мира.

Несмотря на это несчастное дело с фуражирами, неприятель вообще не нанес большого вреда русским. Тем не менее этот поход обошелся не легче предыдущих. В армии было чрезвычайно много

больных, из которых большая часть умерли, а выздоровевшие так были слабы, что не годились ни на какую службу, и поправились только после нескольких месяцев пребывания на зимних квартирах. Никогда русская армия не теряла столько лошадей и быков. Дошло до того, что хотя для артиллерии и было заготовлено несколько сотен запасных лошадей и быков, но к концу похода почти не на чем было ее везти. Большое количество бомб и ядер было зарыто в степях и столько же оставлено с обозными повозками в Польше, через которую прошла артиллерия с частью армии.

В фураже в степях оказывался большой недостаток, потому что татары подожгли травы. Пришлось армии несколько дней кряду проходить и становиться лагерем на сожженной местности, без всякой возможности накормить вьючный скот. Это заставило графа Миниха разделить армию на несколько колонн, оставив себе последнюю. Этим он чрезвычайно облегчил довольствие. К концу сентября вся армия вступила в Украину и расположилась на зимние квартиры; Миних квартирою своей избрал Киев.

Идучи к Днестру, русская армия прошла по польской земле. Коронный великий гетман, граф Потоцкий, послал жалобу на это графу Миниху. Так как неприятель этим же путем пошел ему навстречу, то фельдмаршал отвечал, что он знает свои обязанности относительно нейтрального края, что он не вступил бы туда, если бы неприятель не указал ему пути. Граф Потоцкий, недовольный этим возражением, жаловался петербургскому двору, но отсюда ему отвечали в том же смысле. Но еще сильнее раздались жалобы, когда большая часть армии, возвращаясь с Днестра, снова прошла через Польшу. Сам король, несмотря на тайное соглашение с русской императрицей, принужден был сделать представление через своего посла. Ему отвечали, что если неприятель прошел через Польшу, то нельзя жаловаться, если армия пошла той же дорогой; но если только где-либо были беспорядки и армия кому-либо причинила вред, то все будет вознаграждено до копейки.

Венский двор также сильно жаловался на графа Миниха за то, что он не выполнил условленного в начале похода плана. По этому плану граф Миних должен был перейти Днестр и взять город Бендеры, или Хотин. Но тут встретилось столько препятствий, что проект не мог быть исполнен. Граф Миних легко оправдался перед своим двором, доказав самым очевидным образом, что он не мог ни перейти через Днестр, ни решиться на осаду которой-либо из этих двух крепостей без совершенной гибели вверенной ему армии. Он пришел бы в такой край, где не только неприятель заблаговременно уничтожил фураж, но где вдобавок свирепствовала чума, а именно в Молдавии и Валахии. Но все эти причины в Вене не принимались в соображение. Там говорили, что граф Миних всегда был против

их двора; это он помешал императрице послать 30 000 человек пехоты для присоединения к армии императора в Венгрии; что с этим войском можно бы было предпринять важные дела против неверных; но он, фельдмаршал, действует только по увлечению и из одного честолюбия хотел быть во главе большой армии, с которою ничего не сделал, потому что злится на венский двор; и что бы он ни говорил, а он мог бы предпринять что-нибудь поважнее, если бы только захотел. Словом, император так настаивал, что Миниху послано из Петербурга положительное приказание воротиться и взять одну из поименованных двух крепостей.

Это приказание получено им тогда, когда он уже перешел через Буг и разделил свою армию, отправляя ее в Украину. Фельдмаршал собрал военный совет; все генералы были того мнения, что приказание это невыполнимо, даже и при пожертвовании всей армии. Императрица согласилась с их доводами и позволила войскам возвратиться. Таким образом, венский двор вторично заставил петербургский отдать приказание графу Миниху касательно возобновления военных операций. То же случилось в прошлом году после взятия Очакова, когда непременно хотели, чтобы русские взяли Бендеры. В заключение всех жалоб возобновили перед императрицей просьбу о присылке в Венгрию на 1739 г. тех 30 000 человек пехоты, на которые надеялись еще в прошлогоднем походе. Петербургский двор дал уже и слово, но когда Миних зимою приехал в Петербург, он так сумел представить герцогу Курляндскому и императрице всю невыгоду для России, если послать в Венгрию лучшие полки, что император остался ни при чем, как и в прошлом году.

Покуда граф Миних направлялся к Днестру, фельдмаршал Ласи со второй армией снова шел по пути в Крым. Армию его составляли никак не более 30 или 35 тысяч человек, включая сюда и казаков.

6 июля граф Ласи с армией своею находился в виду Перекопа; за линиями стоял хан с 40-тысячным войском и надеялся порядком затруднить вступление в Крым. Он очень полагался на новые линии, устроенные татарами перед *Palus Meotides** в предыдущем году. Но граф Ласи расстроил его план. Он вступил в Крым, не потеряв ни одного человека; дело в том, что в летнюю засуху Азовское море несколько присыхает и западный ветер так угоняет волны, что можно вступить в Крым, почти не замочив ног. К счастью, что этот ветер начал дуть с 7-го числа. Фельдмаршал воспользовался им, не упустив ни минуты. Он расставил свою армию вдоль берега в одну линию и благополучно перешел море до возвращения волн. Потонули только несколько повозок в арьергарде, не поспевших за остальными, так как вскоре после перехода армии море снова нахлынуло. Армия овладела фортом Шиваскулой.

---

* Азовское море (лат.).

8-го числа фельдмаршал пошел к Перекопу и осадил его; осада продолжалась только до 10-го числа. Сильный огонь, которым громили эту крепость, огромное количество брошенных в нее бомб, произведших сполна свое действие, заставили турецкого коменданта просить капитуляции. Фельдмаршал требовал непременно, чтобы он сдался военнопленным, на что тот, после некоторых возражений, согласился. Гарнизон, состоявший из 2 000 янычар с двухбунчужным пашой во главе, вышел из крепости и положил оружие. Генерал-майор Бриньи-младший вступил в крепость с двумя пехотными полками и принял начальство над нею. Он нашел тут до 100 орудий, большею частью чугунных, достаточный запас пороха, но очень мало хлеба. После этого дела Ласи двинулся в Крым, который нашел в жалком состоянии и почти пустынным.

20 июля происходило жаркое дело между татарами и частью армии графа Ласи. Отряд в 20 000 человек атаковал украинских казаков, шедших в арьергарде, и притом с такою яростью, что смял их и произвел смятение в Азовском драгунском полку, который хотел их поддержать. Между тем генерал-поручик Шпигель прибыл на место с четырьмя драгунскими полками и донскими казаками, чтобы удержать бегущих; не успели они оправиться, как неприятель снова на них ударил с яростью; бой был продолжительный и горячий. Фельдмаршал велел нескольким пехотным полкам, пришедшим уже в лагерь, поступить в помощь; татары принуждены были удалиться, оставив на поле битвы более 1000 трупов. Со стороны русских потеряно от 6 до 7 сот человек, включая сюда казаков. Генерал Шпигель был ранен ударом сабли в лицо.

Согласно с данными ему инструкциями, граф Ласи должен был овладеть Кафой, самым укрепленным пунктом в Крыму и морской гаванью, в которой турки часто содержат свой флот; но он повсюду нашел край в таком разорении, что армии почти нечем было пропитаться. Кроме того, шедший из Азова флот с провизией под командой вице-адмирала Бредаля был встречен на пути такою сильною бурей, что одна половина судов разбилась, а другая рассеялась. И так, сделав еще несколько переходов, граф Ласи привел армию обратно к Перекопу, где приказал подорвать все укрепления и срыть линии на значительное расстояние. В этом лагере он оставался до конца августа, после чего пошел по дороге в Украину, куда войска его прибыли на зимние квартиры в октябре.

Известия, приходившие из Очакова в течение всего 1738 г., были очень печальны. Хотя и посланы были новобранцы для укомплектования полков как в Очакове, так и в Кинбурне, однако едва они там водворялись, как мерли, точно мухи; к довершению несчастья в оба города проникла чума, которая страшно косила людей, так что генерал Штофельн некоторое время оставался без необходимой по

крепости прислуги, а в сентябре 1739 г., когда ему приказано было скрыть и бросить оба города, то он назад привел в Украину едва ли треть своего первоначального войска. Очаков стоил России более 20 000 человек.

В эту зиму армия так же мало пользовалась спокойствием на своих квартирах, как и в прошлые годы. Одна часть полков занята была разбиванием льда на Днепре и защитой границ от татарских набегов, другая работала на квартирах над исправлением амуниции и приготовлениями к предстоящему новому походу.

В марте 1739 г. татары пытались ворваться в Украину и успели сжечь несколько деревень, но добычи не захватили, благодаря сделанным искусным распоряжениям, так что в несколько часов многие отряды могли соединиться и идти по тому направлению, в котором показался неприятель. Таким образом разбили несколько татарских партий, разогнали и прочих, которых казаки преследовали в самые степи, и взяли в плен несколько человек татар. Эта неудача в Украине заставила татар стараться вознаградить себя иным образом; не обращая внимания на существовавший между ними и Польшею мирный договор, они ворвались в это королевство и опустошили множество местечек и деревень, откуда вывели всех жителей в неволю.

Свирепствовавшая в Молдавии и Валахии чума сообщилась также одной части Украины, но благодаря разумным мерам фельдмаршала Миниха, зло не распространилось по всему краю. Однако нельзя было отвратить того, что несколько городов и сел совершенно обезлюдели.

В ноябре этого года в Украине совершена страшная казнь. Сын местного крестьянина стал выдавать себя за сына Петра I, царевича, умершего в 1718 г. Под этим именем пришел он в одно пограничное село, где объявил о себе трем солдатам, стоявшим на карауле у сигнальных маяков. Солдаты и поселяне оказали ему почести, местный священник велел звонить в колокола и отслужил в честь его литургию; наконец, все население столпилось на улице, и дело приняло бы, пожалуй, серьезный оборот, если бы не узнал о том казацкий сотник, который немедленно сообщил о случае находившемуся поблизости генералу Румянцеву. Лжецаревича и его немногочисленных приверженцев без труда арестовали и увезли в Петербург, где они судились в Тайной канцелярии. Потом их обратно отправили в Украину; генерал-майору Шипову дано приказание казнить их. Мнимый царевич живым посажен на кол, священник и три солдата казнены различной смертью. Поселянам императрица объявила прощение, однако село их было скрыто, а крестьяне переведены в другие места.

Глава XII

*Начало кампании. — Переправа через Буг. —
Миних переходит через Днестр. — Битва
на Днестре. — Случай с князем Кантемиром. —
Армия вступает в Прекопские, или Чернанские
ущелья. — Битва при Ставучанах. —
Взятие Хотина. — Гвардию и военнопленных
отправляют в Украину. — Миних вступает далее
в Молдавию. — Император заключает со своей стороны
мир с Портой. — Экспедиция донских казаков
под командою бригадира Фролова. — Русская армия
возвращается на свои квартиры. — Старания русского
двора о заключении мира. — Русская армия удаляется
из Молдавии и возвращается в Украину. —
Способ, употребленный генералом Левенвольде
для перевозки артиллерии через Днестр. —
Размышление по поводу похода 1739 г.*

1739 г.

По возвращении от двора, в конце марта, фельдмаршал Миних объявил по полкам, чтобы они были готовы выступить в поход через сутки по объявлении о том приказа. Сборным местом армии назначена окрестность Киева. Поэтому большей части войска приходилось пройти вдвое больше расстояния против прежних лет, когда сборное место назначалось в центре зимних квартир. Полки, расположенные на Дону, Донце и около украинских линий, должны были пройти 200 лье до Киева. 26 апреля назначено было для общего сбора, но, по сказанным причинам, отдаленные полки не явились.

Днепр вышел из берегов и наводнил окрестность на два лье кругом. Несмотря на это препятствие, стали устраивать понтонный мост, который окончили 8 мая. Сперва прошли ближайшие полки, остальные — по мере их прибытия, но несмотря на употребленную поспешность, войска с артиллерией и провиантским обозом собрались не ранее 4 июня, когда вся армия находилась уже на другом берегу.

В настоящий год армия графа Миниха состояла из 49 батальонов, включая сюда 3 батальона пешей гвардии; кавалерию составляли: 3 эскадрона конной гвардии, 100 драгунских эскадронов, 6 гусарских, 6 валахских и 4 грузинских. Кроме того, набрано было 13 000 казаков всех категорий. Артиллерию составляли 62 осадные пушки, 11 мортир, 16 гаубиц и 176 полевых орудий. К ней прислуги приставлено 3 000 человек. Словом, в армии насчитывали от 60 до 65 тысяч человек.

Служившие под начальством Миниха генералы были: генерал-аншеф Румянцев; генерал-поручики Карл Бирон, Левендаль, Густав Бирон; генерал-майоры принц Голштейнский, Хрущев, князь Репнин, Философов, Бахметев, Кейзерлинг, Фермор, Шипов, Штокман и Апраксин.

Несмотря на постоянные жалобы поляков, двор решился в этот раз провести свою армию через их королевство, что значительно сокращало путь до Днестра, представляя вместе с тем для войск такие удобства, которых они были лишены в предыдущие походы. Оттого в этом году армия и страдала меньше, и больных было немного в сравнении со всеми прежними годами.

7 июня армия вступила в Польшу близ Василькова, небольшой пограничной крепостцы. Польский великий гетман приказал шляхте сесть на коня, и это дворянское ополчение расположилось во многих местах для предотвращения беспорядков от легкого войска, но несмотря на все старания поляков, которые постоянно шли бок о бок с русскими при их переходах, они многого не могли отвратить.

Для большего удобства русская армия шла несколькими колоннами и 10 июля пришла к Бугу, через который переправилась в трех местах: первая дивизия — у Константинова, вторая — у Летичева, а третья — у Мендзибожа. Пришло известие, что турецкий корпус в 60 000 человек перешел через Днестр и вступил в Польшу с намерением не допустить русских переправиться через Буг, но так как их предупредили, то они вернулись, опустошив наперед несколько деревень.

С целью обмануть неприятеля и заставить его совершать бесполезные переходы или же удерживать большую часть армии поблизости от Бендер велено было большому отряду казаков идти по направлению к Сороке и распускать на пути слух, будто за ними через несколько дней последует часть армии. Этот ложный слух заставил сераскира Вели-пашу две недели простоять с главными силами своими у Бендер.

Казацкий отряд благополучно переправился вплавь через Днестр, не будучи замечен неприятельскими отрядами, углубился в край на 15 лье, сжег несколько деревень и оба города — Сороку и Могилев. При возвращении в лагерь привели 18 пленных и более 400 лошадей, взятых по большей части на польской земле.

До 27 июля армия продолжала поход к Днестру, обходя так называемые Недоборческие горы и повернув потом вдоль по реке Збруч, к Хотину, как бы с намерением переправиться через Днестр в окрестностях этого города.

Значительный неприятельский отряд двинулся к Збручу с целью помешать переправе, во всяком случае затруднительной по круто-

сти берегов этой реки. Но у фельдмаршала и не было намерения переправляться тут; он хотел пройти к Днестру и прибыть туда не замеченным неприятелем. 28 июля он выступил с корпусом отборного войска в 20 000 человек, взяв с собою запас хлеба на 6 дней; осадная артиллерия и обоз оставлены в лагере под охраной генерала Румянцева.

В этот день и 29-го числа корпус фельдмаршала совершил переход в 20 французских лье и к вечеру подошел к Днестру, поблизости от польской деревни Синковцы. Первое дело, начали устраивать мосты и успели кончить их 30-го числа, в семь часов утра; во всей окрестности не было ни одного неприятельского солдата. До вечера еще переправились на ту сторону вся пехота и полевая артиллерия. Казаки же и драгуны еще накануне переправились, отыскав брод.

Поджидая русских у Збруча, неприятель только 1 августа узнал об этом движении русских, по переходе их через Днестр. Он отступил сначала к Хотину и перешел через Днестр ниже города. Синковца отстоит от Хотина не более как на 6 или 7 лье, но это расстояние заставлено непроходимыми горами, идущими от Днестра до Прута; они-то и задержали неприятеля, так что не прежде как пробыв три или четыре дня в дороге, мог он встретиться с русскими; только через известные Прекопские дефилеи может свободно пройти армия.

Русские воспользовались своим преимуществом; отряды войск отправлены во все стороны; они ушли за Прут и привели около 100 пленных из попавшихся им навстречу турок и валахов; принесли несколько отнятых у неприятеля значков, побив и рассеяв отряды; а добыча лошадей и скота была необыкновенно велика.

После переправы через Днестр несколько дней кряду шли дожди, от которых река так переполнилась, что снесла мосты и едва не увлекла с течением до Хотина; однако успели их задержать, но с большим трудом привели на место к мостовым укреплениям, построенным по ту и другую сторону реки. Эти же дожди задержали поход остальной армии, следовавшей с тяжелой артиллерией, обозом и провиантом; она пришла к Днестру не ранее 7 августа. Но так как мосты к этому времени еще не могли быть исправлены, то несколько дней не было сообщений между обоими корпусами, что заставило графа Миниха возвести несколько редут перед фронтом лагеря.

3-го числа в виду лагеря показались султан Ислам-Гирей с 12 000 татар и Илия-Калчак-баша, хотинский комендант, с 6 000 серденгести, или конными янычарами, называемыми беспощадными; они атаковали фуражиров Тобольского драгунского полка, командуемого полковником Роденом, но так как полковник со всем своим полком составлял их прикрытие, то он образовал из него каре и храбро

защищался более часа, пока не пришли на помощь армейские пикеты. Дело было жаркое; неприятель был отбит, потеряв 600 человек, павших на месте. Татарский сановник Али-мурза был взят в плен; судя по его речам, он был человек умный. Он был ранен в ногу, и через несколько дней лекаря объявили, что для излечения необходимо отнять ее. Он выдержал операцию с большим мужеством и редким спокойствием. Фельдмаршал приказал заботиться о нем, однако татарин вскоре умер. В этом деле русские потеряли 54 человека убитыми и 115 ранеными; в числе первых находился саксонский подполковник Кизлинг, которого польский король послал участвовать в русском походе.

10-го числа из Хотина была слышна пушечная пальба в честь прибытия туда из Бендер сераскира Вели-паши с турецкой армией, которой он был главнокомандующий.

11-го числа татары сделали новую попытку к нападению; 1500 человек отборной кавалерии подкрались к лагерю, но скрывшиеся в углублении казаки и отряд гусаров так ловко их приняли, что не только решительно отбили их до самого Прута, в котором много татар потонуло, но и убили большое число и в плен взяли 16 человек.

15 августа пришла остальная артиллерия и обоз и переправились через Днестр; затем мосты были разобраны. Со времени переправы первого корпуса через Днестр не проходило дня, чтобы в лагерь не являлись валахские и молдавские офицеры с солдатами, объявляя желание свое покориться и поступить на службу к ее императорскому величеству. С дозволения двора фельдмаршал до выступления в поход образовал целый полк из валахов. Начальство над ними поручено князю Кантемиру*, вышедшему из Молдавии в 1736 г. Все прибывшие молдаване были зачислены в этот полк.

Отправляясь в Россию, князь Кантемир проезжал через Броды, резиденцию великого гетмана польского графа Потоцкого, его близкого родственника, и сообщил ему о своем намерении ехать в Киев. Будучи недругом России, Потоцкий приказал арестовать Кантемира и посадить в тюрьму. В то же время он писал в Константинополь, что Кантемир находится в его власти и что он выдаст его туркам. Если бы Кантемир был выдан туркам, то с него живого содрали бы кожу. Ввиду такой опасности Кантемир нашел человека, взявшегося доставить письмо от него в Киев к тамошнему коменданту, которому он описал свое положение. Находившийся в крепости генерал Кейт немедленно отправил к графу Потоцкому офицера с требованием выпустить князя. Сначала Потоцкий отпирался, будто Кантемира

---

* Он был близкий родственник молдавского господаря князя Кантемира, последовавшего за Петром I в Россию после несчастного прутского похода и мира. — *Примеч. авт.*

у него нет, но после повторенных требований и угроз петербургского двора он дал ему свободу и приказал проводить под конвоем до украинских пределов.

За невозможностью отомстить великому гетману лично, он выместил свою ненависть на его подданных. Когда князя Кантемира отрядили с полком в Молдавию, он этого не сделал, а возвратился назад, переправился через Днестр и вступил в Польшу, где он начал опустошать владения графа Потоцкого, жег и резал, не щадя ничего и никого; словом, учинил страшные жестокости, и если б ему попался в руки сам Потоцкий, то нет сомнения, что он подверг бы его той же казни, на которую тот его обрекал.

Этот случай произвел большой шум; великий гетман жаловался, но Кантемир отпирался, невзирая на все улики, а так как в турецкой армии много солдат из валахов, то им и приписывали все неистовства. Тем не менее после заключения мира императрица принуждена была выплатить полякам большие суммы денег в возмещение совершенных войском беспорядков.

16 августа армия выступила в поход и, сделав переход в 4 французских лье, расположилась лагерем, правым крылом упираясь в Прут, левым в речку Валецку.

17-го числа армия переправилась через эту речку; тут она вступила в горы и знаменитые Прекопские ущелья, где некогда польский король Ян Собиеский несколько раз сражался с татарами и местными жителями. Валахский перебежчик известил, что неприятель очистил самое важное ущелье, в котором 10 000 человек легко могут задержать 100-тысячное войско. Фельдмаршал отправил большой отряд для занятия этой местности.

18-го числа армия пришла к высотам и к равнине, покрытой редким лесом; тут расположились лагерем, правым крылом упираясь в Прут, левым в горы. Вся армия благополучно прошла через ущелья, только один отряд, достаточный для прикрытия артиллерии и обозов, не мог так легко проникнуть с ними в ущелье; последние вышли из него только 26-го числа. Нельзя было не удивляться оплошности турок, оставивших без защиты этот проход, в котором они могли почти не сражаясь уничтожить русскую армию. С другой стороны, не менее удивительно было счастье фельдмаршала Миниха, которому удавались самые трудные предприятия, скорее обещавшие неуспех.

В течение дня неприятель показывался только малыми партиями, которые перестреливались из пистолетов с казаками; по уходе его вечером заметили, что у него в долине сокрыт большой отряд, имевший в виду завлечь легкие войска в засаду, однако это ему не удалось.

19-го числа Калчак-баша и султан белгородских татар во главе 20-тысячного войска подошли к лагерю, подсылая партии для схватки

с казаками, но потеряв несколько людей от огня артиллерии, они удалились в свой лагерь, отделенный от русского речкой Гукою и дефилями. Ночью фельдмаршал распорядился атаковать неприятеля.

20-го числа, ранним утром, армия выступила из лагеря, оставив там пришедший с нею небольшой обоз. Главный обоз еще проходил Прекопские ущелья. Армия дефилировала левым флангом и батальонным фронтом и беспрепятственно вышла на равнину. Неприятель сжег несколько деревень, находившихся впереди его, и удалился, предоставляя русским переправиться через Гуку, причем и виду не подавал, что намерен им противиться. Русские расположились в лагере, где накануне стоял неприятель. Последнего же лагерь был разбросан в разных местах за 3 или 4 лье от русских.

21-го числа неприятель продолжал стычки свои с легкими войсками, но 22-го он уже сильнее ударил на гусар и валахов; их вовремя поддержали, и неприятель принужден был удалиться, потеряв некоторое число людей.

23-го и 24-го числа армия ограничилась перемещением из лагеря в лагерь в ожидании прихода артиллерии и обозов. Неприятель расставил караулы кругом всей русской армии; в 500 шагах от фронта и от тыла вовсе не было безопасности: нужен был сильный конвой для перехода из лагеря в обоз. Генерал-майор Штокман, имея надобность донести фельдмаршалу о чем-то касательно багажа и вообразив, что опасность вовсе не так велика, как сказывали, выехал на дорогу в сопровождении только двух запорожских казаков. Едва выехал он в рощу, бывшую на пути, как его окружил неприятель. Он стал отбиваться, но, получив рану, принужден был сдаться. Его увели в Хотин, откуда его освободили по взятии этого города русскими. Неприятель был в восторге, когда генерала привели к нему в лагерь; это было единственное значительное лицо, взятое турками в плен в продолжение всей войны.

Фельдмаршалу дали знать, что неприятельская армия заняла лагерем весьма выгодную позицию на высоте в 3 лье от него, что она окапывается и поджидает русских на сражение.

Наконец 26-го числа прибыли в лагерь главные обозы, артиллерия и провиант; около 20 000 человек было оставлено для прикрытия этого огромного числа повозок; нужно было их дожидаться и по необходимости дать время неприятелю укрепиться в своем лагере.

27-го числа, с рассветом, армия выступила в поход, прошла через несколько мелких речек и дефилей и подошла к турецкому лагерю на пушечный выстрел. Здесь-то русские увидели себя окруженными со всех сторон неприятелем. Сераскир Вели-паша, главнокомандующий турецкой армией, стоял на возвышении в лагере, окопанном и защищенном несколькими батареями. Калчак-баша с серденгестами расположился слева от русских, имея в тылу леса и непроходи-

мые горы. Иенч-Али-паша, командующий турецкой кавалерией, или спагами, стоял вправо от них, опираясь на горы, тянущиеся до самого Прута, а белгородский султан Ислам-Гирей со всеми татарскими ордами тревожил русских с тылу. Неприятель нападал на них со всех сторон безостановочно во весь день; ночью даже поднял тревогу, но так как русский лагерь состоял из трех каре, кругом обставленных рогатками и артиллерией, то неприятеля нетрудно было отбить. Между тем не было возможности ни выйти на фуражировку, ни вести скот на пастбище. Во что бы то ни стало надобно было выйти из этого затруднительного положения.

Начальники оттоманской армии, видя русских окруженными отовсюду, радовались тому, что не препятствовали им пройти через Прекопские ущелья: они надеялись, что русские никак не выйдут из этой петли иначе, как сдавшись военнопленными или решась на капитуляцию.

28-го числа, на рассвете, вся армия стала под ружье. Фельдмаршал приказал трем гвардейским батальонам, трем пехотным полкам, двум драгунским, 400 человек пикетов и части легкого войска под командой генерал-поручика Левендаля и Густава Бирона с 30 тяжелыми орудиями и 4 мортирами выдвинуться на полпушечный выстрел против правого крыла окопанного неприятельского лагеря, подавая вид, что русские намерены были атаковать его с этой стороны. Началась пальба с обеих сторон из пушек и mortир и продолжалась без устали, но не производя заметного действия, особенно со стороны турок, которые после ста выстрелов, сделанных до полудня, убили у русских только одну лошадь. Этим движением имели в виду только привлечь внимание неприятеля в эту сторону и помешать ему достроить окопы, которые только что были начаты слева от него. Это удалось вполне, потому что неприятель тотчас же выстроил вправо от себя две новые батареи и начал проводить новую траншею.

В это время фельдмаршал, который уже накануне обозревал неприятельский лагерь, снова пошел осматривать его и нашел, что протекавшая слева от неприятеля речка Шуланец вовсе не была непроходима, как полагали, имея в виду по обоим берегам ее болота. Можно было привезенными с собою на повозках фашинами засыпать болота и таким образом пройти по ним, так же как через речку, которая не глубока, а там можно было обойти лагерь неприятеля, который не подозревал атаки с этой стороны и потому не принял на себя труд укрепить ее.

В полдень фельдмаршал приказал армии выступить, взяв дирекцию направо, а гвардии с упомянутыми отрядами стать в середине боевого строя. Через речку Шуланец перебросили несколько мостов; болота засыпали фашинами, прикрыв их досками, и армия прошла

под защитой сильного артиллерийского огня; неприятель вовсе не препятствовал этому движению. В два часа пополудни русские подошли к подошве горы, на которой расположен был турецкий лагерь. В это самое время турецкая конница ударила на них со всех сторон, но она была отбита, не имев ни малейшего успеха. Русские все более подвигались и ближе подходили к неприятельскому лагерю. Около 5 часов неприятель повторил нападение еще с большею яростью. Янычары с саблями наголо двинулись вперед и ударили на гвардию и на пехоту. Их встретили таким сильным пушечным и мушкетным огнем, что подойдя даже к рогаткам, они ничего не могли сделать. Тщетно употребляли они все усилия, чтобы их разрушить, они принуждены были отступить и совершили это в большом беспорядке. Они хотели еще защищаться из своего лагеря и представили для этого пушки на свое левое крыло, но русские шли вперед, не останавливаясь, под прикрытием сильного огня своей артиллерии. Вскоре потом турки зажгли свой лагерь и обратились в бегство с такою поспешностью, что потом, в семь часов вечера, когда русские, взобравшись на гору, вошли в лагерь, то уже не нашли там никого. Преследовавшие их легкие войска едва нагнали нескольких беглецов, которых и изрубили.

Турки оставили отчасти в лагере, отчасти на дороге 42 чугунных орудия и 6 мортир; в лагере до тысячи палаток были еще не разобраны; найдено огромное количество всякого рода инструментов, багажа, военных и жизненных припасов. Потеря турок очевидно была значительна; до 1000 трупов валялось на поле битвы. У русских ранено и убито всего 70 человек. Никогда еще совершенная победа не была одержана с такой малой потерей. Надобно еще заметить, что русские, давая сражение, были крайне стеснены в своих движениях, потому что пока они были в огне, весь обоз находился у них в каре, в самой середине армии. Все действия их по необходимости были медленны. Битва происходила подле деревни Ставучаны, лежавшей справа от армии.

Пользуясь победой, фельдмаршал на другой же день отправился к Хотину во главе 30-тысячного корпуса и с осадной артиллерией. Генерал Румянцев с остальной армией остался позади для прикрытия обоза, который медленно следовал за корпусом. По мере того как русские приближались к Хотину, они находили брошенные на дороге пушки, мортиры, бомбы, ядра, пороховые бочонки и обозные повозки, и по этому общему беспорядку можно было судить о паническом страхе турок. В этот день армия приблизилась к Хотину на два лье от города.

30-го числа, ранним утром, большой отряд легкого войска был отправлен к городу для наблюдения за неприятелем; он нашел предместье окопанным и окруженным широким заброшенным рвом.

Известили о том фельдмаршала, который уже шел с армией и в 10 часов утра прибыл к крепости. Первое дело, он потребовал от коменданта сдачи.

Несколько захваченных в предместье пленных объяснили, что хотинский комендант Калчак-баша пришел в крепость только накануне вечером, но что он не мог заставить свой гарнизон следовать за ним. Этот гарнизон, состоявший в начале похода из 10 000 человек, почти весь бежал с армией Вели-паши, так что у коменданта оставалось очень мало людей.

Баша просил честной капитуляции и конвоя до Дуная, но русские настаивали, чтобы он сдался военнопленным. Между тем фельдмаршал велел шести гренадерским ротам, трем гвардейским батальонам и трем другим пехотным батальонам пройти через предместье до гласиса. После нескольких переговоров согласились на том, чтобы обоз не подвергался осмотру и чтобы гарнизон отправил своих жен в Турцию. Однако только баша воспользовался этим позволением, а гарнизон оставил жен при себе и взял с собою в Россию.

В два часа пополудни баша с гарнизоном сдались. Комендант и ага янычар поднесли фельдмаршалу городские ключи. Гвардейцы заняли ворота; потом баша с многочисленной свитой посетил фельдмаршала и вручил ему свою саблю. 31-го числа турецкий гарнизон, состоявший из 763 человек, вышел из крепости и сдал оружие и знамена. В то же время русский гарнизон вступил в город. Главноначальствующим назначен генерал-майор Хрущев, а помощником его — князь Дадриан, полковник артиллерии.

Хотин — одна из важнейших крепостей Порты: все укрепления прочно выложены и отчасти вырублены в скале; из них обращенные к Молдавии лучше содержатся, нежели те, которые обращены к Польше, потому что тут река Днестр так близко протекает, что с этой стороны атака немыслима. Большая часть верков и прикрытый путь снабжены контрминами. Орудий было на валу 157 и 22 мортиры, все чугунные, бесчисленное количество боевых запасов, а магазины полны провианта.

Калчак-баша говорил, что причину всех бед настоящего похода были приняты сераскиром Вели-пашою неразумные меры: он слишком долгое время оставался под Бендерами с большею частью армии, вместо того чтобы последовать его совету и загородить русским вход в Прекопские ущелья. Вели-паша, напротив, хотел пропустить русских, в надежде расстроить их без сражения, отняв у них возможность идти на фуражировку и беспрестанно тревожа их. Этот план был бы недурен, если бы Вели-паша командовал не турками и не татарами и противником его был бы не такой полководец, как граф Миних. Баша, кроме того, удивлялся живости огня

русских, особенно артиллерийского, который более всего губил турецкое войско во всех встречах с ними.

1 сентября через Днестр перекинута два моста для свободного сообщения с Польшей. По приказанию фельдмаршала генерал-поручик Густав Бирон должен был отвести в Украину три гвардейских батальона и несколько драгунских полков; под этим же конвоем одновременно отправлены в Россию 2121 пленный обоего пола.

Отправив отряд и распорядившись относительно хотинского гарнизона, фельдмаршал выступил с армией далее, в Молдавию.

8-го числа армия пришла к Пруту; стали работать в одно время над тремя мостами и кончили их к вечеру. Отряженный с валахами князь Кантемир известил, что он довольно далеко заезжал в край, не встретил никакого препятствия и не видал даже неприятеля.

9-го и 10-го числа армия переправлялась через Прут. Вода в реке до того была мелка, что вся кавалерия перешла вброд. Обыкновенно Прут очень глубок и быстр; в том месте, где русские переправлялись, река имеет в ширину 50 туазов. На берегу устроили тет-депон и укрепление, назвав его во имя св. Иоанна. Местами устроили и редуты для легчайшего сообщения с Хотинем.

11-го числа армия направилась к Яссам, столице Молдавии и местопребыванию тамошнего господаря; издали показалась неприятельская армия; казаки пустились ее преследовать, но не нагнали. Собравшийся в Яссах молдавский диван послал к фельдмаршалу депутатов с письмом, изъявляющим покорность. Сам же господарь Григорий Гика накануне бежал по направлению к Дунаю.

12-го числа депутаты отпущены с ответом, которым удостоверяли в защите дивана императрицею; армия же продолжала свой поход к Яссам, куда князь Кантемир уже вступил с 3000 драгун, гусар и валахов.

Пришло известие, что сераскир Вели-паша два дня скрывался в деревне Богдане, на берегу Прута, имея при себе только 14 человек прислуги, так как янычары покушались убить его, и что кроме 3000 человек, скрывшихся в Бендерах, остальное войско перешло через Дунай.

14-го числа фельдмаршал отправился с конвоем в 300 конных grenадер и 300 донских казаков в Яссы с целью договориться с местным диваном о снабжении армии продовольствием. Уговор был такой, что диван обязывался содержать на свой счет 20000 человек из русской армии, отводить им квартиры, снабжать их провиантом, фуражом, доставлять им на свой счет необходимые подводы для привоза жизненных припасов в пределах княжества и содержать тысячи 2 или 3 пионеров, которые будут работать над укреплением Ясс. Когда все это было слажено, фельдмаршал ездил осматривать местность, а инженеры начертили план верков, которыми следовало

окружить крепость. В гарнизон назначили три пехотных полка, гусарский полк и валахский корпус под командой генерал-майора Шипова и полковника Каркетеля.

21-го числа фельдмаршал возвратился в армию, перешедшую через Прут. У графа Миниха был такой план: до окончания похода идти еще к буджакским татарам и даже взять Бендеры, дело удобное и исполнимое при том ужасе, который обуял турок после нанесенного им поражения. Граф надеялся, что в случае продолжения войны еще на один год он перейдет через Дунай и двинется далеко во владения султана. Но весь этот великолепный план был расстроен миром.

Имперцы заключили свой мир под Белградом в турецком лагере. Узнав о том 24 сентября, Миних был вне себя от гнева на имперских генералов. По этому поводу он обратился с письмом к князю Лобковичу, командовавшему в Трансильвании и сообщившему графу известие о мире. Так как это письмо содержит в себе некоторые отзывы о поведении имперцев и много других подробностей и к тому же довольно оригинально, то я прилагаю его здесь в переводе с немецкого.

***Письмо фельдмаршала графа Миниха
к князю Лобковичу от 16 (27) сентября 1739 г.****

«Ваша светлость! Ваше письмо и приложенный к нему журнал, доведенный до 1 сентября, я имел честь получить в то самое время, когда мы торжественно воздавали хвалу царю небесному за счастливое завоевание Молдавии, которой как духовные, так и светские представители 5 (16) сентября покорились императрице, моей всемилостивейшей государыне. Прилагаю при сем продолжение моего журнала, из которого ваша светлость в большой подробности усмотрите, что после взятия Хотина и оттеснения неприятеля, которого лагерем мы завладели вместе с полевой артиллерией, заключающейся в 42 пушках и 6 мортирах, я с армией, которою имею честь командовать, двинулся далее в Молдавию. 28-го и 29-го числа этого месяца, переправясь через Прут, я выстроил на берегу редут во имя св. Иоанна и снабдил его гарнизоном и достаточною артиллерией. Мы прогнали господаря с его милицией и несколькими сотнями турок, находившихся в его столице Яссы, и 3-го (14-го) числа этого месяца овладели этим городом. Я приказал исправить укрепления и оставил там сильный гарнизон с надлежащим количеством артиллерии. Отступление господаря произошло так поспешно, что он

---

* В XVIII веке расхождение между старым и новым летосчислением составляло 11 дней. — *Примеч. ред.*

оставил нам все свои бунчуки, свои два главные знамена, бунчук турецкого баши, находившегося при его особе, более 30 других знамен, как турецких, так и молдавских, свои литавры, полевые музыкальные инструменты, так же как три пушки, двенадцать бочонков с порохом, магазин с 1500 бочками пшеницы и большое количество рису.

После столь важного успеха содержание как письма вашей светлости, так и журнала, не могу скрыть от вас, крайне меня удивило и даже огорчило. Я увидел из него, что предположенное вторжение корпуса в. с. в неприятельские земли не могло состояться, что поэтому со стороны Валахии ничего не будет сделано в пользу нашей армии, невзирая на данные императором торжественные обещания и на составленный, по соглашению императора с моею государыней, операционный план.

Я вижу из письма в. с., что эти обстоятельства, которых вы не ожидали, для вас столь же прискорбны, как и для меня. Из журнала вашего ясно усматривается, что в императорской армии все было в хорошем состоянии до 13 августа, так же как и в Белграде, в котором, по дошедшим до меня известиям, находился довольно значительный гарнизон, способный еще долго противиться туркам и даже заставить их снять осаду с большою потерей, если бы решились на сильную вылазку, которую поддержала бы имперская армия, славившаяся своею храбростью. У нас здесь действительно надеялись на такой конец, так как мы разбили неприятеля, заняли Хотин и взяли в плен гарнизон с командовавшим там 3-бунчужным башою; сверх того, мы были уже готовы не мешкая идти к Дунаю: все эти известия должны были умалить спесь стоявших под Белградом турок.

Генералы имперской армии очень хорошо знали, что русская армия благополучно переправилась через Днестр и, отбив неприятеля в деле 22 июля, имела намерение идти на него в Хотин; имперской армии следовало, не торопясь, выждать исход предприятия. Вместо того, из заключения журнала видно, что от г. фельдцейхмейстера Нейперга (побывавшего уже в турецком лагере) пришло известие, что прелиминарные статьи мира уже 1-го числа сентября подписаны Портой. Между тем как в письме в. с., так и в приложенном к нему журнале совершенно умолчено об условиях, которые постановлены этими статьями, что тем более меня удивляет, что я не могу себе вообразить, как можно было оказывать императрице, моей государыне, так мало уважения, что даже мне не сообщены касающиеся ее пункты, тогда как я именно на них должен основывать военные операции остального времени похода. Другими путями известился я, что помянутые прелиминарные статьи крайне

невыгодны и противны как чести, так и пользе обоих императорских дворов.

Во-первых, если Белградская крепость должна быть скрыта на счет и даже трудами имперской армии, не есть ли это самое противное чести этой армии условие?

Во-вторых, если вместо того чтобы удержать за собою эту крепость, а скрыть Орсову, как это было условлено, первую уступают туркам, а вторую оставляют в их руках в удовлетворительном состоянии, то не открывают ли им этим каждый раз, как Порты захотела бы нарушить мир, путь для вторжения в Банат, Трансильванию и другие наследственные области императора, откуда им весьма легко будет проникнуть и до Вены. Такое условие может только крайне повредить императору и целой империи.

В-третьих, если правда, что неприятелю уступают сербское королевство в то самое время, когда верные союзники одерживают везде победы, то по мне, нет ничего противнее этого интересам обоих императорских дворов. Словом, невозможно заключать мира более невыгодного, даже и в том случае, если бы неприятель взял Белград и побил имперскую армию.

Что же стало с этим священным союзом, долженствовавшим существовать между обоими дворами? Со стороны русских берут крепости, со стороны имперцев срывают их и уступают неприятелю. Русские завоевывают княжества и провинции, а имперцы отдают неприятелю целые королевства. Русские доводят неприятеля до крайности, а имперцы уступают ему все, чего он захочет, и все, что может льстить ему и умножить его спесь. Русские продолжают войну, а имперцы заключают перемирие, а потом и мир. Где же, спрашиваю я, этот неразрывный союз? Могу вас уверить, в. с., что если бы армия императора действительно доведена была бы до крайности, то венский двор при помощи императрицы, моей государыни, мог бы заключить мир более честный, чем тот, который состоялся теперь. Если оглянуться на прошедшее, то делом императрицы окажется следующее.

1) Она без чужой помощи окончила польскую войну против короля Станислава и польских конфедератов; вопреки Швеции и Франции, которые не скупилась ни на деньги, ни на интриги, лишь бы водворить на престоле Станислава, которого мы, однако, свергли, посадив на его место курфюрста Саксонского Августа.

2) Она отправила на Рейн для присоединения к имперской армии вспомогательный пехотный корпус в 10 000 человек; на случай надобности готов был выступить туда еще другой корпус: движения, немало содействовавшие последнему заключенному с Францией миру.

3) Сначала она одна предприняла настоящий неизбежный поход против турок, предоставляя императору на выбор: или послать выговоренную помощь, или же принять участие в войне.

4) Ее армия взяла крепости Азов и Лютиц; опустошила Кубань и покорила татар этой области.

5) Завладела Перекопом, считавшимся до сих пор неприступной крепостью, и дважды взяла в плен турецкий гарнизон; захватила у турок многочисленную артиллерию; проникла до Козлова, Карасубазара, Бахчисарая и в самое сердце Крыма; разорила и опустошила весь край; наконец, совершенно выжила ногайских татар из обитаемой ими местности между Крымом и Днепром, захватив у них бесчисленное количество скота и лошадей.

6) Войсками императрицы взяты крепости Очаков и Кинбурн, а первая потом была защищена от турок, хотевших отнять ее обратно. Во всех этих делах погибло от 40 до 50 тысяч человек неприятеля и многочисленная артиллерия досталась нам в руки.

7) Русский флот в продолжение четырех походов продержал в бездействии турецкий флот, командуемый капитаном-башою, который владел морями Азовским и Черным.

8) Петербургский двор ценой огромных сумм уничтожил интриги Швеции и Польши, которые едва не разразились опасным заговором. Наконец, войска императрицы разбили неприятеля, взяли город Хотин и совершенно покорили Молдавию.

Для краткости я не стану распространяться приведением всех других действий, совершенных в пользу венского двора; скажу только, что можно было смело довериться такой верной, великой и счастливой союзнице, какова моя всемилостивейшая государыня, не прибегая, против всякого ожидания и без какой-либо грозящей опасности, к постыдному и весьма вредному для обоих дворов миру. Впрочем, весь свет это знает, и сколько тому примеров, что турки легко подвергаются паническому страху и часто строптивость янычар заставляет их бежать в ту самую минуту, когда полагали их во всей силе; того же самого можно было надеяться и в Белграде, если б захотели энергично защищаться. У гарнизона было обеспечено отступление, а в тылу находился сильно укрепленный замок. Не подвергаясь ни потерям, ни опасности, можно было отстаивать крепость до последней крайности.

Никогда не дадут веры благовидному предлогу, которым хотели нас убедить, будто венскому двору пришлось нести наибольшую тяжесть войны. Частный секретарь молдавского господаря, Александр Дука, сообщил нам подлинный список турецким войскам, которые были обращены в бегство при Ставучанах; из этого списка ясно видно, что действовавшая против нас армия турок и татар, командуемая столькими башами, была гораздо многочисленнее

белградской. Русской армии следует благодарность за то, что она не допустила турок проникнуть в Трансильванию. Она же испытала, что татары, особенно ногайские, не в пример лучшие воины, чем турецкая кавалерия и спаги, из которых она состоит. Если к этому числу неприятеля, состоявшего из отборного войска, прибавить гарнизоны Бендер, Белгорода и Еникале и турецкий флот, насчитывавший в настоящем походе до 30 000 человек, то легко рассудить, против которой стороны неприятель был многочисленнее и опаснее во все время настоящей войны и который из обоих союзников испытал на себе наибольшую тягость ее. Снабжать две большие армии артиллерией и провиантом во все время похода и привозить эти обозы на собственных подводах по дороге в 200 лье — это такое бремя, которого имперская армия никогда не испытывала. Для нашей армии понадобилось более 200 000 лошадей, быков и верблюдов, которые к концу похода уже не способны служить в следующем.

Поэтому-то моя государыня была вынуждена во все время кампании содержать на Дону и на Днепре по флотилии, для которых работали каждый год 50 000 человек и лошадей. Но что всего более утомляло наши войска, так это необходимость после трудного похода образовывать еще цепь на протяжении 300 немецких миль вдоль границ наших в ограждение их от ежегодных вторжений татар. Могу вас уверить, в. с., что нет в Европе армии, кроме русской, которая в состоянии была бы вынести такие труды. Но, вместе с тем, вы согласитесь, и весь свет согласится с вами, что вся эта война должна была стоить ее императорскому величеству чрезвычайных расходов, для пополнения которых она не имела других источников, кроме своей собственной казны.

Впрочем, я с удовольствием предоставляю имперцам честь, что противником их был сам великий визирь. Он, конечно, не без причины оставался на берегах Дуная. Он не мог проникнуть в Киев так же легко, как в Белград и Орсову. По крайней мере мы значительно сократили бы ему дорогу, если б он вздумал переменить свой план и померяться с нами.

Нам ненавистен позорный мир. Турки вызывали нас на подобное соглашение; они предлагали нам выгодные условия, но императрица, моя государыня, и слышать о том не хотела.

Теперь между императором и турками заключен мир. Что же касается петербургского двора, то о нем умалчивается как в письме, так и в журнале вашей светлости. Мне известно, что французскому послу при Порте, маркизу де Вильневу, дана определенная инструкция о том, на каких основаниях может быть заключен мир с Портой. Если не захотят даровать нам мир на выгодных условиях и вознаградить нас за Хотин и Молдавию, то я с помощью Божьей

буду продолжать враждебные действия. Покорнейше прошу, в. с., сообщить мой ответ с журналом г. фельдмаршалу графу Валлису. Имею честь быть...»

За несколько дней до получения известия о мире граф Миних отрядил бригадира Фролова, командовавшего донскими казаками, с приказанием: со всем подчиненным ему войском, от 4 до 5 тысяч человек, пройти к Дунаю и разорить на пути весь неприятельский край. Фролов довольно благополучно совершил свой поход до реки; когда же он намеревался вернуться, ему дали знать, что большой корпус турок и татар идет на него и что ему совершенно отрезали путь к армии фельдмаршала. Ему не оставалось другого выбора, как уйти в Трансильванию, пройти через эту область и через Польшу, а отсюда или к армии, или в Россию, смотря по обстоятельствам. Зная о союзе дворов венского и петербургского, он не сомневался, что будет хорошо принят князем Лобковичем. Подойдя к пределам Трансильвании, Фролов послал известить князя о своем прибытии и о том, что его к тому понудило. Вместо хорошего приема ему сначала делали большие затруднения для впуска в страну. После бесконечного спора решились впустить его, но вместе с тем стали обходиться с бригадиром и его отрядом, как с пленными. Три гусарских полка и два кирасирских окружили их и таким образом проводили до Польши. На пути их ничем не снабжали, они принуждены были платить за все наличными деньгами и по чрезмерной цене. Им не позволяли ни пасти лошадей, ни высылать за фуражом; но всего хуже было то, что лишь только казак на сто шагов удалялся из рядов, как австрийские гусары немилосердно умерщвляли его с целью поживиться казацкой лошадью и оружием, так как казацкие лошади превосходны; ружья у них нарезные с насечкой, а сабли их отличнойковки. Таким образом, Фролов от рук милых союзников России лишился 200 человек. Едва ли он потерял такое число людей в остальное время похода в частых стычках с неприятелем. Можно себе представить, что петербургский двор сильно жаловался на эти поступки, но вместо всякого удовлетворения из Вены отвечали только извинениями.

Граф Миних сделал еще несколько переходов к Буджаку, но зная, что уже происходят переговоры о мире между Портой и Россией, а между тем и время года подходило холодное, он решился разместить войска по квартирам в Молдавии, которой он никак не желал оставлять, а по тому распределению по зимним квартирам, которое он уже сделал, одна часть армии должна была стоять в Польше.

Мне кажется, пора теперь сказать о стараниях русского двора заключить мир. Во-первых, еще перед походом двор уполномочил фельдмаршала заключить мир, если представится к тому благопри-

ятный случай; в ведомстве его находился даже кабинетский секретарь на случай могущих начаться переговоров; а так как петербургский и венский дворы согласились на посредничество Франции между ними и Портой, то императрица поручила также маркизу де Вильневу вести переговоры о мире, а советника канцелярии, г. Каниони, послала в Константинополь для соблюдения ее интересов заодно с маркизом; конечно, все делалось от имени французского посла, но в сущности только Каниони пользовался всем доверием двора и получил от него полномочие на заключение мира. Каниони находился в турецком лагере в то время, когда Нейперг подписывал мир от имени императора, и протестовал против всего совершенного, но напрасно: дело зашло уже слишком далеко, прежде нежели ему дали знать о том. Наконец, ему надобно было соображаться с тогдашними обстоятельствами; прелиминарные условия между Россией и Портой были подписаны около месяца спустя после подписания мира между императором и Портой.

К концу октября фельдмаршал получил повеление прекратить враждебные действия. Яссы были оставлены, а Хотин сдан туркам в том виде, в каком русские взяли его. Условием этого мира было постановлено тоже, что Азов останется за русскими; наружные верки положено было скрыть и оставить только городские стены, но ни вводить в город гарнизона, ни укреплять его. Русским дозволено было также расширить свои границы на 20 немецких миль в степи и оставить за собою Самару и т. д. Туркам не дозволялось укрепляться по сю сторону реки Кубани, но Очаков и Кинбурн оставались за ними, и они имели право укреплять их. Пленные с обеих сторон были возвращены без выкупа.

Словом, выгода, извлеченная Россией из этой войны, была ничтожна, в сравнении с теми несметными суммами, которых она стоила, и с потерей тех 100 000 людей, которые выбыли из ее населения.

Армия переправилась через Днестр и возвратилась в Украину. Хотин сдан туркам не ранее ноября, и в эту пору прислан был баша для принятия города от генерала Левендаля. Когда русскому войску надлежало переправиться через Днестр, шло уже много льду по этой реке; не было возможности исправить поломанные мосты, так что переход становился крайне затруднительным, особенно для обозов и артиллерии. Так как русло этой реки представляет твердый грунт, то Левендаль приказал тащить пушки с лафетами подо льдом посредством привязанных к ним толстых канатов, которые доставали от одного берега до другого, и таким образом посредством ворот перетаскивали орудия.

Этот поход, бесспорно, самый славный и самый удачный из всех прочих, совершенных русскими войсками в продолжение этой войны.

Но не будь он таков, случись несчастье и побей неприятель армию графа Миниха, Россия очутилась бы в весьма плохом положении: вся армия погибла бы безвозвратно; кого не побили бы турки, того умертвили бы поляки, собравшиеся в несколько корпусов; они никогда не любили русских, они желали им более зла, нежели туркам и татарам, а если б русские потерпели какую-нибудь значительную неудачу, они непременно затеяли бы войну.

Покуда армия проходила через Польшу, в лагерь к ней только и приходили что депутаты — горько жаловаться на производимые в польской земле насилия. Как скоро же армия победила неприятеля и взяла Хотин, поляки заговорили иначе. Они посылали к фельдмаршалу торжественные депутации с поздравлениями, объявляя себя искреннейшими друзьями и союзниками России.

Глава XIII

Старания Швеции. — Убийство майора Цинклера. — Свадьба принца Антона-Ульриха с принцессой Анной. — Великолепие русского двора. — Обыденная жизнь императрицы. — Потешная свадьба.

1739—1740 гг.

Швеция тоже была недовольна петербургским двором и уже несколько лет поджидала благоприятного случая для нападения. Уже во время последних польских смут, как было рассказано выше, несколько шведских офицеров получили дозволение ехать в Данциг на службу к королю Станиславу против русских. Когда они по взятии города попали в плен, императрица приказала отправить их в Швецию, не скрыв при этом своего неудовольствия. В 1735 г. между обоими дворами заключен новый союзный трактат, после чего, казалось, все было улажено. Как скоро же русские объявили войну туркам, шведы вострепнулись и во время собравшегося в 1737 г., а еще более в 1738 г. шведского сейма сделали некоторые распоряжения, которые потревожили петербургский двор. Они отправили в Константинополь оружие и пушки; у нас говорили о заключенном между Портой и Швецией договоре, опасались нападения на Финляндию во время пребывания армий на Днестре и в Крыму, потому что шведы уже отправили 10 000 человек в Финляндию и начали там устраивать магазины, и пр. Это обстоятельство было отчасти поводом, что в этом году армия фельдмаршала Ласи не приступала ни к каким военным действиям и стояла смирно на границе Украины.

Когда фельдмаршал Миних перешел через Днепр, чтобы начать поход, ему тоже было велено отправить, не мешкая, в Петербург

два кирасирских и три пехотных полка. Все эти предосторожности оказались лишними. Швеция была так добра, что обождала еще два года до нападения на Россию. Она дала ей время заключить мир с Портой и привести армию в порядок. Зато эта война, как увидим ниже, причинила ей только позор и невыгоду, а начини она ее в 1738 г., Россия была бы в большом затруднении. Стокгольмский двор проводил время в переговорах и бесполезных жалобах, тогда как петербургский деятельно трудился для уничтожения всех их мер.

Предосторожности русского министерства, принимаемые против шведских интриг, доходили до самых насильственных мер и даже до смертоубийства на большой дороге. Я говорил уже, что ходили слухи о заключенном между Швецией и Портой договоре. Русский министр в Стокгольме, Бестужев, уведомил, что в Константинополь послан майор Цинклер, с тем чтобы доставить оттуда ратификации договора. Тотчас по получении о том известия граф Миних по приказанию кабинета послал офицеров с несколькими унтер-офицерами в Польшу, где они должны были рассеяться по разным местам, захватить Цинклера на возвратном пути его из Константинополя, отнять у него все бумаги и депеши и даже убить его в случае сопротивления. Офицеры не могли быть сами везде, поручили жидам и несколькими бедным шляхтичам известить, когда проедет Цинклер. Таким образом, прежде нежели он ступил ногой в Польшу, тайна обнаружилась. Хотинский губернатор предупредил его, чтоб он остерегался, что за ним следили многие русские офицеры, особенно же в Лемберге или Львове, через который он должен проехать. Цинклер поехал по другой дороге; хотинский баша дал ему конвой, который проводил его до Броды, к великому гетману польскому. Гетман дал ему другой конвой, проводивший его до Силезии; здесь Цинклер считал себя в безопасности. Когда же он принужден был на несколько дней остановиться в Бреславле, русские офицеры, узнав через шпионов, какою дорогою он поехал, погнались за ним и догнали в одной миле от Нейштеделя. Они остановили его, отняли оружие и, проводив его несколько миль далее, убили его в лесу. После этого подвига они обобрали его вещи и бумаги. Однако в бумагах не оказалось ничего важного. Русский двор осмотрел их и спустя несколько месяцев отправил по почте в Гамбург, откуда их переслали в Швецию. Императрица отреклась от этого ужасного дела, торжественно уверяя, что она ничего об этом не знала. Ее министры представили всем дворам записки, которыми старались отклонить в этом отношении всякое подозрение от русского двора. А чтобы сами убийцы не проговорились, то их всех арестовали и послали в Сибирь, где они несколько лет провели в остроге. Императрица Елизавета, вступив на престол, приказала их выпустить и приписать к гарнизонным полкам, далеко во внутренность России. Офицеры

эти были: капитан Кутлер, уроженец Силезии, поручики Лесавецкий и Веселовский, оба русские подданные. Каждому из них даны в помощники по два унтер-офицера. Первые два совершили убийство, а третий оставался в Польше, тем не менее с ним поступили как с прочими.

Это верно, что императрица не знала о распоряжении, сделанном относительно Цинклера, и что большую часть происшедшего от нее скрыли даже по учинении убийства. Всем делом распорядились герцог Курляндский, граф Остерман и фельдмаршал Миних.

В заключение того, что касается этой войны с турками и военных операций, я выпишу здесь письмо, с которым граф Миних обратился к герцогу Курляндскому спустя некоторое время после взятия Хотина; оно переведено с немецкого подлинника.

***Письмо графа Миниха к герцогу Курляндскому
от 29 августа (10 сентября) 1739 г.***

«Ваша светлость! Надобно признаться, что Бог истинно благословляет все предприятия Е. И. В-ва нашей всемилостивейшей государыни. Река Прут, принеся некогда несчастье России, теперь нам благоприятствует и послужит основанием к твердому и счастливому миру.

Каково, например: собрать в Киеве армию с Дона и Донца, с Украинской линии и из других провинций, отдаленных от Днестра, переправить ее через Днепр весной в то время, когда воды этой реки более против обыкновенного поднялись, вышли из берегов и залили окрестность почти на немецкую милю; идти из пределов России, через Польшу в Молдавию, не взяв с собою ни провианта, ни обоза; переправиться через Буг и Днестр, пройти Чернанские, или Прекопские дефилеи в виду неприятеля, не испытав ни малейшей неудачи; захватить за Прутом, за Молдавией, чуть ли не за самым тылом неприятеля, несколько тысяч лошадей, рогатого скота и баранов, снабдив таким образом армию на счет неприятеля как средствами перевозки, так и жизненными припасами без потери людей; отбить с чувствительной потерей все нападения турок и татар; гнать из одного выгодно расположенного лагеря в другой знаменитого Калчак-башу со всеми татарскими ордами, липканами и всеми этими храбрецами, которые не принимают и не дают пощады; наконец, атаковать сераскира Вели-пашу в прочно окопанном лагере с 90-тысячным войском, которого часть была выслана им, с тем чтобы отовсюду нас окружить; разбить его, захватить весь лагерь его с палатками, обозом, с 6 мортирами и 42 чугунными пушками, со всеми боевыми припасами, потеряв при этом только 70 человек убитыми и ранеными; взять важную крепость Хотин, снабженную 157 пуш-

ками, 22 мортирами и всеми необходимыми боевыми и жизненными припасами; пленить там башу и весь гарнизон, не сделав ни одного выстрела; преследовать бегущего неприятеля до Прута, перейти с армией реку, настроить по берегам укрепления и таким образом завладеть неприятельской землею; заставить молдавского господря бежать из своей столицы и из княжества за Дунай; собирать контрибуцию и провиант в неприятельской земле и при этом видеть армию почти без больных, в избытке и в наилучшем состоянии: все это может совершиться только там, где виден перст Божий, ведущий все к благой цели.

Большая часть всех этих событий такого рода, что тот, кто не был очевидцем, не поверит некоторым обстоятельствам. В особенности тот случай, когда яростное нападение янычар мы встретили таким сильным огнем, что они не могли действовать ни ружьями, ни саблями; что им еще менее удалось прорваться в наши ряды; что паника неприятеля до того была сильна, что многие побросались в Прут уже спустя три дня после дела, а большая часть бежала до Дуная не оглядываясь. С другой стороны, никакая армия не выказывает столько охоты драться, как наша.

Каждый день я принимаю торжественные депутации и получаю письма из Польши с поздравлениями, и нет сомнения, что с помощью Божьей поход окончится к славе нашей», и пр.

Сказав все, что случилось замечательного в этом году относительно армии, я отмечу, что случилось наиболее важного при дворе.

Несмотря на заботы по кровопролитной войне, императрица решилась наконец заключить давно задуманный брак ее племянницы, принцессы Анны Мекленбургской, с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейгским, который жил при дворе с 1733 г.

Преемник министра венского двора графа Остейна, маркиз де Ботта, принял звание посла и в публичной аудиенции от имени императора просил руки принцессы Анны для принца Антона-Ульриха, племянника римской императрицы. Спустя несколько дней после этой аудиенции, 14 июля, происходила свадьба со всевозможным великолепием. Более года работали над экипажами и платьями, которые должны были появиться на этой церемонии. Венчал архиепископ Новгородский в Казанском соборе и сказал по этому случаю прекрасное слово, которое было напечатано. Когда императрица Елизавета вступила на престол, эта речь была запрещена, потому что в ней были черты, которые Елизавете не понравились.

В день этой церемонии никто не воображал, что союз обоих высочеств будет некогда причиною несчастий как их самих, так и многих других честных людей. Все смотрели на принцессу Анну как на вероятную наследницу престола. Я даже полагаю, что это и не

миновало бы ее, если б не воспротивился тому герцог Курляндский. Я скажу об этом подробнее, когда коснусь болезни и смерти императрицы Анны.

По поводу этой свадьбы я скажу несколько слов о роскоши двора и об обыденном образе жизни императрицы.

Говоря о герцоге Курляндском, я сказал, что он был большой охотник до роскоши и великолепия; этого было довольно, чтобы внушить императрице желание сделать свой двор самым блестящим в Европе. Употреблены были на это большие суммы денег, но все-таки желание императрицы не скоро исполнилось. Часто при богатейшем кафтане парик бывал прегадко вычесан; прекрасную штофную материю неискusstный портной портил дурным покроем или если туалет был безукоризнен, то экипаж был из рук вон плох: господин в богатом костюме ехал в дрянной карете, которую тащили одры.

Тот же вкус господствовал в убранстве и чистоте русских домов: с одной стороны, обилие золота и серебра, с другой — страшная нечистоплотность. Женские наряды соответствовали мужским; на один изящный женский туалет встречаешь десять безобразно одетых женщин. Впрочем, вообще женский пол России хорошо сложен; есть прекрасные лица, но мало тонких талий.

Это несоответствие одного с другим было почти общее; мало было домов, особенно в первые годы, которые составляли бы исключение; мало-помалу стали подражать тем, у которых было более вкуса. Даже двор и Бирон не сразу успели привести все в тот порядок, ту правильность, которую видишь в других странах; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконец все было очень хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромных денег. Невероятно, сколько через это ушло денег за границу. Придворный, который определял в год только по 2 или по 3 тысячи рублей на свой гардероб, т. е. 10 и 15 тысяч франков, не мог похвастаться щегольством. Здесь кстати было повторить замечание, сделанное одним саксонцем покойному Августу II, королю польскому: что следовало бы расширить городские ворота для впуска дворян, напавших на себя целые деревни, потому что все особы, имевшие честь служить при дворе, расстраивали свое состояние на наряды, жалованьем нельзя было покрывать эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу мод прожить в Петербурге два года, чтобы составить себе состояние, хотя бы сначала весь его товар был бы взят на кредит.

Обыденная жизнь императрицы была очень правильная. Она всегда была на ногах еще до 8 часов. В 9 она начинала заниматься со своим секретарем и с министрами; обедала в полдень у себя в комнатах только с семейством Бирон. Только в большие торжествен-

ные дни она кушала в публичке; когда это случалось, она садилась на трон под балдахин, имея около себя обеих царевен, Елизавету, ныне императрицу, и Анну Мекленбургскую. В таких случаях ей прислуживал обер-камергер. Обыкновенно в той же зале накрывался большой стол для первых чинов империи, для придворных дам, духовенства и иностранного посольства.

В последние годы императрица не кушала в публичке и иностранные послы не были угощаемы при дворе. В большие праздники им давал обед граф Остерман.

Летом императрица любила гулять пешком; зимою же упражнялась на бильярде. Слегка поужинав, она постоянно ложилась спать в 12 часу.

Большую часть лета двор проводил в загородном дворце, выстроенном Петром I в 7 лье от Петербурга и названном Петергофом. Местность этого дворца самая прелестная, на берегу моря: слева виден Кронштадт и весь флот, напротив — берега Финляндии, а направо — вид на Петербург. При дворце большой сад с великолепными фонтанами; собственно строение неважное, комнаты малы и низки.

Остальное лето императрица проводила в летнем дворце в Петербурге; дом довольно плохой постройки на берегу Невы, при нем большой сад, изрядно содерванный. Принцесса Анна начала было строить новый дом (старый пришел уже в ветхость), но она не успела его кончить. Ныне царствующая императрица уже достроила его.

При дворе играли в большую игру, которая многих обогатила в России, но в то же время многих и разорила. Я видел, как проигрывали до 20 000 рублей в один присест за квинтичем или за банком. Императрица не была охотница до игры: если она играла, то не иначе как с целью проиграть. Она тогда держала банк, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравший тотчас же получал деньги, но так как игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денег от тех, кто ей проигрывал.

Она любила театр и музыку и выписала и то и другое из Италии. Итальянская и немецкая комедии чрезвычайно привились. В 1736 г. поставлена первая опера в Петербурге; она была очень хорошо исполнена, но не так понравилась, как комедия и итальянское интермеццо.

При Петре I, как и в следующие царствования, при дворе сильно пили; не то было при Анне. Она видеть не могла пьяного человека. Одному князю Куракину позволено было пить вволю; но чтобы вообще не совсем потеряли привычку пить, то 29 января (ст. стиля), день восшествия на престол императрицы, было положено праздновать Бахусу; на этой церемонии каждый гость обязан был выпить

по большому кубку венгерского вина, став на одно колено перед ее величеством.

Я припоминаю тут другую оригинальную церемонию. Накануне больших праздников придворные особы и гвардейские офицеры имели честь поздравлять императрицу и целовать ей руку, а ее величество подносила каждому из них на большой тарелке по рюмке вина.

К концу 1739 г. императрица дала потешный праздник. Поводом послужил князь Голицын. Несмотря на его сорок лет и на то, что у него сын служил в армии поручиком, его в одно время произвели в пажи и в придворные шуты в наказание за перемену религии. Так как он был вдов, то императрица объявила ему, что он должен вторично жениться: она уже возьмет на себя свадебные расходы. Шут согласился на предложение, выбрал девушку простого звания и требовал от императрицы исполнения обещания. Желая по случаю этой потешной свадьбы показать, сколько различных народов обитают в ее обширных владениях, императрица предписала всем губернаторам выслать в Петербург по несколько инородцев обоего пола. Когда они приехали, их одели заново на счет двора, каждого в его нарядный костюм. Кабинет-министру Волынскому поручено распорядиться свадьбой. Для празднования ее выбрали зимнее время, а для пущей оригинальности императрица приказала построить дом из одного льда. В этом доме были две комнаты; вся утварь в них, даже брачная кровать, была сделана из льда. Перед домом поставлены четыре маленькие пушки и две мортиры из льда же. Из пушек сделано несколько выстрелов при заряде в пол-унцию пороху, и они не треснули; метали из мортир маленькие деревянные гранаты: они тоже оставались целы.

В день свадьбы все участвовавшие в церемонии собрались на дворе дома Волынского, распорядителя праздника; отсюда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города. Поезд был очень велик, состоя из 300 человек с лишним. Новобрачные сидели в большой клетке, прикрепленной к спине слона; гости парами ехали в санях, в которые были запряжены разные животные: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т.д. Некоторые ехали верхом на верблюдах. Когда поезд объехал все назначенное пространство, людей повели в манеж герцога Курляндского. Там по этому случаю пол был выложен досками и расставлено несколько обеденных столов. Каждому инородцу подавали его национальное кушанье. После обеда открыли бал, на котором также всякий танцевал под свою музыку и свой народный танец. После обеда новобрачных повезли в ледяной дом и положили в самую холодную постель. К дверям дома приставлен караул, который должен был не выпускать молодых ранее утра.

После этих придворных подробностей перехожу к общим делам.

Глава XIV

Приезд маркиза де ла Шетарди в Петербург. — Меры, принятые по заключении мира. — Посольство графа Огинского. — Генерал Кейт назначен губернатором в Украину. — Казармы, или слободы для помещения войска. — Волынский арестован и казнен. — Ссоры со Швецией. — Поездки фельдмаршала Миниха в Кронштадт, Выборг и другие города.

1740 г.

После заключения мира между Россией и Портой через посредничество Франции его христианское величество отправил к петербургскому двору в качестве чрезвычайного посла маркиза де ла Шетарди. Он прибыл в Петербург в январе. Со стороны России к версальскому двору был послан в том же дипломатическом звании князь Кантемир, бывший несколько лет перед тем в Англии. Впоследствии мы увидим, какую великую роль играл в России де ла Шетарди в двух различных случаях.

Мир был ратифицирован в Константинополе в январе, а в начале февраля советник миссии г. Неплюев, сын министра, ездившего на конгресс в Немиров, привез ратификацию в Петербург. Императрица лишь только ее получила, разослала курьеров к фельдмаршалам Миниху и Ласи с приглашением приехать ко двору. Они прибыли 24 февраля, а 26-го мир был торжественно объявлен. По этому случаю происходили большие празднества, а в армии значительные производства. Графу Миниху дано звание подполковника гвардии Преображенского полка — пост, на который он давно мечтал, но долго не получал. Но прошло немного времени, как он, вероятно, заставил герцога Курляндского горько раскисаться в доставлении ему этого звания, потому что без него ему трудно было бы арестовать Бирона так, как он это исполнил. Принцу Антону-Ульриху тоже дано звание подполковника гвардии Семеновского полка и генерал-поручика армии. Не стану приводить другие примеры производства, ни награды, которыми императрица наделила министров и генералов; довольно сказать, что все это было сделано в чрезвычайных размерах. Герцог Курляндский один уже получил 500 000 рублей чистыми деньгами.

В продолжение войны двор увеличил число генералов в армии, так что оно значительно превосходило назначенное по военному уставу Петра I. По заключении мира решились мало-помалу сбавлять лишний комплект. Многие русские старые генералы, желавшие

отдыха, получили увольнение; других приставили к гражданским делам.

Императрица еще больше сделала. Вышел указ, которым каждому дворянину, прослужившему 20 лет и бывшему в походах, дозволялось просить увольнения. Едва успели указ этот опубликовать, как поступило множество прошений. Половинное число офицеров подали просьбу об отставке, уверяя, что они прослужили более 20 лет. Встречались молодые люди, едва перешедшие за 30-летний возраст, которые требовали увольнения; дело в том, что быв записаны в какой-нибудь полк на 10-м или 12-м году от рождения, они с этого времени и службу свою считали. У многих офицеров не было гроша за душою, и все-таки они предпочитали военной службе жизнь в деревне и обработку полей собственными руками. Такой оборот дела заставил спустя несколько месяцев отменить указ. Мысль была подана графом Минихом. А когда указ отменили, то князь Трубецкой (в то время уже бывший генерал-прокурором в Сенате), тот самый, которого фельдмаршал вывел из ничтожества и поддерживал вопреки всем, несмотря на дурное исполнение им приказаний Миниха во время двух походов, в благодарность за эти благодеяния навлек на своего бывшего покровителя большие неприятности, подвергнув его чувствительным выговорам со стороны кабинета за предложение указа, который, в сущности, клонился только к пользе государства.

Польская республика, с завистью смотревшая на успехи русских в войне с турками и злившаяся на то, что в последние два года армия проходила через ее владения, отправила в Петербург графа Огинского в качестве посла с жалобами на насилия, произведенные русскими войсками на походе, и с требованием за них вознаграждения. Претензии поляков были чрезмерны. Императрица назначила комиссаров, которые на месте исследовали повреждения, но не придали им большой важности, однако жалобы не прекращались, покуда императрица не уплатила несколько сот тысяч рублей.

Я сказал, что в 1738 г. в Польше оставлены были несколько бомб, ядер и других боевых снарядов с повозками, принадлежавшими артиллерии. Императрица предложила этими предметами заплатить часть требуемого от нее, но республика не соглашалась на эту замену. Но так как перевозка их в Украину обошлась бы дороже самих предметов, императрица оставляла их в дар республике, но и на это последовал отказ. Наконец, как ни рассуждали поляки, решено было бросить эти остатки на произвол всякого, кто захотел бы ими воспользоваться.

После смерти князя Барятинского, управлявшего Украиной, определен был на его место генерал Румянцев. Теперь же последнего назначили послом в Константинополь. Искали заменить его

честным и бескорыстным человеком по той причине, что Украина чрезвычайно пострадала во все время войны с турками; она четыре года кряду давала зимние квартиры всем русским войскам и все время одна снабжала армию подводами для походных обозов. Все это привело ее в жалостное положение: не только губернаторы, но даже второстепенные чиновники грабили и разоряли народ. Двор решился положить конец всем этим притеснениям и вывести из разорения одну из прекраснейших областей своей обширной империи. Избран был в губернаторы генерал Кейт, возвращавшийся из Франции, где он лечился от ран. Ему велено было ехать в Глухов в качестве губернатора. Он пробыл тут не более года, но и в это короткое время он покончил больше дел, чем предшественники его в течение десяти лет. Украина отдохнула при его кротком управлении и при введенном им во всех частях порядке. Он начал было вводить между казаками некоторого рода дисциплину, до этого им чуждую, но не успел привести это дело к концу. Его вызвали из Украины по случаю открывавшейся войны со Швецией. При выезде его из Глухова весь народ жалел его, говоря, что не следовало бы двору назначать им этого губернатора, при котором они увидели всю разницу между ним и его предшественниками, а уж если раз дали его, то надобно было его и оставить. Теперь преемники его будут для них тем более нестерпимы, потому что они, украинцы, уже вкусили сладость кроткого управления.

Спустя несколько месяцев императрица одобрила проект, который впоследствии сослужил недобрую услугу принцессе Анне. То была постройка в окрестностях Петербурга казарм или, скорее, слобод для пехотных гвардейских полков, до сих пор размещавшихся по домам обывателей. Отведены были места, и полки так усердно принялись за постройку, что на следующий год они уже могли занять новые дома. Так как в такой казарме полк был весь собран в одном месте, а офицеры, по милости дурной дисциплины, не были обязаны тут жить все в одно время, то этот порядок значительно облегчил предпринятую царевной Елизаветой революцию, окончившуюся для нее так удачно.

В апреле по приказанию двора были арестованы: кабинет-министр Волынский, президент коммерц-коллегии граф Мусин-Пушкин, тайный советник Хрущев, главноуправляющий над строениями Еропкин, тайный секретарь кабинета Эйхлер и еще другой секретарь, по имени Зуда. Волынского обвиняли в разных государственных преступлениях, но величайшее из них было то, что он имел несчастье не понравиться герцогу Курляндскому. Во время наступившей некоторой холодности между императрицей и ее любимцем Волынский подал государыне бумагу, в которой возводил разные обвинения на герцога Курляндского и на других близких к императрице лиц. Он

старался выставить герцога в подозрительном свете и склонял императрицу удалить его. Когда государыня помирилась с Бироном, она настолько была слаба, что передала ему бумагу Волынского, содержащую в себе, впрочем, очень много правды. Прочитав ее, герцог решил погубить своего противника. Волынский имел характер гордый и надменный, часто был неосторожен в речах и даже в поступках, поэтому скоро представился случай, которого искали.

Его судили; нашли, что он слишком часто вольно и непочтительно отзывался об императрице и ее любимце, и приговорили к отсечению сперва руки, потом и головы. Приговор был исполнен. Тайному советнику Хрушеву и Еропкину отсекали головы за то, что они были его друзья и доверенные лица; Мусину-Пушкину отрезали язык; Эйхлера и Зуду высекли кнутом и сослали в Сибирь. Все имущество этих несчастных конфисковано и роздано другим, у которых оно тоже не долго оставалось. Таким-то образом в России не только деньги, но даже земли, дома и всякое добро переходит из рук в руки еще быстрее, нежели в какой-либо другой стране в Европе. Я знаю поместья, которые в продолжение двух лет имели трех владельцев по очереди.

Волынский был умен, но и чрезмерно честолюбив; гордый, тщеславный, неосторожный, он был склонен к интриге и всю жизнь свою слыл за неугомонного человека. Несмотря на эти недостатки, которых он даже не умел скрывать, он достиг высших должностей в государстве. Он начал с военной службы, на которой дослужился до генерал-майора. Отказавшись от военных занятий, он занялся гражданскими делами. Еще при Петре I его посылали в Персию в качестве министра. Он был вторым уполномоченным на Немировском конгрессе, а спустя два года по смерти графа Ягужинского, умершего к концу 1736 г., Волынский получил его должность кабинет-министра. Но здесь он не мог долго удержаться, не рассорившись с графом Остерманом, который в своих сослуживцах терпеть не мог ума. Навлекши на себя еще гнев герцога Курляндского, он не мог кончить иначе как несчастливо.

Граф Бестужев, который, как увидим, играл главнейшую роль в России, заменил Волынского в должности кабинет-министра. Он был приятелем Бирона, а так как Бирону непременно нужно было в кабинете такое лицо, которое было бы вполне предано его интересам, то он и предпочел Бестужева всем, кто мог бы иметь право на это место.

Между петербургским и шведским дворами продолжались мелкие ссоры. Россия не была довольна союзом Швеции с Портой и запретила вывоз хлеба из лифляндских портов. А в Швеции убийство Цинклера продолжало волновать умы. Стокгольмская чернь подняла бунт и пыталась уже разграбить дом русского министра,

но дело ограничилось разбитием нескольких окон. Народ кричал, что действует по внушению души Цинклера.

На шведском сейме споры не прекращались. Это собрание разделялось на две партии: одна называлась шляпами и состояла почти из всего дворянства, офицеров и нескольких сенаторов — эта партия требовала войны. Другая, с королем во главе, состояла из лиц известных лет, знакомых с силами России; она желала, чтобы мир продолжался; ее прозвали колпаками. Обе партии были крайне раздражены друг против друга. Граф Бестужев, брат кабинет-министра, нашел довольно людей, которые сообщали ему все самые сокровенные и секретные решения. Все эти сведения он передал своему двору, который сделал необходимые распоряжения для начала войны в случае нужды.

Шведский посланник при петербургском дворе, г. Нолькен, много содействовал тому, что в партии шляп увеличилось желание начать войну, — тем, что в своих донесениях указывал на совершенное расстройство армии после турецких походов; он извещал также, что полки составлены из одних молодых людей, которые едва умеют обращаться со своим оружием, и что во многих полках не доставало одной трети до комплекта*.

Однако эти сообщения были совершенно лживы. За исключением полков, вернувшихся из Очакова, где они содержали гарнизон, русская армия была в полном комплекте и едва ли не в лучшем порядке, нежели до войны; а полки, составлявшие армию фельдмаршала Ласи, очень мало потеряли.

Весь этот год прошел в переговорах. Французский король предлагал себя в посредники и желал примирить Швецию с Россией, но враждебное чувство шведов не могло быть успокоено: они хотели войны, а между тем не делали никаких надлежащих приготовлений. Накануне разрыва с такою могущественной державой, какова Россия, шведы располагали в Финляндии только весьма малочисленным войском, так как они вызвали обратно то, которое выслали было туда в 1738 г., а в складах этой провинции находилось только ничтожное количество провианта. Поступая совершенно иначе, Россия приняла все необходимые меры для доброй встречи шведов в случае их нападения. Выборгский гарнизон увеличили несколькими полками, магазины наполнили и занялись приведением флота в надежное состояние.

В июле фельдмаршал Миних в сопровождении наследного Курляндского принца отправился в Кронштадт для обозрения укреп-

---

* Шведский сенат обвиняли в том, что он отправил к Нолькену обратно его подлинные рапорты с приказанием писать из Петербурга только то, что ему предписано было. — *Примеч. авт.*

лений и для совещания с адмиралами насчет операций, которые могли бы привести в действие флот и галеры в случае разрыва. В кронштадтский гарнизон отрядили 10 000 человек пехоты; их употребили на работы над укреплениями и на новой верфи; их же назначено посадить на суда, если бы война была объявлена.

По возвращении из этой поездки Миниху повелено отправиться в Выборг, Кексгольм и Шлиссельбург для обозрения как укрепленный в этих городах, так и границ Финляндии. Курляндский наследный принц и в этих поездках сопровождал Миниха. Будучи в Шлиссельбурге, принц, конечно, не мог себе представить, что через несколько месяцев эта крепость послужит тюрьмой для его отца со всем семейством.

Глава XV

Рождение принца Иоанна. — Болезнь императрицы. — Принц Иоанн объявлен великим князем и наследником. — Герцог Курляндский обретает себе регентство. — Кончина императрицы.

1740 г.

24 августа принцесса Анна разрешилась от бремени сыном, который при крещении был назван Иоанном. Это событие чрезвычайно радовало императрицу; тогда же она объявила, что новорожденный будет ее сыном, взяла его от родителей и поместила его в покое подле своего.

До сих пор все шло по желанию императрицы, но наступил и конец ее благополучию. К концу сентября она захворала припадком летучей подагры, из-за чего императрица и в постель не ложилась, а из окружающих никто не беспокоился. Но в несколько дней недуг значительно усилился: кроме подагры, оказалось кровохарканье и обнаружились сильные боли в пояснице; начали опасаться за ее жизнь.

Граф Остерман, пораженный параличом в ногах, уже несколько лет не выходил из комнаты; он принужден был отправиться во дворец в носилках. Сделаны были распоряжения касательно престолонаследия, и принц Иоанн объявлен российским великим князем и наследником престола. 18 октября все стоявшие в Петербурге войска были собраны, и им объявлен сделанный императрицей выбор наследника, после чего все, даже принцесса Анна, цесаревна Елизавета и принц Антон-Ульрих, присягнули, что признают наследника. В распоряжениях о наследстве было еще сказано, что в случае кончины принца Иоанна в малолетстве или бездетным наследовать

ему должен второй сын от брака принцессы Анны и принца Антона-Ульриха, и так далее в порядке первородия.

Первая попытка герцога Курляндского удалась: принцесса Анна была исключена из наследства, так как без его интриг она непременно вступила бы на престол. Оставалось теперь учредить регентство и присвоить его себе. Однако он не смел открыто заявить свой замысел; он только сообщил о том барону Менгдену, камергеру императрицы и президенту коммерц-коллегии. В Кабинете и в Сенате пошли такие интриги, что все, что находилось в Петербурге позначительнее, из духовенства, министерства, военного сословия до чина полковника было призвано в Кабинет для подписания адреса герцогу Курляндскому, коим все чины империи просили его принять регентство во время малолетства великого князя до достижения им 17-летнего возраста. Оставалось получить согласие императрицы на этот проект. Семейство Бирона и его креатуры не отходили от государыни, чтобы отнять у принцессы Анны возможность говорить с императрицей наедине. Наконец герцог вынудил у нее подписать на акт регентства, хотя, как уверяют, она и не знала содержания документа.

Болезнь императрицы с каждым днем более усиливалась; эта государыня скончалась 28 октября 1740 г., 46 лет, 8 месяцев и 20 дней от рождения — после десятилетнего славного царствования, в продолжение которого все ее предприятия, как внешние, так и внутренние, имели желанный успех.

Императрица Анна по природе была добра и сострадательна и не любила прибегать к строгости. Но так как у нее любимцем был человек чрезвычайно суровый и жестокий, имевший всю власть в своих руках, то в царствование ее тьма людей впади в несчастье. Многие из них, и даже лица высшего сословия, были сосланы в Сибирь без ведома императрицы.

Часть вторая

Глава I

Иоанн III, император России. — Регент арестовывает многих лиц. — Интриги регента. — Поведение фельдмаршала Миниха. — Герцог Курляндский арестован и т.д. — Новые распоряжения, касающиеся регентства. — Бисмарк и Карл Бирон арестованы. — Размышления по поводу ареста регента. — Награды и повышения.

1740 г.

На следующий день после кончины императрицы Анны Сенат, духовенство и все сколько-нибудь знатные люди Петербурга были созваны в летний дворец (где императрица провела последние месяцы своей жизни). Войска были поставлены под ружье, и герцог Курляндский обнародовал акт, которым он объявлялся регентом империи до тех пор, покуда императору Иоанну III не исполнится семнадцати лет. Все присягнули новому императору на подданство, и в первые дни все шло обычным порядком, но так как герцог был всеми вообще ненавидим, то многие стали вскоре роптать.

Регент, имевший шпионов повсюду, узнал, что о нем отзывались с презрением, что несколько гвардейских офицеров, и преимущественно Семеновского полка, которого принц Антон-Ульрих был подполковником, говорили, что они охотно будут помогать принцу, если он предпримет что-либо против регента. Он узнал также, что принцесса Анна и супруг ее были недовольны тем, что их отстранили от регентства. Это обеспокоило его, и он приказал арестовать и посадить в крепость нескольких офицеров; в числе их находился и адъютант принца по фамилии Грамматин. Генералу Ушакову, президенту Тайной канцелярии, и князю Трубецкому, генерал-прокурору, было поручено допросить их со всею возможною строгостью; некоторых наказали кнутом, чтобы заставить их назвать других лиц, замешанных в этом деле. Во все время этого регентства почти не проходило дня, чтобы не было арестовано несколько человек.

Принцу Антону-Ульриху, бывшему генерал-лейтенантом армии, подполковником гвардии и шефом кирасирского полка, было приказано написать регенту просьбу об увольнении от занимаемых им должностей, но этого было еще недостаточно. Регент велел дать ему совет — не выходить из своей комнаты или по крайней мере не показываться в публике.

Регент имел с царевной Елизаветой частые совещания, продолжавшиеся по нескольку часов; он сказал однажды в присутствии многих лиц, собравшихся у него вечером, что если принцесса Анна будет упрямыться, то ее отправят с ее принцем в Германию и вызовут оттуда герцога Голштейнского, чтобы возвести его на престол.

Герцог Курляндский (давно уже желавший возвести на престол свое потомство) намеревался обвенчать царевну Елизавету со своим старшим сыном и выдать свою дочь за герцога Голштейнского, и я думаю, что если бы ему дали время, то он осуществил бы свой проект вполне счастливо.

Принцесса Анна и супруг ее находились все это время в большой тревоге, но она вскоре прекратилась.

Фельдмаршал Миних, бывший в числе людей, принимавших самое живое участие в том, чтобы предоставить регентство герцогу Курляндскому, вообразил, что лишь только власть будет в руках последнего, он может получить от него все, чего ни пожелает; что герцог будет только носить титул, а власть регента будет принадлежать фельдмаршалу. Он хотел руководить делами со званием генералиссимуса всех сухопутных и морских сил. Все это не могло понравиться регенту, знавшему фельдмаршала слишком хорошо и слишком опасавшегося его для того, чтобы возвести его в такое положение, в котором он мог бы вредить ему; поэтому он не исполнил ни одной из его просьб. Виды фельдмаршала Миниха простирались еще далее при жизни императрицы Анны; когда он вступил с войском в Молдавию, еще до покорения этой страны, он предложил ее величеству сделать его господарем этой провинции, и если бы она осталась за Россией, то он, вероятно, получил бы этот титул. Но вынужденный по заключении мира вернуться в Украину, он задался гораздо более странным намерением. Он просил себе титул герцога Украинского и высказал свое намерение герцогу Курляндскому, подавая ему прошение на имя императрицы.

Выслушав об этом доклад, государыня сказала: «Миних еще очень скромн, я думала, что он просит титул великого князя Московского». Она не дала другого ответа на это прошение, и о нем не было более речи.

Видя свои надежды обманутыми, фельдмаршал принял другие меры. Он предлагал принцу Антону-Ульриху от имени герцога Курляндского просить об отставке; он же велел своему секретарю

написать записку, и так как регент часто поручал ему дела, касавшиеся принцессы и ее супруга, то это доставило ему случай говорить с ними о несправедливостях регента.

Однажды, когда Миних снова объявил принцессе какое-то дурное известие от имени регента, она стала горько жаловаться на все неприятности, которые ей причиняли, прибавляя, что она охотно оставила бы Россию и уехала бы в Германию со своим супругом и сыном, так как ей приходится ожидать одних лишь несчастий, пока бразды правления будут находиться в руках герцога Курляндского. Фельдмаршал, выжидавший только случая, чтобы открыться ей, отвечал, что ее императорское высочество действительно не может ничего ожидать от регента, что однако ей не следует падать духом и что если она положится на него, то он скоро освободит ее от тиранства герцога Курляндского. Принцесса приняла не колеблясь его предложения, предоставив фельдмаршалу вести все это дело, и было решено, что регента арестуют, как только представится к тому благоприятный случай.

Фельдмаршал продолжал усердно угождать регенту, выказывая к нему большую привязанность и даже доверие, и герцог, со своей стороны, хотя и не доверял графу Миниху, но был чрезвычайно вежлив с ним, часто приглашал его обедать, а по вечерам они беседовали иногда до десяти часов. При разговорах их присутствовали лишь немногие пользовавшиеся доверием лица. Накануне революции, случившейся 18 ноября (7 ноября ст. стиля), фельдмаршал Миних обедал с герцогом, и при прощании герцог попросил его вернуться вечером. Они засиделись долго, беседуя о многих событиях, касавшихся настоящего времени. Герцог был весь вечер озабочен и задумчив. Он часто переменил разговор, как человек рассеянный, и ни с того ни с сего спросил фельдмаршала, не предпринимал ли он во время походов каких-нибудь важных дел ночью. Этот неожиданный вопрос привел фельдмаршала почти в замешательство; он вообразил, что регент догадывается о его намерении; оправившись, однако, как можно скорее, так что регент не мог заметить его волнения, Миних отвечал, что он не помнит, чтобы ему случалось предпринимать что-нибудь необыкновенное ночью, но что его правилом было пользоваться всеми обстоятельствами, когда они кажутся благоприятными.

Они расстались в 11 часов вечера, фельдмаршал с решимостью не откладывать долее своего намерения — погубить регента, а последний твердо решил не доверять никому, отдалить всех, кто мог бы возбудить в нем подозрение, и утвердить все более и более свое полновластие, возведя на престол царевну Елизавету или принца Голштейнского, так как он видел, что иначе ему будет невозможно сохранять свою власть, ибо число недовольных увеличивалось вокруг

него с каждым днем. Но так как он не хотел ничего предпринимать до похорон императрицы, то враги его успели предупредить его. Фельдмаршал Миних был убежден, что его сошлют первого, поэтому он хотел нанести удар не теряя времени.

Возвратясь из дворца, фельдмаршал сказал своему адъютанту, подполковнику Манштейну, что он будет нужен ему на другой день, рано утром: он послал за ним в два часа пополуночи. Они сели вдвоем в карету и поехали в зимний дворец, куда после смерти императрицы был помещен император и его родители. Фельдмаршал и адъютант его вошли в покои принцессы через ее гардеробную. Он велел разбудить девицу Менгден, статс-даму и любимицу принцессы; поговорив с Минихом, она пошла разбудить их высочества, но принцесса вышла к Миниху одна; поговорив с минуту, фельдмаршал приказал Манштейну призвать к принцессе всех офицеров, стоявших во дворце на карауле; когда они явились, то ее высочество высказала им в немногих словах все неприятности, которые регент делал императору, ей самой и ее супругу, прибавив, что так как ей было невозможно и даже постыдно долее терпеть эти оскорбления, то она решила арестовать его, поручив это дело фельдмаршалу Миниху, и что она надеется, что офицеры будут помогать ему в этом и исполнять его приказания.

Офицеры без малейшего труда повиновались всему тому, чего требовала от них принцесса. Она дала им поцеловать руку и каждого обняла; офицеры спустились с фельдмаршалом вниз и поставили караул под ружье. Граф Миних объявил солдатам, в чем дело. Все громко отвечали, что они готовы идти за ним всюду. Им приказали зарядить ружья; один офицер и 40 солдат были оставлены при знамени, а остальные 80 человек вместе с фельдмаршалом направились к летнему дворцу, где регент еще жил. Шагах в 200 от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же сговорчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец, арестовать герцога и в случае малейшего сопротивления с его стороны убить его без пощады.

Манштейн вошел и во избежание слишком большого шума велел отряду следовать за собою издали; все часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу; таким образом он прошел сад и беспрепятственно дошел до покоев. Не зная однако, в какой комнате спал герцог, он был в большом затруднении, недоумевая куда идти. Чтобы избежать шума и

не возбудить никакого подозрения, он не хотел также ни у кого спросить дорогу, хотя встретил несколько слуг, дежуривших в прихожих; после минутного колебания он решил идти дальше по комнатам в надежде, что найдет, наконец, то, чего ищет. Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертой на ключ; к счастью для него, она была двустворчатая и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки; таким образом, он мог открыть ее без особенного труда. Там он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери.

Маништейн, подойдя к кровати, отдернул занавеси и сказал, что имеет дело до регента; тогда оба они внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрым известием. Маништейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею, но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став, наконец, на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера инесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли в зимний дворец.

В то время когда солдаты боролись с герцогом, герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Маништейна, что с нею делать. Он приказал отнести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая себя утруждать, сбросил ее на землю, в снег, и ушел. Командир караула нашел ее в этом жалком положении, он велел принести ей ее платье и отвести ее обратно в те покои, которые она всегда занимала.

Лишь только герцог двинулся в путь, как тот же подполковник Маништейн был послан арестовать младшего брата его, Густава Бирона, который находился в Петербурге. Он был подполковником гвардейского Измайловского полка. Это предприятие следовало исполнять почти с большими предосторожностями, нежели первое, так как Бирон пользовался любовью своего полка и у него в доме был караул от полка, состоявший из одного унтер-офицера и 12 солдат. Действительно, часовые вначале сопротивлялись, но их схватили, грозя лишить их жизни при малейшем шуме. После этого Маништейн вошел в спальню Бирона и разбудил его, сказав, что должен переговорить с ним о чрезвычайно важном деле. Подведя

его к окну, он объявил, что имеет приказание арестовать его. Бирон хотел открыть окно и начинал кричать, но ему объявили, что герцог арестован и что его убьют при малейшем сопротивлении; между тем вошли солдаты, оставшиеся в соседней комнате, и доказали ему, что ничего не оставалось делать, как повиноваться. Ему подали шубу, посадили его в сани и повезли также во дворец.

В то же время капитан Кенигфельс, один из адъютантов фельд-маршала, догнавший его в то время, когда он возвращался с герцогом, был послан арестовать графа Бестужева. Герцога поместили в офицерскую дежурную комнату, брату его и Бестужеву были отведены отдельные комнаты, где они оставались до четырех часов пополудни, когда герцог с семейством (исключая старшего сына, который был болен и оставался в Петербурге до выздоровления) был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, остальных арестантов отослали в места, мало отдаленные от столицы, где они пробыли до окончания следствия.

Лишь только герцог был арестован, как всем находившимся в Петербурге войскам был отдан приказ стать под ружье и собраться вокруг дворца. Принцесса Анна объявила себя великой княгиней России и правительницей империи на время малолетства императора. В то же время она возложила на себя цепь ордена св. Андрея и все снова присягнули на подданство, в каковой присяге была упомянута великая княгиня, чего не было сделано прежде по отношению к регенту. Не было никого, кто бы не выражал своей радости по случаю избавления от тирании Бирона, и с этой минуты всюду водворилось большое спокойствие; на улицах были даже сняты пикеты, расставленные герцогом Курляндским для предупреждения восстаний во время его регентства. Однако нашлись люди, предсказывавшие с самого начала революции, что она не будет последней и что те, кто наиболее потрудились для нее, может быть, падут первыми. Впоследствии оказалось, что слова их были справедливы.

Великая княгиня отдала в тот же день приказание арестовать также генералов Бисмарка и Карла Бирона; первый был близкий родственник герцога, женатый на сестре герцогини, и занимал в Риге должность тамошнего генерал-губернатора. Второй был старшим братом герцога и начальствовал в Москве; он был величайшим врагом брата во время его могущества, но, несмотря на это, разделил его падение.

Герцог Курляндский, подозревавший, как я сказал выше, что против него намерены что-то предпринять, приказал караульным офицерам никого не пропускать во дворец после того, как он удалится в свои покои; часовым было приказано арестовать тех, которые могли прийти, и в случае сопротивления убить на месте того,

кто стал бы противиться. В саду, под окнами регента, стоял караул из одного офицера и 40 человек солдат, и вокруг всего дома были расставлены часовые. Несмотря на все эти предосторожности, он не мог избежать своей судьбы.

Я знал очень близко того, кто принимал главным образом участие в этом деле; он признался мне, что не мог понять, как все это могло обойтись так легко, ибо, судя по всем принятым мерам, дело это не должно было удался: если бы один только часовой закричал, то все было бы проиграно.

Удивительно даже, каким образом граф Миних и его генерал-адъютант были пропущены в зимний дворец, так как по ночам вокруг него расставлялся также караул и часовые, которые не должны были пропускать туда кого бы то ни было. Правда, фельдмаршал избрал для ареста герцога тот день, когда у молодого императора и регента стоял в карауле тот полк, в котором он был подполковником, и его генерал-адъютант был известен каждому солдату в этом полку. Но несмотря на это, если бы один только человек исполнил свой долг, то предприятие фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадение гвардейцев, на которое не было обращено внимания при великой княгине, и облегчило тот переворот, который год спустя предприняла царевна Елизавета.

Гораздо легче было бы арестовать герцога среди бела дня, так как он часто посещал принцессу Анну в сопровождении одного только лица. Графу Миниху или даже какому-нибудь другому надежному офицеру стоило только дожидаться его в прихожей и объявить его арестованным при выходе от принцессы. Но фельдмаршал, любивший, чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском, избрал самые затруднительные средства.

22 ноября принцесса пожаловала несколько производств и наград. Супруг ее, принц, был объявлен генералиссимусом всех сухопутных и морских сил России. Граф Миних получил пост первого министра. Граф Остерман — не занятую уже много лет должность генерал-адмирала. Князь Черкасский был пожалован в канцлеры; место это не было занято со смерти графа Головкина. Граф Михаил Головкин, сын покойного канцлера, был возведен в вице-канцлеры. Многие другие получили большие награды чистыми деньгами или поместьями; все офицеры и унтер-офицеры, принимавшие участие в аресте герцога, получили повышения*. Солдатам, стоявшим в карауле, дано денежное вознаграждение.

---

* Подполковник Маништейн получил полк и прекрасные поместья, которые отняли у него при восшествии на престол императрицы Елизаветы. — *Примеч. авт.*

Глава II

Поведение графа Миниха. — Управление министерством иностранных дел поручается графу Остерману, а внутренних дел империи — графу Головкину. — Вслед за этим фельдмаршал Миних требует отставки и получает ее.

1740—1841 гг.

Фельдмаршал Миних арестовал герцога Курляндского единственно с целью достигнуть высшей степени счастья; цель его была та же, как и в то время, когда он убеждал герцога сделаться регентом, т.е. он хотел захватить всю власть, дать великой княгине звание правительницы и самому пользоваться сопряженной с этим званием властью, воображая, что никто не посмеет предпринять что-либо против него. Он ошибся.

В тот самый день, когда принцесса Анна объявила себя великою княгиней и правительницей, он получил отказ, сильно его уязвивший, так как на его заявление о надежде быть генералиссимусом принцесса ответила, что эта должность не подобает никому, кроме ее супруга, как отца императора. Тогда Миних хотел еще раз просить титула герцога Украинского и полновластия над этой страной, но сын отговорил его от этого намерения. Наконец, он решился быть первым министром и чрезвычайно оскорбил этим поступком графа Остермана, руководившего до тех пор единолично всеми делами министерства, а так как он никогда не был из числа друзей графа Миниха, то с этой же минуты начал устраивать его погибель.

Чрезмерное честолюбие фельдмаршала послужило графу Остерману удобным поводом для интриг против него. Составляя указ, силою которого принц Антон-Ульрих объявлялся генералиссимусом, Миних включил в него следующие свои собственные слова, что «хотя фельдмаршал граф Миних, в силу великих заслуг, оказанных им государству, мог бы рассчитывать на должность генералиссимуса, тем не менее он отказался от нее в пользу принца Антона-Ульриха, отца императора, довольствуясь местом первого министра». Граф Остерман не преминул выставить на вид эти выражения и вполне дал почувствовать принцу их высокомерное значение; это возбудило первое недоброжелательство против Миниха, а он со своей стороны много способствовал к поддержанию его своим бестактным обращением с принцем, который все же был отцом его государя.

Первые жалобы принца против Миниха были вызваны по поводу его письменных сношений с ним, так как в России существует известная форма, которую подчиненные обязаны употреблять во всех служебных письменных обращениях к своим начальникам: фельд-

маршал вовсе ее не соблюдал и во всех сношениях с генералиссимусом придерживался формы обыкновенных писем. Он не сообщал ему ни одного важного дела, хотя принцесса несколько раз приказывала это, но когда дело шло о мелочах, каковы, например, повышения по службе нижних армейских чинов, тогда граф Миних не пропускал случая сообщить об этом принцу.

Так как принц совещался каждый вечер по несколько часов с графом Остерманом, то последний уговорил его пожаловаться об этом великой княгине. Он это сделал; Миниху было приказано совещаться во всех делах с генералиссимусом и, обращаясь к нему письменно, употреблять принятую форму. Это было для него жестоким оскорблением. Несколько времени спустя случились новые, еще более важные по последствиям и более горькие для него неприятности.

Граф Остерман, при императрице Анне не выходявший уже несколько лет из своей комнаты, приказывал часто переносить себя к великой княгине и имел с нею несколько совещаний, во время которых намекнул, что первый министр не был знаком с иностранными делами, которыми руководил уже 20 лет он, граф Остерман, и что вследствие этого Миних мог, по неведению, вовлечь двор в такие действия, которые были бы чрезвычайно вредны интересам империи; что он, граф Остерман, с удовольствием сообщил бы ему все это, но что его недуг не позволял отправиться к нему. Он прибавил еще, что Миних не был знаком и с внутренними делами империи, служа постоянно по военному ведомству. Под влиянием этих часто повторяемых представлений великая княгиня решилась вновь поручить управление иностранными делами Остерману, а ведение внутренних дел империи возложить на графа Головкина; таким образом, графу Миниху с титулом первого министра осталось одно только военное министерство. Это задело его за живое, и он потребовал отставки. Правительница несколько затруднялась исполнить его просьбу, говоря, что не может обходиться без его советов. Граф Миних действительно думал, что ему никогда не дадут отставки; он настаивал на том, что хочет оставить службу, если ему не будут возвращены все его должности в том виде, в каком он занимал их в первые два месяца регентства. Тогда его отблагодарили за службу — как раз в самое то время, когда он воображал, что могущество его утверждается более чем когда-либо.

Это известие как громом поразило его. Однако он опомнился после нескольких минут размышления, принял довольный вид, благодарил великую княгиню за оказанную ему милость и удалился несколько дней спустя в свой дворец на противоположный берег Невы. В должности первого министра он занимал рядом с дворцом тот самый дом, из которого он был принужден выехать по повелению герцога Курляндского. Это был роковой дом для семейства Миниха, так как сын его, поселившийся в нем после отца, был спустя год арестован здесь при восшествии на престол императрицы Елизаветы.

Отставке Миниха много способствовал донос герцога Курляндского, объявившего на следствии, что он «никогда не принял бы регентства, если бы граф Миних не склонял бы его к этому столь убедительно, что хотел даже броситься перед ним на колени, что он, Бирон, советовал великой княгине остерегаться Миниха, как самого опасного человека в империи, и что если ее императорское высочество отказала Миниху в чем-либо, то она не могла почитать себя безопасною на престоле».

Принцесса, от природы робкая, была в большом затруднении; принц, супруг ее, и граф Остерман воспользовались этим временем, чтобы убедить ее отдалить Миниха. Она с трудом согласилась на это, они же хотели идти еще далее, желая, чтобы Миних был сослан в Сибирь, и им удалось бы сделать это, если бы девица Менген, любимица великой княгини, не вступилась за него.

Между тем кавалерийский караул был удвоен во дворце, и по улицам днем и ночью часто расхаживал патруль; за фельдмаршалом следовали всюду шпионы, наблюдавшие за малейшим его действием; принц и принцесса, опасаясь ежеминутно нового переворота, не спали на своих обыкновенных кроватях, а проводили каждую ночь в разных комнатах до тех пор, покуда Миних не переехал в свой дворец по ту сторону Невы.

Другое обстоятельство, сильно повредившее фельдмаршалу, было возобновление союзного договора с берлинским двором, весьма невыгодное для венского кабинета, так как этот договор препятствовал движению вспомогательных войск, которые оба эти двора взаимно обязались доставлять друг другу в случае нападения.

Лишь только герцог Курляндский был арестован и король прусский узнал, что вся власть была в руках Миниха, он послал своего адъютанта, майора Винтерфельда (женатого на дочери г-жи Миних от первого ее брака), в Петербург с повелением сделать все возможное, чтобы отвлечь первого министра от венского двора и не щадить ничего для переговоров по этому важному делу. Это удалось ему тем легче, что граф Миних никогда не любил австрийского дома и, по своему чрезмерному тщеславию, был весьма польщен тем доверием, которое оказывал ему король, спрашивая его совета по многим весьма важным делам. В то время в Петербурге не было министра от венгерской королевы, так как маркиз Ботта был отозван за несколько времени до смерти императрицы Анны, что устраняло многие препятствия, и прусский министр, барон Мардефельд, с майором Винтерфельдом сумели искусно воспользоваться временем.

Госпожа Миних получила от короля кольцо, украшенное крупным бриллиантом, ценностью в 6 000 рублей. Сын фельдмаршала получил 15 000 ефимков чистыми деньгами и право на пользование доходами с майората в Бранденбурге, называемого Бюген. Король Фридрих-Вильгельм подарил его князю Меншикову, затем им владел герцог

Курляндский и, наконец, его получил граф Миних. Когда последний был арестован, то его величество король прусский взял майорат обратно и оставил эти земли за собою, с тем чтобы отдать их графам Миних, если бы они когда-либо возвратились из изгнания.

Великая княгиня продолжала выдавать Миниху ежегодную пенсию в 15 000 рублей, или 30 немецких гульденов, что вместе с громадными имениями, которыми он владел в разных местах России и Германии, давало ему ежегодный доход в 70 000 рублей, или 140 000 гульденов.

Кирасирский полк, принадлежавший фельдмаршалу, был отдан графу Левендалю, но носил имя Миниха до самого восшествия на престол императрицы Елизаветы.

Фельдмаршал Миних был удален от двора в марте 1741 г.; перед тем, в декабре, он был болен и все считали его близким к смерти. Великая княгиня сказала однажды, что для Миниха было бы счастьем умереть теперь, так как он окончил бы жизнь в славе и в такое время, когда он находился на высшей ступени, которой может достигнуть частный человек. По этому можно было судить, что двор скоро утешился бы в его потере и что сама великая княгиня завидовала его могуществу.

Глава III

Принц Антон-Ульрих получает титул императорского высочества. — Погребение императрицы Анны. — Процесс Бирона. — Неудавшиеся переговоры маркиза Ботта. — Принц Людвиг Брауншвейгский избран в герцоги Курляндские. — Турецкое посольство. — Персидское посольство. — Аудиенция Шетарди. — Поведение правительницы. — Несогласия между членами Кабинета.

1740—1741 гг.

Несколько дней после переворота великая княгиня издала указ, которым повелевала величать своего супруга, как отца императора, императорским высочеством; несколько времени спустя он был объявлен соправителем.

Приготовления по случаю погребения императрицы Анны могли быть окончены лишь к концу декабря; наконец, когда все было устроено, она была погребена в церкви Петербургской крепости с надлежащим церемониалом и всевозможным великолепием.

Выше мы видели, что герцог Курляндский в самый день ареста был перевезен в Шлиссельбург; комиссия, составленная из несколь-

ких сенаторов, рассмотрела там его дело и приговорила его к смерти. Он был помилован. Правительница Анна с самого начала переворота решила сослать его в Сибирь. Туда был послан инженер наблюдать за постройкой дома, который сооружался нарочно для его заточения. Фельдмаршал Миних набросал карандашом начерно первый его план, совсем не воображая, что делал эту работу для себя. В мае герцог Курляндский был переведен со своим семейством из Шлиссельбурга в свое новое жилище. Несколько месяцев ранее его братья и генерал Бисмарк были отправлены в разные места Сибири.

Маркиз Ботта был отозван из Петербурга за несколько месяцев до смерти императрицы и послан к берлинскому двору; он был снова отправлен в Россию после того, как великая княгиня объявила себя правительницей, и сильно убеждал правительницу помочь венгерской королеве. Но войска не могли двинуться по многим причинам, хотя несколько полков получили уже повеление оставить свои квартиры и направиться к Риге. С одной стороны, чрезвычайный сейм, созванный в Швеции к концу предыдущего года, возбуждал опасение, чтобы он не окончился объявлением войны с Россией. С другой, польский король, готовившийся объявить войну австрийскому дому, велел торжественно протестовать от имени республики против похода войск, которые Россия захотела бы послать в Силезию, и саксонский министр, граф Линар, находившийся в то время в Петербурге, умел слишком хорошо воспользоваться тою благосклонностью, которую он снискал со стороны великой княгини и ее фаворитки, чтобы не противодействовать всему, что могло быть противно интересам его государя. Петербургский двор не преминул возвестить курляндскому сейму, что герцог их арестован, подвергся суду и, уличенный в преступлении — оскорблении величества, — сослан навсегда со всем семейством. Россия в то же время завладела несколькими поместьями, на которые имела притязание. Имения эти были заложены предшественниками Бирона*. Таким образом, петербургский двор говорил, что он употребил на это русские деньги и отобрал их в казну.

Курляндскому дворянству предложили избрать себе нового герцога, и великая княгиня дала понять ему, что избрав принца Людвига Брауншвейгского, брата ее супруга, оно сделает ей, правительнице, удовольствие и может вперед рассчитывать на покровительство России.

---

* Петр I сам дал займы герцогу Фридриху, супругу императрицы Анны, 500 000 рублей под залог нескольких имений; другие были заложены частным лицам; Бирон выкупил их все, императрица подарила ему то, что он был должен России, и подарками, получаемыми им время от времени от этой государыни, он выкупил и остальное. — *Примеч. авт.*

Граф Саксонский (побочный сын польского короля Августа II) имел также большие притязания на Курляндию; он был единогласно избран в герцоги всем дворянством в 1727 г., поэтому он уже в феврале послал в Петербург барона Дискова хлопотать по его делу, но получил отказ, и Дисков вернулся в то время, когда принц Людвиг должен был прибыть в Митаву.

23 июня собравшееся дворянство приступило к избранию, как вдруг Дисков прервал его торжественным заявлением от имени графа Саксонского. Он прибавил к этому род письменного манифеста, розданного им в числе нескольких экземпляров. Но это не помешало избранию принца Людвигу всем дворянством, слишком боявшимся русского могущества для того, чтобы обратить внимание на права графа Саксонского. Однако дело это не могло так окончиться. Польская республика протестовала против этого избрания, совершенного без ее ведома, принц Людвиг не мог получить королевского утверждения, а случившаяся несколько месяцев спустя революция прервала все дело.

В начале июля принц Людвиг прибыл в Петербург, где был принят со всевозможными проявлениями ласки и заботы. Его поместили сначала в летний дворец, и ему прислуживали придворные; несколько времени спустя ему дали помещение в зимнем дворце. Этот принц приобрел разом всеобщее расположение своим ласковым и приветливым обращением со всеми, кто имел честь доступа к нему, и все думали, что курляндцы будут счастливы, имея его соседом.

Призвав принца Людвигу в Петербург, правительница и министерство имели намерение женить его на царевне Елизавете, лишь только он будет признан герцогом Курляндским. Царевна не соглашалась, но была бы, наконец, вынуждена выйти за него замуж, если бы не приняла других мер.

В июле же прибыл в Петербург турецкий посол. Двор долго отсрочивал его путешествие, чтобы осведомиться, каким образом будет принят в Константинополе русский посол и чтобы действовать, соображаясь с этим. Когда были получены ожидаемые известия, турецкий посол совершил свой въезд в Петербург. Он въехал верхом и был принят с большим почетом. В условиях Белградского мира было упомянуто, что русский посол будет принят в Константинополе с тем же почетом и церемонией, как посол римского императора. Этого еще никогда не бывало. Поэтому и петербургский двор употребил на прием турецкого посольства всевозможные средства, чтобы сделать его блестящим.

Несколько времени спустя в Петербург прибыл также персидский посол; это было, быть может, самое необыкновенное из всех виденных доселе посольств.

Тамас-Кули-хан после победы над Великим Моголом отправил в начале 1740 г. посла с этим известием к русской императрице во главе свиты, состоявшей из 16 000 человек и 20 пушек. Двор был извещен об этом вовремя и выслал войска по направлению к Астрахани, чтобы расположиться лагерем на персидской границе. Когда посол подходил к реке Кизляр, генерал-майор Апраксин, командовавший пятью пехотными и шестью драгунскими полками, послал сказать ему, что так как по пути из Астрахани к Москве приходилось пройти большую пустыню, то не будет возможности доставить ему фураж и съестные припасы для такого количества людей, что поэтому его просят оставить остальных, взяв с собою не более 2 000 человек. Это представление остановило посла; он отправил курьера к своему повелителю, который приказал ему условиться с русскими уполномоченными насчет числа людей, которые должны были сопровождать его ко двору. Он прибыл туда лишь в июле 1741 г. Въезд его, совершившийся также верхом, был из числа самых великолепных и самых необыкновенных. Свита его состояла из 2 000 человек и 14 слонов, которые шах посылал императору и важнейшим русским вельможам; прочие подарки были также весьма ценны. Посол сказал в речи, произнесенной пред правительницей в день аудиенции, что повелитель его пожелал разделить добычу от победы над Моголом со столь добрым союзником, каков император России. Тут было значительное число крупных алмазов и драгоценных камней, которые не были огранены.

Некоторые лица петербургского министерства опасались, что шах Надир, посылая столь многочисленное посольство, имел целью завладеть астраханским царством и сделать еще большие завоевания на случай, если не будут приняты надлежащие меры предосторожности; но настоящей целью, которая покажется сначала слишком не соответствующей первой, было просить для шаха Надира руки ныне царствующей в России царевны Елизаветы; правительница очень желала бы исполнить его просьбу, но нашла этот поступок слишком смелым и поэтому отказала. Посол был близкий родственник и обер-шталмейстер шаха.

Французский посол не имел до сих пор аудиенции. Он хотел вручить свои кредитивные грамоты не иначе как в присутствии самого императора, а в России царские дети показываются народу не иначе как по прошествии года от рождения; это было причиной затруднений с той и с другой стороны; наконец г. де ла Шетарди оставил роль посла и имел частную аудиенцию у великой княгини в покоях императора.

Все в государстве, казалось, было покойно и никто не имел повода жаловаться, так как Россия никогда не управлялась с большею кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она

любила оказывать милости и была, по-видимому, врагом всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ее поведение было так же хорошо, как в обществе, и если бы она слушалась советов умных людей, не привязываясь так к своей любимице.

Девица Юлиана фон Менгден получила такое воспитание, какое дается обыкновенно в Лифляндии дочерям помещиков, естественно предназначенным, как и во всякой другой стране, выйти замуж за какого-нибудь доброго дворянина и заниматься хозяйством в его имениях.

Так как в царствование императрицы Анны при дворе желали иметь фрейлинами лифляндок и семейство барона Менгдена (принадлежавшее, впрочем, к числу древнейших в стране) пользовалось большим расположением герцога Курляндского, то три сестры из этой фамилии были вызваны одновременно. Старшая, по имени Доротея, вышла замуж за графа Миниха, сына фельдмаршала; вторая, Юлиана, была той любимицей великой княгини, о которой я только что упоминал и буду еще иметь случай говорить многое; третья, Якобина, последовала вместе с любимицей за великой княгиней в ссылку, четвертая сестра, по имени Аврора, была также при дворе в правление регентши; она вышла впоследствии замуж за графа Лестока и разделила с ним его несчастье.

Легко понять, что девицы эти, мало видевшие людей, не обладали умом, необходимым для ведения дворцовых интриг, поэтому три и не вмешивались в них, но Юлиана, любимица правительницы, матери императора, захотела принимать участие в делах или, лучше сказать, от природы ленивая, она сумела передать этот порок своей повелительнице. Принцесса затягивала самые важные дела, оставалась по нескольку дней в своей комнате, принимая сколь возможно менее лиц, одетая в одной юбке и шушуне, с ночным убором на голове, сделанным из платка. К правительнице допускались одни только друзья и родственники фаворитки или иностранные министры, приглашенные составить партию в карты великой княгине. Такое странное поведение не могло не оскорблять русских сановников. Принц Антон-Ульрих с грустью замечал влияние, которое девица Менгден имела на его супругу. Он делал ей по этому поводу замечания, но это повело только к частым ссорам между ними и дало время царевне Елизавете спокойно провести необходимые интриги для восшествия на престол.

Между их высочествами возникали часто большие несогласия, продолжавшиеся по целым неделям, и фаворитка, вместо того чтобы стараться примирить принца с принцессой, имела неосторожность еще более возбудить великую княгиню против ее супруга, а великая княгиня думала гораздо более о том, как бы пристроить свою любимицу, нежели о прочих делах империи. Она пожелала выдать

ее замуж за графа Линара, министра польского короля. Обручение совершилось, и вслед за тем Линар уехал в Саксонию. Он хотел устроить там свои дела, вернуться затем для бракосочетания и должен был поступить в русскую службу в качестве обер-камергера. К счастью для него, он не успел еще вернуться, как на престол вступила императрица Елизавета. Великая княгиня подарила своей фаворитке большие поместья в Лифляндии и дом, принадлежавший Густаву Бирону.

Между членами кабинета не было большего единогласия, как между принцем и принцессой. Граф Остерман, более всего способствовавший удалению Миниха из зависти к власти первого министра, встретил нового соперника в лице графа Головкина, вице-канцлера империи, который не мог видеть без зависти, что принц Антон-Ульрих был привязан к одному только графу Остерману, следовал только его советам и от него одного выслушивал доклады о делах. Для противодействия ему Головкин предался великой княгине и приобрел ее полное доверие. Принцесса поручила исполнение некоторых чрезвычайно важных дел графу Головкину, не сказав о том ни своему супругу, ни графу Остерману. Граф Головкин также первым посоветовал великой княгине объявить себя императрицей, но намерение это (о котором я буду говорить в другом месте) не было выполнено по причине воспоследовавшего переворота.

Глава IV

*Приготовление к войне со Швецией. —
Генералиссимус делает смотр войскам. — Рождение
принцессы Екатерины. — Объявление войны
со Швецией. — Замечания о поведении шведов. —
Начало неприятельских действий. — Русские
вступают в шведскую Финляндию. — Фальшивая
тревога. — Дело при Вильманстранде. —
Армия возвращается в русскую Финляндию. —
Приезд графа Левенгаупта в Финляндию. — Войска
вступают на зимние квартиры. — Намерение великой
княгини объявить себя императрицею. — Шведская
армия снова выступает в поход. — Манифест
графа Левенгаупта.*

1741 г.

В то время как все это происходило в Петербурге, в Стокгольме продолжался чрезвычайный сейм и полученные оттуда известия говорили только о близком разрыве с Россией. Петербургское

министерство долгое время полагало, что Швеция не объявит войны. Франция предложила в минувшем году свое посредничество, и обе стороны приняли его. Поэтому в России льстили себя надеждой, что стокгольмский двор сделает при окончании сейма какие-нибудь предложения, и граф Остерман полагал даже, что в таком случае следует уступить Швеции Кексгольм с его округом, так как уже Петр I согласился уступить этот город с его окрестностями шведам в том случае, если бы они настаивали получить обратно часть завоеванной Финляндии. На этот раз шведы предпочли войну переговорам.

Нолькен, их министр в Петербурге, выехал оттуда в половине июля под предлогом домашних дел, призывавших его в Померанию, где у него были поместья. В это время при дворе было уже известно, что Швеция решилась воевать и что поэтому Нолькен уже более не возвратится. Так как Швеция была разделена на несколько партий, то русскому министру в Стокгольме, графу Бестужеву, было нетрудно узнать все, что происходило на сейме. Он знал все их решения так же хорошо, как если бы был членом тайного комитета.

По известиям, сообщенным им своему двору, великая княгиня призвала в Петербург фельдмаршала Ласи и генерала Кейта; часто собирались военные советы, и было решено сформировать для этого похода несколько корпусов войска. Самый значительный должен был находиться в Финляндии под начальством фельдмаршала Ласи и генерала Кейта и действовать наступательно против Швеции, лишь только будет получено объявление о войне. Второй, под командой принца Гессен-Гомбургского, должен был оставаться в Ингерманландии, для лагеря его была назначена Красная Горка, лежащая приблизительно в 6 или 7 милях от Петербурга, для того чтобы препятствовать десантам, которые неприятель попытался бы высадить здесь. Кроме того, было решено собрать еще небольшие корпуса в Лифляндии и Эстляндии, которые должны были все находиться под начальством Левендаля, для прикрытия тамошних берегов, так как русский флот был в таком плохом состоянии, что не мог в этом году выйти из портов.

22 июля начали формировать первый лагерь под начальством генерала Кейта в четырех милях от Петербурга, со стороны Выборга, близ деревни, называемой Осиновая Роща; он был составлен из 5 полков пехоты и 3 драгунских и нескольких отдельных гренадерских рот.

26-го числа прибыл туда для осмотра этих войск генералиссимус, сопровождаемый братом своим, принцем Людвигом и фельдмаршалом Ласи. В то время как его императорское высочество был занят маневрами драгун, из Петербурга раздались пушечные выстрелы, возвещавшие благополучное разрешение от бремени великой

княгини, родившей дочь, названную Екатериной; получив это известие, принц и вся его свита вернулись в Петербург.

Кейт подошел с командуемым им корпусом за 8 миль от Выборга к деревне, прозванной Мула-Мыза, и так как у этой деревни дороги разделяются и до нее можно дойти вдоль по берегу моря, обойти Выборг и проникнуть в Петербург, то он велел соорудить тут большой окоп. Корпус войск, прибывший к Мула-Мызе 6 августа, остался там до 25-го того же месяца.

24-го, в день рождения императора, Кейт поставил войско под ружье и объявил о войне со Швецией. Войска приняли это известие с большими изъявлениями радости. Генерал произнес короткую речь, обращаясь к каждому батальону отдельно, уговаривал солдат делать свое дело и стараться не только упрочить, но еще и увеличить славу русского оружия.

Прежде нежели я стану продолжать рассказ о действиях русского войска, я изложу, каково было поведение шведов в этом деле. Я уже говорил о партиях, разделявших Швецию, и сказал, что та, которая называла себя партией шляп, хотела войны; что к ней стали готовиться с 1737 г., но вместо того чтобы объявить ее в такое время, когда Россия была занята другим и армии ее были далеко от шведских границ, шведы сидели сложа руки, дав России заключить мир, и начали войну в такое время, когда Россия пользовалась со всех сторон величайшим спокойствием. Все остальные меры шведов были обдуманы не лучше. За день до объявления войны гораздо более сильной державе, нежели Швеция, они имели лишь незначительное число войск в Финляндии, где должны были происходить главные военные действия; там не было магазинов, у них во всем государстве не было достаточно провизии для устройства таких складов, и вследствие этого даже те войска, которые содержатся для охраны Финляндии, не могли быть соединены в один лагерь.

Некоторые доброжелательные лица, заботившиеся о славе своего отечества, высказали эти затруднения перед сеймом, но так как они принадлежали к партии колпаков, то мнения их не были приняты. Однако генерал-лейтенант Будденброк был послан в Финляндию, чтобы осмотреть все на месте. Он, желая только войны, вместо того чтобы сказать правду, представил в своем отчете, что нашел все в очень хорошем состоянии, что войска могли быть собраны немедленно и что в съестных припасах не было недостатка.

С другой стороны, Франция, интересы которой требовали, чтобы Россия не вмешивалась в войну, начатую ею и ее союзниками с австрийским домом, отправила в Швецию значительные суммы денег и убеждала нацию объявить войну. Наконец, партия шляп была уверена, что русское войско должно быть совершенно истощено походами против турок и что все полки состояли из одних новобранцев,

поэтому они объявляли всюду, будто одного шведа достаточно, чтобы обратиться в бегство десятерых русских, и армии их стоит только показаться, чтобы выйти победительницей. Таким образом, война была объявлена в Стокгольме 9 августа 1741 г.

Сенат принял некоторые меры предосторожности, чтобы известие это дошло в Петербург как можно позднее, с тем чтобы дать время генералу Будденброку сделать еще кое-какие приготовления для сосредоточения войск, а графу Левенгаупту (бывшему маршалом сейма и назначенному главнокомандующим всеми силами, высылаемыми против России) прибыть к армии. Поэтому всем почтовым станциям было запрещено отправлять эстафеты и курьеров. В порты было также послано приказание не выпускать ни одного судна. Одно только курляндское судно, бывшее уже на сандгамском рейде во время объявления войны, успело выйти и доставило это известие в Либаву, откуда его тотчас же сообщили двору, где оно было получено через две недели после объявления войны в Стокгольме. Вслед за тем генерал Кейт получил, как я уже сказал, повеление объявить о войне корпусу, состоявшему под его командой, и направиться к границам.

Швеция выставила несколько причин, побуждавших ее к этой войне. Главными были: убийство Цинклера, запрещение, наложенное Россией на вывоз хлеба из Лифляндии, устранение царевны Елизаветы и герцога Голштейнского от русского престола и власть, которую иностранцы захватили над русской нацией.

Возвращаясь к военным действиям.

Генерал Кейт двинулся с полками, состоявшими под его командой, на другой же день после объявления войны. 26-го войска прошли по Выборгу и стали лагерем близ Абовского моста. Генерал-майор Иксуль был отряжен с 1000 драгунов, чтобы приблизиться к шведским границам и разведать о неприятеле. Полкам было приказано запастись на 15 дней хлебом из выборгских магазинов. Шесть полков пехоты, стоявшие в этом месте и работавшие над укреплениями, присоединились к корпусу генерала Кейта, равно как и командовавшие ими генерал-лейтенант Стоффельн и генерал-майор Фермор. Генерал-майор Шипов был назначен комендантом города, и ему оставлен обычный гарнизон, а именно 3 полка пехоты.

28-го этот корпус двинулся, приближаясь к границе. Так как полоса земли в этом месте чрезвычайно узка, то войска не могли поместиться в одном лагере; драгуны и часть пехоты расположились близ деревни, называемой Каннаноя, в одной версте от границы, а прочие остановились за полверсты позади.

В ту же ночь шведский унтер-офицер, сопровождаемый барабанщиком и несший с собою письма, подошел к передовому пикету на расстояние пистолетного выстрела, не подав сигнала до тех пор,

покуда не подошел к часовым; последние, не имея возможности различать предметы, боясь быть застигнуты врасплох и воображая, что эта была неприятельская партия, выстрелили и убили лошадь унтер-офицера, который поспешно удалился со своим барабанщиком, не отдав писем.

31-го фельдмаршал Ласи прибыл к армии и принял начальство. Перебежчики уведомили, что гарнизон Вильманстранда состоял не более как из 5 или 6 сот человек, что шведы собрали только два корпуса, каждый в 4 000 человек; первый, под начальством генерал-майора Врангеля, стоял лагерем в трех, а второй, под командой генерал-лейтенанта Будденброка, в шести шведских милях от Вильманстранда; что прочие войска были на пути, а некоторые полки только что оставили свои квартиры; что часть войск, перевозимых из Швеции, не была еще высажена, так что вся неприятельская армия не могла быть собрана ранее, чем через три недели; что граф Левенгаупт находился еще в Швеции и не мог скоро прибыть к армии. Известия эти были подтверждены несколькими шпионами, которые могли все разведать тем лучше, что были сами Выборгские обыватели и имели друзей и родных во всех городах шведской Финляндии.

Фельдмаршал Ласи, желая воспользоваться беспорядочным состоянием неприятеля, решил вступить в шведскую Финляндию и завладеть городом Вильманстрандом. Он собрал полковых командиров и лично дал им приказания.

1 сентября, на рассвете, армия двинулась в путь; повозки и палатки остались в лагере. Солдаты взяли хлеба на пять дней. Два штаб-офицера были откомандированы для начальства над лагерем; от каждого полка осталось три офицера и сто солдат, и от каждой бригады по одному капитану. Нижегородскому полку, который должен был в тот день присоединиться к армии, было также приказано остаться в лагере для охранения багажа. Войско могло двигаться лишь одной колонной, так как в этой стране удобны для езды одни только большие дороги; по обеим сторонам находятся большие леса, болота и скалы. Во всей Финляндии с трудом найдешь равнину, на которой четыре полка могли бы стать лагерем по знаменной линии.

Войско совершило на неприятельской земле переход в две шведские мили, встретив лишь нескольких крестьян, которые убежали в леса, как только завидели русские передовые войска, и принесли в Вильманstrand первое известие о приближении неприятеля. С наступлением ночи войско расположилось в три линии вдоль большой дороги: драгуны возле самого леса с одной стороны дороги, а пехота в две линии сзади их, оставив промежуток не более как шагов в тридцать или сорок. Войска улеглись возле своего оружия.

В одиннадцать часов вечера случилась большая тревога. Полковник Вильбранд, комендант Вильманстранда, узнав о движении русских, отрядил четырех человек, которые, пользуясь темнотой и лесом, должны были подойти к неприятельской армии и сделать рекогносцировку. Один из часовых поставленного в лесу караула, заметив их, выстрелил. Едва раздался выстрел, как несколько полков второй линии поднялись вдруг, схватили оружие и, как бы сговорившись, начали жаркую стрельбу, направленную на первую линию, причем в продолжение получаса не было возможности остановить их; при этом было сделано даже несколько пушечных выстрелов, вследствие чего у полков, стоявших напротив, были убиты и ранены один офицер и семнадцать солдат. Ласи и Кейт подверглись сильной опасности быть убитыми при этой фальшивой тревоге; они разбили маленькие палатки, чтобы спать между обоими линиями, и несколько пуль пробили эти палатки насквозь.

Около 200 драгунских лошадей, ошеломленных огнем, вырвались из пикетов и побежали по большой вильманстрандской дороге. Шведский передовой караул, стоявший в полумиле (шведской) от русских, слыша эту стрельбу и в то же время топот лошадей, вообразил, что это был неприятельский отряд, обратился в бегство и понесся во весь дух в город; лошади следовали за ним так близко, что вбежали в беспорядке вместе со шведским караулом, прежде чем успели поднять мост. Через эту фальшивую тревогу генерал-майор Врангель получил первое известие о приближении русских. Услышав ночью стрельбу, он вообразил, что на Вильманстранд нападают, тотчас же сообщил об этом генерал-лейтенанту Будденброку и выступил на заре, чтобы подать помощь городу.

2 сентября армия двинулась далее с рассветом; пройдя около одного французского лье, она встретила небольшую речку, которую пришлось перейти; дно ее болотистое, и шведы сломали мост после ночной тревоги. Тут пришлось остановиться на несколько часов, до тех пор покуда мост не был починен, что очень замедлило движение.

Полковник Резанов был отряжен с Киевским драгунским полком для охранения этого прохода, и войско снова двинулось в путь. Около полудня неприятельский отряд во сто человек драгун приблизился к авангарду и не успел отойти назад, как на него напали и взяли одного человека в плен. Около четырех часов пополудни армия подошла к Вильманстранду и расположилась в четверти мили от города, близ небольшой деревни, называемой Армила. Фельдмаршал и генерал Кейт отправились тотчас же смотреть город под прикрытием пехотного батальона и двухсот конных гренадер; они подошли на хороший ружейный выстрел от прикрытого пути. Только что генералы вернулись в лагерь, как было получено известие, что к

городу приближался неприятельский корпус в несколько тысяч человек. Фельдмаршал тотчас же приказал всем полкам двинуться вперед и велел расположить их на противолежащих неприятелю высотах. Схватка произошла бы в тот вечер, если бы не помешала темнота. Русские вернулись в свой лагерь близ Армилы, и все войска еще раз провели ночь у своего оружия.

Прежде нежели продолжать, я должен познакомить с городом Вильманстрандом и с положением его окрестностей. Это небольшой городок в хороших четырех немецких милях от русской границы, расположенный на берегу большого озера, прикрывающего его сзади, так что напасть на него можно только спереди, а эта часть укреплена прикрытым путем, сухим рвом с палисадом и валом с штурмфалами; все это сделано из земли и фашин. Хотя город лежит на высоте, однако вокруг него господствуют горы, самая высокая из них находится направо, там, где была ветряная мельница; шведы поставили там большой караул, чтобы не дать русским занять ее; остальная часть местности чрезвычайно неровная: тут везде леса, болота, кустарники, скалы и овраги. К городу чрезвычайно трудно подойти иначе, как по большой дороге. Там и сям попадаются небольшие клочки огороженных и обработанных полей. Всякий согласится, что чрезвычайно трудно действовать с войсками на подобной почве и что небольшой отряд, хорошо умеющий защищаться, легко может победить более сильный корпус, на него нападающий.

На следующий день, 3 сентября, оказалось, что неприятели заняли лагерь между мельничной горой и гласисами. Около десяти часов утра шведский отряд подошел к русской армии для рекогносцировки и тотчас же удался.

Фельдмаршал не имел еще точных сведений о силе неприятеля; он думал, что оба корпуса Будденброка и Врангеля соединились, чтобы идти на помощь Вильманстранду. Поэтому он рассудил, что трудно будет напасть на них и победить их на той выгодной позиции, которую они заняли. Он отослал ночью тяжелую артиллерию с прикрытием к мосту, где стоял со своим полком Резанов; квартирмейстерам было даже приказано отыскать лагерь позади; когда узнали, что прибыл один только корпус генерал-майора Врангеля и что он мог состоять из 5 или 6 тысяч человек, включая сюда и гарнизон города, тогда фельдмаршал велел созвать всех генералов и полковников, объяснил им положение дела и спросил их мнение. Все голоса единодушно требовали наступления.

В два часа пополудни армия двинулась вперед несколькими колоннами, не имея определенной диспозиции для нападения. Драгуны находились на флангах, но так как те из них, которые были на правом крыле, оказались совершенно ненужными вследствие леса,

бывшего более густым, нежели слева, то их отозвали. Два пехотных полка grenадер, состоявшие каждый из десяти рот, под командой полковников Ломана и графа Бальмена шли во главе русской армии.

Неприятель, получив известие, что русские подвигались к нему, стал в боевой порядок на склоне мельничной горы, имея перед центром батарею пушек и опираясь левым флангом на овраг, лежавший на расстоянии ружейного выстрела от городского гласиса. Драгуны шведского правого крыла расположились на небольшой равнине по другую сторону той же горы, близ небольшой деревни.

Русские, прибыв на высоту, лежащую против шведской батареи, поставили на ней две пушки с шестифунтовыми и несколько других с трехфунтовыми ядрами, и действие началось обоюдной канонадой. Шведская артиллерия причинила гренадерам некоторый урон.

Вслед за тем генерал Кейт приказал двум полкам grenадер атаковать неприятельскую батарею, а полкам Ингерманландскому и Астраханскому (которым командовал полковник Манштейн) поддерживать их. Так как место было тут чрезвычайно узкое и из леса, находившегося перед русскими, нельзя было выйти иначе как фрунтом только в две роты, приходилось спускаться по крутому оврагу и подыматься на гору в виду неприятеля и под чрезвычайно сильной его пушечной и ружейной пальбой, то эти два полка были приведены в замешательство и отступили. Чтобы не дать бегущим возможность поселить беспорядок в двух полках, следовавших сзади, генерал Кейт приказал полковнику Манштейну взять вправо, выйти из леса и атаковать левое крыло неприятеля, который оставил овраг, к которому он примыкал, и шел вперед. Это приказание было исполнено быстро и так счастливо, что после первого залпа, сделанного в 60 шагах от шведов, последние обратились в бегство и побежали прямо к городу, куда последовали за ними оба полка, до самого гласиса, который они атаковали.

Между тем как это происходило на левом фланге неприятеля, генералы привели прочие войска в порядок и велели атаковать правое крыло шведов, которые, заметив смятение grenадер, спустились с горы, направляясь к ним, и потеряли этим движением все выгоды позиции и преимущество своей батареи. Таким образом, они также скоро были разбиты и гора занята около пяти часов вечера. Неприятельские пушки были обращены на город, и фельдмаршал послал барабанщика требовать его сдачи, но неприятельские солдаты, продолжавшие стрелять с вала, убили его. Русские, взбешенные этим случаем, возобновили приступ с ожесточением и взяли город около 7 часов вечера.

Шведы водрузили белое знамя со стороны ворот в то время, когда русские были уже во рву, но так как комендант в смятении забыл

известить все посты, чтобы они прекратили стрельбу, то они продолжали стрелять и дали этим повод взять город приступом.

Большая часть шведов, бывших в этом деле, были убиты или взяты в плен; спастись не удалось и 500 человекам. Полковник Ливен с драгунами преследовал их, но не мог нагнать шведскую кавалерию, а пехота спряталась в лесах и болотах. Генерал-майор Врангель, раненный в руку, 2 полковника, 3 подполковника, 1 майор, 12 капитанов, 1 квартирмейстер, 6 поручиков, 2 полковых лекаря, 8 прапорщиков, 3 лекаря-хирурга, 62 унтер-офицера и 1250 капралов и солдат были взяты в плен. Также было взято 4 штандарта и 12 знамен, 12 пушек, 1 мортира и войсковая касса, в которой не было и 6 000 ефимков. Солдаты собрали порядочную добычу в разграбленном городе.

В русской армии были убиты: генерал-майор Иксуль, полковники Ломан и граф Бальмен, 1 майор, 3 капитана, 8 поручиков, 514 унтер-офицеров и солдат. Ранены: генерал-лейтенант Стоффельн, генерал-майор Албрехт, полковники Манштейн и Левашев, 2 подполковника, 3 майора, 17 капитанов, 31 поручик, 15 прапорщиков и 1765 унтер-офицеров и солдат.

Русская армия состояла в день битвы из 9 900 человек. Два полка драгун составляли ее кавалерию; пехота состояла из 2 гренадерских полков в 10 рот каждый и 9 полков фузелеров по 8 рот в каждом. Этими войсками командовали генералы: фельдмаршал Ласи, генерал-аншеф Кейт, генерал-лейтенанты: Стоффельн и Бахметев, генерал-майоры: Ливен, Фермор, Албрехт и Иксуль.

Шведы, включая сюда и вильманstrandский гарнизон, имели 5 256 человек по списку, полученному генерал-майором Врангелем в тот самый день, когда войска были в деле. Помещаю здесь названия полков и число людей в каждом из них, так как шведы утверждали всегда, что их было всего 3 500 человек.

Далекарлийский полк	623
Седерманландский	681
Вестерботнийский	594
Саволакский	876
Тавастгусский	955
Вильбранда	432
Кюменегордский	476
2 драгунских полка из Карелии	506
1 артиллерийский	113
Всего	5 256

Когда подумаешь о выгодах позиции, занимаемой шведами, и о неудобной местности, по которой русские должны были подходить

к ним, то становится удивительным, что шведы были разбиты тут, и надобно сознаться, что они много способствовали этому собственной ошибкой, оставив занятую ими выгодную позицию; сопротивление, оказанное ими, было чрезвычайно упорное и послужило к увеличению их потери, так как на поле битвы они оставили более 3300 человек; огонь, весьма сильный с обеих сторон, продолжался более 4 часов.

Это дело погубило генерал-лейтенанта Будденброка, которому отсекали голову два года спустя. Самая главная его вина, за которую его приговорили к смерти, была та, что он не подал помощи Врангелю. Если кто из этих генералов должен был быть наказан, то, без сомнения, Врангель, так как, находясь ближе всего к границе, он не имел в поле ни одного отряда для разъездов и не сделал никаких распоряжений, чтобы следить за движением русских, и не случись этой фальшивой тревоги, Вильманstrand был бы взят в то самое время, когда генерал получил известие о прибытии русских, тогда как если бы он принял хотя малейшую предосторожность, он мог бы быть уведомлен, что русские двинулись к Вильманstrandу двенадцать часов ранее, и поэтому успел бы предупредить об этом Будденброка, который в подобном случае пришел бы к нему на помощь, прежде нежели русские успели бы разбить его. Вместо этого он оставил свою позицию и двинулся к Вильманstrandу, не дождавшись приказаний своего начальника. Там он дал разбить себя, потерял много людей, был взят в плен и заслужил этим похвалы всей нации.

Будденброк не имел возможности прибыть в Вильманstrand до сражения, так как его лагерь находился в шести шведских милях, что составляет более девяти немецких миль, или 18 французских лье; Врангель, бывший всего в трех милях и двинувшийся 2 сентября на рассвете, мог прибыть в Вильманstrand лишь вечером, к закату солнца, и с истомленными войсками. Поэтому Будденброк, которому приходилось пройти вдвое больше, мог присоединиться к нему лишь вечером в день сражения. Если бы Врангель мог избежать его в тот день, то русская армия наверно отступила бы на следующее утро. Фельдмаршал Ласи никогда не отважился бы напасть на оба соединенные корпуса. Настоящая причина, по которой шведский сенат приговорил Будденброка к отсечению головы и которая не была обнародована, заключалась в том, что он вовлек Швецию в войну своим отчетом, который он представил, когда его посылали в Финляндию обсудить положение дел. Об этом я говорил уже выше.

В следующую за сражением ночь в лагере Будденброка случилось страшное происшествие. Небольшое число спасшихся драгун

неслись во весь опор до тех пор, покуда не прибыли к этому лагерю; когда они прискакали ночью к передовому караулу, часовой окликнул их, но ему не отвечали; он выстрелил, и весь караул, бросившись на лошадей, бежал в лагерь; бегущие следовали за ними и привели все в такое смятение, что войска рассеялись, оставив Буденброка и офицеров одних в лагере; им стоило большого труда собрать всех на следующий день к полудню.

Фельдмаршал Ласи ввел вечером два полка пехоты под командой генерал-майора Фермора в Вильманstrand, где нашли более 300 телег, которые шведы заказали для того, чтобы перевезти свои съестные припасы, так как они намеревались застигнуть русских врасплох.

На другой день, 4 сентября, всех раненых и пленных отослали с конвоем драгун в Выборг; город Вильманstrand был совершенно скрыт и все жители увезены в Россию.

Окончив эту работу, армия перешла снова границу и заняла прежний лагерь, оставленный ею для похода против неприятеля. В Петербурге были большие празднества по случаю этой победы. Такое хорошее начало предвещало, по-видимому, счастливый успех войны; последствия покажут, что мнение это не было ошибочно, так как это сражение было единственным со стороны шведов и в нем только они оказали мужество во все время этой войны.

Военнопленные были перевезены из Выборга в Петербург, где им оказывали всевозможные любезности. Офицеров угощали при дворе и разместили затем к главнейшим вельможам; каждый был обязан принять в свой дом по одному офицеру и заботиться о нуждах своего гостя. Один ветреник испортил все дело. Граф Вазаторг, подполковник Седерманландского полка, был человек беспокойный и большой болтун; он отзывался несколько раз дурно о русской армии и о самом дворе; как только это узнали, его и всех остальных отправили внутрь страны, где их распределили по городам; если бы не это, то они провели бы все время своего плена в Петербурге. Там остались только: генерал-майор Врангель, которого фельдмаршал Ласи поместил у себя, и один капитан по имени Дидрон, служивший адъютантом при генерале.

Двор не был доволен тем, что фельдмаршал Ласи вернулся с армией: его желание было, чтобы он дошел до Фридрихсгама и разбил по частям не собравшиеся еще шведские войска. Но это не так легко было исполнить, как воображали в Петербурге. Фельдмаршал доказал, что он не мог бы более ничего предпринять, не рискуя потерять весь корпус войск, которым он командовал. Из полков убитыми и ранеными более 2 000 человек; нужны были многочисленные конвои, чтобы отвести пленных, а это еще более ослабляло

его. Прочие полки, шедшие на соединение с армией, еще не прибыли, равно как и 3 гвардейских батальона, отряженных из Петербурга, не говоря уже о том, что войскам оставалось хлеба всего на 6 дней. Полковые лошади, которые были нужны для перевозки раненых до Выборга, едва ли могли возвратиться к этому времени; таким образом, двор был вынужден одобрить все, что было сделано. Фельд-маршал возвратился вскоре в Петербург, оставив начальство над армией генералу Кейту.

В остальное время похода война производилась отдельными отрядами; во всех столкновениях русские одерживали верх над шведами; казаки и донские калмыки, присоединившиеся к армии в сентябре, совершили несколько разъездов по неприятельской земле и сожгли множество деревень.

Граф Левенгаупт прибыл в Финляндию в половине сентября, собрал, наконец, шведскую армию и сделал ей смотр; она состояла из 23 700 человек. Швеция купила большое количество хлеба в Голландии, Пруссии и Померании, и магазины их были, наконец, так хорошо снабжены, что можно было бы прокормить гораздо более сильную армию, нежели шведская, в течение нескольких лет кряду, но все эти запасы были сожжены или попали в руки русских, как мы это увидим ниже. С той и с другой стороны были сделаны некоторые движения, но значительного ничего не было предпринято.

Русская армия была в походе до 8 ноября, когда генерал Кейт отослал войска на зимние квартиры, получив известие, что неприятельская армия разошлась.

Приблизительно в это время часть министерства посоветовала великой княгине объявить себя императрицею для предупреждения всех неудобств, которые могли быть вызваны смертью малолетнего императора, если бы до тех пор не родились другие принцы, которые могли бы наследовать ему. Сначала хотели издать только указ, которым было бы постановлено, что дочери, которые родились бы от брака принца Антона-Ульриха с великой княгиней, будут также наследовать Российскую империю за неимением лиц мужского пола. Но вице-канцлер граф Головкин и некоторые другие были того мнения, чтобы великая княгиня сама взошла на престол, так как этим она положила бы конец всем прочим умыслам. Предложение это было принято всеми; все было приготовлено к этому провозглашению, которое должно было совершиться 18 декабря, в день рождения великой княгини, но царица Елизавета разрушила это намерение.

Почти в то же самое время умерла шведская королева Ульрика-Элеонора. Кончина ее увеличила смятение и общее несогласие в

Швеции и была поэтому одной из причин несчастий, случившихся во время похода 1742 г.

Генерал Кейт прибыл в Петербург к концу ноября, чтобы присутствовать на военном совете, который собирался ежедневно у графа Остермана в присутствии генералиссимуса.

Известия, полученные Кейтом из Выборга, сообщали, что шведская армия собралась, что граф Левенгаупт, не имев возможности сделать что-либо во время похода, предполагал вторгнуться зимою в русскую Финляндию и подвинулся уже к границе, что его главная квартира была в Сеикьерви и что он издал манифест, несколько экземпляров которого были присланы генералу Кейту.

В этом манифесте было сказано, что намерение Швеции вовсе не заключалось в том, чтобы вести войну с русской нацией, но только в том, чтобы освободить ее от притеснения и тирании иностранцев, дать русским свободу избрать себе другого государя, который бы им нравился, и т. д. Манифест этот не произвел бы ни малейшего впечатления, если бы царица Елизавета не приняла уже тех мер, о которых я буду теперь говорить.

У графа Остермана было решено сделать несколько распоряжений, чтобы предупредить успехи неприятеля; всем полкам приказали быть наготове двинуться. Генерал Кейт выехал 5 декабря (н. ст.) из Петербурга, и в ночь с 5-го на 6 число того же месяца совершилась та великая революция, вследствие которой царица Елизавета вступила на престол. Я опишу ее здесь сколь можно подробнее как самое необычайное из всех событий, случившихся во время моего пребывания в России.

Глава V

Обстоятельный рассказ о перевороте, совершенном царицей Елизаветой. — Ошибки, сделанные обеими сторонами. — Изданные манифесты. —

Портрет принцессы Анны. — Арестованные вельможи подвергаются суду и осуждены. — Портрет графа Миниха. — Портрет графа Миниха, сына фельдмаршала. — Портрет графа Остермана. — Портрет графа Левенвольде.

1741—1742 гг.

Чтобы объяснить хорошенько обстоятельства этой революции, надобно начать выше.

Царица Елизавета, хотя и не была совсем довольна во все время царствования императрицы Анны, оставалась, однако, спокойной до

тех пор, покуда не состоялось бракосочетание принца Антона-Ульриха с принцессой Анной; тогда она сделала несколько попыток, чтобы образовать свою партию. Все это делалось, однако, в такой тайне, что ничего не обнаружилось при жизни императрицы, но после ее кончины и когда Бирон был арестован, она стала думать об этом серьезнее. Тем не менее первые месяцы после того, как принцесса Анна объявила себя великой княгиней и регентшей, прошли в величайшем согласии между нею и царевной Елизаветой; они посещали друг друга совершенно без церемонии и жили дружно. Это не продолжалось долго; недоброжелатели поселили вскоре раздор между обеими сторонами. Царевна Елизавета сделалась скрытнее, начала посещать великую княгиню только в церемониальные дни или по какому-нибудь случаю, когда ей никак нельзя было избегнуть посещения. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что двор хотел принудить ее вступить в брак с принцем Людвигом Брауншвейгским и что ближайшие к ее особе приверженцы сильно убеждали ее освободиться от той зависимости, в которой ее держали.

Ее хирург, Лесток, был в числе приближенных, наиболее горячо убеждавших ее вступить на престол, и маркиз де ла Шетарди, имевший от своего двора приказание возбуждать внутренние волнения в России, чтобы совершенно отвлечь ее от участия в политике остальной Европы, не преминул взяться за это дело со всевозможным старанием. У царевны не было денег, а их понадобилось много для того, чтобы составить партию. Де ла Шетарди снабдил ее таким количеством денег, какого она пожелала. Он имел часто тайные совещания с Лестоком и давал ему хорошие советы, как удачно провести столь важное дело. Затем царевна вступила в переписку со Швецией, и стокгольмский двор предпринял войну, отчасти по соглашению с нею.

В Петербурге царевна начала с того, что подкупила нескольких гвардейцев Преображенского полка. Главным был некто Грюнштейн, из обанкротившегося купца сделавшийся солдатом; он подговорил некоторых других, так что мало-помалу в заговоре оказалось до тридцати гвардейских grenadier.

Граф Остерман, имевший шпионов повсюду, был уведомлен, что царевна Елизавета замышляла что-то против регентства. Лесток, самый ветреный человек в мире и наименее способный сохранить что-либо в тайне, говорил часто в гостиницах при многих лицах, что в Петербурге случатся в скором времени большие перемены. Министр не преминул сообщить все это великой княгине, которая посмеялась над ним и не поверила ничему тому, что он говорил по этому предмету. Наконец известия эти, повторенные несколько раз и сообщенные даже из-за границы, начали несколько беспокоить

принцессу Анну. Она поверила, что ей грозила опасность, но не предприняла ровно ничего, чтобы избежать ее, хотя и могла бы сделать это тем легче, что царица Елизавета дала ей достаточно времени принять свои меры. Царица твердо решила вступить на престол, но вместо того чтобы поспешить исполнением, находила постоянно предлог откладывать решительные меры еще на некоторое время. Последним ее решением было не предпринимать ничего до 6 января (по старому стилю), праздника Св. Крещения, когда для всех полков, стоящих в Петербурге, бывает парад на льду реки Невы. Она хотела стать тогда во главе Преображенского полка и обратиться к нему с речью; так как она имела в нем преданных людей, то надеялась, что и другие не замедлят присоединиться к ним, и когда весь этот полк объявит себя на ее стороне, то прочие войска не затруднятся последовать за ним.

Проект этот, разумеется, не удался бы или по крайней мере вызвал бы большое кровопролитие. К счастью для нее, она была вынуждена ускорить это предприятие; многие причины побудили ее принять окончательное решение.

Во-первых, она узнала, что великая княгиня решила объявить себя императрицей. Все лица, приверженные к царице Елизавете, советовали ей не дожидаться осуществления этого намерения и представляли, что она встретит тогда больше затруднений и что даже все меры ее могли не удался.

Во-вторых, по известиям, полученным двором о движении графа Левенгаупта, трем гвардейским батальонам было приказано быть готовыми двинуться к Выборгу для соединения там с армией; многие лица, принимавшие участие в деле царицы, должны были идти с этим отрядом. Они отправились к царице и сказали ей, что нужно было непременно торопиться исполнением ее замысла, так как лица, наиболее ей преданные, уйдут в поход, а на некоторых других может напасть страх, который заставит их донести обо всем этом деле.

И наконец, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царице о тайных совещаниях сей последней с де-ла Шетарди, главным образом ускорила это дело. 4 декабря, в приемный день при дворе, великая княгиня отвела царицу Елизавету в сторону и сказала ей, что она получила много сведений о ее поведении; что хирург ее имел часто тайные совещания с французским министром и что оба они замыслили опасный заговор против царствующего дома; что великая княгиня не хотела еще верить этому, но что если подобные слухи будут продолжаться, то Лестока арестуют, чтобы заставить его сказать правду.

Царица прекрасно выдержала этот разговор; она уверяла великую княгиню, что никогда не имела в мыслях предпринять что-либо

против нее или против ее сына; что она была слишком религиозна, чтобы нарушить данную ей присягу; что все эти известия сообщены ее врагами, желавшими сделать ее несчастной; что нога Лестока никогда не бывала в доме маркиза де ла Шетарди (это было совершенно верно, так как оба они избирали всегда особое место для своих свиданий), но что тем не менее великая княгиня вольна арестовать Лестока: этим невинность царевны может еще более обнаружиться. Царевна Елизавета много плакала во время этого свидания и так сумела убедить в своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что последняя поверила, что царевна ни в чем не была виновна.

Возвратясь к себе, царевна Елизавета тотчас же известила Лестока о своем разговоре с великой княгиней; наперсник ее желал бы в ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевне и ему самому, но так как все, принимавшие участие в заговоре, были рассеяны по своим квартирам и их ни о чем не предупредили, то дело было отложено до следующей ночи.

Утром, когда Лесток явился, по обыкновению, к царевне, он подал ей небольшой клочок папки, на которой он нарисовал карандашом царевну Елизавету с царским венцом на голове. На оборотной стороне она была изображена с покрывалом, а возле нее были колеса и виселицы; при этом он сказал: «Ваше императорское высочество должны избрать: быть ли вам императрицею или отправиться на заточение в монастырь и видеть, как ваши слуги погибают в казнях». Он убеждал ее долее не медлить, и последнее решение было принято на следующую ночь.

Лесток не забыл уведомить об этом всех принадлежавших к их партии. В полночь царевна, сопровождаемая Воронцовым и Лесток, отправилась в казармы гренадер Преображенского полка; 30 человек этой роты были в заговоре и собрали до 300 унтер-офицеров и солдат. Царевна объявила им в немногих словах свое намерение и требовала их помощи; все согласились жертвовать собою для нее. Первым делом их было арестовать ночевавшего в казармах гренадерского офицера по имени Гревс, шотландца по происхождению; после этого они присягнули царевне на подданство; она приняла над ними начальство и пошла прямо к зимнему дворцу; она вошла, без малейшего сопротивления, с частью сопровождавших ее лиц в комнаты, занимаемые караулом, и объявила офицерам причину своего прихода; они не оказали никакого сопротивления и допустили ее действовать. У всех дверей и у всех выходов были поставлены часовые. Лесток и Воронцов вошли с отрядом гренадер в покои великой княгини и арестовали ее с ее супругом, детьми и фавориткой, жившей рядом.

Лишь только это дело было окончено, несколько отрядов было послано арестовать фельдмаршала Миниха, сына его, обер-гофмейстера великой княгини, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, обер-гофмаршала двора, барона Менгдена и некоторых других, менее значительных лиц.

Все арестованные были отведены во дворец царевны. Она послала Лестока к фельдмаршалу Ласи предупредить его о том, что она совершила, и объявить, что ему нечего бояться, и притом приказала немедленно явиться к ней. Сенат и все сколько-нибудь знатные лица империи были также созваны во дворец новой императрицы. На рассвете все войска были собраны около ее дома, где им объявили, что царица Елизавета вступила на отцовский престол, и привели их к присяге на подданство. Никто не сказал ни слова и все было тихо, как и прежде. В тот же день императрица оставила дворец, в котором она жила до тех пор, и заняла покои в императорском дворце.

Когда совершалась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства, и все начали дышать свободнее только по прошествии нескольких дней.

Все читающие об этом событии не могут не удивиться ужасным ошибкам, сделанным с обеих сторон.

Если бы великая княгиня не была совершенно ослеплена, то дело это не должно было удался. Я говорил выше, что она получила несколько извещений даже из-за границы; граф Остерман, приказав однажды снести себя к ней, уведомил ее о тайных совещаниях де ла Шетарди с Лестоком; вместо того чтобы отвечать ему на то, что он говорил, она велела ему показать новое платье, заказанное ею для императора.

В тот же вечер, когда она говорила с царевной Елизаветой, маркиз Ботта обратился к ней со следующей речью: «Ваше императорское высочество упустили случай помочь государыне моей, королеве, несмотря на союз обоих дворов, но так как этому уже нельзя пособить, то я надеюсь, что с помощью Божией и других наших союзников мы устроим наши дела. По крайней мере, государыня, позаботьтесь теперь о самой себе. Вы находитесь на краю бездны; ради Бога, спасите себя, императора и вашего супруга».

Все эти увещания не побудили ее сделать ни малейшего шага, чтобы утвердить за собою престол. Неосторожность ее пошла еще дальше. В вечер, предшествовавший революции, супруг ее сказал ей, что он получил новые сведения о поведении царевны Елизаветы,

что он тотчас же прикажет расставить на улицах караулы и решил-ся арестовать Лестока. Великая княгиня не дала ему исполнить этого, ответив, что она считала царевну невинной, что когда она говорила с нею об ее совещаниях с де ла Шетарди, последняя не смутилась, очень много плакала и убедила ее.

Ошибки, сделанные партией царевны Елизаветы, были не менее велики. Лесток говорил во многих местах и в присутствии многих лиц о должествовавшей случиться в скором времени перемене. Прочие участники заговора были не умнее: все люди простые, мало способные сохранить столь важную тайну. Сама царевна делала некоторые вещи, за которые она была бы (арестована?) в царствование императрицы Анны. Она прогуливалась часто по казармам гвардейцев; простые солдаты становились на запятки ее открытых саний и таким образом разъезжали, разговаривая с нею, по улицам Петербурга. Их приходило каждый день по нескольку в ее дворец, и она старалась казаться популярной во всех случаях. Но Провидение решило, что это дело удастся, поэтому другие по необходимости были ослеплены.

В день революции новая императрица объявила манифестом, что она взошла на отцовский престол, принадлежащий ей как законной наследнице, и что она приказала арестовать похитителей ее власти. Три дня спустя был обнародован другой манифест, который должен был доказать ее неоспоримое право на престол. В нем было сказано, что так как принцесса Анна и супруг ее не имели никакого права на русский престол, то они будут отправлены со всем семейством в Германию. Их отправили из Петербурга со всеми слугами под конвоем гвардейцев, состоявших под командой генерала Салтыкова (бывшего обер-полицмейстером при императрице Анне). Они доехали только до Риги, где их арестовали. Сначала их поместили на несколько месяцев в крепость; затем их перевезли в Дюнамундский форт и, наконец, вместо того чтобы дозволить им возвратиться в Германию, их привезли обратно в Россию. Место их заточения было часто переменяемо, и великая княгиня умерла в родах в марте 1746 г. Тело ее было перевезено в Петербург и предано земле в монастыре св. Александра Невского.

Неизвестно, где именно содержатся теперь принц Антон-Ульрих и юный император; иные говорят, что отец и сын находятся в одном и том же месте и что молодому принцу дают, по повелению двора, хорошее воспитание; другие утверждают, что царевич Иоанн разлучен со своим отцом и находится в монастыре, где его воспитывают довольно плохо.

По всему, что я сказал о принцессе Анне, будет не трудно определить ее характер. Она была чрезвычайно капризна, вспыльчива,

не любила труда, была нерешительна в мелочах, как и в самых важных делах; она очень походила характером на своего отца, герцога Карла-Леопольда Мекленбургского, с тою только разницей, что она не была расположена к жестокости. В год своего регентства она правила с большою кротостью. Она любила делать добро, не умея делать его кстати. Фаворитка ее пользовалась полным доверием и распоряжалась ее образом жизни по своему усмотрению. Министров своих и умных людей она вовсе не слушала; наконец, она не имела ни одного качества, необходимого для управления столь большою империей в смутное время. У нее был всегда грустный и унылый вид, что могло быть следствием тех огорчений, которые она испытала со стороны герцога Курляндского во время царствования императрицы Анны. Впрочем, она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нескольких языках.

Что же касается до принца, супруга ее, то он обладает наилучшим сердцем и прекраснейшим характером в мире, соединенными с редким мужеством и неустрашимостью в военном деле, но он чрезмерно робок и застенчив в государственных делах. Он приехал слишком молодым в Россию, где перенес тысячу огорчений со стороны герцога Курляндского, который не любил его и часто обращался с ним весьма жестоко. Эта ненависть герцога происходила от того, что он считал его единственным препятствием к возвышению своего дома, так как, сделавшись герцогом Курляндским, он возымел намерение выдать принцессу Анну за своего старшего сына и возвести этим браком свое потомство на русский престол, но несмотря на свое влияние на императрицу, он никогда не мог убедить ее согласиться на это.

Принц Людвиг Брауншвейгский, бывший еще в Петербурге во время революции и имевший помещение во дворце, был также арестован в своей комнате; спустя несколько часов после того, как императрица велела снять караул, ему назначили другую квартиру в доме, подаренном великой княгиней своей фаворитке, который отстраивался все предыдущее лето и всю осень; отапливать в нем можно было только одну комнату. Принц должен был занять ее и довольствоваться ею; он оставался в Петербурге до марта, и тогда возвратился в Германию.

К нему, как бы для почета, был приставлен караул, но в сущности более для того, чтобы наблюдать за всеми, кто будет приходить к нему. Его посещали одни иностранные министры.

Прежде чем я стану говорить о прочих событиях, случившихся после революции, скажу сначала о том, что касается до арестованных вельмож.

Была назначена комиссия, составленная из нескольких сенаторов и других русских сановников, которые должны были допросить их и произвести над ними суд. Они были обвинены во многих преступлениях. Графа Остермана обвинили, между прочим, в том, что он способствовал своими интригами избранию императрицы Анны и уничтожил завещание императрицы Екатерины и т. д. Графа Миниха обвинили в том, будто он сказал солдатам, арестуя герцога Курляндского, что это делалось с целью возвести на престол царевну Елизавету; тот и другой легко могли бы доказать, что обвинения эти были ложные, но оправдания их не были приняты.

В сущности, преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху.

Двор издал по этому случаю манифест, где были перечислены все преступления, в которых они обвинялись.

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который наградил ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью.

Некоторые из этих вельмож играли столь видную роль в свете, что я считаю нужным сказать несколько слов об их хороших и дурных качествах, присовокупив к этому перечень главнейших событий в их жизни.

Граф Миних представлял собою совершенную противоположность хороших и дурных качеств: то он был вежлив и человеколюбив, то груб и жесток; ничего не было ему легче, как завладеть сердцем людей, которые имели с ним дело, но минуту спустя он оскорблял их до того, что они, так сказать, были вынуждены ненавидеть его. В иных случаях он был щедр, в других скуп до невероятия. Это был самый гордый человек в мире, однако он делал иногда низости; гордость была главным его пороком, честолюбие его не

имело пределов, и чтобы удовлетворять его, он жертвовал всем. Он ставил выше всего свои собственные выгоды; самыми лучшими для него людьми были те, кто ловко умел льстить ему.

Это был человек с великим гением, один из лучших инженеров своего века, отличный полководец, но нередко слишком отважный в своих предприятиях. Он не знал, что такое невозможность; так как все, что он ни предпринимал самого трудного, ему удавалось, то никакое препятствие не могло утратить его.

Он не имел способностей для того, чтобы быть министром, однако не упустил ни одного случая, чтобы попасть в члены министерства, и это было причиной его несчастья. Чтобы вывести у него самые тайные дела, стоило только рассердить его противоречием.

Он родом из Ольденбурга, происходит из хорошей дворянской фамилии; отец его, дав ему хорошее образование, определил его в 1700 г. капитаном пехоты в гессенскую службу. Он совершил с гессенскими войсками все походы во Фландрию и Италию во время войны за [испанское] наследство до сражения при Денене, когда он был взят в плен. Король шведский Фридрих I, которого он был несколько лет адъютантом, всегда дорожил им. По заключении мира с Францией, в 1713 г., он поступил на службу к польскому королю Августу II с чином полковника, получил несколько лет спустя чин генерал-майора и начальствовал над польской гвардией. Король, ценя его достоинства, очень любил его, но граф Флеминг, не желавший делить расположение своего государя с кем бы то ни было, стал ревновать его и до того преследовал, что он был вынужден выйти в отставку в 1718 г. Он намеревался поступить в шведскую службу, но так как король Карл XII был убит в Норвегии, то он вступил на службу в России. Он заслужил вскоре расположение Петра I, которое он и сохранил до кончины этого государя.

В царствование Екатерины и Петра II он перенес много огорчений от князя Меншикова, не любившего его; падение этого любимца поправило его дела.

Привыкнув всю жизнь к труду, он не может оставаться праздным и в ссылке: он написал и представил Сенату несколько проектов касательно улучшения провинций России и забавляется обучением геометрии и инженерной науке нескольких детей, которых ему поручили. Губернаторы сибирских городов боятся его так, как если бы он был генерал-губернатором края. Узнав о каком-нибудь злоупотреблении их, он тотчас же пишет им, грозя донести о том двору, и т. п. В заключение о нем можно сказать, по правде, что в нем нет ничего мелочного: хорошие и дурные его качества одинаково велики.

Единственный сын его разделил его опалу; комиссия употребляла всевозможные усилия, чтобы найти за ним какой-нибудь проступок, достойный наказания, но это не удалось им, он был оправдан своими судьями, однако ему все-таки не хотели предоставить полную свободу; в приговоре было сказано, что так как он знал, что принцесса Анна намеревалась объявить себя императрицею, то он должен возвратить орден св. Александра Невского, что лифляндские поместья его будут обменены на другие в России; впрочем, и это было изменено: двор назначил ему ежегодную пенсию в 1200 рублей, и ему было приказано поселиться в Вологде, городе, отстоящем от Москвы приблизительно на 80 французских лье, где поселилось несколько голландских купцов.

Он не имел блистательных качеств своего отца, но наследовал многие его хорошие свойства, не получив ни одного из дурных. Он имеет ровный и основательный ум, чрезвычайно честен и обладает всеми способностями, необходимыми для того, чтобы блистать в министерстве. Он и получил бы там должность, если бы продлилось правление принцессы Анны. Он начал службу в качестве секретаря и кавалера посольства при конгрессе в Суассоне; возвратившись в Петербург, он получил при дворе место камер-юнкера императрицы; несколько лет спустя был пожалован в камергеры, и когда великая княгиня приняла звание императрицы, то назначила его обер-гофмейстером своего двора.

Граф Остерман был, бесспорно, одним из величайших министров своего времени. Он знал основательно интересы всех европейских дворов, был очень понятлив, умен, чрезвычайно трудолюбив, весьма ловок и неподкупной честности: он не принял никогда ни малейшего подарка от иностранных дворов иначе как по приказанию своего правительства. С другой стороны, он был чрезвычайно недоверчив, заходя в подозрениях часто слишком далеко. Он не мог терпеть никого ни выше себя, ни равного себе, разве когда это лицо было гораздо ниже его по уму. Никогда товарищи его по кабинету не были довольны им, он хотел руководить всеми делами, а прочие должны были разделять его мнение и подписывать.

Своей политикой и своими притворными, случавшимися кстати болезнями он удержался в продолжение шести различных царствований. Он говорил так странно, что немногие могли похвастать, что понимают его хорошо; после двухчасовых бесед, которые он часто имел с иностранными министрами, последние, выходя из его кабинета, так же мало знали, на что он решился, как в ту минуту, когда они туда входили. Все, что он говорил и писал, можно было понимать двояким образом. Он был до крайности скрытен, никогда не смотрел никому в лицо и часто был тронут до слез, если считал их нужными.

Домашний образ жизни его был чрезвычайно странным: он был еще неопрятнее русских и поляков; комнаты его были очень плохо меблированы, а слуги одеты обыкновенно как нищие. Серебряная посуда, которую он употреблял ежедневно, была до того грязна, что походила на свинцовую, и кушанья подавались хорошие только в дни торжественных обедов. Одежда его в последние годы, когда он выходил из кабинета только к столу, была до того грязна, что возбуждала отвращение.

Он был родом из Вестфалии, сын пастора, прибыл в Россию около 1704 г. и начал службу на галерах в чине мичмана; несколько времени спустя он был произведен в лейтенанты, и адмирал Крейц взял его к себе в качестве секретаря.

Петр I, находясь однажды на адмиральском корабле, хотел отправить несколько депеш и спросил Крейца, нет ли у него какого-нибудь надежного человека, который мог бы написать их. Адмирал представил ему Остермана, который так хорошо изучил русский язык, что говорил на нем, как на своем природном. Император, заметив его ум, взял Остермана к себе, сделав его своим частным секретарем и доверенным лицом. Он употреблял его в самых важных делах и возвысил его в несколько лет до первых должностей империи; в 1723 г., после падения барона Шафирова, он был назначен вице-канцлером и сохранил это звание до той революции, когда герцог Курляндский был арестован, а Остерман назначен генерал-адмиралом.

Петр I женил его на русской из семейства Стрешневых, одной из первых фамилий в государстве; она принесла ему богатое приданое, но была одно из самых злых созданий, существовавших на земле. Он имел от нее двух сыновей и дочь. Сыновья, бывшие при принцессе Анне капитанами гвардии (что давало им чин подполковников армии), были переведены капитанами в пехотные полки, а дочь через несколько времени после опалы отца вышла замуж за подполковника артиллерии Толстого.

Граф Левенвольде был лифляндец, происходивший от одной из первых фамилий этого края. Он поступил камер-юнкером на службу к императрице Екатерине еще при жизни Петра I, после смерти императора был пожалован в камергеры; так как он был молод, хорош собою и статен, то императрица была неограниченно благосклонна к нему. Императрица Анна назначила его обер-гофмаршалом и инспектором доходов по соляной части. За ним не знали никаких качеств, кроме хороших. Он был создан для занимаемого им места, имел кроткий нрав, был чрезвычайно вежлив и располагал к себе всем своим приветливым обращением. В царствование Анны он не вмешивался ни в какое дело, прямо не касавшееся его должности,

и был бы счастлив, если бы так держал себя и во время правительницы, но он был увлечен против своей воли. Принцесса спрашивала его о многих предметах, о которых он был вынужден высказать свое мнение, и так как он подал также мнение, чтобы великая княгиня объявила себя императрицею, то он разделил ее падение и окончит, по всей вероятности, жизнь в изгнании. Главным недостатком его была страсть к игре; это разорило его, так как он проигрывал часто очень большие суммы в один вечер.

Я не скажу ничего об остальных несчастных; они были слишком мало известны остальному миру.

Глава VI

Награды. — Краткая история графов Разумовского, Бестужева, Воронцова, Лестока и принца Гессен-Гомбургского. — Перемирие со Швецией. — Притязания шведов. — Императрица возвращает множество ссыльных. — Приезд герцога Голштейнского в Петербург. — Двор отправляется в Москву. — Предположения о том, что Россия вступит в тесный союз с Францией. — Приезд графа Саксонского в Москву. — Елизавета отменяет все, сделанное во время регентства. — Уничтожение Кабинета. — Бунт в Петербурге.

1741—1742 гг.

По восшествии на престол императрица прежде всего озабочилась награждением тех, которые помогли ей совершить революцию. Она начала со своего любимца Разумовского, который был объявлен камергером несколько месяцев спустя, при ее короновании. Она возвела его в должность обер-егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту. Воронцов, два брата Шуваловы и Балк, бывшие камер-юнкерами царевны, также были пожалованы в камергеры. Она наградила Лестока чином действительного тайного советника и званием первого лейб-медика двора с президентством медицинской коллегии. Вся гренадерская рота Преображенского полка получила дворянское достоинство и офицерские чины, рядовым гренадерам пожалован чин поручика, капралам — майора, каптенармусам и фурыерам — подполковников и унтер-офицерам — полковников армии. Рота была названа лейб-компанией, ее величество объявила себя капитаном ее, принца Гессен-Гомбургского назначила штабс-капитаном, Разумовского и Воронцова — поручиками с

чином генерал-лейтенантов, а Шуваловых — подпоручиками с генерал-майорским чином; Грюнштейн определен адъютантом этого корпуса со званием бригадира, он удержался не долго; привыкши быть простым солдатом, он не мог перенести большего благополучия, наделал всевозможных грубостей, не оказывал должного почтения императрице и ее фавориту, был под конец наказан кнутом и сослан в поместья, которые императрица подарила ему при его повышении.

Рота эта творила всевозможные бесчинства в первые месяцы пребывания двора в Петербурге. Господа поручики посещали самые грязные кабаки, напивались допьяна и валялись на улицах в грязи. Они входили в дома самых знатных лиц с угрозами, требуя денег, и без церемонии брали то, что приходилось им по вкусу; не было возможности удержать в порядке этих людей, которые, привыкнув всю жизнь повиноваться палке, не могли так скоро свыкнуться с более благородным обращением. Чтобы исправить их, нужно было время; не знаю, удалось ли это; негодяи были исключены из этого корпуса и определены офицерами в армейские полки, где было много вакансий.

Было еще довольно других повышений и роздано много голубых лент, но так как малое число фамилий этих господ пользуются известностью, то я умалчиваю о них. Скажу только несколько слов о Разумовском, Бестужеве, Воронцове, Лестоке и принце Гессен-Гомбургском, игравших некоторое время очень видную роль при петербургском дворе.

Приехав в Петербург, граф Разумовский не мог и представить себе, что он достигнет такого счастья. Он — сын крестьянина украинского города Изюма; родители поместили его в школу; там заметили, что он имел хороший голос, и так как, по русскому обряду, во всех церквах есть хор, поющий за обедней, то Разумовский был принят в него с другими молодыми людьми его лет; армейский полковник по имени Вишневский, заметив его приятную наружность, соединенную с прекрасным голосом, взял его к себе в услужение; привезя его в Петербург, он рекомендовал обер-гофмаршалу графу Левенвольде, который определил его придворным певчим в императорскую капеллу; он служил при дворе несколько лет. Царевна Елизавета заметила его там и выпросила у Левенвольде, который уволил его из капеллы. Когда он поступил на службу к царевне, она поручила ему управление одним из своих поместий и сделала его своим любимым слугой. Вступив на престол, она возвела его в одну из главнейших должностей империи и, сделавшись с годами набожной, тайно обвенчалась с ним по совету духовенства, задобренного Разумовским.

Бестужев, русский по рождению, происходит от хорошей и древней фамилии; поступив на службу, он был определен камер-юнкером к герцогине Курляндской (впоследствии императрица Анна); несколько лет спустя его отправили в качестве резидента в Гамбург, на место, которое до него занимал его отец; после этого он служил в звании министра при разных дворах и, наконец, при копенгагенском. Состоя при герцогине, он завел большую дружбу с Бироном, который впоследствии позаботился о его счастье. После падения Волинского он был сделан кабинет-министром; при революции, свершей герцога Курляндского, он был арестован; он оправдался и был выпущен на свободу, не получив, однако, должности; императрица Елизавета, вступив на престол, дала ему должность вице-канцлера на место графа Головкина, и после смерти князя Черкасского она возвела его в звание канцлера. У него нет недостатка в уме, он знает дела по долгому навыку и очень трудолюбив, но в то же время надменен, корыстолюбив, скуп, развратен, до невероятности лжив, жесток и никогда не прощает, если ему покажется, что кто-нибудь провинился перед ним в самой малости.

Вот человек, который управляет Россией уже 11 лет как влатель-деспот; императрица, чрезвычайно ленивая, очень довольна, что нашелся кто-нибудь, желающий заняться делами империи; к тому же она составила себе такое высокое понятие о его способностях, что, по ее мнению, невозможно найти кого-нибудь, кто мог бы заменить его. Впрочем, у него много врагов, которые не пропускают ни одного случая, чтобы очернить его в глазах этой государыни. Им это не удалось еще до сих пор, хотя он уже не раз пошатнулся на своем месте; быть может, они найдут, наконец, благоприятную минуту.

Воронцов происходит также от русской хорошей дворянской фамилии. Он поступил камер-юнкером на службу к царевне Елизавете. Незадолго до революции он женился на графине Скавронской, двоюродной сестре царевны, служившей при ней статс-дамой. При короновании императрицы он был пожалован в графы; это человек весьма честный, но чрезвычайно ограниченного ума, без особенного образования и еще менее того научившийся впоследствии; он не имел никогда случая заниматься политическими делами, однако после смерти князя Черкасского был назначен вице-канцлером. Время решит, сумеет ли он удержаться в этой должности, так как он уже несколько лет в ссоре с канцлером.

Лесток родился в Ганновере от семейства французских выходцев. Он служил несколько лет при царевне в качестве хирурга и приобрел ее доверие задолго до того времени, когда она сделала его своим орудием при революции. Все это дело лежало на нем; он

исполнил его, как я уже сказал выше, чрезвычайно ветрено и неосторожно, но весьма удачно. Лишь только царевна объявила себя государыней, он стал умолять ее наградить его деньгами и позволить ему удалиться из империи. Императрица не хотела согласиться на это, говоря, что она никогда не может достаточно вознаградить услуг, Лестоком ей оказанных. «Он доказывал, что возвышение его навлечет ему несомненно много врагов, что ему могут повредить перед ее величеством и что все это кончится ссылкой». Императрица отвечала самыми горячими уверениями насчет того, что она знала слишком хорошо его привязанность и его усердие и что поэтому она никогда не поверит ни малейшему обвинению против него. Лесток этому поверил, остался при своей должности и убедил императора Карла VII дать ему титул имперского графа.

Вначале он хотел заведовать только медицинской частью, но так как императрица говорила с ним часто о самых важных делах, то это понравилось ему и он захотел высказывать свое мнение обо всем; он старался даже поступить в Верховный совет в качестве действительного тайного советника, но это ему не удалось. Бестужев сделался вскоре его заклятым врагом, чему Лесток много способствовал своею ветреностью и своею постоянною привязанностью к Франции и ее союзникам. Великий канцлер употреблял всевозможные усилия, чтобы удалить его от двора; это не удавалось ему в продолжение нескольких лет. Наконец, когда Лесток вывел его из терпения, относясь о нем при всяком случае дурно, говоря ему дерзости в лицо, не стесняясь в выражениях даже в присутствии императрицы, канцлер в 1748 г. получил от ее величества приказание арестовать его. Процесс его вели с грехом пополам, и хотя его не могли обвинить ни в каком преступлении, однако едва ли когда-нибудь его освободят. В самый день своего ареста он имел еще длинное объяснение с императрицею. Она снова уверяла его в своем расположении и своем покровительстве, но несколько часов спустя граф Апраксин, генерал-аншеф и генерал-адъютант императрицы, явился объявить ему арест.

Принц Людвиг Гессен-Гомбургский, равно как и младший брат его, поступили в русскую службу в 1724 г. в чине полковников; младший умер (?) лет от роду. Призвав его в Россию, Петр I имел намерение женить его на царевне Елизавете; смерть императора остановила этот брак, а после о нем и не думали. Говорили много хорошего о том, который умер первым, но того же самого нельзя сказать о втором. Он не имел ни образования, ни хороших манер, не умел вести себя, не отличался умом, был необыкновенно сварлив; большой трус и способен на всякие низости; несмотря на эти недостатки, он подвигался по службе вперед. Он дошел до чина генерал-лейтенанта в царствование Екатерины и Петра II; в 1734 г.

он получил должность главного начальника артиллерии и исполнял ее довольно плохо, так что сильно запутал все артиллерийские дела. После похода 1737 г. он не получил назначения в войне против Порты; при начале шведской войны ему было дано командование войсками, стоявшими близ Красной Горки, так как все были уверены, что тут нечего будет делать. Вступив на престол, императрица пожаловала его в генерал-фельдмаршалы. Он был первые месяцы в большой милости; это не могло продолжаться долго. Его скоро оценили по достоинству, и ему было так же плохо, как и в предыдущее царствование. Его не употребляли на войне и презирали при дворе, где в насмешку называли его фельдмаршалом комедиантов. Не ладя ни с кем, он захотел отправиться в Гомбург, чтобы жить в собственном своем владении, и умер в Берлине в декабре 1745 г.

После такого длинного отступления пора вернуться к прерванному рассказу.

Императрица, желавшая начать свое царствование заключением мира со Швецией, освободила в самый день восшествия своего на престол шведского капитана Дидрона, бывшего военнопленным в Петербурге. Она отправила его к графу Левенгаупту с извещением о ее восшествии на престол и с поручением объявить, что ее величество охотно пойдет на примирение со Швецией. Маркиз де ла Шетарди писал в то же время шведскому генералу, и было заключено перемирие до 1 марта, с тем чтобы до этого срока упрочить мир. Шведы, воображавшие, что они своею диверсией много способствовали возведению императрицы на престол, объявили большие претензии в надежде получить не менее всей Финляндии с городом Выборгом, но императрица ни за что не соглашалась уступить клочка земли из областей, завоеванных ее отцом. Она предложила вознаградить Швецию и уплатить ее убытки деньгами, от чего стокгольмский двор отказался; таким образом, едва окончилось перемирие, как война возобновилась.

Императрица возвратила из Сибири множество сосланных семейств, большинство которых были отправлены туда в царствование императрицы Екатерины. Всем им были возвращены их должности, которые они занимали до своего заточения.

Было сосчитано, что с тех пор как императрица Анна вступила на престол, было отослано в Сибирь более 20 000 человек. В числе их было 5 000, местожительство которых осталось навсегда неизвестным и о которых нельзя было получить ни малейшего известия. Так как ее величество возвратила всех тех, кого удалось найти, то не проходило дня, чтобы при дворе не появлялись какие-нибудь новые лица, прожившие по несколько лет кряду в самых ужасных темницах.

В числе их был и Шубин. Он служил сначала рядовым, а затем унтер-офицером гвардии Преображенского полка. Наружность его

понравилась царевне Елизавете, и она оказывала ему величайшие милости. Императрица Анна велела арестовать его и отправить в Сибирь без дальних церемоний. Елизавета тотчас же по вступлении на престол вспомнила о своем прежнем любимце и осведомилась о нем. В Сибирь был послан за ним нарочный курьер, и с трудом могли там отыскать его. Если кто-нибудь отправляется в ссылку без особого манифеста, в котором упомянуто место его заточения, то он переменяет фамилию точно так, как в испанской инквизиции; иногда двор отдает приказание об этой перемене, не предупредив тайную канцелярию, вследствие чего потом бывает трудно отыскать ссыльных.

Когда Шубин возвратился ко двору, императрица пожаловала ему большие поместья, произвела его в генерал-майоры и майоры гвардии. Заключение до того лишило его сил, что он не мог долго исполнять те немногие обязанности, которые возлагала на него служба. Он попросил отставки и благоразумно удалился в свои поместья.

Герцог Курляндский был также возвращен со всеми теми, кто разделил его опалу, и фельдмаршал Миних был отослан на жительство в том самом доме, в котором герцог жил в Пелыме, месте его заключения в Сибири. Императрица поместила герцога в Ярославле, где обходится с ним очень хорошо; ему дозволено охотиться на 8 французских лье в окрестностях. Он принимает там гостей и может свободно писать своим друзьям. Старший брат его просил отставки, получил ее и удалился в Курляндию, где и умер в своих поместьях. Густав Бирон должен был снова поступить на службу, но умер в Петербурге, прежде чем получил должность. Генерал Бисмарк был послан в Украину, где ему было поручено начальствование над войсками.

В январе прибыл в Петербург герцог Голштейнский. Императрица вызвала его тотчас же по вступлении на престол. Она была очень рада видеть своего племянника и преемника; несколько месяцев спустя принц отрекся от протестантской религии в московской соборной церкви и принял греко-восточную веру. Он был объявлен великим князем и законным наследником империи; все по этому случаю дали новую присягу.

Около конца февраля двор отправился в Москву для коронации императрицы: оно совершилось 25 апреля. По этому случаю были большие празднества и очень много производств. Де ла Шетарди, между прочим, получил андреевскую ленту и через несколько месяцев после того возвратился во Францию, осыпанный подарками.

В начале этого царствования все полагали, что императрица не преминет вступить в тесный союз с Францией; все, по-видимому, клонилось к тому; маркиз де ла Шетарди, по приказанию своего двора, помогал царевне Елизавете деньгами и советами, что много

способствовало успеху революции. Ее величество имела весьма основательные причины быть недовольной дворами венским и лондонским; министры их разгадали ее намерения и несколько раз предостерегали правительницу; даже после того, как Елизавета вступила на престол, оба эти двора приказывали своим министрам устроить новый переворот.

Маркиз де ла Шетарди, пока оставался в России, был в величайшей милости; не проходило дня, чтобы он не имел весьма продолжительных совещаний с императрицей; тем не менее скоро все изменилось. Первым к тому шагом были чрезмерные претензии Швеции; Франция поддерживала их сколько могла; остальное довершил граф Бестужев, лишь только уехал де ла Шетарди. Тогда Бестужеву открылся простор; он стал стараться о примирении своего двора с Австрией и ее союзниками и имел в том полный успех. Г. д'Аллион, преемник де ла Шетарди, не сумел тому воспрепятствовать, и английский двор так обласкал канцлера, что все затруднения были устранены.

Вскоре после прибытия двора в Москву приехал туда граф Саксонский; он отправился из Франции с целью ходатайствовать о герцогстве Курляндском. Выше сего изъяснил я и претензии его на это герцогство, но так как русский двор извлекает наибольшую часть своих доходов из этой области, завладев множеством поместий, которые он постарается удержать как можно долее, то намерение графа Саксонского не удалось и он вернулся, не исполнив ничего.

Я забыл сказать выше, что императрица отменила все, сделанное во время регентства: даже те лица, которые были повышены, должны были отказаться от должностей, на которые назначила их великая княгиня; все поместья, пожалованные ею, были конфискованы. Несколько времени спустя императрица утвердила этих лиц в их прежних должностях, но поместья и пенсии были возвращены только немногим.

Кабинет, учрежденный императрицею Анной, был также уничтожен; ее величество возвратила Сенату ту власть, какую он имел при Петре I. Все дела решаются там в последней инстанции и согласно учреждению этого императора. Ее величество должна часто присутствовать в нем лично. Это судилище имело некогда власть наказывать смертной казнью, но Елизавета, дав обет никого не осуждать к смерти в продолжение своего царствования, предоставила себе утверждение приговоров. Таковая ее воля была гласной и сильно увеличила необузданность народа.

Выше было сказано, что императрица обещала всем, помогавшим ей при революции, что она освободит русскую нацию от притеснения ее иноземцами. Она сдержала свое слово, но господа члены лейб-компаний нашли, что этого недостаточно. Они подали

прошение, в котором изъявляли желание, чтобы все иноземцы, находившиеся в русской службе, были убиты или по крайней мере высланы. Императрица, не имея возможности согласиться на столь ужасное предложение, старалась умиротворить этих людей и объявила даже, что берет всех этих иноземцев под свое особое покровительство, однако после отъезда двора в Москву между народом в Петербурге распространился слух, что войскам, находившимся в этой столице, будет дозволено убивать и грабить всех иноземцев. Солдаты гвардии, в особенности двух старых, самых дерзких и своевольных полков империи, совершили множество беспорядков; нападали на улицах на попадавшихся им жителей и грабили их; в первый день Пасхи дело зашло еще дальше. Один гвардейский солдат завел на улице спор с гренадером одного из полевых полков, стоявших на квартирах в Петербурге; от слов они дошли до драки; мимо проходил офицер того полка, в котором числился гренадер; к несчастью, это был немец, он хотел разнять их и оттолкнул гвардейца; тот закричал сначала, что его обижали, и позвал своих товарищей, находившихся поблизости; в ту же минуту около них столпилось множество гвардейских солдат; офицер, не имея возможности сопротивляться один целой толпе, ушел в соседний дом, где были собравшись несколько офицеров из иноземцев, не знавших ничего о происходившем на улице; толпа последовала за ним и выломала двери (которые загородили, как только можно было сделать наскоро); они напали на офицеров, которые, чувствуя себя не в силах сопротивляться этим бешеным людям, удалялись из комнаты в комнату до чердаков; их преследовали всюду, некоторым удалось убежать по крышам; другие были настигнуты и избиты; более всего досталось адъютанту фельдмаршала Ласи по имени Сотрон и капитану Брауну; несколько дней думали, что они умрут от ран. Наконец это смятение было прекращено посланными туда гвардейцами; самых буйных арестовали, фельдмаршал известил двор об этом беспорядке, но виновные были наказаны довольно слабо, а это до такой степени увеличило дерзость гвардейцев, что несколько времени спустя они затеяли восстание в самом лагере, как мы это увидим ниже.

Чтобы предупредить новые беспорядки, фельдмаршал Ласи велел расставить на всех улицах пикеты полевых войск и днем и ночью рассылал частые патрули; тем не менее все в Петербурге находилось в большом страхе; никто не считал себя безопасным в своем доме, не решались также ходить по вечерам и на улицах поодиночке, и никогда еще все так не заботились, чтобы двери были на запоре днем и ночью. Не подлежит сомнению, что без хороших распоряжений, принятых фельдмаршалом Ласи, беспорядки случались бы чаще.

Глава VII

В Финляндии возобновляются неприятельские действия. — Манифест, распространенный в Финляндии. — Распоряжения шведов. — Русская армия собирается близ Выборга. — Состояние русского флота. — Бунт гвардейцев в лагере. — Начало военных действий. — Шведский полковник Лагеркранц посылается в Москву для переговоров о мире. — Укрепления Мендолакса покинуты. — Армия приближается к Фридрихсгаму. — Фридрихсгам оставлен. — Переход через Кюмень. — Приказ от двора. — Капитуляция шведской армии. — Что случилось замечательного при дворе в 1742 г. — Герцог Голштейнский избран наследником Швеции. — Приготовления к миру. — Граф Левендаль оставляет Россию. — Кейт требует отставки, но получает ее лишь четыре года спустя.

1742 г.

1 марта возобновились неприятельские действия между русскими и шведами; чрезвычайно суровое в этом климате время года не позволяло вести войну только отдельными отрядами: триста гусаров, подкрепленные тремястами пехотинцев, вступили в неприятельскую страну и разорили множество деревень, после чего они удалились.

Граф Ласи, желавший начать кампанию как можно раньше, послал войскам приказание собраться около Выборга к концу апреля, но дурная погода и холод продолжались до половины мая, и кавалерия не могла выступить до конца этого месяца по недостатку травы.

Между тем петербургский двор велел распространить в Финляндии манифест, которым финляндцев убеждали отделиться от Швеции. Манифест этот, произведший большое впечатление на значительную часть финляндцев, был причиною того, что на них смотрели недоверчиво в шведской армии во время похода.

Шведская армия не могла выступить в поход по тем же причинам, как и русская, но кроме того, граф Левенгаупт сделал очень большие ошибки. Лишь только было заключено перемирие, он отослал полки на зимние квартиры, в места, отдаленные от границы, оставив в Фридрихсгаме и окрестностях его не более чем от 4 до 5 тысяч человек, тогда как значительная часть русской армии имела

свои квартиры у самых границ. Левенгаупт был так уверен, что мир будет заключен, что не позаботился сделать многие распоряжения, необходимые для следующего похода.

Он узнал в начале марта, что несколько русских полков получили приказание выступить, и вторжение гусаров привело его к предположению, что русская армия начнет свои действия до конца зимы. Тогда он сжег магазин, устроенный им близ деревни, называемой Кваренби, по сию сторону от Фридрихсгама, и послал войскам приказание собраться близ этого города, заставляя их делать усиленные переходы, что очень утомило войска и привело их в плохое состояние для следующего похода. Он отослал их затем на их прежние квартиры, где большая часть их стояла еще спокойно в то время, когда русские начали свои действия.

Русская армия собралась под Выборгом в конце мая, фельдмаршал Ласи отправился туда и сделал смотр войскам. Они состояли из 3 полков кирасир — всего 1640 человек, отряда конногвардейцев в 300 человек, 6 драгунских полков — всего 4200 человек, 3 гусарских полков — всего 1686 человек и 2500 казаков. Пехота состояла из 3 пеших гвардейских батальонов и 23 батальонов полевых полков; в каждом батальоне было приблизительно 500 человек. На 43 галерах было отправлено 10 000 человек, так что вся русская армия могла простираться до 35 или 36 тысяч человек.

Генералы, командовавшие под начальством фельдмаршала Ласи, были: генерал-аншефы Левашев — на галерах, Кейт и Левендаль — в сухопутном войске; генерал-лейтенант Брилли — на галерах; Стоффельн, граф Салтыков и принц Голштейн-Бекский — в сухопутном войске; генерал-майоры Братке, Ливен, Брюс, Ведель, граф Ласи, Броун, Лопухин и Чернцов — в сухопутном войске; Караулов и Киндерманн — на галерах. Генерал-майор Томилов командовал артиллерией.

Русский флот не выходил из портов в предыдущую кампанию; в этом году хотели ввести его в дело. Адмиралтейство получило приказание отправить в море столько судов, сколько возможно; ему удалось вооружить 12 линейных кораблей и несколько фрегатов. Командование ими получил вице-адмирал Мишуков. Он не сделал многого или, лучше сказать, не сделал ровно ничего, так как он не посмел ничего предпринять против шведского флота, хотя сей последний был далеко не так многочислен и хотя Мишукову неоднократно были даны приказания напасть на него.

Война против турок унесла старых матросов и лучших офицеров русского флота; недоставало людей, чтобы укомплектовать экипажи судов, и императрица была вынуждена преобразовать один пехотный полк, чтобы поместить солдат во флот; хотя эти новые

матросы едва были годны для морской службы, однако из них извлекли некоторую пользу, смешав их со старыми моряками на военных судах.

Так как и в этом году опасались, чтобы шведы не высадили десанта в Лифляндии, то там оставили несколько полков пехоты под начальством генерал-майора Бутлера, чтобы охранять берега близ Ревеля.

Я говорил выше о бунте гвардейцев при начале похода; это случилось следующим образом.

В то время как армия стояла лагерем под Выборгом, шведы послали унтер-офицера и барабанщика с письмами к фельдмаршалу Ласи. Ливен, бывший дежурным генерал-майором, находился на передовых постах в то время, когда они прибыли, и так как фельдмаршал был в городе, то Ливен велел провести их в свою палатку, взял от них письма и лично доставил их фельдмаршалу. Ливен, будучи в то же время подполковником конной гвардии, имел свою квартиру сзади этого полка, так что несколько пеших гвардейцев, стоявших в лагере поблизости, видели, как он возвратился со шведами. Они сообщили тотчас же своим товарищам, что иноземцы составляли заговор против государства, получали от неприятелей послания и письма, что в палатке генерала Ливена были спрятаны шведы, что не следует терпеть начальствования иноземных офицеров, их следует убить всех разом и начать с Ливена. В самое короткое время собралось от 300 до 400 гвардейских солдат и унтер-офицеров Преображенского и Семеновского полков; они отправились прямо в палатку Ливена; не найдя его там, вошли в его канцелярию, куда поместили шведов, схватили их и адъютанта генерала и обошлись с ними чрезвычайно грубо; караул генерала вздумал противиться этому буйству, но с ним поступили не лучше, как со шведами, адъютантом и прислугой. Офицеры сбежались, чтобы прекратить беспорядок, но солдаты не оказали им никакого уважения; им отвечали только, что «нужно убить всех иноземных офицеров, находящихся в армии; после этого будут повиноваться офицерам своей нации»; ни один из офицеров этих отрядов не хотел подойти к ним: одни от страха быть побитыми, другие — чтобы не помешать им исполнить то, чего сами они давно желали.

Между тем прибыл генерал Кейт, которого известили о беспорядке; он вошел не колеблясь в середину этой мятежной толпы, схватил сам одного из бунтовщиков, велел позвать священника, чтобы исповедать его, говоря, что намерен расстрелять его на месте; потом приказал своим адъютантам и вестовым арестовать некоторых других. Едва произнес он эти слова со столь обычной ему твердостью, как все сборище рассеялось: каждый побежал спрятаться в

свою палатку. Кейт приказал вызвать полки вперед лагеря, арестовать всех отсутствующих и начать следствие над теми, которые присутствовали при возмущении. В этом деле не были замешаны ни конногвардейцы, ни полевые полки; сии последние взялись за оружие, чтобы усмирить силой дерзость пеших гвардейских полков в случае, если бы их не удалось успокоить. Без спасительной решимости, оказанной Кейтом, восстание это пошло бы очень далеко; никто из русских офицеров не стал бы противиться бешенству солдат. Зачинщики мятежа были все арестованы; двор назначил комиссию для рассмотрения этого дела; президентом ее был генерал Румянцев. Зачинщику, который был унтер-офицером гвардии, отрубили кисть правой руки и сослали его в Сибирь, других наказали кнутом и отправили той же дорогой.

До некоторой степени можно извинить эту сильную ненависть русского дворянства к иностранцам, так как оно было вынуждено указами Петра I не только изменить большую часть своих старинных привычек, но в царствование Анны все главнейшие должности были отданы иностранцам, которые распоряжались всем по своему усмотрению, и весьма многие из них слишком тяжело давали почувствовать русским власть, бывшую в их руках; они обращались очень высокомерно и с пренебрежением даже с членами самых именитых фамилий. К этому еще нужно прибавить обещание, данное императрицею при вступлении на престол, что она освободит Россию от иностранной зависимости; по понятиям гвардейцев, это обещание она исполнила не вполне.

18 июня фельдмаршал Ласи двинулся в поход с армией, направляясь вдоль морского берега, чтобы иметь свободное сообщение с галерами, которые везли большую часть продовольствия для армии.

Генерал-майор Ведель был отряжен с 600 драгунами, 1000 гусарами и большею частью казаков по верхней вильманstrandской дороге, чтобы встревожить неприятеля с этой стороны; он имел приказание дойти до 6 лье от Фридрихсгама.

Русская армия соблюдала следующий порядок при переходах, совершенных ею во время этой кампании: когда она была вдалеке от неприятеля, во главе ее шла легкая кавалерия, за нею кирасиры и половина драгун, потом следовала артиллерия, а после нее пехота; другая половина драгун составляла арьергард, но всякий раз как фельдмаршал предполагал, что может завязаться дело, он ставил впереди всей колонны часть пехоты; так как местность в Финляндии чрезвычайно стеснена, то войска принуждены всегда проходить очень узким фронтом и могут двигаться лишь одной колонной; для езды удобна одна только большая дорога, по обеим сторонам нахо-

дятся только скалы, леса и болота. В лесах нет ни одной местности, настолько обширной, чтобы войско могло расположиться лагерем все вместе, поэтому четыре пехотных полка и драгун арьергарда ставили всегда в отдельный лагерь в одной или в двух верстах от большого лагеря.

Левенгаупт, не собравший еще шведской армии, был в большом затруднении, когда узнал, что русские выступили в поход. Он послал полковника Лагеркранца к фельдмаршалу для переговоров о мире, но так как граф Ласи не имел на этот счет инструкций от двора, то он послал Лагеркранца в Москву и продолжал подвигаться к неприятелю.

24 июня русское войско вступило в шведскую Финляндию; в ней пограничные деревни были сожжены зимою казаками, чтобы отнять у шведских войск возможность там продовольствоваться и устраивать свои квартиры; жители убежали внутрь страны, так что все было пусто.

Генерал Ведель отправил в лагерь нескольких пленных, от которых узнали, что неприятели трудились с большим усердием над окопом близ деревни Мендолак, лежащей в 4 лье по сию сторону от Фридрихсгама, что армия не собралась еще окончательно, но что полки получили неоднократные приказания идти со всевозможной скоростью, чтобы достигнуть лагеря, занятого по ту сторону Фридрихсгама, что армия их состояла из 4 кавалерийских, 3 драгунских и 19 пехотных полков и что войска много пострадали зимою от переходов, которые их заставляли делать, и т. п.

Русская армия продолжала свой путь до 30 июня (не имея других известий о неприятеле); она шла по самой лесистой стране и самым худшим дорогам в мире; были такие места, что 2000 человек в хорошем окопе и за завалами могли бы преградить путь целой армии.

30-го числа русская армия стояла лагерем на реке Вериоки, мост через которую разрушили шведы. Русские поспешно принялись за работу, чтобы выстроить новый мост. Шведский перебежчик явился в лагерь и известил, что граф Левенгаупт прибыл в Мендолак с целью ускорить работы своим присутствием, тем более что вся неприятельская армия должна была собраться тут и защищать этот проход против русских. Так как шпионы подтвердили это известие, то фельдмаршал приказал оставить тяжелый обоз на реке Вериоки с 800 человек регулярных войск и 200 казаков под начальством генерал-майора Киндерманна для прикрытия его. Больных посадили на галиоты, которые везли съестные припасы для армии, и отправили их в Выборг; войскам было приказано взять с собою сухарей на десять дней. Мост был окончен, и так как вся армия перешла

его 1 июля, то фельдмаршал усилил сухопутное войско двумя гренадерскими полками и 3 000 солдат, взятыми им с галер вместе с генералом Левашевым.

Генерал Ведель возвратился в лагерь со своим отрядом: он встретил один только небольшой неприятельский отряд, из которого при этой встрече было убито 30 человек и взято 14 пленными.

2-го числа Ведель был снова откомандирован для наблюдения за передвижениями неприятелей. Через шпионов узнали, что в Мендолакс прибыло лишь около 4 000 шведов, но что галеры их стояли на якоре вправо от окопа; неприятель мог взять оттуда людей и подкрепить ими тех, которые стерегли окоп. Получив это известие, Ласи приказал генерал-лейтенанту Брилли двинуться с частью его галер и принудить неприятельские суда оставить свой пост.

31-го русская армия подвинулась до Равайоки, деревни, лежащей в 3 лье от окопа.

5-го шведский отряд, состоявший из 300 пехотинцев и 50 драгун, вышел из окопа с намерением схватить передовой русский отряд, но гусары, спешившись, напали на шведов с такою живостью, что принудили их вернуться, оставив 1 офицера и 15 рядовых, убитых на месте, и 10 других, взятых у них русскими в плен. У русских было убито всего два гусара и четверо ранено.

Когда русская армия была в полумиле от окопа, фельдмаршал отправился с генералами осмотреть его. Окоп нашли очень сильным как по положению, так и по завалам, там устроенным. Стали расспрашивать провожатых, не было ли средств обойти его; они объяснили, что это было бы невозможно, так как правая сторона окопа упиралась в море, а левая — в большое озеро, вдававшееся глубоко в чрезвычайно густой лес, раскинутый на болотистой и непроходимой почве. Осмотрев все это, фельдмаршал Ласи решил, однако, напасть на окоп. Укрепление было прикрыто спереди глубоким, чрезвычайно крутым обрывом, как бы высеченным в скале; дно этого оврага имело около 100 шагов ширины; там протекал небольшой ручеек; почва была болотистая и покрыта густым лесом; все деревья были срублены и опущены в болото, таким способом они образовывали завал, через который не было почти возможности пройти. Чтобы дойти до окопа, имевшего 2500 сажень фронтальной линии, должно было проходить через лес, заслонявший все на расстоянии менее оружейного выстрела от окопа. Хотели повести атаку с разных сторон, но нашли только две дороги: большую близ правого крыла неприятелей и тропинку влево от них.

Генерал Левашев во главе шести пехотных и двух драгунских полков пошел по тропинке. Фельдмаршал с остальной армией

двинулся по большой дороге. Движение генерала Левашева очень замедлилось тем, что тропинка была чрезвычайно узка, и поэтому пришлось останавливаться каждую минуту, чтобы сделать ее шире и рубить по обеим сторонам деревья для того, чтобы провезти пушки. Фельдмаршал послал снова осмотреть окоп одного офицера, который донес, что он подошел к самому укреплению, но не видел никого. В то же самое время генерал Левашев известил, что несколько гусаров его корпуса вошли в самый окоп и нашли его оставленным. Несколько летучих отрядов были отряжены в погоню за неприятелем, но не могли его настигнуть; шведы ушли ночью и прибыли во Фридрихсгам прежде, чем бегство их сделалось известным. Русская армия прошла через окоп и заняла лагерь, оставленный неприятелем.

Чем более осматривали эти укрепления, тем удивительнее становилось, что шведы их оставили; окоп был найден чрезвычайно сильным как по положению, так и по произведенным в нем работам; все были того мнения, что если бы шведы заняли его отрядом в 7 000 человек с 20 пушками, для которых они уже выстроили батареи и платформы, то было бы чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, взять его силой. Русские потеряли бы добрую часть своей пехоты и, вероятно, были бы принуждены отказаться от своего намерения. Несколько grenадер были посланы, чтобы сделать примерный приступ с передней стороны окопа; им нужно было более часа, чтобы достигнуть вершины бруствера. Не то было бы, если бы их встретил порядочный пушечный и ружейный огонь.

6-го числа фельдмаршал Ласи и генералы отправились осматривать Фридрихсгам. Город этот лежит на возвышенности, имея с одной стороны море, с другой — большое озеро, пространство между ними было укреплено; укрепления были сделаны из земли и фашинов и содержались довольно плохо, но город нельзя совершенно окружить по причине озера, имеющего около пяти лье в окружности; гарнизон имел свободное сообщение с армией, стоявшей лагерем по другую сторону, и мог быть сменен каждый раз, как это сочли бы нужным. Осада его показалась трудной всем генералам; самая почва как будто препятствовала этому, так как тут находятся одни только скалы, которые весьма затрудняют открытие траншей. Сверх того, было не легко найти там место для лагеря по причине болот и чрезвычайно густого леса. Все эти трудности не устрасили фельдмаршала — он решил атаковать город.

Неприятели подвели 3 галеры к левому флангу русских, опиравшемуся в море; они производили сильную пальбу из пушек, но русские отвечали так же живо и повредили одну галеру, тогда они удалились.

7-го армия подошла к Фридрихсгаму; занимаемый ею лагерь до того был неровен и наполнен скалами, что не было места, где бы можно выстроить полк в боевой порядок: часть драгун была даже принуждена расположиться так близко к неприятельским укреплениям, что находилась от них не более как на расстоянии пушечного выстрела.

Фельдмаршал Ласи, осмотрев еще раз городские укрепления, поручил ведение осады графу Левендалю. У армии не было тяжелой артиллерии; за нею было послано в Выборг несколько галер. Полкам было приказано делать фашины, и артиллерия приготавливала доски для платформ и т. п. Работы эти подвигались быстро, так как страна изобилует лесом.

Было решено открыть траншею в ночь с 9-го на 10 число; граф Левендаль осмотрел высоту, где он хотел поместить первую батарею. Наконец уже сделаны были все распоряжения для начала осады, когда шведы расстроили этот план, оставив город. В одиннадцать часов вечера его увидели в огне. Сначала думали, что, быть может, комендант велел сжечь предместья; послали разузнать нескольких гусар, которые донесли, что пожар был в самом городе и что неприятель удалился; уходя, шведы наполнили несколько домов порохом, бомбами, гранатами, заряженными пушками и ружьями; дома взлетали один за другим на воздух, что помешало русским войти и потушить огонь. Большая часть легких войск решилась, однако, пройти сквозь пламя, чтобы преследовать неприятеля, но они привели с собою лишь нескольких больных, которые не могли удалиться довольно скоро. Главная часть армии уже имела время уйти. Три четверти домов Фридрихсгама были обращены в пепел. Там нашли 10 медных пушек 18- и 24-фунтового калибра и 120 чугунных орудий разного калибра; почти все магазины были уничтожены пламенем, поэтому там нашли лишь немного съестных припасов и амуниции. Один только пороховой погреб не взлетел на воздух; в нем было 400 центнеров пороха и несколько тысяч бочек смолы.

Неприятель удалился с такою поспешностью, что Эстерботнийский полк забыл даже взять одно из своих знамен.

Надобно сознаться, что фридрихсгамские укрепления многого не стоили, так как они все были земляные, но город имел свободное сообщение с морем, позади стояла армия, из нее он мог получить подкрепления, прибытию которых русские не могли препятствовать; он был снабжен всеми необходимыми боевыми и съестными припасами, и самая почва затрудняла действия осаждающих, поэтому нельзя довольно удивляться тому, что шведы оставили его без малейшего сопротивления. Гарнизон города

состоял из 8 пехотных полков: Буске, Вильбранда, Абосского, Эстерботнийского, Саволакского, Кюменегордского, Нюландского и Тавастгусского.

Ошибка, которую граф Левенгаупт сделал, отступив из Фридрихсгама, тем более велика, что он устроил там самый большой магазин для армии; войска, оставив этот город, не имели хлеба и на 10 дней; он не сделал даже распоряжения для доставления съестных припасов из Гельсингфорса, где у него был другой магазин, и поэтому был вынужден уступить русским весь край и приблизиться к Гельсингфорсу. Наконец, в 10 месяцев, в продолжение которых он командовал войсками в Финляндии, он даже не обдумал, следовало ли защищать или покинуть Фридрихсгам*.

10-го, в день св. Петра, имя которого носит великий князь, отслужили благодарственный молебен за то, что русская армия завладела Фридрихсгамом, единственным укрепленным городом во всей шведской Финляндии, не потеряв ни одного человека. Отряд гусар, откомандированный для разведываний, привел нескольких пленных, которые сообщили, что неприятельская армия перешла реку Сому и расположилась лагерем по другую сторону реки.

11-го армия прошла 10 верст, или около трех французских лье, переправилась через Сому и заняла лагерь, только что оставленный неприятелем. Гусары, следовавшие за шведами по пятам, донесли, что армия их переправлялась через Кюмень и большая часть ее была уже на другой стороне.

12-го русские подошли к Кюменю; вся шведская армия перешла уже реку; на этой стороне был только один караул; он удалился при приближении русской армии, которая стала тогда лагерем вдоль берега этой реки. Неприятеля было не видно, лишь небольшие отряды были расположены на высотах противоположного берега; они стояли там спокойно до тех пор, пока русские не вошли в лагерь, а кавалерийские полки не сняли седел и не разнуздали своих лошадей; тогда они стали сильно стрелять из пушек, которые были у них на этих высотах и которые они скрывали за этими отрядами пехоты. Они тревожили главным образом лагерь кирасир, бывший ближе всего к берегу. Фельдмаршал велел им переменить место и поставил их за лес, где они были защищены от неприятельских пушек. По берегу, со стороны русских, поставили пушки, которые скоро заставили шведов замолчать, сбив у них два орудия с первых же выстрелов.

---

* Фельдмаршал отрядил 2 000 работников, чтобы очистить город, и галерам было приказано войти в гавань. — *Примеч. авт.*

13-го шведская армия оставила берега Кюменя; фельдмаршал сделал тотчас же необходимые распоряжения для переправы через эту реку; мосты были наведены, и армия стала переходить на следующий день; большая часть ее была уже на другом берегу, когда к фельдмаршалу прибыл от двора курьер, который привез ему положительное приказание: окончить действия этого похода, лишь только он принудит шведов перейти Кюмень, положить эту реку границей, построить на берегу ее в некоторых расстояниях крепостцы и расположить свою армию лагерем близ Фридрихсгама до тех пор, пока не придет время расставить полки по зимним квартирам. Фельдмаршал созвал тотчас же всех генералов и держал военный совет на берегу самой реки. Все русские генералы были того мнения, чтобы перейти реку обратно и в точности исполнить повеление двора. Но иноземцы доказывали, что двор никогда не дал бы подобного приказания, если бы он мог вообразить, что неприятели очистят так легко эту позицию; по их мнению, так как войско перешло уже реку, следовало воспользоваться преимуществом, которое они уже приобрели над шведами, и оттеснить их, если возможно, до Гельсингфорса, взять этот город и окончить на этом поход.

Фельдмаршал одобрил этот совет, армия двинулась далее и после нескольких переходов расположилась лагерем близ Перно-Кирке, где нашли шведов, стоявших в очень выгодной позиции; но простояв несколько дней в присутствии своих неприятелей, они стали опасаться, чтобы русские галеры не обошли их; поэтому они сняли лагерь и отошли к Борго; русские следовали за ними; обе армии простояли еще несколько дней одна против другой, русские по одну, а шведы по другую сторону реки; наконец, шведы отступили до Гельсинг-Кирке, где заняли лагерь в чрезвычайно выгодной местности; правое их крыло упиралось в море; перед фронтом их было большое болото шириною в четверть французского лье; через него вела небольшая дорожка, по которой могли идти в ряд не более как 8 или 10 человек; наконец, река, начинавшаяся у самого болота, прикрывала их левое крыло и тыл. И эта даже позиция, на которой они могли бы простоять несколько месяцев, не подвергаясь нападению, показалась им не довольно сильною. Узнав, что Стоффельн был отряжен с несколькими полками, они стали опасаться быть окруженными с тыла и отрезанными от своего магазина; поэтому они отступили до Гельсингфорса.

Фельдмаршал и все генералы осматривали весьма часто расположение неприятельского лагеря, желая убедиться, была ли возможность напасть на него с какой-нибудь стороны, но нашли это неисполнимым и были поэтому очень довольны, когда увидели, что

неприятель оставляет лагерь. Послали легкие войска тревожить их во время их следования, и русская армия тотчас же двинулась вслед за отступающим неприятелем. Близ Гельсингфорса шведы нашли готовым укрепленный лагерь, который был устроен еще до их прихода; несмотря на то, было решено очистить и этот пункт и отступить к Або.

В тот самый вечер, когда русская армия прибыла к Гельсингфорсу, один крестьянин, из финнов, просил, чтобы ему дозволено было переговорить с фельдмаршалом; он сообщил, что шведская армия решила двинуться на следующий день по направлению к Або, но что этому легко было помешать; что через лес шла дорога, проложенная по повелению Петра I в предыдущую войну; что по ней без труда можно было бы пройти, расчистив ее от кустарников, там выросших в течение 30 лет, в продолжение которых этот путь был без употребления, и что дорога эта примыкала по ту сторону леса к большой дороге, шедшей из Гельсингфорса к Або. Получив это известие, фельдмаршал послал двух инженеров осмотреть дорогу; они донесли, что она была удобна. Поэтому генерал Левендаль и генерал-лейтенант Брилли были отряжены туда с 64 ротами гренадер и четырьмя батальонами; они известили еще до рассвета, что проход был расчищен и что они прошли лес и стали на абосской дороге. В четыре часа утра вся армия тронулась и соединилась с Левендалем в 6 часов утра. Только что успела она стать на место, как показались передовые отряды шведской армии. Неприятели, весьма удивленные при виде русских в таком месте, где они нисколько не ожидали их, возвратились поспешно в гельсингфорский лагерь, который они продолжали укреплять и снабдили несколькими пушечными батареями.

Заняв абосскую дорогу, фельдмаршал отрезал в то же время шведам всякое сообщение с твердой землей, однако они имели еще некоторое время свободный доступ к морю. Но, наконец, появился русский флот, и так как шведский флот очень пострадал от болезней (во все время кампании захворало более половины экипажей), то флот их не был в состоянии действовать и отступил к Карлскроне. Адмирал Мишуков, остававшийся в бездействии как можно дольше, воспользовался этим и окружил шведскую армию со стороны моря. В этом положении шведы оставались две недели; они имели время хорошо укрепиться в своей позиции, тем не менее вступили, наконец, в переговоры. Граф Левенгаупт и генерал-лейтенант Будденброк были арестованы по повелению двора и отвезены в Стокгольм, где их предали суду, а генерал-майор Буске, как старший генерал, получил начальство над армией. Он заключил с генералом Левендалем, которому фельдмар-

шал поручил вести переговоры со шведами, следующую капитуляцию.

1) Что все 10 финских полков, находившихся в шведской армии, должны были положить оружие; драгунские полки — отдать своих лошадей русским комиссарам и возвратиться каждый в свою деревню.

2) Что все магазины, полевые орудия и оружие, которое будет найдено в Гельсингфорсе, должно быть также передано русским комиссарам и что шведам не будет дозволено взять из магазинов более провианту, чем сколько требуется для продовольствия их по пути в Швецию. Шведам была оставлена их осадная артиллерия.

3) Что шведская пехота будет посажена на свои галеры и транспорты для доставления в Швецию и фельдмаршал Ласи даст им паспорта для их безопасности во время пути.

4) Что кавалерия направится по дороге в Торнео и достигнет Швеции этим путем под конвоем капитана и 60 гусар.

Все статьи этой капитуляции были исполнены в точности. Финны, сдав свое оружие и лошадей, возвратились домой, очень довольные тем, что не должны были более служить в такую войну, в продолжение которой им ничего не удавалось.

В то время когда армия сдалась на капитуляцию, она состояла из 17 000 человек, а все русские силы, бывшие под командой фельдмаршала Ласи, не превышали числом неприятеля и на 500 человек. Гарнизоны Фридрихсгама и Борго, несколько отрядов, которые пришлось послать, и болезни уменьшили русскую армию более чем наполовину. Можно было бы побиться об заклад на двое против одного, что если бы шведы не приняли этих постыдных условий и фельдмаршал атаковал их, то русские были бы разбиты благодаря положению шведского лагеря, который неприятель имел достаточно времени хорошо укрепить.

Наконец, действия шведов во время этой войны были странны и несообразны со всем тем, что делается обыкновенно, и притом в такой степени, что потомству трудно будет поверить этому.

Когда сейм решил начать войну и граф Левенгаупт был избран для командования армией, то ему дали всю власть, необходимую для главнокомандующего. Но лишь только скончалась королева, как в армии был учрежден военный совет, в котором заседали все полковые командиры; все дела обсуждались и решались в нем большинством голосов, и главнокомандующий имел в этом совете один только голос, как и все другие. Часто вынуждены были даже посылать рассуждения военного совета в Швецию и ждать оттуда решения короля и сената. Несогласие между главнейшими генералами армии доходило до того, что достаточно было одному пожелать чего-

нибудь, чтобы другой высказал противоположное мнение. Ко всему этому присоединилось еще созвание сейма в Стокгольме для избрания наследника шведского престола; множество офицеров оставили свои корпуса, чтобы присутствовать на нем, заняться своими делами или, скорее, чтобы увеличить или уравновесить какую-нибудь партию. Словом, беспорядок в армии был так велик, что самый искусный генерал в мире с трудом мог бы сделать что-нибудь годное.

После того как шведы удалились, вся Финляндия сделалась подвластной Российской империи и армии не оставалось ничего более, как выступить на зимние квартиры.

Генерал Кейт был послан в Або, столицу Финляндии, управление которой вполне поручили ему, оставив при нем достаточный отряд войска для охранения этого нового приобретения, 16 галер и 2 прама были оставлены в Гельсингфорсе и 5 галер в Фридрихсгаме для защиты берегов следующей весной, до прибытия флота. Остальная часть армии отправилась обратно в Россию, и фельдмаршал Ласи отправился вскоре ко двору, когда последний возвратился в Петербург.

В то время как русская армия совершала эту счастливую кампанию в Финляндии, двор был в Москве, где ее величество короновалась.

Швеция делала несколько мирных предложений до начала военных действий. Левенгаупт посылал полковника Лагеркранца в Москву, как я сказал выше; Лагеркранц согласился на предложенные ему условия, но так как они были слишком тяжки для шведов, то сейм отказался утвердить их и Лагеркранц был арестован. Шведский сейм отправил на его место барона Нолькена с новыми предложениями. Он не был счастливее своего предшественника. Императрица, оскорбленная чрезмерными претензиями, высказанными Швецией в начале ее царствования, не хотела даровать ей мира иначе, как с условием, что России уступят часть Финляндии, и так как стало известно, что Нолькен выражался слишком свободно о ее величестве и говорил даже, что нужно было бы произвести новый переворот в пользу герцога Голштейнского, то ему приказали удалиться как можно скорее.

Герцог Голштейнский, объявленный российским великим князем и законным наследником империи, был также избран в наследники шведского королевства штатами, собравшимися в Стокгольме на сейм. Они надеялись чрез это достигнуть скорее мира. Три депутата были посланы к русскому двору известить его об этом избрании и убедить герцога отправиться в королевство; поручение это было возложено на графа Бонде, который жил некогда долгое время в Петербурге в качестве министра герцога Голштейнского, на барона

Гамильтона и барона Шеффера; они имели аудиенцию у великого князя, когда двор возвратился в Петербург, но его императорское высочество, предпочитая Российскую империю королевству шведскому, отблагодарил их, и они, пробыв несколько времени в Петербурге, возвратились в Швецию.

Двор возвратился в Петербург в декабре. Наконец стали серьезно думать о мире, и устроился конгресс в Або; российский двор послал туда генерала Румянцева и генерал-лейтенанта Любераса в качестве полномочных министров; со стороны Швеции таковыми были сенатор барон Седеркрейц и статс-секретарь барон Нолькен; совещания начались в марте 1743 г., но мир был заключен лишь пять месяцев спустя, как я объясню это в своем месте.

К концу этого года Левендаль оставил Россию. Он имел несколько причин быть недовольным; главной была та, что у него отняли жалованье по должности кирасирского полковника, которое могло доходить до 2 500 рублей, или 5 000 немецких гульденов (так как императрица, поступив на престол, прекратила все двойные жалованья, получаемые по разным должностям, которые были возложены на одно лицо; Левендаль был генерал-аншефом и полковником кирасирского полка, которого граф Миних был прежде командиром, потому за ним оставили только генеральское содержание). Он пожелал иметь голубую ленту; ему не дали ее. Он не мог быть в хороших отношениях с фельдмаршалом Ласи; критиковал его действия во время похода и написал графу Лестоку письмо, в котором фельдмаршал Ласи не был представлен в хорошем свете. Лесток отослал это письмо в подлиннике фельдмаршалу, что было причиною весьма натянутых отношений между двумя генералами. Наконец, примеры несчастий, постигших некоторых иноземцев, возмущение гвардейцев близ Выборга и беспорядки, поселявшиеся мало-помалу в войсках, побудили его ходатайствовать о дозволении уехать на год в Польшу для устройства там своих домашних дел; несколько времени спустя он стал просить об увольнении от службы и для ходатайства о том отправил в Петербург свою жену; она выхлопотала ему отставку после многих затруднений.

В то же самое время попросился в отставку и Кейт, но императрица, не хотевшая потерять разом двух лучших своих генералов, сделала все возможное, чтобы заставить его изменить свое намерение. Она писала ему самые любезные письма, послала ему голубую ленту, увеличила его содержание и убедила его остаться. Она могла бы удержать его навсегда, если бы канцлер поступил с ним хорошо и если бы брату его разрешили поселиться в России. Но дурные проделки, совершенные с ним графом Бестужевым четыре года позднее, вынудили его просить отставки, и никакие обещания не могли уже убедить его остаться.

Глава VIII

Приготовления к походу. — Войска садятся на суда, и поход начинается. —

Приготовления шведов. — Распоряжения генерала Кейта. — Действия фельдмаршала Ласи. —

Шведы оставляют свой пост близ Гангеуда. —

Экспедиция генерала Кейта с его эскадрой. —

Сражение при Корпо. — Продолжение действий

фельдмаршала Ласи. — Предварительные условия мира. — Положение, в котором находилась Швеция. — Внутренние

смуты в Швеции. — Заключение мира. — Принц

Голиштейнский избран в наследники. — Возвращение фельдмаршала Ласи с армией

в Россию. — Генерал Кейт послан обратно

в Швецию. — Экспедиция генерала Кейта

в Швецию. — Открытие заговора. — Армия располагается на квартирах в Лифляндии.

1743 г.

Сделав нужные распоряжения для восстановления спокойствия, петербургский двор подумал также о тех мерах, которые были необходимы для того, чтобы продолжать войну с еще большими против прежнего усилиями и с оружием в руках принудить шведов исполнить все, чего ни потребует Россия. Все полки получили приказание заранее озаботиться о снабжении себя всем необходимым и быть готовыми выступить по первому приказанию, и так как после прошлогоднего счастливого похода русским нечего было опасаться десанта шведов на их берега, то было решено, что суда и галеры будут действовать с большей энергией, что на галеры посадят как можно больше пехоты и что с целью усилить этот флот на петербургской верфи будет производиться поспешная работа. Было назначено открыть кампанию очень рано. Около конца марта самые отдаленные от Петербурга полки, которые во время предыдущего похода оставались в Лифляндии, получили приказание отправиться в столицу, чтобы сесть там на суда.

Приготовления не могли быть окончены ранее как 14 мая, когда все люди были посажены на галеры; войска получили провиант на два месяца: половину сухарями и половину мукой.

Ее величество отправилась на галеру фельдмаршала Ласи, где отслушала литургию, после чего подарила ему очень ценное кольцо и небольшой золотой крест с мощами; поцеловав его с пожеланием счастливого похода, она удалилась в свой дворец, из окон которого

она смотрела, как уходили галеры, приветствовавшие ее на ходу выстрелами из пушек, и т. д.

15-го числа эта эскадра прибыла в Кронштадт. Военные суда были уже там на рейде, галеры вошли в гавань и пробыли там 16-го и 17-го числа по причине противных ветров. 18-го числа, когда ветер переменился, они вышли из гавани и стали в боевом порядке на рейде, где бросили якорь. Императрица прибыла из Петербурга и отправилась на адмиралтейское судно, где она разговаривала некоторое время с фельдмаршалом Ласи и адмиралом Головиным, после чего она отправилась кушать в Кронштадт и в тот же день возвратилась в Петергоф.

Военный флот, посланный в этот год русскими в кампанию, состоял из 17 линейных кораблей и 6 фрегатов. Им командовал адмирал граф Головин, сидевший на 110-пушечном корабле «Великая Анна». Императрица была вынуждена переформировать еще 3 пехотных полка, чтобы усилить экипажи судов.

Галерный флот, вышедший из Кронштадта, состоял из 34 галер и 70 канчибасов; это небольшие турецкие суда, которые могут вместить каждое до 80 человек экипажа и продовольствие для них на месяц. Генералы, командовавшие этой эскадрой под главным начальством фельдмаршала Ласи, были генерал-аншеф Левашев, генерал-лейтенанты Брилли и граф Салтыков, генерал-майоры Ведель, Лопухин и Стурт; на судах были отправлены 9 пехотных полков и 8 гренадерских рот из гарнизонных полков Выборга, Петербурга и Кронштадта; тут же были размещены 200 донских казаков с их лошадьми; эту конницу имели в виду употребить для разъездов по неприятельской стране.

Фельдмаршал разделил флот на три эскадры: передовая, под синим флагом, находилась под командованием генерала Левашева, генерал-лейтенанта Брилли и генерал-майора Веделя; она состояла из трех пехотных полков и трех гренадерских рот. Фельдмаршал Ласи находился в кордебаталии, под белым флагом, с генерал-майором Лопухиным, тремя пехотными полками и двумя гренадерскими ротами; на арьергардной эскадре, под красным флагом, были три пехотных полка и три гренадерские роты под командой графа Салтыкова и генерал-майора Стурта.

С этим флотом фельдмаршал Ласи выступил 19 мая к шведским областям. Но так как Россия хотела послать в поход все силы, которые она могла бы собрать, то в Петербурге продолжали работать над постройкой галер, и когда они были окончены, то на них посадили войска, присоединившиеся потом к армии, как мы увидим ниже.

Со стороны Швеции делались также некоторые приготовления. В Торнео был собран корпус войск, с которыми хотели попытаться

вторгнуться в Финляндию. В эту сторону отправили генерал-лейтенанта Стоффельна с сильным корпусом драгун и казаков, которых нельзя было употребить на галерах. Он сумел так хорошо сдерживать неприятелей во все время похода, что они не могли предпринять ничего значительного.

Шведский флот, который может выходить из своих портов месяцем ранее русского, отправился в море уже в начале апреля. Шведы сделали незначительные десанты в Финляндии и на острове Аланде, захватили несколько русских караулов и прикрытий и, наконец, сожгли часть леса, приготовленного по распоряжению генерала Кейта для постройки судов; Кейт приступил к постройке шести галер в Або, и они были окончены в июле.

Генерал Кейт, желая помешать неприятелям сделать большие успехи, послал генерал-лейтенанту Хрущеву и генерал-майору Братке приказание сесть как можно скорее с полками, которые были под их командой в Гельсингфорсе и Фридрихсгаме, на 21 галеру, оставленную там в предыдущем году; я буду говорить ниже обо всем том, что сделал генерал Кейт с полками, бывшими у него под командой, и изложу теперь, какие были самые значительные действия флота фельдмаршала Ласи до соединения его корпуса с отрядом Кейта.

Противные ветры препятствовали фельдмаршалу Ласи идти с флотом так скоро, как он того желал. Море близ берегов было еще покрыто в некоторых местах льдом, и войска очень страдали от холода.

27 мая галеры подошли к Фридрихсгаму, где был устроен большой магазин для амуниции и фуража; в гарнизоне стояли два пехотных полка под командой полковника Каркеттеля. Фельдмаршал велел отправить туда больных солдат и взял вместо них 100 гренадер из полков, остававшихся там в гарнизоне; флот был задержан тут противными ветрами до 31-го числа. Фельдмаршал был тем более недоволен этой задержкой, что по известию, полученному от генерала Кейта, последний был очень близко от неприятеля и что через несколько дней могло завязаться сражение между ним и шведской эскадрой.

2 июня эскадра фельдмаршала Ласи прибыла в Гельсингфорс; проходы между этим городом и Фридрихсгамом чрезвычайно узки; в иных местах между скалами остается пространство шириною не более как в восемь или десять туазов, так что приходится пропускать одну галеру за другой, чтобы не сесть на мель или не наскочить каждую минуту на несчастную отмель или на скалу.

В Гельсингфорсе не было ни одного укрепления, и он не был даже обнесен стеною; весь город состоял приблизительно из 300 домов, построенных довольно хорошо по местному образцу, но гавань его — лучшая в Финляндии — может весьма удобно вместить

до 150 судов; в нее можно войти и выйти из нее при всяком ветре. До взятия Гельсингфорса русскими там не было даже батареи для защиты проходов в гавань; они построили четыре батареи, но разрушили их при передаче города. Фельдмаршал взял из тамошнего гарнизона 200 человек и посадил их на галеры взамен больных, оставленных в городе. Там командовал полковник Бреверн, имея под начальством своим два пехотных полка. Войска получили там муки еще на 15 дней, так что армия запаслась хлебом до 15 июля.

От генерала Кейта было получено известие о том, что он имел дело со шведскими галерами и одержал победу. Это известие было тем приятнее, что в армии опасались услышать противное. По этому случаю фельдмаршал велел отслужить молебен утром 5-го числа и после полудня двинулся со своим флотом. При выходе из гельсингфорского порта в эту кампанию в первый раз был устроен передовой отряд, состоявший из двух галер и четырех канчибасов. Ветер был самый благоприятный, и флот прошел более 16 французских лье менее чем в 6 часов; к вечеру галеры прибыли к местечку, называемому Паркала, где находится образованная природой хорошая гавань; в ней удобно могут поместиться до 100 галер.

6-го флот совершил утром переход в 12 французских лье до Барра-Сунта; недалеко от этой местности есть проход длиною в 1500 шагов, до того тесный, что во многих местах даже одной галере трудно пройти, не ударившись о скалы. После полудня суда прошли еще 10 лье до Свартовы, где фельдмаршал узнал, что шведский флот, состоявший из 18 военных судов, частью линейных кораблей и частью фрегатов, стоял близ Гангеуда, с тем чтобы не дать галерам фельдмаршала Ласи пройти далее и соединиться с судами генерала Кейта. Граф Ласи подвинулся, однако, с флотом еще на 5 лье до Тверминне, лежащего в 4 лье от Гангеуда, где ясно виднелся шведский флот, стоявший на якоре. Фельдмаршал Ласи, сопровождаемый всеми генералами, отправился осматривать неприятельский флот; они нашли, что два судна стояли именно на том пути, по которому должны были следовать галеры, если бы они стали продолжать свой путь. Море близ Гангеуда настолько глубоко, что самые большие военные суда могут подходить вплоть к берегу.

8-го был большой военный совет, на котором старались отыскать всевозможные средства, чтобы принудить неприятеля оставить занимаемую им выгодную позицию; ни одно из них не удалось, и наконец было решено подождать русский флот и тогда посмотреть, будет ли он в состоянии сражением принудить шведов, чтобы они очистили проход.

К вечеру прибыл к фельдмаршалу флотский капитан Головин и известил его, что адмирал Головин с русским флотом был всего в 10 лье от неприятеля и собирался атаковать его, лишь только до-

звоят обстоятельства, что он найдет удобный для того случай; но подобного случая не представилось, и галеры остались на тех же местах до 18 июня. Фельдмаршалу Ласи очень наскучило это затруднительное положение; он неоднократно посылал графу Головину приказание атаковать неприятеля, но тот не повиновался. Он находил каждый день новые отговорки для избежания сражения. Из числа приведенных им причин была следующая: в морском регламенте Петра I постановлено, что русский флот никогда не должен вступать в сражение со шведским, если не может выставить трех русских кораблей против двух шведских, и так как у него было всего 17 кораблей против 12, то ему не доставало одного до предписанного числа.

Часто бывали военные советы, генералы отправлялись ежедневно на соседние острова следить за неприятелями, однако дело не шло вперед. Оба флота стояли на якоре в расстоянии двух лье друг от друга; шведский флот находился между галерами и русскими кораблями. Фельдмаршал приказывал галерам время от времени делать некоторые передвижения, но все это ни к чему не вело.

В то время покуда галеры стояли в Тверминне, армия была усилена пятью пехотными полками, которые генерал-майор Караулов привел на 14 галерах и 18 канчибасах, вновь построенных в Петербурге, так что после этого присоединения флот, находившийся под начальством фельдмаршала Ласи, состоял из 48 галер и 98 канчибасов; вновь пришедшие суда были распределены между всеми тремя эскадрами.

18-го утром по просьбе адмирала Головина фельдмаршал послал русскому флоту 14 канчибасов. Адмирал хотел взять оттуда солдат, усилить ими экипажи судов и затем, как он утверждал, атаковать неприятеля. Лишь только шведский флот увидел движение канчибасов, как снялся с якоря и поднял паруса, желая помешать канчибасам присоединиться к кораблям. Русский флот сделал то же самое, и оба флота вышли в открытое море. Надеялись, что произойдет морское сражение, но обе стороны одинаково боялись начать его; произвели несколько пушечных выстрелов, не решивших ничего, и оба флота разошлись с наступлением ночи, так что ни один из них не мог похвалиться ни малейшим преимуществом над противником. Русские суда отплыли к острову Гогланду близ Ревеля, где они простояли спокойно до заключения мира, а шведский флот отправился в Карлскрону, где он стал отдыхать после понесенных им тяжких трудов.

Между тем фельдмаршал Ласи, видя, что оба корабля, поставленные в самом проходе близ Гангеуда, оставили это место и присоединились к своему флоту, в ту же минуту воспользовался удалением неприятелей; он подал сигнал к отплытию и счастливо прошел

со своими галерами гангеудский мост. К вечеру сделался густой туман, совершенно скрывший его движение от неприятельских судов, которые виднелись русским лишь в отдалении.

23-го фельдмаршал прибыл со своим флотом в Суттонгу, где он нашел генерала Кейта, стоявшего со своей эскадрой в очень выгодной позиции. Кейт представил фельдмаршалу отчет о военных действиях его эскадры; привожу здесь извлечение из этого отчета.

16 мая генерал Кейт получил от генерал-лейтенанта Хрущева известие, что он сел со своими людьми на 16 галер в Гельсингфорсе и прибыл с этой эскадрой и двумя прамами на высоту Гангеуда. Вслед за этим генерал тотчас же оставил Або и соединился 17 числа с галерами к северу от Гангеуда. В тот же день он собрал военный совет, на котором присутствовали все флотские офицеры и полковые командиры; на нем было решено единогласно, что так как сила их была равна неприятельской, то следовало искать случая дать сражение сколько возможно скорее и даже не дожидаясь генерал-майора Братке, который не присоединился еще к эскадре с 5 фридрихсгамскими галерами. Был отдан приказ готовиться к сражению и идти вперед по первому сигналу. Со стороны W.N.W. донесся пушечный выстрел, возвещавший вечернюю зорю у неприятелей, которые, по-видимому, стояли в 4 лье от русских.

18 мая генерал Кейт вышел с галерами из Гангеуда при ясной погоде, но не мог далеко подвинуться, так как галерам пришлось вести прамы на буксире, и, кроме того, у этих берегов нужно быть во многих местах чрезвычайно осмотрительным по причине скал и отмелей. Один из прамов наткнулся на скалу, и пришлось употребить много времени, чтобы высвободить его; к вечеру эскадра бросила якорь в открытом море, пройдя в этот день не более одной шведской мили, или около двух французских лье. (Шведские мили составляют 10-ю часть градуса.) Вечером услышали два пушечных выстрела, и показался неприятельский бригантин, крейсировавший приблизительно на расстоянии одной мили от русских галер.

19-го эскадра двинулась утром при крепком ветре, но так как все-таки приходилось буксировать прамы, то она не могла им воспользоваться; около 8 вечера галера, шедшая впереди, подала сигнал, что она открыла неприятелей; генерал отправился на своей галере осмотреть их; он увидел, что они стояли на якоре приблизительно в одной миле; тогда он дал команду всей эскадре идти вперед, но в то время, когда он находился не более как в полумиле от шведов, они подняли паруса и прошли между двумя островами, где не было достаточно воды для прохода прам; таким образом, пришлось взять влево и обогнуть остров, чтобы достигнуть неприятеля, но ветер, повернув вдруг к N.W., так скрепчал, что нельзя было

более вести прамы на буксире, поэтому генерал велел бросить якорь близ церкви Гитис.

20-го противный ветер продолжал дуть до полудня, когда погода стихла; эскадра снялась с якоря, но едва успела она пройти один лье, как подул совершенно противный ветер, что заставило генерала подойти к берегу. 100 человек было отправлено на 6 шлюпок, чтобы получить положительные известия о неприятеле и отыскать лоцманов; те из лоцманов, которые до того были на судах, не знали пути дальше, а между этими скалами почти невозможно сделать шаг, не рискуя ежеминутно сесть на мель, если только на корабле нет местных жителей, знающих побережье.

21 мая эскадра тронулась в 3 часа ночи при тихой погоде; она прибыла к полудню в Юнгферн-Зунд, представляющий собою чрезвычайно узкий проход между двумя островами. Шлюпки присоединились здесь к флоту, не найдя, однако, лоцманов, так как все деревни были оставлены жителями. Они донесли, что при выходе из Юнгферн-Зунда они видели шведское судно, удалившееся при их приближении. К вечеру заметили неприятельский баркас, крейсеровавший в одной миле от передового отряда.

22-го числа эскадра рано утром двинулась в путь в тихую погоду; она прошла до полудня три мили, но тогда поднялся противный ветер, и пришлось бросить якорь. Отрядили снова несколько шлюпок для рекогносцировок и отыскания лоцманов; одна из них привезла шведского канонира, забытого на одном из островов. Он объявил, что неприятельская эскадра состояла из 15 галер и такого же числа аспин (это мелкие суда, вооруженные 10 пушками) с одним баркасом; что она ожидала на днях подкрепления, состоящего из двух галер и одного прамы, и что в Швеции вооружали еще 8 галер, которые также могли уже быть в пути. Прочие шлюпки, вернувшись вечером, донесли, что они нашли неприятельскую галеру на расстоянии одной мили от шведского флота и что она отошла при их приближении.

23-го генерал повторил приказание облегчить галеры и приготовиться к сражению; утром было отправлено 6 шлюпок и один канчибас для рекогносцировки неприятеля и промеров в проходах; эскадра двинулась в путь в полдень; едва успела она пройти с пол-лье, как увидели, что неприятельская галера и два баркаса гнались за шлюпками; передовые галеры стали грести сильнее, чтобы поддержать их; неприятели, заметив это, стали под прикрытие острова; эскадра не могла далеко пройти по причине противного ветра. Усмотрели арьергард шведской эскадры, состоявший из 3 галер и нескольких небольших судов, генерал направил на них 4 галеры и все шлюпки; увидев их, шведы тотчас же обратились в бегство,

выстрелив три раза из пушки, чтобы предупредить свой флот, стоявший от них в полутора лье; русские галеры заняли ту самую местность, которую оставили шведы, и известили генерала, что неприятель отступал.

24 мая получено известие, что неприятели находились в Корпо, где к ним присоединился их пра́м.

25-го прибыл генерал-майор Братке с пятью галерами, зимовавшими в Фридрихсгаме. Он много потерпел от противных ветров и бурь и потерял большую мачту со своей галеры. Кейт разделил свой флот на три эскадры, поручив передовую генерал-лейтенанту, а заднюю генерал-майору, и предоставил себе кордебаталию.

26-го на рассвете увидели флаг шведского адмирала и несколько мачт других галер, число которых нельзя было определить наверно, так как они стояли между островами. Генерал велел тотчас же подать сигнал к нападению на неприятеля, но едва успели сняться с якоря, как шведы отошли по направлению к Аланду. Тогда один флотский лейтенант был направлен с десятью шлюпками и одним канчибасом при подкреплении из двух галер, чтобы сделать рекогносцировку; вернувшись, он донес, что видел 17 галер, полугалеру, галиот и два шмака в полном вооружении, что адмирал был в арьергарде и шел на веслах вследствие противного ветра. Русская эскадра стала близ деревни, называемой Корпо. Острова образуют там очень хорошую гавань, где галеры находят защиту во всякую бурю.

Кейт узнал от прибрежных жителей и шпионов, что неприятели ожидали большого подкрепления, что контр-адмирал Фалькенгрэн, командовавший их галерами, получил положительное приказание атаковать его, и так как к тому же противные ветры и бури, не прекращавшиеся несколько дней кряду, не позволяли Кейту оставить занимаемую им местность, то он сделал все распоряжения для хорошей обороны. Оба пра́ма были поставлены при входе в гавань, вправо от этого входа устроили 4-пушечную батарею, чтобы лучше защитить доступ в нее.

В этом положении он оставался до 29 мая, когда караульные передового отряда, стоявшие на вершине скалы, известили, что неприятельский флот пришел в движение. Получив это известие, генерал отправился на гору, чтобы самому наблюдать за движением неприятелей; оттуда он увидел, что шведские галеры шли на него тремя колоннами. Он велел пробить сбор и расставил галеры в боевом порядке, применяясь к местности. Около 11 часов утра неприятели выстроились в линию против русских, стоявших от них в 1500 туазах, и бросили якоря.

30 мая оба флота оставались в том же самом положении, не имея возможности предпринять что-либо вследствие дурной погоды и бывшей в тот день грозы.

31-го ветер значительно стих. Тогда несколько шведских галер показались из-за островов, куда они стали в предыдущий день, чтобы укрыться от грозы. Около полудня с неприятельского прама подали сигналы ракетами и немного минут спустя с того же прама сделали несколько пушечных выстрелов, чтобы узнать, достигают ли русских ядра; они упали близ батареи на берегу (которая находилась на 100 сажен впереди русских прам), но так как они не долетели до судов, то шведский адмирал приказал шлюпкам подвести прам на буксире. В 3 часа пополудни увидели, что весь шведский флот, состоявший из 18 галер, одного прама и разных мелких судов, подвигался одной линией против входа в гавань; в 4 часа он находился от него лишь на расстоянии хорошего пушечного выстрела. Офицеры, командовавшие русскими прамами, попросили у генерала позволения открыть по нему огонь, но он положительно запретил им это, не желая, чтобы был сделан один выстрел прежде, чем неприятели подойдут на расстояние ружейного выстрела. Но когда вслед за тем он увидел, что шведский прам становился на якорь и готовился подставить борт, то велел сделать два пушечных выстрела из верхней батареи правов: одно ядро пролетело над шведским прамом, а другое попало в его корму. После этого опыта Кейт приказал всем батареям открыть огонь против неприятеля. Он велел отвести в сторону часть галер, не имевших достаточно места для маневров, и сам стал близ береговой батареи, откуда он мог лучше следить за всеми движениями, так как батарея эта, как я уже заметил, была на 100 сажен ближе к неприятелю, нежели суда.

Шведы, выстроившиеся в линию перед входом в гавань, имели возможность действовать против русских всеми орудиями своего флота, между тем как последние могли противопоставить им лишь два прама и три галеры, которым был открыт вид на неприятеля. Однако после двухчасовой перестрелки, весьма сильной с той и с другой стороны, галера шведского адмирала была вынуждена выйти из линии и скрыться за островом, бывшим от нее вправо. Несколько времени спустя неприятельский прам последовал ее примеру и ушел за остров, бывший по левую сторону от него; центр их продержался еще некоторое время, но, вынужденный принимать все выстрелы, направляемые прежде и на прам, в свою очередь удалился; в 7 часов вечера пальба совершенно прекратилась.

Кейт не преминул бы преследовать неприятеля, но так как ветер дул в самый вход в гавань, то не было возможности выйти из нее, и поэтому послали только несколько вооруженных шлюпок и один канчибас, чтобы преследовать мелкие суда, сновавшие еще там и сям. У русских в это сражение были убиты: 1 офицер и 6 нижних чинов армии и флота, сверх того 8 человек ранено.

1 июня, на рассвете, было донесено, что неприятели ночью отошли совершенно и уже потерялись из виду. Тогда отрядили две шлюпки, чтобы разузнать о них; они донесли, что видели их на якоре близ острова Рокшера, в 5 милях от места сражения. Весь день был употреблен на починку прамов, пробитых несколькими ядрами близ ватерлинии; нужно было также перетимберовать две галеры, которые были сильно повреждены; в одной в особенности открылась значительная течь вследствие большой щели, образовавшейся от сотрясений при производившейся с нее пушечной пальбы.

Або, где министры собрались на конгресс, отстоял всего на 7 или 8 миль от деревни Корпо, так что там слышен был каждый пушечный выстрел, производимый сражающимися; это возбудило большие опасения в министрах обеих сторон, так как каждый находился между страхом и надеждой относительно исхода этого дела. Кейт захотел оставить их еще 24 часа в этом стеснительном положении; шведы не могли себе представить, чтобы русский генерал мог так медлить отправлением известия о поражении шведов, и начали уже торжествовать, когда прибыл адъютант Кейта с подробным донесением о сражении.

2 июня генерал собрал военный совет, на котором было решено преследовать неприятеля, лишь только будут починены поврежденные галеры, и атаковать его при первой возможности. В воде нашли якорь и 50 сажень каната, отрубленного неприятелем в день сражения.

4-го, когда все было приведено в порядок, Кейт двинулся со своими галерами; пройдя три мили, он услышал пушечный выстрел с неприятельского флота, который считали в двух милях оттуда; два часа спустя раздались два выстрела очень близко, и почти в то же время увидели шведский флот, стоявший на якоре за островом в одном лье от русских. Генерал дал тотчас же сигнал к сражению. Все три эскадры стали в боевой порядок, но пока они строились, неприятели подняли паруса и отошли. Русский флот гнался за ними на всех парусах, но пройдя около мили, подошел к узкой местности, где воды было не более как на 11 футов, так что прамы, будучи не в состоянии пройти там, были принуждены стать на якорь, и галеры построились в очень удобной гавани, образованной островом; место это называется Соттунга. Отступление шведов удивило русских тем более, что они знали, что на другой день после сражения шведы получили в подкрепление фрегат и несколько галер, так что флот их не только равнялся русскому флоту, но еще превосходил его. Несколько времени спустя узнали, что на шведов навели страх маленькие лодки русских маркитантов, которые, пользуясь попутным ветром, подняли паруса и следовали за русским флотом. Неприятели, видя, что все море покрыто парусами, вообразили, что

фельдмаршал Ласи прибыл уже со своим флотом и что они поэтому были слишком слабы, чтобы отважиться на новое сражение. Кейт, осмотрев местность с того пункта, где он остановился со своими галерами, нашел позицию эту весьма выгодной; это побудило его укрепиться тут и ожидать, чтобы фельдмаршал Ласи к нему присоединился. Он велел построить семь батарей в 4 или 5 пушек каждую для защиты различных входов в гавань.

8-го, так как ветер стих и благоприятствовал следованию прам, то велели их буксировать шлюпками; они прошли благополучно при малой глубине и были поставлены при выходе из гавани, обращенном к неприятелю. В этом положении Кейт оставался до прибытия фельдмаршала Ласи. Чтобы внушить неприятелям страх и заставить их думать, что он получил подкрепление, Кейт приказал выставить на галиоте, доставившем из Або съестные припасы для войска, вымпела, подобные тем, которые бывают на военных кораблях и фрегатах. Он велел также загородить выход из гавани слева цепью из трех канатов, для того чтобы неприятели не могли войти с этой стороны; наконец, он сделал наилучшие распоряжения, чтобы хорошо принять шведов в случае, если бы у них явилась охота вернуться атаковать его.

Шведы, стоявшие от него всего на расстоянии трех четвертей мили, построили, со своей стороны, несколько батарей на тех островах, за которыми они стояли; они делали время от времени движения, как будто собираясь атаковать, однако не предприняли ровно ничего. Чтобы отнять у русских все средства получить о них известие, они приказали жителям островов удалиться в Швецию; часть повиновалась, но большинство, в особенности жители Аланда, покинули свои дома и удалились в леса.

Фельдмаршал Ласи прибыл 26 июня со своим флотом в Соттунгу, как я уже сказал выше. В четыре часа пополудни передовой отряд известил, что неприятельский флот снялся с якоря и отступил. Вслед за этим фельдмаршал приказал генералу Кейту двинуться со своей эскадрой и занять место, только что оставленное неприятелем. 24-го фельдмаршал последовал за ним со своим флотом.

25-го он отправился с генералами армии осмотреть острова, лежащие впереди; они нашли шведского солдата, забытого на маленьком островке. Он показал им с возвышенности неприятельский флот, находившийся в двух милях от того места; некоторые суда стояли на якоре, другие уже подняли паруса. С этого дня русские не видели более неприятельских судов, так как шведские галеры возвратились прямо в Стокгольм, куда они прибыли весьма кстати для усмирения возмущившихся далекарлийцев, о чем я буду говорить впоследствии. Русские галеры дошли в тот день до Дегерби, одного из островов близ Аланда.

26 июня был военный совет, на котором было единогласно решено дойти до Руденгама (последнего острова финляндских шхер) и пройти при первом попутном ветре к шведским берегам, чтобы высадить там десанты.

Генерал-майор Братке был отправлен с 6 батальонами на 12 галерах и нескольких канчибасах, чтобы конвоировать суда, нагруженные съестными припасами, которые посылались в Эстер-Ботнию для войск, находившихся там под командой генерал-поручика Стоффельна; так как съестных припасов было там чрезвычайно мало, то шведские войска были принуждены отступить за неимением продовольствия, а русские с трудом держались в этом крае.

27-го и 28-го была очень бурная погода, не дозволившая флоту оставить то место, которое он занимал. Послали канчибасы и шлюпки для разведываний, и возвратясь, они донесли, что нигде не встречали неприятельского флота, удалившегося к берегам Швеции.

29-го фельдмаршал уже подал сигнал к отплытию, когда он получил письма от русских министров на Абосском конгрессе, извещавшие его, что предварительные условия мира были подписаны накануне и что заключено перемирие, поэтому они приглашали фельдмаршала не предпринимать более ничего. Вслед за тем галеры возвратились на оставленные ими места и пробыли там до конца августа; тогда они отплыли в Россию.

Пора сказать, в каком положении находилась Швеция. Сейм продолжался там уже год и занимался, главным образом, избранием принца — наследника престола; несколько лиц предъявили свои права, именно: датский наследный принц, принц Голштейнский, епископ Любский, принц Фридрих Гессен-Кассельский и герцог Цвейбрюкенский; каждый из этих принцев имел свою партию, но главнейшими были принц Голштейнский, поддерживаемый Россией, и датский наследный принц, который мог оказать Швеции сильную помощь в войне с русскими; поэтому партия его была самая многочисленная, и было даже решено, что если мир не будет заключен до 4 июля, то его провозгласят в этот день наследным принцем Швеции. Это много способствовало заключению предварительных условий мира на Абосском конгрессе, но так как там было потеряно много времени на прения, то до подписания статей осталось не более 6 дней. Линген, подполковник шведской службы, был послан с этим известием в Стокгольм. Так как он не должен был терять времени ни минуты, чтобы прибыть туда вовремя, то он отправился по кратчайшему пути, который идет через остров Аланд, но когда он сошел тут на берег, то увидел, что все жители покинули свои дома и ушли в лес; он был вынужден пройти несколько лье вдоль берега. Наконец он встретил старика, у которого была старая лодка, треснувшая во многих местах; не имея времени для отыскания

другого судна, пришлось решиться воспользоваться ею, рискуя потонуть. Он, его слуга и старик сели в лодку; двое были принуждены грести, а третий только и делал, что выкачивал шляпой воду, лившуюся в щели. Линген употребил даже несколько рубах, бывших в его чемодане, чтобы заткнуть ими щели; наконец, они были счастливы, что пристали к Швеции. Линген прибыл в Стокгольм в тот самый день, когда должны были приступить к избранию датского принца. Лодка, в которой он совершил переезд с Аланда до шведских берегов, сохраняется в Стокгольме и показывается как большая редкость. Без сомнения, можно считать за чудо, что Линген проехал так счастливо 12 шведских миль по морю в такой лодке, в которой немногие решились бы переправиться через самую незначительную речку.

Приезд Лингена в Стокгольм дал другой оборот делам в Швеции. Русские, бывшие смертельными врагами шведов, стали их друзьями, союзниками и защитниками, а датский король, сына которого они хотели избрать в преемники шведского престола после кончины их короля, сделался величайшим их врагом. Русский галерный флот, начавший кампанию с тем, чтобы разорить берега Швеции, был вынужден остаться некоторое время на границах, чтобы усмирить внутренние смуты и чтобы иметь возможность подать помощь шведам в том случае, если бы на них напала Дания.

Датский король, узнав, что значительная партия противилась избранию его сына, сумел склонить несколько областей в свою пользу. Первой высказалась Далекарлия; крестьяне в числе нескольких тысяч человек под начальством некоего Шединга, служившего прежде солдатом в Пруссии, и Врангеля (майора Далекарлийского полка), пошли прямо на Стокгольм, где они хотели предписывать законы. Перед городом расположили гвардейский полк, рассчитывая воспользоваться им для усмирения бунтовщиков, но солдаты отказались действовать против своих соотечественников и дозволили даже далекарлийцам взять их пушки, не оказав ни малейшего сопротивления. Король и несколько сенаторов вышли им навстречу, чтобы постараться успокоить их, но они не хотели и слышать о примирении. Наконец, им обещали удовлетворить все их требования и их впустили в город, где они рассеялись по разным кварталам, что было причиною их несчастья. Несколько дней спустя в городе произошло большое смятение: сенатор граф Адлерфельд, хотевший обратиться к далекарлийцам с речью и успокоить их, был убит. Гвардейцам снова приказали идти против бунтовщиков, но солдаты не повиновались. По счастливой случайности галеры вошли в тот самый день в стокгольмскую гавань; сначала высадили на берег несколько войск, которые, не зная о случившемся, нисколько не затруднились рассеять возмущившихся крестьян. Предводители

их были арестованы, Шедингу отрубили голову, а Врангеля лишили чинов и дворянства и, сверх того, осудили на вечное заключение; прочие разошлись по домам.

Если бы это дело не было окончено так скоро, то возмущение сделалось бы вскоре общим; провинции Упландская, Седерманландская, Смоландская и Сканийская были наготове также возмутиться, но так как первое восстание удалось так плохо, то остальные остереглись от обнаружения своих замыслов. Однако половина Швеции оставалась долго в интересах датского короля; это дошло до того, что когда генерал Кейт прибыл в Стокгольм, как я скажу далее, то одного из адъютантов его, посланного куда-то курьером, приняли за датского офицера, потому что на нем был красный мундир, и почтовые смотрители советовали ему остерегаться противной партии.

Сущность статей мирного договора, заключенного в Або между Россией и Швецией, заключалась в том, что последняя уступит России на вечные времена Кюменегордскую область и Нислотский округ в Саволакской области в Финляндии, что река Кюмень будет границей, которую определяют комиссары, назначенные обоими дворами. Над этим работали несколько лет, но дело о разграничении никогда не было окончено.

Принц Голштейнский, епископ Любский, был избран наследником шведского королевства лично и с его потомством. Это избрание поддерживал русский двор, поэтому он считал себя вправе вмешиваться более чем когда-либо в дела Швеции и даже предписывать этому королевству законы, но шведы скоро отделались от этого, и несогласия возобновились еще до истечения года.

Вслед за тем как армии был объявлен мир, фельдмаршал получил от двора приказание отослать обратно войска, находившиеся в Финляндии; генерал Кейт был послан в Або, чтобы определить их путь. Генерал-поручик Стоффельн, дошедший со своим войском до Улы, получил приказание возвратиться, и мало-помалу войска направились в Россию, но прежде нежели оставить Финляндию, они извлекли из этой страны все, что только могли, так как намерение двора было разорить эту провинцию и довести ее, несмотря на заключенный мир, до такого плохого состояния, чтобы она долго не могла оправиться; генералам было даже неоднократно приказано непременно исполнить это. Императрица, подавая, однако, вид, будто она желает восстановить полное согласие со своими соседями, велела раздать из магазинов, устроенных в Финляндии, несколько тысяч четвертей хлеба крестьянам, чтобы они имели возможность засеять свои поля.

По усмирении дела далекарлийцев полагали, что спокойствие в Швеции восстановлено, и фельдмаршал Ласи также получил от двора

приказание возвратиться с галерами в Петербург. К концу августа он оставил остров Дегерби, где армия его провела два месяца.

14 сентября флотилия галер прибыла к местечку, называемому Березовый остров, в 90 верстах, или 23 французских лье от Петербурга. Граф Ласи послал оттуда своего адъютанта ко двору за приказаниями, а также чтобы узнать, когда и каким образом он должен был вступить со своим флотом в столицу.

17-го флот вынес весьма сильную бурю, посадившую на мель шесть галер, которые совершенно были разрушены, две другие были совершенно повреждены, но никто не погиб, так как все солдаты были уже на берегу.

20-го фельдмаршал получил приказание отправить генерала Кейта с 30 галерами в Гельсингфорс, где он должен был дожидаться новых инструкций. Кейт двинулся 21-го, имея на своей эскадре один гренадерский полк, состоявший из десяти рот, взятых от разных полков, 9 пехотных полков, или 18 батальонов, что составляло вообще 11 000 человек. Генералы, командовавшие под его начальством, были: генерал-поручик Салтыков, генерал-майоры Лопухин и Стуарт.

Императрица послала фельдмаршалу Ласи свою собственную яхту, чтобы доставить его ко двору. Он сдал команду генералу Левашеву и отправился в Петербург, куда несколько дней спустя прибыли и галеры. Двор устроил большие празднества по случаю заключенного мира; празднование продолжалось несколько дней кряду, и войска по сдаче галер в адмиралтейство были размещены на зимние квартиры.

Возвращаясь к экспедиции генерала Кейта и к причинам этого распоряжения. Восстание далекарлийцев было, правда, усмирено, но еще не совсем окончено. Датский король двинул несколько отрядов войск к границам Швеции, и так как он имел приверженцев во многих провинциях, то весьма опасались нападения с его стороны. Это побудило короля и шведский сенат просить у петербургского двора о скорой помощи как для борьбы с датчанами, так и для окончательного усмирения внутренних смут. Генерал Дюринг был с этою целью послан в Петербург.

Российский двор с удовольствием воспользовался этим случаем доказать еще раз свое могущество; к тому же интересы его требовали поддержать избрание, сделанное в пользу принца Голштейнского. Поэтому двор повелел генералу Кейту отправиться туда. Сущность данных ему инструкций заключалась в том, что он должен был отправиться с 11 000 человек, состоявшими под его командой, как можно скорее в Швецию, состоять там исключительно в распоряжении короля и представлять рапорты по своему корпусу прямо ее императорскому величеству, и так как Россия не имела там министра, то ему было поручено исполнять в то же время и

эту должность. Он много пострадал со своим войском от холода и бури, которые ему пришлось вынести до прибытия на берега Швеции, и русские галеры, не бывавшие никогда в кампании позже начала сентября, были принуждены оставаться на море до конца ноября.

Никто, кроме Кейта, не справился бы с подобной экспедицией; ему приходилось бороться не только с противными ветрами, бурями и холодом, но даже с флотскими офицерами, которые часто являлись к нему с представлениями, что нет возможности плавать в такую позднюю пору. Кейт, служивший долго в Испании и совершавший походы на галерах этой страны, знал лучше всякого флотского офицера его эскадры, что возможно сделать (если только захотеть) с этой частью флота, но мнение его никем не поддерживалось. Он принимал возражения других, поручал представлять их письменно и, положив в карман не читанными, приказывал подать сигнал к отплытию; таким-то образом он прибыл 4 ноября на берега Швеции, в Фармунд. Он оставил свои галеры в этой гавани и отправился в Стокгольм, где получил распределение для зимних квартир, на которые должен был разместить русских генерал-лейтенант граф Салтыков; квартиры эти были распределены вдоль берегов в Седерманландии и Остерготики, полки не имели лошадей для перевозки обозов, а страну хотели избавить от труда поставлять подводы, следовательно, войска должны были совершить и этот переезд на галерах. Но время года было чрез меру суровое, поэтому суда вовсе не подвигались, полки были, однако, вынуждены оставаться на них до начала декабря, когда они сошли на берег в Стаке, небольшой гавани в четырех милях от Стокгольма; местные обыватели доставили подводы, и войска вступили на указанные им квартиры. Галеры были оставлены в Стаке, и два полка размещены по квартирам в окрестности, чтобы охранять их.

Русские войска оставались в Швеции до июня 1744 г.; когда дела между Данией и Швецией были окончены к этому времени миролюбиво, то Кейт получил приказание возвратиться в Россию. Обратное плавание его было счастливее, и он прибыл 13 августа со своим флотом в Ревель.

Я говорил только что об экспедиции Кейта и о делах Швеции, пора возвратиться к России.

В то время когда армия была в походе, в Петербурге открыли заговор против особы императрицы. В нем принимал участие маркиз Ботта, бывший министр венгерской королевы. Главные лица, составлявшие заговор, были: Лопухин, обер-кригс-комиссар флота, жена его, которая была в связи с графом Левенвольде и с огорчением видела, что любовник ее томился в заточении; Бестужева, невестка канцлера и родная сестра графа Головкина — она не могла

спокойно перенести несчастье брата; подполковник Лопухин, сын обер-кригс-комиссара, камергер по имени Лилиенфельд и жена его с некоторыми другими, менее знатными лицами. Эти люди говорили в своих собраниях все, что только можно себе представить дурного об императрице, они желали найти кого-нибудь, кто бы принял новый переворот и сделали к этому несколько попыток; говорили даже, что они подкупили лакея ее величества, который должен был убить ее, но так как я говорю это только по слухам, то и не могу выдавать всего за правду. Маркиз Ботта, вызванный из России и посланный к берлинскому двору, был с ними в переписке. Он начал, как уверяют, эту интригу по повелению своего двора до отъезда своего из Петербурга и подал заговорщикам надежду, что не только венгерская королева, но и король прусский поддержат это дело; он открыто упоминал о короле во всех своих письмах и уверял, будто его прусское величество очень желал, чтобы императрица была свергнута с престола и его зять и племянник возвращены из ссылки; однако король ничего не знал об этом деле.

Неосторожность подполковника Лопухина была причиною того, что все дело было открыто. Он пил за здоровье молодого императора в компании некоторых других офицеров и отзывался очень дурно о поведении императрицы. Нашлись люди, которые, желая сделать карьеру, передали все слышанное. Майор по имени Фалькенберг и кирасирский корнет Бергер первыми известили графа Лестока; им сказали, чтобы они сблизились еще более с подполковником Лопухиным и выведали от него всю его тайну; это удалось им, все участники заговора были арестованы, их судили: Лопухина, жену его, сына и Бестужева наказали кнутом, отрезали им язык и всех сослали в Сибирь.

Дело это едва не поссорило венский и петербургский дворы, но венгерская королева отеклась от всего, что министр ее говорил и делал по этому предмету, и подкупила Бестужева, который так сумел действовать в ее интересах, что оба двора сблизились более чем когда-либо. Чтобы дать какое-нибудь удовлетворение императрице, маркиза Ботта отозвали из Берлина и заключили на несколько месяцев в крепость.

Вслед за провозглашением мира со Швецией думали ввести все войска в пределы империи и распределить их по губерниям, но дела, возникшие между Швецией и Данией, помешали выполнению этого проекта. Большая часть пехоты была размещена по квартирам в окрестностях Петербурга и в Лифляндии; всем полкам приказали быть наготове двинуться следующей весной, и с этих-то пор Россия содержит в Финляндии, Ингерманландии, Лифляндии и Курляндии армию более чем в 120 000 человек, включая сюда и гарнизоны различных городов.

Глава IX

Приезд принцессы Цербстской. — Дело маркиза де ла Шетарди.

1744 г.

В начале 1744 г. двор отправился в Москву, и в феврале туда прибыла принцесса Цербстская со своею дочерью, которую она привезла, чтобы выдать ее замуж за великого князя. Императрица, желая, чтобы племянник ее женился, хотела дать ему в супруги немецкую принцессу; она послала своему министру в Берлине приказание переговорить по этому поводу с министрами короля; его величество король прусский предложил устроить брак с принцессой Цербстской, которая, будучи близкой родственницей великому князю, не отказалась от такого высокого союза. Дело было скоро покончено, мать привезла ее в Москву, где она приняла греко-восточную веру и сочеталась в 1745 г. браком с великим князем.

Несколько времени после приезда принцессы Цербстской к русскому двору с маркизом де ла Шетарди случилась там история, наделавшая много шума. Министр этот, принимавший (как я уже говорил ранее) большое участие в революции в пользу императрицы, льстил себе не без оснований надеждой, что ее императорское величество будет признательной за все, сделанное для нее Францией. Первые месяцы ее царствования было основание надеяться, что союз с французским королем будет предпочтен всякому другому. Покуда де ла Шетарди был в Петербурге, он был всемогущ при дворе, императрица не делала никакого различия между ним и своими собственными министрами, но когда он уехал, Аллион, занявший его место, не сумел продолжать начатое так хорошо маркизом де ла Шетарди и дела Франции мало-помалу стали упадать. Тщетно надеялись, когда открыли заговор, в котором был замешан маркиз Ботта, что удастся поссорить петербургский двор с венским. Граф Бестужев, канцлер российский, стоял так горячо за интересы австрийского дома, что такая безделица не могла заставить его перенести на другую сторону свою преданность; он даже нисколько не обсуждал предложений, сделанных версальским двором, и открыто объявил себя противником всех тех, кто стоял за Францию. Последние надеялись, в свою очередь, поставить дела в лучшее положение, вызвав опять де ла Шетарди. Они нашли случай предложить императрице, чтобы она выпросила его у французского короля. Она охотно согласилась на это, и таким образом маркиз де ла Шетарди был снова послан в Россию. Он и все приверженцы французской партии в Москве надеялись, что вскоре после приезда его

канцлер будет по крайней мере сослан. Де ла Шетарди был так убежден в этом, что проезжая через Гамбург и Копенгаген, говорил об этом как о деле решенном. Бестужев, предупрежденный о таких речах, был чрезвычайно осторожен, отнял у де ла Шетарди всякую возможность повредить ему и старался всеми средствами помешать его замыслам. Он подсылал к нему шпионов, велел следить за всеми его действиями и перехватывать его письма; наконец, сумел так ловко представить императрице, до какой степени она вредила себе, сближаясь с французским двором, и так уверил ее, что все, что он, Бестужев, ни предпринимал, делалось только для славы ее величества и для блага ее империи, что императрица вполне убедилась в правоте своего министра и решила выслать де ла Шетарди. Однажды рано утром генерал-аншеф и генерал-адъютант императрицы Ушаков отправился в дом, занимаемый французским министром, и передал ему приказание ее величества оставить ее столицу в течение двух часов; подводы и все остальное, необходимое для путешествия, было ему доставлено; гвардейский унтер-офицер был прикомандирован для конвоирования его до Лифляндии, где его задержали еще несколько месяцев; после этого его довели до границы, где у него потребовали обратно знаки ордена св. Андрея Первозванного и портрет императрицы, пожалованные ему в то время, когда он занимал в первый раз пост французского министра при петербургском дворе, но драгоценные камни с ордена и портрета не были взяты обратно.

С этих пор французский и русский дворы были в холодных отношениях друг к другу.

Дополнение к Запискам о России

*Обширность России. — Перепись жителей. —
Финансы. — Торговля. — Фабрики. — Рудники. —
Оружейные заводы. — Успехи наук
и академия. — Войско. — Артиллерия. —
Инженеры. — Флот. — Образ правления. —
Законы. — Общий дух русского народа.*

1727—1745 гг.

Легко может случиться, что в числе лиц, которые будут читать эти Записки, найдутся и такие, которые довольно плохо знают Россию или же, услышав и прочитавши о ней что-нибудь, составили себе совершенно превратное понятие как об этой нации вообще, так и обо всем, касающемся формы правления этой империи. Это побудило меня войти в некоторые подробности и изложить, насколько позволяют мои сведения, те перемены, которые произошли в ней в последние 60 или 80 лет.

Никто не станет спорить с нами о том, что Россия есть одно из самых обширных государств известной нам населенной части земного шара: она заключает в себе гораздо более земли, чем вся остальная Европа, взятая вместе; длина ее границ от Лифляндии до Камчатки, или края, противоположного Японии, превышает 12 000 верст, что составляет 1714 немецких миль*, а в ширину она простирается от 44 градуса северной широты до 70 градуса и далее.

Эта обширная империя, однако, не столь хорошо обработана и не так населена, как большая часть прочих областей Европы; в ней есть несколько пустых пространств в 20, 30 и даже 50 немецких миль, где не встретишь живой души, хотя часть этих пустынь лежит в очень хорошем климате и почва их самая благодарная. Правда, что в иных местах недостает леса и воды, зато в других есть все потребное для человеческой жизни, но недостает людей, которых можно было бы поселить там, и эта империя легко могла бы процветать втрое более жителей, чем сколько в ней теперь считается. Об этом можно судить по следующим подробностям.

---

* Я считаю 7 верст за 1 немецкую милю. — *Примеч. авт.*

По последней ревизии, произведенной в 1744 и 1745 гг., оказалось в областях, составляющих собственно Россию, 7 миллионов душ мужского пола, начиная от четырехлетнего до шестидесятилетнего возраста, которые платят подушную подать. Можно предположить, что женщин, малолетних и стариков будет 8 миллионов. Численность русского дворянства с его семействами доходит, вероятно, до 500 тысяч душ. Канцелярских чиновников и писцов, составляющих особый класс, насчитывают с их женами и детьми до 200 тысяч душ и духовенства с семействами — до 300 тысяч душ. На Лифляндию, Ингерманландию и Финляндию, которые не обложены подушной податью, полагают до 600 тысяч душ и на украинских, донских, якиских казаков, равно и на разные племена язычников, населяющих Сибирь, границы Китая и Японии, — 1 миллион 800 тысяч душ. Все это число, вместе взятое, составляет 18 миллионов 400 тысяч душ.

Доходы, получаемые государством с этих обширных владений, также не соответствуют величине империи; они могут доходить не более как до 12 или 13 миллионов рублей, что составляет около 65 миллионов французских ливров, считая пять ливров за рубль. Я прилагал большое старание, чтобы ознакомиться подробно с различными статьями дохода, и имел в виду сказать об этом что-либо верное, но я этого никогда не мог достигнуть: различные коллегии, заведующие доходами, сохраняют этот предмет в глубочайшей тайне.

Подушная подать собирается только с лиц мужского пола, начиная с четырех лет и до шестидесятилетнего возраста; в нее включены как мещане, так и крестьяне; с мещан взимается 120, а с крестьян 74 копейки с головы. По обыкновенному счету, рубль составляет 1 талер и 8 немецких грошей или 5 французских ливров. Сто копеек составляют один рубль.

Несколько лет тому назад императрица Елизавета увеличила подушную подать на десять копеек с головы для пополнения чрезвычайных расходов, которые ей пришлось сделать для формирования 50 новых батальонов.

Хотя эти доходы кажутся незначительными сравнительно с величиною империи, однако их достаёт не только на обыкновенные нужды государства, но и на чрезвычайные расходы.

Петру I доставало их на великие его предприятия и на те новые учреждения, которые он устраивал во время своего царствования. Это было тем легче, что большая часть его министров и даже сам канцлер служили без малейшего жалованья, а русские офицеры и солдаты получали самое ничтожное содержание.

Но в царствование Анны казалось, что скоро окажется в государстве недостаток в деньгах. Роскошь, введенная в самом начале ее царствования, стоила громадных сумм; в то же время увеличили жалованье всем офицерам, которых уравнивали во всем, как я сказал

выше. Однако нашлось достаточно средств для ведения войны с Польшей и с турками, причем обошлись без новых налогов.

Граф Миних, стоявший во главе военных сил, устроил дела так хорошо, что армия, которой платят в мирное время по третям, и то по истечении срока, получала содержание за каждый месяц вперед, и двор имел еще средства раздавать награды всякий раз, как войска переносили чрезвычайные трудности или совершали что-нибудь замечательное. Так, например, вся армия, бывшая под командой фельдмаршала Миниха в Крыму, в 1736 г. получила третное содержание. Войску, взявшему Очаков, пожаловано столько же; гарнизон, защищавший эту крепость от турок, был награжден в тех же размерах, не считая значительных подарков генералам и другим офицерам, розданных в разное время.

Надобно, однако, сознаться, что нельзя было бы поступать так и на будущее время, если бы пришлось совершить еще два похода против турок, так как расходы по этой войне были весьма значительны, как это можно усмотреть из моего повествования об этих кампаниях.

Надобно однако сознаться, что русская армия не могла бы выдержать несколько лет кряду походов вдали от собственных своих границ, особенно в землях, где продовольствие и все необходимое для содержания войска дороже, чем в России, так как жалование, достаточное, покуда армия находится в стране, где все очень дешево, становится слишком неудовлетворительным, когда войска вступают в землю, где все дороже. Поэтому двор был принужден увеличивать содержание наполовину всякий раз, когда приходилось отрядить несколько вспомогательных корпусов, как это было в царствование Анны, когда она послала восемь пехотных полков на Рейн, в 1735 г., в царствование Елизаветы, когда Кейт был отправлен с 11 000 человек в Швецию, и когда, в 1748 году, вспомогательный корпус войск выступил на помощь австрийскому дому против Франции. Вообще легко доказать, что в России недостает наличных денег, так как нет ничего обыкновеннее, как платить двенадцать, пятнадцать и даже двадцать процентов в год.

При прежних царях доходы были еще меньше, нежели теперь; они увеличились лишь со времени Петра I. Бесперывные войны, которые этот государь вел во все свое царствование, и великие его предприятия принудили его увеличить более чем вдвое подати, платимые его государством.

Одну из главных причин, почему деньги так редки в России, составляет подозрительность — недостаток, преобладающий в этом народе; русские не доверяют даже и ближайшим родственникам; множество купцов, нажив деньги торговлею, зарывают их в места, известные им одним, и умирают, большею частью не открыв того

никому. Таким образом, в России предполагают, что в недрах ее земли заключается несравненно более денег, нежели их находится в обращении в народе, иначе империя эта должна бы быть чрезвычайно богата, так как в течение 200 лет в нее поступили громадные суммы, а деньги вывозятся лишь в том случае, когда войска посылаются за границу, что, впрочем, составляет безделицу в сравнении с остальными. Из европейских наций, торгующих с Россией, нет ни одной, торговый баланс которой не склонялся бы в пользу этой империи.

Что же касается торговли, то Россия имеет такое выгодное положение и представляет столько удобств, что весьма немногие государства Европы могут с нею сравниться в этом отношении. Обширное протяжение этой империи доставляет ей невероятное множество товаров и почти все необходимое для жизни, так что даже если одна область терпит недостаток в чем-либо, то другая легко может пополнить его. В ней множество судоходных рек, расположенных так выгодно, что от Петербурга до границ Китая можно перевозить все водою, исключая небольшое пространство в 500 верст, или около 70 немецких миль, что чрезвычайно облегчает провоз съестных припасов и товаров.

Самый провоз сухим путем обходится очень дешево, и от Москвы до Петербурга, на расстоянии более чем в 100 немецких миль, платят обыкновенно зимою, когда все провозится по санному пути, с пуда (или сорока фунтов) восемь, девять и, самое большое, двенадцать копеек, что составляет четыре немецких гроша, или немного более половины французского ливра.

Благодаря этой дешевизне, внутренняя торговля империи, как оптовая, так и розничная, всегда была предоставлена русским подданным и иностранцы никогда не получали дозволения ввозить свои товары внутрь страны или покупать русские товары в областях и потом перевозить их на свой счет к приморским пристаням. По закону ни один иностранный купец не имеет права даже покупать в морских пристанях русские товары от другого иностранца, а должен скупать их у русских. Иностранцу дозволяется, правда, законтраговывать товары в каком-нибудь провинциальном городе, но самые товары выдаются ему не иначе, как на пристани.

Российские государи постоянно старались обеспечить эту торговлю за своими подданными, и когда англичане в 1716 г. ходатайствовали о предоставлении им права свободной торговли с Казанью и Астраханью, то Петр I счел за лучшее отказаться от выгодного союза, который он мог бы заключить с Англией, чем удовлетворить подобную просьбу.

Одним только армянам дозволено перевозить персидские товары из Астрахани в Петербург, нагружать их тут на суда, идущие за

границу, и точно таким же образом вывозить оттуда товары, доставляемые им из Европы, однако принимают большие предосторожности для того, чтобы они не могли ничего продавать в России. Тюки их запечатываются несколькими печатями в той русской гавани, куда они приходят, и армяне обязаны представить их в этом виде в том порту, откуда они отправляют товар. Так как эта торговля доставляет значительный доход таможене и не приносит никакого ущерба русским подданным, то ее всегда оставляли неприкосновенной. Несколько лет тому назад и англичанам разрешено вести торговлю с Персией на Каспийском море, но они также не смеют продавать свои товары в России.

Торговля русских с иностранцами разделяется на сухопутную и морскую. Русские торгуют сухим путем с Китаем, калмыками, бухарцами, с Персией, Крымом, Турцией, Польшей, Силезией и Пруссией. Для морской торговли существует ныне десять портов, именно: Рига, Пернов, Ревель, Нарва, С.-Петербург, Выборг, Фридрихсгам, Архангельск, Кола и Астрахань. В эти порты приходит ежегодно до 1700 иностранных судов.

Первый торговый трактат Россия заключила с Англией в царствование королевы Елизаветы; в это время и даже до начала нынешнего столетия Россия имела одну только известную гавань — Архангельск; но Петр I, покорив Лифляндию, Ингерманландию и Финляндию, приобрел с этими провинциями несколько других портов и захотел сделать Петербург складочным местом всех товаров, которые получают из его обширных владений. Этот государь старался вначале склонить своих подданных перевозить товары в его новую столицу; для этого он даровал им многие привилегии и уменьшил таможенную пошлину на те товары, которые они стали бы перевозить в Петербург, но русские купцы никогда не могли решиться на подобную перемену. Чтобы принудить их к этому, императору пришлось употребить свою власть. В 1722 г. он запретил именным указом перевозить в г. Архангельск какие бы то ни было товары кроме тех, которые добывались в пределах этой губернии. Этот указ вызвал сначала сильный ропот между русскими и иностранными купцами и был причиною многих банкротств, но, привыкнув мало-помалу съезжаться в Петербург, купцы нашли его выгоднее для себя, нежели Архангельск, к которому суда могли приходить лишь раз в год, тогда как они могут совершать два путешествия в Петербург, не считая других выгод, которые торговцы могут извлечь от близости нескольких торговых городов, а ими они не могли пользоваться вследствие отдаления их в Архангельске от всей остальной Европы.

Главнейшие товары, вывозимые из России, суть следующие: хлеб, кожа, железо, холст, пенька, лес, поташ, смола, сало, воск, мед,

множество пушных товаров, ремень, шкуры, икра, рыбий клей, рожи и т. п.

Взамен русские получают из-за границы: сукна, тонкое полотно, пряности, вино и вообще все необходимое для роскоши, что составляет теперь значительную статью привоза, как это можно было заметить, читая эти Записки.

В течение двух лет, 1740 и 1741 гг., когда делами торговли управлял барон Менгден, ежегодный доход России простирался до 300 000 рублей, не считая в этом числе таможенных пошлин. Доход этот мог бы значительно увеличиться, если бы русский народ не предпочитал своего спокойствия опасностям мореплавания. Петр I во время своего царствования старался всеми силами сделать своих подданных хорошими купцами и склонить их, чтобы они сбывали произведения его государства не через посредство иностранцев, но сами нагружали товарами суда, построенные в России, и отвозили эти товары за границу, как это делают все прочие торговые нации.

Император сделал попытку к этому уже в начале нынешнего столетия; он послал русского купца Соловьева в Амстердам с целью основать там русскую контору, а для того чтобы облегчить ему успех, ему не только дали несколько поручений от двора, но предоставили значительные привилегии по торговле его с Россией. Так как Соловьев был человек весьма ловкий и обладавший необходимым запасом ума, то он сумел так воспользоваться всеми обстоятельствами, что нажил в несколько лет значительный капитал. Его честный образ действий приобрел ему дружбу и доверие всех купцов Голландии. Но когда Петр I был в Амстердаме в 1717 г., то несколько придворных сановников, не любивших Соловьева за то, что он не потворствовал их корысти, нашли средство очернить его в глазах императора, который велел схватить этого купца, посадить на судно и увезти в Россию. Это было причиной совершенного упадка русской торговли в Голландии, и все амстердамские купцы стали опасаться иметь дело с русскими торговцами, так что не было уже возможности основать там прочное заведение.

Петр I хотел испытать другое средство: он вознамерился продавать товары своей империи в тех государствах, которые не вели непосредственной торговли с Россией, и заставил самых богатых негоциантов своей страны нагрузить значительное количество пеньки, льна, канатов, воска и т. д. на суда, доставленные им от адмиралтейства; к этому он прибавил множество чугунных пушек, мортир, бомб, ядер и якорей и послал все это в Бордо и Кадикс, куда заранее были отправлены русские консулы, но предприятие удалось так плохо, что издержки поглотили значительную часть капиталов, а участники дела получили очень мало прибыли.

Наконец, государь этот надеялся внушить своим подданным склонность к заграничной торговле и мореплаванию, издав указ, в котором было постановлено, что в случае если русский подданный захотел бы вести торговлю на свой счет на судне, построенном в России, то в его пользу будет уменьшена на одну четверть пошлина, которую он должен будет уплатить в таможене как за русские товары, посылаемые им за границу, так и за иностранные, привезенные на своем судне в Россию; но эта мера ни к чему не повела, так как при жизни императора ни один купец не рискнул предпринять поездку морем.

В царствование Анны несколько русских хотели испытать этим путем счастья, но неумелость мореходов, бывших на судах, доходила до того, что все корабли погибли и большая часть из них потерпела крушение даже в виду Кронштадта. Эта неудача внушила русским такое отвращение к мореплаванию, что с того времени никто уже не хотел отважиться на малейшее предприятие.

Самую значительную торговлю в России ведет Англия, хотя это доставляет ей мало прибыли, так как она вывозит из этой страны товаров по крайней мере в шесть раз более, нежели сколько она посылает туда. Сами англичане сознаются в этом, но необходимость заставляет их поддерживать эту торговлю, так как они не могут обойтись без русских товаров как для собственного своего флота, так и для торговли с Индией и Италией.

Одна из главных забот Петра I в отношении торговли состояла в том, чтобы уменьшить, насколько возможно, ввоз иностранных товаров в его владения. Чтобы достигнуть этого скорее, он хотел устроить в России все фабрики, которые существуют в прочих государствах Европы. С этой целью он велел вызвать всевозможных мастеровых и ремесленников из разных стран и назначил им значительное содержание со всеми привилегиями, которые они могли пожелать.

Он послал также многих из своих подданных за границу, с тем чтобы они изучили различные ремесла. В особенности император желал, чтобы в России выделялись хорошие полотна и сукна; узнав, что шерсть была слишком груба от того, что овцы смешивались с козами, он велел вызвать нескольких пастухов из Саксонии и Силезии, купить в этих странах множество овец и отправить их в Украину, чтобы завести там лучшую породу овец.

Относительно полотен и скатертей были сделаны такие успехи, что этого мануфактурного произведения достает не только на всю страну и на флот, но и для отпуска в большом количестве за границу.

Выделка сукна не пошла столь успешно: оно не только весьма дурного качества, но его недостает даже и на обмундирование самой меньшей части армии. Кроме того, были основаны фабрики для

выделки камки и всяких других шелковых материй; все работавшие на них ремесленники пользовались очень большими привилегиями и преимуществами.

В царствование же Петра I началось разрабатывание рудников; простой кузнец по фамилии Демидов основал первый горный завод. Человек этот, бывший кузнецом при артиллерийском корпусе, бежал из полка и был вынужден скрыться в земле Контаиша, где он так сумел втереться в дружбу к калмыкам, что они дозволили ему разрабатывать чрезвычайно богатые медные и железные рудники, находящиеся в их стране. Впоследствии он был помилован русским двором и все еще сохранил доверие Контаиша: он даже дозволил Демидову укрепить окрестности рудников, чтобы дать ему средство защищаться от неприятельских партий, которые вздумали бы тревожить его. Поселение это сделалось мало-помалу столь значительным, что сын этого Демидова имеет теперь 100 000 рублей годового дохода и Россия, получавшая некогда все необходимое для нее количество меди и железа из Швеции, добывает у себя теперь совершенно достаточное количество этих металлов и может даже производить ими значительную торговлю за границей.

В царствование Анны рудники значительно увеличились; были открыты новые прииски в Сибири; императрица вызвала из Саксонии барона Шемберга для приведения их в порядок и поручила ему главное управление этим делом. Шемберг, заведовавший рудниками в Саксонии, знал основательно все, что необходимо для этих работ, и устроил их наилучшим образом, но так как двор отдал ему в то же время эти рудники в аренду, то он много приобрел через них и захотел жить сообразно получаемому доходу; это открыло глаза министерству, которое увидело, что заключенный контракт был слишком выгоден для Шемберга, а двор получал от него мало прибыли.

Уже в царствование Анны начали привязываться к Шембергу, но тогда не удалось сделать его несчастным; наконец в царствование Елизаветы враги нашли средство не только нарушить контракт, двором с ним заключенный, но даже арестовать и отдать Шемберга под суд. Он просидел год в тюрьме и считал себя весьма счастливым, что получил свободу и позволение возвратиться в Саксонию, отказавшись от всего нажитого богатства. Между тем двор пользуется улучшениями, введенными Шембергом в горном деле, и извлекает из этих рудников значительные доходы.

В числе заводов, основанных в царствование Петра I, одним из самых замечательных является оружейный. Прежде Россия вовсе не имела подобного завода и была вынуждена выписывать все нужное оружие из-за границы. Но когда Петр I создал армию и построил флот, то ему пришлось позаботиться и о выделке оружия в своих

владениях, и так как железо в них имеется превосходное, то ему нужны были лишь хорошие оружейные мастера. Он вызвал из-за границы лучших мастеров этого дела, назначил им большое жалование и основал два завода: один в Туле, маленьком городке, лежащем в 180 верстах по ту сторону Москвы, и другой в Систербеке, небольшом городе или, скорее, деревне в 27 верстах от Петербурга. В этих двух местностях все устроено так хорошо, что, по мнению знатоков, их осматривавших, это в своем роде образцовые заводы; они приводятся в движение водяными мельницами.

В Туле делают все нужное для сухопутного войска; дула огнестрельных оружий превосходны, но до сих пор не умеют делать хороших ружейных замков. Систербекский завод, предназначенный преимущественно для флота, пришел в упадок в царствование Екатерины и Петра II, так как лучшие мастера, вызванные Петром I с большими издержками из-за границы, умерли, были отосланы или уволены в отставку. Императрица Анна пожелала возобновить работы, поручила это дело генерал-поручику артиллерии Геннину и вызвала снова оружейных мастеров из-за границы; им было дано несколько русских для обучения мастерству. Геннин прилагал всевозможное старание, чтобы привести дела в порядок, но когда я оставил Россию, Систербек не был еще в том положении, в котором он остался при кончине Петра I.

Этот государь основал еще несколько других больших заводов в разных местах Сибири, близ железных рудников: самый значительный из них — Екатериненбург, новый город, построенный в 1721 г. Он лежит в 550 верстах от Тобольска, в провинции Угории, посреди Уральских гор; там приготавливают преимущественно чугунные пушки и якоря для флота, выделяют сталь, полосовое железо и т.п. Все машины, нужные для этих работ, также приводятся в движение водяными мельницами. Большая часть мастеровых — иностранцы, выписанные Петром I с большими издержками из-за границы, которым платят весьма значительное жалование.

Говоря о новых учреждениях, основанных в России, я не могу не сказать несколько слов об успехах наук в этой империи.

При вступлении на престол Петр I застал весь свой народ в самом грубом невежестве; даже священники едва умели писать; главнейшие качества, требуемые в то время от духовного лица, заключались в том, чтобы он мог бегло читать и знал хорошо все церковные обряды; если при всем этом у него была густая борода и суровый вид, то он считался уже великим человеком. Одно только украинское духовенство имело некоторую тень образования, но и то в весьма незначительной степени; тем не менее этих людей пришлось употребить для просвещения остальных. Петр I, желая, чтобы его подданные, в особенности духовенство, были более образованы,

поручил рязанскому архиепископу Стефану Яворскому основать школы при московских монастырях и в других подходящих местах. Архиепископ вызвал наставников из Киева и Чернигова, и началось обучение юношества, подвигавшееся, впрочем, очень медленно.

Несколько лет спустя император, считая себя вправе быть недовольным этим архиепископом за то, что он не соглашался на изменения, которые этот государь желал ввести в управление церковью, лишил его своего доверия. В 1709 г., после счастливой Полтавской битвы, он нашел в киевском монастыре монаха по фамилии Прокопович, который в молодости не только обучался в Польше у иезуитов, но даже провел несколько лет в Риме и бывал в различных академиях Италии, где приобрел большую ученость; император думал, что это духовное лицо более подходит к его целям, вызвал его в Петербург, пожаловал в настоятели вновь построенного близ этой столицы Александро-Невского монастыря и поручил ему в то же время основать в России хорошие школы и академии.

Прокопович начал с обучения нескольких молодых людей в школе, устроенной в его собственном доме; когда они оказали некоторые успехи, то он отправил их в иностранные академии, где они могли бы приобрести столько сведений, чтобы по возвращении на родину занять должности профессоров или наставников в тех академиях, которые намеревались основать в России. В ожидании этих новых заведений он велел продолжать обучение юношества в монастырях, где им преподавали латинский язык и первые основания философии.

Прокоповичу не удалось, однако, исполнить своего намерения; некоторые молодые люди, посланные им за границу, вовсе не возвратились, те же, которые приехали назад, не приобрели настолько сведений, чтобы иметь возможность обучать других, поэтому дело на этом и остановилось.

Петр I полагал вначале, что для образования дворянства достаточно заставить его путешествовать, поэтому возвратясь из своего первого большого путешествия, он послал всех молодых людей самых знатных семейств империи во Францию, Англию, Голландию, Италию и Германию для приобретения там познаний, но так как большая часть этих молодых людей была очень дурно воспитана, то они возвратились почти такими же, какими уехали. Это доказало императору, что прежде чем посылать их путешествовать, следовало дать им сперва образование более удовлетворительное. Приблизительно около этого времени в Москву был привезен лифляндский пастор Глюк; человек этот, обладавший познаниями и сведениями в такой только мере, как любой деревенский священник, сумел однако же прослыть за гениальную личность, потому что знал основательно русский язык. Петр I обратил на него внимание и поручил

ему основать школы, в которых молодые дворяне могли бы получать образование. Глюк предложил ему устроить школу по образцу тех, какие он видел в лифляндских городах, где молодые люди обучаются латинскому языку, катехизису и другим предметам учения. Император одобрил этот проект, назначил значительную сумму денег для платы учителям и дал в Москве большой дом, где должна была помещаться школа. Тогда Глюк вызвал несколько студентов богословия лютеранского вероисповедания и при обучении в своей новой школе следовал во всем правилам шведской церкви, а для того чтобы нисколько не уклониться от них, перевел даже несколько лютеранских гимнов весьма плохими русскими стихами; учеников своих он заставлял петь эти гимны с большим благоговением при начале и при окончании занятий.

Подобный порядок был до того смешон и успех этого нововведения так жалок, что Петр I не мог вскоре не заметить этого. Поэтому он закрыл школу и снова предоставил обучение детей родителям. Так как в это время в России было множество пленных шведских офицеров, в числе которых было много весьма образованных, но совершенно не обеспеченных людей, то они охотно поступали к знатым лицам для воспитания их детей, и это дало гораздо лучшие результаты, нежели все школы, основанные прежде.

В 1717 г., будучи во Франции, Петр I был принят в число членов Парижской Академии наук, что внушило ему желание основать подобную же академию в Петербурге. Понятия этого государя о науках были не довольно ясны, так что он не мог решить, какие из наук более всего годились для его государства, и его беседы с некоторыми учеными, не знавшими вовсе России, еще более спутали его понятия. Наконец в 1724 г. он решил основать в Петербурге академию, взяв во всем за образец парижскую; чтобы придать сразу некоторый блеск своему новому учреждению, он пригласил в члены несколько ученых, пользовавшихся громкой известностью, каковы: Вольф, Бернулли, Германн, Делиль и т.д. Он назначил им большое жалованье и определил на содержание академии ежегодную сумму в 25 000 рублей, ассигнованную на доходы с таможен Нарвы, Пернова и Дерпта.

Императору не было суждено иметь удовольствие при жизни увидеть осуществление этого намерения. Первый врач его Блументрост, которого он назначил президентом академии с ежегодным жалованьем в 3 000 рублей, имел настолько влияния, что ему удалось открыть академию в царствование Екатерины, и хотя большая часть министерства была против этого учреждения, считая его совершенно ненужным для пользы государства, однако Блументрост сумел поддержать его и в царствование Петра II. Когда императрица Анна вступила на престол, Блументрост попал в немилость, но

так как академия была основана Петром I, то Анна желала сохранить ее; мало того, что она утвердила за академией ежегодное содержание в 25 000 рублей, она уплатила еще все ее долги, доходившие до 30 000 рублей, и назначила президентом графа Кейзерлинга. Несколько лет спустя Кейзерлинг был послан министром в Польшу, и место президента занял камергер барон Корф. Когда он был послан в Копенгаген, то его заменил тайный советник Бреверн. Множество дел, которые лежали на этом министре, не дали ему возможности долго занимать эту должность; он отказался от нее, и академия оставалась несколько лет без президента, до тех пор куда императрица Елизавета не назначила на эту должность графа Кирилла Григорьевича Разумовского, брата обер-егермейстера.

Хозяйственная часть академии была постоянно в весьма странном положении; мы видели выше, что императрица Анна при восшествии на престол пожаловала 30 000 рублей для уплаты долгов академии; несмотря на это, когда Корф уехал в Данию, на ней числилась та же самая сумма в долгу, и хотя императрица Елизавета ассигновала снова значительную сумму на уплату долгов, однако дела от этого не пришли в лучший порядок.

Россия не извлекла до сих пор никакой существенной пользы от этих больших учреждений. Все плоды, принесенные академией взамен тех громадных сумм, которые она получила в течение двадцати восьми лет, заключаются в том, что русские имеют календарь, составленный по петербургскому меридиану, что они могут читать газеты на своем языке и что несколько немецких адъюнктов, вызванных в Петербург, оказались сведущими в математике и философии настолько, чтобы заслужить ежегодные оклады в 600 и 800 рублей; между русскими найдется не более одного или двух человек, способных занять должность профессора. Наконец, эта академия не так устроена, чтобы Россия могла когда-нибудь ожидать от нее хотя малейшей пользы, так как в ней не занимаются преимущественно изучением языков, нравственных наук, гражданского права, истории или практической геометрии — единственных наук, полезных для России; вместо того разрабатывают более всего алгебру, умозрительную геометрию и другие отрасли высшей математики, разрешают критические задачи о жилищах и языке какого-нибудь древнего народа или делают анатомические наблюдения над строением человека и животных. Так как русские считают все эти науки пустыми и ненужными, то не удивительно, что они не имеют никакого желания обучать им своих детей, хотя все предметы преподаются бесплатно. Это доходит до того, что в академии бывало часто более профессоров, нежели учащихся, и ей приходилось вызывать из Москвы нескольких молодых людей, которым давали жалованье для поощрения к учению и для того, чтобы хотя кто-нибудь присутствовал на лекциях профессоров.

Из всего этого можно вывести то заключение, что несколько хороших школ, учрежденных в Москве, Петербурге и некоторых других провинциальных городах, где преподавались бы обыкновенные науки, были бы гораздо годнее и полезнее для России, нежели Академия наук, стоящая ей таких больших сумм и не приносящая никакой существенной пользы.

Петр I учредил еще в Петербурге морскую академию под руководством двух англичан — Брадлея и Фергюсона; заведение это было одним из лучших в своем роде, но не продержалось долго и пришлось в упадок еще при жизни императора. Несколько искусных землемеров, образованных этой академией, — вот единственные плоды, ею принесенные. Инженерные и артиллерийские училища, основанные в Москве и Петербурге, поддерживаются лучше всего, и так как русская нация более склонна к артиллерии, нежели ко всякой иной науке, то в этих заведениях многие приобрели большие познания.

Перехожу к преобразованиям по военной части. При вступлении на престол Петра I в его царстве почти не было налицо другого войска, кроме стрельцов. Это войско было образовано отцом царя Михаила Федоровича, патриархом Филаретом, для того, чтобы держать в повиновении вельмож и дворянство. Их всего ближе можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражении и имели почти одинаковые с ними преимущества; число их доходило до 40 000 человек, разделенных на несколько полков. Часть стрельцов составляла гвардию царя, а прочие стояли в гарнизонах пограничных городов. Вооружение их состояло из мушкетов и сабель; жалованья они получали не более четырех рублей в год, но так как им были даны большие преимущества по торговле, то они легко могли существовать; даже многие богатые обыватели поступали в это войско, которое не несло никакой службы в мирное время, а на случай войны им было легко отделаться от похода: стоило только поднести значительный подарок своему начальнику и поставить кого-нибудь на свое место. Так как это войско было образовано для противодействия вельможам, то с самого учреждения его было обращено внимание на то, чтобы во главе его стояли только люди выслужившиеся или иностранцы, отличившиеся в войне с Польшей, что и внушило дворянству настоящую ненависть к этому войску; ни один дворянин не хотел никогда служить в нем, считая постыдным состоять под началом у людей менее знатного происхождения.

Россия долго не имела в мирное время другого войска, кроме этой пехоты, однако в резерве бывало всегда довольно много полковников и других офицеров, большею частью иностранцев, которым в мирное время платили небольшое жалованье. Перед началом какой-нибудь войны каждому полковнику назначался округ, в котором он должен был сформировать свой полк; каждая деревня была

обязана выставить ему известное число людей, которых он вел на войну. Нетрудно понять, что люди эти были плохо обучены, дурно одеты и вооружены; каждый брал то оружие, которое попадалось ему под руку; весьма немногие имели огнестрельное оружие, большинство было вооружено топорами, называемыми по-русски «бердыши», прочие шли на войну с одними дубинами. Можно себе представить, что подобное войско не могло оказывать больших услуг, поэтому его употребляли более для охраны обоза; тотчас по окончании похода каждый солдат возвращался в свою деревню, и если война продолжалась дольше, то приходилось к следующему походу формировать снова полк. Словом, войско это можно сравнить лишь с теми, которые турецкие паши ведут на войну из своих провинций; разница та, что последние лучше вооружены и храбрее.

Все это касается одной только пехоты.

Кавалерия же состояла из мелкопоместного дворянства, называемого по-русски «боярские дети», они были рассеяны во всех провинциях, где у них были собственные поместья. С объявлением похода каждый отправлялся к общему сборному пункту с известным числом слуг, смотря по величине его поместья. Эти люди не получали никакого жалованья и должны были жить и содержать своих слуг на собственный счет все время, покуда продолжалась война. Обыкновенное оружие их составляли луки и стрелы, сабли и полупики; у иных было огнестрельное оружие, т. е. в том случае, если они могли заплатить за него. Подобная кавалерия не устояла бы против обученного неприятеля, но татары и поляки, с которыми русским приходилось более всего воевать, были не лучше их, поэтому они держались довольно хорошо.

Кроме этой кавалерии, составленной из дворянства, Россия держала еще несколько тысяч татар, которые покорились после завоевания Казанского царства, сохранив за собою свободу вероисповедания.

В случае, если бы царям понадобилась еще более многочисленная кавалерия, они могли взять на жалованье множество калмыков, которым давали только по рублю в год и по овчинному тулупу на человека. Наконец, когда казаки отдались под покровительство России, то войска увеличилось более чем на 100 000 всадников.

Некоторые из древних царей имели телохранителей — иностранцев, между прочим и Иван Васильевич II, которого историки несправедливо прозвали тираном, тогда как государь этот был один из великих правителей России.

Еще царь Михаил Федорович в последние годы своего царствования и сын его, Алексей Михайлович, намеревались поставить свою армию в другое положение. Во время войны, веденной ими с Польшей, они образовали несколько пехотных полков по образцу

других европейских войск и поручили начальство над ними иностранным офицерам. Бутырский полк существовал уже с 1642 г., командиром его был некто д'Альсиель. Полк этот состоял из 52 рот, в каждой роте числилось 100 человек. Существуют также старинные списки первого московского полка от 1648 г., начальником его был генерал Дромонд.

Царь Алексей Михайлович велел перевести на русский язык книгу о военном искусстве (изданную на немецком языке) для обучения по ней офицеров; а для вооружения своей кавалерии он выписал из Бресции 8 000 винтовок, которые и теперь еще находятся в Москве. Но так как в то время приходилось остерегаться стрельцов, смотревших на новые войска с большой завистью, и бояре, имевшие большое влияние при дворе, не соглашались лишиться совершенно своих крестьян, которые, по старому положению, были обязаны служить только во время войны и покуда длился поход, а всесильное духовенство опасалось, чтобы иностранные еретики не приобрели слишком большого влияния над умом их государя, то поэтому преобразование не пошло далеко.

В царствование же Алексея Михайловича в Россию прибыло около 3 000 шотландцев (оставивших Великобританию после поражения и заключения в тюрьму короля Карла I). Их приняли очень хорошо, отвели им место возле самой Москвы, где они построили себе дома и образовали часть этого большого города, известную под названием иностранной слободы, т.е. места жительства иностранцев. Когда на престол вступил Петр I, то различные смуты, волновавшие вначале его государство, заставили его отдаться в руки иностранцев и отказаться от предрассудков, помешавших его отцу и деду привести в исполнение задуманные ими проекты.

Лишь только государь этот отделался от стрельцов*, как первую заботою его было уничтожить предрассудок высшего дворянства относительно их происхождения, так как они считали унижением для человека знатного рода служить под началом у лиц низшего сословия. Чтобы достигнуть этого, он употребил следующий способ.

Он образовал из молодых людей, воспитываемых по тогдашнему обычаю вместе с ним, роту в 50 человек под именем Потешной, или служащей для забавы; он одел и обучал ее на иностранный лад и объявил в то же время, что не желает иметь никаких преимуществ перед своими товарищами. Он начал службу не только с мушкета, т.е. рядовым, но был даже барабанщиком. Он вручил всю свою власть относительно повышения военных чинов в руки князя Ромоданов-

---

* Так как в записках о царствовании Петра I описана казнь стрельцов, то здесь было бы излишне говорить о ней. — *Примеч. авт.*

ского, который должен был производить его по заслугам и без малейшего снисхождения; и князь Ромодановский до самой смерти своей в 1718 г. производил Петра I в чины генерала или адмирала, которые императору угодно было принять.

Таким образом император достиг своей цели, так как дворянство, видя, что государь его не терпел никакого отличия по службе, также подчинилось этому, и хотя все еще не могло забыть преимуществ своего происхождения, однако стыдилось придерживаться того, от чего отказывался сам государь.

Петр I увеличивал мало-помалу свою роту и образовал два пехотных полка, объявив их своею гвардией, в 1706 г. Командиром первого был Бломберг, а второго — фельдмаршал князь Голицын; оба полка были обмундированы, вооружены и обучены наподобие прочих европейских войск; несколько времени спустя он образовал еще другие пехотные полки, поставил их на ту же ногу и приказал всем своим министрам при иностранных дворах пригласить на его службу столько офицеров, сколько они найдут. В несколько лет у него было уже много весьма хороших офицеров.

Император хотел также преобразовать кавалерию на европейский лад. С этой целью он принял на службу несколько сот саксонских кавалеристов, которые должны были служить образцом, но убедившись, что в России не доставало лошадей для ремонта и содержания тяжелой кавалерии, а выписывать их из-за границы стоило бы слишком дорого, поневоле отказался от этой мысли и удовлетворился формированием драгунских полков.

Из иностранцев, приехавших в Россию, главным был фельдмаршал Огильви; этому генералу обязаны первоначальным введением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте.

Что же касается драгун, то они были поручены курляндцу генералу Ренне, но так как почти все офицеры, и в особенности генералы, поступившие на службу Петра I, служили только в пехоте, то на кавалерийское учение и эволюции обращали мало внимания и драгуны делали только пешее учение, не умея почти вовсе делать эволюции верхом.

Когда императрица Анна сформировала три кирасирских полка, то драгуны выучились от них эволюциям, и в настоящее время учение делается лучше, чем прежде.

За несколько лет до своей кончины Петр I устроил для армии постоянные квартиры в тех областях своей империи, где полки должны были стоять в мирное время; там построили дома для начальников и предполагали устроить большие деревни, в которых жили бы солдаты. Деревни эти никогда не были вполне отстроены, и полки, распределенные по областям с 1723 по 1732 гг., были впоследствии размещены в городах и соседних селах.

Петр I устроил это по примеру шведов (мне кажется, я говорил уже в своих записках, что император этот намеревался подражать во всем устройству шведов, но большие затруднения, которые он встретил, заставили его отказаться от этого намерения). При императрице Анне постоянные квартиры были совершенно оставлены, и до сих пор о них еще не думали.

Когда Петр I скончался, армия его состояла из 2 гвардейских полков, из коих в первом было 4, а во втором 3 батальона, из 50 пехотных полков, 30 драгунских, 67 гарнизонных и 6 полков милиции, так что во всей армии могло числиться до 196 000 человек.

В царствование Екатерины и Петра II не было сделано значительных преобразований по армии, но императрица Анна, вступив на престол, начала (как я сказал в истории ее жизни) с увеличения гвардии 5 эскадронами кавалерии и 3 батальонами пехоты. Несколько времени спустя она сформировала 3 кирасирских полка и увеличила милицию 14 полками для охранения границ Украины. При кончине ее русская армия доходила до 240 000 человек.

В царствование этой государыни благоразумными распоряжениями фельдмаршала Миниха и командовавших под его начальством генералов было довершено введение порядка и дисциплины в армии, и все видевшие ее были принуждены сознаться, что русская пехота была одна из лучших в Европе.

Россия имела в то время таких хороших генералов, что подобные им были в немногих других государствах Европы. Миних, Ласи, Кейт и Левендаль прославились настолько, что имена их перейдут к самому отдаленному потомству, не говоря уже о прочих генералах, бывших у них под начальством, между которыми многие сделали бы честь любому войску в мире.

Императрица Елизавета по восшествии своем на престол была принуждена уступить настояниям некоторых старых русских генералов, и в особенности фельдмаршала князя Долгорукого, который советовал ей оставить новые учения и вообще все, что было введено в предыдущее царствование; это было причиною того, что в войске скоро потом водворился беспорядок. Лучшие генералы и множество хороших офицеров, до крайности оскорбленные дурным обращением с ними, вышли в отставку, и на службе остались только те, которым решительно не дали отставки или которые не знали куда деваться.

Хорошие офицеры, находящиеся еще теперь в войске, большей частью так робки, что не берутся за исправление своих дерзких подчиненных, у остальных же недостает на это способности.

В числе множества иностранцев, приехавших в Россию с начала этого столетия, были отличные офицеры, но между ними являлись и такие, которых хуже не было во всей остальной Европе:

искатели приключений, не знавшие куда приклонить голову, и они составляли себе иногда карьеру так же, как самые достойные люди.

В продолжение войны со Швецией императрица Елизавета преобразовала 4 пехотных полка с целью укомплектовать ими флотские экипажи; но зато она увеличила в 1747 г. армию 50 новыми батальонами, так что войско состоит в настоящее время из 270 791 человека, не считая легких войск, каковы казаки и калмыки, из которых легко можно было бы набрать 60 000 всадников.

Всех этих сил, однако, едва достает для охранения громадного протяжения русской земли, и в случае войны Россия может выставить в поле не более 120 или 130 тысяч человек регулярного войска; прочих необходимо оставить в гарнизонах для охраны крепостей и границ.

В войнах с Портой и со Швецией были собраны все силы, которые можно было двинуть в поход, тем не менее численность различных армий никогда не доходила до 100 000 человек.

Легкие, или иррегулярные войска, которых так много в России, могут быть весьма полезными против турок и татар, но они скорее стеснили бы армию, нежели принесли бы ей пользу; в случае, если бы пришлось вести войну в стране населенной, эти люди потребляют такое огромное количество фуража, что они произвели бы скоро голод в лагере, не говоря уже о тех опустошениях, которые они делают на несколько миль в окрестности, а это лишило бы самую армию необходимых для нее съестных припасов.

Артиллерия была известна в России еще при царе Иване Васильевиче II, но ею не умели действовать; орудия были громадной величины и никуда не годные. Способ осады, употребляемый в то время русскими, состоял в том, что они вскапывали землю и воздвигали большую гору, которую двигали мало-помалу вперед; таким образом они не только засыпали ров, но продолжали эту работу, покуда не достигали уровня городских стен; в случае, если им не удавалось этим образом взять крепость, то они умели только держать город в блокаде до тех пор, пока гарнизон не был вынужден сдаться по недостатку съестных припасов.

Брюс, шотландец по происхождению, дед которого приехал в Россию после несчастной кончины Карла I, первым в царствование Петра I ввел хорошие основания и порядки в артиллерию, и смело можно утверждать, что русская артиллерия так хорошо устроена и ею умеют действовать так искусно, что с нею могут сравниться весьма немногие артиллерии в Европе, а превосходят ее и еще менее того. Это единственный отдел военного искусства, которым русские занимаются весьма ревностно и в котором есть искусные офицеры из русских.

Число пушек в этой империи громадно. В 1714 г. в России считывали их 13 000; с тех пор число орудий значительно увеличилось, так как их постоянно отливали в шести различных местах, именно: в Москве и Петербурге льют медные пушки, в Воронеже, Олонце, Систербеке и Екатериненбурге — чугунные.

По последнему уставу, изданному при Петре I в 1720 г., каждый пехотный батальон и каждый драгунский полк имеют по два полевых орудия 3-фунтового калибра, которые числятся при этих войсках; тяжелая артиллерия, за исключением той, которая распределена по крепостям, была размещена таким образом, что главный арсенал находился постоянно в Москве; кроме того, в трех различных пунктах: в Брянске, на польской границе, в Ново-Павловске, на границе Турции, в Петербурге устроен полный артиллерийский парк, состоящий из 204 пушек разных калибров и из 72 мортир и гаубиц.

Брюс позаботился также об устройстве корпуса инженеров и основал в Москве и Петербурге училища, в которых преподавали молодым людям практическую геометрию, инженерную науку и артиллерию. Граф Миних, произведенный в царствование Петра II в фельдцейхмейстеры, прилагал все старание к тому, чтобы поставить эти школы на возможно лучшую ногу, но русские не так склонны к инженерной науке, как к артиллерии, поэтому в инженерном деле приобрели познания весьма немногие и большинство инженеров — иностранцы. Россия обязана первоначальным устройством своей артиллерии и инженерного корпуса преимущественно королю прусскому. Король Фридрих I прислал первых инженеров и артиллеристов для осады Азова в 1696 г., а король Фридрих-Вильгельм отправил еще нескольких инженеров в Россию в 1733 г., как я сказал уже выше.

Равным образом с царствования Петра I Россия узнала, что такое флот; до того времени она не только не имела его, но даже и едва ли имела понятие о большом судне, но этот государь, полюбив морскую службу, стал прилагать всевозможные старания, чтобы устроить его.

По другим предметам он довольствовался обсуждением главной сущности дела и предоставлял подробности тем, кому поручал выполнение своих намерений, но лишь только дело касалось флота, он вмешивался в малейшие безделицы, и на верфях не смели вколотить гвоздя, не предупредив императора.

Находясь в Петербурге, он проводил ежедневно несколько часов в адмиралтействе, и когда дело шло о постройке судна, то он предпочитал это занятие самым важным государственным делам. Величайшая победа, одержанная его сухопутным войском, не доставляла ему и в половину того удовольствия, которое он испытывал при самом ничтожном преимуществе, приобретенном его кораблями

или галерами над неприятелем. Словом, любовь к флоту была сильнейшей его страстью. Это было тем удивительнее, что в детстве он выказывал особенное отвращение к воде. Если в то время случалось ему проехать по обыкновенной мельничной плотине, то приходилось закрывать со всех сторон экипаж, чтобы скрыть от него самый вид этой ужасной стихии.

Причиной этой поразительной перемены была маленькая лодочка; она стояла, полусгнившая, под навесом в Измайлове, загородном доме близ Москвы; голландец Тиммерман, имевший честь беседовать иногда с Петром I, взял оттуда ее и, починив, разъезжал в ней по прудам возле этого дома, плавая под парусом то по ветру, то против него. Государь, от природы любитель механических искусств, имел удовольствие смотреть на эти маневры. Он велел построить несколько судов большей величины и плавал на них по Переяславскому озеру; желание видеть корабли заставило его поехать в Архангельск. Быть может, самое это желание побудило его предпринять и путешествие в Голландию и Англию.

Из истории его известно, с каким прилежанием он учился строить корабли, как работал на Саардамской верфи; он был принят там в корабельные мастера и очень любил, когда другие судостроители называли его *Baas Peter*, или мастер Петр.

Уезжая из Голландии, он нанял множество флотских офицеров, матросов, кораблестроителей, плотников и прочих мастеров, нужных для флота. Тотчас по возвращении в Москву Петр совершил с этими людьми путешествие на Дон и основал верфь в Воронеже. Он заставил всех богатых людей своего государства строить корабли или другие суда на их собственный счет и получил, таким образом, возможность в короткое время спустить на воду множество всякого рода судов. Он определил на них иностранных офицеров и матросов и поручил им своих подданных, вызванных из приморских областей, чтобы те научили их мореплаванию. В то же время он послал молодых людей самых знатных семейств в Англию, Голландию, Францию и Италию учиться морскому делу, и так как Дон недостаточно глубок близ устья для прохода корабля с грузом, то он устроил на Азовском море, в местечке, именуемом Таганрогом, прекрасную гавань, названную им Троица, в которой суда, пройдя без груза устьем Дона, под Азовом окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Все видевшие эту гавань признают, что это одна из лучших гаваней в Европе.

Война, начатая Петром I со Швецией, заставила его обратить внимание в другую сторону и оставить устройство флота на Черном море. Однако он продолжал заботиться о нем, как только позволяло время, и совершал каждый год по крайней мере одно путешествие в Воронеж, где у него была главная верфь.

Несчастное дело при Пруте уничтожило окончательно намерение Петра I блеснуть своим флотом перед турецким, так как он был вынужден разрушить троцкий порт и сдать Азов. Не было возможности провести суда вверх по Дону, следовательно, приходилось сжечь их или отдать туркам; удалось спасти только три корабля благодаря решимости одного капитана, имя которого я позабыл. Моряк этот, раздосадованный гибелью всего флота, прошел с тремя кораблями через Константинопольский пролив и благополучно прибыл в Англию, где продал эти суда, а вместо них купил два английских корабля, из коих один был «Марльборо», и привел их в Кронштадт.

После этой неудачи Петр I решился перевести все морские свои силы в Петербург, где он начал основывать еще в 1704 г. верфь, на которой было построено несколько небольших судов, вооруженных для войны; но работы шли чрезвычайно медленно, отчасти потому, что до счастливой Полтавской битвы Петр не был уверен, удержит ли он за собою Петербург, отчасти и потому, что в начале этого дела встретилось столько затруднений, что они всякого иного, кроме царя Петра I, заставили бы отказаться от предприятия. Река Нева между Петербургом и Кронштадтом во многих местах до того мелка, что имеет не более восьми футов глубины. Поэтому все суда, построенные в Петербурге, становили на камели и отводили в Кронштадт, чтобы вооружить их и положить в них сколько-нибудь балласта; проводить их обратно вверх по реке было уже невозможно. Сверх того, кронштадтский порт по причине льдов открыт всего шесть месяцев в году и расположен так, что ни одно судно не может выйти из него иначе как при восточном ветре. Вода в этой гавани почти вовсе не соленая, так что ни одно судно не может сохраниться там несколько лет; другое, еще большее затруднение состояло в том, что в окрестностях Петербурга вовсе не было дубового леса и его приходилось привозить из-за Казани.

По всем этим причинам Петру удалось сначала сделать весьма немного для образования флота в Петербурге. В 1713 г. весь флот состоял из четырех линейных кораблей и нескольких фрегатов. Чтобы пополнить этот недостаток, он велел построить в Архангельске несколько военных кораблей из ели или, скорее, из лиственницы и купил еще несколько судов в Англии и Голландии. Но шведы, нападавшие на все суда, которые шли к русским портам, захватили эти корабли по пути и помешали архангельским судам предпринять плавание.

Наконец в 1716 г., когда голландцы и англичане послали эскадру в Зунд для того, чтобы конвоировать свои купеческие суда, Петру I удалось не только провести корабли, построенные им в Архангельске, но и несколько других, купленных им вновь во Фран-

ции и Англии. В 1718 г. он был в состоянии отправить в море 22, а в 1719 г. — 28 линейных кораблей, против которых шведы не могли ничего предпринять вследствие несчастных обстоятельств, в которых они находились в то время.

Петр I сделал, наконец, так много своими неусыпными трудами, что ему удалось увидеть перед кончиной свое адмиралтейство в весьма хорошем порядке; он имел уже превосходный флот, состоявший из 30 линейных кораблей, не считая фрегатов и других военных судов, а экипаж этих судов состоял почти исключительно из матросов его собственной нации.

Неудобства, замеченные в кронштадтском порте, побудили Петра I искать вдоль берегов завоеванных им областей более удобного места, чтобы устроить там военную гавань. Такой пункт был найден в Эстляндии, в Рогервике, в четырех милях от Ревеля; берега образуют тут гавань, в которой удобно могут поместиться 100 судов; вода в ней солонее, нежели в Кронштадте, выход из гавани удобнее и грунт превосходный для стоянки на якоре; оставалось только приблизить устье, защитить гавань от бурь и от нападения неприятелей.

Император надеялся легко устроить все это и велел деятельно приступить к работе в последние годы войны со Швецией. В Рогервик перевезли из Лифляндии и Эстляндии невероятное количество бревен; из них сделали большие ящики, наполнили их камнями и опустили их в море, имеющее в иных местах до двадцати сажен глубины, таким образом в море выдвинули два мола для защиты гавани, но и половина работы не была окончена, как ее совершенно разрушила буря, бывшая последствием западного ветра. Снова принялись за постройку, но те же бури часто повторялись в царствование Петра I и Екатерины, так что, наконец, пришлось оставить этот проект, стоивший огромных денег и истощивший леса всей Лифляндии и Эстляндии. Говорят, будто императрица Елизавета снова велела начать эту работу, но до совершенного окончания и утверждения постройки будет весьма трудно предохранить ее от бурь, наносимых западными ветрами, и я сомневаюсь, чтобы она была когда-нибудь вполне окончена.

Петр I начал для блага своего флота еще другое предприятие: он велел прорыть чрезвычайно широкий и глубокий канал, начинающийся в кронштадтской гавани; он углубляется в остров на расстояние выстрела из пушки или мортиры; в конце этого канала устроен большой бассейн, в котором удобно могут стоять 50 линейных кораблей; в этом бассейне сделаны углубления, которые должны заменять верфи, в них можно будет вводить суда, нуждающиеся в тимберовке, и оставлять их там на суше посредством шлюзов. Император умер в то время, когда начинались работы, на которые в

царствование Екатерины и Петра II обращали весьма мало внимания. Анна велела возобновить работы под руководством генерала Любераса, но она не дожила до окончания их. Елизавета продолжала их, и они были приведены к концу в 1752 г. Генералу Люберасу принадлежит честь довершения этой громадной постройки. Все видевшие ее говорят, что это сооружение достойно древних римлян.

В числе улучшений, сделанных Петром I во флоте, не следует забывать галер, так как эта часть флота приносит России по крайней мере такую же пользу, как и корабли. Они оказали государству самые значительные услуги в войнах со Швецией. Галерам Петр I обязан славным Ништадтским миром, и опасение, чтобы они не прошли в Швецию, много способствовало заключению Абосского мира в 1743 г.

До Петра I подобных судов не видели на Балтийском море; несколько греков и далматинцев, приехавших в Россию в первую войну с турками, подали мысль ввести во флот эти суда, их построили некоторое число в Воронеже; покуда на Дону существовал флот, галеры были весьма полезны для крейсирования по Азовскому морю, а когда адмиралтейство было переведено в Петербург, то нашли, что галеры могут оказать очень большие услуги для плавания между островами и скалами, находящимися вдоль берегов Финляндии и Швеции и называемыми обыкновенно шхерами.

Петр I не замедлил воспользоваться этим преимуществом: в несколько лет в Петербурге появилось более 200 галер; там он устроил для них верфь и порт, в котором свободно можно поместить 200 галер; они могут стоять на суше и под навесами.

Император не встретил ни малейшего затруднения для постройки стольких галер, сколько он хотел. Для них не требовалось иного леса, кроме елового, которым наполнены окрестности Петербурга и Финляндия, и так как постройка их не так сложна, как сооружение кораблей, то большую часть галер построили в Або русские солдаты своими обыкновенными топорами под руководством двух или трех судостроителей-иностранцев. Управлять ими также весьма легко; после одного или двух походов, совершенных войсками на галерах, не было пехотного офицера, который не умел бы управлять ими так же хорошо, как лучший греческий штурман. Солдаты сами предпочитают походы на этих судах сухопутным, несмотря на то что они принуждены грести; но это не утомляет их до такой степени, как переходы, во время которых они несут всю поклажу на плечах. Кроме того что паруса поднимаются при всяком благоприятном ветре, солдаты имеют тут при себе все нужное для жизни и ночуют почти каждый день на берегу. Русские не имеют особых гребцов на галерах, и солдаты гребут сами, легко привыкая к этому в два или в три дня плавания.

При кончине своей Петр I оставил свой флот в очень хорошем положении: магазины были наполнены, одним словом, все необходимое для вооружения судов имелось в изобилии, так как флот был главной страстью императора, который не жалел ни трудов, ни денег для того, чтобы привести все в наилучший порядок. Этот государь потратил громадные суммы на то, чтобы привлечь в свою страну искусных судостроителей и других мастеровых, необходимых для флота.

В царствование Екатерины флот начал падать и был совершенно заброшен при Петре II. Анна хотела восстановить в нем порядок. Лишь только она вступила на престол, как была назначена для этого комиссия, но работы ее подвигались так медленно, что когда, в 1734 г., хотели блокировать город Данциг со стороны моря, то адмиралтейство терпело во всем недостаток и только с великим трудом удалось вооружить 15 линейных кораблей, посланных с адмиралом Гордоном к Данцигу, и самые эти суда были в столь плохом состоянии, что если бы только Франция имела в этом крае восемь или девять кораблей, то русский флот, по всей вероятности, и не предпринял бы выйти из кронштадтского порта. Война с Турцией окончательно расстроила флот, как я уже сказал выше, лучшие офицеры и старые матросы погибли на эскадрах, посланных в Азовское море и в Очаков, и когда началась война со Швецией, то в первую кампанию Россия не могла послать в море ни одного корабля. Мы видели также, что флот не предпринял ничего и в последующие два похода.

Не знаю, были ли приняты после заключения мира какие-нибудь меры для возобновления флота. Одно только верно, что в России более чем когда-либо ощутителен недостаток в хороших флотских офицерах и матросах и что во всей этой обширной империи не найдется, быть может, и трех лиц, которым можно было бы поручить начальство над флотом. Образ правления в России был всегда деспотический*; свобода русского подданного никогда не доходила до того, чтобы он не был вполне подвластен неограниченной воле своего государя, и хотя древние цари предоставляли своему дворянству довольно случаев поднять голову и ограничить верховную власть — так как они дали ему большие привилегии и разделили государство

---

* Русское государство началось в 861 г. по Р. Х., когда правил первый царь, новгородский князь Рюрик; с этих пор и до настоящего времени в России было сорок шесть государей, считая тут же и Лжедмитриев, имена которых значатся в летописях. История времени первых государей довольно неясна, так как страна была разделена между несколькими мелкими князьями, совершенно подчиненными татарам. Иван Васильевич I, прозванный победителем и начавший царствовать в 1413 г., свергнул иго татар и сделал большие завоевания. С этих пор начинается последовательная история России. — *Примеч. авт.*

на несколько областей, имевших каждая своего государя, — однако в истории мы не встречаем ни одного указания на то, чтобы когда-либо была сделана попытка положить пределы той неограниченной власти, которую государь имел над имуществом и жизнью своих подданных.

Уважение, которое русский народ питал к потомкам первого великого князя Рюрика, было так велико, что они были далеки от мысли о малейшем восстании во все время, покуда существовал его род, и никто, быть может, никогда и не думал, что Россия может управляться иначе как деспотическим государем. Это доходило до того, что когда после убийства первого Лжедмитрия народ избрал царем князя Шуйского, происходившего, правда, от древнего царского рода, но от линии, отделившейся от него уже много лет, то государь этот сам предложил дать присягу, в силу которой он обязывался не казнить ни одного боярина смертью без согласия всех чинов этого сословия. Тогда все бояре бросились к нему в ноги, умоляя его не отказываться так легко от столь драгоценного сокровища, как самодержавие. Но когда Шуйский пал под могуществом Польши и сановники государства решили избрать другого царя, то многие из них предложили ограничить власть нового монарха, который не имел над ними других прав, кроме тех, какие они заблагорассудили предоставить ему.

Многие русские вельможи, бывшие в то время в плену у Польши, поддержали это намерение, между прочим, и Ростовский епископ Феодор, или Филарет, не воображавший, что выбор падет на его сына.

Таким образом был составлен Сенат, названный собором, в котором заседали не только бояре, но и все занимавшие в государстве высшие должности; в нем было единогласно решено избрать лишь того государя, который даст им под присягой обещание творить суд по старинным законам царства, не осуждать никого самовластно и еще менее того увеличивать налоги, объявлять войну и заключать мир, не посоветовавшись об этом с собором, а для того чтобы новый царь был еще более связан этими условиями, было решено, что его не следует избирать из влиятельного рода, который имел бы в стране большую поддержку, могущую ему пригодиться, когда он захотел бы нарушить данную присягу или присвоить себе неограниченную власть.

С этой целью был избран в цари юный пятнадцатилетний дворянин Михаил Федорович Романов. Отец его, епископ Рязанский, был твердым противником польской партии. Все его родство с древним царским родом заключалось в том, что Иван Васильевич II был в супружестве с сестрой его деда, Анастасией Романовной, дочерью простого дворянина.

Царь Михаил Федорович без затруднения принял и подписал предложенные ему условия и царствовал несколько лет согласно заключенному с ним уговору. Но отец его, Филарет, освободившись из плена в Польше и возведенный в патриарший сан, сумел так хорошо воспользоваться как властью, которую ему это звание давало над суеверным народом, так и неудовольствием мелкого дворянства против бояр, а равно и несогласиями, существовавшими между самими боярами, что захватил вскоре всю власть и держал сына как бы в опеке до самой своей смерти.

Патриарх отделался всякими средствами от людей с республиканским духом и предоставил собору только честь одобрять его указы. Чтобы иметь силу для исполнения своих предприятий, он создал новую гвардию, которой дал название стрельцов, и предоставил им большие права и преимущества, но не поручил начальства над этим войском ни одному знатному лицу, а поставил во главе его лишь выслужившихся офицеров, отличившихся в войне с Польшей; это было причиною того, что дворянство сильно презирало эти войска, а стрельцы, со своей стороны, возненавидели дворянство.

Это войско поставило царя Михаила Федоровича в такое положение, что после смерти патриарха он мог царствовать с такою же властью, какую имел отец.

После кончины царя Михаила наследовавший ему сын Алексей имел такую власть благодаря помощи стрельцов, что вовсе не имел нужды обращать внимание на дворян и мог нарушать их права, когда только ему было угодно.

По смерти царя Алексея на престол вступил старший сын его Федор Алексеевич; государь этот, хотя весьма слабого сложения и почти всегда хворый, держался, однако, против дворянства при помощи стрельцов. Он принял даже смелую решимость сжечь родословные таблицы всего дворянства, хранившиеся в Москве, в особом приказе, устроенном дворянством для этой цели. Этой мерой он хотел разом уничтожить различие, которое высшее дворянство полагало между собою и мелкими дворянами.

Царь Федор умер несколько времени спустя, и бояре возвели на престол его младшего брата, Петра Алексеевича, исключив старшего брата, царевича Иоанна, в надежде, что им удастся во время малолетства Петра, имевшего тогда всего десять лет, снова захватить преимущества, утраченные ими в предыдущие царствования. Но царевна София, сестра царя, недовольная тем, что единоутробного брата ее Иоанна удалили от правления, сумела приобрести расположение стрельцов и возбудить бунт, во время которого были умерщвлены все бояре, исключавшие царевича Иоанна; последний был объявлен царем наравне с Петром, а царевна София была даже объявлена соправительницей. Имя ее стояло рядом с именами братьев

во всех указах и даже на монетах, и она, собственно говоря, царствовала все шесть лет, в течение которых Петр разделял престол со своим братом.

Мы знаем из истории этого государя, как он освободился от такой опеки и с каким деспотизмом он царствовал все время в Российской империи.

Ему наследовала Екатерина, и князь Меншиков поддерживал захваченную им верховную власть; в продолжение тех трех лет, когда Петр II носил звание императора, на самом деле царствовали вначале Меншиков, а после ссылки его — князя Долгорукие. Однако если бы Петр II прожил долее, то высшему дворянству, без сомнения, удалось бы мало-помалу захватить свои старинные преимущества. После смерти Петра II оно думало, что наступило удобное время выйти из рабства, но замысел этот не удался, как мы видели это в истории императрицы Анны, и я сильно сомневаюсь в том, что этой империи или, лучше сказать, высшему дворянству, удастся когда-нибудь достигнуть свободы. Этому будет всегда препятствовать чрезвычайно многочисленное в России мелкое дворянство, которое опасается более тирании вельмож, нежели власти государей.

До царя Ивана Васильевича II, царствовавшего с 1533 до 1584 г., в России не было другого закона, кроме воли государя. Этот монарх велел составить свод законов, взяв за основание прежние примеры и древние обычаи. Книга эта была роздана судьям и оставалась в рукописи до царствования Алексея Михайловича, который велел напечатать ее. В царствование Петра I законы были распространены и исправлены. Однако старинная книга все еще служит основанием при разбирательстве всех дел и т. п.

Чтобы закончить эти Записки, я прибавлю несколько слов об общем духе нации; некоторые писатели утверждали, что до царствования Петра I все русские вообще и каждый из них в частности были совершенно глупы и тупы, но это в полной мере ложно, и противное тому весьма легко доказать.

Тем, которые составили себе подобное понятие, стоит только прочесть русскую историю семнадцатого столетия за то время, когда честолюбие Годунова и происки поляков разделили нацию на несколько партий и поставили царство на край гибели. Шведы владели Новгородом, а поляки столицей — Москвой; несмотря на эти бедствия, русские своими разумными действиями сумели избавиться от владычества двух столь могучих в то время врагов, каковы были Швеция и Польша. Менее чем в пятьдесят лет они завоевали снова все земли, отнятые у них во время этих смут, а между тем при этом у них не было ни одного министра, ни одного генерала из иностранцев. Размышляя об этих событиях, нетрудно сознаться, что

столь важные предприятия не могут быть задуманы и выполнены глупцами.

Вообще у русских нет недостатка в уме. Заботы Петра I об образовании народа не простирались никогда на мещан и на крестьян, однако стоит только поговорить с человеком этого сословия, чтобы найти в нем здравый смысл и рассудительность сколько нужно, но только в таких вещах, которые не касаются укоренившихся в нем с детства предрассудков относительно его родины и религии; он весьма способен понимать все, что ему ни предлагают, легко умеет находить средства для достижения своей цели и пользуется предоставляющимися случайностями с большою сметливостью. Наконец, можно с уверенностью сказать, что русские мещане или крестьяне выкажут во всех обстоятельствах более смысленности, чем сколько она обыкновенно встречается у людей того же сословия в прочих странах Европы. Но подобные исследования невозможно делать, не зная языка страны, и немногие иностранцы приняли на себя труд изучать его; от этого и возникли столь неосновательные рассказы об этом народе, который, со своей стороны, много способствовал распространению их, оказывая в разных случаях свое презрение к иностранцам и ко всему, что походило на моду или обычай чужих краев; к этому присоединялось еще то обстоятельство, что в начале текущего столетия обычаи и нравы русских были совершенно иные, чем у всех прочих европейских наций, и в этом народе вовсе не знали ни правил благопристойности, ни даже общего права людей и иностранных министров, которые соблюдаются при прочих дворах Европы.

Бурхард Миних
ОЧЕРК УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

1

Здесь не будет речи ни о царствовании Федора Алексеевича и его двух младших братьев — Ивана и Петра Алексеевичей, царствовавших вместе с 1682 до 1690 г., — ни о царствовании их отца Алексея Михайловича и его предшественников, ни о царе Иване Васильевиче, завоевателе царств астраханского и казанского, некоторых сибирских областей и пятигорских черкесов, или верхней Кабарды.

2

В то время русский народ был известен в Европе еще под именем *московитов*, российская империя — *Московии*, а ее государи носили название *великих князей*, или *царей*.

3

Тогда в России не знали ни военных судов, ни галер, ни регулярных войск. Однако же в ней была артиллерия и сильная армия; так, например, великий царь Иван Васильевич с многочисленными войсками ходил в Литву, Польшу и Ливонию. Армия, включая в нее и казаков, вступивших при гетмане Хмельницком в 1654 г. в подданство России, простиралась от 200 до 300 тысяч человек. С этой армией царь Алексей Михайлович покорил Смоленск, Домбровно и проч. и проникал до Вильны, так что когда в 1668 г. польский король Ян Казимир отрекся от престола, на сейме 1669 г. в наследники ему предложили русского царевича Алексея Алексеевича, сына царя Алексея Михайловича.

Победы в Польше и Литве, а также на Днепре и Азовском море доставили России участие в составлении мирного договора в Карловице в 1699 г., где было заключено с турками двухлетнее перемирие, замененное в 1700 г. миром на 30 лет.

4

В 1684 г. император римский, начав войну с Портой, отправил в Москву своих послов для того, чтобы пригласить царей Ивана и Петра Алексеевичей вступить с ним в союз против турок и татар. Они изъявили готовность заключить союз, но не иначе как с условием, чтобы Польская республика уступила России провинции, завоеванные царем Алексеем Михайловичем, именно: Смоленск, Северск, Киев и Украину. В 1684 г. Польша согласилась на это,

потребовав в уплату 1500 000 польских фунтов, что составляет 187500 рублей, которые Россия и уплатила республике. После этого в 1686 г. Польша заключила с Россией в пользу австрийского дома наступательный и оборонительный союз против Порты*.

5

Военные действия против татар начались в 1687 г., а в 1689 г. русская армия под начальством генерала князя Голицына в составе, как рассказывают, 400 000 человек выступила в поход, чтобы осадить Перекоп и проникнуть в Крым. Но эта многочисленная армия возвратилась назад, разбитая татарами, которые отняли у нее большую часть лошадей. Я знал одного старика, Васильчикова, участвовавшего в походе; он говорил мне, что дворяне, составлявшие армию, были все отборные люди и что каждый из них имел по 10, 20 и 30 слуг (боярских людей), хорошо снаряженных и вооруженных саблями, нарезными ружьями, луками, стрелами и копьями, и что были полки в составе от 20 до 25 тысяч человек каждый, составленные из отборных людей**.

6

Такие силы и походы в Ливонию против шведов, в Литву и в Польшу, во время которых московские войска проникали до Варшавы, сделали Россию столь грозной, что историки того отдаленного времени стали называть ее империей, что сделал также и венский двор.

7

Мы умолчим о предшествовавших царствованиях и отнесем начало русской империи к 1690 г., т.е. к тому времени, когда после смерти Федора Алексеевича, случившейся 27 апреля 1682 г., царь Иван Алексеевич, близнец Федора, уступил правление своему младшему брату Петру Алексеевичу, завоевателю, основателю империи и законодателю, которого нельзя ни с кем сравнить.

8

Русские войска состояли в то время из 15 000 стрельцов, находившихся под начальством русских генералов. Эти войска были царской стражей, и их можно сравнить с турецкими янычарами. Доказатель-

---

* Турки начали войну против римского императора в 1683 г. В этом же году посольство римского императора отправилось в Россию, но оно прибыло в Москву только в мае 1684 г. Вечный мир с Польшей, о котором здесь упоминается, был заключен в 1686 г. — *Здесь и далее примеч. М. Б.*

** Генерал Гордон приписывает неуспех как этого, так и прежних предприятий против татар раздору, который господствовал при московском дворе, и говорит, что молодой царь Петр очень негодовал на это. Сведения об этом помещены в сборнике русской истории профессора Байера, который извлек их из записок Гордона.

ством тому служит их восстание в 1682 г. в пользу юного государя Петра Алексеевича, которому было только десять лет, против царя Ивана Алексеевича, сестра которого царевна София сошлась с генералами Голицыным и Хованским для того, чтобы править империей во время малолетства царя Петра Алексеевича. Стрельцы, бывшие на стороне царя Ивана, восстали и в бешенстве бегали по царскому дворцу; они побросали за окна многих вельмож, сторонников Софии, причем погибли два генерала Долгорукие и Ромодановский, а также врачи покойного царя Федора Алексеевича и другие сановники, дома которых были разграблены. Вследствие этого оба государя, Иван и Петр, царствовали вместе до 1690 г. 20 мая 1684 г. они заключили мир со Швецией*.

Кроме того, были еще однодворцы — люди, не зависевшие от дворянства и обязанные носить оружие; их считалось от 30 до 40 тысяч человек. Это те самые однодворцы, из которых впоследствии были составлены: украинский корпус, называемый ландмилицией, гвардейский Измайловский и Первый кирасирский полки.

Остальная часть грозной русской армии состояла из дворян и, как мы сказали выше, из вооруженных слуг, а также и казаков.

9

Цари не сближались вовсе с народом и не искали популярности. Они были боготворимы подданными и когда проезжали верхом по улицам, то все падали перед ними ниц на землю. В России вовсе не знали карет и цари не имели их.

Образ правления при этих государях

10

Столбовые бояре, из высшего дворянства, были государственными министрами, или сенаторами.

Окольничие, камергеры, или царедворцы, — тайными советниками.

Думные дворяне — государственными советниками**.

Эти сановники заведовали всеми государственными делами посредством различных департаментов, называвшихся приказами.

Так, в приказе Преображенском рассматривались дела секретные.

---

* Цари Иван и Петр возобновили и подтвердили в 1684 г. Кардисский договор, заключенный в 1661 г. со Швецией, а также и все прочие договоры. Сам Петр сделал то же самое в 1699 г.

** Профессор Миллер сравнивает бояр с нынешними действительными тайными советниками, окольничих — с тайными советниками, думных дворян — с действительными статскими советниками и думных дьяков — со статс-секретарями.

Судный приказ был высшим судебным учреждением.

Поместный приказ заведовал землями духовенства и дворянства и т.д.

Если же случалось какое-нибудь важное дело, как, например, заключение мира или объявление войны, то царь лично отправлялся к патриарху, чтобы советоваться с ним, и обыкновенно следовал его мнению.

Патриархи были уважаемы до такой степени, что при больших церемониях или процессиях, когда патриарх ехал на лошади верхом, то царствующий государь держал его стремя.

11

Должно заметить, что татары, производя частые набеги на многие области России и овладев Киевом, обязали царей в силу договоров платить крымским ханам ежегодную дань наличными деньгами и соколами. Линия и крепость Перекоп (Ор-Капы) назывались воротами Оттоманской империи. В Крым русские никогда не проникали до 1736 г. В этом году я овладел упомянутой знаменитой линией, защищаемой 180 000 татар, и перекопской крепостью, охраняемой 4000 янычар, а также, не потеряв ни одного человека, взял город Козлов*, где великий князь Владимир женился на греческой царевне Анне, которая ввела греческую религию в обширной русской империи. Казаки же, проникнув до Бахчисарая, сожгли дворец хана.

12

С 1690 г. юный государь Петр Алексеевич принял бразды правления и стал царствовать один. Он скоро сознал свои силы и, рожденный завоевателем, бесстрашно напал на Оттоманскую Порту. В 1695 г. с весьма многочисленным войском, бывшим под начальством генерала Шереметева и гетмана казаков Мазепы, он предпринял осаду Азова, но так как тогда в России не знали искусства осаждать крепости, то юный монарх вынужден был снять осаду и заменить ее блокадой.

Государь не упал от этого духом и по врожденной ему твердости и настойчивости, которые он блестящим образом доказал во все продолжение своего царствования, предпринял в следующем, 1696 г. во второй раз ту же самую осаду; ее вели инженеры и артиллерийские офицеры из Австрии, Бранденбурга и Голландии**. Таким образом он овладел этим важным местом и с торжеством возвратился в Москву.

---

* Некоторые говорят, что город Корсунь, или Херсу, где крестился Владимир, стоял на месте Козлова; другие же думают, что он был там, где нынче находится город Керчь.

** Имена всех этих лиц внесены в «Сборник русской истории».

13

Высокий ум молодого государя вскоре указал ему необходимость изменить образ правления, а вместе с тем и весь внутренний порядок в государстве. С этой благотворной целью он решился лично отправиться в чужие края, чтобы самому изучить различные государственные порядки. В 1697 г. он предпринял путешествие как бы инкогнито в свите посольства, главой которого был первый его любимец Франц Лефорт, наименованный генералом и адмиралом.

14

Прежде всего он поехал в Ригу, где шведский комендант принял его невежливо и не позволил ему взойти на городской вал, чтобы осмотреть укрепления. Это обстоятельство рассердило молодого государя и было, как подозревают, одной из причин, в силу которых он впоследствии решился начать войну со Швецией. Из Риги он поехал в 1698 г. в Кенигсберг, где увиделся с курфюрстом Фридрихом, впоследствии первым королем прусским, с которым у него завязалась тесная дружба, существовавшая в продолжение всей его жизни.

15

Юный герой продолжал путешествие свое через Ганновер, где ему не оказали приема, соответствовавшего его сану. Это обстоятельство было главной причиной того, что Петр никогда не питал особенной дружбы к Георгу I, королю английскому, бывшему в то же время и курфюрстом Ганноверским, хотя и выказывал всегда чрезвычайное расположение к английской нации. Из Ганновера он поехал через Голландию в Англию, чтобы учиться кораблестроению. На возвратном пути он заехал в Вену, где был принят с большим почетом. Отсюда он хотел ехать в Венецию, но вскоре получил известие о возмущении стрельцов в Москве, что и ускорило его возвращение в Россию. Проезжая через Польшу, он свел дружбу с Августом II, королем польским, курфюрстом Саксонским. Всюду, где только останавливался юный монарх, все удивлялись уму, проницательности и приветливому обхождению этого великого государя. Приехав в Москву, он своим присутствием смирил мятежных стрельцов, значительное число которых было казнено.

16

В 1699 г. Петр Алексеевич заключил с Портой перемирие на два года, удержав за собой крепость Азов, и начал строить Таганрог, или крепость Св.Троицы на берегах Азовского моря, а вместе с тем и военные корабли. Оттуда он отправил в Константинополь посла на вновь выстроенном фрегате. Подойдя к столице султана, посол велел стрелять из пушек, что чрезвычайно изумило турок и послужило

поводом к договору, которым Порта определила, какое число кораблей и какого рода могли иметь русские на будущее время в Азовском море. Турки выстроили в Крыму новую крепость, названную Еникале, для того чтобы господствовать над проливом, отделяющим Крым от Кубани.

17

В 1700 г. Петр I отправил в Стокгольм уполномоченного, чтобы уладить несогласия, возникшие между двумя дворами; но союз его с королем польским Августом II, курфюрстом Саксонским, был заключен с целью начать войну со Швецией. Август задумал отнять (у Швеции) Ригу и Ливонию, принадлежавшие некогда Польше. Когда дела с Портой были устроены, царь сперва послал на помощь польскому королю казаков, а потом сам с огромным войском и многочисленной артиллерией пошел к Нарве, чтобы овладеть этим городом, в виду которого еще царь Иван Васильевич построил прекрасную крепость Ивангород, но молодой шведский король Карл XII пришел на помощь Нарве, с горстью солдат напал на русскую армию, разбил ее и заставил, сняв осаду, удалиться.

Численность и состояние русской армии при Петре I

18

Мы видели, что царям не трудно было выводить в поле армии численностью в 200 и даже 300 тысяч человек; но войска эти были необученные и беспорядочные; большинство их состояло из дворянских слуг; стрельцы же вследствие их возмущений (см. § 15) были почти уничтожены. Юный монарх еще с детства имел в Москве две роты, составленные из молодых людей, забавлявших его. Одна из этих рот помещалась в предместье Преображенском, другая — в предместье Семеновском, названных так по именам приходских церквей. Молодой государь образовал из этих рот два гвардейских полка: Преображенский и Семеновский, сделавшиеся ныне лучшими войсками в русской пехоте. В то же время государь сформировал много пехотных полков, в которые солдаты набирались из народа, а в 1704 г. он учредил разом тридцать четыре драгунских полка. Рассказывают, впрочем, что эти тридцать четыре полка составлялись постепенно с 1701 по 1709 г.; каждый полк имел 1000 человек, всего 34 000 драгун, все из дворян. Государь пригласил многих иностранных генералов обучать эти войска и командовать ими и в самое короткое время создал громаднейшую регулярную армию, которую повел сам к победам и с которой завоевал с невероятной быстротой всю Ингрию, Карелию, Финляндию, Эстляндию и Ливонию, со всеми крепостями. Он построил два многочисленных флота

из военных судов и галер и благодаря стараниям генерал-фельдцейхмейстера графа Брюса значительно увеличил артиллерию осадную, полевую, полковую, крепостную, а также и морскую. С этими правильно устроенными сухопутными и морскими силами он разбил Карла XII при Полтаве, проник в Швецию на расстояние четырех миль от Стокгольма и в 1721 г. заключил знаменитый мир, вследствие которого удержал за собой все вышеупомянутые завоеванные им области.

19

Что касается того порядка, в какой этот великий и мудрый государь привел финансы, то об этом можно судить по словам, которые я имел честь слышать от него в 1721 г. в Шлиссельбурге. Взятие этой крепости было его первой победой над шведами 11 октября 1703 г*. Каждый год, в означенное число, он имел обыкновение ездить туда, если находился в России, в сопровождении своей флотилии, сенаторов, министров и генералов, чтобы праздновать годовщину взятия этой крепости. Штурм ее, как говорил император, сопровождался большим кровопролитием и потерями, потому что под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, между тем как шведский гарнизон истреблял их гранатами и каменьями. Князь Михаил Михайлович Голицын, впоследствии подполковник гвардии и фельдмаршал русских войск, провел более двадцати четырех часов в таком положении у бреши. Кроме того, войска, отряженные на приступ, нужно было провозить водой на лодках под артиллерийским и ружейным огнем крепости. При этом случае император сказал мне, что он окончил войну, которая продолжалась с лишком двадцать лет, не сделав долгов, и что если бы, по воле Божией, ему пришлось вести еще другую двадцатилетнюю войну, то он мог бы выдержать и ее, не прибегая к займу**.

Доказательством справедливости этих слов служит то обстоятельство, что император по заключении мира уплатил Швеции 2 000 000 рублей за Ливонию, на которую Польская республика могла заявить свои притязания, так как император по договору, заключенному с польским королем, обязался в случае завоевания этой области оставить ее во владении Польши. В начале мирных переговоров в Ништадте император решил отдать Ливонию Швеции, но этого не случилось, потому что шведские министры, участвовавшие в конгрессе, были подкуплены бароном Остерманом, впоследствии

---

* Шлиссельбург был взят 12 октября старого стиля 1702 г.

** Это в особенности замечательно потому, что, как известно, доходы русской империи до Петра Великого не простирались свыше 5 000 000 рублей в год. Следовательно, Петр не имел более при начале своего царствования.

министром. Еще большим доказательством тому, что император не нуждался в деньгах, служит предпринятая им в следующем, 1722 г. война с Персией, стоившая несметных сумм, потому что нужно было перевозить через Каспийское море жизненные припасы и все необходимое для войска. Император сам водил до Дербента армию, составленную из лучших русских войск. Нельзя не удивляться такой бережливости государя!

20

Ни один завоеватель не имел столь определенного и верного взгляда на свои завоевания, как Петр Великий, употребивший огромные суммы на постройку Петербурга, Кронштадта и портов на шведской территории, прежде нежели был уверен в условиях мира, который тогда казался еще очень отдаленным и сомнительным.

Наконец находчивость его гения усиливалась по мере того, как умножались препятствия; его подвиги были поразительны и доставили ему такое превосходство над всеми соседями, что Европа единогласно дала этому несравненному государю имя Великого.

В том же 1721 г. при торжестве, бывшем по случаю заключения славного мира со Швецией, Петр Великий был признан и объявлен императором в Троицкой церкви, что на Петербургской стороне. Великий канцлер граф Головкин произнес восторженную речь и просил государя от имени всего народа принять титул императора, который он заслужил, предводительствуя лично армией против врагов России, а также своими отеческими заботами о государстве. Император отвечал, что нельзя достаточно возблагодарить Бога за выгодно заключенный мир и что со своей стороны он может выразить Ему свою признательность только новыми милостями своим подданным.

Действительно, государь приказал освободить всех ссыльных и бесконечное число людей, содержавшихся под стражей.

Образ правления при Петре Великом

21

В 1709 г., после поражения при Полтаве гетмана Мазепы, который перешел на сторону врагов России, государь уничтожил гетманское достоинство и взамен его учредил в Глухове управление, названное «министерской канцелярией». Она была составлена частью из русских генералов, частью из старшин, или казацких офицеров.

В 1711 г., 20 марта, Петр учредил Правительствующий Сенат, дав ему почти неограниченную власть, особенно на время своего отсутствия из империи.

В 1717 г., по возвращении из Парижа, он устроил главную полицию в Петербурге и полицейские управления во всех губерниях

России; установил должности генерал-прокурора и обер-прокурора в Сенате и прокуроров в коллегиях и губерниях.

В 1719 г., 1 января, он учредил коллегии: иностранных дел, военную, юстиции, адмиралтейств-коллегию, отчетную палату (ревизион-коллегию) и другие коллегии, а также множество канцелярий и управлений, в том числе: артиллерийское, инженерное, строительное, придворное и проч. и несколько весьма важных приказов, как, например, Сибирский.

Мудрость государя побудила его уничтожить достоинство и высшую власть патриарха и учредить 21 января 1721 г. вместо звания первосвященника Синод, в который он назначил президента и членов из более ученых епископов и архимандритов. Он снабдил эту святую коллегию наставлениями и Духовным регламентом, заслуживающим удивления*, и сам был там первым президентом.

22

При таких великих и мудрых установлениях была управляема русская империя в царствование Петра Великого и благодаря им продолжает процветать и в настоящее время.

Государь снабдил все присутственные места регламентами, из которых данные адмиралтейству и военной коллегии изумляют своей обширностью и служат доказательством его великого гения и невероятного трудолюбия.

Я не намерен исчислять здесь подробно все благотворные учреждения Петра Великого. Они бесчисленны и невероятны, и описание их составило бы объемистую книгу; я скажу только в немногих словах, что он преобразовал нравы и обычаи русских: теперь уже не видно людей, не принадлежащих к простонародью, с бородами, в длинном одеянии, с саблями, в сапогах на персидский покрой и в русских шляпах — оба пола одеваются по-французски. Он завел собрания, и по воле его женщины стали являться в пубlike.

Он устроил мануфактуры, поощрял промышленность, вызвал архитекторов и ремесленников из Италии и Франции и корабельных строителей из Англии. Он покровительствовал иностранцам и когда встречал между ними недостойных, то говорил, что был бы доволен, если бы, подобно апостолам, из числа их на одиннадцать хороших приходился один негодяй.

Он строго наказывал за преступления, невзирая на звание лиц, и щедро награждал заслуги.

Небо создало этого великого человека для того, чтобы посредством его деятельности и высокого гения водворить порядок, ввес-

---

* Этот Духовный регламент написан не самим императором, но архиепископом Феофаном Прокоповичем, составившим его в 1719 г. В 1721 г. регламент был издан от имени императора.

ти промышленность и науки в государстве, почти не известном соседям. Во время своего царствования он обнаружил все добродетели героя и совершеннейшего государя.

Он все делал для своих подданных и ничего для самого себя, одевался просто, и расходы его двора, при котором не было видно ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей, ни серебряной посуды, не превышали 60 000 рублей в год. Десять или двенадцать молодых дворян, называемых денщиками, и столько же гвардейских гренадеров составляли весь его двор; при нем в России не существовало ни ливрей, ни шитья на мужских платьях.

Государь с целью ослабить Швецию, чрезвычайно грозную до 1709 г., заключил союз с королями датским, прусским и польским. Он низложил короля Станислава, креатуру короля шведского, и восстановил на польском престоле Августа II, разбил Карла XII при Полтаве и довел Швецию до того положения, в каком она находится ныне. Он начальствовал одновременно над русским флотом и над эскадрами английской, голландской и датской и питал такое пристрастие к английским морским учреждениям, что однажды сказал: «Если бы я не был рожден русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

23

Весьма замечательно, что этот великий государь, проницательность и политическая мудрость которого были верхом совершенства, постоянно имел в виду пустоту, существовавшую между неограниченной властью русского государя и властью Сената, и вследствие этого всегда выбирал лицо, способное управлять Сенатом, а в отсутствие государя и всей империей.

Известно, что князь Меншиков, происходивший из простолюдинов и не умевший даже ни читать, ни писать, пользовался благодаря своей деятельности значительным весом и настолько приобрел доверие у государя, что мог управлять этим обширным государством без перерыва в течение многих лет; но наконец, навлекши на себя в 1722 г. неудовольствие императора, был заменен Павлом Ивановичем Ягужинским, назначенным генерал-прокурором Сената. Перед своим отъездом из Москвы в Персию император представил его сенаторам, которыми в то время были: фельдмаршал князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, великий канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Шафиров, президент камер-коллегии князь Дмитрий Михайлович Голицын, тайный советник Толстой — любимец Петра Великого и гвардии майоры Ушаков и Юсупов, все люди заслуженные и уважаемые, тогда как Ягужинский был еще молодой человек, сын иностранца и притом не дворянин. Представляя его сенаторам, император сказал: «Вот мое око, которым я буду все видеть. Ему сообщены мои предположения и намерения; что он

признает за благо, то вы и делайте, и если б даже вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, однако ж все-таки исполняйте, уведомив меня о том, для получения на этот счет моих приказаний».

Каково правило: подчинить мнения первых лиц в государстве мнению молодого иностранца!

Но Ягужинский нагло злоупотреблял значением и властью, которые доставили ему доверие государя; он дерзко обращался с сенаторами и никого не допускал к себе.

24

Петр I, чтобы скорее устроить все согласно со своими видами, держался еще того правила, что первые должности во всех управлениях должны быть предоставляемы русским, а второстепенные — иностранцам. Таким образом, князь Меншиков занимал должность главнокомандующего армией и президента военной коллегии, а генералы и члены коллегии были частью иностранцы. Граф Апраксин был адмиралом, а вице-адмиралами — иностранцы; то же самое было и во всех коллегиях и других управлениях.

Государь постоянно присутствовал в Сенате и даже часто по два раза в день, оставаясь там до ночи. Не было ни одной коллегии, которой бы он не посещал с изумительным постоянством. Ни один государь не был более его трудолюбив и не сознавал так хорошо выгод и пользы своего народа. Как высший гений, он быстро и точно решал дела, затруднявшие сенаторов и коллегии, отмечая при этом на листе бумаги в немногих словах свои мнения и волю.

При таком образе правления Петр царствовал до конца своих дней. Он заставил трепетать своих врагов, был уважаем союзниками, любим и почитаем подданными; ему удивлялись все народы Европы и Азии.

За три месяца перед своей смертью он предпринял поездку в Старую Руссу, по озеру Ильмень, чтобы сделать распоряжения об устройстве бассейна при находящихся в этом городе соляных источниках для сохранения в нем дубового леса, предназначенного для кораблестроения, до тех пор, пока он понадобится адмиралтейству. Проезжая в Старую Руссу и на возвратном пути оттуда, он осматривал Ладожский канал, устройство которого было вверено им мне и о котором он заботился с особенной любовью, потому что, по его выражению, «канал этот должен был питать Петербург и Кронштадт и доставлять материалы для их обстройки»; по нему он хотел направить все товары и промышленные богатства, составляющие предметы торговли России с остальной Европой, а также материалы, потребные для сооружения и содержания флота.

Никогда этот государь не выражал более удовольствия, как при виде успешного хода многих работ по устройству канала. По этому

поводу он написал мне собственноручно чрезвычайно милостивое и лестное письмо, которое вручил мне лично.

Еще до отъезда своего из Петербурга в Старую Руссу он уже чувствовал болезнь, от которой умер, а по возвращении сказал императрице: «Работы моего Миниха вылечили меня; я рассчитываю когда-нибудь сесть с ним в лодку здесь, в Петербурге, и выйти на берег в головинском саду в Москве».

На другой день он привез меня в Сенат и сказал сенаторам: «Я нашел человека, который скоро окончит Ладожский канал; я не имел в своей службе иностранца, который умел бы так, как он, проектировать и исполнять самые громадные работы; исполняйте все, что он будет требовать!»

При выходе из Сената генерал-прокурор Ягужинский сказал мне: «Г-н генерал, теперь мы находимся в вашем распоряжении». Император приказал отправить 25 000 человек солдат для работ на канале, что доказывает, как близко принимал он к сердцу все касавшееся выгода его государства и подданных.

Но этот истинный отец отечества спустя несколько недель умер 28 января 1725 г.

Только за несколько дней до своей кончины он согласился на брак герцога Голштинского со старшей дочерью своей цесаревной Анной Петровной, обручение которой и было совершено в присутствии его, императрицы и всего двора.

25

После смерти этого великого государя все сенаторы и сановники империи согласились возвести на престол великого князя Петра Алексеевича, внука императора. На другой день рано, прежде нежели прибыл князь Меншиков, они собрались в императорском дворце. Все вообще ненавидели князя и в особенности генерал-прокурор Ягужинский. Перед залой, где собрались сенаторы, была поставлена стража. Князь Меншиков явился туда, но его не пустили; тогда он, не делая никакого шума, возвратился в свой дворец, в котором ныне помещается кадетский корпус, позвал к себе Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника гвардейского Преображенского полка, и попросил его привести поскорее роту гвардейцев. Когда это было исполнено, князь Меншиков пошел с ротой прямо к императорскому дворцу, выломал дверь комнаты, где находились сенаторы и генералы, и объявил императрицей и законной русской государыней Екатерину, коронованную императором в Москве в мае предшествовавшего года. Никто не ожидал такого смелого поступка от князя Меншикова и никто не решился воспротивиться объявлению Екатерины императрицей, которой в тот же день принесли присягу на верность гвардия, полевые полки и гарнизон, а равно сенаторы, министры, высшее дворянство, наконец, коллегии и проч., проч.

Царствование императрицы Екатерины

26

Эта государыня была любима и обожаема подданными за свою врожденную душевную доброту, которую обнаруживала во всех случаях, когда ей представлялась возможность принять участие в лицах, заслуживших опалу и немилость государя. К супругу своему она питала безграничную любовь и привязанность, не расставалась с ним ни в путешествиях, ни в самых трудных походах, ни даже в сражениях и битвах, как, например, в Персии и при Пруте. Она была в полном смысле слова посредницей между государем и его подданными.

Причины, по которым сенаторы, министры и генералы предпочли ей молодого великого князя Петра Алексеевича, внука Петра Великого, могли заключаться, во-первых, в том, что сановники эти желали управлять государством во время малолетства Петра II; во-вторых, что в последние дни жизни государя по причинам, сохранившимся в тайне, было замечено охлаждение его к императрице, и наконец, в-третьих, вельможи, зная, какое сильное влияние имел на нее князь Меншиков, предвидели, что она предоставит ему управление государством.

27

Императрица, прежде нежели император узнал ее и почувствовал к ней страсть, жила несколько лет в доме князя Меншикова. Вследствие этого, движимая признательностью за его благодеяния и в особенности за блестящую услугу, оказанную ей при возведении ее на престол, она предоставила ему верховную власть, так что Сенат и коллегии действовали только сообразно с произволом князя.

28

Герцог Голштинский, который вскоре после смерти Петра Великого обвенчался с цесаревной Анной Петровной, мог бы поколебать значение князя Меншикова, тем более что императрица беспредельно и нежно любила герцогиню Анну, свою старшую дочь; но князь Меншиков был настолько же бдителен и деятелен, насколько герцог надменен и медлителен. Меншиков являлся к императрице рано утром, а герцогу и герцогине был воспрещен доступ к ней.

29

Князь Меншиков был одним из богатейших частных лиц в Европе; он имел до 100 000 крестьян в России и, кроме того, значительные земли в Ингрии, Ливонии и Польше; король прусский пожаловал ему поместье Риген, а император Карл VI — княжество Козельское в Силезии.

Его единственный сын, в настоящее время майор Преображенского полка, еще находясь в школе, был сделан камергером императрицы и пожалован орденами св. Екатерины и прусского Черного Орла. Таким образом, было сделано все для упрочения положения этого молодого князя, в котором все уже заранее видели будущего начальника гвардии и обер-камергера императрицы.

Князь, отец его, заботился также об устройстве судьбы двух дочерей своих, из которых старшая назначалась в супруги молодому графу Сапеге, вызванному князем Меншиковым в Россию из Польши. Этот молодой вельможа был тотчас же сделан камергером, а отец его — русским генерал-фельдмаршалом.

30

Однако предположение это скоро изменилось, и молодой граф Сапега с соизволения императрицы женился на ее племяннице Софии Карловне Скавронской, а старшая дочь князя Меншикова была предназначена в супруги великому князю, законному наследнику русского престола.

Это обстоятельство было главнейшей причиной необыкновенного возвышения и падения князя Меншикова. Предположение женить великого князя на княжне Меншиковой и таким образом сделать последнюю русской императрицей было одобрено государыней, а потом и утверждено ее завещанием, которое было делом графа Басевича, министра герцога Голштинского, и подписано от имени императрицы цесаревной Елизаветой. В силу этого завещания герцог Голштинский должен был получить в приданое за цесаревной Анной Петровной 2 000 000 рублей, и такая же сумма назначена цесаревне Елизавете, обрученной с герцогом Голштинским, епископом Любским, который умер в Петербурге от оспы прежде совершения брака. Этим же завещанием герцог и герцогиня Голштинские и цесаревна Елизавета были назначены на время малолетства императора первыми членами регентства, а князь Меншиков, министры и сенаторы — вторыми членами.

31

Венский двор воспользовался этим обстоятельством и постарался внушить князю Меншикову, что так как молодой государь Петр II приходится племянником и, следовательно, ближайшим родственником императрице римской, то император и императрица одобряют брак его с княжной Меншиковой и окажут ему поддержку в случае какого-либо события. Обручение молодого императора с княжной Меншиковой происходило во дворце ее отца в присутствии всего двора и с большим блеском; однако при этом было замечено, что во все время совершения церемонии государь ни разу не взглянул на княжну, свою невесту.

При помощи столь лестных обещаний граф Рабутин, посол венского двора, успел заключить 6 августа 1726 г. весьма невыгодный для России союзный договор, в силу которого в случае войны обе державы обязались взаимно выставить 30 000 человек вспомогательного войска для защиты той из них, на которую будет произведено нападение — союз, пагубный для России, потому что австрийский двор мог воспользоваться им для своих выгод десять раз, а русский — едва ли даже и один. Таким образом, устройство судьбы одной из дочерей Меншикова послужило основанием союзу, последствия которого стоили России во время последней войны столько крови и денег.

Император Петр I, союза с которым венский двор постоянно домогался, никогда не хотел подписать подобного договора против какого-либо европейского государства, за исключением лишь Оттоманской Порты. Однажды этот государь, разговаривая со мной о европейских державах, сказал, что не имел нужды в союзе с ними, но что они нуждались в союзе с ним.

6 мая 1727 г. императрица Екатерина скончалась от сильного ревматизма*, и на другой день великий князь Петр Алексеевич с согласия и одобрения всей нации был объявлен императором.

Образ правления при императрице Екатерине

32

Управление империей в это время заключалось в неограниченном произволе князя Меншикова. Он скоро стал злоупотреблять своей властью и, между прочим, убедил императрицу подписать приговор о ссылке генерал-полицеймейстера Девьера, заслуженного офицера, находившегося в большой милости у Петра Великого и даже у самой императрицы, доверивших ему обязанность воспитателя при обеих цесаревнах — Анне и Елизавете Петровнах. Девьер был женат на сестре князя Меншикова, который, однако, посадил его в крепость, безжалостно поступал с ним и отправил его в ссылку. Меншиков надменно обращался со всеми сановниками империи и придумывал способы удалить из России герцога и герцогиню Голштинских. Он сопротивлялся окончанию Ладожского канала и другого, при устье Невы, который Петр Великий приказал мне прорыть. В лице казацкого полковника Апостола он восстановил должность украинского гетмана и действовал вообще только в собственных интересах.

---

* Уверяют, что она умерла от обсахаренной груши, которая была отравлена и поднесена ей графом Девьером.

Царствование юного императора Петра II

33

Петр Алексеевич был объявлен императором 7 мая 1727 г. под именем Петра II. Князь Меншиков увез молодого государя из императорского дворца и поместил в своем доме, чтобы иметь его под рукою. Таким образом, его власть и могущество увеличивались с каждым днем и все преклонялось перед ним; его младшая дочь была торжественно обручена с Петром II.

34

Вскоре он употребил во зло свою неограниченную власть, сослав в Сибирь воспитателя молодого государя Маврина и приказав выехать из России учителю его Зейкину; таким же образом он поступал и со всеми теми, к кому молодой государь выказывал свое расположение. Он удалил из Петербурга генерал-прокурора Ягужинского, зятя великого канцлера Головкина, с тем чтобы потом отправить его в ссылку, и когда граф Головкин начал ходатайствовать за него, то князь отвечал: «Не хотите ли, чтобы я отправил вас вместо него?» Приказ об отправлении генерал-адмирала графа Апраксина в Архангельск для постройки там фрегатов уже был подписан; Толстой был сослан, и, таким образом, все сенаторы рассеяны. Подполковник гвардейского Преображенского полка Иван Иванович Бутурлин был сослан в свои деревни, а Остермана, управлявшего иностранными делами, он оскорблял словами.

Он относился к молодому императору в своих письмах, как к сыну, подписываясь: «Ваш отец Меншиков».

В церквах он постоянно становился на царское место. Такая чрезмерная гордость и самовластные поступки открыли глаза министрам и вельможам. При посредстве молодого князя Ивана Долгорукого, любимца молодого императора, нарочно увозимого каждый день на охоту, куда не мог следовать за ним князь Меншиков, они нашли способы восстановить государя против временщика.

В июле двор по обыкновению находился в Петергофе и в скором времени должен был возвратиться в Петербург. Князь Меншиков, ничего не подозревая, отправился вперед, чтобы принять молодого государя у себя в доме, но по прибытии своем узнал от придворных, что его величество приказал приготовить для своего пребывания летний императорский дворец. Князь хотел также переехать туда на жительство, но придворные чиновники объявили, что император запретил им впускать его. Тогда он возвратился к себе. Император тотчас по приезде в Петербург послал гвардии майора и генерала Салтыкова арестовать Меншикова, который на следующий день был отправлен со всем семейством в ссылку в Сибирь, в город Березов.

35

После падения Меншикова Долгорукие совершенно овладели императором. Они каждый день увозили его на охоту, не оставляя ему времени для занятия делами, и вскоре вместо дочери Меншикова выбрали ему другую невесту — сестру молодого любимца [государя] князя Ивана Долгорукого.

Министр иностранных дел барон Остерман был назначен воспитателем молодого государя, но мог видаться со своим воспитанником только по утрам, когда тот вставал, и вечером, по возвращении с охоты. Однажды Остерман со слезами на глазах сказал мне: «Образ жизни, который принуждают вести молодого государя, очень скоро приведет его к могиле».

Коронование императора должно было происходить в Москве в 1728 г.; двор намеревался отправиться туда в ноябре 1727 г., но снег выпал только 9 января 1728 г., и в этот день император выехал из Петербурга.

По приезде в Москву великая княжна Наталья Алексеевна, сестра императора, одаренная самыми превосходными качествами, заболела в селе Всесвятском корью, от которой и умерла, к великому огорчению всех, так как она имела большое влияние на государя, которому могла бы и наследовать. Император короновался 25 февраля.

36

В Москве был изменен образ правления; высшие сановники учредили там присутствие, названное Верховным тайным советом и составленное из восьми особ знатнейших фамилий. Сенат и все коллегии зависели от этого совета.

18 января 1730 г. было днем, назначенным для объявления юного государя совершеннолетним; он должен был царствовать с этого времени под именем Петра II; в этот же день предполагалось совершить и бракосочетание его с княжною Долгорукою, но за десять дней до этого он заболел оспой, от которой и умер 19 января, к великому прискорбию всего народа, обожавшего его. Управление государством осталось после его кончины в руках восьми вельмож, составлявших Верховный тайный совет. Управление это возбудило против себя всеобщий ропот: недовольные громко заявляли, что русские с давних времен привыкли к тому, чтобы ими управлял один государь, имевший право располагать их жизнью и имуществом, а не свои братья, такие же подданные, и притом восемь человек, так что не знаешь, к кому обратиться, и если выкажешь расположение к одному из них, то семь остальных сделаются врагами. Таким образом, русские открыто выражали желание свое зависеть и быть подданными, по старинному обычаю, одного верховного и неограниченного государя.

37

Верховный тайный совет прежде всего составил план совершенного уничтожения самодержавия, причем царствующий государь должен был получать лишь определенное содержание и лишался не только всяких преимуществ и права награждать и раздавать должности, но даже не мог производить кого-либо в чин прапорщика гвардии без согласия Верховного совета.

Затем члены этого совета после некоторых рассуждений согласились возвести на русский престол Анну Ивановну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, вторую дочь царя Ивана Алексеевича, брата Петра Великого.

У Анны Ивановны была старшая сестра Екатерина, но так как она находилась замужем за герцогом Мекленбургским, государем со странным и беспокойным характером, то и не была избрана на престол.

Царствование императрицы Анны Ивановны

38

Верховный и, можно сказать, самодержавный тайный совет отправил для сопровождения вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны из Митава в Москву следующих депутатов: от Сената — князя Василия Лукича Долгорукого, вельможу с отменными заслугами, от войска — генерал-лейтенанта Леонтьева и от двора — камергера князя Черкасского.

Депутация эта, прибыв в Митаву, заставила герцогиню Анну подписать условия, на основании которых она отказывалась от самодержавия, предоставляя верховную власть Верховному тайному совету. После этого герцогиня была провозглашена императрицей.

Когда 13 февраля государыня приехала в Москву, то к ней никому не позволяли приближаться, иначе как в присутствии или с согласия Василия Лукича Долгорукого, так что она решительно ничем не могла распорядиться.

Так как эта великая государыня сознавала свои силы и не могла примириться с действиями Верховного тайного совета, то вскоре нашла себе партию, во главе которой стояли князь Алексей Михайлович Черкасский и генерал князь Иван Юрьевич Трубецкой, хотя последний и подписал постановление об ограничении самодержавия.

Так как гвардия и армия находились под начальством лиц противной партии, именно Долгоруких и Голицыных, то Черкасский и Трубецкой, рискуя своей жизнью, отважились представить императрице записку, в которой излагали, что хотя депутаты Верховного тайного совета, принудившие ее величество подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, и уверили ее, что это делается с

единодушною согласия всего дворянства, но они повергаются теперь к стопам ее императорского величества, дабы уверить ее в том, что они не были согласны с членами тайного совета и что вообще дворянство, духовенство и народ желают и умоляют, чтобы ее величество царствовала неограниченно и самодержавно, как ее предшественники.

Императрица приняла необходимые предосторожности для безопасности своей особы, удвоив стражу и уверившись в преданности офицеров. Это обстоятельство сделало карьеру Альбрехта, который в чине капитана служил тогда в гвардии. После этого императрица послала пригласить во дворец членов Верховного совета с приказанием вручить ей акт отречения от самодержавия, который ее заставили подписать в Митаве.

Когда все собрались, императрица кротко, но с твердостью объявила, что депутаты Верховного совета принудили ее подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, уверив, что этого единодушно желают дворянство и все ее верные подданные, но что теперь, известясь о противном, она вынуждена отменить означенный акт и, прощая виновников этого события, будет, подобно своим предшественникам, по праву самодержавно царствовать над своим народом.

Сказав это, она разорвала упомянутый акт в присутствии членов Верховного совета, вельмож и генералов, которые после этого разошлись, и все осталось спокойно.

Императрица короновалась в Москве 28 апреля 1730 г. Я убедил ее перенести резиденцию в Петербург, куда она и прибыла 15 января 1732 г.

Остерман, который после низвержения в 1723 г. вице-канцлера барона Шафирова был назначен на его место и, таким образом, еще при Петре Великом начал заниматься важнейшими государственными делами, имел заклятого врага в генерал-прокуроре Ягужинском, и так как не было надежды на их примирение, то императрица спрашивала совета у обер-гофмаршала графа Левенвольде, у брата его, бывшего впоследствии обер-шталмейстером, у обер-камергера Бирона и у меня: кого из двух, Ягужинского или Остермана, следовало оставить членом совета? Так как первый был от природы запальчив, а Остерман более трудолюбив, то мы выразили мнение, что лучше оставить последнего; тогда Ягужинский был отправлен посланником к берлинскому двору.

39

Остерман, став, таким образом, во главе правительства, понял очень хорошо необходимость наполнить пустоту, о которой уже шла речь (т.е. пустоту между верховною властью и Сенатом, см. § 23), и зная, что императрица питала ко мне большое доверие, просил меня

предложить ее величеству учредить Кабинет, который заведовал бы важнейшими государственными делами и мог бы посылать именные указы Сенату и другим присутственным местам, и назначить туда членом, кроме Остермана, только одного князя Алексея Михайловича Черкасского, которым он надеялся управлять. Я принял на себя это поручение, и ее величество одобрила предложение, но с условием, чтобы я был членом Кабинета.

Таким образом, в Москве в 1730 г., тотчас по вступлении на престол императрицы Анны, был учрежден Кабинет, который существовал до самой ее кончины, т.е. до 1741 г.

Вскоре императрица назначила меня генерал-фельдцейхмейстером и президентом военной коллегии, должность которого я исполнял уже несколько лет, и возложила на меня сверх того важное поручение — составить новые военные штаты как для гвардии и полевых полков, так равно и для украинской милиции; чтобы одобрить меня, эта великая государыня пожаловала меня вслед за тем фельдмаршалом своих войск и предоставила мне главное начальство в Петербурге и Ингерманландии.

В то же самое время я по ее приказанию основал кадетский корпус и сформировал первый кирасирский полк и инженерные войска.

Все эти поручения до такой степени заняли меня, что я, дабы не пренебрегать ими, отправился в Петербург, где находились военная коллегия, канцелярии артиллерийская и инженерная и где должно было быть мое местопребывание как начальника над Петербургом и Ингерманландией. Таким образом, Остерман и Черкасский остались одни членами Кабинета, на что я согласился тем охотнее, что был несведущ в делах иностранных, а также и в тех, которые касались внутреннего управления империей.

Однако по переезде императрицы в Петербург 15 января 1732 г. она требовала меня всякий раз, когда рассматривались важнейшие дела, как, например, вопрос о войне в Польше против короля Станислава, начавшейся в 1733 г.

Учреждение Кабинета было нечто новое в России и неприятное для всех, тем более что Остерман считался двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили, что Черкасский был телом Кабинета, а Остерман — душой, но не слишком честной.

Сенат обратился почти в ничто; старые сенаторы, как, например, князь Дмитрий Михайлович Голицын и другие, недовольные учреждением Кабинета, не ездили в Сенат, отговариваясь болезнью, а граф Головкин, в продолжение всего царствования императрицы, т.е. почти 9 или 10 лет, оставался в постели до тех пор, пока я не нашел средства поднять его, как мы это увидим впоследствии.

Война в Польше и с Портой

40

В 1734 г. я был послан осадить Данциг и выгнать из этого города короля Станислава, удалившегося туда в предшествовавшем году из Варшавы, когда генерал Ласи при помощи русских войск объявил королем польским курфюрста Саксонского под именем Августа III.

В Данциге вместе со Станиславом находились: примас королевства Потоцкий, князья Чарторижские, кастелян виленский и воевода русский с их семействами; воевода мазовецкий, граф Понятовский, графиня, его супруга, сестра воеводы русского и трое сыновей их; затем Плоцкий епископ Залусский, государственный казначей граф Оссолинский, многие сенаторы, французский посланник маркиз де Монти и три французских батальона, расположенных в Вейксельмюнде.

Известно, каким образом я принудил короля Станислава, перодетого крестьянином, удалиться в Кенигсберг и оставить Польшу. После этого город сдался, а примас, все сенаторы, сторонники Станислава, маркиз де Монти и сформированный им полк драгунов, коронная гвардия, множество офицеров, шведские артиллеристы и бомбардиры и три французских батальона были взяты в плен. Город Данциг за сопротивление русскому оружию уплатил миллион контрибуции и отправил в Петербург депутацию от магистрата, чтобы испросить у подножия престола ее величества императрицы прощение в том, что осмелился поднять оружие против России. Замечательно, что Данциг сдался прежде, нежели прибыла из Петербурга осадная артиллерия, и что я взял этот город Вейксельмюнде, укрепленное предместье Ора и множество редутов с тремя 18-фунтовыми пушками и пятью 5-пудовыми мортирами, из которых одну разорвало. Достойно также внимания, что на двадцать моих пушечных выстрелов из города отвечали двумястами, в против двадцати бомб с моих батарей осажденные бросали в течение суток более четырехсот. Неприятель имел до 30 000 войска, а у меня было только 20 000, чтобы вести осаду, циркумвальной линией которой простиралась на девять немецких миль.

Когда город сдался, король Август прибыл из Дрездена в Оливский монастырь, куда я и доставил пленных польских сенаторов, которые покорились и признали Августа III своим королем. Затем он возвратился в Дрезден.

41

В 1735 г. по приезде короля в Варшаву я отправился в этот город, чтобы согласно приказанию императрицы принять начальство над русской армией, которая в числе 90 000 человек, включая сюда и иррегулярные войска, была рассеяна по всей Польше и Литве.

Таким образом, партия Станислава была уничтожена, Август III признан королем и Польша успокоилась.

Я рассчитывал возвратиться в Петербург, но получил в Варшаве приказание ее величества императрицы немедленно отправиться в Павловск-на-Дону, чтобы сделать там все нужные приготовления для осады Азова и войны против турок и татар.

Я тотчас же испросил прощальную аудиенцию у короля и королевцы польских и, сдав начальство над войсками, расположенными в Польше, принцу Гессен-Гомбургскому, отправился в Киев, а отсюда на украинскую линию, которую тщательно осмотрел, начиная от Орлика-на-Днепре до Изюма, где нагружали жизненные припасы для войск, предназначенных осаждать Азов; затем я поехал в Павловск и приказал грузить артиллерию и все припасы, необходимые для этой осады.

Двор приказал генералу графу Вейсбаху идти с корпусом войска к Перекопу и проникнуть в Крым, но этот генерал, только что возвратившийся из Польши, где он командовал частью армии, умер в Переволочно от воспаления желудка. Тогда экспедиция в Крым была поручена генерал-лейтенанту Леонтьеву; он выступил в поход в прекрасные осенние дни, но дошел только до Мертвых Вод, не видел Перекопа и был застигнут гололедицей, которая покрыла все луга, так что для лошадей не было корма, вследствие чего их пало такое большое количество, что почти все офицеры и драгуны вернулись из похода пешком.

В 1736 г., 12 марта, я отправился в крепость св. Анны и послал оттуда лазутчиков разведать об азовских каланчах; 16-го я с небольшим отрядом пехоты и донских казаков переправился через Дон и с этой горстью людей обложил Азов. Внезапно, не потеряв ни одного человека, я овладел каланчами, которые преграждали подступ к крепости со стороны Дона; в то же время я отправил на лодках генерал-майора Спарейтера с 1200 пехотинцев атаковать Лютик. Изумленные янычары оставили эту крепость без кровопролития, вследствие чего Азов был окружен со всех сторон. Я укрепил позицию, занятую моей малочисленной пехотой, окопами и, открыв тотчас же траншеи, велел бомбардировать город, чем и началась осада.

По возвращении генерала Ласи с Рейна, где он командовал русским вспомогательным корпусом, я предоставил ему дальнейшее ведение осады, но так как при нем не было хороших инженеров, то он взял Азов лишь после больших усилий, причем этот храбрый генерал был ранен в ногу.

Сам я с частью армии пошел в Крым. Известно, с каким счастливым успехом окончил я не только эту экспедицию, но и всю войну, обстоятельное описание которой здесь не имеет места. Русский

народ дал мне два прозвания: «столпа Российской империи» и «Сокола», который видит все. Во время этой войны я далеко проникал в турецкие владения, а каждую зиму проводил в Петербурге. Война кончилась изумительной битвой и победой при Ставучанах, взятием Хотина и покорением Молдавии. Во время движения моего к Бендерам для овладения этим городом я послал белгородским татарам приказание покориться. Армия моя с каждым днем увеличивалась молдавскими и валахскими войсками, и отряды мои доходили до Браилова на Дунае и проникали в Валахию.

Несчастный Белградский мир, заключенный австрийцами, внезапно остановил быстрые успехи русских войск, предводительствуемых фельдмаршалом графом Ласи и мною.

42

В 1739 г. генерал Нейперг, командовавший австрийской армией в Венгрии, был вместе с тем назначен и полномочным министром для ведения мирных переговоров с великим визирем. Он заключил мир, уступив постыдным образом и без необходимости город Белград с его крепостью, служивший оплотом христианских государств против неверных. Это было тем более постыдно, что турецкая армия, нуждавшаяся в продовольствии, непременно оставила бы осаду этой важной крепости, если б Нейперг сумел протянуть переговоры еще 5 или 6 дней, но его торопили заключить мир г-н Вильнев и австрийское министерство.

По поводу завоевания Белграда турки говорили, что эта крепость не взята ими, а отдана им Магометом.

Вильнев хвастал, что заключив этот мир, оказал Франции гораздо большую услугу, нежели бы выиграл сражение.

Так как Нейперг заключил мир без участия России, то полковник Броун, назначенный императрицей Анной состоять при австрийской армии для того, чтоб сообщать русскому двору обо всем, что там происходило, спросил Нейперга: «Не постановлено ли в мирном трактате каких-либо условий, касающихся России?» Нейперг отвечал, что для России и без того слишком много сделали, впутавшись в эту роковую войну — обыкновенная увертка австрийского министерства.

Император Карл VI сам писал императрице Анне, что он со слезами на глазах уведомляет ее величество о заключении его министерством невыгодного мира с великим визирем и об уступке Белграда, но что тем не менее необходимо сдержать слово, данное туркам.

Нейперг имел секретные инструкции от герцога Лотарингского, впоследствии императора, и Цинцендорфа и после заключения несчастного мира сказал: «Многие полагают, что по возвращении моем в Вену у меня будет отрублена голова, но мне нечего бояться».

Мирный договор был заключен Австрией 1/12 сентября, а Россией — 7/18-го числа того же месяца 1739 г.

Этот мир был тем более постыден для австрийцев, что в это самое время император получил с курьером известие о победе при Ставучанах, взятии Хотина и об успехах русского оружия в Молдавии. Император публично сказал, что мог бы продолжать войну, если б во главе его войска находился фельдмаршал Миних.

Нужно заметить, что Вильнев был одновременно полномочным министром трех дворов: французского, венского и петербургского и давно уже пользовался таким большим доверием и влиянием в Константинополе, что в данном случае руководил всем.

Несмотря на то что Франция находилась в это время во враждебных отношениях к России за изгнание короля Станислава из Польши, Остерман не мог воспрепятствовать императрице облечь Вильнева полномочиями, потому что ее побуждало к этому австрийское министерство. Чтобы подкупить Вильнева, был тайно послан советник коммерц-коллегии Каниони, который вручил ему знаки ордена св. Андрея, осыпанные бриллиантами дорогой цены, а госпоже Вильнев — драгоценные вещи и вексель на значительную сумму; однако Вильнев не принял векселя. Так как Каниони настаивал, чтобы он скорее условился с великим визирем относительно статей мирного договора с Россией, то Вильнев отвечал: «Ваше дело находится в отличном положении».

43

Наконец статьи эти были определены и мир заключен согласно проекту, присланному Остерманом Вильневу, по которому:

1) границы Украины были значительно расширены со стороны Крыма, так что

2) запорожские казаки остались под владычеством России.

3) Азов не был возвращен Порте, но Россия обязалась разрушить и срыть его; новая пограничная линия должна была пройти через центр Азова.

4) Порта не могла строить новых крепостей иначе, как на расстоянии тридцати верст от Азова со стороны моря, а Россия — на таком же расстоянии от крепости св. Анны.

Сначала полагали, что исполнение этой статьи будет постоянно встречать разные затруднения.

5) Вопрос о Таганроге и русском флоте на Черном море был весьма искусно обойден, так что Россия имеет право выстроить там, когда найдет это нужным, крепость и завести флот по примеру Петра Великого.

6) Границы за Днепром не были вовсе определены, так что русские имеют право там водворяться; на этих самых местах теперь

находятся новые сербские колонии, крепость св. Елисаветы и другие укрепления, к большому вреду Польши, которой принадлежат эти земли и которая, таким образом, очутилась окруженной.

7) Император Петр Великий по Прутскому договору, заключенному с Портой в 1711 г., обязался более не вмешиваться в дела Польши. В Белградском договоре эта статья не была вовсе затронута; таким образом, Порта не может порицать Россию, если последняя вмешается в польские дела для того, чтобы поддержать спокойствие в государстве, пограничном с нею.

Вот приблизительно сущность договора Порты с Россией, в силу которого был скрыт Азов и определены новые границы, дающие России право провести за рекой Самарой новую линию, более удобную и короткую, нежели прежняя, для прикрытия Украины от набегов татар и более близкую для того, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море.

Со времени этой войны турки и татары стали уважать русское войско и хорошо обходиться с русскими пленными, которых, однако, у них было очень мало. Татары говорили, что теперь русские стали уже не те; что в прежнее время десять татар обращали в бегство сто русских, а теперь сто татар отступают при виде десяти русских.

Турки сознавались, что не могли выдержать атаки и огня русских войск ни в поле, ни в крепостях; что австрийские войска годятся только для того, чтобы рубить их, но что они (турки) боятся и уважают русских и что если бы я был их предводителем, то они отдали бы мне половину Оттоманской империи.

Во время этой войны с Турцией необходимо было щадить соседей, которые давали повод к беспокойству и подозрениям относительно их, и в том числе калмыков, находившихся под начальством хана, или князя Дондук-Омбо.

44

Эта война была одной из самых славных для русского оружия, которое проникло далеко во владения Порты, и не расстроила несколько финансов императрицы Анны. Государыня эта скончалась 17 октября 1740 г. от камня, образовавшегося в почках, признаки которого чувствовала еще десять лет назад, но ни один из ее врачей, не подозревая о его существовании, не лечил ее от этой болезни. Она умерла в полном сознании, не думая, что жизнь ее находится в опасности. Последние произнесенные ею слова были: «Прости, фельдмаршал!»

Она придала своему двору пышность, построила императорский дворец, умножила гвардию Измайловским и конногвардейским полками, значительно увеличила артиллерию, содержала в блестящем

состоянии войско и флот, учредила кадетский корпус и, умирая, оставила в своей казне два миллиона наличными деньгами.

Герцог Курляндский, граф Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили от имени императрицы духовное завещание.

Остерман, который под предлогом, что болезнь ног мешает ему ходить, в течение многих лет не выезжал из своего дома, приказал внести себя в креслах во дворец, к изголовью постели императрицы, за несколько часов до ее кончины; здесь он вынул из кармана бумагу и спросил государыню, не угодно ли ей позволить, чтобы он прочитал ей ее завещание. Императрица спросила: «Кто писал это завещание?» — доказательство, что она не приказывала этого и что духовная была составлена без ее ведома.

Остерман приподнялся с кресел и, поклонившись, отвечал: «Ваш нижайший раб».

Затем он начал читать завещание, и когда дошел до той статьи, которой герцог Курляндский назначался регентом на шестнадцать лет, до совершеннолетия юного государя Ивана Антоновича, то императрица спросила герцога Бирона: «Надобно ли это тебе?» — доказательство, что императрица не думала готовить подобную будущность для герцога.

Предполагают, что императрица, находившаяся в большой слабости, подписала это завещание, а герцогиня Курляндская заперла его в шкаф, где хранились драгоценности государыни.

После этого Остерман приказал перенести себя в приемную императрицы, где уже собрались все вельможи, извещенные врачами о том, что императрица была при смерти. Адмирал граф Головин и обер-шталмейстер князь Куракин, обратясь к Остерману, сказали: «Мы желали бы знать, кто наследует императрице». — «Молодой принц Иван Антонович», — отвечал Остерман, но при этом ни слова не сказал ни о завещании, ни о назначении герцога Курляндского регентом империи, и потому все ожидали, что императрица назначит своей наследницей племянницу свою принцессу Анну Мекленбургскую. Но это не согласовалось с видами Бирона, который, не довольствуясь тем, что сделался герцогом Курляндским, хотел управлять Российской империей, а Остерман и Черкасский рассчитывали устроить через это свое благосостояние*.

---

* Необходимо, чтобы его превосходительство генерал-фельдмаршал взял на себя труд отвечать на то, что герцог Курляндский рассказывает об этом важном событии в своей «Записке...» (напечатанной в IX т. Бюшингова магазина), потому что рассказ герцога по своим подробностям весьма правдоподобен и нисколько не согласуется с рассказом его превосходительства генерал-фельдмаршала. Главная сущность рассказа герцога заключается в следующем.

1) Императрица Анна при начале своей болезни послала графа Левенвольде к графу Остерману спросить его мнение о том, что следовало делать.

45

На другой день, 18 октября 1740 г., когда все вельможи собрались во дворец, Остерман по-своему объявил им о кончине императрицы. Вышеупомянутое духовное завещание было прочитано; войска стояли под ружьем; герцог Курляндский был признан регентом России, а принц Иван — императором. Все сановники подписали присягу в верности, к которой были затем приведены гвардейские войска, коллегии и проч., согласно с обычаем, установленным в России.

---

2) Граф Остерман считал более всего необходимым объявить принца Иоанна наследником престола.

3) Но императрица и ее министры опасались, чтобы дед принца, герцог Мекленбургский, не произвел в русской империи больших беспорядков.

4) На этом основании г-н генерал-фельдмаршал граф Миних и многие другие сановники обратились к герцогу Курляндскому с объявлением, что признают самым выгодным для империи, если герцог согласится взять на себя бремя правления на время малолетства юного принца, причем отстаивали свое предложение против всех возражений и затруднений, представленных герцогом.

5) Через несколько дней после этого граф Миних и некоторые другие вельможи отправились к императрице и просили ее не только утвердить проект присяги на верность принцу Иоанну, но и объявить вместе с тем герцога Курляндского регентом империи.

6) Правда, императрица не дала г. Миниху никакого положительного ответа относительно этой просьбы, но сообщила о ней герцогу.

7) Спустя два дня граф Остерман и многие другие вельможи, придя в комнаты императрицы, настоятельно просили герцога принять на себя регентство и прочитали ему просьбу, поданную ими по этому поводу императрице. Герцог наконец уступил их просьбам с условием, что может отказаться от регентства, когда этого пожелает.

8) Затем этот документ — по всем вероятностям завещание — был представлен императрице, которая хотела тотчас же подписать его, но герцог сам удержал ее от этого. Тогда императрица положила эту бумагу не подписанной под свое изголовье.

9) Дело оставалось в таком положении несколько дней, в течение которых сановники империи решили признать герцога регентом даже в том случае, если б императрица умерла, не подписав вышеупомянутой бумаги. Те же сановники, созвав во дворец всех знатных лиц, сочинили к императрице просьбу, в которой просили ее объявить герцога регентом на время малолетства принца; эта просьба была подписана генерал-фельдмаршалом Минихом и двенадцатью другими вельможами.

10) Императрица, пригласив к себе Остермана, подписала эту бумагу и сказала ему, чтобы он успокоил вельмож, о которых идет речь, объявив им, что она согласилась на их просьбу.

11) Граф Остерман тотчас же запечатал бумагу, подписанную императрицей; государыня отдала ее супруге подполковника Юшкова, которая положила эту бумагу в шкапулку, где хранились драгоценные вещи императрицы.

12) Императрица после этого жила несколько дней, и по кончине ее завещание это было публично вскрыто и прочитано князем Трубецким, и проч., и проч.

Характер императрицы Анны

46

Эта великая государыня обладала от природы великими достоинствами. Она имела ясный, проницательный ум, знала свойства окружающих ее лиц, любила порядок и великолепие, и никогда двор не был так хорошо устроен, как при ней; она была великодушна, и одним из ее удовольствий было делать добро и щедро награждать заслуги. Но недостаток ее заключался в том, что она любила спокойствие и совсем не занималась делами, предоставляя все произволу своих министров. Этому обстоятельству должно приписать несчастье, постигшее Долгоруких и Голицыных, которые сделались жертвами Остермана и Черкасского потому, что превосходили их умом и заслугами. Бирон погубил Волынского, Еропкина и их друзей за то, что Волынский подал императрице записку, которая клонилась к тому, чтобы удалить и низвергнуть Бирона. Я сам был свидетелем, как императрица горько плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и другими.

Образ правления при императрице Анне Ивановне

47

Мы видели, что большая пустота, существовавшая между самодержавной властью государыни и властью Сената, была пополнена кабинет-министрами графом Остерманом и князем Черкасским, однако же не вполне достаточно, потому что оба названных министра находились в совершенном подчинении у обер-камергера герцога Бирона и не осмеливались делать ничего, что не нравилось бы этому фавориту. Благодаря этому обстоятельству из России были вывезены несметные суммы, употребленные на покупку земель в Курляндии, постройку там двух скорее королевских, нежели герцогских дворцов и на приобретение герцогу друзей в Польше. Кроме того, многие миллионы были истрачены на покупку драгоценностей и жемчугов для семейства Бирона, и можно сказать, что в Европе не было ни одной королевы, которая имела бы их в таком количестве, как герцогиня Курляндская. Не злое сердце этой великой государыни, но ее любовь к спокойствию, дававшая министрам возможность делать то, что согласовывалось с их честолюбием и выгодами, была причиной пролития крови Долгоруких и Волынского, что дало повод иностранным дворам говорить, будто императрица Анна велела отрубить головы тем, которые возвели ее на престол.

В ее царствование в Сенате присутствовали только два лица: генерал-кригс-комиссар Новосильцев и Сукин, который был обвинен в лихоимстве за то, что взял десять тысяч рублей с поставщиков

провианта во время персидского похода. Хотя фельдмаршал Трубецкой и являлся изредка в Сенат, но только по своим частным делам или для того, чтобы выказать там все свое ничтожество. Остальные же сенаторы, недовольные Кабинетом, никогда не ездили в Сенат. В видах Остермана и Черкасского было, чтоб в Сенате присутствовали только лица, ничего не значащие.

По этому легко можно судить, до какой степени образ правления и Кабинет императрицы Анны были несовершенны и даже вредны для государства.

Правление регента герцога Курляндского

48

Мы видели выше, что 18 октября 1740 г. этот вельможа был признан и объявлен регентом Российской империи в силу завещания императрицы Анны. Он принес присягу в качестве регента перед фельдмаршалом графом Минихом.

Он лично председательствовал в Кабинете, членами которого тогда были граф Остерман, князь Черкасский и Алексей Петрович Бестужев, во всем содействовавший герцогу и по его указанию назначенный императрицей кабинет-министром для того, чтобы уравновесить власть Остермана, о котором ее величество говорила всегда, что он лукав и не может никого терпеть около себя.

В одном из пунктов завещания императрицы было сказано, чтобы герцог-регент обходился с племянницей ее, принцессой Анной, и принцем, ее супругом, почтительно и сообразно с их положением и званием; но герцог поступал совершенно напротив: он обращался с ними высокомерно, постоянно осыпая угрозами, и я видел сам, как принцесса трепетала, когда он входил к ней. Так как герцог уже стоил империи многих миллионов в бытность свою только обер-камергером, то сановники внушили принцессе, что теперь, сделавшись на шестнадцать лет регентом и правителем империи, он, по всем вероятностям, вытянет из России по крайней мере еще шестнадцать миллионов, если не более. Так как другим пунктом того же завещания герцог и министры были уполномочены по достижении молодым принцем Иоанном семнадцатилетнего возраста испытать его способности и обсудить, в состоянии ли он управлять империей, то никто не сомневался, что герцог найдет средство представить молодого принца слабоумным и, пользуясь своей властью, возведет на престол сына своего принца Петра, который два года тому назад должен был, как говорили, жениться на принцессе Анне. Таким образом, принцессу убедили, что для блага государства следует арестовать регента Бирона и отправить его с семейством в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людовика Брауншвейгского.

Вследствие этого регент, как мы увидим ниже, был арестован в ночь с 7 на 8 ноября.

Характер регента герцога Курляндского Бирона

49

Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, не имел вовсе образования, говорил только по-немецки и на своем природном курляндском наречии; он даже довольно плохо читал по-немецки, в особенности же если при этом попадались латинские или французские слова. Он не стыдился публично говорить при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски для того, чтобы не быть обязанным читать ее величеству прошений, донесений и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно.

У него были две страсти, одна весьма благородная — к лошадям и верховой езде; в бытность свою обер-камергером он отлично выезжал себе лошадей и почти каждый день упражнялся в верховой езде в манеже, куда императрица очень часто приезжала и куда по ее приказанию иногда являлись министры для представления к ее подписи государственных бумаг, изготовленных в Кабинете. Герцог убедил ее величество сделать большие издержки на устройство конских заводов в России, где был недостаток в лошадях. Племенные жеребцы для заводов доставлялись из Испании, Англии, Неаполя, Германии, Персии, Турции и Аравии. Было бы желательно, чтобы эти великолепные заводы поддерживались и после него.

Вторая страсть его была — игра. Он не мог провести ни одного дня без карт и играл вообще в большую игру, находя в этом свои выгоды, что ставило часто в весьма затруднительное положение тех, кого он выбирал своими партнерами.

Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив около нее вместо себя свою жену. Императрица не имела вовсе стола, но обедала и ужинала с семейством Бирона и даже в комнатах своего фаворита. Он жил великолепно, но вместе с тем был бережлив, весьма коварен и крайне мстителен, доказательством чему служит жестокая участь кабинет-министра Волынского и его друзей, вся вина которых заключалась только в том, что они желали удалить Бирона от двора.

Образ правления при регенте герцоге Бироне

50

Регент, как мы уже сказали выше, в § 48, каждый день присутствовал в Кабинете. Его министрами были те же лица, которые занима-

ли эти должности в царствование императрицы Анны, т.е. граф Остерман, Черкасский и Бестужев.

Он был уверен в преданности ему гвардии; я командовал Преображенским полком, а моим помощником был майор Альбрехт — его креатура и шпион; Семеновский полк находился под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а конногвардейским — сын его принц Петр, но так как он был еще очень молод, то обязанности полкового командира исполнял за него Ливен, курляндец, впоследствии фельдмаршал.

Однако тотчас же, как Бирон сделался регентом, против него составилась заговор, в котором принял участие секретарь принца Брауншвейгского Грамматин, что было одной из причин грубого обращения герцога с принцем и принцессой Анной. Секретарь и его сообщники, подвергнутые допросу и пытке, сознались во всем. Этим началось регентство Бирона.

Будучи врагом прусского короля, он вступил в новые сделки с венским двором, оставшиеся однако без последствий, потому что регентство его продолжалось только двадцать дней, с 18 октября по 7 ноября, когда он был арестован и на другой же день отправлен в Шлиссельбург, а затем в Пелым в Сибири. Место его заключения было выбрано ему мнимым другом его князем Черкасским, который прежде находился губернатором в Тобольске и знал все места, где обыкновенно содержались лица, навлекавшие на себя немилость.

Правление принцессы Анны Мекленбургской

51

Выше мы видели, что поведение регента герцога Бирона побудило благонамеренных лиц представить принцессе Анне, матери юного императора, что для блага государства необходимо удалить Бирона и его семейство.

Принцесса, подвергаемая вместе с принцем, своим супругом, постоянным оскорблениям со стороны Бирона, одобрила это предложение. Так как регент жил в летнем дворце и имел при себе караул от Преображенского полка, которым я командовал, то принцесса в ночь с 7 на 8 ноября приказала мне арестовать его, что и было исполнено в полночь. Герцог был отвезен в зимний дворец, где жила принцесса, а на другой день отправлен в Шлиссельбург*.

---

* История ареста герцога рассказана в «Жизни прусского генерал-майора г. Манштейна», описанной профессором Паули, который слышал ее от самого г. Манштейна. Гершельман списал ее у Паули, и я читал этот рассказ в его жалкой, так называемой прагматической истории Российской империи.

В тот же день, 8 ноября, когда все сановники собрались во дворец, принцесса Анна, племянница императрицы Анны Ивановны, была объявлена великой княгиней и правительницей Российской империи. Все государственные сословия принесли ей, а равно и молодому императору Ивану Антоновичу, присягу на верность; когда гвардия исполнила этот долг, то молодой принц был показан ей в окно.

Великая княгиня и правительница принцесса Анна начала свое правление щедрыми наградами. Она назначила:

супруга своего, принца Брауншвейгского, генералиссимусом русских войск.

Генерала графа Миниха — главой совета и первым министром.

Графа Остермана — генерал-адмиралом, министром иностранных дел и членом Кабинета.

Князя Черкасского — великим канцлером и членом Кабинета.

Графа Головкина — вице-канцлером и членом Кабинета.

Адмиралу графу Головину, обер-шталмейстеру князю Куракину и генералу Ушакову, подполковнику Семеновского полка, были пожалованы ордена св. Андрея.

Гофмейстер Шепелев был награжден многими поместьями.

Генерал-майор Апраксин, премьер-майор Семеновского полка, получил также большие поместья. Были розданы еще многие другие награды, следовавшие одна за другой.

Всюду выражалось удовольствие по поводу удаления герцога Курляндского и провозглашения великой княгини Анны правительницей империи.

Принц Людвиг Брауншвейгский был вызван в Петербург. Во время проезда его через Курляндию тамошние министры и дворянство единогласно избрали и признали его герцогом Курляндским и Семигальским. По прибытии своем в Петербург он был принят с большим почетом, получил орден св. Андрея и был помещен в императорском дворце, причем все расходы на его содержание уплачивались из казны.

Характер великой княгини и правительницы принцессы Анны

52

Эта принцесса, воспитанная под надзором своей матери царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, получила с детства дурное направление.

Императрица Анна, нежно любившая принцессу, взяла ее к себе, поместила в императорском дворце, учредила для нее особый штат и назначила к ней гувернанткой госпожу Адеркас; но эта госпожа,

совершенно не способная к исполнению обязанностей, сопряженных с порученной ей должностью, была внезапно выслана из России с повелением никогда туда не возвращаться, причем не была даже допущена проститься с ее величеством императрицей.

Характер принцессы обнаружился вполне, когда она сделалась великой княгиней и правительницей. Она была от природы ленива и никогда не присутствовала в Кабинете; когда я приходил к ней поутру с бумагами, заготовленными в Кабинете или требовавшими какого-нибудь решения с ее стороны, то она, сознавая свою неспособность, часто говорила мне: «Как бы я желала, чтобы мой сын находился в таком возрасте, когда мог бы царствовать». Я всегда отвечал, что ей, как величайшей государыне в Европе, стоит только выразить мне свои желания, и все будет исполнено без всякого для нее беспокойства.

Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, не носила фижм и в таком виде являлась к обеду, в публиче, за обедом и после него, когда играла в карты с избранными партнерами, которыми были: принц, ее супруг; граф Линар — посланник короля польского и любимец великой княгини, его доверенный маркиз Ботта — посланник венского двора, оба враги короля прусского; г. Финч, английский посланник, и мой брат. Прочие иностранные министры и придворные сановники никогда не допускались в эту партию, которая собиралась в комнатах фрейлины Юлии Менгден, наперсницы великой княгини и в то же время поверенной графа Линара, которому великая княгиня из своих рук пожаловала орден св. Андрея, причем наградила его поцелуем, находясь еще в постели, хотя и была совершенно здорова.

Она дурно жила с принцем, своим супругом, и спала отдельно от него; когда же он желал войти к ней поутру, то обыкновенно находил двери запертыми. Она имела частые свидания с графом Линаром в третьем дворцовом саду, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, пользовавшейся там минеральными водами. Когда же принц Брауншвейгский намеревался также проникнуть в этот сад, то для него ворота были всегда заперты и часовым было приказано никого туда не пускать. Так как Линар жил подле ворот сада в доме Румянцева, то принцесса приказала построить вблизи дачу, что ныне летний дворец.

Летом она приказывала ставить свою кровать на балкон зимнего дворца, выходивший на реку; хотя при этом ставились и ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов, соседних ко дворцу, можно было все видеть.

В это время я заболел сильнейшей коликой, которой до тех пор никогда не испытывал; я думал, что умру в тот же день; доктора, а с ними и все полагали, что я был отравлен. Однако ж я выздоровел

от этой болезни через три недели; в продолжение всего этого времени в Кабинете не делалось решительно ничего.

Прежде всего я позаботился о возобновлении оборонительного договора с королем прусским, и вследствие моих домогательств было договорено выставять взаимно в помощь не 6 000 человек, как это было условлено в прежнем трактате, а 12 000 войска.

Но этот договор, хотя ратификованный и размененный министрами обоих дворов, существовал недолго. Скоро в Дрездене составили другой договор, которым венский и саксонский дворы обязывались объявить войну королю прусскому, лишить его владений и отнять у него Силезию. Маркграфство Бранденбургское должно было достаться Саксонскому принцу римско-католического вероисповедания.

Этот договор был подписан в Дрездене графом Вратиславом — министром венского двора и гофмейстером польской королевы, дипломатом очень проницательным, одним иезуитом, уполномоченным для ведения этих переговоров венским двором, и графом Брюлем, министром польского короля.

Копия с этого договора была прислана великой княгине русским посланником при польском короле бароном Кейзерлингом, причем эта государыня приглашалась принять в нем участие и объявить войну своему союзнику королю прусскому.

Принц Брауншвейгский, граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин, поддавшись влиянию маркиза Ботта и графа Линара, не только не сделали никаких возражений против этого предложения, но убедили великую княгиню и правительницу принять его. Русские войска получили приказание выступить в поход к Риге, чтобы напасть на прусского короля со стороны королевской Пруссии.

Так как этот договор был тотчас же сообщен мне и я имел его в руках в продолжение двух дней, то я объявил великой княгине, что нахожу отвратительным договор, направленный к тому, чтобы лишить престола и владений государя, который, подобно его предшественникам с начала этого столетия, был вернейшим союзником России и в особенности Петра Великого, что Россия в продолжение сорока лет вела тягостные войны и нуждается в мире для приведения в порядок внутренних дел государства и что когда вступит на престол юный государь, ее сын, то я и все министерство ее императорского высочества должны будем отвечать перед ним, если начнем новую войну в Германии в то время, когда у нас еще не кончена война со Швецией и когда ее императорское высочество столь недавно заключила союзный договор с прусским королем.

Великая княгиня, находясь в полном подчинении у графа Линара и маркиза Ботта и не слыша противоречий ни от кого из своих

министров, за исключением лишь одного меня, рассердилась и с запальчивостью сказала мне: «Вы всегда за короля прусского, но я уверена, что как только наши войска выступят в поход, то король прусский выведет свои из Силезии».

С этого дня великая княгиня стала дурно принимать меня, и так как я не мог помешать тому, чтобы войска не были двинуты к Риге, то и попросил отставку, которая и была дана мне с неудовольствием. Я удалился в Гостилицы. Впрочем, через несколько дней дурное расположение духа принцессы прошло и она пожаловала мне ежегодный пенсioen в пятнадцать тысяч рублей и назначила караул от Преображенского полка к моему дому.

Доказательством непростительной беспечности великой княгини служит то, что за несколько дней до ее падения она была предупреждена английским посланником г. Финчем, что будет низвергнута, если не примет предосторожностей. Но она не только не приняла никаких мер для отражения удара, но даже имела слабость сообщить обо всем принцессе Елизавете, которая вследствие этого ускорила исполнение своего смелого плана — взойти самой на престол.

Образ правления при великой княгине- правительнице принцессе Анне

53

Мы видели, что большая пустота и промежуток, существовавшие между верховной властью и Сенатом, были совершенно восполнены советом, или Кабинетом принцессы, где я занимал место первого министра и где вместе со мною были граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин. Мы уже сказали выше, что граф Головкин, недовольный тем, что не был назначен при императрице Анне членом Кабинета, оставался в постели в продолжение девяти или десяти лет. Но как только его назначили по моему предложению вице-канцлером и кабинет-министром, он тотчас же встал с постели, явился ко двору и сказал: «Я в состоянии работать». Затем я позаботился разделить Кабинет по роду дел на различные департаменты.

Военный департамент находился в моем ведении.

Департаменты морской и иностранных дел были предоставлены графу Остерману.

Внутренние же дела империи составляли департамент канцлера князя Черкасского и вице-канцлера графа Головкина.

То, что каждый определял и решал в своем департаменте, вносилось затем в Кабинет на общее рассмотрение, после чего уже изготовлялись соответственные указы. Этот порядок был создан мною

одним. Число сенаторов было увеличено назначением г. Брылкина и других.

Сенат был также разделен на несколько департаментов, но моя отставка воспрепятствовала мне устроить все согласно общему плану, который я себе составил.

Регентство великой княгини принцессы Анны продолжалось только год и шестнадцать дней, т. е. с 8 ноября 1740 г. до ночи с 24 на 25 ноября 1741 г., когда она была арестована в постели самой принцессой Елизаветой, сопровождаемой преображенскими гвардейцами.

Царствование императрицы Елизаветы Петровны

54

Эта великая принцесса, сознавая, что она дочь и единственная наследница Петра Великого и императрицы Екатерины, с величайшим прискорбием переносила, что по устранении ее от престола русская корона была предназначена юному принцу Ивану, находившемуся еще в колыбели, а регентство империи на время малолетства этого ребенка вручено сначала герцогу Курляндскому Бирону — иностранцу, не связанному родством ни с императорским домом, ни с какой-либо знатной русской фамилией, а затем принцессе Анне Мекленбургской.

Елизавета Петровна выросла окруженная офицерами и солдатами гвардии и во время регентства Бирона и принцессы Анны чрезвычайно осторожно обращалась со всеми лицами, принадлежавшими к гвардии. Не проходило почти дня, чтобы она не крестила ребенка, рожденного в среде этих первых полков империи, и при этом не одаривала бы щедро родителей или не оказывала бы милости кому-нибудь из гвардейских солдат, которые постоянно называли ее «матушкой».

Таким образом, в гвардии составила́сь партия горячих приверженцев принцессы, и ей не трудно было воспользоваться их содействием для достижения престола. Гвардейцы жили в построенных мною для них казармах. У принцессы Елизаветы был подле преображенских казарм дом, известный под именем Смольного; здесь она часто ночевала и виделась с преображенскими офицерами и солдатами. Правительница принцесса Анна была предубеждена об этих собраниях, но считала их пустяками, не могущими иметь последствий; при дворе говорили с насмешкой: «Принцесса Елизавета водит компанию с преображенскими гренадерами».

В ночь с 24 на 25 ноября эта великая принцесса приехала в казармы Преображенского полка и, собрав своих приверженцев, сказала им: «Ребята, вы знаете чья я дочь, идите за мной!»

Все было условлено, и офицеры и солдаты, узнав, чего от них требуют, отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех уьем».

Принцесса великодушно возразила: «Если вы хотите поступать таким образом, то я не пойду с вами».

Она повела этот отряд прямо в зимний дворец, вошла в комнату великой княгини, которая была в постели, и сказала ей: «Сестрица, пора вставать».

Приставив караул к великой княгине, ее мужу, принцу Брауншвейгскому, и сыну их, принцу Ивану, она возвратилась в свой дворец, находившийся возле Летнего сада, и в ту же ночь приказала арестовать меня, моего сына, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, обер-гофмаршала графа Левенвольде, президента коммерц-коллегии барона Менгдена, действительного статского советника Темирязева и некоторых других; все мы были отправлены в крепость.

В ту же ночь принцесса Елизавета была признана императрицей и самодержавной российской государыней всеми сановниками, прибывшими в ее дворец, перед которым по ту сторону канала собралась многочисленная толпа народа; гвардейцы же заняли улицу и кричали: ура!

Наутро Елизавета в открытой коляске отправилась в зимний дворец, где была провозглашена императрицей и где все принесли ей присягу в верности*. Все совершилось тихо и спокойно, и не было

---

* История восшествия принцессы Елизаветы на российский престол.

У Елизаветы было два плана достигнуть престола. Первый заключался в том, чтобы исполнить это при содействии Швеции, которой были сделаны большие обещания за помощь, истолкованные шведами в том смысле, будто Елизавета по вступлении своем на престол возвратит им провинции, завоеванные ее отцом, что вовсе не входило в ее намерения. Второй план состоял в том, чтобы подкупить гвардию раздачей известной суммы денег в день Крещения и водосвятия 6 января 1742 г., когда вся гвардия, находившаяся в Петербурге, обыкновенно собиралась. Планы эти были известны французскому посланнику маркизу де ла Шетарди, доставившему принцессе значительные суммы. Но когда правительнице Анне было сообщено об этих замыслах письмом, врученным ей 20 ноября 1741 г., в котором ей советовали наблюдать за принцессой Елизаветой и арестовать Лестока, и когда в приемный день 23 ноября правительница имела неосторожность сообщить о полученных ею сведениях принцессе Елизавете, то Лесток убедил принцессу не откладывать более исполнение плана и тем оградить ее личную свободу и спасти жизнь ее верных слуг. Изданный в это время указ о том, чтобы большая часть гвардии готовилась в поход в Финляндию, представлял благоприятный случай к осуществлению плана. Лесток не мог привлечь на сторону принцессы ни одного офицера, но многие солдаты Преображенского полка были подкуплены в ее пользу; притом же Лесток имел несколько шпионов, сообщавших ему обо всем, что происходило при дворе. Он убедил принцессу привести в исполнение план в ночь с 24 на 25 ноября. В одиннадцать часов вечера он отправился к маркизу де ла Шетарди, чтобы взять у него деньги, но при этом не открыл ему своих настоящих намерений.

пролито ни одной капли крови; только профессор академии г. Гросс, служивший в канцелярии графа Остермана, застрелился из пистолета, когда его арестовали.

Подробности царствования этой великой государыни не могут иметь здесь места, славные же дела, сопровождавшие его, всем известны.

Характер императрицы Елизаветы Петровны

55

Она родилась 5 сентября 1709 г. — памятного Полтавской битвой, поражением Карла XII и в то же время совершенным ослаблением шведского королевства. Так как в это военное время император Петр I часто уезжал из своего государства, а императрица Екатерина всюду следовала за ним в чужие края, то обе принцессы, Анна и Елизавета Петровны, не имели своего двора и находились под надзором только двух женщин: одной русской по имени Ильинична и другой, корелки, звавшейся Лизаветой Андреевной. Таким образом, им было

В полночь он узнал через своих шпионов, что во дворце все успокоилось и что там находится только обыкновенный караул. Принцесса была в страхе и нерешимости, и Лестоку стоило немало труда вдохнуть в нее мужество. Наконец она воодушевилась, надела на себя, по убеждению Лестока, орден св. Екатерины и, принеся перед образом Богородицы горячую молитву и обеты, села в сани, на запяжки которых встали Воронцов и Лесток. Подкупленные солдаты были посланы в канцелярию Преображенского полка, чтобы склонить находившихся там караульных в пользу принцессы и объявить о ее прибытии. Когда она приехала, то все солдаты присягнули ей и затем в числе 200 или 300 человек последовали за ней к императорскому дворцу. Когда она подъезжала к нему, то Лесток отделил три отряда по двадцать пять человек в каждом, чтобы схватить фельдмаршала графа Миниха, графа Остермана и вице-канцлера Головкина. Лесток распорядился занять все входы, в чем караульные ему не воспрепятствовали. Принцесса Елизавета вместе с Воронцовым и Лестоком отправилась на дворцовую гауптвахту, где гвардейцы на коленях принесли ей присягу. Тридцать grenадеров получили приказание проникнуть в комнату, где правительница спала на одной постели со своим мужем. Они оба были схвачены и отправлены во дворец принцессы Елизаветы, куда было собрано все семейство правительницы и перед которым выстроились гвардейские полки для принесения присяги. Несколько ранее Лесток в сопровождении нескольких солдат отправился к принцу Гессен-Гомбургскому, ничего не знавшему о случившемся, и к фельдмаршалу графу Ласи, которому не доверяли, чтобы известить их о перевороте. Через несколько дней вся герцогская Брауншвейгская фамилия и фрейлина Юлия Менгден были отправлены в Ригу, где оставались полтора года, а оттуда — в крепость Динамюнд, где прожили также полтора года. Из Динамюнда их перевезли в Холмогоры, где они находились все вместе до кончины принцессы Анны. После этого принца Ивана перевезли в Шлиссельбург, где император Петр III виделся с ним и говорил в марте 1762 г. Императрица Елизавета видела его и говорила с ним несколько ранее в Петербурге, в доме графа Шувалова.

дано воспитание, не соответствовавшее их происхождению. Только после смерти Петра Великого для обучения их французскому языку к ним была приставлена французенка г-жа Лонуа, но эта дама не жила во дворце и виделась с принцессами лишь в те часы, когда давала им уроки.

Обер-полицеймейстер генерал Девьер исполнял, как мы сказали выше, обязанность воспитателя принцесс до тех пор, пока в 1725 г. был арестован и отправлен в ссылку князем Меншиковым.

В этом же году, который был первым годом царствования императрицы Екатерины I, цесаревна Анна Петровна была выдана замуж за герцога Голштинского. В 1727 г. вследствие честолюбия и самовластия князя Меншикова она была выслана в Киль, где и умерла.

Таким образом, принцесса Елизавета осталась одна. Императрица Екатерина назначила к ней воспитательницей мою жену, тогда вдову Михаила Алексеевича Салтыкова, родственника Прасковьи Федоровны, матери императрицы Анны. Наши старшие дочери, Юлия Салтыкова и София Миних, а также Мавра Шепелева, вышедшая впоследствии замуж за Петра Ивановича Шувалова, были сделаны фрейлинами принцессы; Мавра давно была посвящена во все сокровенные дела принцессы.

Императрица Елизавета была одарена от природы самыми высокими качествами, как внешними, так и душевными. Еще в самой нежной юности, а именно в двенадцатилетнем возрасте, когда я имел честь ее увидеть, она уже была несмотря на излишнюю дородность прекрасно сложена, очень хороша собой и полна здоровья и живости. Она ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом могли поспевать за ней; она смело ездила верхом и не боялась воды.

У нее был живой, пронизательный, веселый и вкрадчивый ум и большие способности. Кроме русского, она в совершенстве изучила французский, немецкий, финский и шведский языки и имела красивый почерк. Она любила пышность и порядок и от рождения питала страсть к постройкам великолепных дворцов и церквей. Она любила все военное и благодаря этому при ней русская армия победила столь хваленые в то время прусские войска. Введя при своем дворе французский язык и обычаи высшего общества, она сделала его самым блестящим в Европе. Она умела притворяться; была милостива и до такой степени не жестока и человеколюбива, что никогда не хотела проливать крови и не наказывала смертью ни убийц, ни грабителей по большим дорогам, ни других преступников. Таким образом излишняя доброта государей делается слабостью.

Однако она была злопамятна, хотя не столько по врожденной склонности, сколько по внушению окружавших ее лиц, и никогда не хотела простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольде, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, несмотря на то

что последний не принимал никакого участия в моих проступках, если можно назвать проступком повиновение приказаниям императрицы Анны, моей государыни.

Она от рождения была чрезмерно сластолюбива и часто говорила своим приближенным, что была довольна только тогда, когда влюблялась. Вместе с тем она была очень непостоянна и часто меняла фаворитов. Так как подобная слабость сопровождается всегда снисходительностью, то и она позволяла своим любимцам делать все, что им хотелось. Последствием этого было полное расстройство финансов, причиненное Петром Ивановичем Шуваловым, и обогащение множества частных лиц, в то время когда казна нуждалась в деньгах; отсюда произошли разорительные монополии, ужасный таможенный сбор, плохое состояние флота и совершенное уничтожение брянской и воронежской флотилий, о которых так много заботился Петр Великий. От тех же причин произошли: дурное состояние Ладожского канала, разрушение города Кронштадта и столь вредные беспорядки по управлению сибирскими рудниками, а также и громадная цена, по которой продаются водка, соль и табак — предметы, без которых не может обойтись народ и из-за которых столько тысяч людей перенесли пытку и были доведены до нищеты. К той же снисходительности следует отнести и причины жестокой и губительной войны с королем прусским, в течение которой были пролиты потоки христианской крови, разорены и опустошены целые провинции и израсходованы несметные суммы, вывезенные из России, которая при этом не приобрела никаких выгод. Эта великая государыня скончалась от сокрушения о таком положении дел. Рассказывали, хотя это и может казаться невероятным, что она проливала горячие слезы всякий раз, когда ей сообщали известия о победе и при этом докладывали о числе убитых и раненых.

Образ правления при императрице Елизавете

56

Первое время по вступлении своем на престол она намеревалась устроить государственное управление по той же системе, которая существовала во время Петра Великого, ее беспримерного отца. Таким образом она уничтожила Кабинет и передала все дела в Сенат.

Но с 1756 г., чувствуя, что ее физические и нравственные силы слабеют, она учредила совет, названный конференцией. Это учреждение по своим инструкциям и предписаниям стояло выше Сената, что, по-видимому, должно было снова пополнить пустоту, существовавшую во вред государству между верховной властью и властью Сената.

Но это новое учреждение не удовлетворяло своему назначению, и большая часть важных дел, как, например, дела, касавшиеся союзов с иностранными державами, военные и финансовые, зависели от способностей и ума лиц, находившихся в милости. Таким образом, императрица не управляла ничем, и формой государственного управления при ней был произвол ее фаворитов.

Она умерла 25 декабря 1761 г. от мучительной и тяжелой болезни.

Царствование императора Петра III

57

Петр Федорович, который с 1741 г. был признан и почитаем под именем внука Петра Великого, после смерти императрицы Елизаветы был тотчас же объявлен императором 26 декабря 1761 г.

Он прежде всего возвратил свободу государственным узникам, а именно: герцогу Курляндскому Бирону и его семейству, мне, моему сыну и его семейству, а также графу и графине Лесток. Другие же лица, сосланные в предшествовавшее царствование, как, например, граф Остерман, граф Головкин, граф Левенвольде и барон Менгден, умерли в местах своего заточения.

Император имел сердечное желание возвратить от Дании герцогство Шлезвиг-Голштинское, и вероятно, что в этих именно видах он спешил заключить мир с королем прусским для того, чтобы иметь возможность употребить войска против датского короля. Но 6 июля 1762 г. он умер, прежде нежели мог осуществить свое намерение.

Характер императора Петра III

58

Этот государь был от природы пылок, деятелен, быстр, неумолим, гневен, вспыльчив и неукротим.

Он очень любил все военное и не носил другого платья, кроме мундира. Он с каким-то энтузиазмом подражал королю прусскому как в отношении своей внешности, так и относительно всего, касавшегося войска. Он был полковником прусского пехотного полка, что казалось вовсе не соответственным его сану, и носил прусский мундир; точно так же и король прусский был полковником русского Второго Московского пехотного полка.

Император некоторое время не надевал вовсе ордена св. Андрея, а носил прусский орден Черного Орла.

Неизвестно, каковы были религиозные убеждения императора, но все видели, что во время богослужения он был крайне невнимателен и подавал повод к соблазну, беспрестанно переходя с одной стороны церкви на другую, чтобы болтать с дамами.

Было также нечто восторженное и в той поспешности, с какой он хотел выступить во главе русской армии в поход, чтоб возвратить герцогство Шлезвигское и начать войну против датского короля, которого, по его словам, следовало низложить и отправить в Малабар.

Ему напрасно представляли все опасности и трудности этого похода и доказывали, что придется действовать с многочисленной армией в такой стране, где нет ни жизненных припасов, ни фуража, ни магазинов; что датский король опустошит герцогство Мекленбургское, по которому нужно будет проходить русским войскам, и займет такую позицию, атака которой непременно поведет к поражению; что датская армия, обеспеченная с тыла, не будет иметь нужды ни в чем, тогда как русская армия будет нуждаться во всем, и что, наконец, император рискует не только не иметь успеха в этом походе, но и потерять в нем армию в самом начале своего царствования.

Он через Волкова приказал сказать совету, что не хочет слушать никаких возражений по этому поводу. Принц Георг уже готовился выехать, чтобы принять начальство над армией, авангард которой выступил в поход к герцогству Мекленбургскому, а император хотел вскоре следовать за ним, чтобы, предварительно повидавшись и переговорив с королем прусским, стать затем во главе армии.

Он был вспыльчив и горяч до такой степени, что оскорблял даже своих любимцев. Ему не могли простить его невоздержности и дурного обращения с ее величеством императрицей, которая одна только и могла сделать его царствование славным и счастливым.

Образ правления при императоре Петре III

59

Вместо Кабинета он учредил комиссию, членами которой были: два принца Голштинские — Георг и Петр-Август, я, канцлер граф Воронцов, генерал от кавалерии князь Волконский, генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, генерал-лейтенант Мельгунов и в последнее время действительный статский советник Волков.

Эта комиссия, в которой император лично председательствовал, сначала занималась только военными делами и составила новый регламент его величества, названный «Строевым Уставом». Но наконец сюда стали стекаться все государственные дела, и казалось, что эта комиссия должна стать выше Сената и таким образом пополнить существующую между верховной властью и властью Сената пустоту, о которой было столько раз упоминаемо. Однако мнения Мельгунова, Гудовича и в особенности Волкова, исправлявшего

должность тайного секретаря, водившего пером государя и бывшего ближайшим его советником, имели значительный перевес над мнениями остальных членов комиссии. Таким образом то, с чем соглашался Волков, и составляло образ правления при императоре Петре III.

60

Из всего сказанного нами в немногих словах явствует, что в предшествовавшие царствования образ правления Российской империи не был определен, и пустота, существовавшая между верховной властью и властью Сената, была восполнена недостаточно и притом лицами, все заслуги которых заключались в их фаворе и которые злоупотребляли оказываемым им доверием в ущерб государству.

Таким образом, этот великий труд предстоит ее величеству нашей всемилостивейшей императрице, самой мужественной, сведущей и самой прилежной из государынь, которая может вполне служить образцом для всех тех, кого провидение избрало для управления народами.

Один из просвещенных министров ее величества удостоил сказать мне следующие слова: «Между высшей властью и властью Сената существует большое расстояние».

Это именно расстояние я и называю пустотой, которую необходимо наполнить.

Вместе с тем он сказал мне: «Полагают, что блаженной памяти император Петр Великий сделал и устроил для блага государства все и что затем не остается ничего более, как только следовать по указанному им пути, но, по мнению министра, хотя этот государь сделал даже более, нежели думают, и хотя может казаться невероятным, чтобы один человек мог создать все те громадные учреждения и предприятия, которые мы теперь видим и которые принадлежат Петру Великому, однако ж, тем не менее, остается еще сделать многое, чтобы довести все это до совершенства, и необходимо предпринять немало дел первой важности для окончания того, что этот великий государь начертал, так как кончина его была преждевременна».

61

Итак, очевидно, что благо государства требует, чтобы громадное расстояние, существующее между высшей властью и властью Сената, было восполнено учреждением совета. Этот совет должен состоять из многих лиц, которые, находясь у государственного кормила, могли бы искусно направлять все дела империи, облегчать этим труды ее величества императрицы и избавлять ее от тягости входить в подробности не особенно важных дел, для которых не хватит ее материнских забот без вреда для ее драгоценного здоровья.

Следует еще распределить государственные дела между различными департаментами, как-то: иностранных дел, военным, морским, финансов, торговли, внутренних дел и проч.

Главнейшее искусство государей состоит в умении выбирать лиц, способных исполнять доверяемые им обязанности и поручения — лиц, незапятнанность, прямоту, честность, прилежание к делам, усердие и благочестие которых испытаны и известны. В русском народе благодаря Богу нет в настоящее время недостатка в хороших людях, а равно и у ее величества императрицы нет недостатка в проницательности, чтобы сделать из них лучший выбор.

Итак, одного из таких лиц следует поставить во главе департамента иностранных дел;

другого — во главе военного департамента;

третьего — во главе морского,

четвертого — во главе департамента финансов и торговли;

пятого — во главе внутренних дел империи и проч.

Эти пять лиц составляли бы совет ее величества, который представлял бы ей сущность дел и, руководясь мудрыми решениями государыни, изготовлял бы необходимые указы Сенату и тем присутственным местам, которые не находятся в прямой от него зависимости.

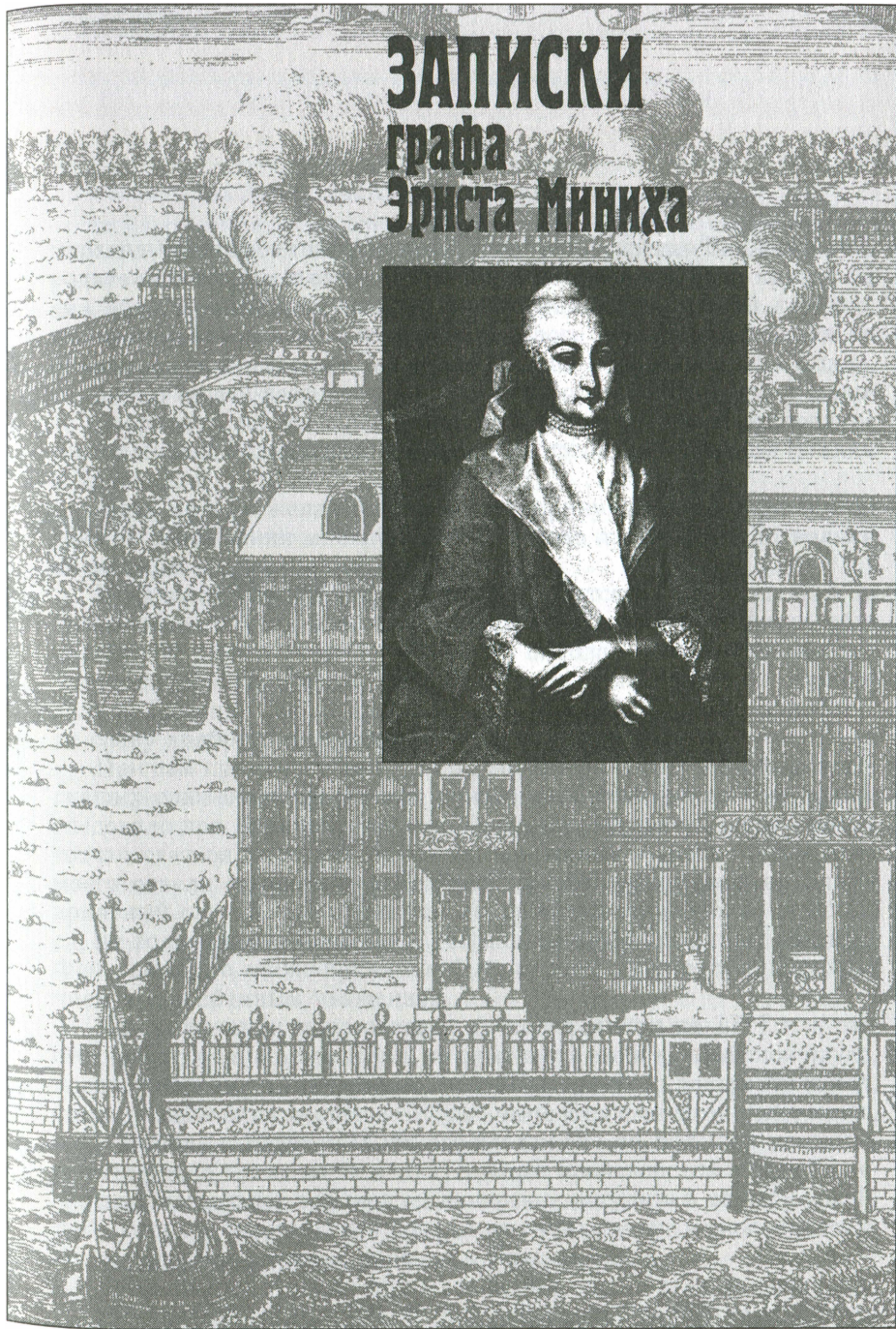
В каждом департаменте следовало бы иметь канцелярию, секретарей и способных и честных чиновников.

Такой образ правления, установленный однажды, избавил бы от трудов и сберег бы драгоценное здоровье нашей несравненной государыни, которая удостоила сказать мне, что было время, когда она работала по пятнадцати часов в сутки.

На это я имел смелость ответить, что не следует работать до усталости, напомнив ей при этом изречение Грациана об одном придворном или государственном человеке: «*Quis tot sustineat, quis tanta negotia solus*», т. е. кого может хватить на столько дел.

Такой образ правления, говорю я, раз определенный, установил бы в счастливое царствование ее величества удивительный порядок в управлении делами и даровал бы золотой век ее народам.

ЗАПИСКИ графа Эрнста Миниха

Бурхард-Христофор граф Миних и Христина-Лукреция Вицлебен суть родители, которым я обязан жизнью. Я родился в 1708 г. января 10 дня нового стиля неподалеку от Эттингена, в швабской деревне, именуемой Гейнсфурт. Отец мой, которого покойная мать моя по обыкновению тогдашних времен всегда на походах сопровождала, состоял в гессен-кассельской службе майором и находился в походе с корпусом гессен-кассельских войск, состоящим на жалованье Английской и Голландской держав и выступившим тогда из Италии в Брабандию.

Мать моя, не желая остаться одна, принуждена была на другой день по разрешении мною от бремени ехать далее, что и позволяли ей ее силы.

В малолетстве моем и по самый Утрехтский мир отец мой не только имел случай военному искусству в наилучшей школе обучиться, но также счастье во многих походах, учиненных им под предводительством двух знаменитейших полководцев, а именно принца Евгения Савойского и герцога Марльбургского, приобрести славу храброго и искусного офицера.

При сем примечательно, что он во многих в сию войну происходивших сражениях не больше одного раза был ранен. Сие последовало под Дененом, где один французский драгун, которому он тотчас сдаться не хотел, ранил его кинжалом в грудь; потом отца моего отвели пленником в Камбрай. В сем городе имел он благоприятный случай, как о том сам по свидетельству многих отзывался, не только познакомиться с тогдашним архиепископом, славным Фенелоном, но также принятым быть от него с великим снисхождением и с особенным уважением.

По заключении мира остался он полковником по 1717 г. в гессенской службе, и в сие время, по опытности его в инженерной науке, препоручено ему от ландграфа Гессен-Кассельского построить канал, соединяющий близ местечка Сибург, ныне Карлсгауеном именуемого, реку Димель с Везером. Сию работу привел он большей частью к окончанию, а после из-за медлительного производства в службе незнатных владельцев возымел он намерение вступить в службу какой-либо высокой державы для показания своих заслуг и способностей, а сие надеялся он тогда обрести в Польше.

Здесь король Август после сражения под Полтавою, решившегося к несчастью Карла XII, хотя и сидел вновь на престоле, однако

колебался на оном, доколе не был подтвержден по силе мирного трактата между шведами и россиянами. Невзирая на худое положение дел в Швеции, поляки не хотели еще настоящему подвергнуть себя повиновению, и их так называемая конфедерация немало наносила королю беспокойства: конфедераты настояли особенно на том, чтобы саксонские войска из государства вышли, ибо король принужден был держать их в Польше как для собственной безопасности своей, так и для прекращения великих происходивших в то время беспокойств. Но как сии войска большей частью содержались на иждивении поляков, то общественно и взирали на них как на неприятных и крайне обременительных гостей. Наконец чрез посредство России заключен мир и между прочих статей мирного постановления договорено: саксонские войска вывести из Польши и для защиты ее учредить корпус войска из 12 000 человек пехоты и драгунов, который в мирное и военное время содержать на иждивении республики.

При таковых обстоятельствах дел в Польше отец мой предложил королю Августу свои услуги, которые приняты весьма благосклонно, так что он в том же 1717 г. произведен генерал-майором польской и саксонской армий и вскоре потом получил препоручение учредить новый пехотный полк из четырех батальонов, который по сей день известен под именем польской коронной гвардии.

В корпусе сем должен был состоять фельдмаршал граф Флеминг действительным, а мой отец командующим полковником. При чем сделано условие, чтобы отец мой сперва один несколько лет пользовался всеми полковничьими доходами и рационами, которые по нынешнее время на весьма знатную простираются сумму, а после разделял бы их с фельдмаршалом графом Флемингом или по крайней мере предоставлял для него известную часть их ежегодно.

Коль скоро означенное распоряжение сделано, приказал отец мой оставшейся в Гессен-Касселе семье своей приехать в Варшаву, где я по приезде моем на девятом году возраста своего определен прапорщиком в упомянутую гвардию, ибо доселе я состоял в том же звании в гессенской службе в Кетлерском пехотном полку.

Хотя по восстановлении мира в Польше отец мой не имел случая показать свои таланты на войне, однако же другие его знания и способности в короткое время снискали ему уважение и благосклонность короля. Он имел пребывание свое всегда в Варшаве и жил в доме, нанятом у епископа Плоцкого. В контракте с хозяином договорились они, чтобы епископ на случай приезда его по некоторым делам в город имел несколько покоев в том же доме для своего жительства. Между тем случилось в 1718 г., когда означенный епископ стоял у нас на квартире, что его люди в кухне, где также и наши работали, разложили на очаге весьма сильный огонь, от чего

в трубу выкинуло и после целый флигель дома выгорел. Епископ под предлогом, будто бы пожар произошел от неосторожности наших людей, требовал, чтобы отец мой за причиненный убыток заплатил, и по получении отказа просил о том в суде. Сие тяжёбное дело продолжалось нарочито долго; наконец епископ перенес дело в Рим, и отец мой получил от папы, который без сомнения не ведал, что писал к еретику, грамоту, в которой его святейшество увещевал епископа удовлетворить. Невзирая на сие, спор между ними долгое время без решения оставался, но напоследок сам король вошел в посредство и епископа удовлетворил, обещав его племяннику аббату Салуцкому, нынешнему гросс-канцлеру польскому, знатное пожаловать епископство.

В том же году проезжал чрез Варшаву славный и несчастный муж, барон Герц. По старинному знакомству остановился он в нашем доме, и дружба его к отцу моему, равно как, может быть, и желание сманить от короля Августа искусного генерала, простирались до того, что он не только предлагал отцу моему место генерал-поручика в шведской армии, но также по силе данных ему полномочий вручил на показанный чин патент собственноручно. Но дело сие осталось без дальнейшего успеха, ибо Карл XII в том же году под Фридрихсгамом застрелен, а сожаления достойному барону Герцу отсечена голова в Стокгольме.

В 1719 г. курфюршеский Саксонский принц, после бывший король польский, сочетался браком с эрцгерцогиней Марией-Иозефой в Вене. Король, один из великолепнейших владельцев тогдашних времен, вознамерился принять свою невесту с величайшей пышностью и с редчайшими увеселениями и празднествами. Все первейшие чиновники были туда отозваны, а равно и отец мой получил повеление приехать в Саксонию. Он взял с собою всю семью свою, и мы приехали в половине июля в Дрезден. Празднества открылись в августе великолепным въездом, при том саксонский генералитет составлял особенный конный корпус, который вел отец мой, как младший тогда генерал, а фельдмаршал граф Флеминг замыкал. Какие при сем случае в течение шести недель происходили увеселения, об оном можно видеть во многих печатных сочинениях. Самое редкое, по мнению моему, зрелище при том было возобновление старинного и столь славного каруселя, где все прежние употребительные законы и правила соблюдаемы были наиточнейше.

По окончании сих увеселений возвратились мы в Польшу и приехали в конце того года в Варшаву. Не много спустя отец мой пришел в несогласие с фельдмаршалом графом Флемингом. Сему не хотелось долее соблюдать вышеизображенного условия, постановленного при учреждении гвардейского полка. И так как отец мой не намерен был ему уступить, то граф Флеминг подучил некоторых

офицеров сделать донос, что они распоряжением и управлением отца моего при полку недовольны. При сем случае дошли также до сведения отца моего некоторые оскорбительные речи от одного штаб-офицера по прозванию Бонафу, которого он по поводу сего вызвал на поединок и ранил пулею в грудь. Опасаясь худых следствий, если раненый умрет, отец мой за благо рассудил скрыться в монастыре, где и пребывал несколько недель, пока Бонафу из всей опасности вышел.

В сие время король возымел желание обозреть канал, строившийся по его повелению в увеселительном замке Уяздове под главным надзиранием отца моего. Королю надлежало ехать мимо того монастыря, где отец мой укрывался. Приехав к оному, приказал он остановиться и вызвать моего отца, посадив которого в свою карету, поехал в вышеозначенный замок Уяздов. Проведя несколько часов на обозрении канала и изъявля на то свое удовольствие, возвратился он в город и высадил моего отца из кареты в том самом месте, где его взял. Между тем вражда фельдмаршала графа Флеминга час от часу более возрастала. И хотя король внутренне любил отца моего, однако же власть графа Флеминга над распоряжениями мыслей государя не допустила того следовать его склонности отца моего от пронырств упомянутого фельдмаршала защитить. Даже дошло до того, что фельдмаршал граф Флеминг приказал отцу моему объявить домашний арест. Поскольку же он собственно был саксонский фельдмаршал, а в Польше и именно при коронной гвардии не другое, как полковник, напротив чего отец мой был и польский генерал-майор и вице-полковник в коронной гвардии и собственно состоял под командою грос-фельдгера Синявского, то сей почел поступок графа Флеминга предосудительным правам и власти своей и приказал в тот же день отца моего известить, что он дарует ему свободу и не принимает во внимание объявленный ему от фельдмаршала графа Флеминга арест и что в прочем отец мой может полагаться на его покровительство. Граф Флеминг принужден был гнев свой смирить, но после по сему делу никаких уже дальнейших следствий не оказалось.

Во время сих раздоров князь Григорий Федорович Долгорукий находился российским посланником при дворе польском; недовольствие отца моего известно ему было, и он воспользовался сим случаем, чтобы уговорить его с обещанием величайших выгод в российскую вступить службу.

В исходе 1720 г. умер мой дед, Антон-Гинтер Миних, постановя, по силе духовной [грамоты], отца моего единственным наследником родового и благоприобретенного имения его. По получении известия о кончине его просил отец мой у короля позволения съездить в свою родину, что и получил неукоснительно с награждением 500 червонных на путевые расходы.

Вместо того чтобы ехать в Ольденбург, отправился он в начале 1721 г. под чужим именем в Санкт-Петербург, но не далее доехал как до Риги, потому что здесь встретил уже императора Петра Великого. Тут сделал он на шесть лет договор с таким условием, чтобы не прежде как по прошествии первого года получить чин генерал-поручика. Впрочем, так как около сего времени, а именно в мае 1721 г., война со шведами прекратилась, то он должен был довольствоваться меньшим, нежели князь Долгорукий в Варшаве обещал, так что вместо 8000 курантных талеров ежегодного дохода, в Польше получаемого, имел он теперь не больше, как 2400 рублей.

Из Риги отправился он в свои вотчины для принятия их в свое владение и для окончания расчетов с братьями и сестрами об оставшемся наследстве.

Между тем просил он короля об увольнении от службы, которое получив, отписал к моей матери, дабы она в Гданьск приехала и там дожидала его. И так мы все пустились из Варшавы водою и по десятидневном путешествии приехали в Гданьск благополучно. Чрез несколько недель прибыл к нам отец мой, и потом все вместе предприняли мы путь чрез Кенигсберг, Пруссию и Курляндию в Россию.

В сентябре 1721 г. приехали мы в Ригу. Сей город, по силе заключенного между Россией и Швецией мирного трактата, сделался в сем году пограничной крепостью Российской империи. Отсюда отец мой поехал один в Санкт-Петербург, распорядил там все нужное для своего домоводства и по прошествии двух месяцев возвратился опять в Ригу, дабы с собою взять всю семью свою.

Я оставлен один в Риге, обучаться в тамошней городской школе и отдан в пенсион к ректору означенной школы, весьма ученому мужу по прозванию Горник. От роду было мне тогда около 14 лет, и великую имел я охоту к учению, но, к сожалению моему, кроме латинского и частью греческого языка, другому в сей школе весьма мало учиться мог.

По прошествии двух лет отец мой за благо рассудил послать меня в Женеву, но наперед приказал явиться в Петербург, куда я и приехал в феврале 1723 г. По приезде моем предложил мне отец мой на выбор, желаю ли я быть ученым или военным человеком; я решился на первое.

В оное время Петр Великий имел помышление Ладожский канал, необходимый для облегчения торговли и промыслов жителей в Санкт-Петербурге, привести к совершенному окончанию. Небольшой канал, соединяющий реки Тверца и Мста неподалеку от Вышнего Волочка, делал водяную коммуникацию свободной от Каспийского моря даже до Санкт-Петербурга, однако же все припасы надлежало провозить по Ладожскому озеру, на котором плавание

во время сильных ветров и бурь столь опасно было для плоскодонных барок, употребляемых обыкновенно для провоза российских продуктов, что ни одного почти не проходило года без знатного урона и гибели людям и товарам. Дабы отвратить такое неудобство в перевозе припасов, император Петр Великий предпринял реку Волхов, впадающую в Ладожское озеро, и реку Неву, из одного вытекающую, соединить посредством канала так, что озеро оставалось в стороне и судоходство никакой опасности не подвергалось.

Сей канал, простирающийся вдоль берега Ладожского озера, приемлет свое начало у Новой Ладоги и кончится у Шлиссельбурга: длина одного содержит 104 версты, или 15 немецких миль, ширина 70, а глубина под водою 10 английских футов. Он составлен большей частью из одних прямых линий в две, три и четыре версты и не делает больших углов, кроме того что в одном месте находится кривизна, происшедшая от оплошности прежнего инженера, но отец мой исправил сей недостаток, сколько возможно было. Берега одного канала были сначала деревянные, но после сделаны каменные. И так как многие небольшие ручьи, разливающиеся на обширное пространство весною, когда снег начнет таять и сходить, протекают сквозь сей канал, то с обеих сторон, при впадении и выходе оных, поделаны прочные шлюзы, частью дабы управлять водою сих ручьев и частью дабы удерживать и не впускать песку или илу, которые они с собою наносят. Начало канала при Новой Ладоге на несколько футов выше, нежели конец при Шлиссельбурге, поэтому течение воды в нем весьма приметно бывает. Однако же дабы в весьма сухие годы не происходило никакой остановки в судоходстве, то построены по обоим концам два больших и главных шлюза, посредством которых воду в целом канале останавливать и в случае нужды на несколько футов возвышать можно.

Хотя на построение вышеописанного канала с лишком до миллиона рублей потрачено, однако все, что ни было изготовлено, оказалось в такой неисправности, что император намерен был прежнего директора отпустить; почему поехал он туда в другой раз вместе с моим отцом, который, изъяснив ему подробно все учиненные погрешности, представил новый проект, по которому и препоручено ему от императора важное сие строение продолжать. Отец мой действительно приступил к произведению работы, но не получил ни того числа денег, ни людей, сколько сперва ему обещано.

Петр Великий по короновании супруги своей в Москве в 1724 г. предпринял возвратный путь в Санкт-Петербург и мимоездом хотел обозреть новопроизводимую отцом моим работу. Они приехали на канал осенью того же года. Отец мой показывал ему часть канала, простирающуюся на 10 или 12 верст, что делает полторы мили, в совершенной отделке, но только воды еще не впущено, дабы доста-

вить императору удовольствие лично видеть выпуск оной. Как скоро он работу в означенном положении осмотрел, то пошел к плотине, которая воду удерживала, и приказал ее проломить. Позади плотины стоял небольшой бот, в который император, едва лишь его увидел, в то же мгновение возымел охоту сесть и спуститься в канал с быстростремящеюся водою. Спутниками его были мой отец и еще один унтер-офицер вместо штурмана. Бот плыл по каналу с несказанной быстротой, причем император не мог от радости сдержаться, снимал неоднократно с себя шляпу и махая оною над головою, кричал: «Ура!» Удовольствие его было столь чрезвычайное, что он, стоя в боте, обнимал, целовал и благодарил отца моего за исправное совершение сей работы. После сего император зашел в дом отца моего и, отужинав и переночевав, продолжал на другое утро свой путь в Санкт-Петербург, наказав отцу моему туда же приехать, дабы рассудить и переговорить о средствах к скорейшему окончанию канала. Когда сей монарх прибыл в вышеупомянутую столицу, то в первом присутствии своем в Сенате представил, в каком состоянии нашел он новую работу, хвалил отца моего и объявил, что он по совершении оной знатного заслуживает награждения. Но что касается до сего последнего, то император собственно от своей особы ничего более сделать не мог, поскольку он спустя несколько месяцев скончался.

Отец мой, желая доставить мне лучшее воспитание, нежели я в ту пору в России иметь мог, отправил меня в Женеву в исходе ноября того же года. Мать моя проводила меня с Ладожского канала даже до Санкт-Петербурга. В декабре свершилось обручение великой княжны Анны Петровны с его высочеством герцогом Голштейн-Готторнским, и на сем торжестве имел я честь в последний раз видеть Петра Великого.

Несколько дней спустя после сего торжества предпринял я свой путь через Ригу, Кенигсберг и Гданьск в Берлин, где имел честь представленным быть покойному королю прусскому Фридриху-Вильгельму на так называемой парадной площади. Его величество всемилостивейше осведомился у меня об обстоятельствах отца моего, который ему был известен. Здесь получил я от родственника нашего, саксонского министра господина Сума, который из учтивости принял меня в свой дом, многие рекомендательные письма в Женеву. По приезде в Аншпах имел я удовольствие увидеться с моей теткой по матери, супругою тамошнего обер-гофмаршала господина Кинсберга, а равно и честь быть представленным вдовствующей маркграфине и малолетнему ее сыну, которые к столу своему меня пригласили. После сего был я на посещении у другой тетки моей, которая была в замужестве за эттингским обер-егермейстером господином Ласпергом. В доме сей тетки жила покойная бабушка моя

госпожа Анна-Дебора Себах, вдовствующая Вицлебен; для сей последней, как легко догадаться можно, был я не неприятный гость. По несколькодневном пребывании отправился я далее и, проездом обозрев в Ульме, Шафгаузене, Солотурне и Лозанне все библиотеки, церкви и надгробные по старинному немецкому обряду обстоятельнейше, приехал в исходе марта в Женеву благополучно и в добром здравии.

Здесь услышал я, что император Петр Великий в 28 день января 1725 г. скончался, а супруга его императрица Екатерина приняла престол российский.

В Женеве первая моя забота была, чтобы отыскать хороший пенсион. Между многих предложенных мне еще в Берлине выбор мой пал преимущественно на дом г. пастора и профессора философии Езекииля Галлатина, прелюбезного и ученейшего мужа, которого память за любовь и дружбу его, равно как и всего семейства его ко мне, по сей час для меня приятна и драгоценна. Я посоветовался с ним, каким образом наиболее полезно распорядить мое учение и упражнение в науках, и расчел, сколько все оное будет мне ежегодно стоить. Найдя, что мои расходы по крайней мере на тысячу специев талеров простираться имеют, отписал я об оном к отцу моему, который и согласился отпускать означенную сумму, невзирая на малые тогдашние его доходы. В первый год слушал я private лекции философические о естественном и народном праве и об институциях, обучался также танцам, фехтованию и музыке. В следующем году ходил я к новоприехавшему профессору Неккеру на лекции о немецком общественном праве вместе с принцем Кульмбахским, после бывшим маркграфом Барейтским, двумя принцами Саксен-Гильдбурггаузенскими и с принцем Шварцбург-Рудольстатским; далее обучался я верховой езде, держал учителя для итальянского языка, упражнялся в истории и во французском штиле, учился рисовать и сделал начало в алгебре, но в сей последней науке успел столь мало, что вскоре потом забыл даже первые начальные основания. К математике с малолетства моего не имел я никакой склонности, хотя отец мой и понуждал меня к тому. Я, к сожалению моему, не мог преодолеть своего к ней отвращения, о чем теперь, когда сие пишу, обретаясь в ссылке, соболезнаю тем более, что при самом приезде моем в заточение восчувствовал я к означенной науке чрезвычайное желание, почитая ее неисчерпаемым источником к разогнанию докучливых мыслей; но к изучению ее снабжен только некоторыми недостаточными книгами, над которыми должен ныне ломать мою голову.

Кроме сей внутренней укоризны, которую я сам себе делаю, намерен я привести еще некоторые обстоятельства касательно поведения моего в Женеве с тем единственно намерением, дабы мои дети пример из того взяли и старались подобного избегать.

В том же доме в Женеве, где я жил, стояли кроме немцев многие молодые англичане, и между ними двое братьев по прозванию Спенсеры, из которых старший наследовал потом титул и знатное имение своего деда, славного полководца, герцога Марльборургского. С младшим братом, который был тогда весьма острый и к роскоши склонный человек, жил я с лишком год в тесном союзе дружбы и в его беседе многие в молодых моих летах шалости наделал.

Между других рекомендательных писем было при мне одно к находившемуся тогда в Женеве французскому резиденту господину де ла Клозюру, что всеконечно к великой моей пользе служить могло, если бы я прилежнее стал искать обхождения с сим тонким, благонравным и разумным мужем; но стыдливое свойство, принятое мною в Рижской школе, где все мои товарищи вообще низкого происхождения были, произвело, что я сделался застенчив и некоторым образом убегал людей меня старше или таких мужей, которых считал несравненно разумнее себя. Ежедневное обращение с большей частью, так сказать, невышлифованных англичан и других подобных им молодых людей, в коих обществе в праздные часы учился я чрез кусты и рвы скакать, отвлекло меня от беседы с мужами превосходных качеств и от обхождения с благонравными женщинами совершенно, так что я от того нерадиво стал посещать школы и мало успевал в светском обращении; по тому самому спустя много времени принужден был я в обществе открытых и оживленных людей играть прежалкую роль немого.

Осенью 1727 г. получил я печальное известие о скоропостижной кончине моей матери, которая за добродетель и за похвальные качества свои всеми была почитаема.

Вскоре потом прислал ко мне отец мой радостное известие, что императрица Екатерина пожаловала ему новоустановленный орден св. Александра Невского и сверх того в подарок несколько тысяч рублей.

В апреле того же года получил я от отца моего приказание поехать в Италию и в начале мая отправился в сообществе двух англичан и одного немца из Женевы в Турин.

Здесь в короткое пребывание мое успел я познакомиться только с фельдмаршалом Ребиндером, который был урожденный лифляндец, с французским посланником господином Камбизом и с английским министром господином Геджесом.

Не прожил я в Турине и одного месяца, как пришло туда известие, что императрица Екатерина скончалась и Петр Второй вступил на престол. Между тем как я обольщался приятными мыслями обозреть достопамятности в Италии, отписал ко мне отец мой, чтобы я как можно скорее поспешил в Санкт-Петербург. Но так как он позабыл прислать ко мне вексель и у меня для столь дальнего пути

денег не доставало, то я оказался принужденным с оставшимися червонцами возвратиться в Женеву и там занять потребную сумму за поручительством бывшего моего хозяина господина Галлатина; он склонился охотно к сему. Я предложил о том прежнему моему банкиру, но сей отвечал, что ему не надобен упомянутый поручитель, который хотя и честный человек, но долгов больше, нежели достатка, имеет, и для того лучше верит моему честному лицу и даст сколько нужно мне денег для продолжения пути моего. Потому и отпустил он мне на месте 300 талеров испанскими пистолями.

И так поехал я чрез Берн и Везель в Страсбург и оттуда чрез Баден в Эттинген, посетил там вторично ныне покойную мою бабушку и тетку госпожу Ласперг; имел также честь свидетельствовать мое почтение князю Эттингскому и у него обедать. Я показывал ему разные рисунки, сделанные мною в Женеве, напротив чего он приказал принести свой план крепости Филипсбургской, где он был губернатором, и изъяснял все свои проекты относительно укрепления оной; а произведение сей работы остановилось единственно за неотпуском денег из имперской казны. Из Эттингена отправился я к моей тетке госпоже Кинсберг, которая тогда в деревне жила, а от нее в Аншпах, где, госпоже маркграфине и ее сыну вторично засвидетельствовав мое почтение, продолжал свой путь далее.

По приезде в Берлин проводал я от российского министра графа Головкина, что отец мой пожалован генерал-поручиком и шефом инженерного корпуса и сверх того от императора Петра II даны ему земли в Лифляндии в потомственное владение. Королю был я вторично представлен на парадной площади и имел тут честь в первый раз подведен быть к наследному принцу, ныне владеющему королю прусскому Фридриху II; отсюда поехал я далее чрез Гданьск и Кенигсберг в Ригу и прибыл в начале августа в Санкт-Петербург.

Отец мой находился в ту пору при Ладожском канале, так что из моих родных застал я в Петербурге одну только старшую сестру мою, которая была у ее высочества великой княжны Елизаветы Петровны фрейлиною. Однако же коль скоро отец мой о моем приезде известился, приехал он тотчас в город.

Римско-императорский министр граф Рабутин, который с достоправным успехом незадолго до кончины императрицы Екатерины I заключил в 1726 г. между российским и венским дворами известный союзнический трактат, по силе которого Карл VI в случае нападения на него должен получить от России 30 000 человек вспомогательного войска, обретался тогда еще в Санкт-Петербурге и будучи сопряжен узами искренней дружбы с моим отцом, согласился по прошению сего взять меня к себе и употреблять по посольским делам. Но по приезде моем лежал он при смерти болен и несколько дней спустя умер, так что отец мой вместе со мною возвратился к каналу, который нашел я больше нежели наполовину отделанным.

По прошествии нескольких недель получили мы известие, что князь Меншиков свержен и в ссылку сослан. Сего человека блаженной памяти император Петр I из самого низкого состояния возвел на высочайшие степени чинов и достоинств не за отменные его дарования или знания, но за то, что он нраву монарха во всех случаях умел угождать бесподобно и более всего снискал его благоволение тем, что часто брался за дела, которые императору от других невозможными представлены, и старался их произвести, чего бы это ему ни стоило. Сверх того в особе императрицы, которая обязана ему началом своего счастья, имел он мощную защитницу и по восшествии ее на престол состоял в величайшей знати и силе. По кончине ее можно было почитать его регентом империи, особливо как он отправил герцога Голштинского и его супругу на фрегате в Киль, дабы свободнее и с неограниченною властью всеми управлять делами. Молодого императора взял он к себе в дом и уже обручил его со своей старшей дочерью. Он располагал, что когда будет тестем монарха, то власть его утвердится непоколебимо, а потому и начал пренебрегать всеми знатнейшими в империи чиновниками. Самому императору и его сестре великой княжне Наталии не давал он ни малейшей вольности даже в самых малозначащих делах, чрез что окружавшим молодым господам нетрудно было очернить его в мыслях императора.

Фамилия Долгоруких, уповая скорее достигнуть выгод, ожидаемых от одного из своих, а именно князя Ивана Алексеевича, начинавшего входить в милость к императору, употребила наипаче сего своего родственника для низвержения князя Меншикова. Им удалось в деле сем успеть до того, что как однажды двор находился в Петергофе, а князь Меншиков в городе остался, то молодой император открылся некоторым находившимся там знатым особам в неудовольствии своем на поступки князя Меншикова и в желании от него избавиться. По сем изъяснении положено было всеми ненавидимого князя от службы отставить, и тем же часом дан одному гвардейскому майору приказ объявить ему об оном и его самого арестовать.

Барон Остерман был тогда знаменитейший муж в империи и друг отца моего. Сей получил неукоснительное вместе с известием о падении князя Меншикова повеление приехать в Санкт-Петербург для занятия президентского места в военной коллегии; по приезде его сделано ему сие лестное приветствие, что кроме него нельзя иному лучшему надзирателю верить армию.

Остерман* имел большую семью, и за множеством поручаемых ему дел не доставало ему времени самому смотреть за своим домоводством. Сие побудило его помышлять о другом браке. Так как старшая сестра моя находилась фрейлиною при ее высочестве

---

* В тексте ошибка: следует понимать «отец», т. е. Б.-Х. Миних — *Примеч. ред.*

великой княжне Елизавете Петровне, то сие самое и подало ему повод сей двор посещать не редко и познакомиться с гофмейстериною, вдовствующей графиней Салтыковой, урожденною Мальчен (фон Мальцан), и оба положили сочетаться браком.

Между тем барон Остерман предъявил новый довод добрых расположений своих к отцу моему тем, что предложил для меня выгодное место. Происходившие тогда между так называемыми венскими и ганноверскими союзниками споры положено было разрешить в назначенном конгрессе в Соассоне во Франции; так как российский двор, как выше упомянуто, приступил к венскому союзу, то и намеревались отправить знатное посольство на означенный конгресс. Князь Борис Иванович Куракин, министр при французском дворе, и граф Александр Гаврилович Головкин, министр при берлинском дворе, были к тому назначены, но последний отправил один сие посольство, потому что князь Куракин вскоре после сего в Париже умер. И так барон Остерман доставил мне место при сем посольстве в звании дворянина посольства с жалованьем по 500 рублей в год и 200 рублей на проезд в Берлин к графу Головкину.

Около сего времени вторая сестра моя, Христина-Елизавета, сговорена была за лифляндского дворянина барона Иоганна-Генриха Менгдена, и отец мой обещал ей 10 000 рублей в приданое.

В отношении старшей сестры казалось, будто бы также для нее жених сыскался. Новый императорский наперсник, князь Иван Алексеевич Долгорукий, возымел к ней столь великую склонность, что, по-видимому, намерен был на ней жениться. Но как его родители и другие родственники не соглашались, то все дело и рушилось, к величайшему счастью для моей сестры.

В исходе января 1728 г. император Петр II предпринял путешествие в Москву для коронования. Отцу моему препоручена была должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге, а я спустя несколько дней отправился в Берлин.

Благосклонный прием, каковой по приезде моем имел я от графа Головкина и от его супруги, урожденной графини фон Дона, был уже началом особенной любви и дружбы, коими четыре года непрерывно пользовался я в доме сей добродетельной четы. Мы отправились в Соассон не прежде как чрез два месяца. Между тем коронование императора Петра II совершено в Москве, и граф Головкин при известии об оном получил также повеление установить радостное на сей случай празднество, вследствие чего граф Головкин дал великолепный обеденный стол, который король удостоил своим присутствием, а вечером бал и вечерний стол вместе с иллюминацией. Впрочем, означенный день торжества в честь коронования достопамятен в нашей семье еще и потому, что отец мой и его потомки в графское возвышены достоинство.

Наконец граф Головкин получил свои векселя, полномочия и инструкции. Последние содержали главнейше ту силу, дабы он крайнее употребил домогательство исходатайствовать титул императорский от тех держав, которые не согласны еще были признавать оного за российскими государями. Сверх того препоручено также особенно пешись об интересе герцога Голштинского касательно возвращения Шлезвигской земли. Сколько он как в одном, так и в другом успел, об оном ниже упомянуто будет.

В конце мая отправились мы в Соассон. Но отъехав недалеко, два старших сына графа Головкина заболели корью в местечке, именуемом Горнбург, невдалеке от брауншвейгской границы, и мы принуждены были тут недели на две остановиться. В соседстве на даче господина Минхгаузена, называемой Линден, имел тогда жителство старый герцог Антон-Ульрих Бланкенбургский вместе со своею супругою. Граф Головкин, желая отдать свое почтение сему герцогу, деду нашего государя, поехал к нему, взявши меня с собою. Я имел честь у их светлостей обедать, и герцогиня расспрашивала меня, как новоприезжего из России, подробнее обо всем, касающемся до молодого императора и его сестры. По окончании стола приехали туда же двое старших принцев Бевернских — внуки упомянутого герцога, а именно вступивший вскоре потом в правление герцог Брауншвейгский и сочетавшийся после в России с принцессою Анной Мекленбургской принц Антон-Ульрих. Под вечер была у нас приятная прогулка по лесу до самых ворот города Вольфенбютеля, и около ночи граф Головкин возвратился со мною опять в Горнбург.

Коль скоро больные наши оправались, поехали мы далее. Не успели добраться до Гама в Вестфалии, как опять на другом дитяти и даже на самой графине корь высыпала. И так мы принуждены были снова простоять с лишком две недели. Из Гама продолжали мы наш путь беспрепятственно даже до Везеля; здесь графиня Головкина почувствовала тяжкую боль в груди, потому что она рано в дорогу пустилась, но чрез 12 дней пришла опять в состояние сносить дорожную тряску. Из Везеля поехали мы чрез Мастрих в Брюссель, где вскоре по приезде наш герцог Арембергский посетил графа и графиню, и так как граф в сопровождении одного меня взаимное отдал посещение упомянутому герцогу, то и пригласил нас к вечернему столу, при котором находились еще состоявший во французской службе граф Деламарк и славный сочинитель Жан-Баптист Руссо. Присутствие сего последнего произвело, что разговор о важных материях не долго продолжался, но вскоре принял сугубо насмешливый тон.

Из Брюсселя отправились мы в Монс, оттуда поворотили в Лафер и наконец при пушечной пальбе прибыли в Соассон благопо-

лучно; но поскольку после первых до приезда нашего бывших двух или трех собраний, в которых кроме вымена некоторых полномочий ничего другого не сделано, все посланники поехали за кардиналом Флери в Париж, то графу Головкину невозможно было одному что-нибудь в отношении дел здесь произвести и потому он, оставя всю семью свою в Соассоне, поехал вместе со мною и с одним секретарем в упомянутую столицу.

В Париже застали мы князя Александра Борисовича Куракина, который по смерти отца своего оставлен во Франции для дел, до России касающихся, и ожидал только приезда графа Головкина, дабы самому отправиться в Москву.

Граф Головкин неукоснительно поехал в Версаль, имел свидание с кардиналом Флери, равно как и с хранителем печати господином Шовелином, тогдашним министром иностранных дел, и от первого представлен королю в качестве министра, на конгресс назначенного.

По прошествии одного месяца собрания в Соассоне опять открылись, почему и граф Головкин вновь туда возвратился. Но как в его полномочиях означен императорский титул, не от всех еще держав признанный, то многие не соглашались их принять и слушать. Римско-императорские посланники, невзирая на постановленный между обоих дворов союз, были из числа первых, которые на то возражали наисильнейше. А шведы представляли, что от них признан сей титул для Петра I и после для императрицы Екатерины I — единственно для особ, а отнюдь не для потомков их. После многих словопрений дело сие решилось тем, что упомянутые полномочия приняты на сей раз с торжественным однако же возражением на изображенный в оных титул.

После двух собраний господа уполномоченные опять все разъехались, и в то уже время видно было, что в Соассоне не много наделано будет. Поэтому граф Головкин вознамерился со всей семьей своею поехать в Париж. Здесь проводили мы всю зиму, и я, получив опасную горячку, едва было не умер.

Еще в бытность нашу в Соассоне пришло ко мне от отца моего известие, что он сочетался браком с вдовствующей графиней Салтыковой. Вскоре после их брака мачеха моя предприняла путешествие в Мекленбург для свидания с родственниками своими, взявши с собой моих двух сестер, Софию и Луизу: первую выдала она замуж за прусского полковника Мальцана, а другую отправила к старой госпоже герцогине в Бланкенбург, где была она не долее одного года придворной фрейлиной и после выдана сею герцогинею замуж за франконского дворянина, обер-шталмейстера маркграфа Аншпахского, барона Шаумберга.

По сие время находился я один дворянином посольства при графе Головкине, а тут получил я товарища в лице молодого ныне владеющего графа Нейвидского, которого мать была графиня Дона и двоюродная сестра графини Головкиной.

В мае 1729 г. поехали мы опять, и притом в последний раз, в Соассон, ибо по прошествии нескольких месяцев, в которые никаких дел там производимо не было, не хотели больше и слышать о конгрессе, а казалось, что двор версальский учинился ныне средоточием переговоров. Итак, пред исходом лета возвратились мы обратно в Париж для неперменного там пребывания.

Здесь проводили мы время весьма приятно. Граф Головкин был аккредитован посланником при французском дворе, получал по 36 000 рублей годового жалования и содержал великолепный дом. Похвальное свойство его души и приветливость произвели в короткое время в нации такое к нему уважение, что знатнейшее дворянство не только его посещало, но со своей стороны озабочено также было доставлять ему всякое наивозможное увеселение.

Что до меня касается, то старался я совершенное снискать знание во французском языке, для изучения коего не думаю, чтобы какой-либо молодой человек из россиян наперед меня во Францию был послан, причем успел я в оном так, что когда граф Головкин в Петербург был отозван и отправление дел мне вверено, то я был уже в состоянии донесения мои писать на французском языке.

Между тем семья Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрой своего наперсника, но лишь только мы о сем известились, как граф Головкин чрез нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день января 1730 г. скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойного императора Петра II все дела государственные решались в так называемом Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ, в котором князь Долгорукий больше всех голосу имел. Лишь только молодой император свой дух предал, то означенный совет съехался на совещание о наследии империи. Кончину Петра II пресеклось мужское колено императорского дома, поэтому князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем, чтобы власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на перворождение, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей представлены, условия.

И так выбор пал, как выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примечательнейшие предложенные ей статьи были следующие:

- 1) без усмотрения и согласия высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно,
- 2) не объявлять войны и не заключать мира.
- 3) Никаких не налагать поборов или налогов.
- 4) Никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной тайной канцелярии и ни у одного дворянина не конфисковывать имения без ясного доказательства на учиненное им вышеозначенное преступление.
- 5) Беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание ее особы и придворного штата годовым доходом.
- 6) Казенных вотчин никому не дарить.
- 7) Не вступать в брак и не назначать наследника престола.

После сего к новой императрице, обретавшейся в Митаве, отправлены депутаты, между коими предводителем был князь Василий Лукич Долгорукий, чтобы возвестить ей об избрании ее и упомянутые статьи предложить на утверждение.

Сия до формы правления касающаяся перемена не могла быть столь скрытна, чтобы не проведal об оной камергер покойного императора граф Густав-Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат, после бывший обер-шталмейстером у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни.

Депутаты приехали в Митаву спустя один день. Императрица беспрекословно подписала предложенные условия и неукоснительно предприняла свой путь в Москву.

Здесь обреталась она, так сказать, под опекою Долгоруких и заимствовалась от императорского достоинства одним только титу-

лом; но спустя несколько недель многие дворяне и большей частью из офицеров гвардии под предводительством фельдмаршала князя Трубецкого и князя Черкасского, кои были после кабинетскими министрами, поднесли императрице прошение, в котором содержалось, что так как они между известных статей находят некоторые предосудительные для государства и монархическую власть полагают наименее полезнейшей для своего отечества, то чтобы она благоволила нововведенный образ правления отрешить и управлять империей с неограниченной властью по примеру ее предков. Прощение, как легко представить себе можно, принято наиболее склоннейше, гвардия собрана на площади пред дворцом, условленные статьи разорваны, и монархине новая учинена присяга в верности. Вскоре потом знаменитейшие из семьи Долгоруких в домах их арестованы, обвинены в преступлении оскорбления величества, суждены и посланы в Сибирь в заточение.

Когда императрица усмотрела, что сим утвердилась она на престоле, то и совершено коронование в 28 день апреля старого стиля и всем в иностранных государствах пребывающим министрам сообщено, дабы они в знак сей радости торжественные празднества установили, на что и потребные суммы денег к ним доставлены. Граф Головкин получил 6000 рублей и отправил празднество коронации следующим образом: он пригласил к себе с лишком сто человек знатных особ обоего пола. Шевалье Орлеанский, побочный сын прежнего регента, гросс-приор мальтийского ордена во Франции, отдал на сей случай графу Головкину свой собственный дом, именуемый Летамплъ. Торжество открылось около шести часов вечера концертом. После того был великолепный ужин, во время которого как фасад дома, так и сад освещены были огнями. По окончании стола начался бал, и спустя два часа явились на оный несколько сот масок по билетам. Веселости продолжались во всю ночь и не прежде как в семь часов утра кончились.

В сем самом году императрица Анна Иоанновна умножила лейб-гвардию двумя новыми полками, из которых один состоял из 1200 человек рейтар, а другой из трех батальонов или 2800 человек пехотных солдат. Учреждение последнего препоручено графу Левенвольде, тогдашнему генерал-адъютанту императрицы, который и пожалован подполковником того полка. При сем примечательно, что по сделанному проекту упомянутый пехотный полк не из настоящих российских рекрутов, но из так называемых однодворцев или украинцев набран, а офицеров определяли в оный не иных, кроме лифляндцев или других чужестранных. Намерение при сем было такое, чтобы древнюю толпу избалованных и необузданных людей содержать в руках, что кажется для тогдашних времен и не без нужно было; но как начали помалу от предположенных правил в

отношении как рядовых, так и офицеров отступать, то в последующее время оказалось, что успеха другого при сем не было, кроме того, что само по себе опасное уже воинство сделано многочисленное.

Отец мой с 1728 г. отправлял должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге, а летом жил большей частью при Ладожском канале и продолжал сию работу с крайним рачением. Императрица не только предоставила ему упомянутые упражнения, но также во изъявление своего удовольствия пожаловала ему орден св. Андрея.

В 1731 г. отправился он в Москву и снискал в короткое время благоволение монархини и дружбу тогдашнего обер-камергера Бирона.

Сей любимец счастья был человеком благоприятного по наружности вида, с здравым рассудком и с острым проницанием. Хотя он ни одного языка по правилам говорить не умел, однако по природному красноречию своему в состоянии был мысли свои ясно изобразить и какое бы ни случилось положение — защищать. Он был щедр и любил великолепие, но при всем том разумный домоводец и враг расточения. В обхождении своем мог он, когда желал, принимать весьма ласковый и учтивый вид, но большей частью казался по внешности величав и горд. Честолюбие его не имело никаких пределов; то недоверчивость, то легковерие причиняли ему нередко многое опасное беспокойство. Он был чрезмерно вспыльчив и часто обижал из предускорения; если случалось иногда, что он погрешность свою усматривал, то хотя и старался опять примириться, однако же никогда не доводил до изустного объяснения, но довольствовался тем, что обиженному доставлял стороною какую-нибудь приязнь или выгоду. Если же кто, напротив того, сделал пред ним однажды проступок, тот не мог уже надеяться на его великодушие даже при искреннейшем принесенном своем раскаянии. Малейшее покушение вредить ему в глазах императрицы было непростительное преступление, и его мщение простиралось даже до жестокости. Основание к счастью своему положил он еще в Курляндии, и влияние его на сердце тогдашней вдовствующей герцогини было при избрании ее столь известно, что отправленные в Митаву депутаты имели секретное приказание от сей государыни исходатайствовать обещание, чтобы Бирону не ехать в Москву, а остаться в Курляндии. Но сие продолжалось не долго, ибо когда самодержавие опять было восстановлено и Долгорукие в ссылку сосланы, то упомянутый любимец явился паки в полном сиянии своем. Потом власть его возросла до такой степени высоты, что я, будучи девять лет очевидным тому свидетелем, нахожу мало примеров в истории, с которыми сравнить оную можно.

Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца, состоял также Карл-Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что

хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боался.

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и проницательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Друзьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим.

Доброе согласие между двумя вышеименованными мужами и вице-канцлером графом Остерманом было в тогдашнее время наилучшее. Последний сделался необходимым своим искусством в политических делах, обширными познаниями внутреннего состояния империи и преизящным слогом в сочинениях. Отец мой с давнего времени пользовался его дружбою и рекомендован от него новому обер-камергеру с весьма хорошей стороны, поэтому не прошло еще и двух недель по приезде его в Москву, как он со всеми наивозможными знаками благоволения введен в общество сих триумвиров и вскоре потом за долговременные и обременительные труды свои знатный получил подарок. Ибо когда незадолго пред сим судоходство по Ладожскому каналу открылось и тем самым выполнилось столь полезное для Петербурга намерение великого основателя сего града, то в награждение пожаловано ему 40000 рублей и почти в то же время упалое место фельдцейхмейстера.

Императрица для решения важнейших государственных дел учредила Тайный совет, или так называемый Кабинет, назначив членами оного канцлера графа Головкина, графа Остермана и князя Черкасского; отец мой был к ним приобщен.

Для исправления военного состояния подал он монархине разные начертания, которые одобрены и для исполнения ему препоручены.

При российской армии национальные офицеры получали половину оклада против чужестранных того же чина, так что, например, иностранный капитан имел жалованья по 15 рублей в месяц, а российский только по 8 рублей. Таковое отличие естественно производило больше зависти, нежели бодрости в последних. Отец мой изыскал способ отменением некоторых напрасных издержек при

полках доставить из таковой сбереженной суммы для каждого класса офицеров единообразное жалованье, и вследствие сего нового учреждения национальный полковник получал 300 рублей против прежнего.

Другой проект состоял в заведении кадетского корпуса, дабы в нем от четырех до пяти сот молодых дворян и офицерских детей воспитывать и обучать как телесным и военным упражнениям, так и чужестранным языкам, художествам и наукам.

Третий проект заключался в учреждении 12 кирасирских полков на немецком основании: таковое умножение войск почиталось нужным наиболее потому, что российская конница состояла из одних только весьма неисправных драгун, с которыми против тяжелой конницы совсем никакого или весьма малого успеха ожидать было можно. Но дабы определенная на содержание армии сумма оставалась всегда в своем штате, намерены были известное число драгунских полков уничтожить и сначала учредить только три из вышеупомянутых полков. Один из сих должен был иметь отца моего полковником и навсегда прозываться Миниховым полком.

В мае сего 1731 г. получил я известие, что императрица пожаловала меня камер-юнкером, и тогда же прислан ко мне на сие звание патент, равно как и вексель для принятия годового по сему жалованья, ибо по тогдашнему обыкновению камергеры и камер-юнкеры получали жалованье свое вперед.

Вскоре потом, когда императрица вознамерилась вместо древнего разбитого и преогромного московского колокола, висевшего на Иване Великом, заказать отлить другой в 9000 пудов, или в 3600 центнеров голландского весу, то и препоручено мне отыскать в Париже искусного человека, дабы сделать план колоколу вместе со всеми измерениями. По сей причине обратился я к королевскому золотых дел мастеру и члену Академии наук Жерменю, который в сей части преискуснейшим почитался механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я с ним шутил; но как после уверил я его, что имею высочайшее на то повеление, то он взялся сие исправить. Принесенный ко мне план вручил я графу Головкину для отсылки. Но колокол после отлит не по назначенному сему плану, а по другому содержанию еще в 2000 пудов тяжелее вышепоказанного веса. Он вылился весьма красиво и удачно и стоял уже в готовности к подъему на колокольную, как по несчастью в бывший в 1737 г. в Москве большой пожар от упавшего на него загоревшегося бревна расшибся и чрез то сделался негоден для употребления.

В сентябре 1737 г. граф Головкин получил высочайший рескрипт: французский двор оставить и в звании посланника отправиться к генеральным штатам в Гаагу, а я оставлен поверенным в делах

во Франции. На сие определено мне по 3000 рублей годового жалования и еще по 300 рублей на посылки курьеров, конвертов и прочего, и на мою собственную исправку прислано 1000 рублей. Граф Головкин вскоре потом имел отпускную аудиенцию и по окончании оной представил меня королю, которому при сем случае, сверх употребительного обыкновения, имел я честь подать верительную о себе грамоту.

Спустя две недели благодетель мой граф Головкин со всей семьей своею отправился в Гаагу; прощание наше было пренежное, и мы не без слез расстались. Оба, как граф, так и графиня, изъявили особенную ко мне любовь, и я признаюсь, что они обходились со мной в своем доме не как с чужим, но как с родным своим сыном.

Таким образом, на 23 году возраста моего имел я уже публичное звание при одном из первых дворов европейских. Но не прошло еще и шести месяцев, как по желанию отца моего повелено мне указом возвратиться в Санкт-Петербург, где весь двор тогда обретался.

Отец мой не сообщил мне никакого уведомления о своем в отношении меня намерении, а в указе значилось, что отсутствие мое будет недолговременно. Поэтому откланялся я у кардинала де Флери и тогдашнего хранителя печати министра иностранных дел господина Шовелина с таким отзывом, что я вскоре назад возвратиться имею.

В исходе февраля 1733 г. выехал я из Парижа и чрез Страсбург продолжал свой путь в Россию.

В Берлине проведая я от тогдашнего при прусском дворе российского министра графа Ягужинского, что отец мой недавно пожалован генерал-фельдмаршалом. Проездом чрез Пруссию посетил я старшую сестру мою в Ризенбурге, где ее муж, подполковник барон Мальцан, с несколькими эскадронами Буденброкского кирасирского полка стоял в гарнизоне. Сей приказал, дабы воздать мне почесть, выступить одному эскадрону и в моем присутствии произвести все обыкновенные их экзерции.

В пограничном городе Риге застал я сестру мою Менгден вместе с ее мужем, который тогда был лифляндским ландратом. Туда же незадолго предо мною прибыл старший граф Левенвольде, который ездил к венскому и берлинскому дворам за некоторыми препорученными ему важными делами. Едва лишь успел я посетить его, как он продолжал путь свой далее. Чрез два дня отправился и я оттуда, и как я догнал упомянутого графа в Дерпте, то он принудил меня перейти в свою коляску, дабы с ним вместе ехать до назначенного места.

В начале апреля приехали мы в Санкт-Петербург благополучно, и я имел удовольствие после пятилетнего почти отсутствия увидеть отца моего в добром здравии и в величайшем достоинстве.

Коль скоро я переоделся, то он повез меня с собою ко двору и представил императрице, обретавшейся тогда в покоях обер-камергера Бирона. Императрица удостоила меня всемилостивейшего принятия, равно как и от упомянутого любимца и его супруги, при том находившихся, принят я весьма учтиво и благосклонно. На другой день отец мой поехал со мною к трем императорским принцессам, а именно герцогине Мекленбургской, сестре императрицы, великой княжне Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, и к принцессе Анне, племяннице императрицы. Принцесса Анна не имела больше пребывания со своею теткой, а жительствовала в большом дворце, где пользовалась всем императорским придворным штатом. От всех вышеименованных принцесс принят я с отличной благосклонностью и удостоился такой почести, которая тогда одним знатнейшим особам воздавалась, а именно, что они соблаговолили поцеловать меня в щеку.

По приезде моем открыл мне отец мой намерение свое женить меня на придворной фрейлине Трейден, родной сестре обер-камергерши Бирон. Я успел за два дня лишь с ней познакомиться, как уже принужден был выступить с формальным изъяснением своей любви. Ответ ее содержал холодное благодарение за мое предложение вместе с дружеским напоминанием, дабы я здраво рассудил сам в себе, что она всегда слаба и больна бывает. На таковое откровенное объяснение почел я за лучшее отвечать, что весьма охотно предлагаю мои услуги ходить за нею в ее болезнях. Непосредственно после сего приказано мне просить у обер-камергерши позволения и соглашения на сию женитьбу. От нее получил я следующий отзыв: что она умеет личные мои качества и честь, оказываемую мною сестре ее, ценить по достоинству и что готова способствовать моим намерениям, коль скоро уверена будет во взаимной склонности ее сестры. Но вскоре оказалось, что таковая ожидаемая склонность имела зависеть не от любви, но от устояния начинавшего уже колебаться благоволения императрицы к отцу моему.

Когда я приехал в Санкт-Петербург, то, как выше упомянуто, нашел отца моего в величайшей милости у императрицы и в наилучшем согласии с обер-камергером Бироном. Императрица незадолго пред тем пожаловала ему 10 000 рублей в подарок и сверх того куплен в казну собственный его недавно построенный дом, находившийся в отдаленной части города, за 20 000 рублей, с тем чтобы он переехал в другой назначенный ему дом подле императорского дворца. Сего еще не довольно было, но приказано проломать в его доме стену, дабы он не выходя на улицу мог проходить из своих комнат в покои любимца.

Делами был он обременен до чрезвычайности, ибо в звании военной коллегии президента управлял всю сухопутною силою; в

Кабинете заседал он в звании генерал-фельдцейхмейстера; инженерного корпуса был он главный начальник и над всеми крепостями главный надзиратель; в то же время занимался он учреждением кадетского корпуса и новых кирасирских полков; смотрение за Ладожским каналом осталось за ним по-прежнему, и даже полиция как в Санкт-Петербурге, так и в других городах состояла в его ведении. Нельзя было большим доверием пользоваться, какое на него возлагали, и словом сказать, ни единое дело мимо его рук не проходило. Но сие продолжалось не долго, и чрезвычайный его кредит начал помалу падать по нижеследующим причинам.

В гвардейских полках за благо рассуждено касательно состоящих в каждой роте капитан-поручиков сделать перемену и их всех отставить, поскольку в напольных полках сих чинов не находилось, и следовательно, почли их также ненужными в гвардии, поэтому и положено было всех их выпустить в армию и там определить каждого по чину, а именно: старших премьер-майорами и младших секунд-майорами. Сия столь неожиданная перемена была совсем не по вкусу означенным господам, которые большей частью были молодые люди из знатнейших домов и желали у мест своих оставаться до того, пока не поступят в капитаны, дабы после при выпуске в армию вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему поручено означенное перемещение произвести, и потому нельзя было миновать, чтобы по образу других не сделать показанной реформы и в Измайловском полку, в котором граф Левенвольде был подполковником. Сей находился в оное время в чужих краях и не прежде об оном узнал, как когда пособить нельзя было. Чувствительность его по сей причине была столько тронута, что он с того же часа непримиримую к отцу моему возымел ненависть, поэтому как только он возвратился из своего путешествия, то и начал потрясать кредит и власть отца моего.

Граф Остерман, будучи недоволен, что отец мой часто не хотел в Кабинете соглашаться с ним в мнении, а притом умел своего брата, тогдашнего действительного тайного советника Миниха, как бы для надзирания над ним ввести в департамент иностранных дел, не упустил в сем случае воспomoществовать графу Левенвольде.

К сему присовокупилось еще, что он, не ведая тайного соглашения, состоявшего уже между венским двором и обер-камергером, ввязался в одно такое дело, которое намерениям последнего совершенно было противно и уже отвергнуто как неудобоприемлемое. Расстроенное здоровье короля Августа Второго и вскоре ожидаемая его кончина навели кардинала де Флери на мысль опять посадить Станислава Лещинского на польский престол, поэтому находящийся в Санкт-Петербурге поверенный в делах по прозванию Магнан (Маньян) получил повеление сообщить об оном российскому

двору и знатные предложить обещания, если выбору означенного государя не будет препятствовано. Сии предлагаемые обещания состояли в нижеследующем: императорский титул признавать, известные ежегодные платить вспомогательные деньги и турок склонить, дабы они вновь уступили Азовскую крепость или, если она вооруженною рукою взята будет, то уговорить турок заключить мир неукоснительно.

С сими предложениями упомянутый поверенный в делах был у Остермана, но сей короткими словами ему отказал. После сего обратился он к отцу моему, которому выше изображенные условия показались столь выгодны, что он, хотя дело сие и не принадлежало к его части, взялся представить об оных обер-камергеру. Сие он исполнил, но не с другим каким успехом, кроме что приобрел столь ненавистное тогда прозвание французского сообщника.

Вскоре после сего возвратившийся из Вены обер-шталмейстер граф Левенвольде лишь только о вышеозначенном известился чрез обер-камергера, как употребил сей случай в свою пользу, начал на отца моего наговаривать, поступки его осуждать и изображать опаснейшим человеком.

При таковых обстоятельствах неминуемое следствие было, что о свадьбе моей совсем не стали помышлять, но старались совокупными силами разорвать с таким рвением, как будто бы она с государственной важностью сопряжена была. И так не замешкали произвести оное в действие. Генерал-майор Бисмарк, которого граф Левенвольде перевел из прусской в российскую службу, должен был посвататься и получил ее без дальних околичностей.

В начале 1733 г. воследовавшая кончина короля польского потревожила вторично едва установившуюся тишину в Европе. Тут главное зависело от удачи какой-либо из участвующих держав, дабы поставить в республике новую верховную главу. Венский двор состоял с российским в наилучшем согласии с того времени, как император римский прислал к обер-камергеру 200 000 гульденов в подарок на покупку Шлезского господства Вартенбергского. Ни единый из сих двух дворов не желал видеть тестя короля французского на польском престоле, и Бирон, успокоенный мыслями сделаться со временем герцогом Курляндским, искал склонить выбор на такого кандидата, который был бы ему одному за то обязан и из признательности способствовал его намерениям в отношении упомянутого герцогского достоинства.

Поэтому как только в Санкт-Петербурге о вышеозначенном приключении известно стало, то определено было выбор короля польского себе предоставить, восстановлению Станислава на престол всемерно препятствовать и доставить корону Пиасту, то есть природному поляку. На сей случай обер-шталмейстер граф Левенвольде, будучи

снабжен богатыми векселями, отправился в республику чрезвычайным послом.

Но деньги французские предупредили российские, и Станислав склонил уже на свою сторону примаса государства и многих иных знатных особ. А те, которые держались еще российской стороны, объявили, что они без подкрепления армией ничего произвести не могут. Граф Левенвольде обещал им сию помощь и вскоре потом уехал. По возвращении своем в Петербург, лишь только представил он [доклад] о состоянии дел в Польше, как неукоснительно послан к стоящим на границе войскам указ вступить в Литву и прямым путем поход свой направить в Польшу. Главная команда над сей армией естественно должна была достаться отцу моему, поскольку он был фельмаршалом, но происходившее между ним, обер-камергером, обер-шталмейстером и графом Остерманом несогласие было причиною, что его обошли, и во оскорбление его препоручена главная команда тогдашнему генерал-аншефу Ласи. Однако упомянутый корпус лишь только половину дороги к Варшаве совершил, как пришло известие, что Станислав от французской партии избран и объявлен королем.

В то же самое время проводили, что при сем случае произошел раздор и к российской стороне приверженные по учиненном формальном на то возражении перешли в Прагу на ту сторону Вислы, где ожидали прибытия российских войск, дабы под покровом их новый предпринять выбор короля.

При том можно было предвидеть, что на сем сейме больше согласия и меньше шуму, нежели на первом, происходило, поскольку не только при императорских дворах об избираемом кандидате условлено совершенно, но также толпа диссидентов давно склонна была тому же самому доставить корону. Сей кандидат был курфюрст Саксонский, сын покойного короля, избранию которого император римский с начала прекословил потому только, что он дотоле не хотел признавать прагматической санкции, но как после он на то согласился и обещал обер-камергеру стараться препятствовать разделению Курляндии на воеводства, то сделался отныне единственным искателем, которого упомянутый двор желал видеть на польском троне.

Между тем приближение российских войск столь уже действовало, что Станислав для избежания опасности принужден был вместе с примасом, французским посланником и многими вельможами спастись в Гданьск, под прикрытия полка коронной гвардии. Из прочих его сообщников в Варшаве остались только Потоцкий, воевода Киевский; Тарло, воевода Люблинский, и кастелян Черский, коих вся сила состояла из некоторых так называемых польских знамен, с коими разъезжали они около и внутри Варшавы.

Как скоро генерал Ласи достиг берегов Вислы, то явились к нему начальники противной Станиславу партии и объявили, что готовы выполнить желание российской императрицы в отношении выбора короля. Настоящее выборное место, называемое Вола, находилось на той стороне реки, где Варшава лежит. Но как другая партия вскоре после ухода Станислава все мосты сняла и времени терять нельзя было, то обряд избрания совершен на том самом по сию сторону Вислы находящемся поле, на котором в XVI столетии Гейнрих де Валоа был избран, и тут в 5 день октября нового стиля единогласно утверждена за вышеупомянутым курфюрстом польская корона.

Во время сего происшествия оставшиеся в Варшаве конфедераты известили российского и саксонского министров, дабы они из города выехали, и как сии того не сделали, то по прошествии назначенного срока разграбили дом первого, а к квартире другого подвезли пушки и стреляли ядрами. Но когда на сем приступе убито у них от 30 до 40 человек, то ярость их укротилась и находящиеся в доме саксонского посланника люди потребовали капитуляцию, по силе которой предоставлена им свобода перебраться в дом императорского посланника Вельцега, где за несколько дней пред сим оба вышеупомянутых министра прибежище свое имели.

По объявлении королем польским Августа III и по построении новых мостов приказал генерал Ласи армии своей переправиться чрез Вислу, оставя несколько поляков в городе, из которого поляки в самой скорости убежали.

Дабы скорее восстановить тишину, императрица повелела, чтобы другой знатный корпус из Украины вступил в Польшу. С другой стороны вошла туда саксонская армия, и когда сия овладела Краковом, то новоизбранный король там и коронован.

При всем том состоянии дел приходило час от часу в большее замешательство; неприятельская сторона все еще полагалась на помощь Франции и о другом короле, кроме Станислава, слышать не хотела. При том весьма трудно было сию кочующую и все места опустошающую толпу усмирить, ибо она нигде на одном месте не останавливалась и прежде рассеяна, нежели побита быть могла.

Для лучшей в сем деле успешности требовалось, чтобы более всего стеснить и заключить самого Станислава и его сообщников, почему к генералу Ласи прислан указ: оставя только гарнизон в Варшаве, приступить с остальными войсками к упомянутому городу. Он поспел туда уже поздно осенью, содержал его некоторым образом в блокаде, но за недостатком в сильнейших понудительных пособиях не мог ничего больше предпринять.

Между тем прошла зима и наступил уже февраль 1734 г., а Гданьск ни на какие предложения не соглашался. Обер-камергеру показалось сие весьма медлительно. Он изведal разносторонность и предприимчивость отца моего во многих случаях, и ненависть

принуждена была уступить необходимости, так что отец мой сверх ожидания получил главную команду над армией в Польше, равно как и управление над осадой Гданьска. Он отправлен был весьма поспешно и скрытно и в двенадцать дней приехал под прусским прикрытием в лагерь, расположенный под означенным городом. Тут нашел он корпус, состоящий из 12 000 человек регулярного войска, из которых однако же едва 8000 человек в состоянии были службу свою нести. Потребной для осады тяжелой артиллерии совсем там не находилось, а притом нельзя было и ожидать оной из российских гаваней прежде как в июне.

Город Гданьск укреплен регулярно, снабжен хорошей внешней фортификацией и многими вокруг лежащими шанцами; с одной стороны был он неприступен по причине потопленной земли; гарнизон в городе, к которому польская коронная гвардия и новоучрежденный маркизом де Монти драгунский полк принадлежали, состоял по крайней мере из 10 000 человек регулярного войска. Все укрепления прикрывались достаточным количеством исправных пушек. В военной амуниции не имелось никакого недостатка, а хлеба в купеческих амбарах находилось столько, что жители вместе с гарнизоном несколько лет продовольствие иметь могли. Если при сем принять во внимание присутствие короля, знатнейших особ государства и французского посланника, который именем своего государя обещал городу не только скорую помощь, но также полное за убытки возмещение, то не может показаться странным, что магистрат и граждане расположены были охотнее все вытерпеть, нежели оставить дарованное покровительство от такого государя, который доверие свое возложил на их верность.

На другой день по приезде отца моего послал он в Гданьск письменное объяснение такого содержания, что он имеет повеление огнем и мечом разорить город, если обыватели оного чрез одни сутки не решатся признать Августа своим королем и Станислава вместе с его сообщниками выдать. Но ответ на сие гласил, что они почитают Станислава законным королем своим и до последней крайности обороняться станут.

По получении сего отзыва неприятельские действия начались неукоснительно. Наступление сделано на первое предместье, Шотландом именуемое, где находились городские войска, и по сильном сражении, на котором около 100 человек с неприятельской стороны убито, россияне овладели оным. Очередь вскоре дошла потом до некоторых шанцев, которые тоже российскими войсками заняты, но к городу еще нельзя было приступить формально за недостатком потребной для осады артиллерии.

Невеликий понесенный в людях урон при овладении упомянутыми шанцами возбудил в отце моем желание отнять у неприятеля

один известный укрепленный пригорок, с которого весь город под пушечным стоял выстрелом. Сей пригорок называется Гагельсберг, который имеет столь выгодное положение, что если бы удалось его взять, то бы всеконечно вскоре за сим и сдача Гданьска воспоследовала. В ночь на 28 число апреля старого стиля нужные к тому приготовления были сделаны. План атаки был такой, чтобы 3000 человек, к которым в подкрепление присоединены еще 5000 человек, наступили на означенный пригорок со слабейшей стороны. Назначенные для приступа войска скрытно и в наилучшем порядке подведены уже были почти к подошве укреплений, и нападение одной колонны со столь хорошим произведено успехом, что некоторые гренадеры вошли уже на вал и завладели одной батареей. Но так как, по несчастью, предводители двух других колонн убиты неприятелем и войска пришли в беспорядок, а чрез то атаку по предписанному плану произвести было невозможно, то по сей причине предприятие сие не имело надлежащего успеха и с нашей стороны убито великое множество людей потому наиболее, что ожесточенные солдаты лучше желали погибнуть на месте, где сильнейший огонь производился, нежели отступить и жизнь свою спасти; даже оставшиеся в живых послушались не прежде, чем подоспевший туда генерал Ласи их уговорил.

Потеря от 900 до 1000 человек не могла бы за великое почестся при осаде, подобной производившейся под Лилем во Фландрии, где в 1708 г. безуспешный приступ стоил 6000 человек гренадеров, но в столь малочисленной армии, какая под Гданьском стояла, означенная потеря тем чувствительнее была при дворе, что тут ни к каким неприятным известиям не привыкли, и потому уныние распростерлось столь великое, что думали, будто отец мой со всем своим корпусом прогнан и разбит гданьскими войсками. Напротив того, он, будучи затруднениями больше раздражаем, нежели уstraшен, не лишился бодрости своего духа, но начатые для осады приготовления, как-то: окопы и рвы — продолжал с обыкновенной прозорливостью своей безостановочно.

Обретающиеся в Гданьске войска вскоре после означенного происшествия многократные и сильные делали вылазки, но по причине хороших к отражению их сделанных распоряжений всегда возвращались обратно в город без всякого успеха.

Столь же безуспешно было предприятие поляков войти в Гданьск, а именно: корпус из 8 до 10 тысяч конных поляков, преданных Станиславу, имея помышление под предводительством кастеляна Черского присоединиться к войскам в Гданьске, приблизились уже на несколько миль к городу, и некоторые форпосты принуждены были назад отступить, но когда отец мой отрядил против них генерала Ласи, то упомянутый кастелян возвратился вспять, прежде нежели Ласи навстречу им вышел.

Тотчас после неудачного наступления под Гогельсбергом отец мой хотел силу свою увеличить частью многими назад возвращенными деташиементами и частью некоторыми из Варшавы по высочайшему повелению к нему присоединившимися полками. Также между сим временем получил он 200 бомб вместе с четырьмя мортирами, присланными к нему скрытно от короля Августа из Саксонии на почтовых колясках и под названием багажа герцога Вейсенфельского. Прибытие оных было для отца моего тем паче приятно, что он по необходимости принужден был приказать выстреленные из города ядра собирать и ими опять заряжать свои пушки.

Но в отношении осады, невзирая на оказанную помощь, оставалось все в прежнем положении, и знатнейшими обещаниями непрестанно обольщаемые жители Гданьска меньше всего помышляли о том, чтобы сдаться; маркиз де Монти заступал там не только место посланника, но также и полководца и, следовательно, входил во все потребные к защищению города распоряжения. Он дал своему двору уверение, что если к нему не больше как 2000 французских войск прислано будет, то он надеется с оными и с находящимся в городе гарнизоном принудить россиян осаду оставить. Поэтому французское министерство и отозвалось мнением своим, что нужно повелеть три батальона в Дюнкирхен на суда посадить и отправить в Гданьск.

Коль скоро отец мой о сем получил известие, то предпринял он сему вспомогательному войску пресечь путь к городу посредством сильного ретраншемента. Упомянутые три батальона вскоре приплыли в устье реки Вислы. Командующий ими бригадир Деламот, разведав положение мест, усмотрел невозможность овладеть ретраншементом и сим путем пробраться в город, поэтому со своими войсками сел он опять на суда и отправился обратно в Зунд. Но французский посланник при датском дворе господин Плело, молодой и вспыльчивый человек, не хотел поверить донесению старого и опытного бригадира в отношении найденных им препятствий, а объявил ему, что оное предприятие, чего бы ни стоило, необходимо произвести в действие, на каковой случай он, посланник, вознамерился сам принять команду над вышеупомянутыми тремя батальонами. Бригадир Деламот отвечал, что он в сем случае не отречется состоять под его командою и следовать за ним, куда он ни пожелает.

Между тем отец мой получил сверх вспомогательного войска от 3 до 4 тысяч человек из Варшавы, еще несколько пушек с принадлежащим к тому припасом из Ревеля чрез Пиллавский и Елбингский порты.

Немного погодя французы прибыли опять на гданьский рейд, вышли на берег и расположились лагерем под шанцем при устье реки Вислы. Новый полководец их граф Плело не терял времени и на другой же день повел их прямо к ретраншементу. Ретраншемент был

вышиною в полтора человека и с внешней стороны выложен бревнами наподобие стены. Впереди был сделан засек из вырубленных деревьев и сучьев. Французы, несмотря на сильный против них производимый огонь, пробрались сквозь означенный засек с удивительной бодростью. Дойдя до крутизны ретраншемента, господин Плело усмотрел поздно, что тут делать нечего, и, не успев раскаяться в своей поспешности, убит пушечным ядром. После чего господин Деламот приказал бить тревогу для отступления и по потере около 200 человек отошел опять к устью реки Вислы, где не долго мешкая перебрался на близлежащий песчаный остров и расположился тут лагерем.

Упомянутое наступление по сделанному условию должно было быть подкреплено сильным нападением из города, но последнее воспоследовало не прежде как французы уже отступили, и следовательно, тем легче оное отразить было можно.

Известие, полученное при дворе о сей одержанной над неприятелем победе, обрадовало обер-камергера, опечаленного последней неудачной под Гагельсбергом атакой. Он не мог воздержаться, чтобы не открыться мне искренно, что отец мой сим достохвальным подвигом приобрел вновь всю его доверенность. Некоторые кресты ордена св. Людовика, снятые с убитых офицеров и в Петербург присланные, показывали здесь за редкость с великим величием каждому при дворе.

Два дня спустя после упомянутой небольшой победы прибыл в лагерь к отцу моему герцог Иоганн-Адольф Саксен-Вейсенфельский с корпусом, состоящим из 10 000 человек саксонского войска. В то же почти время явился, наконец, на гданьский рейд и российский флот, состоящий из 17 линейных кораблей, 4 фрегатов и 2 бомбардирных галиотов с давно ожидаемой и для осады потребной артиллерией.

Напротив того, стоявшая в сих водах с некоторого времени французская эскадра исчезла. Она состояла из трех военных кораблей под команду преискусного морского офицера по прозванию Бараль. Сей, конечно, не мог бы столь легко убежать от российского флота, если бы о приближении оного не узнал от одного по неведению вперед забежавшего фрегата, которым он овладел, не учинив ни единого выстрела. Капитаном на упомянутом фрегате был один известный из французской в российскую службу вступивший офицер по прозванию Фремери. Не имея в своей инструкции ни малейшего извещения о разрыве мира с Францией, он был столь неосторожен, что по приглашению господина Баралья, старого своего знакомого, взшел на его корабль, и не успел лишь тут оглядеться, как его фрегат окружен тремя линейными кораблями и под угрозами потопления принужден был сдаться.

По прибытии флота бомбардирные галиоты расположились неукоснительно напротив песчаного острова, где французы судьбины своей ожидали и вскоре принуждены были сдаться на следующих условиях: чтобы они из своего лагеря со всеми воинскими снарядами выступили и на российском флоте отправились в один на Восточном море лежащий, но не названный порт, а после, как только придут нужные для их переезда суда, во Францию обратно отпущены будут.

По подписании сей капитуляции отец мой переправился на остров для обозрения оного, принял от них приличествующие фельд-маршалу почести (к нему были присланы знамена) и после того дал приказ посадить их на суда.

После доставки тяжелой артиллерии, по прибытии саксонского корпуса, а также по занятии устья реки Вислы и после неудачного покушения французов, равно как и после нескольких учиненных проб новопривезенными 360-фунтовыми бомбами, несчастные обыватели Гданьска начали напоследок к мирным склоняться расположениям.

Они просили перемирия на одну неделю, в чем, однако же, им отказано. Между тем двое прусских агентов работали то в российском лагере, то опять в городе, чтобы открыть путь к примирению. Наконец магистрат получил также дозволение прислать нескольких депутатов в главную квартиру при Оре для переговоров. Предложенные от отца моего за основание их условия были следующие: Станислава, примаса государства, маркиза де Монти вместе со всеми в городской службе состоящими войсками и чужестранными офицерами выдать государственным военнопленными; королю Августу III учинить в верности присягу; от императрицы российской чрез отряженных из первых членов совета депутатов испросить прощение в их непокорливости; за убытки заплатить 1200000 рублей и сверх того выдать артиллерии выкуп за звон в колокола во время осады 300000 голландских червонных.

Во время сих переговоров случилось происшествие, которое принудило обременить обывателей Гданьска тягчайшими условиями. Сие был побег Станислава. Сей судьбою то возвышаемый, то вновь низвергаемый государь, услышав, что требуют выдачи его особы, решился тайным образом убежать из города. На сей случай переоделся он в крестьянское одеяние и с одним провожатым, генералом Штейнфлихтом, сев в рыбацкую лодку, переехал чрез потопленную часть Гданьской области и по шестидневном странствовании, в котором его вольность и жизнь в непрерывной опасности находились, добрался, наконец, до прусского местечка Мариенвердера.

Магистрат не упустил, чтобы тем же часом не сообщить об оном происшествии к отцу моему известия и по чести и совести засвидетельствовать, что никто другой, кроме маркиза де Монти, не знал о

побеге Станислава. Ответ отца моего гласил так: «Если бы оказалось, что магистрат самомалейшее в сем побеге принимал участие, то платежные штрафные деньги еще на один миллион рублей увеличены быть имеют».

Гданьск некоторое время колебался сомнением, согласиться ли на столь обременительные и оскорбительные условия. Маркиз де Монти написал также к отцу моему письмо, в котором, опираясь на народное право, возражал против требуемого задержания его особы; но напротив того в ответ ему сообщено, что привилегии его звания не могут больше быть совместны с его лицом, потому что он в продолжение осады вместо должности блюстителя мира отправлял должность неприятельского предводителя. При том и магистрату обозначено, что если маркиз де Монти тем же часом не сдастся, то неприятельские действия неукоснительно начаться имеют.

Большая часть польских знатных в городе находившихся особ просили одновременно о даровании им вольности и обещали короля Августа признать законным государем своим. Им сказано в ответ, дабы они ожидали прибытия короля Августа.

Между тем от французского посланника получено другое письмо, в котором он всеми святыми заклинал, что магистрат ни малейшего сведения о побеге Станислава не имел, но что он один о том знал и все распоряжения к тому сделал, поэтому охотнее соглашается отдаться в суровейший плен, нежели допустить, чтобы из-за одной его персоны новая искра вражды вспалилась.

Когда затруднение сие прекратилось и город на все прочее согласился, то наконец в 7 день июля 1734 г. заключен договор и немедленно у одних городских ворот поставлен российский караул.

Прежде всего к исполнению приведены были статьи об обезоружении набранных для Станислава войск и отправлении взятого под арест маркиза де Монти. 200 000 рублей вместе с 30 000 (так в оригинале. — *Ред.*) червонных за звон в колокола обязан был город заплатить на месте, а для остальной суммы назначен срок, и до совершенной уплаты всего долга устье реки Вислы, занятое саксонскими войсками, задержано вместо залога. В отношении же того, чтобы отпущен был миллион рублей за побег Станислава, указано магистрату с просьбой своею отнестись прямо к российскому двору. Польским знатым особам дозволено до прибытия короля остаться в городе. Но как примас, несмотря на многообразные изъявленные ему и всему его дому знаки милости от императрицы, преимущественно способствовал к выбору Станислава, а притом и не хотел отнюдь признавать короля Августа, то он за сие, равно как и маркиз де Монти, арестован и впредь до указа отправлен в Елбинг.

После упомянутых распоряжений отец мой в сопровождении герцога Вейсенфельского и всего российского и саксонского гене-

ралитета поехал в город, где после благодарственного молебствия учинена королю Августу в верности присяга.

Несколько дней спустя прибыл король в находящийся в неподалеку от Гданьска монастырь Оливский и принимал там торжественные изъявления знаков приверженности как от города, так и от обретавшихся в нем во время осады польских вельмож. Последние представлены от отца моего, который, по благосклоннейшем от монарха приеме и по донесении ему обо всех доселе для приступа к городу учиненных распоряжениях, имел честь угостить его в своей квартире обеденным столом, к которому с лишком сто человек приглашены были.

По недолговременном пребывании король отправился в Варшаву и, прощаясь с отцом моим, повторил уверения свои в признательности и пожаловал шпагу и трость, драгоценными камнями осыпанные, в подарок.

Сим образом кончилась четырехмесячная и судьбу двух королей разрешившая осада города Гданьска.

Российский флот с тремя французскими полками как бы с добычею возвратился обратно в Кронштадт. Тридцать или сорок человек шведских офицеров, находившихся при обороне города, хотя явно-го разрыва мира с их нацией еще не было, отправлены на галиоте в Стокгольм при письме, а отец мой, назначив места и порядок для отшествия состоящих под его командою войск, поехал сам прямо в Санкт-Петербург.

Тут он, по-видимому, принят был благосклонно, однако не так, как ожидал и как оказанные им услуги требовали. Причиною тому было родившееся в обер-камергере подозрение, будто отец мой за знатную от французов полученную сумму денег потакнул побегу Станислава. Не что другое, как одно лживое письмо от легкомысленного офицера, посылавшегося для приема денег в Гданьск и утвердившегося на речах двух тамошних ремесленников, показалось подозрительному любимцу сугубо убедительным документом. Но за неимением ясных доказательств оставил он все сие дело при одном подозрении и никогда не имел решимости об упомянутом обвинении объяснить с отцом моим, который, без сомнения, стал бы требовать удовлетворения за оскорбление своей чести.

Еще до возвращения его приехали гданьские депутаты в Санкт-Петербург и имели публичную при дворе аудиенцию, на которой бургомистр Вален приличную и весьма трогательную говорил речь. Они имели в просьбе своей такой успех, что другой наложенный на них миллион был им отпущен. Но остаток первого обязаны они были вследствие капитуляции внести в годовой срок.

В происходившее при дворе по сдаче Гданьска торжество явились вечером на бал господин де ла Мот с двумя полковниками

маркизами де Беллефоном и де ла Люцерном. При том имели они честь допущены быть к руке императрицы, которая также их приветствовать изволила.

Упомянув о сих французских чиновниках, не могу оставить, чтобы не приобщить здесь еще следующего: когда они вместе со своими войсками сдались на таком условии, что имеют быть отвезены в какой-либо порт в Восточном море для отправления их оттуда на транспортных судах обратно во Францию, то вместо того чтобы идти в Зунд, как они думали, повезены они прямо в Кронштадт. Причина сего поступка была тогда же объявлена бригадиру де ла Моту, дабы он сообщил о том к двору своему, а именно следующая: что императрица отнюдь не желает постановленной с ними капитуляции нарушить, но как французская эскадра без предварительного объявления войны взяла в плен один российский пакетбот вместе с двумя галиотами и еще фрегат, «Митава» именуемый, и последний отвела даже во Францию, то ее величество за нужное находит равное употребить задержание, доколе с французской стороны упомянутый фрегат вместе с прочими судами и с полным их снаряжением не будут возвращены и сданы в каком-либо российском порту, и что между тем задержанные офицеры и войска будут получать все потребное для своего содержания. Вследствие этого, коль скоро они на сухой путь высажены, то и отправили их в лежащее между Санкт-Петербургом и Нарвою местечко, где будучи снабжены всеми съестными припасами изобильно, стояли в лагере до того, как требуемое возвращение воспоследовало и как пришли суда для доставки их во Францию.

Между тем о Станиславе стало известно, что он пребывание свое утвердил в Кенигсберге в Пруссии и обнародованным для поляков манифестом увещевал, дабы они не поколебались в верности ему при обещании сильнейшего от французского двора вспоможения. Означенный манифест подействовал так, что даже некоторые сенаторы, кои привергнулись к королю Августу в Гданьске, опять к нему обратились, а другие, как-то: воевода киевский Потоцкий и воевода люблинский Тарло — в различных местах продолжали свои грабительства и опустошения, но когда последние от россиян разбиты, а французское вспомогательное войско к ним не пришло, то как вышепоименованные, так и другие непокорливые вельможи искали с королем по возможности своей примириться.

Весною 1735 г. отец мой вторично послан в Польшу не столько для прекращения тамошних беспокойств, сколько для распоряжения войсками к выступлению из Польши, где пребывание их было уже не нужно, и для приведения их в движение к новым военным операциям.

Император Карл VI ради Станислава навлек себе войну со стороны Франции и неукоснительно просил от российского двора

обещанной по силе трактатов помощи. Вследствие этого генералу Ласи дан указ, дабы он выступил к Рейну с 12 000 человек войска и соединился с армией принца Евгения. Но лишь только он в назначенное место пришел, то заключен мир между обеими державами и, следовательно, принужден он был со своим корпусом назад возвратиться.

Прежде нежели окончу я рассказ о судьбе Станислава, за нужное нахожу упомянуть об одном происшествии, которое другой цены не имеет, кроме той, что относится к одной из моих сестер. Когда Станислав, оставя всю надежду к получению польского престола, изданным от 12-го числа 1735 г. манифестом предписал привязанным к его стороне польским подданным оружие низложить и его судьбу провидению Божиему предоставить, то предпринял он возвратный путь свой чрез Берлин во Францию. На сем пути проезжал он чрез небольшое прусское местечко, Ризенбург именуемое, где мой зять, тогдашний подполковник Буденброкского кирасирского полка барон Мальцан, стоял с одним эскадроном в гарнизоне. Как скоро он проведаль, что упомянутого подполковника жена была дочь фельдмаршала графа Миниха, то тем же часом приехал к ней на посещение и кофey откусать. Первый вопрос его был о том, какие она известия об отце своем имеет. И как она отвечала, что с некоторого времени никаких сведений не получала, да и не знает где он ныне обретается, то он и предложил, что если она к нему писать хочет, то пусть вверит ему свое письмо, а он надежно его доставит, потому что имеет еще весьма хорошее знакомство в Польше.

Отец мой, как выше сказано, отрядив корпус войска под командою генерал-аншефа Ласи к Рейну, пошел сам с остальными в Польше расположенными войсками в Украину, дабы там составить против турок и татар две армии — одну под собственной своею, а другую под командой упомянутого генерала.

Тогдашняя многочисленная и военными опытами испытанная российская армия привела императрицу в состояние ощутительным образом отмстить известным разбойническим соседям. Сии соседи были крымские и кубанские татары, которые, с некоторых пор частые на пограничные провинции чиня нападения, множество тысяч людей увозили с собою в невольничество. Какие ни были на то деланы Порте Оттоманской представления, но всегда понапрасну, и непрестанный отзыв от нее гласил так: что она сама не в состоянии татар обуздывать. Поскольку же сия отговорка казалась нелепой (потому наиболее, что очевидно было, что в лежащих при устьях Днепра и Дона крепостях Очаков и Азов непрестанно турецкие войска стояли и, следовательно, упомянутые татары без воли и ведома Порты насильствий в Россию производить не могли), то положено обоих, укрывателей и воров, атаковать и главнейшим разбойническим гнездом, а именно Крымом, овладеть.

Для облегчения сего за нужное почли начало сделать осадою Азова. К сему предприятию назначен был новопожалованный фельдмаршал и от римского императора в графское достоинство возведенный генерал Ласи. Но как он еще не возвратился, то между тем временем отец мой еще в марте месяце 1736 г., взяв несколько в окрестностях Азова стоящих войск, напал с оными на турок нечаянно и в ночное время завладел на острове в Дону лежащим и город прикрывающим шанцем Литтиком. При сем, может статься, покажется некоторым примечательно, что в самый тот час, как он дал повеление к упомянутому нападению, случилось на небе лунное затмение. Но можно ли сие почитать каким-либо предзнаменованием, о том оставляю судить другим, только знаю я доподлинно, что в старину ни единый прорицатель не усомнился бы в подобном случае из такого явления заключить, что тому народу, который, как турки, в своем гербе луну имеют, несчастнейшая война предвзовется. Когда потом приказал он некоторые посты занять, различные редуты для прикрытия войск сделать и город с сухопутной стороны совсем заключить, то препоручил, до прибытия фельдмаршала Ласи, главную команду генералу Левашеву, а сам отправился снова в Украину для нужных распоряжений к крымскому походу.

Крым отделяется от Украины пространной степью, в ширину и длину с лишком 100 верст содержащею. На сей степи растет хорошая и высокая трава, но воды столь недостаточно, что во многих местах на 12 или 15 миль [вокруг] ни одного ручейка не попадается. Упомянутая трава такое имеет свойство, что летом высыхает совершенно и легко загорается, так что от того великое пространство степи в кратчайшее время выгореть может. В сию степь, как самый прямой и кратчайший путь в Украину, приезжают татары, когда захотят зимою напасть на российские провинции, где производят свои насилистья с тем большей способностью, что сами живут довольны одною горстью снега, а их лошади приобучены разрывать передними ногами снег и, доставая из-под него траву, оною и кормятся.

Из сего описания само по себе оказывается, какой опасности регулярная армия может зимою или летом подвергаться в сей степи, если бы поход ее лежал чрез оную. По сей причине отец мой предпочел дать круг, пустился сперва вдоль здешнего берега реки Днепр до небольшого расстояния от Крыма, потом, поворота влево, шествовал прямо на Перекопскую линию.

Сей сухой ров, пересекающий Крымский перешеек и содержащий в длину 7 верст, или 1 немецкую милю, простирается от Черного даже до Азовского моря; ширина оного содержит 12 и глубина 7 сажен. На нем находится один только каменный мост, а на той стороне моста лежит крепость Ор, иначе Перекоп именуемая.

Как только, вследствие вышеупомянутого, российская армия от Днепра сюда поворотила, то татары вышли уже к ней навстречу

отведать своего счастья многократными нападениями, но вскоре от полковых пушек отступили они на такое расстояние, что их стрелы мало или совсем не действовали. Когда же они и тут долго мешкали, то начали бросать в них из мортир бомбы, от которых они как прах от ветра рассеялись.

Между тем армия при ежедневно почти встречающихся вылазках подступила к самой линии, позади которой вся татарская сила стояла под Перекопом. Отец мой, дабы раздражить их, приказал неукоснительно бросить несколько бомб в упомянутую крепость и в наступающую ночь дал повеление войскам протянуться вдоль линии, а на другой день пред рассветом посчастливилось ему со всей армией перейти чрез упомянутый глубокий и крутой ров, чего татары совсем не ожидали. Они невдалеке оттуда числом около 80 000 человек под предводительством их хана покоились в приятном сне и отнюдь не думали, чтобы так скоро и в темную ночь переправиться было можно.

Наутро, как только рассвело, отец мой намерен был атаковать ханский лагерь, но неприятели, увидев столь близкую и неизбежную гибель свою, обратились в бегство с такой поспешностью, что никоим образом нельзя было их достичь, не считая того, что донские казаки, нагнав, некоторых побили и других в полон взяли. Между добычей, полученной упомянутыми казаками при сем случае, находилась коляска татарского хана, на двух колесах, красным сукном обитая, да еще его зрительная трубка. Сия была английской работы и столь хорошая, что отец мой сторговал ее за деньги у казаков и в следующих походах никакой другой кроме сей не употреблял.

По обращении татар в бегство российское войско в тот же день приступило к крепости перекопской, и по нескольких выстрелах гарнизон оной, состоящий из 300 или 400 янычар и нескольких татар, сдался. Тамошний магазин найден с худым запасом, но что касается до артиллерии, россияне получили в добычу 60 пушек, между которых иные имели российские клейма и попали сюда в прошлом еще столетии, после несчастного похода в Крым под предводительством князя Василия Васильевича Голицына.

За два дня до приезда курьера, от отца моего отправленного в Санкт-Петербург с известием об одержанной победе, императрица соизволила послать меня в Варшаву с орденом св. Андрея к королю Августу. В прочем касательно сего возложенного на меня препоручения ничего иного приметить не имею, кроме того, что король пожаловал мне бриллиантовый перстень ценою в 12 000 рублей и еще 1000 червонных в подарок.

Но прежде нежели я намерен был предпринять возвратный путь свой, прошли почти три недели, в течение которых мирный сейм в Варшаве продолжался, и между прочим решена также судьба Курляндии, к удовольствию российского двора.

Курляндское дворянство за девять лет до того пользовалось правом, оспариваемым республикою до сего последнего сейма. В 1727 г., хотя Фердинанд, последний герцог Кетлерского поколения, в живых еще находился, но за старостию лет нельзя было ожидать от него наследников, упомянутое дворянство единогласно положило избрать ему наследника, и сей выбор пал на Морица, графа Саксонского, побочного сына короля польского Фридриха-Августа. Как скоро сие стало известным, то республика отправила туда депутатов с таким повелением, чтобы новый герцогский выбор объявить недействительным и курляндцам обозначить, что их земля после смерти герцога Фердинанда на воеводства разделена и к польскому королевству приобщена быть имеет. Я не намерен вступать здесь в описание происшествий, воспоследовавших касательно сего в правление императрицы Екатерины I, а именно, что российские войска, в Курляндию вступив, изгнали графа Саксонского и что князь Меншиков домогался, дабы новый герцогский выбор на него пал, поскольку обо всем оном в разных периодических сочинениях подробнейшие содержатся известия.

В сем положении находились дела даже до вышеупомянутого последнего сейма. Но как обер-камергер Бирон увидел, что король польский, которому он личные оказал услуги, на престоле прочно утвердился, а притом также многомогнейших вельмож польских разными обещаниями склонил на свою сторону, то почел сей самый случай за удобный, предоставляя курляндцам право выбора, открыть самому себе путь к герцогскому достоинству.

Поэтому российскому министру при польском дворе графу Кейзерлингу препоручено наусильнейше домогаться на помянутом сейме, чтобы раздел Курляндии отменить и право выбора тамошнему дворянству предоставить.

Признательность короля, равно как и вельмож польских, и соображение следствий, могущих произойти в случае отказа на желание столь высокомогущей заступницы, каковой была императрица российская, произвели, что в последнем собрании часто упоминаемого сейма положено и утверждено торжественнейше предоставить курляндскому дворянству столь желанную вольность избирать себе государя по своему произволению.

В самое то время, как дело сие решилось, находился я в совершенной готовности к отъезду, почему и имел случай принести первым обер-камергеру столь важное и радостное известие.

По возвращении моем в Санкт-Петербург услышал я не только о взятии города Азова, но и о том, что отец мой, беспрепятственно продолжая свой поход даже до Козлова, на западном берегу Крыма лежащего порта, овладел сим местом, которое гарнизоном и большою частью жителей оставлено.

Прежде нежели он туда отправился, отряжен генерал-поручик Леонтьев с несколькими тысячами человек войска под Кинбурн, укрепленное место, лежащее при устье Днепра напротив Очакова. Леонтьев овладел сею крепостью с небольшим трудом, а при том получил еще богатую добычу, состоящую из лошадей, рогатого скота и баранов, которых татары для безопасности своей туда пригнали.

Из Козлова продолжался поход в сопровождении беспрерывно окружающего армию неприятеля в Бахчисарай, столицу татарского хана. Сей город найден почти совсем опустошенным, и не считая некоторых старых людей, никого другого там не было, кроме троих или четверых католических патеров, одного французского консула и нескольких жидов. Какие ни обретались в домах пожитки и приборы, отданы солдатам в добычу и все строения выжжены. Дворец хана тоже в целости не оставлен. Он построен на турецкий вкус весьма красиво. Столы и скамьи в комнатах были опрятные, цветами разрисованные, другие позолоченные или лакированные. На среднем дворе стояла баня мраморная, в которой самая чистая вода фонтанами била. Все сие столь великолепное здание в несколько часов разграблено и в пепел обращено. Любопытнейшие и позолоченные украшения с кровлю отосланы от отца моего в Санкт-Петербург.

Акмечеть, обыкновенное место пребывания так называемого калигу-султана, или полководца татарского, подобной участи был подвержен. Неприятель устранился отсюда армии не иначе как малыми толпами и притом издали. Потому отец мой не имел великих затруднений пробраться до Кафы, величайшего и богатейшего города в Крыму, и оным завладеть. Но, к чувствительнейшему его прискорбию, от жары и суши тамошнего воздуха происшедшие в армии болезни так усилились, что и половины здоровых не находилось, да и те от бессилия едва ходить могли. Сей ради причины нашелся он принужденным назад повернуть, и сей отступ совершен без всяких со стороны неприятеля препятствий.

Перекоп, равно как и Кинбурн, до основания разорены; находившаяся в обоих сих городах артиллерия вместе с пленниками увезена, и армия после похода, около двух месяцев продолжавшегося, расположилась в Украине на зимних квартирах.

Поскольку из опытов изведено, что в нездоровой и от самих жителей в различных местах опустошенной земле чем многочисленнее бывают войска, тем более болезни между ними распространяются, а к тому же по всем получаемым известиям подтверждался слух, что турки делают великие к войне приготовления, то при дворе положено и определено в наступающем году главную армию обратить против сих последних, а татар занимать в их земле посредственным только корпусом.

Карл VI, невзирая на то, что в недавнем еще времени от веденной с Францией войны освободился, обязан был, по требованию России, за данное ему в прошлом году в походе к Рейну вспомогательное войско или, лучше сказать, дабы впредь в случае нужды сильнейшее получить пособие, новую с турками предпринять войну. Сначала обе императорские армии, по-видимому, были согласны, что каждая должна будет порознь действовать против неприятеля, однако же вскоре между них в отношении операций такое произошло несогласие, что они во всю войну мало помощи одна другой подавали. С римско-императорской стороны представляли, что великий визирь с отборнейшим корпусом турецкого войска против них выступил, и потому требовали 20 или 30 тысяч человек российского войска прислать к ним на помощь. Напротив того, со стороны России отзывались, что по приступе к одной или другой на сей стороне лежащей крепости, как-то Очакова или Бендер, развяжутся у них руки, то есть, что великий визирь принужден будет знатный корпус от своего войска отделить и чрез то силу свою ослабить. Но каждая сторона при своем мнении оставалась, а упрекам и укоризнам не было конца.

Если бы первое представление отца моего от двора было одобрено, то многотрудные и опасные марши чрез степи были бы отвержены. Ибо мнение его с самого начала было, чтобы сперва атаковать турок в Молдавии и к тому концу взять кратчайшую и способнейшую дорогу, а именно чрез южные провинции Польши. Но сие представление опровергал обер-камергер Бирон, который, до избрания своего герцогом Курляндским и до признания в сем достоинстве от республики, нужным почитал оберегать поляков и ни в каком случае не наносить им отягощения. При всем том нельзя сказать, чтобы отец мой не признавал за нужное прежде всего овладеть Очаковом, дабы отнять чрез то у неприятеля способ атаковать с тылу действующую в Крыму вторую армию. Что я упомянул о маршировании войска чрез степи, оное относится собственно только к походу в 1738 г. Но в нынешнем походе, о котором говорить стану, необходимо было держаться путем сих опустошенных мест, поскольку переправа чрез протекающую там реку Буг нигде не бывает столь удобна, как невдалеке от ее устья.

Итак, начертанный к сему походу план состоял прежде всего в том, чтобы овладеть лежащей при устье Днепра и Черного моря крепостью Очаков; потом, если в сем предприятии посчастливится, посадить несколько войск на суда и вдоль берегов отправить в Белград, дабы сие гнездо буджакских татар истребить. Для исполнения последнего предприятия назначена построенная в Брянске и определенная для перевоза потребных к осаде орудий флотилия.

В конце апреля 1737 г., когда армия на той стороне Днепра напротив Переволочны собралась, отец мой пошел прямым путем в степь между Днепром и Молдавией, от польской границы вплоть до Черного моря простирающуюся. Естественное качество сей обширной страны сходствует с вышеописанной крымской степью. Трава на ней растет столь высокая, что достает по самое брюхо лошадям, и притом весьма питательна. Грунт земли вообще плодоносен так, что произрастает не только лучшую спаржу и разные огородные и целительные травы, но также вишни довольно вкусные и некоторый род диких персиков, растущих малыми кустами. Дичины, как-то: зайцев, рябчиков, куропаток и перепелов — находится там превеликое множество, и к ловле они столь не приобычны, что солдаты нередко, окружив зайца, хватали его руками. Напротив того, нигде не видно там дровяного леса, кроме небольших кустарников, но так как и те встречаются изредка и не везде, то часто раскладывали огонь для приготовления пищи из лошадиного навоза и сушеной травы. Недостаток в воде есть главнейший порок в сих, впрочем, столь приятных местах. Ибо хотя многие реки, как-то: Буг, Днестр и иные небольшие впадающие в них ручьи — протекают в оных, однако расстояние между упомянутыми реками и ручьями столь обширно, что во многих местах случается ехать по целому дню, пока от одной реки до другой добраться можно.

Собранная к сему походу армия состояла от 50 до 60 тысяч человек регулярного войска и из 10 или 12 тысяч донских, запорожских и украинских казаков, не считая погонщиков и других в обозе служащих людей.

Сей многочисленный народ целые полгода питать в пустыне не трудно, статья может, показалось бы израильскому полководцу Моисею, но отцу моему причиняли потребные к тому распоряжения тем больше труда и доуки, что те самые люди, на которых возложено доставлять провиант в армию, поступали с превеликой и безответной нерадивостью и потому нужный запас для армии никогда в надлежащую пору не привозили. В Украине закупил он от 40 до 50 тысяч волов, дабы на них везти полугодовой запас съестных припасов вместе с разными полевыми приборами вслед за армией. К последним принадлежали также многие порожние бочки, которые распределены по всем провиантским фурам по одной на каждую; в сих бочках везли воду, когда пространства между реками попадались обширные, и в потребном случае можно было употребить их также для настилки понтонных мостов, поскольку тут стоило только несколько бочек под навьюченную фуру веревками подвязать, чтобы из того сделать часть плавучего моста. При том упряжка волов доставляла еще и ту немаловажную выгоду, что коль

скоро провиант, на них везомый, весь выйдет, то били волов и говядину разделяли между солдатами.

Сим образом обеспечено было содержание войск. Но дабы столь великий запас прикрыть и беспрепятственно продолжать марширование, на котором каждодневно надлежало опасаться, чтобы не быть окруженным разъезжающими белградскими и липканскими татарами, подвигалась армия в виде батальона каре, в середине коего находился провиант, артиллерия и весь обоз. Потому когда татары со всех сторон встречали рейтаров с копьями и полевыми пушками снабженный фронт, то не долго против одного стояли, а обыкновенно отходили после небольших стычек с расположенными по углам батальона каре гусарами и донскими казаками. Сверх того для отвращения опасности, состоящей в загорании травы, не учинился вред провианту и пороховому магазину, равно как и людям и скоту, повелено и накрепко подтверждено, чтобы с той стороны, куда огонь распространяться начнет, немедленно копать широкие рвы, а кроме того, в каждом полку имелось в готовности известное число метел и деревянных лопат, которыми солдаты упомянутый огонь тушить обязаны были.

Когда армия, маршируя около двух месяцев, подошла на расстояние трех миль по сю сторону от Очакова, то в первый раз показали тут турки. Они (частью спаги, частью же босняки и арнауты) числом до 6000 человек выступили все на лошадях навстречу армии российской, желая оную разведать, а притом и показать опыт храбрости своей. Коль скоро они приблизились, то высланы против них гусары и донские казаки, которые по кровопролитном сражении принудили их возвратиться в город. Один взятый при сем случае в плен татарский мурза объявил, что трехбунчужный сераскир-паша за несколько дней туда приехал, что гарнизон в городе состоит с лишком из 20 000 человек и что вскоре ожидают туда нового вспоможения.

После сего отец мой представлял состоящим под его команду генералам, что хотя еще не подоспели потребные к осаде орудия, везомые Днепром, однако он мнением своим полагал, что необходимо город замкнуть и чрез то пресечь путь приближающемуся вспомогательному войску, вследствие чего армия, подвинувшись далее, в 1 день июля имела Очаков в своем виду.

Очаков лежит на углу, который составляется от устья Днепра, именуемого в сем месте лиманом, и от берега Черного моря. Грунт земли тамошней содержит весьма твердую иловатую породу, и на полторы мили в окрестности ни одного стебелька травы не видно. Крепостные укрепления состояли из восьми нерегулярных полевых камнем одетых болверков и из двойного сухого рва. На валах стояли металлические пушки числом около 100. Съестные припасы

можно было беспрепятственно туда провозить по Черному морю, пока российская флотилия не пришла. В городе находились один сераскир, семь пашей и 20 000 отборного войска, а перед лиманом стояли также на якоре несколько турецких галер.

Как только упомянутый многочисленный гарнизон увидел российскую армию, то большая часть оного, выступя из крепости как бы на показ, расположилась в боевой строй. Напротив того, отец мой приказал своей армии стать в линию в образ полумесяца и положить ружья на плечи, с музыкою идти против них и прямо к городу. Тут сераскир, не желая вступить в сражение, отступил назад в город неукоснительно. Российская же армия, прогнав всех турок из их редутов, которые в окрестных садах города находились, остановилась ввиду наступающей ночи на расстоянии одного пушечного выстрела от города.

Еще в ту же самую ночь начали рвы копать, равно как и бомбы бросать в город. Последние произвели столь хороший успех, что в городе, наполненном тесным деревянным строением, в разных местах вскоре сделались пожары, и когда на рассвете продолжали бомбардирование сильнее прежнего, то не только весь город пламенем был объят, но и пороховой магазин с преужасным треском взорван.

Сии печальные обстоятельства побудили сераскира выслать одного депутата и просить перемирия на 24 часа. Ответ на сие был, чтобы он со всем гарнизоном своим сдался в военный плен, и на размышление дано ему не больше времени, как один час, с таким напоминанием, что если он прежде исхода часа не решится, то ни единый человек пощажен не будет. Но как после проводали, что сераскир обретался на той стороне крепости у берега моря и с несколькими людьми покушался убежать на галерах, то за ним вдогонку посланы гусары и казаки, а армия в то же время сделала нападение на неприятеля, который, оставя огнем пожираемый город, бросился на покрытую дорогу. При сем случае отец мой изъяснил столько усердия и мужества, что сам пеший командовал батальоном Измайловской гвардии и зная оного собственными руками водрузил на гласис. Сражение было весьма кровопролитное и с обеих сторон упорнейшее. Турки стояли, до самой головы покрытые, за палисадами и стреляли очень метко, потому что ружья свои могли прислонять к палисадам. Сколь часто ни летали вокруг ядра, но отец мой, не устрасая оных, не сходил со своего места и не прежде уговорили его оставить оное, пока не показали, что его шляпа в двух местах и складки на мундире по обеим сторонам прострелены. Принц Брауншвейгский Антон-Ульрих, обретавшийся на сем походе волонтером, находился непрерывно при нем, и оба, по счастью, ни на один волос вреда не получили, невзирая на то, что подле них стоящий паж упомянутого принца застрелен и его адъютант подпол-

ковник Геймбург двумя пулями ранен. Наконец сел он на лошадь, дабы посмотреть, что в других местах происходило. Но и тут не меньшей подвергался опасности, ибо не только лошадь под ним в голову ранена и чепрак прострелен, но сквозь сюртук его, который, по счастью, был расстегнут и несколько от тела сдвинут, пролетела в самый шов на спине пуля, не причинив ему ни малейшего вреда. Куда ни обращался он, всюду усматривал преужасное поражение от сильного огня неприятельского. Храбрый генерал Левендаль ранен в руку, а генерал Кейт в колено.

Напоследок после отчаянной обороны с лишком два часа, когда неприятели за недостатком в порохе бросали окрест топорами, крючьями и лопатами, вломились наши в покрытую дорогу. Тут убийство еще не прекратилось, поскольку яростный и неукротимый солдат российский никому не делает пощады; турки с отчаяния приободрились и, обороняясь саблями и длинными ножами до последней капли крови, многих победителей с собою в гроб унесли.

Около 2000 турок, убежавших, как выше упомянуто, к морскому берегу, спаслись удачливо на своих галерах, но почти столько же народа потонуло, ибо все суда, коль скоро стрелять в них стали, подняв якоря, отвалили от берегов с величайшей поспешностью.

После того ужасного поражения из 30 000 человек, частью воинов и частью обывателей, находившихся за несколько часов в сем несчастном месте, спасли жизнь свою не более как 5000 человек, считая жен и детей. В числе пленников был также и сераскир, именуемый Агия-паша, человек разумный, благонравный и собою статный. Он был зять отрешенного великого визиря Али-паши и во время управления его государственными делами находился обер-штальмейстером при султане.

Из семи пашей, состоявших под упомянутым сераскиром, остался только один в живых, а именно комендант крепости очаковской, а между другими пленниками иного знатного чиновника не было, кроме Осман-бея, сына погибшего паши герцеговинского. Сей, имея от роду не больше 13 лет, командовал уже 3000 человек босняков. Приятный его вид и веселый нрав побудили отца моего взять его к себе, по возвращении своем в Санкт-Петербург представить императрице, которая по перекрещении в христианский закон возвысила его в дворянское достоинство с проименованием воина и, пожаловав ему земли, определила пажом ко двору. Добыча, полученная при завоевании Очакова, была весьма знатная, несмотря на то что многое огнем истреблено, так что солдаты понесли с собою полные шляпы турецких червонцев. Отец мой выкупил у них множество драгоценных вещей, как-то: золотых и бриллиантами осыпанных сабель, кинжалов, конских приборов и часов — для поднесения императ-

рице, королю польскому и обер-камергеру Бирону в подарок, что после и исполнено.

На другой день после взятия Очакова или, лучше, после сражения, отправлено благодарственное молебствие на гласисе крепости. Армия выступила вся в строй и произвела обыкновенный троекратный беглый огонь. После сего повели сераскира мимо всего фронта в шатер отца моего, который пригласил его к своему столу. Когда он пришел сюда, спросил его отец мой: как российские войска ему кажутся? Он отвечал, что лучших во всю жизнь свою не видал. И как отец на сие сказал, что господин сераскир, по мнению его, не имеет причины пожаловаться на их храбрость, то сей дал ответ: «Если бы они не столь храбрые люди были, то нельзя было бы уповать, чтоб я в сей день имел честь свидетельствовать мое почтение российскому господину генералу-фельдмаршалу».

С известием о сей важной одержанной победе отправил ко двору отец мой своего тогдашнего генерал-адъютанта и родного племянника подполковника Вильдеманна, который произвел там чрезвычайную радость, ибо там вовсе не знали еще, что армия под Очаков пришла. Придворные не замедлили к отцу моему приложить известное речение: «*Veni, vidi, vici*» (то есть: «Пришел, увидел, победил»). Вестник пожалован от императрицы полковником и получил 2000 рублей в подарок. Что до меня касается, я награжден в день отправления при дворе торжества о сей победе камергерским ключом, которого семь лет дожидался.

Сколь ни велико было отца моего желание предпринять еще какое-либо важное действие против неприятеля, однако невозможно было иначе приступить к неприятелю, как либо пойти под Бендеры, на что долговременное по степи странствование требовалось, либо, высадя войска на берегах Черного моря, искать его далее внутри земли. Первое почиталось неудобным как за неполучением еще потребной к осаде артиллерии, так и по причине описанного, в сие время года случающегося загорания иссохшей травы; а на другое надлежало бы употребить флотилию, но суда оные столь плохо были построены, что по учиненным опытам нельзя было на них ходить, а тем более действовать на Черном море. Почему отец мой, учинив все нужные распоряжения для починки очаковской крепости, заложив вне оной множество редутов и оставя тут генерал-майора Бахметева с 6000 человек войска, с полугодовым провиантом и амуницией, принужден был решиться с остальной армией предпринять возвратный поход в Украину. На сем походе, где многие кровопролитные происходили сшибки с высланными из Бендер для разведывания турками, приказал он для свободнейшей коммуникации не только заложить большой шанец неподалеку от того

места, где Буг в Днепр впадает, но еще поделать несколько редутов вдоль большой дороги вплоть до российских границ.

Едва только войска на зимних квартирах расположились, как пришло известие, что корпус турок и татар числом до 40 000 человек под предводительством Гензия-паши, приблизясь к Очакову, приступил к осаде оного. Возвратиться туда с армией было невозможно по причине наступившей зимы и за чрезмерной отдаленностью. Поэтому наилучшее средство оставалось только одно: чтобы вскорости отправить туда по Днепру, на котором судоходство еще открыто было, сильное вспоможение на подкрепление гарнизона в Очакове. Отец мой сделал было уже все нужные к тому приготовления и намеревался сам туда поехать, как получил от храброго генерал-майора Штоффеля, который незадолго пред сим вместо генерал-майора Бахметева туда переведен, радостное донесение, что неприятель, осаждая две недели крепость без всякого успеха и по потере нескольких тысяч людей, принужден был, оставя свое предприятие, отступить назад, покинув на месте почти всю свою амунисию.

Сие происшествие заслуживало тем большего уважения, что от усилившихся болезней, к которым и язва даже присоединилась, из всего гарнизона не больше как 15 000 человек в состоянии были носить ружье. Отец мой особенную имел причину радоваться сему случаю, ибо таковое неудачное неприятельское покушение ясным служило доказательством, что завоеванное им место не маловажно для турок и не простое гнездо было. Приехавшего к нему с сим известием курьера, сына генерал-майора Штоффеля, отправил он неукоснительно в Санкт-Петербург, да и сам туда же отъехать приготовился. Двор, как казалось, доволен был его нынешним походом. От императрицы принят он весьма благосклонно, а обер-камергер Бирон, новоизбранный герцог Курляндский, не преминул обласкать его всеми признаками почести.

Учрежденный в Немирове, небольшом местечке в Подолии, по желанию турок конгресс разъехался опять без всякого успеха, а римско-императорские войска, имевшие сначала счастливый в Венгрии поход, окончили оный столь неблагополучно, что фельдмаршал граф Секендорф отозван в Вену к отчету. И потому необходимо было со стороны России принять наиудобнейшие меры к открытию нового похода.

Граф Остейн, римско-императорский министр, равно как и нарочно для того отправленный в Санкт-Петербург генерал-поручик маркиз де Ботта, настояли, чтобы к их армии в Венгрию отправить корпус вспомогательного войска. Но когда о сем деле предложено к рассуждению, то отец мой утверждал, что полезнее для России неприятеля в двух различных местах атаковать и чрез то понудить его большую часть силы своей от австрийцев отвлечь, нежели здеш-

нюю армию отделяемым от нее корпусом ослабить. Мнение его принято и определено воинские операции не только в Крыму продолжать, но также обратить оные против Молдавии, а чтобы кратчайшую и способнейшую взять туда дорогу, а именно чрез Польшу, оное для некоторых частных видов на сей раз еще не дозволено, но надлежало, по примеру израильтян, пустынею проходить в обетованную землю, то есть поход предпринять туда чрез обширную степь.

Прежде нежели приступлю к описанию сего похода, за нужное считаю вкратце упомянуть о том, что в сие время с самим мною происходило.

Родившаяся во мне склонность к придворной фрейлине баронессе Анне-Доротее Менгден довела меня до того, что я просьбою своею утруждал монархиню о милостивом дозволении взять ее себе в замужество, и вскоре приключившаяся со мною болезнь от простуды заставила меня проситься на теплые воды в Ахен. Как первое, так и другое разрешено от императрицы всемилостивейше, и отец мой, давно уже желавший видеть меня супругом, в отношении первого чрезвычайно доволен был и рад.

Немного погодя отец мой отправился в Украину, а я остался на несколько еще недель в Петербурге и выехал не прежде как в исходе февраля 1738 г. Откланявшись монархине, получил я у себя на дому 2000 рублей на дорогу в подарок.

Что касается до похода в сем году под предводительством отца моего, имею объявить, что войска шли при всех прежних и вышеописанных распоряжениях вторично чрез степь и прямо к Днепру. На той стороне Днестра и неподалеку от Бендер собралась многочисленная турецкая армия с намерением воспрепятствовать переправе российских войск. По долговременном походе, на котором частые и сильные, особливо при некоторых забираниях фуража, стычки с неприятелем происходили, достиг отец мой берегов упомянутой реки. Но запорожские казаки, которые одни на ту пору проводниками были, вели его по незнанию своему так дурно, что он не только встречал весьма неудобные дороги, но и вышел прямо на глаза расположившемуся на другой стороне реки лагерем неприятелю. Тамосний берег в длину на несколько миль простирался сплошь весьма крутой и каменистый, а турецкий лагерь прикрывался из камня высеченным ретраншементом и сверх того многочисленную снабжен был артиллериею.

Когда за сим казалось невозможно иметь здесь какой-либо успех в предприятии, то отец мой после нескольких для виду в ретраншемент учиненных пушечных выстрелов поворотил вправо и подвинулся вдоль реки повыше. Намерение его было, чтобы частью встретить узкое место для переправы и частью заманить неприятеля перебраться чрез реку и вступить в сражение. Последнего ожидал

он с тем большим основанием, что нарочно сделал вид, будто бы поход свой прямо к Хотину направил. Но думать должно, что турки на сей раз не имели охоты драться, ибо без всяких дальних предприятий следовали они за российской армией по другому берегу, пересылая на сию сторону одних только татар, беспокоить наши войска. Однажды толпа янычар в ночное время отважилась на маленьких судах чрез реку переехать и при выступлении армии в поход атаковать арьергад, однако столь хорошо от сей приняты, что по потере нескольких сот человек едва успели остальные кое-каким образом убраться на другую сторону.

Сим образом отец мой, почти до самого Хотина подвинувшись и не находя никакого средства цели своей достигнуть (к тому же при наступившей осени болезни между солдатами день ото дня умножались), рассудил за благо поход сей окончить. Но так как не ловко было чрез степь возвратиться — потому наиболее, что татары во многих местах траву на ней выжгли, то решился он свою армию разделить на колонны, из коих последнюю себе оставил, и сопроводить ее чрез часть польского владения к российской границе. Хотя коронный гетман граф Потоцкий и делал на то возражение от имени республики, но в ответ ему сообщено, что нужда закон отменяет, что во время прохождения армии все припасы за наличные деньги покупаемы будут и что в случае причиненного какого-либо вреда за весь убыток заплачено быть имеет.

Так кончился поход 1738 г., и хотя на оном никаких новых завоеваний не приобретено, однако российский солдат при славе своей за приобретенную храбрость и при спокойном духа расположении сохранен и на этот раз совершенно.

С операциями австрийских войск в Венгрии происходило в сем году несчастливее, нежели в прошлом. Ибо кроме того, что они из многих сражений редко победителями выходили, потеряли еще крепость Орсову со всей находившейся в ней артиллерией и наконец в пребедственном состоянии возвратились на зимние квартиры.

В сих оставляю я на время об армии, дабы упомянуть вкратце о моей свадьбе и об употребительных при сем в тогдашнее время обрядах при дворе российском.

Когда придворная фрейлина выходит замуж, то получает она от двора не только приданое деньгами, смотря по службе ее, но также парадную постель со всем прибором, кусок серебряного глазета на платье под венец, два куска богатого штофа на другие платья и 1000 рублей на полотно и кружева. Свадебный стол, а вместе и бал, дает императрица своим иждивением при дворе. За день пред тем гоф-фурьер приглашает к оному как статс-дам и придворных чинов, так и иностранных министров и всех знатных обоого пола особ первых четырех классов, считая от фельдмаршала до генерал-майора. Но

великих княжен обязан сам жених просить, дабы они удостоили своим присутствием его свадьбу. В назначенный день утром, в десять часов, собираются упомянутые гости во дворце, и пока невеста наряжается, к каковому наряду императрица обыкновенно жалует собственные алмазные вещи, то известные к тому назначенные особы в разных придворных каретах в шесть лошадей ездят в женихов дом, и знатнейший из сих провожатых сажает жениха подле себя в карету и отвозит во дворец. После сего сопровождают невесту, идущую тогда между двух великих княжен, из покоев императрицы для венчания. Сие происходит либо в соборной, либо в придворной церкви. Если в первой, то шествие бывает следующим порядком: впереди едут верхом придворные трубачи и литаврщики; за ними гофмаршал с жезлом в руке, в открытой коляске; потом все приглашенные мужского пола особы по двое в карете в шесть лошадей и, наконец, жених с той самой особой, которая за ним в дом приезжала. После сего следуют дамы попарно в каретах, и заключение делают великие княжны с сидящей напротив них невестой. По обвенчании таким же порядком возвращаются во дворец. Но когда бракосочетание совершается в придворной церкви, то хотя тут меньше пышности происходит, однако ход в церковь открывается всегда игрой на трубах и литаврах, которые один из гайдуков несет на спине своей по залу.

Как скоро все гости из церкви возвратятся, то каждый садится по чину за большой и великолепный стол. Среднее место занимает жених с невестой, по правую руку от невесты сидят великие княжны и так далее прочие дамы, а по левую руку от жениха садится знатнейший из всех мужского пола особ и за ним другие, каждый по чину. Во время стола играет инструментальная и вокальная музыка и при питии за здоровье всех — на трубах и литаврах. Бал начинается пополудни в пять часов и продолжается обыкновенно до девяти часов вечера. Заключение бала составляет старинный из немецкой земли перенятый танец, в котором гофмаршал с жезлом в руке предшествует; оный состоит из такого числа пар, сколько замужних особ находится. Когда сим образом трижды протанцуют, или лучше пройдут, то жених с невестой подходят к императрице для принесения своей благодарности, и после того все пары, с музыкантами впереди, проходят чрез дворцовые комнаты и далее по лестнице до самого низа. Тут невеста садится с обер-гофмейстериной или статс-дамой в карету, а жених с той особой, которая утром за ним приезжала, и потом все особо приглашенные гости приезжают в дом новобрачного; здесь угощают их вечерним столом, по окончании которого молодых отводят в спальню. Но пока сии в почивальное платье переодеваются, гости пьют из бокалов разные здоровья, что и продолжается до того, пока наконец жених к ним не выйдет и, опростав пребольшой бокал, не пожелает им доброй ночи.

На другой день утром молодые ездят во дворец, где вторично приносят благодарение сперва императрице, а потом великим княжнам. В полдень угощают они своих родственников и друзей, а вечером едут опять во дворец на бал, и наконец великолепным ужином во дворце же кончается все сие торжество.

Для моей свадьбы императрица назначила 20 февраля 1739 г. И как отец мой за несколько недель до того из Украины возвратился в Петербург, то имел не только время все нужное в своем доме распорядить, но также удовольствие лично при том находиться. И так по наступлении означенного дня совершилось торжество свадьбы моей со всеми вышеописанными обрядами.

Невеста моя, фрейлина Менгден, была разубрана бриллиантами, от императрицы пожалованными, наивеликолепнейше. Старший сын герцога Курляндского приезжал за мною на дом, и потом венчание в присутствии монархини совершал лютеранский пастор по прозванию Нацциус в большом зале во дворце. За столом сидели великая княжна Елизавета Петровна и принцесса Анна Мекленбургская по правую сторону от невесты, а подле меня по левую руку находился Антон-Ульрих, принц Брауншвейгский. По окончании бала вместо первого отвозил меня упомянутый принц домой. Невеста же, за отсутствием обер-гофмейстерины, сопровождаема была туда статс-дамой. После сего вечером был ужин, и как за оным, так и после него бокалы безумолкновенно вокруг ходили. На другой день отец мой дал большой обеденный стол чужестранным министрам и другим знатым обоего пола особам, а вечером другой бал и ужин, как обыкновенно водилось, при дворе.

В приданое получила жена моя от императрицы 4000 рублей деньгами вместе с другими вышеименованными подарками. Сверх того собственных своих имела она еще наличными деньгами 5000 талеров альбертовых. По силе свадебного контракта отец мой утвердил за мною вотчину Ранцен в Лифляндии, купленную им за 22 000 рублей, да жене моей обязался выдать 18 000 рублей, то есть вдвое против того, сколько она с собою принесла.

Между тем в Кабинете работали уже над планом для нового похода. Несчастные два похода римско-императорских войск в Венгрии и колкие жалобы их, будто они непрестанно величайшей неприятельской силе подвержены бывают, понудили, что наконец приступлено к наиспособнейшему средству их облегчить и прямо чрез Польшу вступить в Молдавию. С таковым проектом отправился отец мой в армию и в конце апреля выступил с нею в поход.

Но прежде нежели стану описывать военные действия сего года, нужно мне, не прервав связи оных, сказать о воспоследовавшем в сие время при российском дворе происшествии, а именно о брако-

сочетании принцессы Анны, племянницы императрицы Анны Иоанновны, с принцем Брауншвейгским Антоном-Ульрихом.

Сей принц, племянник императрицы римской, отозван по одобрению венского двора уже в 1733 г. в Россию для сочетания браком с принцессой Анной.

Карл VI, римский император, не упуская ни единого случая от времен правления Екатерины I и Петра II, чтобы Россию вовлечь в интерес своего дома, надеялся таковым новым союзом родства положить основание к теснейшей и непоколебимейшей дружбе между обоими дворами. Судя по возрасту и по летам, надлежало бы браку сему совершиться уже ранее. Но что собственно тому препятствовало, об оном доподлинно сказать не могу. То истинно, что многие всю вину возлагали на герцога Курляндского, будто бы сей один все дело остановил с намерением старшему сыну своему, когда он надлежащего возраста достигнет, доставить столь высокую невесту.

Когда же венский двор начал уже весьма нетерпеливо взирать на таковое отлагательство, то император решился на скорейшее окончание оного дела и притом для придания принцу большего уважения на формальное сватовство посредством чрезвычайного посольства.

Маркиз Ботта де Адорно, находившийся тогда императорским министром при российском дворе, получил уже в марте 1739 г. надлежащее о том предписание. По силе данной ему инструкции поручено также всеми мерами домогаться, дабы принцесса в день обручения или бракосочетания объявлена была наследницей престола, но герцог Курляндский Бирон умел неукоснительно на сие возразить следующим образом: что все дело остановиться и рушиться может, если императрице представить об избрании наследницы, поскольку она сочтет, что в долговременности ее жизни сомнения имеют и что ей как будто о смерти напоминают. На представление же от брауншвейгского министра господина Крама, состоящее в том, чтобы приданое за принцессой определить и назначить, сколько она на содержание свое получать имеет, ответствовано, что при жизни императрицы ни в чем недостатка иметь она не будет, а после ее кончины все ей, то есть принцессе, достанется неоспоримо.

Некоторые полагают, будто бы они настоящую изыскали причину опровержения обоих вышепоказанных предложений, и относят оную к недоверчивости нрава любимца Бирона, который, как они утверждают, не хотел допустить, чтобы от чрезмерного усиления достоинств принцессы неограниченная по сей день власть его потерпела некоторое умаление, а потому и почитал за нужное оставить племянницу императрицы в неизвестном некоторого рода

состоянии, дабы она беспрерывно ему угождала и всего будущего благоденствия своего от него одного ожидала.

Венский двор не стал более настаивать на оном, но был доволен, когда наконец довел до того, что императрица формальное изъявила соизволение на упомянутый брак. Сие происходило в апреле, и бракосочетанию положено быть чрез несколько недель.

Всем придворным чинам и особам от первого до пятого класса оповещено, дабы они к означенному торжеству не только богатым платьем, но и приличным по их званию экипажем и ливреей снабжены были.

2-го числа июля маркиз де Ботта в звании чрезвычайного посланника имел публичный въезд в Санкт-Петербург и на третий день при дворе аудиенцию. Императрица стояла на возвышенном троне, по обеим сторонам которого дамы с одной и кавалеры с другой стороны многочисленное составляли собрание; упомянутый маркиз, приблизясь к трону, взошел на одну ступень оного и остановился прямо напротив императрицы. После сего, по старинному немецкому обычаю надев на себя шляпу, говорил на немецком языке речь, которая главным образом относилась к сватовству от имени императора принцессы Анны за принца Брауншвейгского. Императрица отвечивала на сие на российском языке, каковой ответ содержал изъявление на то ее соизволения.

По окончании сей аудиенции императрица шествовала в украшенную галерею дворца и, став под балдахином, допустила к аудиенции и принца Брауншвейгского, который краткой речью изъяснил о желании своем сочетаться браком с принцессой Анной, на что и получил соизволение императрицы. Когда потом посланник туда же вошел и к императрице приблизился, то она изъяснялась ему, насколько охотное имеет желание удовлетворить волю императора римского, и войдя в другую комнату, вывела оттуда принцессу с собою и обручила их на месте в присутствии вышеименованного посланника. По сем обручении посланник вручил принцессе-невесте от имени римского императора богатый склаваж из драгоценных камней и восточных жемчугов и после возвратился восвояси.

4-го числа июля, в день бракосочетания, съехались ко двору рано поутру все знатные обоего пола особы, назначенные для сей церемонии, и на улицах, чрез которые следовало шествие до соборной церкви Казанской Божией Матери, стояли полки в два ряда по обеим сторонам.

Между 10 и 11 часами пред полуднем шествие началось. Впереди ехал отряд конной гвардии, за ним верхом придворные трубачи и литаврщики, после гоф-фурьеры, а за сими следовал гофмаршал в открытой коляске, с жезлом в руках. Потом воинские и граждан-

ские первых пяти классов особы по двое и по чинам в каретах в шесть лошадей, сопровождаемые ливрейными их служителями, которые шли пешие. Позади сих ехал обер-гофмаршал, тоже с жезлом в руке. Потом следовал герцог Курляндский в большой парадной карете. За сим и непосредственно пред каретою, где императрица сидела, ехали верхом камергеры и камер-юнкеры по два в ряд по старшинству. Принцесса-невеста сидела с императрицей в одной карете напротив нее. У кареты ехали верхом обер-шталмейстер и генерал-адъютанты. За императрицей следовала великая княжна Елизавета Петровна со своим придворным штатом и потом герцогиня Курляндская в экипаже более великолепном, нежели у самой императрицы. Тут ехал опять отряд конной гвардии, а за ним обер-гофмейстерина, статс-дамы, придворные фрейлины и другие знатные женского пола особы по рангам их. Наконец, все шествие замыкал третий отряд конной гвардии.

По прибытии в церковь императрица вместе с принцессой-невестой остановилась на царском месте напротив алтаря. Принц Брауншвейгский, приехавший сюда за четверть часа наперед, стоял в нарочно приготовленном у стены месте, по левую руку от императрицы. Все прочие присутствующие расположились по обеим сторонам церкви на построенных ступенях.

После краткой приличной сему торжеству речи, произнесенной архиепископом Новгородским, совершен торжественный обряд венчания оным же архиепископом. По окончании благодарственного молебствия при пушечной пальбе с обеих крепостей и при троекратном беглом огне, от полков произведенном, весь штат возвратился обратно во дворец по прежде описанному порядку, за исключением того, что теперь принц Брауншвейгский ехал вместе с императрицей в карете. Во дворце принимала монархиня сперва от новосочетавшихся браком и потом от всех съехавшихся знатных обоого пола особ поздравления и жаловала их к руке. В полдень императрица имела открытый обеденный стол вместе с великой княжной Елизаветой Петровной, принцессой Анной и принцем Брауншвейгским. К сему столу приглашен также герцог Курляндский со всей его семьей. Вечером был бал, который не долее двух часов продолжался.

На другой день пред полуднем принц вместе с супругой своею поехали в летний дворец и имели приватный обеденный стол у императрицы. Вечером был в галерее бал в присутствии монархини. Во время бала приехал императорский посланник маркиз де Ботта для принесения императрице поздравления. Он нашел ее в другой комнате подле галереи; когда он отдал поклон императрице, просила она его сесть. После краткого разговора оба встали и пошли в галерею смотреть, как танцуют; при таком случае упомянутый

посланник вступил в разговор с принцессой и наконец спустя три четверти часа уехал. Около 10 часов вечера принцесса вместе с принцем и все приглашенные обоего пола особы сели за вечерний стол в большом зале, а императрица кушала в другом покое с герцогом Курляндским и его семьей. После стола танцы не долго продолжались, и так сей день кончился.

На третий день императрица удостоила новобрачных своим посещением и обедала у них вместе с герцогом Курляндским и его семьей.

4-го числа был день отдохновения; но 5-го в летнем дворце маскарад, из четырех кадрилей состоящий, на котором находился и маркиз де Ботта, сложивший с себя накануне сего дня звание чрезвычайного посланника. Вечерний стол был в саду под обширным шатром, и в аллеях танцевала публика.

6-го числа представлена итальянская опера.

7-го, и последнего, числа был в летнем дворце бал и ужин, и в заключение сего торжества на Неве-реке сожжен великолепный и драгоценный фейерверк.

С военными операциями в сем году происходило следующее.

В исходе апреля отец мой вторично выступил из Украины с армией, состоявшей от 60 до 70 тысяч человек регулярного войска, не считая других, нерегулярных.

После удобного и спокойного марша чрез южные польские провинции отец мой остановился в местечке Синявки на берегу Днестра.

Вода в сей реке от тогдашней сухой летней погоды стояла столь низко, что в иных местах на лошади переехать можно было. Дабы неприятеля, начинавшего показываться на той стороне реки некоторыми партиями, приохотить к сражению, приказал он неукоснительно сделать приготовления, будто желает накинуть мост. Между тем ночью, оставив небольшую команду в лагере, выступил он со всей остальной армией, шел несколько миль выше по Днестру, указал пехотным солдатам сесть к драгунам на лошади и на рассвете переправился в неглубоком месте чрез реку столь благополучно, что неприятель вовсе того не видел и не ведал.

В тот же самый день атакован он сильным корпусом турецкой конницы и татарами, но после жестокого сражения неприятель принужден был отступить.

Между тем от наступивших нечаянно дождей вода в Днестре поднялась весьма высоко, так что прошло несколько дней, пока остальная часть армии с артиллерией и багажом присоединиться к нему могла. Но как скоро сие учинено, то армия продвинулась далее против неприятеля.

После нескольких маршей в первый раз предстала взору главная турецкая армия. Но сия, не желая на сей случай делать сопротив-

ления, отступала помалу назад так, что российская обыкновенно к вечеру приходила на то место, где турецкая армия утром стан свой имела.

Наконец неприятель решился на горе подле местечка Ставучаны неподалеку от Хотина оградить себя ретраншементами и ожидать российского войска.

17-го числа августа отец мой прибыл к сему месту и нашел, что турки превыгодное имеют положение. Укрепленный стан их занимал вершину горы, к которой приступ был не только весьма крутой, но также ограждался протекающим у подошвы небольшим ручьем. Неприятельские силы насчитывали, по извещению пленников, до 70 000 человек, а татар было такое же число. Накануне сражения сераскир, именуемый Вели-паша, присоединил к себе пашу из Хотина почти со всем его гарнизоном.

Коль скоро неприятель усмотрел, что российская армия прямо к нему подвигается, отрядил он вперед всех татар вместе с сильным корпусом турецкой конницы под командою упомянутого хотинского пашы, дабы во время атаки ворваться в крыло российской армии. Вследствие этого окружили они российскую армию с обеих сторон и сзади, но далее ни на что отважиться не смели по причине производимого из пушек огня, так что отец мой, не уважая сей толпы, непрерывно подвигался к горе и, невзирая на турецкую пальбу, переправился в непродолжительном времени чрез болотистый ручеек, который по его повелению хворостом и фашинным загроможден был. Тут увидя, что неприятель на левом крыле своем заканчивает работы над ретраншементом, приказал в то время, когда для виду атакована была передняя часть горы, правое крыло протянуть к упомянутой левой стороне неприятельского стана и там настоящий учинить приступ. Турки с своей стороны не замешкали, как скоро армия у подошвы горы в боевой становилась порядок, на нее наступить. Несколько тысяч янычар, голыми руками держа сабли, бросились с горы прямо на нее, но тут имели они столь мало удачи, что двукратно с заметным уроном прогоняемы были; когда же неприятель приметил, что наступление клонится в его слабейшую сторону, то, объятый страхом, обратился в бегство, покинув множество своей артиллерии, амуниции и палаток.

На сем побеге имел бы он великое поражение, если бы не требовалось из-за разъезжающих около армии татар войска содержать вместе. Вечером вся армия взошла на гору и в неприятельском лагере расположилась, после чего и татары, видя свою немощь, усаkali прочь.

Прогнанные турки, как то вскоре от высланных лазутчиков проведено, продолжали свой побег, не отдыхая ни днем ни ночью, прямо к реке Дунай и взятую с собой артиллерию почти всю оставили в разных местах на дороге.

На другой день после сей победы отец мой выступил к Хотину. Войска в сей крепости находилось около 10 000 человек, которые большей частью, как выше упомянуто, находились на прежнем сражении. Но когда турки были обращены в бегство, то и они, не желая оставить своих товарищей, воспользовались сим случаем, дабы скорее возвратиться восвояси, так что паша едва мог несколько сот человек уговорить вступить опять в город.

Коль скоро отец мой приблизился к городу, то тотчас требовал сдачи оного. Паша не долго размышлял и сдался со всем малочисленным войском своим на милость.

Артиллерии найдено здесь 157 медных пушек и 22 медные мортиры вместе с великим запасом амуниции и провианта.

Между пленными находились также наложницы паши и его сын Махмет-бей, которые однако же, по усильнейшей их просьбе, получили дозволение отъехать в Константинополь. Ибо упомянутый паша представлял, что отправление его семьи послужит единственным средством освободить его от подозрения в неподобающем исполнении своей должности.

Из обывателей остались только беднейшие в городе; но богатые со всем имуществом своим убежали в близлежащую Польшу.

На другой день по завоевании города утром рано армия, выступя из лагеря, расположилась в строй, и по отпяти благодарственного молебствия выпалено из 101 пушки с хотинской крепости при троекратном беглом огне от всей армии.

Потом отец мой поехал в сопровождении паши, янычарского аги и других знатнейших турецких чиновников, все верхом, от одного крыла на другое. При сем случае означенный паша отозвался, что хотя турецкая армия вместе с татарами и составляла с лишком 100 000 человек, однако признаться ему надобно, что невозможно было противостоять такому войску, какое он теперь видит, где столь хорошая дисциплина и послушание введены, присовокупя к тому, что огонь российской армии несравненно превосходнее турецкого.

В оный же день сей паша, Калчак, то есть хромым проименований, вместе с некоторыми другими турецкими пленниками угощен им от отца моего обеденным столом. Во время стола подносили им за здоровье императрицы [питие], которое запивали они, в противность заповедания от Магомета, венгерским вином из больших бокалов.

По совершенном рассеянии неприятеля надеялся отец мой прочие операции сего похода окончить с немногим числом войска, почему и отправил три батальона и один эскадрон гвардии, равно как и некоторые другие полки, на зимние квартиры. С сими посланы также военнопленные, составляющие около 2000 человек обоого пола, а при том и победоносные трофеи, состоящие из сабли паши, нескольких серебряных командирских жезлов и 27 знамен.

После сего отец мой, оставя в Хотине достаточный гарнизон, выступил в поход и прямо пошел к реке Прут.

Подольское дворянство, которое в случае несчастливого похода для россиян без сомнения намерено было соединиться с турками против нас, за нужное почло после описанного происшествия отправить к отцу моему знатных депутатов для поздравления с одержанной победой.

О неприятеле ничего больше не слышно было, кроме того что турки отступили весьма поспешно к Дунаю, а татары вдоль Днепра к Буджаку, так что отец мой после трех маршей пришел к Пруту, накинул чрез оный несколько мостов и со всей армией переправился благополучно.

Название сей реки от 1711 г. было весьма неприятное слово для ушей российских. Петр Великий в упомянутом году, преследуя турок, вспомоществовавших Карлу XII, подвинулся даже до берегов реки Прут, но за недостатком съестных припасов пришел с своей армией в столь худое положение, что будучи от неприятеля, так сказать, осажден, не мог ни в ту ни в другую сторону отступить. Почему и не оставалось другого средства, кроме как подкупить великого визиря деньгами и заключить мир на невыгодных условиях, в силу которых половина состоящей доселе под Российской державой Украины уступлена Польше, Азов возвращен туркам и заложный на Черном море флот вместе с таганрогским портом истреблен и разорен до основания.

Когда отец мой чрез сию проклятую реку без всяких затруднений переправился, то сие подало ему повод написать в посланной ко двору реляции, что он позорный Прут сделал опять честным.

Сим образом российская армия вступила наконец в Молдавию.

Провинция сия есть одна из плодоноснейших и благословеннейших земель в Европе. В ней хлеба, вина и плодов произрастает в великом изобилии и наилучшего рогатого скота находится чрезвычайное множество. Жители исповедуют греческий закон, и управляет ими собственный их князь, называемый господарь, которого достоинство хотя и наследственно, однако редко пребывает в одном поколении, поскольку турки за малейшее недовольствие поступками господаря, отреша его, возводят другого. Впрочем, на сие достоинство избирают они обыкновенно достойного и заслуженного мужа из греков.

На марше к главному городу Яссы принимал отец мой молдавских депутатов с таким предложением, что они подчиняются державе российской императрицы и просят милости и покровительства ее. При том депутаты, между коих предводителем был князь Кантакузин, объявили, что господарь их Григорий Гика, оставленный как турками, так и собственным своим войском, пошел к Дунаю.

Сии депутаты отправлены от отца моего с ответными письмами к чинам молдавским.

Когда они приблизились к Яссам на расстояние в две версты, вышли к ним навстречу все духовенство, совет господаря и дворянство во главе с митрополитом. Сей, облаченный в церковную ризу и с крестом в руках, дал благословение отцу моему и всей армии и притом краткой речью изъяснил, сколь радостно подчиняются они достославному скипетру императрицы Анны Иоанновны, препоручая себя со всеми единоземцами под покров и благоволение сей монархини.

Отец мой удостоверил их в удовлетворении их просьбы при условии верного и послушного поведения, и они поехали верхом за отцом моим в город до дворца бежавшего господаря, где принят он при непрерывной музыке с пушечной пальбой и радостными восклицаниями многочисленного народа.

На третий день по прибытии его приказал он созвать чинов молдавских и сделал с ними расположение как о контрибуции, так и о поставке съестных припасов и фуража для армии.

Донеся обо всем вышеупомянутом как своему двору, так и римско-императорскому генералитету в Венгрии и дожидаясь новых инструкций, отрядил он сильные партии гусар и донских казаков частью в Буджакскую Татарию, частью же в турецкие провинции, граничащие с Валахией и Седмиградской землей.

Дела состояли теперь в таком положении, что не только наилучшие зимние квартиры для войск запасены, но уже и открытый путь предстоял атаковать неприятеля в будущем походе внутри его земель.

Но вся польза и выгода, каких только можно было как России, так и римскому императору от таковых успехов ожидать, разрушились заключенным при Белграде пагубным мирным трактатом, к удивлению целого света, и, к сожалению, были уничтожены безвозвратно.

После несчастного покушения под Кроцком римско-императорские войска пришли в такое уныние, что более не в состоянии находили себя какой-либо успех иметь в предприятиях против турок. И как сии приступили меж тем к осаде Белграда, то генерал граф Нейперг воспользовался данной ему от императора полной властью и отъехал в турецкий стан с предложениями о мире, где находившийся французский посланник господин Вильнев так подкреплял его, что мирный трактат при посредстве Франции заключен на следующих условиях: чтобы многими миллионами построенную крепость Белграда и область ее вместе со всею Сербиею уступить Оттоманской Порте, что в непродолжительном времени и не дожидаясь императорской ратификации исполнено быть долженствовало; что

же касается до России, она тоже в сей мирный трактат включена, но только условия с нею предоставлено постановить, при французском же посредстве, насколько возможно выгоднейшие.

Три дня спустя по подписании вышеупомянутого трактата римско-императорский генералитет получил с курьером известие о поражении турецкого войска под Ставаслом, о взятии Хотина и о приступлении российской армии к Яссам.

Напротив того, в самое то время, как отец мой овладел всею уже Молдавией и занимался величайшими проектами истинный вкусить плод от своих завоеваний, пришла к нему весть об оном внезапном происшествии, которое не только границы императора в Венгрии сократило, но и всю надежду России прекратить настоящую войну с выгодой и славой почти до конца уничтожило.

Судя по тогдашним обстоятельствам, за верное полагать можно, что Россия одна в состоянии была с турками управиться, если бы в том же году шведы, подушаемые Францией, не приготовились вступить в Финляндию, дабы союзникам своим туркам сделать чрез то диверсию. Вследствие этого российский двор за благо рассудил на сей раз удовольствоваться одной приобретенной славой и заключить мир на следующих условиях: Азов и Очаков до основания разорить; нарочитое пространство земли — как Крымской, так и на другой стороне Днепра лежащей степи, присоединить к российским границам; всех в турецкой неволе находящихся российских подданных освободить и, наконец, султану признать императорский титул российских государей. Напротив того, императрица обязалась войска свои из Молдавии возвратить и всех турецких пленников, кроме принявших христианский закон, отпустить в их отчизну.

Хотя теперь упомянутые статьи вскоре после заключенного римским императором мира постановлены, однако обмен ратификаций не прежде как в конце сего года последовал, и потому отец мой с армией оставался до тех пор в Молдавии, а выступил оттуда уже в декабре.

По приезде в Украину выдал он младшую сестру мою Луизу-Доротею, вдовствующую фон Шаумбург, за состоявшего тогда в российской службе графа Солмса Вильденфельской линии, а после отправился в Санкт-Петербург.

Начало 1740 г. было примечательно великолепнейшим торжеством, какового в России никогда не бывало, по поводу заключенного с турками мира.

14-го числа февраля рано поутру съехались ко двору все знатные обоего пола особы первых пяти классов. По окончании литургии в придворной церкви архиепископ Новгородский говорил приличную сему торжеству речь, в которой не преминул приписать похвалы и отцу моему. Потом двое герольдов выступили на середину

церкви, и один из них зачитал печатный манифест о мире. За сим начался благодарственный молебен, по окончании которого оба герцога поехали на лошадях в знатнейшие места города для обнародования мира и там кидали в народ золотые и серебряные жетоны.

После молебна императрица в сопровождении всех знатных особ шествовала в галерею и приветствовала тут краткой речью следующего содержания: так как она за частые турками и татарами производимые в ее империи насильствия и оскорбления достохвальным и мужественным подвигом обоих генерал-фельдмаршалов, графа Миниха и Ласи, полное получила удовлетворение, то за благо рассудила бывшим по сие время ее врагам даровать снова мир и чрез то сохранить верноподданных своих от пролития крови и лишения имущества; и чтобы сии чрез настоящее облегчение вкусили предварительно плоды мира, соизволяет она обыкновенный подушный сбор со всех без изъятия подданных за первые шесть месяцев текущего года оставить и не взимать, а те воинского и гражданского звания чины, которые в течение сей войны отличным усердием своим показали заслуги, имеют в сей же день ощутить знаки всемилоштивейшего ее благоволения.

В ответ на сие приветствие императрицы читал тогдашний кабинетский министр князь Черкасский от имени всего народа длинную на шести листах кругом речь, содержащую благодарение за материнское попечение императрицы о защите оскорбленных ее подданных, поздравление с достославным миром и, при преданнейшем уверении в признательности за дарованное опущение полугодового подушного сбора, многие пожелания о высочайшем здравии и благополучном царствовании ее величества.

После сего следующие происходили пожалования: герцогу Курляндскому подарила императрица большой золотой и бриллиантами осыпанный бокал, в котором находился указ о принятии из рентерей 500 000 рублей. Супруга герцога получила орден св. Екатерины, два сына его орден св. Андрея, а его дочь портрет императрицы, все пребогато украшенные бриллиантами. Оба фельдмаршала получили каждый по шпаге, бриллиантами осыпанной, равно как и генерал-аншефы, на турецкой войне находившиеся. Но сверх того накануне сего дня императрица соизволила пожаловать отцу моему драгоценную звезду и крест ордена св. Андрея. Принц Брауншвейгский пожалован из майоров в подполковники второго лейб-гвардии полка, а отец мой в подполковники первого тоже лейб-гвардии полка. Генерал-поручики Кейт, Левендаль, Бисмарк и Густав Бирон произведены генерал-аншефами, при чем также пожалованы им шпаги, бриллиантами осыпанные. Орден св. Александра Невского получили шесть человек, в числе коих и я удостоен сей высокой милости.

Отцу моему определена была пенсия по 5000 рублей в год, а фельд-маршалу Ласи и графу Остерману по 3000 рублей в год. Кабинетский министр Волынский получил в подарок 20000 рублей, а князь Черкасский и обер-маршал граф Левенвольде бриллиантовые перстни по цене от 5 до 6 тысяч рублей. Генерал-аншефу Ушакову пожалован портрет императрицы, бриллиантами украшенный, ценою от 3 до 4 тысяч рублей.

Кроме сих подарков, императрица указала многим особам выдать в заем значительные суммы денег на многие годы без всяких процентов. Даже тот, кто за любимой сучкой императрицы присмотр имел и по природе был князь, получил за ревностную свою службу 3000 рублей в подарок, не говоря о многих других, не столь знатных пожалованиях и повышениях чинами.

На другой день пополудни было опять собрание при дворе. Как скоро императрица из своих внутренних покоев выйти изволила, жаловала она собственноручно золотые медали, на случай заключенного мира чеканенные; самые большие медали содержали весом 50, а меньшие 30 червонных. Все, как присутствующие, так и отсутствующие знатные особы, считая от генерал-фельдмаршала до генерал-майора, равно как и чужестранные министры, получили по одной из упомянутых медалей.

После сего императрица, подойдя к окну, обращенному к площади пред дворцом, приказала бросать собравшемуся многочисленному народу золотые и серебряные жетоны, а потом изволила смотреть на предивное и обычное в России зрелище: как народ по данному сигналу бросился на выставленного на площади жареного быка и другие съестные припасы, равно как и на вино и водку, которые фонтаном били в нарочно сделанные большие бассейны.

Вечером был бал, на котором содержащийся по сей день в плену сераскир Агия-паша вместе с пашою хотинским имели честь быть представлены императрице, при чем первый с текущими из глаз слезами приносил монархине за все оказанные высокие милости благодарение краткой на турецком языке, но преисправно сложенной речью.

Императрица явила и сим двум мужам знаки своих щедрот: сераскиру пожаловала соболью шубу ценой в несколько тысяч рублей, а паше хотинскому драгоценную шубу из куниц.

По окончании бала был вечерний стол и потом зажжен преогромный фейерверк, изображающий храм Януса, вместе с иллюминацией.

На следующий день представлена на придворном театре новая итальянская опера. На четвертый, и последний, день был большой маскарад с великолепным ужином, которым и кончились увеселения сего торжества.

9 мая сего года было для нашего дома сугубо радостным днем: во-первых, праздновал отец мой день своего рождения и, во-вторых, в самый тот день жена моя родила первого сына. Восприемниками были герцог Курляндский со своею супругою, почему сын мой и получил имя Иоганна-Готтлиба.

В начале лета в здоровье императрицы чувствительная оказалась перемена. Она с лишком 15 лет ощущала боль от каменной болезни, припадки которой по сие время сносны еще были. Но тут не только стала претерпевать ужаснейшие мучения, но и жизненные ее силы начали день ото дня умалаться и ослабевать. Между тем имела она радость при жизни видеть своего внука, ибо в 12 день августа принцесса Анна благополучно разрешилась от бремени молодым принцем. Восприемницей была сама императрица, а при крещении наречен он Иоанном.

6-го числа октября императрица, сев за стол и покушав немного, вдруг упала в обморок и без памяти отнесли ее в постель.

Герцог Курляндский в то же мгновение приказал позвать к себе отца моего, двух кабинетских министров, князя Черкасского и тайного советника Бестужева, и обер-маршала графа Левенвольде.

По приезде отца моего герцог, проливая токи слез и с внутренним от скорби терзанием вопиял: сколь он несчастлив ныне, что столь преждевременно и неожиданно лишается государыни, которая удостоивала его непомерной милостью и доверенностью своею; что он после кончины ее не может ничего доброго ожидать в такой земле, где, как ему неизвестно, имеет он больше врагов, нежели друзей, и за все оказанные им государству заслуги иного награждения не предвидит, кроме неблагодарности и ненависти; что при всем том сие в отношении собственной его персоны не столько прискорбия сердцу его приносит, сколько навлекает горести состояние, в котором государство по кончине императрицы находиться будет, тем более что он по сей день всеми силами споспешествовал к благоденствию оного; что наследник еще младенец, в колыбели, не достиг и восьми недель возраста своего; что о назначении его к наследию престола по сие время от императрицы ничего гласного не вышло и потому не известно, как от народа, оказавшегося недовольным в прежние правления малолетних государей, новое при нынешних обстоятельствах избрание принято будет; что шведы, которые поныне не перестают вооружаться, не могут благоприятнейшего желать случая атаковать Россию, как если внутренние родятся в ней несогласия; что при положении сих дел крайне важно и полезно правление государстваверить такой особе, которая не только достаточную снискала опытность в делах государственных, но также имеет довольно твердости духа непостоянный народ содержать в тишине и обуздании; что он, хотя не может ничего сказать в предосуждение

характера и свойства души принцессы Анны, матери молодого принца, но думает, что она, учинившись правительницей, по природной нежности сердца своего неотменно пригласит в Россию родителя своего, герцога Мекленбургского Карла-Леопольда, и предоставит ему знатное участие в государственном правлении и что тогда возникает опасность, как бы упомянутый герцог, который, как небезызвестными подданными в согласии ужиться, не преклонил принцессу, дочь свою, на предприятия вредные и опасные не только для нее, но, статься может, и для сына ее; что принадлежит принцу Брауншвейгскому, то он и того менее усматривает, чтобы государственное правление ему вверить было можно, ибо он доподлинно ведает, что тогда государство не означенным принцем, но венским посланником управляемо и, следовательно, во все раздоры австрийского дома вовлечено будет.

Не успел герцог Курляндский последние слова сей речи произнести, как оба кабинетских министра, князь Черкасский и Бестужев, вошли в покой. Сим повторил он до слова то же самое, что отцу моему говорил, равно как и обер-маршалу Левенвольде уже наперед о том же изъяснился, но заключения своей речи он никому не делал, надеясь, что каждый его мысли легко угадать может. Князь Черкасский был первым, кто начал говорить так: что он никого другого достойным и способнейшим не находит, которому можно бы было вверить правление, как герцога Курляндского, поскольку сей с таким усердием и славою трактовал дела государственные, и что личная его польза в отношении герцога Курляндского с благодеянием России сопряжена теснейшими узами, и потому он думает целой империи оказать услугу, если всепокорнейше станет утруждать герцога, дабы он благоволил и впредь обратить внимание и попечение свое к пользе и славе государства.

К сему предложению тайный советник Бестужев приступил соглашением своим неукоснительно. Отец мой, равно как и граф Левенвольде, предусматривая, что не только тщетно, но и крайне опасно будет на сие прекословить, за благо рассудили на сей случай худому последовать примеру.

Обстоятельство сие было весьма щекотливое, в каком только честный человек находиться может, ибо все то, что гнуснейшая лесть, как герцогу, так и его семье оказываемая придумать может, по сей день императрица не только всегда попускала, но даже в угождение свое поставляла. Напротив того, за малейшие оскорбления, учиненные от кого-либо сему любимцу, столь сурово взыскивала, по обыновению своему, что премножество несчастных примеров на то имелось. Хотя медики малую к выздоровлению императрицы подавали надежду, однако ни один из них не мог сказать доподлинно,

что кончина ее близка. И если бы случилось, что она опять отравилась, то одной недели было бы довольно, чтобы погубить того, кто захотел бы в глаза сказать герцогу чистую правду. Вследствие этого если кто упомянутые обстоятельства правильно поймет, тому, я надеюсь, не покажется в сем деле поступок отца моего странным и со здравым рассудком несовместным.

Когда герцог от всех вышеименованных лиц выманил желанное приветствие, то отвечал, что учиненное предложение могло бы чрезмерно удивлять его, если бы он не почитал искреннейшую любовь и дружбу их к нему единственным к тому побуждением; но что он им самим предоставляет рассудить, сколь мало участников в таковых патриотических расположениях в публике найдется, что он чужестранец, в котором империя Российская не заинтересована; что благоволение императрицы к нему возбудило бесчисленных завистников и что он часто с прискорбием видел, как чистейшие его намерения гнуснейшими обезображены были толками; чего же не воспоследует, когда он верховную власть получит? сколь немногих может он сделать тогда благодарными и сколь многим действиям оклеветания будет он подвержен? что по сие время императрица защищала и охраняла его от всех врагов, но кто впредь станет за него стоять и способствовать его обороне? что он милостью императрицы награжден столь богато, что в сем свете ничего другого желать ему не остается, как только пристойным образом отъехать в свою отчизну; что такового утешения, надеется он, не захотят лишить его и первые враги его; что если какие-либо чувства в состоянии побудить его к восприятию столь тяжкого бремени, то не находит он других, кроме признательности своей к великим благодеяниям, оказанным императрицею, привязанности к ее высокой фамилии и усердия, с каковым он во всякое время расположен был к славе и благоденствию Российской империи; но что он ни на что решиться не может, пока мнения других благонамеренных патриотов не узнает, и потому считает за нужное на следующий день учредить к тому случаю совет из знаменитейших особ Сената, генералитета и придворных чинов; что паче всего необходимо молодого принца Иоанна объявить наследником престола и ему учинить присягу в верности, почему и советует он обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом, приложив старание в сию же ночь заготовить манифест, дабы он на другое утро от императрицы подписан и обнародован быть мог.

Хитрого графа Остермана еще в 1730 г., после кончины Петра II, если не истинная, то по крайней мере притворная болезнь благополучно освободила от присутствия в том собрании, в котором тогда об ограничении самодержавной власти рассуждается и положение сделано было, но на сей раз действительная подагра в обеих ногах,

ради чего он более пяти лет беспрерывно сидел дома, не могла избавить, чтоб не дать, так же как и другие, своего согласия на регентство герцога Курляндского. Как скоро отец мой вместе с прочими вышеименованными особами известил его обо всем происходящем, то он немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому.

Потом сочинили тем же часом манифест и за нужное сочли в чрезвычайный совет пригласить еще следующих особ, а именно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, обер-шталмейстера князя Куракина, генерал-прокурора князя Трубецкого, генерал-поручика Салтыкова и гофмаршала Шепелева.

На другой день рано поутру все прежде и теперь именованные особы съехались ко двору и собрались в комнатах герцога Курляндского. Даже сам граф Остерман не преминул туда явиться, которого принесли в креслах. Одновременно дано повеление четырем лейб-гвардии полкам в то же утро собраться на площади пред дворцом.

Как скоро императрица манифест подписала, то прочтен он в многочисленном собрании знаменитейших воинских и гражданских чинов в придворной церкви, и тут принцу Иоанну, как наследнику престола, учинена в верности присяга. Во всех городских церквях то же самое совершено. Стоявшие пред дворцом лейб-гвардии полки присягали поротно.

После сего приступили к рассуждению об управлении государством: все не только согласилось, что герцог Курляндский признается способнейшею к тому особой, но за нужное нашли о сем единогласном мнении своем письменное императрице сделать представление и утруждать просьбою, дабы ее величество, всемилостивейше одобвив оное, благоволила герцога Курляндского склонить к принятию регентства. При том положили также для подписания поднести императрице декларацию, в которой значилось, что герцог Курляндский будет в звании регента управлять всеми государственными делами до того, как молодой принц достигнет 17 лет возраста своего.

Граф Остерман взял на себя как то, так и другое предложить императрице, но он не мог прежде получить аудиенцию, как по прошествии двух дней.

Между тем были созваны от 40 до 50 знатнейших воинских, статских и придворных чинов, представя которым необходимость для государства иметь регента в особе герцога, понудили согласных на то подписать свои имена.

Сколь ни великую герцог Курляндский имел власть над сердцем императрицы, но ничто не стоило ему такого труда, как преклонить, дабы она в рассуждении будущего надлежащее обо всем сделала распоряжение. Императрица о смерти совсем слышать еще не хотела и почитала оное провозвещанием близкого ее конца. Напоследок она согласилась выслушать графа Остермана, и сей, убедительно представляя ей о положении дел, поднес принесенные с собою бумаги. Императрица приняла их со спокойным духом и положила под свое изголовье, сказав, что резолюция от нее дана будет после.

Между тем несколько дней никакой не выходило резолюции, и герцог начал беспокоиться и опасаться, как бы какие-либо естественные чувства императрицу от того не удержали, и потому вздумал принцессе Анне чрез известную особу, как бы со стороны, сообщить, дабы она сама решилась просить его о принятии регентства, а после и императрицу утруждать о назначении его на оное.

Ответ принцессы на сие странное предложение гласил так: что она никогда не мешалась в дела государственные, а при настоящих обстоятельствах еще менее отваживается вступать в оные; что хотя императрица, по-видимому, в опасности жизни находится, однако с помощью Божией и учитывая ее возраст, может выздороветь, и потому если ее величеству представить об упомянутом, то сие значит снова напоминать о смерти, к чему она, принцесса, приступить отнюдь не соглашается; что если ее императорскому величеству всемилостивейше благоугодно было принца Иоанна избрать наследником престола, то и нельзя сомневаться, чтобы ее величество не соизволила сделать нужные и о государственном правлении распоряжения; потому все оное и предоставляет она на собственное ее величества благоусмотрение; а впрочем, не неприятно ей будет, если императрица благоволит верить герцогу регентство во время малолетства принца Иоанна.

Герцог на сие полученное ответствие никакого не делал отзыва, но тот самый, кто сие препоручение исполнил, не преминул об оном известить в совете. После чего неукоснительно положено некоторым членам совета поехать к принцессе и стараться преклонить ее на то, чего герцог желал.

Депутаты ездили к ней на другой день, но не получили иного и лучшего ответа, как и предыдущий посланный.

Итак, герцог видел себя принужденным сам по делу своему стряпать, и хотя императрица откровеннейше предостерегала его сими словами: «Я сожалею о тебе, герцог! Ты несчастлив будешь!», он, однако же, до тех пор не отставал, пока императрица, вызвав графа Остермана, не подписала в его присутствии декларацию и не приказала положить оную в стоящий подле ее постели шкаф с алмазными вещами.

Потом граф Остерман, выйдя из комнаты императрицы, возвестил сие важное известие всему между страхом и надеждой колеблющемуся собранию.

Спустя несколько минут явился и сам герцог Курляндский и уверял всех вообще, что императрица не только изъявила всемиловейшее благоволение свое на все их для пользы империи предпринятые подвиги, но также обещала им всем, если Бог ей поможет, существенные показать знаки своего удовольствия; а для изъявления собственной своей признательности употребил он сие восклицание: «Вы, господа, поступили как древние римляне!»

Между тем императрица час от часу в худшее приходила состояние, но несмотря на сие, принимала она почти ежедневно посещения от великой княжны Елизаветы Петровны, принцессы Анны и ее супруга и всеми вопросами и разговорами своими доказывала, что полностью владела еще своим рассудком.

17-го числа октября, пополудни, почувствовала она, что у нее левая нога отнялась, и когда вечером великая княжна Елизавета Петровна и принцесса Анна со своим супругом к ней вошли, то она с весьма спокойным духом с ними просталась. В 9 часов начались у нее конвульсивные припадки, и так как потом ее духовник, придворный священник и певчие, дабы дать молитву по греческому закону, в комнату позваны, то вошел туда же отец мой, князь Черкасский и некоторые другие. Первого узнала умирающая императрица и сказала ему: «Прощай, фельдмаршал!», других не могла она больше различить, но спрашивала, кто они таковы, и когда они назвали свои имена, сказала всем: «Прощайте!» После сего соборовали ее маслом, и по окроплении святой водою предала она свой дух.

Так кончилось житие и правление одной из величайших государынь, на российском престоле царствовавших. Она была одарена хорошим разумом, имела беспримерную память и говорила на природном языке лучше, нежели, статья может, кто другой в России. В публичных церемониях умела она показать себя с величайшей важностью и приличием. Если же хотела кому-либо расположение свое изъять, то знала, какие употреблять на то выражения лестнейшие и обязательнейшие. Выговоры ее были чувствительны, но без всякой обиды. Она упоена была честолюбием и во всех предприятых своих стремилась к славе. Хотя в правление ее пышность в строениях, домашних уборах, экипажах и одеждах несравненно превосходила великолепие всех предыдущих государей, однако при всем том расходы ее никогда не превышали обыкновенных доходов двора, но еще некоторая сумма оставалась в запасе. За оказанные заслуги награждала она щедро. Предшественников ее подарки состояли большей частью из земель, но наличными деньгами никто не жаловал столь великие суммы, как она. Она не только ежедневно

слушала предлагаемые ей дела с великим вниманием и терпеливостью, но не переставала рачительно осведомляться об исполнении оных. Она любима была своими подданными, благоденствие которых, лучшее распоряжение внутреннего домоводства, приращение коммерции и умножение мануфактур составляли главнейшую заботу ее сердца; но когда желание ее не так, как должно, выполнялось, то всю вину надлежит относить частью к особенному интересу известных особ, частью же к прилеплению к некоторым худым старинным правилам. Она умножила войска и ввела в оных лучшую дисциплину и порядок, нежели прежде было: никогда армия не имела искуснейших иностранных генералов и офицеров, как в ее правление. Что касается до флота, хотя она и намерена была произвести в нем некоторые вновь распоряжения, однако исполнение их не удалось ей при жизни своей видеть. Дабы снабдить российскую конницу годными лошадьми, приказала она превеликое множество наилучших иностранных лошадей выписать, учредить многие конные заводы и на содержание их определить богатые деревни и земли. На сибирских железных и медных заводах для получения большей пользы от них состояли в ее правление многие искусные в горной науке мужи, выписанные из чужих земель по ее повелению, не считая того, что к распространению означенных заводов делала она подкрепление отпуском знатных из казны денежных сумм. Для умножения алмазов и сокровищ царских потрачены ею несколько миллионов рублей. Петра Великого недоконченные проекты старалась она в действо привести наитщательнейше. Ладожский канал строением окончен в ее правление. На строение Кронштадтского канала и принадлежащих к нему доков отпускала она до 200 тысяч рублей ежегодно. Во время ее царствования большая часть деревянных домов в Санкт-Петербурге переделаны на каменные, не считая того, что многие пустынные места вновь застроены. Сколько она попечения имела о споспешествовании наукам и художествам, оное доказывают заведение кадетского корпуса, приобщенной к Академии наук гимназии и учреждение при ней школы для живописного, резного и гравировального художеств. Словом, все, что может правительницу прославлять, императрица Анна Иоанновна предпринимала и частью привела в исполнение.

Ничто не помрачало бы сияния сей императрицы, кроме того (что из многих над знаменитыми и великими особами смертных приговоров оказывалось), что она больше собственному гневу, нежели законам и справедливости следовала.

В приватном обхождении была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ее наполнено было великодушием, щедростью и соболезнованием, но ее воля почти всегда зависела больше от других, нежели от нее самой. Верховную власть над ней сохранял герцог

Курляндский вплоть до кончины ее неослабно, и в угождение ему сильнейшая в христианских землях монархиня лишила себя вольности своей до того, что не только все поступки свои по его мыслям наиточнейше распоряжала, но также ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было. Хотя недоверчивость герцога Курляндского немалой требовала привязанности, однако принуждение, в котором он сам чрез то находился, наконец сделалось ему почти несносно. Весьма часто многие слыхали, как он жаловался, что для своего увеселения ни одной четверти часа определить не может. Я сам чрез целые восемь лет не могу припомнить, чтоб видел его где-либо в городе, в беседах или на пиршествах, но дабы и других людей пример не возбудил в нем к тому охоты, императрица не только худо принимала, если у кого из приватных особ веселости происходили, но называя их распутством, выговаривала весьма колкими речами. Герцог с своей стороны всеми мерами отвращал и не допускал других вольно с императрицею обходиться, и если не сам, то чрез жену и детей своих всегда окружал ее так, что она ни слова сказать, ни шага ступить не могла, чтобы он тем же часом не был о том уведомлен.

Сей неограниченный и единообразный род жизни естественно долженствовал рождать иногда сытость и сухость в обращении между обеими сторонами. Дабы сие отвратить и не явить недовольного лица вне комнаты пред чужими очами, не ведали лучшего изобрести средства, как содержать множество шутов и дураков мужского и женского пола. Должность большей части сих людей состояла более в том, чтобы ругаться и драться между собою, нежели в том, чтобы какие-либо смешные шутки делать и говорить. Они набраны были из разных наций и чинов. Российские князья из знатнейших фамилий должны были в сии роли записываться. Чудный и странный внешний вид, глупость или только косноязычие составляли достаточные качества, чтобы принятым быть в дурацкий орден. По дарованиям каждого давали соразмерное награждение, однако разум предпочитался обыкновенно телесным способностям. Одному итальянцу по прозванию Пьетро Мира, или сокращенно Петрисло (Педрилло) наименованному, посчастливилось тут столько, что он не только богатое имел содержание, но еще и в родину свою привез с лишком 20 000 рублей.

Когда быть страшиму и ненавидиму случается всегда вместе, а при том бесполезно во всякое время стараться сколько можно изведывать о предприятиях своих врагов, то герцог Курляндский не только в отношении первого достаточно был уверен, но так же избыточно снабжен был повсеместными лазутчиками. Ни при едином дворе, статься может, не находилось больше шпионов и наговорщиков, как в то время при российском. Обо всем, что в знатных беседах

и домах говорили, получал он обстоятельнейшие известия, и поскольку ремесло сие отверзало путь как к милости, так и к богатым наградам, то многие знатные и высоких чинов особы не стыдились служить к тому орудием.

Подозрение и легкоеверие всегда сопряжены бывают неразрывно, поэтому злобным сердцам нетрудно было и безвиннейших людей замарать и оговорить. Иной, будучи накануне наиблагосклоннейше от императрицы принят, дивился, когда на другой день с величайшей холодностью с ним обращались, не ведая и не домысливая, от чего таковая перемена последовала.

Никогда в свете, я думаю, не бывало дружнее четы, приемлющей взаимно в увеселении и скорби совершенное участие, чем императрица с герцогом Курляндским.

Оба почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствовать. Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Если тот был весел, то на лице монархини явное отражалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену.

В знании и цене людей герцог подвержен был поспешности и великим погрешностям. Пришлецами обольщался он скоро, но скоро опять ими скучал. Любимцам его и всем вообще курляндцам нередко императрица оказывала сверх меры и благопристойности отличную почесть.

Всех милостей надлежало испрашивать от герцога, и чрез него одного императрица на оные решалась. Даже сердечно любимая императрицей племянница, принцесса Анна, принуждена была из опытов научиться, что без сего ходатая долги ее не будут заплачены, равно как и не могла надеяться получить прибавку на содержание свое. Ибо щедрая по природе монархиня не даривала без ведома герцога ни малейшей суммы ни своим домашним служителям, ни иному кому, чьими услугами она была довольна.

Род жизни ее расположен был весьма умеренно и препорядочно. Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенный ее напиток был не другое что, как пиво, ибо за столом пила она только одну или много две рюмки старого венгерского вина. За стол садилась не позже как в 12 часов пополудни и в 9 часов вечера. Часы, в которые она из комнат своих в публику выходила, во весь круглый год регулярно определены были. Если дела не удерживали, то выходила она обыкновенно пред полуднем от 11 до 12 часов, а после полудня от 4 до половины 9 часа. В 10 часов вечера ложилась она опочивать, а утром вставала около 6 или 7 часов.

В досужное время не имела она ни к чему определенной склонности. В первые годы своего правления играла она почти каждый

день в карты. Потом проводила по полдня, не вставая со стула, в разговорах или слушая крик шутов и дураков. Когда все сии ежедневно встречающиеся упражнения ей наскучили, то возымела она охоту стрелять, в чем приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и на лету птицу убивала. Сей охотой занималась она дольше других, так что в ее комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в мимо пролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных. В Петергофе заложен был зверинец, в который впущены привезенные из немецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тут нередко, сидя у окна, смотрела она на охоту, и когда заяц или олень мимо пробежит, то сама стреляла в него из ружья. Зимой во дворце в конце галереи вставлена была черная доска с мишенью, в которую при свечах упражнялась она попадать из винтовки.

Герцог Курляндский имел чрезвычайную охоту к лошадям, и потому почти целое утро проводил он либо в своей конюшне, либо в манеже. Поскольку же императрица не могла сносить его отсутствия, то не только часто к нему туда приходила, но также возымела желание обучаться верховой езде, в чем наконец и успела настолько, что могла по-дамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться.

В торжественные и праздничные дни одевалась она весьма великолепно, а в прочие ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли лучше оказать ей уважение, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронования, которые ежегодно с великим торжеством [бывали] празднованы, приедут в новых и богатых платьях во дворец.

Темных цветов как она, так и герцог Курляндский нарочитое время терпеть не могли. Последнего видел я, что он пять или шесть лет сряду ходил в испещренных женских штофах. Даже седые старики, принаравливаясь к сему вкусу, не стыдились наряжаться в розовые, желтые и попугайные зеленые цвета.

Домашние услуги не от каждого без различия она принимала, но только от немногих, к кому привыкла.

Я был одним из тех, кто пользовался честью ей прислуживать, и никогда не имел сверх одного или двух товарищей. Когда однажды отец мой просил герцога о назначении меня министром к датскому двору, то получил в ответ, что императрица так ко мне привыкла, что трудно будет склонить, дабы она отпустила меня от себя.

Она была богомольна и при том несколько суеверна, однако духовенству никаких вольностей не позволяла, но по сей части держалась точных правил Петра Великого.

Станом была она велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением.

У нее были большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы у нее были темные, лицо рябоватое, голос сильный и пронизательный.

Сложением тела была она крепка и могла сносить многие утеснения. Судя по умеренному образу жития ее, могла бы она долговременной и здоровой наслаждаться жизнью, если бы только каменная болезнь, подагра и хирагра, наследованные скорби, не прекратили дни ее.

Как только императрица скончалась, то по обыкновению открыли двери той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был только вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами, приказал он внести декларацию относительно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Потому когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенной декларацией подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом супруги своей как стоял, так там и остался, спросил его неукоснительно, не желает ли и он послушать последнюю волю императрицы. Принц, ни слова не говоря, пошел, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или более супруги своей, приговор. После сего герцог пошел в свои покои, а принцесса вместе с принцем опочивали в сию ночь у колыбели молодого императора.

На другое утро на рассвете стояли уже лейб-гвардии полки в строю пред летним дворцом, и когда около 9 часов съехались ко дворцу все воинские и гражданские знатные особы, граф Остерман возвестил им о преставлении императрицы и прочитал декларацию о регентстве.

Потом в придворной церкви как молодому императору, так и регенту учинена присяга в верности. За сим обратились все к герцогу и принесли ему поздравления.

Герцог говорил стоящим подле него сенаторам следующее: что он ненужным считает рекомендовать им о продолжении того усердия, с каковым по сей день подвизались ко благу империи, будучи уверен, что одно уважение нежного возраста молодого императора сильнейшим к тому побуждением служить будет; что он с своей стороны ежедневно и ежечасно посвящать себя будет на службу империи, почему не могут они яснейшего довода своей доверенности предъявлять, как если со всеми полезными проектами и нужными резолюциями прямо к нему относиться станут; что он наперсников у себя иметь не будет и его двери всегда для всех честных людей открыты быть имеют.

Возвратясь в свои покои, повел он с собою отца моего, графа Остермана, князя Черкасского и тайного советника Бестужева, благодарил их за оказанную ими ревность, уверял, что он не преминет на деле доказать свою признательность, и просил о вспомоществовании ему впредь добрыми советами.

В то же самое утро приказал он малолетнего императора переселить в зимний дворец, куда также и принцесса Анна вместе с принцем переехали. Напротив того, сам он остался в летнем дворце и не прежде намерен был оттуда выехать, как тело покойной императрицы будет предано погребению.

Полудни поехал он на посещение молодого императора и его родителей и, изъявля свое соболезнование принцессе Анне, уверял, что он незамедлительно определит на содержание ее соразмерное жалованье, дабы она по приличию своей породы и звания штат иметь могла.

Отсюда поехал он к ее высочеству великой княжне Елизавете Петровне, которой присудил ежегодной пенсии по 50 000 рублей.

В первые дни регентства своего старался он подробнейшее снискать сведение о состоянии армии и государственных доходов. Также старался он обласкать Сенат, лишенный в начале правления императрицы Анны Иоанновны прерогативы верховного места по учреждении Кабинета, тем, что неоднократно в собраниях оного присутствовал.

Сенат, напротив того, в знак своей признательности определил герцогу на собственные расходы по 500 000 рублей ежегодного дохода. А как и титул светлости казался низок для регента, то Сенат приложил ему величание императорского высочества, чего однако же герцог дотоле не принимал, пока принцесса Брауншвейгская подобный титул не получила.

Принцесса Анна по сие время имела содержание вместе с императорским двором. И дабы она в состоянии была собственное хозяйство вести, то герцог обещал ей 200 000 рублей годового жалованья.

Сия перемена доставила мне случай удостоверить принцессу на деле во всегдашней моей к ней привязанности. Ибо когда она просила регента назначить к ее двору гофмейстера, к чему мало охотников тогда отыскалось по причине опасения, что согласие между герцогом и принцессой недолговременным полагали, то я один отважился просить у регента означенного места, которое и получил с сохранением камергерской моей должности при малолетнем императоре.

Не прошло еще и одной недели правления герцога в тишине, как начал он для подкрепления своей власти наистрожайшие употреблять пособия. Два лейб-гвардии офицера, один капитан и другой

поручик, не могли скрыть в разговорах недовольства своего его регентством, причем первого видели входящим к великой княжне Елизавете Петровне и выходящим от нее.

Он приказал обоих их арестовать и под мучительнейшею пыткой допрашивать, не имели ли они какого злоумышленного на него намерения и кто тут сообщниками находятся. Но они ни в чем другом не признались, как только в том, что все дело в одних разговорах состояло.

Так же поступлено с одним кабинетским секретарем. Сей при сочинении декларации о регентстве показывал копию с нее у великой княжны Елизаветы Петровны и принцессы Анны и роптал, как то он сам под пыткой признал, на нововводимую форму правления.

Но таковые насильственные поступки, вместо того чтобы других утратить, на что герцог надеялся, служили единственно к превращению ненависти в огорчение и мщение.

Между тем пришло известие, что римский император Карл VI 11/21 октября и, следовательно, за неделю прежде кончины императрицы Анны Иоанновны, умер. Сколько участия принимал бы герцог в расприх австрийского дома, если бы он далее в регентстве пробыл, об оном мало тогда судить можно было. Но что он намеревался гарантированную императрицей Анной Иоанновной прагматическую санкцию подкреплять, оное доказывал после падения его ставший известным трактат с саксонским двором. По силе сего трактата польскому королю обещано не делать со стороны России никакого вмешательства в притязаниях его на австрийское наследство по праву его супруги и детей. Король, напротив того, гарантировал герцогу и его наследникам спокойное владение герцогствами Курляндским и Семигальским.

Сей союз есть единственный, который дозволило ему время с иностранными державами постановить.

Что касается до внутренних государственных дел, то примечательного другого ничего не было, кроме того что он освободил народ от четырехмесячного подушного оклада, дабы вступление в правление молодого императора (или более свое регентство) ознаменовать публичным благодеянием.

После ареста вышеупомянутых офицеров не проходило ни одного почти дня, чтобы герцогу не доносили на разного звания людей, кои по его повелению были истязуемы. Вина сих состояла только в некоторых соблазнительных речах.

Но вдруг открыт был настоящий заговор, при котором следующие были обстоятельства.

Сенатор и тайный действительный советник Михайло (Гаврилович) Головкин, по своей супруге, урожденной княгине (княжне Екатерине Ивановне) Ромодановской, и со стороны матери двоюродной

сестре императрицы Анны Иоанновны, мог похвалиться честью, что он весьма тесными сопряжен узами родства с императорским домом. Невзирая на сие, в последние годы императрица принимала его с явным пренебрежением, так что уважение к нему при дворе чувствительно ослабилось, причиною чего, сказывают, были некоторые вольные его речи о поступках герцога. И так как он потому мало добра от нынешнего регента ожидать мог, то все его помышления стремились к тому единственно, чтобы его низринуть. Но средство, изобретенное им на то, едва его самого в величайшее не повергнуло несчастье.

Поскольку он возвышением герцога и несправедливостью, учиненной чрез то принцессе Анне, многократно в разговорах изъявлял свое недовольство довереннейшим своим клиентам, некоторым отставным лейб-гвардии офицерам, и те дали от себя уверение как в добром расположении своем к упомянутой принцессе, так и в том, что большая часть офицеров из лейб-гвардии полков готовы за нее на все отважиться, то заключение сделано такое, чтобы в сем деле поступить таким же образом, как в 1730 г. при восстановлении самодержавия в Москве происходило. На каковой случай и положено, чтобы в назначенный день все без изъятия к заговору приступившие пошли к принцессе Анне и у ног ее просили, дабы она избавила их от ненавистного регента и приняла на себя правление во время малолетства сына ее, императора.

Предводителем в сем деле не хотел быть сам граф Головкин, но предложил на то тогдашнего кабинетского министра князя Черкасского, рассудив безосновательно, что сей столь же охотно согласится на сие, как и прежде того сделал, когда он покойной императрице подносил прошение от дворян об уничтожении аристократической формы правления. Сделав такое положение, назначен был день, чтобы об оном предложить князю Черкасскому.

Когда означенный день наступил, то упомянутые отставные лейб-гвардии офицеры, явсья к князю Черкасскому, представили о причине своего прихода, напомнили ему о прежнем для блага отечества предпринятом подвиге и усильнейше просили, дабы он вместе с ними пошел к принцессе и за них предстательствовал. Князь Черкасский, выслушав их весьма терпеливо, похвалил намерение их и под предлогом отправления неотложных дел просил их, дабы они на другой день опять к нему пришли. Но сам, отпустив их, поехал прямо к герцогу и уведомил его обо всем, что происходило.

Через два часа все вышеобъявленные к князю Черкасскому приезжавшие офицеры арестованы, и с того же дня начали о других сообщниках их под пыткой допрашивать.

Они указали на некоторых, но ни один не объявил о графе Головкине, хотя весьма строго о том разведывали, поскольку каждому

известно было, что они графские клиенты. Один из уличенных был секретарь из россиян принца Брауншвейгского. Когда его пытать стали, то он признался не только в том, что об оном деле ведал, но открыл также совсем новый заговор, к которому употреблен он с ведома и с согласия принца. По его доносу, намерение было такое, чтобы уговорить офицеров из того лейб-гвардии полка, в котором принц Брауншвейгский был подполковником, и если весь полк согласен будет, то приступить ко двору и взять регента со всеми его участниками. Между тем секретарь открылся дотоле одному только офицеру, а именно капитану князю Путятину, и возложил на него старание склонять прочих. Путятин тоже под пыткой во всем признался и показал поименно тех, которых подговаривал. Сих было числом два капитана и один поручик из означенного лейб-гвардии полка.

Теперь герцог довольные имел опыты, что его правлением публика была недовольна. Несмотря на это, отваживался он подкреплять себя строгостью, полагаясь особенно на верность двух лейб-гвардии полков, как-то: Измайловского и Конного, — из которых первым командовал его брат Густав Бирон, а другим старший его сын, принц Петр.

Итак, желая принцу Брауншвейгскому показать, сколь мало он его страшится, приказал он его к себе попросить, выговаривал ему в присутствии многих особ за покушение по доносу секретаря, называл его неблагодарным, кровожадным и упрекал в том, что он, если бы имел в руках своих правление, сделал бы несчастным и сына своего и всю империю. Даже когда принц без намерения положил левую руку на эфес своей шпаги, то герцог, приняв сие за угрозу и ударяя по своей, говорил, что он готов и сим путем, если принц желает, с ним разделаться. По долгом словопрении, на котором принц во всем заперался и уверял, что он никакого зла на него не мыслит, разошлись они друг с другом без всяких дальнейших следствий.

Но на другой день герцог препоручил дяде моему, действительному тайному советнику Миниху, съездить к принцу и объяснить, что если он желает, дабы впредь ему верили, то обязан дать за себя залог, состоящий в том, чтобы он неукоснительно отказался от своего звания генерал-поручика от армии и особливо от должности лейб-гвардии подполковника. Принц согласился на сие и послал в тот же день герцогу объявить, что он должности свои низлагает, о чем тотчас при армии и лейб-гвардии полках опубликовано было.

Герцог не удовольствовался таким оскорблением, принцу нанесенным, но отправил к нему еще странное посольство с извещением, что благо и полезно для него остаться на несколько дней в своем

доме, ибо опасаться надлежит, чтобы народ, огорченный за множество ради него истязанных людей, не отважился, статься может, предпринять что-либо непристойное против его особы.

В сем положении находились дела, и ежедневно ожидали, что как принц, так и принцесса или выедут из государства, или должны будут в отдаленном месте милостивым довольствоваться подаянием, как вдруг отец мой предпринял все дальнейшие насильствия прекратить, и сие произвел он в действо следующим образом.

8-го числа ноября (1740 г.) пред полуднем поехал он к принцессе, представил ей, какой опасности не только все верные служители императорских родителей, но также и сама она подвержена в случае, если герцог Курляндский далее в регентстве останется, и вызвался, чтобы ей только угодить, предать герцога арестантом в ее руки, но дабы офицерам и солдатам, которых он к тому употребить намерен, придать больше бодрости, просил он благоволения присутствовать ей при том персонально. Чем меньше принцесса такового предложения ожидала, тем приятнее оно ей было, но только не могла решиться, чтобы самой туда поехать. Между тем договорено, чтоб отец мой в наступающую ночь приехал опять к принцессе, взял от нее с караула потребную команду и регента арестовал. После чего отец мой, присоветовав ей никому, и даже ее супругу, ни слова о том не говорить, откланялся и поехал прямо к герцогу почтение свое отдать и, что того страннее, в тот же самый день у него обедал.

После обеда отец мой, возвратясь в свой дом, ожидал ночи с великой нетерпеливостью. Между тем жена моя, которая столь же мало, как и я, о том ведала, вместе с бароншею Менгден, свояченицей моею, поехала к герцогине, ужинала у нее вместе с регентом и почти до полуночи с ними просидела. При сем случае герцог приказал чрез жену мою сказать ее свекру, а моему отцу, что как скоро погребение императрицы отправлено будет, то он повелит выдать ему определенную сумму денег на уплату его долгов. Поскольку же жена моя поздно домой приехала и сочла, что отец мой уже спит, то исполнение своего препоручения отложила до другого утра.

Около двух часов пополудни отец мой с одним только тогдашним генерал-адъютантом своим, подполковником Манштейном, впоследствии генерал-майором в прусской службе, поехал во дворец, вошел в задние ворота, которые нарочно на то отверсты стояли, и прямо в покои принцессы. Принцесса легла уже опочивать со своим супругом, но наперед наказала жене моей, фрейлине Иулиане Менгден, как скоро отец мой придет, войти к ней и ее разбудить. Сия, сколько ни старалась, не могла исполнить оное так скромно, чтобы и принц от того не пробудился, но как сей спросил у прин-

цессы, что ей сделалось и зачем она встает, то в ответ сказала она, что ей занемоглось и чтоб он остался в постели, а она тотчас назад будет.

Когда она вышла к отцу моему, говорил он ей, что теперь настоящая пора дело свершить, и вторично просил, дабы она вместе с ним поехала.

Она ни под каким видом на то не соглашалась, потому отец мой советовал, чтоб она по крайней мере приказала позвать наверх караульных офицеров и объявила им о сем предприятии, сделав увещевание, дабы они верно во всем поступили и за ним следовали.

Сей совет принят, и когда офицеры вошли, то она сказала, что надеется на них как на честных людей, что не отрекутся малолетнему императору и его родителям важнейшую оказать услугу, состоящую в том, чтобы арестовать герцога, которого насильствия сколько им ненавистны, столько и известны. Почему и просит она все, что от фельдмаршала приказано будет, добросовестно исполнять и уверенными быть, что их верность без награждения оставлена не будет. Наконец обняла она отца моего, допустила офицеров к руке и желала им благополучного успеха.

После сего пошел он с ними в кордегарию, взял 30 человек с караула с тремя офицерами и направил стопы свои прямо к летнему дворцу, в котором регент тогда находился.

В сие самое время лежал я, не ведая ничего, в передней комнате у малолетнего императора, будучи тогда дежурным камергером, в приятнейшем сне, почему не мало ужаснулся, когда вдруг, пробудясь, увидел принцессу, на моей постели сидящую. Я спросил о причине, она трепещущим голосом отвечала:

— Мой любезный Миних, знаешь ли, что твой отец предпринял? Он пошел арестовать регента. — К чему присовокупила еще: — Дай Боже, чтобы сие благополучно удалось!

— И я того же желаю, — сказал я и просил, чтоб она не пугалась, потому что отец мой не преминул надежные на то принять меры.

Потом принцесса вместе с фрейлиной Менгден, которая одна при ней находилась, пошла в спальню малолетнего императора, а я скорее выскочил из постели и оделся. Немного погодя пришел и принц, которому принцесса тут во всем открылась.

С какой теперь нетерпеливостью ожидали мы известия об успехе означенного предприятия, всякий легко себе вообразить может.

Регент, как упомянуто, обретался в летнем дворце, где лежало еще тело покойной императрицы. Здесь находился караул из 300 человек с лишком, которые, если бы на герцогской стороне были, аресту его легко воспрепятствовать могли, но отец мой из предосторожности к предприятию сему избрал такой день, в который все

караулы из Преображенского полка наряжены, где он был подполковником.

Приблизясь на несколько шагов к летнему дворцу, выслал он вперед офицера сказать караульному капитану, чтобы он никакого шума не подымал, а пришел бы к нему с двумя другими офицерами. Сии явились без замедления, и когда он о причине своего прихода им объявил, то они уверяли, что у них ни один караульный не пошевелится. После чего отец мой продолжал шествие свое до самого въезда во дворец. Отсюда отрядил он своего генерал-адъютанта Манштейна с 12 гренадерами в герцогские комнаты.

Все встречающиеся часовые по данному им приказу пропускали его без задержки, так что Манштейн дошел благополучно до дверей спальни и приказал их ломать, потому что они изнутри заперты были. Герцог пробудился на сей шум, вскочил и, думая, что его убить хотят, намерен был под кровать спрятаться, но Манштейн наступил на него, и пока герцог руками и ногами оборонялся, подбежали гренадеры и его схватили. Накинув на него шубу, посадили его в отца моего карету. Супруга его и дети оставлены в их покоях под караулом. С сей добычей отец мой отправился опять к принцессе и принесенной им самим вестью неизреченную произвел радость.

Попутно был арестован также и брат герцога Густав Бирон, имевший жительство в одной близлежащей улице, и то же самое в ту же ночь сделано над тайным советником и кабинетским министром Бестужевым, которого винили, что он отменно был предан регенту.

Затем герцога, равно как и брата его, посадили до дальнейшего распоряжения в особых покоях дворца под крепким караулом.

Еще пред рассветом оповещено было о сем происшествии в целом городе, и все чиновники по учиненным повесткам съехались ко двору. По принесенном родителям императора поздравлении было чрезвычайное собрание совета, в котором положено просить принцессу с титулом императорского высочества великой княгини российской принять правление во время малолетства ее сына.

Принцесса приняла оное к благоугодности своей, и по окончании литургии и благодарственного молебна при пушечной пальбе учинена ей в верности присяга, и в тот же самый день как во все провинции империи, так и к иностранным дворам отправлены курьеры с известием о сей воспоследовавшей перемене.

Вечером бывший регент вместе со своей семьей под сильным прикрытием отправлен в Шлиссельбургскую крепость в 60 верстах от Санкт-Петербурга. Принцесса при вывозе его из дворца стояла у окна и смотрела, не в силах удержать слез, и сказала, что она совсем иное ему готовила, если бы он сам не понудил ее иначе с собою поступить, присовокупя к тому, что если бы он прежде предложил

ей добровольно правление, то бы она с честью и со всеми сокровищами отпустила его в Курляндию.

Следующий день назначен был для раздачи разных милостей и чинов, и всем, кто вход ко двору имеет, оповещено пред полуднем собраться в комнатах принцессы.

Дабы не показалось кому-либо странным, что в сие производство граф Остерман великим адмиралом и князь Черкасский великим канцлером пожалованы, нужным считаю вкратце упомянуть, какие причины служили к тому поводом.

Утром весьма рано приказал отец мой позвать к себе меня вместе с президентом бароном Менгденом и предложил, чтобы мы тех, кого считаем достойными к пожалованию или к награждению, представили ему, и притом предложили, чем и как кто наилучше награжден быть может. Мы исполнили сие тут же, после чего приказал он мне взять перо и писать, что он мне говорить станет. Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволили возложить на себя орден св. Андрея, и второе — генерал-фельдмаршала Миниха за оказанную им услугу пожаловать в генералиссимусы.

Окончив сие, сказал я ему, что хотя он по всем правам и заслугам сего достоинства требовать может, однако я думаю, что статься может, принц Брауншвейгский для себя оное готовит, почему и нужно было бы пристойным образом о сем у него разведать; в таком случае советовал я отцу моему испросить себе титул первого министра. На сие он согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избрал для себя последнее.

После сего спросил он меня и барона Менгдена, как же может граф Остерман над собою терпеть первого министра. Мы отвечали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое с высшим чином сопряжено, нежели каковой он по сие время имел.

Отец мой сказал, что вспомнил, как граф Остерман в 1723 г., работая над новым положением для флота, намекал, что он охотно желал бы быть великим адмиралом.

— Да кто же будет великим канцлером? — спросил я. — Видя, что отец мой на сие ничего не отвечал, сказал я, что хотя князь Черкасский за свои поступки больше наказания, нежели награждения заслуживает, однако я думаю, что в начале нового правления милосердием и великодушием скорее утвердиться можно, чем чрез меру строгим исследованием и наказанием уличенных преступников, и вследствие того ее высочество великая княгиня не может убедительнейшего предъявить довода своего великодушия, как если упомянутого князя Черкасского на вакантное великого канцлера достоинство возвысит. Наконец, дабы знатнейшие достоинства оставались в руках более у природных россиян, нежели у иностранцев, предложил я графа Михайла Головкина в вице-канцлеры.

Когда вышеупомянутые и другие к повышению и награждению следующие особы расписаны, приказал мне отец мой списать с того расписания копию, съездить во дворец и поднести его принцессе на утверждение.

По прошествии нескольких часов приехал он и сам и получил ее согласие на все изображенные в расписании статьи.

Около 11 часов пред полуднем, когда все по учиненным повесткам в передних комнатах собрались, выступила великая княгиня в голубой ленте и со звездой ордена св. Андрея и жаловала всех к руке. Потом от имени императора читано расписание о пожалованных, в силу которого принц Брауншвейгский объявлен генералиссимусом всех сухопутных и морских сил. Далее пожалованы: фельд-маршал граф Миних первым министром, граф Остерман великим адмиралом и остаться ему при иностранных делах, князь Черкасский великим канцлером и князь Михайло Головкин вице-канцлером и кабинетским министром.

Орден св. Андрея получили: обер-шталмейстер князь Куракин, генерал-аншеф Ушаков, адмирал Головин и пребывающий в Гааге посланник Александр Головкин.

Орден св. Александра Невского пожалован президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и в отсутствии находящемуся тайному советнику и камергеру князю Юсупову. Обер-маршал граф Левенвольде и дядя мой тайный советник Миних получили на уплату долгов своих первый 80 000 и другой 20 000 рублей.

Гофмаршалу Шепелеву и генерал-майору Апраксину пожалованы богатые деревни в России, не считая многих других повышений чинами и подарков.

По окончании сей церемонии отец мой вторично принес принцессе свое благодарение, и она вручила ему ордер о принятии 100 000 рублей из рентереи, приказав притом перебраться близ дворца в тот дом, где прежде она сама пребывание имела.

В тот же самый день принцесса всемиловитейше пожаловала меня обер-гофмаршалом с чином генерал-поручика и с жалованьем и пенсией по 3000 рублей в год. Сверх того указала она мне иметь придворный экипаж, каковым другие высокие чины императорского двора пользуются, и пожаловала мне в подарок дом неподалеку от дворца.

Принцесса оказала также помилование бедным арестантам, заключенным от прежнего регента и претерпевшим преужасное истязание. Они все немедленно освобождены и частью чинами повышены, частью же с награждением к прежним местам определены. Над теми, которые пытку выдержали, прикрывали наперед знамя. После того они все жалованы к руке, причем с одной стороны со-

болезнование и с другой признательность искреннейшие извлекали слезы.

Благородное и к милосердию склонное ее сердце воспамятовало и о тех несчастных, которые в правление императрицы Анны Иоанновны за государственные преступления в Сибирь и в другие места в ссылку сосланы были. Она в досужные часы свои, прослушав дела о важнейших из сих преступников, почти все учиненные над ними приговоры отменила. Число сих ссыльных, как знатных, так и простого звания людей, простиралось до нескольких тысяч человек, между коими находились также курляндские дворяне.

Прежде нежели приступлю к прочим происшествиям краткого правления сей принцессы, намерен я немногими словами описать личные ее качества.

Она соединяла с большим остроумием благородное и добродетельное сердце. Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нее несноснее, как столь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, привыкшие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменной и якобы всех презирающей. Под видом внешней холодности была она внутренне снисходительна и чистосердечна. Принужденная жизнь, которую она вела от 12 лет своего возраста вплоть до кончины императрицы Анны Иоанновны (поскольку тогда кроме торжественных дней никто посторонний к ней входить не смел и за всеми ее поступками строго присматривали), породила в ней такой вкус к уединению, что она всегда с неудовольствием наряжалась, когда во время ее регентства надлежало ей принимать и являться в публичке. Приятнейшие часы для нее были те, которые она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она сколько вольна в обхождении, столько и весела в обращении. Дела слушать и решать не скупала она ни в какое время, и дабы бедным людям удобнее было о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подать во дворце кабинетскому секретарю. Она умела ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и добροхотно. Великодушные ее и скромность произвели, что она вовсе не была недоверчива, и много основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо, впрочем даже несомненному, обвинению. Чтобы снисказать ее благоволение, нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Обращение ее большей частью было с иностранцами, так что некоторые из чужестранных министров ежедневно в приватные с ней беседы приглашались ко двору. Хотя она привезена в Россию на втором году возраста своего, однако пособием

окружавших ее иностранцев знала немецкий язык совершенно. По-французски понимала она лучше, чем говорила. До чтения книг была она великая охотница, много читала на обоих упомянутых языках и отменный вкус имела к драматическому стихотворству. Она мне часто говаривала, что нет для нее ничего приятнее, чем те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородной гордостью. Она почитала много людей с так называемым счастливым лицерасположением и судила большей частью по лицу о душевных качествах человека. К домашним служителям своим была она снисходительна и благотворила им.

Я со своей стороны имею причину как за многие излинные на меня милости, так и за дружественное обхождение, которым она меня удостаивала, почитать память ее во всю жизнь мою с величайшей признательностью.

Что касается до внешнего ее вида, то роста была она среднего, собою статна и полна, волосы имела темного цвета, а лицена чертание хотя и не регулярно пригожее, однако приятное и благородное. В одежде была она великолепна и с хорошим вкусом. В уборке волос никогда моде не следовала, но собственному изобретению, от чего большей частью убиралась не к лицу.

Как скоро трактат, о котором выше упомянуто, между королем польским и бывшим регентом заключен, то не преминул саксонский двор в то же время сообщить о нем берлинскому двору, что возродило в сем надежду Россию без всякого затруднения на то преклонить, что она в исполнении его притязаний на австрийское наследство препятствовать ему не будет. Вследствие этого прусскому министру в Санкт-Петербурге и повелено уже было вступить в переговоры. Но сей едва успел к тому приступить, как падение регента воспоследовало. Когда же чрез сие совсем другой оборот дел в России произошел, поскольку нельзя было подумать, что великая княгиня и ее супруг, как ближайшие родственники королевы венгерской, станут беспристрастным оком взирать на поддержание прагматической санкции, то король прусский, оставя начатую негоциацию, старался здешнего двора благосклонность снискать предложением к постановлению дружественного трактата и оборонительного союза и чрез то как бы его усыпить, почему и дал он в декабре барону Мардефельду повеление вручить проект означенного союза российскому министру.

Отец мой лежал тогда при смерти болен, и прошло несколько недель, пока он в состоянии был приняться снова за дела. Между тем граф Остерман, который всегда прусскому двору доброжелательствовал, в предосуждение австрийцев умел принцессе со столь хорошей стороны об оном деле представить, что она склонилась на то совершенно. Как скоро отец мой немного поправился, приказала она

известить его об оном и спросить его мнения. Отец мой отвечал, что заключить союз с королем прусским, близким и сильным соседом России, при малолетстве императора и предстоящем разрыве мира со шведами не иначе как крайне вредно и предосудительно для империи быть может, но так как в гарантии австрийского наследства принято со стороны России участие и время еще не дозволило распознать, от кого королева венгерская добра или зла ожидать имеет, а предположительно в скором времени не преминут от венского двора поступить на то предложения, то полагает он своим мнением, что благопристойности и искренности соразмерно остановить постановление всяких новых трактатов до того, пока можно будет видеть, каким образом лучше сообразить их с прежними.

Между тем как настоящие намерения короля прусского в то время никому отнюдь известны не были и принцесса на том настояла, то и постановлен трактат на следующих условиях: обе стороны гарантируют одна за другую владения своих земель, и в случае неприятельского наступления имеет одна другой посылать по 12 000 человек вспомогательного войска.

По поводу сего король прусский предлагал отцу моему вотчину Биген в Бранденбургии вместе с суммою 3000 рейхсталеров, но он пристойным образом от обоего отказался с таким уверением, что он во всех случаях стараться будет удостоверить короля в искренней преданности своей.

Незадолго до праздника Рождества Христова совершенно погребение императрицы Анны Иоанновны со всеми употребительными в России обрядами наивеликолепнейше. Принцесса шествовала за гробом пешком.

В январе 1741 г. приехал отправленный от короля прусского генерал-адъютант господин Винтерфельд, зять моей мачехи, в Санкт-Петербург с принесением от имени короля поздравления принцессе с вступлением в регентство. Оный же господин Винтерфельд привез отцу моему собственноручное от короля письмо с изустным притом уверением о всегдашнем и неперменном его уважении и почитании. И, наконец, упомянутый Винтерфельд имел препоручение поднести мне вышеозначенный подарок, который отцом моим не принят.

Винтерфельд по принесении на приватной аудиенции великой княгине от короля поздравления и по получении от имени ее чрез меня ответа продолжал речь свою так: что поскольку король, его государь, вотчину Биген однажды навсегда предназначил той особе в России, которая будет его другом, а фельдмаршал Миних принять ее не хочет, то и препоручает он упомянутую вотчину в собственное распоряжение ее императорского высочества, прося, чтобы она благоволила пожаловать оную в вечное и потомственное владение

кому-либо из семьи фельдмаршала Миниха, и если ее высочеству угодно, именно его сыну. Великая княгиня отвечала на сие, что весьма охотно соглашается удовлетворить в сем случае желание короля. Итак, я засвидетельствовал первое мое благодарение принцессе, а потом поблагодарил и короля в письме, которое Винтерфельд повез с собой и на которое обратно получил я весьма благоклонный ответ.

Почти в то же время приехал в Санкт-Петербург саксонский полковник Нейбаур для принесения принцессе от имени короля польского поздравления со вступлением в регентство. Сей имел, сверх того, препоручение от государя своего, тогдашнего имперского викария, предложить отцу моему диплом на графское достоинство Римской империи, а мне орден Белого Орла.

Сей орден вскоре потом привезен уполномоченным от упомянутого короля министром графом Линаром, и в 17 день января имел я честь знаки оного ордена принять из рук принцессы.

В уважение родства с отцом моим получили также означенный орден президент и камергер Карл-Людвиг барон Менгден и мой зять граф Солмс, тогдашний российский министр при саксонском дворе.

Маркиз де Ботта в прошлое пребывание свое при дворе российском умел приветливыми поступками своими приобрести благоволение принцессы настолько, что она по вступлении своем в регентство не только венскому двору обозначила, что назначение упомянутого маркиза в качестве министра при российском дворе особенно будет для нее приятно, но также приказала мне к нему отписать и уговорить его лично об оном месте домогаться; как первое, так и другое имело такой успех, что он в феврале приехал в Санкт-Петербург.

Вскоре после его приезда получил отец мой письмо от королевы венгерской, в котором сия монархиня не только всемилоостивейше удостоверила его в своем высоком благоволении, но также пожаловала ему господство Вартенбергское в вечное и потомственное владение.

По сие время королева венгерская пользовалась тишиною и ничего меньше не ожидала, чем вступления короля прусского с войском в Силезию. Известие о сем происшествии подало повод к преважным рассуждениям в Санкт-Петербурге потому более всего, что неминуемо от венского двора ожидали требования помощи против короля прусского, с которым однако же недавно союз постановлен и с которым неохотно желали раздружиться по причине опасения к разрыву мира с шведами. В сем замешательстве оставалось единственное удобнее средство, а именно: стараться письмом склонить короля прусского миролюбиво условиться с королевою венгерской и на сие предложить посредство российского двора.

Означенное письмо, которое сам граф Остерман сочинял, почитается, по мнению всех знатоков, одним из прекраснейших и убедительнейших, каковое когда-либо из-под его пера происходило.

Ответ короля прусского на то гласил, что если королева венгерская миролюбиво согласится уступить ему те княжества в Силезии, на которые он законное право требования имеет, то он не только намерен заключить с нею мир, но также обязуется вспомоществовать ей всей силою своею против всех, оказывающихся впредь ее неприятелями.

Частое повторение сей декларации со стороны короля прусского ко двору российскому не подает никакого сомнения в том, что если бы королева в самом начале решилась немногим чем пожертвовать, то бы она, конечно, не потеряла большую часть Силезии. Но непримиримость к королю прусскому и тогдашняя удивительная доверенность к Франции были причиною, что ни о каком примирительстве со стороны венского двора слышать не хотели, а охотнее желали, как маркиз де Ботта отцу моему сказывал, предаться в руки французов.

Сим образом в Вене ни о чем другом, как о мщении, не помышляли, и дабы оное на деле изъяснить, предложен от венского министерства проект тройного союза, в который надеялись вовлечь Россию и короля польского. Они думали петербургский двор побудить к тому без дальних затруднений, а саксонский склонить выгодными обещаниями. Последнее имело даже такой успех, что уже в марте работали в Дрездене над планом, по силе которого положено соединенными российскими, австрийскими и саксонскими силами атаковать короля прусского и его земли, как добычу, разделить между собою. Тут ничего другого не требовалось, как единственно участия России в действительном исполнении столь важного проекта. А каким образом домогались оного и с каким усердием отец мой тому сопричислялся, то явствует из нижеследующего.

Коль скоро король прусский вступил с войском своим в Силезию, то венские министры, в Санкт-Петербурге пребывавшие, маркиз де Ботта и резидент Гохголцер, по силе трактата неукоснительно требовали от российского двора вспоможения наисильнейше. На сие представлено им, что сколь искренно российский двор ни расположен со своей стороны способствовать к поддержанию прагматической санкции, однако осторожность требует не прежде вдаваться в столь обширное дело, пока не станет известно о мерах, принятых по сему обстоятельству от двух главнейших гарантировавших держав, а именно Англии и Голландии. Сверх того надеется он, что доколе королева не будет других иметь неприятелей, кроме одного короля прусского, доколе может она собственной своею силою управляться. При сем за полезнейшее почитается, чтобы австрийский

дом, поскольку куда большие, статься может, угрожают ему напасти, старался короля прусского пожертвованием ему некоторых земель сделать своим другом, чем вдаваясь с ним в войну, истощать свои силы.

Но венский двор, не принимая сих наставлений и советов, настоял на прямом ему вспоможении и не упустил притом ничего, что могло служить к раздражению принцессы и принца Брауншвейгского лично против короля прусского, к чему принуждены были всеми мерами и частыми письмами способствовать обе вдовствующие герцогини Брауншвейгские, из которых одна была бабушка как королевы венгерской, так и принца, а другая мать сего и тетка королевы. Они подействовали столько, что как скоро дрезденский план двору совместен, то принцесса в непродолжительном времени его одобрила.

Граф Остерман, который из-за болезненных припадков своих не выезжал больше из дому, снискал такую доверенность от принца Брауншвейгского, что сей ни единого дня не упускал, чтобы его не посетить. Как скоро он чрез упомянутого принца получил известие о намерениях великой княгини касательно дрезденского плана, то почел нужным благоприятный сей случай изловить как для того, чтобы собственно самому подслужиться, так и дабы легко предвиденному отцом моим противоречию придать несправедливый и ненавистный толк. Вследствие этого воздержался он от всех возражений, но представлял, что можно без отлагательства уполномочить российского при саксонском дворе министра в ближайшую относительно означенного союза вступить конференцию.

Когда потом принцесса при особенном переговоре с отцом моим пожелала узнать его мысли касательно упомянутого плана, он утверждал, что так как по силе действующих уже трактатов мы обязаны австрийскому дому давать вспомогательное войско, то и не предвидит он причины, зачем обязанности свои без крайней нужды увеличивать и даже в противность всей справедливости соседа, жившего с Россией в непрестанном добром согласии и дружбе, неприятельски атаковать и погибели его способствовать.

Сей с волею принцессы и принца не согласующийся ответ имел точно то действие, которое граф Остерман предполагал. Искренность отца моего названа пристрастием, и довод на оное почерпнут из оказанной графом Остерманом на то непреклонности, как из несомненного источника. Поэтому сей возомнил начатую роль свою до конца доиграть и отца моего, которого первенства в министерстве никогда он терпеть не мог, довести до крайности.

Приступление к дрезденскому плану утверждено без дальнейших с отцом моим советов, и к российскому министру в Дрездене сочинен рескрипт, по силе которого имеет он вступить в предложенную

негоциацию. Означенный рескрипт прислан от графа Остермана к отцу моему для подписания с таким отзывом, что содержание оного от великой княгини именно повелено и одобрено.

Отец мой чувствительно был сим тронут. Он поехал немедленно к принцессе и жаловался, что его принуждают подписывать такие дела, которые он, по мнению своему, опровергал основательно и на которые никогда согласия своего дать не может, причем изъяснялся, что если принцесса безотменно войну предпринять желает, то он советует лучше искренне предупредить угрожающих шведов, чем предоставлять им больше времени и способности сполна вооружиться против России. Когда же принцесса в ответ сказала, что он один сопротивляется делу, которое граф Остерман и прочие министры единогласно присоветовали, то отец мой отвечал, что прежде нежели должен он подавать и впредь несоглашениями своими повод принцессе к прогневлению на него, охотнее осмеливается всеподданнейше просить уволить его от службы. Потом откланялся принцессе и как только домой приехал, написал письменное возражение, по каким причинам не желает рескрипта к министру в Дрезден подписывать, и приказал внести оное в протокол Кабинета.

Граф Остерман вместе со своей партией, опасаясь, чтобы постоянство отца моего не открыло очи принцессе, почли за нужное, не теряя времени, настроить многих клеветников, которые все разными наговорами и происками преклонили кроткую и великодушную принцессу, что она отца моего от службы уволить согласилась.

Итак, 7-го числа марта (1741 г.) в бывшем совете определено отца моего от службы уволить. Но так как никто не имел решимости об оном его известить, то принцесса за благо рассудила на меня и обер-маршала Левенвольде сие препоручение возложить с приказанием объявить отцу моему, что сколь ни совершенно уверена она в искренности и усердии его к интересу императора, однако же находит себя принужденной для предупреждения опасных следствий от дальнейшего несогласия в министерстве даровать ему то, о чем он сам просьбою своею утруждал, уверяя, что она никогда не забудет верных и важных оказанных им заслуг и не преминет при настоящем случае вещественных изъяснить признаков непрестанного почитания и благоволения своего.

Отец мой, приняв сию весть с обыкновенной твердостью духа, приказал нам обратно принцессе донести, что если увольнение его от службы могло доставить ей малейшую благоугодность, то он с удовольствием, исполняя ее повеления, от всех должностей своих отрекается, а за присовокупленное милостивое уверение свидетельствует всепреданнейшую свою признательность, ожидая нетерпеливо того часа, в который ее высочеству угодно будет ему позволить изустно изъяснить оную.

По получении следующего дня на сие дозволения принцесса определила ему по 15 000 рублей годовой пенсии, с тем что он имеет ее получать, где бы ни рассудил жительство свое утвердить.

Сия с отцом моим воспоследовавшая перемена лично для моей персоны не только не была вредна, но сильнейшие произвела уверения в милости со стороны принцессы.

Теперь венское министерство считало себя победителем. Маркиз де Ботта, будучи моим всегдашним другом, посетил меня спустя несколько дней после увольнения отца моего от службы. Когда я спросил, доволен ли он графом Остерманом, не мог он нахвалиться добрыми его расположениями. Я отвечал, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моих мыслей, сколь ни странны они покажутся, а именно: что, по мнению моему, венский двор скорее достиг бы цели желаний своих, если бы отец мой при министерстве остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему решение подавала; что отец мой внутренно никогда не устранился от того, чтобы австрийскому дому способствовать, и если бы других требований, кроме вспомогательного войска, не было, то я уверен, что не много стоило бы труда преклонить его на то, ибо он если однажды даст слово, то всегда оное сдержатъ старается; но что касается до графа Остермана, у него обещать и сдержатъ — две вещи различные; что он издревле был друг прусского двора, а венскому никогда не благоприятствовал; что теперешняя его преклонность другого повода не имела, как чтобы раздражить принцессу на возражения отца моего; но что вскоре сей Протей уметь будет вид свой столь разнообразно перемениать, что маркизу де Ботта надо быть сверхъестественным человеком, если бы захотел он настоящие мысли его извещать.

Предсказание мое сбылось совершенно, ибо в самое то время, как всей армии дан указ быть в готовности к походу, граф Остерман уверил прусского министра барона Мардефельда по доверенности своей, что он никогда и в мыслях не имел наносить вред королю прусскому и что вскоре дела другой оборот примут. Сие самое воспоследовало в скором времени, и когда происшедшее между саксонским и венским двором несогласие ниспровергнуло весь проект тройного союза, а маркиз де Ботта еще стал настаивать на диверсии в пользу своей королевы, то при торжественнейших уверениях в дружбе принужден он был отъехать с сим утешением, что безотменно не преминут выполнить все то, о чем в трактатах договорено, коль скоро дело в отношении шведов развяжется.

В июне сего года бывший регент и герцог Курляндский, сохранившийся доселе в Шлиссельбургской крепости, отправлен вместе со своей супругой, двумя сыновьями и дочерью в Сибирь в заточение. А что отец мой в обнаруженном при сем случае манифесте, в

силу которого как герцог, так и два брата его и зять, генерал Бисмарк, обвинены в оскорблении величества, не принимал никакого участия, об оном по времени, в которое он опубликован, легко заключить можно.

Поступки и деяния отца моего произвели в прусском короле такое к нему уважение, что он не только собственноручным писанием уверял его в свое высоком благоволении и признательности весьма лестными выражениями, но также в таковых расположениях своих существенное удостоверение предъявил на деле, ибо он после завоевания силезских земель по собственному побуждению освободил Вартенбергское владение от всех налогов и военных контрибуций.

В то же почти время вручил мне барон Мардефельд при королевской жалованной грамоте на вотчину Биген и вексель в 2000 талеров курантных как принадлежащий мне доход с упомянутой вотчины за первую половину года.

Вологда. 1758 г.

**Замечания на «Записки о России
генерала Манштейна»
(автор неизвестен)**

О происхождении Екатерины Алексеевны I

(Зап. Маншт., стр. 11)

Г. Манштейн, начиная Записки своим повествованием о происшествиях, последовавших в России по кончине императрицы Екатерины I, ничего не упоминает о происхождении этой необыкновенной жены, почему почитаю достойным любопытства читателя сообщить следующее о сем известие как самое достоверное.

Кажется, что желавшие прикрыть низость породы Екатерины I, производя оную от лифляндского или польского дворянства, не размыслили достаточно о том, что таковым вымышленным происхождением нимало не усугубляется слава чрезвычайного возвышения ее, ибо оным обязана она единственно прелестям красоты и ума своего.

Екатерина родилась в Якобштадте, небольшом городке в Курляндии*, принадлежавшем в прежние времена одному командиру тевтонского ордена. Отец ее, бывший учителем при школе в Якобштадте, имея многочисленное семейство, нуждался в содержании его. Глюк, лютеранский пастор в Мариенбурге**, с которым отец Екатерины находился в дружеских связях, изъявил желание взять к себе одну из дочерей последнего и пристроить ее; жребий пал на Екатерину. Пастор принял девицу сию в дом свой, имел попечение о воспитании ее и в 1702 г. помолвил ее с одним шведским унтер-офицером, служившим в квартировавшем в Мариенбурге полку.

Через несколько дней по сговоре Екатерины россияне приблизились к Мариенбургу, осадили его, покорили приступом и пленили всех жителей***. По существовавшему тогда обычаю таковые

---

* Зельбургского уезда.

** Лифляндской губернии.

*** По одержании графом Борисом Петровичем Шереметевым двух побед над шведским генералом Шлиппенбахом, в окрестностях Дерпта и при реке Эмбахе, вскоре одна за другою следовавших, россияне овладели Мариенбургским замком 25 августа 1702 г. — *Примеч. рук.*

пленные отсылались внутрь России как для умножения народонаселения, так и для распространения ремесел и художеств.

Русские вельможи, возымев отличное мнение о дарованиях лифляндок и шведок, старались помещать их в домоводки и наставницы к детям своим. По покорении Мариенбурга Екатерина досталась в удел генерал-поручику Бауру, но недолго оставалась у него; князь Меншиков увидел ее, пожелал иметь у себя и получил согласие г. Баура. Вскоре после сего Петр Великий, посетив любимца своего, нечаянно встретился с юной прекрасной Екатериной; восхитясь прелестями ее, немедленно спросил, кто сия девица. Князь Меншиков, рассказав о состоянии Екатерины, превознес похвалами способности ума и кротость нрава ее. Император, пылкий в страстях своих, тотчас решился соединиться с Екатериною. С сего дня разделяла она с государем ложе, хотя чрез долгое время потом не была еще объявлена супругою* императора: торжественное бракосочетание Петра с Екатериною последовало** по прошествии нескольких лет.

О родственниках Екатерины I

Екатерина имела брата и двух сестер, которые с семейством своим во время жизни Петра Великого, будучи призваны в Россию, жительствовали в Петербурге, получая пристойное содержание. По восшествии на престол Екатерины появились при дворе дети родных ее: рожденные от брата — под именем графов и графинь Скавронских, происшедшие от старшей сестры — под названием графов Гендриковых, а от младшей — под именем графов Ефимовских.

О семействе пастора Глюка

Прежний благодетель Екатерины пастор Глюк также не остался в забвении. Щедро одаренный, по прибытии в Россию он был определен начальником вновь заведенной гимназии. Сыновья его вступили в гражданскую службу, а дочери помещены были ко двору; старшая из них, бывшая в супружестве за адмиралом Виллбоа, была одна из первых статс-дам по учреждении сего достоинства при российском дворе.

Поступок Петра II против бабки его

(Зап. Маншт., стр. 12)

Сочинитель в рассказе своем долженствовал бы, по всей справедливости, поступок Петра II против бабки его приписать точно родственной любви, а не относить оный к благодетельному обыкнове-

---

* Объявление последовало перед отправлением в прутский поход 1711 г.

** 19 февраля 1712 г. — *Примеч. рук.*

нию российских монархов, которые, желая вступление свое на престол ознаменовать благотворениями, освобождают некоторых преступников, содержащихся в заключении. Молодой император, равно как и сестра его царица Наталья Алексеевна, во многих случаях явили, что они имели душу столь же сострадательную, сколько и благотворительную.

О царице Евдокии из рода Лопухиных

О царице Евдокии достаточно упомянуть вкратце. Совершенная противоположность и несходство в нравах ее и Петра I подавали повод к непрестанному несогласию между супругами. Царь, коего возвышенный ум и сердце заняты были единственно великими преднамерениями к благоденствию отечества, не обретая успокоения в чертогах своих, напоследок потерял терпение и соскучил всегдашним неудовольствием, прекословиями и сопротивлением непокорливой супруги. По возвращении своем в 1698 г. из чужих краев в Москву не желал он уже и видеть Евдокию и сослал ее в Суздаль, где и пострижена она была в девичьем монастыре*. По прошествии нескольких лет, будучи замешана в деле сына своего, царевича Алексея Петровича, Евдокия была перевезена в Старую Ладугу и содержалась там под строгим присмотром. В заключении пребыла она до вступления на престол внука своего и только уже по падении князя Меншикова призвана была Петром II в Москву, где жительствовала в Кремле, имея при себе небольшой штат. Вскоре, соскучившись жизнью двора, она удалилась в девичий Вознесенский монастырь, что в Кремле, где в царствование императрицы Анны скончалась и погребена** в 1731 г. Брат ее Авраам Федорович Лопухин сделался жертвою приверженности своей к царевичу Алексею и был казнен; оставив двух сыновей, из коих младший, Василий Авраамович, дослужась до звания генерал-аншефа, с честью пал на поле сражения в гросс-егерсдорфской битве с прусским фельдмаршалом Левальдом, последовавшей в 1757 г.

Известие о графе Бассевиче, находившемся голштинским посланником при российском дворе (Зап. Маншт., стр. 13)

Граф Бассевич, происходивший от одной древней мекленбургской дворянской фамилии, некоторое время находился в большой силе

---

* Евдокия Федоровна из дома Лопухиных по пострижении ее в Суздале, в Покровском монастыре, наречена была в инокинях Еленой.

** Вознесенский монастырь в Москве воздвигнут в 1329 г. иждивением Евдокии Дмитриевны, супруги славного Донского, а в 1721 г. перестроен и возобновлен Петром Великим. — *Примеч. рук.*

при российском дворе. Граф сей одарен был проницательным умом, плодовитым воображением и твердостью в предприятиях, ничем непоколебимой. Расточительный, веселонравный граф, будучи великий говорун, не умел иногда сохранить вверенную ему тайну.

Он служил уже при голштинском дворе в то время, когда знаменитый барон Герц объезжал дворы главных европейских держав, убеждая их водворить спокойствие на севере и примирить Карла XII с Петром Великим, дабы общие силы сих монархов обратить против прочих неприятелей несчастного героя. Герц, испытав искусство графа Бассевича, отправил его в Петербург для открытия мирных переговоров и предложения о браке Шлезвиг-Голштинского герцога Карла-Фридриха со старшей дочерью императора. Хотя первые покушения Бассевича были неудачны, но Петр получил доброе мнение о способностях министра, а князь Меншиков, которому во время осады Тенингена и потом, в Померании, Бассевич оказал многие услуги, имел к нему полную доверенность. Посланник сей, имея разные поручения от государя своего и от самого Петра Великого, неоднократно ездил в Вену, Берлин и Стокгольм и возвратясь в Россию, склонил императора на предложенное бракосочетание. Обручение царевны Анны Петровны с герцогом Карлом-Фридрихом совершилось в Петербурге*, и тогда голштинский двор возымел большую надежду получить возмещение за понесенные потери, как внезапная кончина императора российского, последовавшая через несколько недель по обручении**, вдруг разрушила все лестные ожидания герцога.

Происки графа Бассевича к возведению на российский престол Екатерины I

Итак, надлежало графу Бассевичу истощить все способы ума своего, чтобы споспешествовать возведению на российский престол такой особы, которая столько же принимала бы участия в судьбе Голштинского герцога, сколько оказывал Петр Великий. Знаменитый сей государь, свершив преславное поприще, находился при последнем издыхании, не учинив никакого распоряжения о наследстве. Во всяком монаршеском правлении, где наследие переходит по первородству мужского поколения, не предстало бы ни малейшего затруднения; в самой России должныствовали ведать, как следует поступить в сем случае, ибо существовал внук Петра Великого. Но поелику монарх сей издал узаконение***, по коему самодержцы

* 24 ноября 1724 г.

** 28 января 1725 г.

*** Подробное сведение об этом узаконении Петра Великого любопытный может видеть в книжке под заглавием: «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей». — *Примеч. рук.*

Российской империи имеют власть наименовать наследника по избранию и воле своей, то право юного Петра, не быв утверждено императором, казалось сомнительным. Во власти Петра I состояло назначить преемницею престола или супругу, или какую-то из дочерей своих. Итак, в настоящих обстоятельствах, когда не был определен преемник державы, кому принадлежало право наследия? Екатерине ли, как венчанной главе, или малолетнему внуку — единственной отрасли мужского поколения Романова дома?

Первое мнение не подкреплялось ни каким-либо обнародованным объявлением, ни тайным постановлением. Второе основано было на праве самой породы, и не имели ни малейшего доказательства, чтобы император намеревался устранить внука своего от наследия престола. Следовательно, право Петра II не подвергалось прекословию. Хотя большая часть вельмож, собравшихся по кончине Петра Великого, мыслили согласно с сим заключением, однако происки одного предприимчивого человека, который умел извлечь пользу из страха другого честолюбца, разрушили самый естественный порядок наследия. С одной стороны, выгоды Голштинского герцога, обрученного со старшей дочерью покойного императора, требовали, чтобы в случае, если нельзя будет невесте занять престол, возвести на оный мать ее; с другой стороны, Меншиков, мало любимый или, справедливее сказать, ненавидимый боярами, не иначе мог удержаться за собою власть, как доставив скипетр Екатерине, постоянной его покровительнице, которая сама была ему многим обязана.

Нетрудно было Бассевичу преклонить князя Меншикова на решительный поступок, успех которого долженствовал венчать честолюбие сего князя. По внушению голштинского министра князь Меншиков в самое мгновение кончины Петра Великого овладел императорскою казною, обольстил начальников и офицеров гвардии, окружил дворец войском и перед лицом оного провозгласил всероссийской императрицею Екатерину.

Все свершилось по желанию: Екатерина беспрепятственно вступила на престол; князь Меншиков соделался могущественным и первым вельможею; бракосочетание царевны Анны Петровны вскоре последовало, и граф Бассевич получил богатые подарки и оба российских ордена. А герцог Голштинский, подкрепляемый могущественным союзом с Россией, возымел твердую надежду приобрести Шлезвигскую область.

Что при сем случае получил герцог Голштинский

Тогда европейские державы разделены были на два больших союза — ганноверский и венский. Бассевич преклонил Россию приступить к последнему, а в пользу герцога Голштинского исходатайствовал, чтобы император и король испанский выдавали сему

герцогу до возвращения ему шлезвигского владения ежегодно по 50 000 рейхсталеров.

Нечто о завещании Екатерины I

Достопримечательная духовная грамота императрицы Екатерины, обнародованная и помещенная во всех публичных актах тогдашнего времени, тоже есть творение Бассевича. В оной между прочими находились и следующие две статьи: чтобы впредь навсегда содержать в Москве и Петербурге дома для помещения посланников Голштинского герцога и чтобы в возмещение ревности, с каковою граф Бассевич не переставал содействовать о возвращении герцогу Голштинскому достояния предков его, наградить графа Бассевича Гусумским поместьем в Шлезвиге по обратном приобретении сего герцогства.

Царевна Анна Петровна с супругом своим отправлены в Киль

(Зап. Маншт., стр. 13)

В продолжение царствования Екатерины граф Бассевич постоянно пользовался полной доверенностью князя Меншикова, но по кончине сей императрицы Меншиков, желая один господствовать от имени юного государя, старался удалить всех опасных надзирателей за поступками своими. Герцог Голштинский и супруга его Анна Петровна вынуждены были оставить Россию в июле 1727 г.; со всею свитою отправились они в Киль. Там некоторое время жили они пышно на счет миллиона рублей, полученного царевною в приданое и исправно выданного Меншиковым при отпуске их из России, но после, когда желали продолжать тот же великолепный образ жизни, вошли в долги. Герцог по кончине супруги своей* обрел единственную надежду в переговорах, открытых в середине 1728 г. на конгрессе в Соассоне. Державы, коих распри и требования должны были разрешиться на сем конгрессе, изъявили согласие принять на оный и посланника Голштинского герцога. В сем качестве прибыл граф Бассевич, получив от герцога на содержание свое 50 000 рейхсталеров, ежегодно производимых сему принцу от венского двора. Посланник жил пышно, давал пиры, но ничего не исходатайствовал. Кардинал Флери сказал однажды: «Не понимаю, как государь, жалующийся на скудное положение свое, может производить каждый год 50 000 рейхсталеров на прожиток своему министру».

---

* Анна Петровна скончалась в Голштинии в 1728 г. после родов Карла-Фридриха-Ульриха, бывшего потом российским императором под именем Петра III; тело этой государыни перевезено водою в Петербург и погребено в Петропавловском соборе. — *Примеч. рук.*

О князе Меншикове
(Зап. Маншт., стр. 16—18)

Общее мнение о происхождении князя Меншикова, что он сын придворного конюха*; что в бедном своем состоянии, ходя по городу, продавал подовые пироги. Однажды Петр Великий, услышав за обеденным столом забавные и веселые напевы Меншикова, велел позвать его во дворец. «Продай мне горшок с пирогами», — сказал смеясь император. Меншиков, нимало не робея, отвечал: «Пироги охотно продаю вашему величеству, но горшка без приказаania хозяйского продать не могу, а если вашему величеству угодно купить и оный, то прошу позволить мне спросить об оном у хозяина». Ответ сей, показавший отменное послушание мальчика, крайне понравился государю, помышлявшему о введении в войске строжайшего чинопочитания. Продолжая разговаривать с Меншиковым, царь доволен был скорыми и остроумными его ответами. Благородная и осанистая наружность Меншикова тоже понравилась Петру. Государь тот же час записал его в новозаведенную потешную роту, учрежденную по образцу европейских войск, и поручил особенному надзору и попечению известного Лефорта. Вскоре потом определил сего молодого мальчика денщиком при особе своей и отменно доволен был необыкновенной деятельностью его.

Милость и доверенность монаршая к сему любимцу счастья непрерывно возрастали. Меншиков скоро производился в чины, достиг всех почестей, соделался первым богачом и важнейшею особою в России. Главное достоинство Меншикова состояло в точнейшем исполнении велений государя. Никогда не дерзал он представлять возражение, обретаясь в школе величайшего из царей, какой только появлялся в мире. Сопутствуя ему в войне и в путешествиях, Меншиков опытом, долговременной службою и упражнением в важнейших государственных делах легко приобрел многие сведения. Но просвещение его было вовсе неважное. Словом, князь сей был необразованный баловень фортуны.

**О преднамеренном бракосочетании царевны
Елизаветы Петровны с маркграфом
Бранденбургским**
(Зап. Маншт., стр. 24)

Может быть, что при Петре II помышляли выдать царевну Елизавету Петровну за маркграфа Бранденбургского Карла, но вскоре

---

* В тогдaшнее время придворные конюхи по большей части были из бедных дворян и детей боярских. См. примечание 2-е Болтина на историю Леклерка, том II, стр. 463. — *Примеч. рук.*

по восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны прусский двор чрезвычайно домогался бракосочетания сего принца с Мекленбургскою принцессою Анной, племянницей императрицы. Переговоры о сем приближались к концу, и даже портрет маркграфа Карла был повешен в комнате молодой принцессы, как внезапно новая политическая система петербургского кабинета, учрежденная по заключении союза с венским двором, прервала дальнейшие покушения Пруссии. Император Карл VI предложил в супруги принцессе Анне племянника своего Антона-Ульриха, принца Брауншвейг-Вольфенбюттельского, который и не замедлил отправиться в Петербург.

О некоторых случаях при кончине Петра II

(Зап. Маншт., стр. 25—26)

О подлоге духовного завещания Петра II представили доказательства. Князь Сергей Григорьевич Долгорукий обвинен был и признанся в сочинении оного начерно; за сие князь Сергей Долгорукий лишен всех достоинств и колесован в Новгороде 26 октября 1739 г. Г. Манштейн заблуждается, рассказывая, будто князь Иван Алексеевич Долгорукий* в самое мгновение кончины Петра II, выйдя с обнаженною шпагой из комнаты, где скончался государь, провозгласил императрицею обрученную сестру свою княжну Екатерину Алексеевну**. Сего не было, и на таковой дерзновенный поступок не мог решиться князь Долгорукий, не ведая еще о преднамерениях Верховного совета, собравшегося для обсуждения и решения о наследии трона. Все же, что потом сочинитель говорит о избрании герцогини Курляндской, о причинах, побудивших предпочесть ее другим особам царского дома, и об условиях, на коих желали вручить ей державу, согласно с истинною.

---

* Князь Иван Алексеевич, сын действительного тайного советника и члена Верховного тайного совета, наперсник императора Петра II, при кончине этого государя едва вступил на 19-й год; блистательные, несмотря на молодость, связи, обручение сестры его с монархом доставили ему важнейшие почести: он был обер-камергером, гвардии Преображенского полка майором, кавалером св. Андрея и св. Александра. Этот князь с другими несчастными Долгорукими при Анне Иоанновне лишен был всех почестей и колесован в Новгороде.

** Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая, дочь действительного тайного советника князя Алексея Григорьевича, вторая невеста Петра II, получила орден св. Екатерины в день обручения в 1730 г.; по восшествии на престол Анны Иоанновны лишена была ордена и сослана вместе с родителем своим в ссылку, откуда при Елизавете возвращена, и вступила в супружество с генералом графом Александром Брюсом. — *Примеч. рук.*

О графе Остермане

(Зап. Маншт., стр. 27)

Может быть, что граф Остерман, старый и подверженный болезням человек, находясь неотлучно по званию обер-гофмейстера возле умирающего от оспы Петра II, действительно изнурился и занемог. Может статься, что под предлогом болезни желал он и уклониться от присутствия в совете при крайне затруднительном рассуждении о наследии. Не разрешая сего, заметим, что если бы граф Остерман явился в Верховный совет и пожелал бы защищать духовное завещание императрицы Екатерины I, то не оказал бы важной услуги дочери ее. Завещание сие, за два года пред тем обнародованное, у всех находилось в свежей памяти. Долгорукие и Голицыны хорошо знали о существовании и о содержании оногo, но они никак не хотели видеть на престоле дочь Петра I и решительно объявили, что по известным им причинам царевна Елизавета долженствует быть устранена от престола. Нельзя опровергать мнения г. Манштейна, что может быть, если бы Елизавета Петровна предстала перед народом, то оный и войско, приняв участие в судьбе сей царевны, вручили бы ей державу, но известно, что болезнь, от которой тогда не совсем еще она оправилась, не допустила ее прибегнуть к сему средству.

Впрочем, оставляем на суд беспристрастного читателя решить, можно ли было в сем случае обвинять графа Остермана в оскорблении величества и объявить, что он утаил завещательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всей России и напечатанную во всех публичных ведомостях того времени?

Однако Елизавета по восшествии своем на престол не только обвинила графа Остермана, министра редких достоинств, оказавшего России важные услуги, но едва не на самом лобном месте остановила занесенную над главою его руку палача. Остерман с другими первейшими государственными мужами сослан был в заточение. Все преступление их состояло в том, что сохраняя верность присяге, данной императрице Анне Иоанновне, признали они, согласно с волей и определением ее, наследником всероссийского престола Иоанна Антоновича, которого, по силе узаконения Петра Великого, Анна Иоанновна имела полную свободу, право и власть назначить. Заметить надлежит, что та же самая государыня, которая с такой строгостью и неправосудием поступила против Остермана и других с ним сосланных, оказала милость и снисхождение Долгоруким, возвратив их из заточения и возведя в прежнее достоинство, хотя именно Долгорукие в 1730 г. исключили ее от права наследия. Благоволение ее простерлось и на бывшего герцога Курляндского Бирона: возвратив его из Сибири, императрица пожаловала ему на содержание

по 6000 рублей ежегодно и определила для жительства его дом в Ярославле. Кажется, Елизавета думала, будто бы Бирон, поссорясь во время регентства с принцем Брауншвейгским, помышлял о возведении ее на престол, почему и оказала ему таковое благодеяние.

***Об отправлении Сумарокова графом Ягужинским
к Анне Иоанновне с извещением о замыслах
Верховного совета***

(Зап. Маншт., стр. 28)

Не чрез г. Сумарокова, отправленного графом Ягужинским, Анна Иоанновна получила первое известие о избрании ее на российский престол и об условиях, на которых Верховный совет предполагал вручить ей скипетр правления. Граф Карл-Густав Левенвольде, находившийся тогда камергером при российском дворе, отправил тайным образом нарочного к старшему брату своему Рейнгольду, жившему в Лифляндии. Посланный, переодетый в крестьянское платье, вышел пешком за заставу города, сел в приготовленные в некотором расстоянии сани, употребил возможную поспешность и удачно прибыл в Лифляндию с письмом графа Карла Левенвольде. Граф Рейнгольд тотчас поскакал в Митаву и первым подробно донес Анне Иоанновне о распоряжениях московского Верховного совета. Таковой опыт приверженности графов Левенвольде приобрел полную доверенность императрицы Анны, которая вскоре возвела их на первые степени в государстве*.

***О старании Анны Иоанновны приобрести на свою
сторону приверженцев***

(Зап. Маншт., стр. 29)

Анна Иоанновна не имела ни малейшей надобности ни ссорить членов Верховного совета, ни обольщать подарками гвардию. По прибытии в Москву она нашла множество к особе ее [приверженных] сердец. Российское дворянство, привыкшее в течение многих столетий повиноваться самодержавной власти, дышащее неимоверной любовью к монархам своим, с сокрушением взирало на деспотическую аристократию, сосредоточившуюся в двух фамилиях, которые,

---

* Граф Рейнгольд Левенвольде был обер-гофмаршалом и кавалером св. Андрея и св. Александра. В 1742 г., по восшествии на престол Елизаветы Петровны, с другими знаменитыми вельможами учинился несчастною жертвой неправосудия и был сослан в заточение в Соликамск, где и умер в 1758 г. Граф Карл, умерший в 1735 г., был обер-шталмейстером, генерал-поручиком, генерал-адъютантом и гвардии Измайловского полка подполковником; имел орден св. Андрея. — *Примеч. рук.*

по всей вероятности, все почести и милости изливали бы единственно на одних своих приверженников. Действительно, какое другое правление может быть прочнее, полезнее, славнее для государства (а особенно для столь обширного, как Россия), чем самодержавное? Мудрый, человеколюбивый, а следовательно, и попечительный о благе подданных своих, самодержец все ветви народоправления объемлет недремлющим взором, всемогущею дланью приводит в безостановочное движение. Итак, многие дворяне, военные и гражданские чиновники, одушевленные любовью к престолу, не хотели долее видеть ограниченной власть государыни, прибегнули к князьям Ивану Юрьевичу Трубецкому и Алексею Михайловичу Черкасскому, просили сих бояр быть их путеводителями и от имени всех их преподнести императрице прошение, дабы она благоволила самодержавно царствовать по подобию предшественников своих.

Упомянутые князья склонились на предложение. Оставалось только узнать образ мыслей императрицы, за поступками которой тщательно присматривали князья Долгорукие. Тайну сию вверили госпоже Салтыковой, родной сестре жены князя Черкасского, а князя Трубецкого — племяннице. Г-жа Салтыкова, имевшая свободный доступ ко двору, немедленно известила Анну Иоанновну о замысле, в пользу ее предприятия и легко получила соизволение государыни. В назначенный день императрица, взойдя на трон, допустила пред себя просителей и повелела позвать всех членов Верховного совета. В присутствии их приняв прошение, указала громгласно прочесть оное; потом, спросив перо, своеручно написала на прошении: *Быть по сему* и, потребовав акт, на который вынужденно согласилась она в Митаве, изорвала его в лоскутки. Вот все, что происходило при восстановлении самодержавия в России, но речей, и даже вопросов и ответов, о коих упоминает г. Манштейн, вовсе не было. Граф Матвеев не мог произносить приписываемой ему речи, ибо он умер до вступления на престол Анны Иоанновны.

Тотчас по восприятии прав предков своих императрица пожаловала генерала Семена Андреевича Салтыкова генерал-адъютантом и подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, а князю Василию Лукичу Долгорукому, которого под предлогом начальства над гвардией, но в самом деле для надзора за поступками государыни Верховный совет поместил во дворец, — повелела удалиться из оногo. Императрица могла совершенно полагаться на верность умного и благородно мыслившего Салтыкова: вельможа сей происходил от младшей линии того самого дома, от которого рождена была мать государыни царица Прасковья Федоровна. Потом Анна Иоанновна повелела собрать гвардию и приняла от нее новую присягу; для сего же посланы были нарочные во все губернии. Не замедлила также отправить гонца в Курляндию с повелением Бирону

в самоскорейшем времени прибыть в Москву. При подписании договора в Митаве истребовано было, чтобы Бирон, как опасный для государства человек, отнюдь не въезжал в Россию.

О фельдмаршале князе Долгоруком

(Зап. Маншт., стр. 32)

Напрасно г. Манштейн обвиняет принца Гессен-Гомбургского в доносе на фельдмаршала князя Долгорукого*. Князь сей единственно за невоздержности языка своего дважды сослан был в заточение: первый раз за площадную пословицу, употребленную им в разговоре с царевичем, несчастным сыном Петра I; другой раз — за оскорбительные слова, произнесенные на счет императрицы Анны. По возвращении из ссылки в царствование Елизаветы Петровны князь Долгорукий был пожалован президентом государственной военной коллегии. Грубыми поступками и непристойными шутками лишил он Россию многих превосходных иностранных офицеров, и между прочими двух генералов, которые впоследствии пред лицом всей Европы ознаменовали отличные и самые блистательные дарования свои в военном мастерстве: я говорю о Левендале и Кейте.

О перемене Бироном настоящей своей фамилии

(Зап. Маншт., стр. 35)

Справедливо, что наперсник Анны Иоанновны переменял настоящую свою фамилию Бирен на Бирон, но ложно, что он принял герб сего дома французских герцогов. Герб, пожалованный Бирону при возведении его императором Карлом VI в графское достоинство, совсем различествовал от первого. Впрочем, герцог Курляндский, желая вывести происхождение свое от французских Биронов, имел по сему предмету переписку со старшим герцогом сей фамилии, который отвечал: «Мне вовсе неизвестно, чтобы кто-нибудь из фамилии нашей переселился в другие государства, но если один из владетельных европейских государей почитает себя происшедшим от французского дворянства, то сим делает он честь народу французскому».

---

* Князь Василий Владимирович при Петре Великом был генерал-поручиком и получил от этого монарха орден св. Андрея; при Екатерине I пожалован в полные генералы; при Петре II возведен в фельдмаршалы; находился членом тайного кабинета и лейб-гвардии Семеновского полка подполковником и получил иностранные ордена Белого Орла и Слона; в 1730 г. лишен всех чинов и знаков отличий и сослан был в заточение; при Елизавете возвращен из ссылки, получил прежние почести и, сверх того, орден св. Александра; будучи президентом военной коллегии, умер в 1746 г. — *Примеч. рук.*

Продолжение о Бироне

(Зап. Маншт., стр. 35—36)

Бирон был умен, и хотя он никакого языка не знал порядочно, но от природы одарен был красноречием. Кто сказал г. Манштейну, будто бы Бирон не имел рассудка здорового, тот худо знал сего герцога. Единственно исхитив титул регента, сей любимец счастья мгновенно потерял его.

О португальском принце доне Эмануэле

(Зап. Маншт., стр. 39)

Весьма естественно, что Бирон не согласился и не одобрил намерения графа Вратислава, венского министра, предлагавшего о бракосочетании императрицы Анны Иоанновны с португальским принцем доном Эмануэлем. Принц сей приезжал в Москву; невзирая на любезность его, нимало не понравился; будучи принят весьма вежливо и получив богатые подарки, без всякого успеха возвратился он в Вену. Но несправедливо заключение г. Манштейна: «к счастью, что в то время венский двор не имел надобности в помощи России», ибо именно в то время помышляли уже исходатайствовать от России поручительство по прагматическому уложению Карла VI, а щедрые подарки и почести отличные, оказанные сим монархом Бирону, достаточно убеждают, что венский кабинет тщательно домогался о снискании содружества России. Впрочем, венский ли двор намеревался сочетать дону Эмануэля или только сам принц сей помышлял об оном, но достоверно, что император, желая сблизиться с Россиею, не замедлил предложить о супружестве племянника своего с принцессой Анной Карловной.

Об адмирале Сиверсе

(Зап. Маншт., стр. 41)

Г. Манштейн несправедливо почитает графа Миниха виновником наказания, претерпенного адмиралом Сиверсом и г. Финком. Петр II, отправясь в Москву, вверил главное начальство в С.-Петербурге Миниху; императрица Анна по вступлении своем на престол, подтвердив его в сем звании, препоручила ему тщательно наблюдать за поступками недовольных. Когда граф Миних приводил к присяге на верность службы новой императрице войско и граждан Петербурга, г. Сиверс оказал некоторые затруднения и медлил привести к присяге подчиненных ему морских служителей. В то же время гг. Сиверс и Финк весьма неосторожно рассуждали о сделанном несправосудии в исключении от наследия престола царевны Елизаветы. Священный долг верности повелевал Миниху довести сие до сведения

двора. Следующий случай еще более показывает безрассудство г. адмирала. Граф Миних по случаю восшествия на престол Анны Иоанновны давал празднество, на которое приглашен был и г. Сиверс; за столом граф, подавая бокал шампанского, предложил Сиверсу выпить за здоровье новой императрицы. Последний отказался, сказав: «Тогда выпью, когда получу из Москвы достовернейшие известия». От самого графа Миниха слышал я о сем.

О китайском посольстве

(Зап. Маншт., стр. 43)

Китайское посольство, о коем упоминает г. Манштейн, не есть первое к российскому двору. Присланное в предшествовавшем году, таковое же прибыло в Москву с поздравлением о восшествии на престол Анны Иоанновны и с испрошением свободного пропуска чрез сибирские губернии для посольства, назначенного от китайского императора к калмыцкому хану. Посольство сие при российском дворе было принято милостиво, успело в переговорах и возвратилось в Китай с особенным удовольствием. В следующий год, т. е. в 1732 г., прибыло в С.-Петербург вторичное, упоминаемое г. Манштейном. Оно состояло из трех послов; главный из них в произнесенной речи, между прочим, упоминает, что китайский император повелел им принести российской императрице благодарность за благосклонное принятие первого посольства, засвидетельствовать о чувствах дружества повелителя их и поднести ее величеству подарки.

Императрица, сидящая на троне, окруженная пышным двором, приняла китайское посольство. Послы, войдя в тронную, немедленно стали на колена и, во все продолжение аудиенции находясь в сем раболепном положении, каждый раз при произношении имени ее величества падали ниц. Свита посольская при отверстых дверях из тронной пребывала в другой комнате, так же на коленях стоя и падая ниц вместе с послами своими.

Подарки состояли в фарфоре, статуэтках, украшенных кораллом и жемчужною маткою, в шелковых тканях, разрисованных и позлащенных обоях, в небольших лакированных бумажных приборах и в превосходном чае.

Несправедливо говорит г. Манштейн, что в Петербурге недовольны были поведением сего китайского посольства. Напротив, я сам неоднократно имел случай видаться и разговаривать с послами и с прочими чиновниками, к свите принадлежавшими: все они были люди вежливые, рассудительные и обходительные. Даже с услугою своею никогда не слыхано о дурных поступках сего посольства.

О размовке графа Миниха с Бироном

(Зап. Маншт., стр. 46—47)

Доверенность, которою пользовался граф Миних, поколебалась прежде путешествия императрицы Анны Иоанновны по Ладожскому озеру. Причины сему были следующие. В России весьма обыкновенно, что человека, пользующегося благоволением двора, если он успешно отправляет службу свою, почитают способным ко всем делам и возлагают на него премножество разнообразных должностей. Граф Миних, честолюбивый, ревностный, деятельный, неутомимый, не отрекался ни от какого поручения. В одно и то же время был он фельдмаршалом над войском, членом тайного Кабинета, президентом военной коллегии, генерал-фельдцейхмейстером, генерал-директором над фортификациями, главным директором Ладожского канала и генерал-полицеймейстером. Занимая такое множество важнейших обязанностей, можно ли отправлять их успешно? Можно ли угодить всему обществу? Особенно преобразование, учиненное им в гвардии, навлекло на него негодование знатных. Граф Миних уничтожил в гвардейских полках звание капитан-поручика, не существовавшее в царствование Петра Великого, и всех капитан-поручиков перевел в армию: старших — подполковниками, а младших — майорами. Сие крайне не понравилось сим господам, большей частью знатной породы; до того времени спокойно выжидали они в гвардии капитанского чина и потом уже с чином полковника, а иногда и бригадира, переходили в армию.

Младший граф Левенвольде был начальником и основателем одного из гвардейских полков, а именно Измайловского. Преобразование произведено во время отсутствия и, кажется, против желания его. Оскорбленный Левенвольде, находившийся при дворе в большой силе, по возвращении из чужих краев старался мстить Миниху и разными происками вредил ему. С другой стороны, жалобы, принесенные на строгость, может быть, справедливую по должности генерал-полицеймейстера, произвели на императрицу неприятное для Миниха впечатление. Представление же о следующем предложении французского двора поссорило его с Бироном.

Расстроенное здоровье Августа II, короля польского, предвещало скорую кончину сего государя. Станислав Лещинский, венчанный Карлом XII, низверженный с престола Петром I и изгнанный из отечества непостоянством польского народа, влачил с собою пустозвучный титул короля из одного убежища в другое. Наконец среди жесточайших бедствий сего государя фортуна совсем неожиданно посадила на французский трон дочь его. Тогда версальский кабинет возжелал возвратить родителю супруги Людовика XV утраченную корону. Вследствие сего кардинал Флери поручил французскому поверенному в делах, находившемуся при русском дворе,

разведать мысли о сем предмете петербургского Кабинета и сделать оному внушения, что в случае согласия его на восстановление Лешинского версальский двор обязывается преклонить турок возвратить России Азов и отказаться от некоторых статей Прутского договора. Поверенный первоначально отнесся к графу Остерману, но не достигнув успеха, обратился к фельдмаршалу. От него он был принят лучше; Миних нашел предложение французского двора достойным уважения; представив об оном императрице, Миних весьма некстати желал убедить Бирона о выгодах предложения версальского министерства. Незадолго пред тем без ведома фельдмаршала и скрытно от него заключили новые обязательства с венским двором. Император никак не соглашался видеть тестя французского короля, а Бирон, помышляя уже сделаться герцогом Курляндским, желал непременно доставить польскую корону такой особе, от которой мог он ожидать бесприкословного утверждения в сем достоинстве.

Однако до возвращения графа Левенвольде вещи оставались в прежнем положении. Левенвольде прибыл из Германии, где он заключил новый союз с венским двором, избрав в женихи принцессе Анне Брауншвейг-Вольфенбюттельского принца, не замедлил представить сильные возражения против предложений французского министерства; доказывал неосновательность оных, осуждал в сем случае поступок фельдмаршала и убеждал Бирона, дабы Миниха, как человека всей душою преданного французам, устранить от министерства.

Под предлогом помещения принцессы Анны графу Миниху (велено) очистить комнаты, занимаемые им в казенном доме, имевшем непосредственное сообщение со дворцом. В то же время императрица подарила фельдмаршалу дом, купленный у графа Остермана; впрочем, в сем случае не требовали излишней поспешности, предоставляя Миниху свободу исподволь перебираться в новый дом. Надлежит заметить, что после этого происшествия фельдмаршал добровольно, не имея никакого особенного повеления, перестал ездить на собрания Кабинета.

Отправление графа Миниха в Польшу

(Зап. Маншт., стр. 52)

Трудно согласиться с г. Манштейном, чтобы графу Миниху вверена была российская армия, в Польше находившаяся, с тем намерением, дабы, удалив его от двора, погубить в случае неудачного действия против Данцига. Хотя справедливо, что в сие время охладело дружество могущественного наперсника к фельдмаршалу, но он не переставал уважать дарования сего полководца. Предлежало предприятие, успех которого долженствовал решить судьбу двух сопер-

ников, состязавшихся о польском престоле. Находили, что генерал Ласи медленно производил военные действия, а потому почли необходимым назначить в Польшу предприимчивейшего и деятельнейшего предводителя. Граф Миних отправился из Петербурга наскоро, ночью и весьма тайно, поспешно ехал, а по прибытии в Польшу немедленно принял начальство над войсками.

Ожидание петербургского двора оправдалось: несчастный Гданьск убедился в важной истине, что малосильным владениям не следует мешаться в распри великих держав. Свет видел, с каким успехом россияне действовали в сей войне. При каждой встрече поражали они поляков, которые никогда не дерзали противостать десяти русским. Таково превосходство ума и благоустройства над беспорядочным многолюдством.

Об осаде Гданьска

(Зап. Маншт., стр. 54—55)

Главные силы, предназначенные к осаде Гданьска, находились еще в окрестностях Варшавы. Фельдмаршал, ослабленный потерей при неудачном нападении на гагельбергское укрепление, предписал г. Люберасу, начальствовавшему над упомянутыми войсками, немедленно приступить к Гданьску. Генерал сей послушался, угождая воле графа Левенвольде-младшего, бывшего тогда в Варшаве российским послом и помышлявшего более о личной своей безопасности в таком городе, который окружен был войсками, сторону Лещинского державшими. Фельдмаршал дал вторичное повеление старшему после Любераса генералу тотчас выступить к Гданьску, а Любераса, уповавшего на покровительство могущественного Левенвольде, приказал за оказанное послушание арестовать. Похвальная строгость, которую надлежит всегда употреблять против тех, кто, в бессмыслии своем, возлагают надежду на побочные опоры, не дорожат пользой отечества и не повинуются повелениям начальства.

Прибытие французской флотилии на помощь к Гданьску

(Зап. Маншт., стр. 56)

Флотилия французская, прибывшая на помощь к городу Гданьску, состояла только из трех военных кораблей и нескольких перевозных судов. На сей эскадре находились три пехотных батальона десантного войска. Слабым этим отрядом расчетливый Флери думал споспешествовать возведению Лещинского на престол польский. Начальствовавший над эскадрою г. Бараль, высадив сухопутные войска, успел благовременно отплыть и таким образом избежал опасности быть окруженным российским флотом, прибывшим уже

к Пиллау. При сем случае удалось ему захватить один русский фрегат, много удалившийся от своей дивизии. Капитан Фремери, начальствовавший над фрегатом, при встрече одного с французской эскадрой был приглашен г. Баралем на корабль; не зная ничего о разрыве с Францией, Фремери согласился на приглашение и едва вступил на корабль, как фрегат русский был окружен всею французскою эскадрой с угрозой потопить его. Силы были слишком несоизмерны, ничего не оставалось, как сдаться.

Об отправлении французских военнопленных

(Зап. Маншт., стр. 57—58)

Французы удержаны были в России до возвращения захваченного Баралем фрегата; они содержались между Нарвою и Петербургом. Оттуда, когда версальский двор возвратил упомянутый фрегат, отправили их во Францию. Императрица, любопытствуя видеть отличнейших из пленных офицеров, призвала в Петербург бригадира Деламота и полковников Бельфона и Люцерна. Офицеры сии были представлены государыне, милостиво ею приняты и приглашались ко двору. Поскольку французские пленные отправлялись поздно осенью, то императрица велела каждого рядового снабдить овчинным тулупом. Хотя по монаршей милости предохранены они были от стужи, но не менее того потерпели от бурь, и едва ли половина сих пленных возвратилась в отечество свое.

Почему мало пользы приобретено от турецкой войны

(Зап. Маншт., стр. 62 и след.)

Россия не извлекла пользы от турецкой войны, веденной при императрице Анне, потому что венский двор, встревоженный несчастьем оружия своего, поторопился заключить мир с Портой. В начале война сия предвещала конечное изгнание оттоманов из Европы. Но фортуна обыкновенно прилепляется к уму и искусству. Австрийцы плохо располагали действиями своими, а потому много утратили из прежней своей воинской славы. Предавшись страху, лишились они Белграда, надежнейшего оплота, ограждающего пределы их. Турки в сей войне вели себя благоразумно, по приличию противопоставляли они неприятелю мужественный отпор или медлением и уклонением от битв утомляли и расстраивали его. Россияне похвально торжествовали над турками, покорили много крепостей и областей неприятельских, покрыли оружие свое славою. Истратив на сию брань знатные иждивения, потеряв множество народа, россияне наконец были оставлены робким союзником и единственно по сей причине не приобрета существенных выгод от кровопролитной войны, должныствовали приступить к миру.

О графе Ласи (Зап. Маншт., стр. 88)

Графы Миних и Ласи никогда не были в явной ссоре. Петр Петрович Ласи, видевший возрождающуюся славу российского оружия при Петре Великом, никогда не вмешивавшийся в дела государственных, посевший на полях брани, был человек самый кроткий, обходительный, хладнокровный, любимый ратником и дорожающий кровью его. Всегда беспрекословно повиновался он всем начальникам, от правительства назначаемым. Хотя всегда по службе и по чину генерал-аншефа был он старше Миниха, но терпеливо перенес пожалование последнего в фельдмаршалы и без малейшего затруднения служил под начальством его при осаде Гданьска. К чести Ласи упомяну, что и великий Евгений уважал его. Ласи пожалован фельдмаршалом в 1736 г., а в 1739 — графом Российской империи; имел ордена св. Андрея и св. Александра; умер в Риге, где был генерал-губернатором, в 1751 г.

Рассуждение о кампании россиян 1736 г. (Зап. Маншт., стр. 87—91)

Бытописание всех времен доказывает, что наилучшим образом предначертанные и обдуманые предприятия главноначальствующего не получают часто успеха по нерадению, оплошности, безмыслию, а иногда по злонамеренным видам исполнителей и других лиц, должствующих споспешествовать при произведении оных. Г. Манштейн, выдающий себя за ревностного почитателя графа Миниха, напрасно приписывает ему ошибки кампании 1736 г. Ибо сам г. Манштейн сознается, что «фельдмаршал истощил все средства и употребил всю заботливость для учреждения магазинов» и что «не он, но военные комиссары были виновны за недостаток подвод для перевоза провианта» (стр. 87). Потом говорит: «Лучше б было открыть кампанию двумя месяцами позже, нежели вести армию в удаленную сторону и подвергаться опасностям голода в единственной надежде, что, может статься, возможно будет продовольствовать оную на счет неприятеля» (стр. 87). Заключение сие вовсе несправедливо, потому что фельдмаршал учинил все потребные распоряжения к продовольствию армии, учредил в Украине знатные хлебные и других жизненных припасов магазины, собрал потребное для перевозок число людей, лошадей и быков, дабы иметь свободное сообщение с главным хранилищем; построил на пути, по коему шла армия, редуты с приличною в оных обороною. Миних сделал все, что требовать должно от умного и попечительного вождя, следственно, вина в неприбытии подводов непосредственно падает на провиантских чиновников и на князя Трубецкого, коему перевозка сия была поручена. И мог ли фельдмаршал, отправляясь в армию, предвидеть такую

пагубную неисправность? Говоря, что лучше бы было открыть кампанию двумя месяцами позже — то есть в исходе июля, — г. Манштейн не обратил внимания на одно важное обстоятельство. В сие годовое время в степях, чрез которые граф Миних долженствовал вести войска, трава совсем высыхает и легко возгорается. Татары не упустили бы зажечь степи, и тогда армия наша, лишенная возможности доставать корм для лошадей, никак не могла бы ни на шаг вперед продвинуться. Напоследок г. Манштейн укоряет фельдмаршала в жестокости, что он без надобности утомлял войско; что вместо того дабы пользоваться прохладой ночей, выступал чрез два или три часа по восхождении солнца, отчего войско подверглось многим болезням (стр. 87).

На сии укоризны отвечаю: часто называют генерала жестоким, если он, подобно графу Миниху, старается восстановить благоустройство и наказывает негодяев. Невнимательным людям кажется утомлением войска то, когда полководец, поступая по правилам военного искусства, безостановочно преследует неприятеля, дабы открыть себе пути в страну, где ожидает его избыточное продовольствие. Вероятно, что и фельдмаршал желал бы воспользоваться ночью прохладой — время, в которое татары, предаваясь сну, оставляют неприятеля в покое, — но тогда и российское войско, утомленное ночным походом, неминуемо бы должно было отдохнуть уже днем для восстановления сил. Кто бы удержал бодрствующих татар? Они бы беспрестанно нападали и тревожили русских. И таковые — среди успокоения и отдыха — нападения неприятеля не более ли истощили бы войско наше, чем поход в знойный день? Итак, великий урон в людях (если справедливо показание о сем г. Манштейна), понесенный россиянами в эту кампанию, надлежит относить не малой проницательности главноначальствующего и даже не упрямству его по следующим причинам: 1) армия, проходя чрез пространные степи, на которых взор ничего не встречал, кроме камыша, непрестанно должна была отражать нападения буйных татар; почти на каждом шагу встречали их. Отбитые в одном месте, исчезали они и вмиг появлялись в другом. Ограждались от неприятеля рогатками, отражали его пушечными выстрелами, высылали против него казаков и легкую конницу. Нередко случалось, когда ветер бывал противный русским, татары зажигали траву. Тогда не оставалось иного средства, как наскоро вырыть ров и сделать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя. Все таковые непрерывные стычки не могли происходить без потери людей. Тягостный поход, труды и работы неминуемо должны были изнурять войско. 2) В сих степях часто не находили ручьев для утоления жажды, и хотя фельдмаршал имел попечение везти в обозе множество бочек и наполнить оные пресною водою, но может ли таковая вода вознаградить

недостаток речной или ключевой? Обстоятельство сие также немало споспешествовало потере людей. 3) Бой в Черной долине, покорение перекопской линии, охраняемой турецким гарнизоном и всеми силами татарскими, покорение Кинбурна и Бахчисарая — словом, занятие Крыма стоило много народа. 4) На опустошенном полуострове не обретали пищи, привычной русскому ратнику, и часто нуждались в пресной воде. 5) Нездоровый климат, соединившись с неносной жарой и засухой, произвел в войске многие болезни.

О покорении Очакова

(Зап. Маншт., стр. 97—103)

Здесь можно приложить графу Миниху известное изречение: «Пришел, увидел, победил». Невзирая на мнение сочинителя «Записок о России», граф Миних весьма искусно решился на единственный способ, во власти его остававшийся. Лишенный всех пособий, необходимых при осаде; увидев пагубную неисправность нерадивых чиновников, долженствовавших доставить подводы водою по Днепру; тщетно ожидая прибытия с сими подводами князя Трубецкого; вступив в землю бесплодную; не имея на несколько миль вокруг потребного леса на делание фашин; нуждаясь в лугах для корма лошадей, — что лучшего мог придумать граф Миних, как не решиться на средство, внушенное мужеством его? Однако г. Манштейн осуждает фельдмаршала, что он двинул на приступ, не имея плана, не обозрев местного положения и без всякой пощады войска. Но порицатель долженствовал бы заметить: 1) что не всегда можно достать исправные и верные планы чужих крепостей; что российский двор при открытии войны с Портою не имел никакого плана Очакова. Что надлежало довольствоваться тем, который наскоро и, может быть, во многих местах по соображению снял инженер, посланный в крепость с некоторыми поручениями к сераскиру. 2) Происшествия так быстро следовали одно за другим, что не оставалось фельдмаршалу времени исследовать силу укреплений, чего всеконечно не оставил бы учинить Миних, если бы предстояла правильная осада. 3) Не с тем намерением повел он войско к стороне крепости, лучше укрепленной, чтобы произвести приступ, но сим средством желал единственно озаботить гарнизон и воспрепятствовать ему тушить усилившийся от бомбардирования пожар; напоследок скажем, что если осуждают Миниха за то, что он учинил нападение на покрытый путь, в который почти весь гарнизон бросился, укрываясь от пламени, пожиравшего Очаков, и что при сем случае осаждающие потеряли много народа, то с равною несправедливостью можно укорять его и за покорение в 24 часа крепости, управляемой храбрым сераскиром, охраняемой 20 000 отборного войска, образованного известным Боневалем, и вооруженной многочисленной артиллерией.

Быть может, что отозвав на некоторое время от гласиса торжествующее войско, уменьшил бы фельдмаршал ужасное кровопролитие, которому подвергся гарнизон; но подобные движения в виду неприятеля, в отчаяние приведенного, нельзя производить [для] собственных сил без величайшей опасности. Разразившаяся бомба целый пороховой погреб подняла на воздух, потрясла и низринула прилежащие строения, увеличила и пожар и ужас. Итак, надлежало воспользоваться смятением гарнизона и среди пламени, пожирающего город, не теряя ни одного мгновения, внести победоносное оружие внутрь крепости.

О ссоре графа Миниха с Кейтом

(Зап. Маншт., стр. 103)

Невзирая на неудовольствие, причиненное графом Минихом г. Кейту при нападении на покрытый путь Очакова, при чем г. Кейт опасно был ранен в колено; невзирая, что неудовольствие сие произвело между ними охлаждение дружества, — невзирая на все это, оба полководца не переставали уважать друг друга. Следующий случай послужит доказательством заключению моему. Г. Кейт после возмущения гвардии в стане перед Выборгом, негодуя на беспорядок и ослушание, водворившееся в войсках под начальством фельдмаршала графа Ласи, в присутствии многих офицеров сказал: «Очень приметно, что не Миних предводительствует сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился он пред лицом их: с появлением Миниха все бы приняло иной вид!»

О кампании, в 1737 г. произведенной

(Зап. Маншт., стр. 131)

Фельдмаршал, вынужденный в прошедшем году вести армию свою чрез необитаемые степи, и тогда весьма желал взять направление чрез польскую Украину; но в 1736 г. российский двор тщательно уважал неприкосновенность областей польской Украины, всевозможно остерегаясь подать приверженникам Станислава малейший повод к вооружению, желал весь польский народ расположить к признанию Бирона Курляндским герцогом. Но когда все сие совершилось и Бирон был утверждён в своем достоинстве, тогда перестали щадить поляков и граф Миних получил повеление выступить в Молдавию кратчайшим путем. Потребовали от республики позволения провести армию и, не дожидая ответа, немедленно ввели войска в польские пределы. Предъявив, что необходимость, не покоряющая себя никаким законам, принудила предпринять сей поход, обещали наблюдать строжайшее благочиние и за все припасы платить наличными деньгами. Сначала, когда российские знамена приближались

к границам республики, поляки громогласно кричали, что никак не допустят нарушить нейтралитет. Но когда увидели себя окруженными российскими силами, вмиг умолкли и смирились.

О письме графа Миниха к князю Лобковичу

(Зап. Маншт., стр. 145—150)

Письмо сие, лучше написанное на немецком языке, нежели переведенное на французский, наделало много шума. Венское министерство принесло жалобу за оное, но петербургский двор изъявил свое удовольствие графу Миниху. Сама Австрия не могла скрыть справедливого негодования к торопливости, с которою Нейперг и Валлис при посредстве французского министра маркиза Вильнева заключили постыдный мир. Мир сей исхитил у России весь плод побед и завоеваний и вовсе разрушил принятое и обдуманное преднамерение унизить гордость оттоман и предписать законы султану пред стенами Константинополя.

Об умерщвлении шведского майора Цинклера

(Зап. Маншт., стр. 152—154)

До самого происшествия с Цинклером Россия не подавала Швеции ни малейшего повода к неудовольствию. Напротив, стокгольмский двор, не обретая средств к вознаграждению чрезвычайных потерь, им понесенных, не переставал оказывать недоброжелательство свое к России, пользовался всеми случаями, дабы вредить сей державе, стараясь всегда слабые силы свои подкреплять действиями какого-нибудь могущественного союзника. Во время осады Гданьска присланы были из Стокгольма к полякам, державшим сторону Станислава, 30 офицеров; они служили во все продолжение осады, а по покорении города граф Миних отправил их на фрегате в Стокгольм. Известно было, что Швеция получила вспомогательные деньги от версальского двора и что она домогалась исходатайствовать денежные пособия от Порты, обещая учинить развлечение российских сил в пользу турок. Но как стокгольмский кабинет крайне мешкая приступал к совершению предложений своих, то Россия предуспела разрушить замыслы его, заключив мир с оттоманами. Что касается до умерщвления шведского майора Цинклера, везшего из Константинополя утвержденный со Швецией союзный договор, то в тогдашнее время представлены были убедительные доказательства, что отправленным для сего русским офицерам приказано было только захватить бумаги, находившиеся у Цинклера. Посягнувшие на жизнь его офицеры были преданы суду и за самовольный поступок достойным образом наказаны, а к оправданию памяти графа Миниха замечу, что он никакого участия в сем деле не принимал. Получив из

Петербурга предписание, он только приказал избрать и отправить куда следовало офицеров, которые исполняли и поступали по данным им наставлениям от министерства.

Причина несчастья и казни кабинетского министра Волинского

(Зап. Маншт., стр. 161—162)

Умный Волинский знал совершенно, что крайне опасно явным образом восставать против могущественного временщика. Записка, о которой упоминает Манштейн, не иное что была, как перевод на русский язык старинного итальянского сочинения с приложением письма к императрице в виде приношения. Г. Волинский страстно любил чтение, но не зная иного языка, кроме природного, поручал переводить для себя разные иностранные книги; таким образом между прочими переведено было Макиавеллиево сочинение. Перевод сей г. Волинский предварительно показывал Бирону, а потом, с согласия герцога, поднес государыне, присоединив к оному письмо, в котором, сказав много ласкательного на счет Анны Иоанновны, утверждал, что сочинитель желал единственно порицать тиранов и, изложив жестокие их деяния, представил пути, по которым должны существовать добродетельные монархи. Поднесение сие не имело никаких последствий, и даже при торжестве заключения мира с турками г. Волинский наравне с другими государственными чиновниками получил в награждение 20 000 рублей серебром. Но четыре месяца спустя злополучный сей министр погубил себя безвозвратно.

Императрица поручила тайному Кабинету рассмотреть требование некоторых поляков, просивших вознаграждения за убытки, причиненные им при проходе российских войск. Дело сие решено было в пользу просителей. Один Волинский был противного мнения. Представив, что все поляки вообще принимали сторону врагов России — турок, Волинский доказывал, что требования просителей вовсе не основательны, показания их вымышлены, доводы пусты, и заключил тем, что не будучи ни владельцем в Польше, ни вассалом сей республики, не находит ни малейшей причины ласкать и щадить народ, издревле враждебный отечеству нашему.

Такое заключение не могло понравиться Бирону. Он оскорбился словом «вассал» и в тот же день просил императрицу, чтобы она повелела судить его и Волинского. Легко вообразить можно, что предали суду одного последнего, взяли его под стражу и посадили в Петропавловскую крепость, где среди жесточайших пыток вынудили от него признание, что поднося императрице Макиавеллиево сочинение, желал он представить изображение наперсника ее. Дабы обвинить Волинского в оскорблении величества, исторгли

у него признание, что заставлял он переводить сочиненную Юстом Липсием историю Иоанны II, неаполитанской королевы, и против некоторых мест в книге написал: *она, она*, разумея под сими словами российскую императрицу. Долговременная служба в поле, судах, на конгрессах, напоследок в верховном месте; ум, отличная способность к делам — ничто не могло спасти несчастного министра от гонения злобного и кровожадного временщика. Обер-штальмейстер и кабинетский министр Артемий Петрович Волинский среди многолюдной толпы народа, привлеченного любопытством и в трепет ужасом поверженного, лишился головы на лобном месте в Петербурге в 1740 г. Не укротилась сим лютость тирана; вместе с Волинским пострадали и другие жертвы: тайный советник и сенатор граф Платон Мусин-Пушкин и генерал-кригс-комиссар Соймонов — как друзья злополучного; тайный советник Хрущев, гоф-интендант Еропкин и секретарь Зуда — за перевод книг, а кабинетский секретарь Эйхлер — за то, что он сообщал Волинскому разговоры, каковые иногда императрица имела о нем с Бироном. Хрущев и Еропкин казнены; граф Мусин-Пушкин и Соймонов по лишении чинов (а первый — и ордена св. Александра) заключены в заточение, а Эйхлер и Зуда наказаны кнутом и сосланы в Сибирь. На столь бесчеловечные приговоры склонялась Анна, постыдным образом управляемая иноплеменным извергом!

Описание последних дней императрицы Анны Иоанновны

(Зап. Маншт., стр. 164—165)

Г. Манштейн не мог достоверно знать ни о подробностях, происшедших во время болезни императрицы Анны Иоанновны, ни о происках герцога Бирона, в последние дни жизни благодетельницы его употребленных, почему почитаю нужным поправить погрешности сего сочинителя.

Анна Иоанновна несколько лет страдала подагрой, но отнюдь не опасно. Скрытая и злейшая ее болезнь была каменная, ибо по вскрытии тела императрицы нашли в чреслах камень такой величины, что он обнимал всю внутренность утробы и совершенно обезобразил устройство оной. В полдень 6 октября 1740 г. Анна Иоанновна, сев за обед с герцогом Курляндским и его супругою, едва скушала несколько ложек супа, как вдруг, почувствовав тошноту, упала в обморок. Немедленно перенесли ее в почивальную и положили на кровать в совершенном беспамятстве. Бирон, приведенный сим внезапным несчастьем в крайнее смятение, выбежал в переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрев тут президента коммерц-коллегии барона Менгдена, обыкновенно в сей час посещавшего его, поручил ему как можно поспешнее уведомить графа Миниха о

болезни императрицы и просить его немедленно приехать во дворец. В то же время послал за кабинетскими министрами князем Черкасским и графом Бестужевым и за обер-гофмаршалом графом Левенвольде.

Граф Миних немедленно приехал во дворец, где нашел уже обер-гофмаршала г. Левенвольде. Едва лишь фельдмаршал вошел, как Бирон, выказывая крайнее отчаяние и заливаясь слезами, произнес:

«Ах! я самый злополучнейший человек; теряю преждевременно и внезапно государыню, удостоившую меня неограниченную доверенностью, осыпавшую меня благодеяниями несчетными. Что последует со мною по кончине ее? Чего ожидать мне в государстве, в котором премножество людей в награду за оказанные мною отечеству услуги питают ко мне не благодарность, а ненависть! Впрочем, личная моя польза не столько занимает сердце мое, как бедствие, неминуемо угрожающее государству по кончине императрицы: наследник еще в пеленах, и права его требуют утверждения государыни. Нельзя предвидеть всех гибельных последствий, каковые может произвести о сем манифест, обнародованный в настоящих обстоятельствах, среди такого народа, который всегда во времена малолетия своих государей предавался возмущениям и всяким неистовствам. Шведы, производящие сильные вооружения, не преминут среди беспорядков и несогласий напасть на Россию. Итак, в сих смутных обстоятельствах крайне нужно, дабы правление вверено было руке такой особы, которая, ведая совершенно о положении всех государственных дел, одарена бы была потребною твердостью для обуздания мятежных голов и удержания благоустройства в недрах империи. Хотя, по справедливости, нельзя порицать характера принцессы Анны, матери малолетнего наследника, но должно опасаться, что учинившись правительницею, а вместе с тем самовластною, призовет она в Россию герцога Мекленбургского, родителя своего, и допустит его вмешаться в дела государства. Своенравие и суровость сего принца известны, и он легко завлечет дочь свою к поступкам пагубным. Что принадлежит до принца Брауншвейгского, то еще менее можно верить ему кормило народоправления, ибо нет сомнения, что тогда Россия будет управляема австрийским послом, следственно, неизбежно завлечется во все брани венского двора».

Едва окончил Бирон речь свою, как прибыли князь Черкасский и г. Бестужев, и сим господам повторил он сказанное фельдмаршалу и графу Левенвольде. Князь Черкасский прежде всех сказал:

«Я не знаю никого способнее и достойнее вашей светлости к управлению государством. Во все продолжение царствования императрицы с такою великою ревностью и успехом вы производили все

дела государственные. Мудрость и искусство ваши всем известны; частные выгоды герцогства вашего тесно сопряжены с пользами России. Итак, для блага отечества нашего всеусерднейше прошу вашу светлость продолжать ваше попечение о России под каким бы то ни было титулом».

Тайный советник Бестужев повторил то же приветствие; графы Миних и Левенвольде, ясно видя, что всякое противоречие будет бесполезно, должны были изъяснить и свое согласие. Действительно, обстоятельство сие было самое затруднительное, в каком только может находиться честный человек. Самая раболепная лесть в угождение императрице оказываемая была всеми царедворцами Бирону и всей его семье, а непомерная строгость, с какой наказывала [императрица] за малейшее оскорбление, наперснику ее учиненное, привела всех в страх. А потому никто не отваживался противоречить могущественному временщику. Хотя врачи не уповали, чтобы государыня выздоровела, однако не смели объявить и о приближении кончины ее. Итак, если бы получила она облегчение в болезни на несколько только дней, то и сего времени достаточно бы было, дабы безвозвратно погубить дерзнувшего оказать Бирону не только сопротивление, но и малейшее прекословие.

Выманив от призванных особ желаемое предложение, коварный Бирон произнес:

«Чрезмерно бы изумило меня предложение ваше, если бы не был я твердо уверен, что оно внушено вам чувствами искренней ко мне приверженности. Но размыслите, одобрит ли общество желание ваше, на любви к отечеству основанное? Я иноземец и знаю, что благоволение императрицы навлекло мне бесчисленное множество завистников. Знаю, что благонамереннейшие мои распоряжения всегда обезображиваемы были гнуснейшею клеветою. Что же следует в то время, когда восприиму я верховную власть? До сего дня единственно покровительство государыни охраняло меня. Кто пожелает и в силах будет защитить меня впредь? По милости и щедроте всемилостивейшей нашей монархини я нахожусь в столь счастливом положении, что не остается мне ничего иного желать, как пристойным образом возвратиться в Курляндию и жить там в тишине и спокойствии. Я надеюсь, что вы, лучшие мои друзья, не пожелаете лишить меня сего утешения».

Нельзя не похвалить сей речи, но каково было заключение оной?

«Впрочем, — продолжал Бирон, — если что-нибудь может склонить меня к восприятию тяжкого бремени, вами предлагаемого, то единственно чувство глубочайшей благодарности к благодетелям, излианным на меня императрицею, и пламенное усердие мое к благоденствию и славе России. Однако не ведая о сем важном предмете мнения других благонамеренных патриотов, ни на что не могу

я решиться и прошу вас собрать завтра совет из первых государственных чинов».

Сказав сие, Бирон присовокупил, что в настоящих обстоятельствах всего нужнее объявить скорее наследником престола малолетнего принца Иоанна, для чего просил призванных господ немедленно отправиться к графу Остерману, согласиться с ним о всех потребных распоряжениях и приготовить к завтрашнему утру манифест.

Покоряясь воле Бирона, все вышеупомянутые особы тотчас поехали к Остерману. Министр сей, страдавший расслаблением в ногах, уже несколько лет не выезжал из дома. Узнав о разговоре с герцогом, крайне осторожный во всех своих поступках граф Остерман не только поспешил изъявить согласие, но и присовокупил, что в случае, если герцог откажется принять на себя предлагаемое достоинство, надлежит просить императрицу, дабы она благоволила преклонить его к сему. Потом, составив с общего согласия манифест о наследии престола, условились, чтобы для рассуждения о регентстве собрать чрезвычайный совет, в который, сверх министров тайного Кабинета, пригласить еще нескольких из знаменитейших чиновников.

На другой день Бирон, получив заготовленные бумаги, пошел к императрице, поднес ей к подписанию манифест и указ об обнародовании оного. По подписании немедленно манифест отнесли в придворную церковь, прочли его пред многочисленным собранием и тут же приняли на верность Иоанну, как наследнику всероссийского престола, присягу от всех знатных чинов, при сем случае присутствовавших. Гвардейские полки, собранные на площади пред дворцом, то же учинили. А прочие жители Петербурга приведены были к присяге в приходских церквях.

Непосредственно по совершении сего обряда приступили к рассуждению о регентстве. Признав герцога Бирона единственною особою, способною управлять государством, все определили поднести о сем доклад императрице и убедительнейше просить, дабы ее величество благоволила преклониться на желание народа (так самопроизвольно собрание располагало волею оного) — повелела бы герцогу управлять государством до совершеннолетия наследника и соизволила бы подписать о сем постановление. Граф Остерман, принесенный в собрание в креслах, вызвался представить государыне прошение и постановление к подписанию, но только по прошествии трех суток Бирон сумел исходатайствовать у императрицы позволение допустить к ней Остермана. Сим временем воспользовались, чтобы присовокупить к просителям еще человек 50 из почетнейших военных и гражданских чиновников.

Легко предупредил Бирон в назначении преемника престола, но несмотря на великую власть его над сердцем Анны Иоанновны, чрезвычайного труда стоило ему убедить государыню сделать прочие распоряжения об управлении государством. Устраняя самую мысль о смерти, она с гневом принимала всякое рассуждение об оной, а предложение Бирона называла предвестием кончины своей. Напоследок по неотступным домогательствам любимца допустила к себе графа Остермана. Министр сей, изложив с величайшим красноречием и силою затруднительное положение государства, растрогал императрицу. Потребовав принесенные им бумаги, [императрица] равнодушно положила их под изголовье свое, сказав кратко: «Я рассмотрю».

Несколько дней прошло, а императрица ничего не упоминала о поднесенных ей бумагах. Встревоженный Бирон, страшась, что родственная любовь к принцессе Анне удерживает государыню утвердить предложенные распоряжения, до такой степени забылся, что поручил барону Менгдену объяснить с принцессой и внушить ей, что благоденствие ее собственное и ее малолетнего сына требует, дабы она всевозможно старалась убедить императрицу возложить на Бирона управление государством. Принцесса, терпеливо выслушав странное сие предложение, отвечала:

«Я никогда не мешалась в государственные дела, а при настоящих обстоятельствах еще менее осмелюсь приступить к сему. Хотя здоровье императрицы находится в величайшей опасности, но я уповаю, что, при милости Божией, она оправится от болезни. Сердце мое никак не позволяет мне предвещать кончину любезнейшей моей тетки... Впрочем, мне кажется, что герцог все уже сделал, убедив государыню к наименованию наследника престола, и, имея свободный доступ к ее величеству, легко может исходатайствовать утверждение ее и на прочие распоряжения об управлении империей. Что принадлежит до меня, то, покоряясь совершенно воле императрицы, моей благодетельницы, я беспрекословно буду повиноваться всему, что благоугодно будет ей постановить».

Бирон никому не открыл ни о переговорах с принцессой, ни об ответе ее, но поверенный тайны его сообщил о сем некоторым членам совета. В оном немедленно определили, чтобы отправить двух членов к принцессе и от лица всего совета убедить ее принести просьбу императрице. Но господа сии, бывшие у принцессы на другой день, получили от нее отзыв, совершенно подобный сделанному барону Менгдену.

Императрица, невзирая на жестокое расслабление свое, сохраняла всю память и рассудок. Она чувствовала и понимала, что право опеки над младенцем, наследником престола, по всей справедливости принадлежит родителям его. А потому никак не решалась

назначить регентом Бирона; государыня всемерно отклоняла любимца своего от сего пагубного замысла. Убеждала в безрассудности оно-го и с истинно милостивым чистосердечием сказала ему: «Я сожалею о тебе, герцог: ты стремишься к гибели своей».

Но какие препоны могут удержать тщеславного честолюбца? Высокомерие и подлость неразлучно шествуют; горделивец по приличию принимает на себя личину и той и другой. Бирон в сие время старался всех обласкать. Все имевшие доступ к большой императрице не переставали делать ей внушения, согласные с намерением герцога. Наконец неотступными просьбами и всякими происками Бирон достиг желания своего: Анна Иоанновна, призвав графа Остермана, подписала постановление о регентстве, которое немедленно и положили в шкаф с драгоценными вещами, стоявший подле императрицыной постели! Весьма вероятно, что монархиня, ежечасно теряя телесные силы и придя в крайнее изнеможение, не читала сего постановления, сочиненного по точной воле Бирона, и подозреваю, что подписала оное, худо ведав о содержании его.

Когда императрица позвала к себе графа Остермана, тогда прочие министры собрались в комнатах Бирона и там, колеблемые страхом и надеждою, ожидали решения ее. Граф Остерман не замедлил успокоить их, принеся важное известие о подписании постановления. Скоро пришел и сам герцог, благодарил их именем государыни, присовокупив, что ее величество весьма милостиво приняла подвиг их и обещала каждому из них оказать явные опыты благоволения своего, коль скоро получит облегчение в болезни. Желая изъяснить и свою признательность, Бирон некстати употребил слова сии: «Вы, господа, поступили как римляне!» По-видимому, он хотел сказать: «как патриоты».

Невзирая на то что болезнь императрицы заметно усиливалась, ежедневно принимала она к себе царевну Елизавету Петровну, принцессу Анну и супруга последней принца Брауншвейгского. 17 октября, пополудни, Анна Иоанновна лишилась владения левой ногой, а когда вечером в тот день вошли в почивальню принц и племянница ее, то она простилась с ними с величайшим спокойствием духа. В девять часов приключились с нею сильные судорожные припадки; по успокоении от оных велели ввести духовника, придворных священников и певчих для совершения по обряду греко-российской церкви молитвы и пригласили присутствовать при оной знаменитейших из случившихся тогда во дворце особ. Несмотря на расслабление свое, Анна Иоанновна узнала графа Миниха и дрожащим голосом сказала ему: «Прощай, фельдмаршал!» Не могли распознать других предстоявших, ко всем вообще произнесла: «Прощайте!» После сего соборовали государыню маслом и окропили святою водою. Среди жесточайших припадков императрица с боль-

шой твердостью и упованием на Бога предала в руке Его душу свою. Так скончалась Анна Иоанновна, имея от рождения 46 лет, 8 месяцев, 19 дней.

Некоторые подробности, относящиеся к особе императрицы Анны Иоанновны и к правлению ее
(Зап. Маншт., стр. 26—165)

Царствование императрицы Анны Иоанновны составляет эпоху, обильную важными для России происшествиями, почему поставляю себе долгом представить некоторые подробности, относящиеся к особе сей государыни и к ее правлению.

Анна Иоанновна, дочь царя Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны из дома бояр Салтыковых, родилась в Москве 28 января 1694 г. Лишась в младенчестве родителя, оставалась на попечении родного дяди своего Петра Великого, который отлично жаловал ее. В 1710 г. Фридрих I в Мариенвендере предложил в супруги Анне Иоанновне близкого своего родственника Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского. Император принял предложение, и брак совершился в С.-Петербурге. Но счастье молодых супругов недолго продолжалось: отъезжая из России в Курляндию, герцог занемог по дороге и умер в Кипени. По кончине супруга Анна Иоанновна до самого избрания ее на всероссийский престол имела постоянное пребывание в Митаве. Там в придворном ее штате находилось несколько особ из придворных россиян, но всю доверенностью сей государыни обладал Бирон.

Высокий стан и вид величественный Анны Иоанновны внушали к особе ее благоговение. Благородство и привлекательность лица восполняли в ней недостаток красоты. Глаза имела она большие, голубые и острые, нос орлиный; приятные уста с прекрасными зубами, волосы каштанового цвета, лицо рябоватое, тело смуглое, голос чистый и сильный. Одаренная крепким сложением тела, ведя жизнь умеренную и единообразную, государыня сия могла бы еще долго прожить, если бы подагра, а особенно жестокая каменная болезнь, не сократили дней ее. Государыня сия была умна, судила о вещах здраво и сообразно с тем поступала во всех случаях, когда предубеждение и пагубная страсть к наперснику не препятствовали действиям ее. Красноречие украшало уста императрицы; разговор ее был приятен и весел. В торжественные дни представляла себя с приличною важностью; благоволение свое изъявляла отборными и благоприятными выражениями; выговоры ее были чувствительны, но не оскорбительны.

Образ жизни Анны Иоанновны расположен был порядочно: вставала она с постели в семь и часто в шесть часов утра; за обед садилась ровно в полдень, а за ужин в девять часов вечера. Пища

приготовлялась для нее самая простая. Ложилась опочивать в одиннадцать часов вечера. Каждый день выходила из внутренних комнат в собрания и оставалась в оных поутру от одиннадцати часов до полудня, а после обеда с пяти до восьми часов. В ежедневных забавах не имела определенной и постоянной склонности, но избрав единожды какую-нибудь, не скоро оставляла ее. В первые годы царствования своего в вечерних собраниях играла в карты; потом некоторое время целые вечера просиживала в собраниях, не вставая с кресла: занималась разговорами и слушала рассказы шутов.

Императрица всегда изволила присутствовать при продаже с публичного торго китайских товаров, ежегодно ко двору привозимых. Продажа сия происходила во дворце, в так называвшейся итальянской зале; часто предлагала цену продаваемой вещи и не гневалась, ежели кто из предстоявших покупателей возвышал цену против объявленной ею. После, когда наскучило ей таковое времяпровождение, получила охоту к стрельбн из ружей и такое искусство приобрела в оном, что не только метко попадала в цель, но наравне с лучшими стрелками убивала птиц на лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долее и почти до кончины своей занималась. Во дворце, находившемся на берегу Невы, всегда в комнатах ее стояли заряженные ружья, из которых стреляла она из окна в мимо летающих птиц. Зимом ставили в дворцовой галерее мишень, в которую по вечерам при ярком освещении императрица метала из лука стрелы. В Петергофе построен был зверинец, наполненный зайцами, кабанами, ланями, тунгусскими и доставленными из Германии прекрасными оленями. Там, сидя под великолепным наметом, [императрица] утешалась, смотря на охоту, и сама изредка стреляла по пробегающим зверям.

В частной жизни Анна Иоанновна была ласкова и благоприветлива, большей частью весела и расположена к шуткам; по природе добра, сострадательна и великодушна, но, к несчастью ее и целой империи, воля монархини окована была беспредельною над сердцем ее властью необузданного честолюбца. До такой степени Бирон господствовал над Анною Иоанновною, что все поступки свои располагала она по прихотям сего деспота, не могла надолго разлучиться с ним и всегда не иначе как в его сопутствии выходила и выезжала. Невозможно более участия принимать в радости и скорби друга, сколько императрица принимала в Бироне. На лице ее можно было видеть, в каком расположении духа находился наперсник. Являлся ли герцог с пасмурным видом — мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольным, веселье блистало во взоре; не угодивший же любимцу тотчас примечал явное неудовольствие монархини.

Бирон, страстный охотник к лошадям, большую часть утра проводил в конюшне или в манеже. Императрица, скучая отсутствием его, решила учиться верховой езде, дабы иметь предлог в сих местах быть с наперсником своим, и потом довольно хорошо ездил по-дамски.

Непомерная привязанность императрицы сделалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали от него жалобу, что не имеет он ни одного мгновения для отдыха. Никогда Бирон никого не посещал, ни у кого не обедал и не присутствовал на пирах и празднествах, даваемых знатными боярами. Дабы удержать любимца от участия в оных, государыня осуждала и даже называла распутством всякий пир и собрание, в которых, по сделанному ей донесению, господствовала веселость. Бирон, со своей стороны, тщательно наблюдал, дабы никто без ведома его не был допуская к императрице, и если случалось, что по необходимой надобности герцог долженствовал отлучиться, тогда при государе неотступно находились Биронова жена и дети. Таким образом, все поступки и речи императрицы немедленно доводились до сведения Бирона.

Принужденная и единообразная жизнь, естественно, должноствовала рождать скуку, а иногда охлаждение и размолвку между императрицею и Бироном. Однако когда встречалось между ними кратковременное несогласие, всевозможно старались они скрывать оное от внимательного взора царедворцев. Дабы иметь какую-нибудь забаву и рассеяние, содержали при дворе толпу шутов обоего пола, которых кривляние и одежда более, нежели разговоры, забавляли собрание. Обыкновенно шуты сии сначала притворялись ссорящимися, потому приступали к брани; наконец, не зная как лучше увеселить зрителей, порядочным образом дрались между собою. Забавники сии набирались без различия состояния; в числе их находились некоторые из лучшего дворянства российского и княжеских родов. Странная наружность, дергота в теле, смешные повадки, природная глупость и всякая другая юродивость составляли потребные качества для приема в шутовское сословие. Награды получали они соразмерно дарованиям своим. Главою их был один итальянец, прежде бывший скрипачом, по прозванию Петр Мира или, сокращенно, Петрилло. Шут этот был действительно мил и забавен и умел нажить порядочный капитал. Балакирев также отличался острою и имел такую забавную наружность, что при первом взгляде на него возбуждал смех. Страсть к шутам и дуракам, унижающая человечество, и страсть к сказочникам распространилась по всему государству и долго оставалась преимущественной забавою знатных и зажиточных людей; в мудрое правление Екатерины просвещение, быстро озаряя Россию, представило благороднейшие занятия для ума.

Упомянем об одном престранном и вовсе необыкновенном зрелище, которое видели мы во дни Анны Иоанновны в Петербурге. В 1732 г. построена была на Неве из льда крепость, которую снабдили гарнизоном и артиллерией и потом брали приступом. Но в зиму 1739 г., по предложению камергера Татищева, вздумали представить изумленному взору чудеснейшее представление. На Неве, между дворцом и адмиралтейством, построили из чистого льда по всем правилам архитектуры дом из нескольких комнат; все украшения зодчества, статуйки, рамы и стекла в окнах, столы, стулья, кровать с постелью, печи — словом, все внутренние приборы, и разная посуда, и множество безделушек были сделаны из льда. Приготовили ледяные свечи и дрова, которые, будучи намазаны нефтью, горели; выточили из льда несколько пушек и мортир с колесами и станками, из которых стреляли ядрами и порохом; наделали слонов, дельфинов, деревьев с ветвями и листьями — все из льда. Не удовольствуясь таковою нелепостью, выстроили еще баню ледяную, многократно топили ее и в ней парились. Призвали в Петербург по несколько человек от различных народов, в России обитающих. Напоследок в сем доме праздновали свадьбу одного человека из знатнейшего рода, невольным образом посвященного в шуты; парили новобрачных в ледяной бане.

Признаюсь, что во всем этом деле вижу я верх сумасбродства. Позволительно ли употреблять руки человеческие на работу столь суетную, ничтожную? Позволительно ли столь постыдным образом унижать человечество и насмехаться над ним? Позволительно ли издерживать государственное иждивение на прихоти и забавы вздорные? Неоспоримо, что доброе правительство и по любви к народу, и по политическим видам долженствует доставлять обществу увеселения. Но забавляя, не должно развращать народные нравы. В то время когда появились в Петербурге упомянутые глупые позорища, благодетельные лучи просвещения, открытые Петром Великим, начинали уже согреть умы россиян. Следственно, правительство могло занимать их полезнейшими зрелищами. Лучше бы было приказать представлять бывшие тогда в большой чести итальянские интермедии, а может быть, если бы сам двор обратился к благороднейшим забавам, и тогда бы уже словесность наша украсилась драматическими творениями. Феофан, Кантемир отыскиали бы дарования. Ломоносов и Сумароков в сию эпоху уже существовали. Везде и во все времена двор открывает, поддерживает, оживляет дарования. Без поощрения царя изящнейшие умы и дары природы самые редкие притупятся, погибнут и погребутся во мраке неизвестности.

Обыкновенная участь сильных, властвующих страхом — быть ненавидимыми, почему личная безопасность и польза их требует

недреманного взора за поступками общества. Бирон, будучи уверен в первом, тщательное внимание обращал на последнее. Вероятно, что в то время ни при одном европейском дворе не находилось больше льстецов и наушников, как при российском. Ежедневно доносили государыне и герцогу обо всех разговорах в известнейших домах, а как гнусное сие ремесло отверзало путь к милости и наградам, то самые знатные особы не стыдились заниматься оным. Легковерие непосредственно последует за подозрением, почему нетрудно было доносчикам злоумышленно перетолковывать все речи и оклеветывать пред подозрительным правительством людей безвинных. Нередко случалось, что те самые особы, которые накануне пользовались отличною благосклонностью императрицы, с изумлением на другой день видели от нее величайшую холодность, не постигая причины таковой внезапной перемены.

Анна Иоанновна любила убранство. В торжественные праздники надевала великолепные одежды из богатейших лионских парчей и бархатов, а в прочие дни носила платье простое, но со вкусом и ярких цветов. Придворные чиновники в угождение императрице являлись во дворец во дни рождения, тезоименитства, восшествия на престол и коронования ее величества в пребогатом одеянии. Она не жаловала темных цветов, Бирон также не любил их. Герцог часто одевался в испещренные штофные кафтаны, и почтенные старики, подражая ему, не стыдились наряжаться в платья самых странных цветов — например, розового, светло-желтого, лилового, ярко-зелено-попугайного.

Анна щедро награждала заслуги; никто из предшественников ее не жаловал столь значительными денежными подарками. Петр Великий охотнее жаловал за службу 1000 душ крестьян, нежели 10 000 деньгами. Но и в сем случае надлежало искать милости у Бирона: все награды получались через посредство его. Даже принцесса Анна, столь любимая государыней, с огорчением на опыте извела, что без сего предстателя не могла бы она исходатайствовать ни выплаты долгов, ни прибавки содержания. И сия по природе щедрая царица не смела и малейшего подарка сделать без ведома Бирона. Императрица была набожна и даже несколько суеверна, однако посещая часто храмы Божии, созидая новые и щедро украшая существовавшие, не допустила духовенство присвоить себе власти более, сколько предоставлено оному было узаконениями Петра Великого.

Не только с величайшим вниманием Анна Иоанновна слушала государственные дела, представляемые министрами, но даже всегда осведомлялась об отправлении и исполнении решенных ею. Усовершенствование внутреннего домоводства, распространение

торговли, умножение мануфактур, усиление сухопутных и морских сил наиболее занимали попечение монархини.

Невзирая на кровопролитные брани, происходившие почти во все течение царствования ее, [императрица] никогда не обременила народ новым налогом. При заключении мира с Портою даровала народу полугодовой подушный сбор; оклад подушный при ней состоял в семи гривнах с души мужеского пола. Не только не оставила Анна Иоанновна по себе государственного долга, но даже по кончине ее обреле в запасе в военном казначействе 1 200 000, а в соляном — 700 000 наличных денег серебряной монетою.

Умножив сухопутные войска, [она] оставила преемникам престола армию благоустроенную, под предводительством искуснейших полководцев. Повиновение российского ратника, терпение его в преодолении всех превратностей счастья, ничем не потрясаемая храбрость его на поле сражения во все времена превосходили всякое вероятие, но во дни Анны благочиние и порядок в воинстве нашем могли почитаться образцовыми. Побег в оном были вовсе неведомы. Сухопутные силы при сей государыне простирались до 240 000 человек. Пехота, справедливо почитаемая душою войска, состояла на прекрасной ноге; все эволюции и экзерции производились превосходно. На Сестрорецком заводе, учрежденном, как большей частью и все полезные заведения в России, Петром Великим, хорошо изготовлялось огнестрельное и холодное оружие. Артиллерия также была умножена, и в устроении орудий последовали при Минихе значительные перемены; при ней учрежден в Петербурге литейный двор. Конница регулярная не была приведена в равное превосходство с пехотою. Взамен Россия имела в казаках такие легкие войска, каких ни одно европейское государство выставить не может. Дабы снабдить тяжелую конницу добрыми лошадьми, императрица повелела выписать из Голштинии и других иностранных земель знатное число лошадей лучшей породы, учредить конские заводы и для содержания оных отвести богатые казенные волости; в самих монастырских владениях заведены были таковые заводы. В похвалу сего правления по военной части надлежит упомянуть об отмене несправедливого постановления о жалованье: иностранцы, находившиеся в нашей службе, получали жалованье превосходнейшее против природных русских; Анна Иоанновна повелела всем служащим производить равное содержание.

Хотя прилагала она попечение о флоте, совершенно пренебреженном по кончине Петра Великого, но не успела поставить оный на ту степень, в каковой мы видели морские силы во дни Екатерины Великой, переносящиеся из одного океана в другой и приводящие в трепет горделивый Стамбул.

Торговля России в царствование Анны Иоанновны производилась успешно. Россия отпускала за море поташ, юфть, лен, пеньку, железо, строевой и корабельный лес, разный хлеб, мед, воск, сало, меха. От англичан получала олово, свинец, кубовую краску, различные железные изделия, кампеш, квасцы и в большом количестве сукна, полотняные и кисейные товары. Голландцы доставляли соль, сукна, полотна и множество пряных кореньев. Торговля с сими народами, как и со Швецией, обращалась в выгоду России. Хотя не было непосредственной торговли с Францией, хотя редко и видели в наших пристанях купеческие суда сей державы, но Франция, наводняя Россию винами своими, богатыми штофами, парчами, бархатами, шелковыми изделиями, кружевами и всякими безделушками, питающими роскошь, похитила от нее все золото, торговлей с англичанами приобретенное.

Подкрепляя сибирские железные и медные заводы знатными денежными суммами, для правильной разработки рудников и горного производства императрица посылала молодых людей в чужие края обучаться рудному делу и выписала из Саксонии, по соглашению с тамошним двором, опытных рудокопов и искусных горных чиновников. При сей государыне для управления горной частью учреждена была генерал-обер-директория, изданы штаты и положения для заводов, открыт г-ном Татищевым* богатый Гороблагодатский рудник, учинены важные поощрения вольным промышленникам и пожалованы им к заводам казенные крестьяне. Запущенные Нерчинские сереброплавильные заводы при ней начали поправляться.

При сей государыне были предприняты морские путешествия по Ледовитому морю для открытия пути в Восточный океан; к берегам Америки, для обозрения Алеутских островов; исследованы и описаны некоторые из Курильских островов.

Заведение при Академии наук в Петербурге гимназии и училища живописного и резного художеств, а особенно учреждение знаменитого кадетского корпуса, обогатившего Россию превосходными офицерами, в коем при самом зарождении оно для Беллоны образовался славный Румянцев, для Мельпомены явился Сумароков, привлекают благодарность нашу к именам тех знаменитых мужей, предстательством коих заведения сии получили начало свое.

Не приведенные к окончанию великие преднамерения Петра Великого императрица ревностно помышляла довершить. В ее царствование граф Миних окончил славный Ладожский канал; при ней ежегодно отпускаемо было по 200 000 рублей на усовершенствование канала Кронштадтского с принадлежащими к оному водоемами.

---

* Василий Никитич Татищев, знаменитый наш бытописатель. — *Примеч. рук.*

В пребывание Анны Иоанновны в Петербурге столица сия украсилась многими новыми зданиями; в адмиралтействе построена башня и вместо большей части деревянных домов в городе сооружены каменные. Хотя, впрочем, надлежит признаться, что вкус в зодчестве был не самый изящнейший; он представлял смешение итальянской, французской и голландской архитектуры. Последней наиболее следовали, вероятно, потому, что великий преобразователь России очерпнул таковой вкус во время пребывания своего в Саардаме, где державная длань сего чудесного мужа, метавшая громы во врагов, изливавшая бесчисленные щедроты на подданных, не возгнушалась в поучение россиян упражняться в строении кораблей.

Мудрый Петр ведал, что в империях, где процветают мануфактуры, фабрики, художества, ремесла, — там роскошь полезна; обращая деньги в недрах государства, привлекает она золото из чужих земель. Напротив того, в державах, лишенных сих пособий, роскошь крайне пагубна, ибо питая ее, таковые государства все изделия вкуса, щегольства, прихоти получают от руки чужеземной. Все выписывают от других, за все платят звонкой монетой. Поэтому великий монарх всемерно устранил от двора своего суетную пышность и роскошь разорительную. Вельможа времени Петра Великого не старался отличать себя позлащенной одеждою. Преемники сего государя не с подобной мудростью взирали на этот предмет. Совокупление азиатской пышности с изощренной роскошью европейской впервые появилось при российском дворе при Екатерине I, умножилось при Петре II, а в царствование Анны Иоанновны пышность при дворе, великолепие в строениях, роскошь в убранстве дворцов, щегольство в экипажах и одежде несравненно превышали времена всех ее предшественников; однако в похвалу сей государыне заметить надлежит, что расходы двора были распоряжаемы столь благо-разумно, что не только не выступали из обыкновенно отпускаемой суммы, но ежегодно сберегались в запасе иногда и довольно значительные остатки. Для умножения царского сокровища алмазными и другими вещами, для убранства и украшения дворцов и загородных домов Анна Иоанновна употребила многие миллионы рублей. Богатый ее золотой столовый прибор употреблялся и при Екатерине Великой.

В заключение скажем, что царствование императрицы Анны Иоанновны представляет разительное смешение добра и зла народного. С одной стороны, удивляемся громким победам воинства благоустроенного, твердой системе правительства, полезным преобразованиям, учреждениям, заводимым для блага государства, видим императрицу Анну уважаемой северными державами, поддерживающей корону на главе польского короля, ласкаемой сильнейшим европейским монархом Карлом VI. Видим в сие время людей не-

обыкновенных и в войске и в службе гражданской. Миних, Ласи, Левашев, Румянцев, Кейт, Левендаль, Леонтьев, Штофельн, Репнин, Загряжский, Сперейтер, Шпигель, Бутурлин, Гохмут, Дебрини, Фермор, Апраксин являют и мужество и дарования отличные на ратном поле: некоторые из них вносят имя свое в храм бессмертия. Остерман, Трубецкой, Салтыков, Чернышев, Волынский, Головкин, Бестужевы, Куракин, Панин, Бибииков, Вельяминов, Татищев с честью и похвалою трудятся в кабинетах, судах, в управлении областей и градов; и из них некоторые, подобно знаменитым воинам, соделывают себя известными потомству. С другой стороны — с трепетом поражаемся народным бедствиям. Непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожай хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных; уныние, стон, слезы, вопль распространились во всей империи. С ужасом усматриваем жестокие гонения, заточения в темницы, пытки, ссылки и самую смерть, коим преданы были многие полезные, заслуженные и знаменитые особы, все почти по одному подозрению либо по личной ненависти и мщению, что и обнаруживает явное несправосудие — главный порок венценосцев.

Напоследок с горестью должно сказать, что монархия обширнейшего в свете и славного государства, наделенная от природы многими добродетелями, чрез непомерное снисхождение и даже, можно сказать, подобострастие своенравному, злобному и кровожадному наперснику помрачила все сияние правления своего. Современники в глубине сердца порицали страсть Анны Иоанновны к злодею, но, благоговей к предержавшей власти, не смели роптать явно, все с терпением переносили. Потомство, без лицепрятия рассматривая деяния всех, судит и владык земных: оно не перестанет обвинять Анну Иоанновну за то, что допустила именем своим совершать насилия, жестокости, злодеяния. Тот, кто, имея власть в руках своих, не останавливает бедствия народного, соделывается врагом народа, и имя его неизбежно предается бесславию и справедливому порицанию потомства.

Обозрение Биронова регентства

(Зап. Маншт., стр. 166—173)

Следуя древнему обычаю, немедленно по преставлении Анны Иоанновны отворили двери почивальной ее. Огорченный обер-гофмаршал Левенвольде вышел в собрание, со слезами известил о кончине императрицы и пригласил всех к телу усопшей. В страшной неизвестности о будущем, все поражены были чрезвычайной печалью; вопль распространился по дворцу. Принцесса Анна была удручена вели-

чайшей скорбью. Из почивальной вынесли ее в беспамятстве в другую комнату. Там, опамятавшись, сидела она в глубокой задумчивости, обливаясь горькими слезами. Бирон громко рыдал и казался отчаявшимся, но скоро миновало отчаяние лукавого честолюбца. Через несколько минут приказал он объявить постановление о регентстве. Генерал-прокурор князь Никита Юрьевич Трубецкой отпер шкаф, вынул постановление, подошел к свечам и начал читать бумагу. Бирон, приметив, что принц Брауншвейгский неподвижно стоял за стулом супруги своей, тотчас сказал ему: «Не угодно ли и вам вместе с другими выслушать последнюю волю императрицы?» Принц, не отвечая ни слова, подошел к боярам, вокруг Трубецкого толпившимся, и с спокойным духом слушал приговор собственный и своей супруги. По прочтении постановления герцог пошел в свои комнаты, а принцесса Анна с супругом удалились в покои малолетнего императора и наступающую ночь провели у колыбели младенца. Надлежит заметить, что как скоро ребенок сей появился на свет, то покойная императрица взяла его под собственный свой надзор и поместила в комнате подле почивальной своей.

Ночь всю скрывали от народа смерть императрицы и повсюду усилили караулы; на рассвете следующего дня вывели полки лейб-гвардии и другие, в Петербурге находившиеся, и построили под ружьем на Дворцовой площади. В девять часов (утра) собрались ко двору духовенство, Сенат и все прочие знатные особы. Граф Остерман, обливаясь слезами, возвестил собранию о преставлении императрицы и приказал секретарю прочесть представление о регентстве. После этого все пошли в придворную церковь и там дали присягу в верности молодому императору и регенту. Из церкви же отправились к герцогу для принесения поздравления. Бирон, подойдя к сенаторам, произнес:

«Излишним почитаю напоминать вам о продолжении усердия, с каковым доселе споспешествовали вы приращению благоденствия и славы отечества. Надеюсь твердо, что нежный возраст малолетнего императора послужит вам сильнейшим побуждением к дальнейшим трудам. Будьте удостоверены, что все часы жизни моей я готов посвящать на служение империи; следовательно, вы не можете представить мне убедительнейших опытов доверенности к чистоте моих помышлений, как непосредственно и прямо относясь ко мне во всех случаях, когда встретите надобность для блага государства в новом законоположении или в искоренении злоупотреблений, вкравшихся в различные ветви государственного управления. Я не буду иметь наперсников, и двери мои всегда будут открыты для благонамеренных людей».

После сего приветствия [Бирон] откланялся и позвал во внутренние покои графов Миниха и Остермана, князя Черкасского и

тайного советника Бестужева. Там благодарил их за оказанную к нему приверженность и, уверив, что не оставит на самом деле изъяснить им признательность свою, просил этих господ вспомоществовать ему добрыми советами.

В то же утро регент перевез малолетнего императора в зимний дворец, изъявив согласие, чтобы и родители его туда переселились. Сам же остался в летнем дворце, предполагая переехать из одного по погребении тела покойной императрицы. Вечером навесил он императора и родителей его. Изъявив принцессе соболезнование о преставлении императрицы, удостоверил, что он сделал распоряжение о назначении ей содержания, соответственного высокой ее породе. Доселе принцесса получала общее содержание с императорским двором. Бирон определил на собственные ее расходы по 200 000 рублей серебром ежегодной пенсии.

По учреждении тайного Кабинета Правительствующий Сенат утратил многое из прежнего своего достоинства и преимуществ. Желая польстить сему верховному судилищу и привязать к себе членов оного, Бирон часто ездил в Сенат и присутствовал в оном. Сенат, в изъявление признательности своей, просил регента принять по 500 000 рублей ежегодно на содержание двора его и, находя, что титул светлости не соответствует важности звания правителя столь великой империи, поднес ему проименование высочества. Бирон принял сие приношение с условием, чтобы и принца Брауншвейгского в качестве родителя императора тоже величали высочеством.

Чем более возвышался Бирон, тем сильнее разверзалась ужаснейшая пропасть, готовившаяся поглотить его. Не прошло еще и одной недели по кончине Анны Иоанновны, как начали доходить до регента слухи о ропоте в народе против правления его. Лейб-гвардии капитан Ханыков и поручик Аграмаков взяты были под стражу за нескромные речи и преданы пытке. Бирон домогался выведать, в чем состояло злоумышление их и кто были сообщники их. Но не мог ничего исторгнуть от них, и вся вина их оказалась единственно в изъявлении неудовольствия в простом между собою разговоре. В то же время предан был пытке один кабинетский секретарь. Его обвиняли, что он предварительно показывал обоим принцессам начерно написанное постановление о регентстве и делал некоторые замечания о несправедливости сего распоряжения. Но все эти жестокости не произвели действия, Бироном ожидаемого: вместо того чтобы утратить прочих, они более раздражали умы и всех возбуждали ко мщению.

Среди этих происшествий было получено известие о кончине Карла VI, умершего в Вене 10/21 октября. Император завещал наследственные австрийские владения старшей дочери своей Марии-

Терезии. Король прусский, курфюрсты Саксонский и Баварский предъявляли притязания на наследство сие и намеревались вооруженною силою подкреплять права свои. Война долженствовала возгореться в Германии. Не ведали еще, что предпримет регент в обстоятельствах, столь важных для наследницы австрийской монархии. Но после, по падении Бирона, сделался известным тайный договор, заключенный им с саксонским двором, по которому регент, вопреки ручательству покойной императрицы по прагматическому уложению Карла VI, обещал не противиться требованиям, которые Август, король польский, в качестве курфюрста Саксонского, супруга и дети его предъявят на наследие австрийских владений. Взамен сего польский король обещал охранять права Бирона и наследников его на обладание герцогством Курляндским. Обязательство это было единственное, заключенное Бироном с иностранной державою.

Хотя в первые дни регентства Бирон тщательно занимался снижением сведений о состоянии военных сил и государственных доходов, однако никаких предположений ко благу России не последовало и во внутренних распоряжениях империи не сделал он ничего достопримечательного. Дабы польстить народу и ознаменовать восшествие на престол малолетнего императора и свое вступление в правление, освободил он от четырехмесячного подушного оклада. Между тем все улицы Петербурга наполнены были караулами и разъездами; повсюду были рассыпаны наушники и доносчики. Не проходило ни одного дня, чтобы регент не получал доноса и не приказывал брать под стражу и предавать истязаниям всякого звания людей. Вина этих несчастных заключалась единственно в неосторожных разговорах. Наконец Бирон получил сведение о большом заговоре. Вот подробности его.

Граф Михайло Гаврилович Головкин, сын государственного канцлера, по породе и по высоким связям супруги своей справедливо почитался в государстве знаменитым вельможею. Украшенный российскими орденами и возведенный на высшие степени, был самый снисходительный, добродетельный и любящий отечество муж. Супруга его Екатерина Ивановна, благотворительная и сострадательная боярыня, была дочерью князя Ивана Федоровича Ромодановского, имевшего в супружестве Наталью Федоровну Салтыкову, родную сестру царицы Прасковьи Федоровны. Следовательно, графиня Головкина была двоюродная сестра императрицы Анны Иоанновны, а правительнице — тетка. В первые годы царствования государыни Анны Иоанновны граф Головкин пользовался при дворе большим уважением, но под конец благоволение монаршее к нему весьма уменьшилось; причиною тому было беспристрастное суждение это-

го вельможи о поступках Бирона. Итак, не ожидая себе ничего доброго от врага, похитившего верховную власть, граф Головкин помышлял о низвержении деспота. Но средство, которое он намеревался употребить для этого, едва не обратилось на собственную его гибель. Благодушие и благосклонность хозяев привлекли гостей в дом графа Головкина; множество недовольных отставных офицеров находили тут убежище и отраду. В один день, когда посетили его некоторые из них, на преданность которых мог он твердо полагаться, граф спросил у них:

— О чем говорят в городе?

Они отвечали, что все негодуют на возвышение Бирона и соболезнуют об участи принцессы Анны. Что они знают многих гвардейских офицеров, готовых на все отважиться для отмщения оскорбления, нанесенного родительнице императора. Но эти офицеры, как и прочие благомыслящие люди, не имея руководителя, не ведают, как приступить к этому важному делу. Граф отвечал, что, по мнению его, лучшее средство — последовать примеру, употребленному в Москве в 1730 г. при восстановлении самодержавия, т. е. что все благонамеренные патриоты должны в назначенный для того день собраться в известном доме и целым обществом отправиться к принцессе с просьбою, дабы она избавила государство от ненавистного всем регента и бразды правления приняла бы в свои руки. Гости, одоблив предполагаемый способ, просили графа быть главою общества благонамеренных, но сей хворый и мучимый подагрой вельможа не мог принимать личного участия в предполагаемом предприятии, а советовал им обратиться к князю Черкасскому, уверяя, что министр сей столь же охотно склонится на представление их, как и прежде поступил он при поднесении императрице Анне прошения об отрешении аристократического правления. Дав такой совет и отобрав обещание, чтобы о нем ничего не упоминали, граф просил, чтобы, не откладывая надолго, завтра же, пригласив и других недовольных, все вместе явились к князю Черкасскому. Согласно с этим предположением, на другой день недовольные собрались к князю Черкасскому, объявили о причине прибытия своего и, напомнив о прежнем подвиге его, столь достохвальном и полезном для общества, просили князя отправиться с ними к принцессе и представить ее высочеству о желании народа. Князь Черкасский, спокойно выслушав просителей, с притворным видом одобрил намерение их и под предлогом отправления дел, не терпящих отлагательства, пригласил их прийти к нему на другой день. Едва они вышли из дома его, как оробевший князь, страшась гибельных для себя последствий от сего заговора, немедленно поскакал известить Бирона о сделанном предложении. Тотчас захватили всех приходивших к князю

Черкасскому, заключили в темницы и мучили пытками, допрашивая о числе и именах прочих соучастников. Несчастные объявили о некоторых, но, преодолевая все истязания, никто не упомянул о графе Головкине. В числе обличенных жертв находился Грамматин, правитель российской канцелярии принца Брауншвейгского. Под истязаниями пытки Грамматин не только признался, что знал об упомянутом заговоре, но открыл еще и о другом важнейшем, к составлению которого употреблялся он по согласию принца. Предполагали подговорить офицеров лейб-гвардии Семеновского полка, находившегося под начальством принца Брауншвейгского, и потом, склонив весь полк, идти во дворец и во что бы то ни стало захватить Бирона и всех его приверженцев. Грамматин успел открыться только одному капитану упомянутого полка князю Путятину, который обещал убеждать прочих офицеров. Князь Путятин, преданный истязаниям, признался и объявил о двух капитанах и об одном поручике, которых подговорил он принять участие в заговоре.

Открытие этих покушений должно было убедить Бирона, сколь ненавистно было правление его; что все мучения пыток недостаточны для предохранения тиранов от справедливой мести раздраженного общества! Деспот сей легкомысленно возлагал надежду на верность двух гвардейских полков, Измайловского и Конного, из которых над первым начальствовал брат его Густав, а над другим — сын его Петр. Желая показать пред всеми, сколь мало опасается он принца Брауншвейгского, призвал его к себе и в присутствии многочисленного собрания Бирон в ярости выговаривал за покушение к составлению заговора, называл принца неблагодарным, кровожадным и присовокупил, что поступками своими неминуемо лишится он всего. А как при последних словах принц нечаянно положил левую руку на эфес своей шпаги, то регент, приняв это за угрозу и ударяя по своей, с жаром закричал: «Если сомневаетесь, чтоб решился я разделаться с вами и сим путем, то извольте испытать».

Наконец по произнесении и других речей, внушенных злобой и ненавистью, на которые принц кратко возразил, что он отнюдь не обязан отвечать за «слова и поступки секретаря своего», растались они с большим против прежнего негодованием и ожесточением.

На другой день регент поручил барону Миниху*, брату фельд-маршала, объясниться с принцем Брауншвейгским. В отвращение

---

* Барон Христиан-Вильгельм Миних (умер в 1768 г.) — впоследствии действительный тайный советник, обер-гофмейстер и кавалер орденов св. Андрея и св. Александра. — *Примеч. рук.*

дальнейших неудовольствий и для пресечения всякого подозрения предложили принцу добровольно отказаться от всех должностей, занимаемых им в войске. Принц долженствовал покориться судьбе и уступил силе; присланный от него г. Кайзерлинг объявил регенту, что принц слагает с себя все военные почести. Обрадованный Бирон немедленно известил об этом гвардию и прочие полки. Не удовольствовавшись этим, деспот послал сказать принцу, что советует ему не выезжать из дворца, дабы народ, раздраженный за множество людей, по вине его заключенных в темницы и преданных истязаниям, не нанес особе его какого-либо оскорбления. Сколь дерзновенно поступал Бирон с родителями самодержца своего! Все с трепетом ожидали злейших последствий. Опасались, что принц с супругою будут или отправлены в Германию, или отосланы в какую-нибудь удаленную область Российского государства. Но внезапно один решительный муж предпринял отважное намерение ниспровергнуть могущественного Бирона и падением его прекратить все бедствия отечества.

8 ноября, перед полуднем, граф Миних по обыкновению приехал к принцессе засвидетельствовать почтение свое. Найдя ее одну, воспользовался этим случаем. С жаром и величайшим искусством описал он бедственное состояние государства, насилие и жестокости Бирона. Представил опасность, угрожающую самой принцессе, если правление долее останется в руках неукротимого ее врага. Обещал предать во власть ее Бирона низверженного и просил дозволить приступить к исполнению без малейшего отлагательства. А для одобрения в сем предприятии офицеров и рядовых убеждал принцессу, дабы она благоволила лично присутствовать при совершении его. Обрадованная Анна Карловна с неизреченным удовольствием приняла неожиданное предложение фельдмаршала; ум и мужество его подавали несомненную надежду к успеху. Положили, чтобы граф Миних в наступающую ночь прибыл в зимний дворец и взял от караула потребное число рядовых. Получив от принцессы уверение, что тайны этой она никому не откроет, даже и супругу своему, фельдмаршал отправился прямо к Бирону и остался у него обедать. Возвратясь домой, нетерпеливо ожидал он приближения ночи.

В тот же вечер молодая графиня Миних*, невестка фельдмаршала, не имея ни малейшего сведения о преднамерении тестя своего, приезжала к герцогине, провела тут вечер, ужинала у нее вместе с регентом и почти до полуночи пробыла с ними. Прощаясь с графиней, Бирон препоручил ей сказать фельдмаршалу, что по погребении

---

* Жена обер-гофмейстера Миниха, рожденная Менгден.

тела императрицы он получит такой подарок, что в состоянии будет заплатить все свои долги.

В два часа пополудни фельдмаршал с одним только своим адъютантом, подполковником Манштейном, поехал во дворец и через нарочно отставленные незапертыми ворота вошел в покои фрейлины Иулианы Менгден, родной сестры молодой графини Миних. Фрейлина Менгден, имея от принцессы предварительное повеление, в ту же минуту пошла разбудить ее. Правительница не замедлила выйти. Граф представил, что настал час решить судьбу Бирона, вновь просил принцессу, дабы она личным своим присутствием подкрепила предприятие. Но не сумев склонить на сие, исходатайствовал позволение представить ей караульных офицеров; просил объявить им волю свою и возбудить их к усердному исполнению. На последнее принцесса согласилась, и когда офицеры вошли, она изволила сказать им:

«Известны вам оскорбления, нанесенные государю вашему, мне и супругу моему. Наглость регента ежедневно возрастает, терпение мое истощилось, и я решилась наказать тирана. Твердо надеюсь, что вы, господа, все дышащие честью, не отречетесь оказать императору и родителям его важнейшую услугу: возьмете под стражу Бирона, которого насилие и жестокосердие терзают несчастное наше отечество. Итак, убедительнейше прошу вас последовать за фельдмаршалом и ревностно исполнять все его приказания: верность и усердие ваше получат достойное возмещение».

Произнеся это, принцесса обняла фельдмаршала и допустила к руке офицеров, пожелав им счастливого успеха. Граф Миних, сойдя в караульную, объявил о повелении принцессы. Весь караул единогласно отвечал, что он готов голову положить, дабы избавиться от жестокого регента. Фельдмаршал, приказав караулу зарядить ружья, взял трех офицеров и 80 гренадеров и отправился с ними в летний дворец, где жил Бирон и где тело покойной императрицы выставлено было на парадной кровати. Там находилось в карауле 300 человек. Если бы они были преданы регенту, то, без сомнения, поставили бы непреодолимую препону умышляемому предприятию, но фельдмаршал, по благоразумной предосторожности, назначил к исполнению такой день, в который караул в обоих дворцах занят был Преображенским полком, состоявшим под личным его начальством. В расстоянии 100 шагов от летнего дворца он послал вперед одного офицера с повелением караульному капитану, чтобы он с двумя офицерами немедленно явился к фельдмаршалу. Офицеры эти в то же мгновение пришли; Миних, с известной его твердостью и умом, объявил о причине прихода своего и о повелении принцессы арестовать Бирона, приказал, чтобы соблюдали глубочайшую тишину и не делали ни малейшего шума. Чтобы караул неподвижно стоял

на своем месте и ни один часовой не трогался с поста. Офицеры, приученные повиноваться повелительному гласу сего полководца, обещали все в точности выполнить и немедленно отдали согласный с тем приказ своим караульным. После этого граф Миних, подойдя к самому въезду во дворец, отрядил г. Манштейна с 20 рядовыми, приказав захватить герцога живого или мертвого. Манштейн шел с крайней осторожностью, потихоньку. Все часовые, узнав о предприятии, по данному им приказу свободно пропустили его, не оказав ни малейшего сопротивления. Вот убедительное доказательство, что никакая стража на свете не охранит злобного властителя, если не властвует он над сердцами. Таким образом Манштейн без всякого затруднения проник до комнаты, в которой спал регент. А как двери ее изнутри были заложены железным запором, то надлежало силою вломиться в покой. Шум, от того происшедший, разбудил Бирона. Объятый страхом, не ведал он куда скрыться и торопливо бросился под кровать; Манштейн отыскал тирана и вытащил из-под кровати. Обезумевший регент мечтал еще сопротивляться, оборонялся руками и ногами, но в подобных случаях всякое уважение исчезает. Гренадеры силой принудили Бирона к покорности, схватили его, завязали ему платком рот, скрутили руки, накинули на него шубу, вытащили из дворца и посадили в подвезенную ко крыльцу карету. Выбежавшую за Бироном в одной рубашке герцогиню, брошенную солдатами в снег, караульный капитан приказал одеть и отвести обратно в комнаты, где и приставили к ней часовых. Исполнив сие, фельдмаршал поспешно поехал к принцессе с донесением о счастливом совершении предприятия и привез с собой низверженного с высоты величия Бирона. Анна, находившаяся в чрезвычайном беспокойстве и страхе, с несказанною радостью приняла графа Миниха.

В ту же ночь взяты под стражу Густав Бирон, брат регента, и кабинетский министр тайный советник Бестужев, обвиняемый в непомерной приверженности к деспоту.

Перед рассветом дня зимний дворец окружен был непроходимыми толпами народа; все комнаты его наполнены были всякого звания людьми; в восторге едва верили столь счастливому событию. Анна Карловна, облекши себя титулом великой княгини в качестве правительницы империи, изволила при пушечной пальбе принять присягу от всех знатнейших чинов в придворной церкви. Собравшееся около дворца войско присягало на площади. Обрадованный народ спешил в церкви, с искренним сердцем целовал крест и торжественно обещал верность правительнице. Во все области Российского государства и ко всем иностранным дворам посланы были нарочные гонцы с этим известием.

Содействие графа Миниха к доставлению Бирону регентства и желания его

(Зап. Маншт., стр. 167—168)

Несправедливо говорит г. Манштейн, что граф Миних наиболее содействовал в доставлении Бирону регентства. В этом случае фельдмаршал долженствовал покориться силе обстоятельств. Равно без основания г. сочинитель упоминает о желаниях его. Граф Миних, зная недоверчивый нрав и неблагоприятное расположение к себе герцога, никак не мог предполагать, чтобы в награду за согласие, изъявленное вместе с тремя другими особами, регент исполнил все его желания и вверил ему главное управление государственными делами. Тщеславие могло возродить в честолюбивой душе графа Миниха желание возвыситься на степень генералиссимуса, но проницательный ум его ясно видел, что одно покушение к этому навлекло бы на него величайшее подозрение. И действительно сказать могу, что в продолжение Биронова регентства не помышлял он об этом, но желал единственно, чтобы правительство заплатило долги его. Не по причине неудачи в исполнении желаний своих и даже не по какому-либо отказу со стороны регента Миних решился ниспровергнуть этого страшного деспота. Любовь к отечеству, проистекшая от того ревность прекратить народное бедствие и опасение рано или поздно подвергнуться общему гонению руководствовали знаменитого полководца.

Об искании Минихом господарского достоинства

(Зап. Маншт., стр. 167)

Что касается до сказания г. Бишенга, помещенного в примечании г. Манштейна, будто бы фельдмаршал до покорения еще Молдавии просил императрицу пожаловать его господарем этой области, а потом домогался о пожаловании его герцогом украинским, то это, как и мнимый отзыв Анны Иоанновны, совершенно пустая и вымышленная сказка, о которой г. Манштейн, как человек, испытывший многие благодеяния от графа Миниха, не долженствовал бы и упоминать.

Вступление принцессы Анны в управление государством и поведение в этом случае графа Миниха

(Зап. Маншт., стр. 172 и след.)

Сочинитель недостоверно описал начало управления государством принцессы Анны. Вот некоторые подробности его. На другой день по низвержении Бирона граф Миних, призвав к себе рано поутру

сына своего и барона Менгдена, спросил мнения их: кого следует по достоинству и чем пристойнее наградить? После некоторого рассуждения приказал он сыну взять перо и писать со слов его.

Во-первых, просил ее высочество правительницу государства, чтобы она благоволила возложить на себя орден св. Андрея.

Во-вторых, во уважение важной заслуги, оказанной фельд-маршалом графом Минихом, пожаловать его генералиссимусом. Едва лишь окончил фельдмаршал последние слова, как сын его сказал:

— Конечно, по всей справедливости, никто не имеет более права требовать сего достоинства, как вы, но надлежит помыслить: не желает ли принцесса на сию высокую степень (возвести) супруга своего? Итак, дабы не подвергнуться отказу, не приличнее ли будет просить звание первого министра, столь же важное, как и первое?

Фельдмаршал, согласясь на сие замечание, спросил:

— Как же преклонить графа Остермана быть подчиненным первому министру?

— Доставив ему степень высшую отправляемой им вице-канцлерской должности, — был ответ сына и барона Менгдена. Фельдмаршал подхватил:

— Я вспомнил, что граф Остерман, составляя в 1732 г. новое положение для флота, показывал желание быть великим адмиралом; итак, мне кажется, что он доволен будет этим повышением.

— Кому же предназначается звание великого канцлера, вакантное с давнего времени? — спросил молодой Миних, а как отец замедлил ответом, то первый продолжал: — Хотя князь Черкасский по последнему своему поступку не заслуживает награждения, но как поведение его в этом случае должно приписать более робости, нежели прямой приверженности к бывшему регенту, то я думаю, что великая княгиня, предав забвению прошедшее, явит опыт величия души, который может несравненно сильнее содействовать утверждению ее правления, чем все розыскания и наказания прежних поступков. Итак, по мнению моему, не непристойно просить правительницу о возведении в канцлерское достоинство князя Черкасского.

Наконец, чтобы все главнейшие государственные должности заняты были природными россиянами, положили: графа Михаила Гавриловича Головкина предложить в вице-канцлеры.

Таким образом, составив роспись о повышении чинами и о пожаловании орденами, по уходе молодого Миниха и барона Менгдена фельдмаршал велел секретарю своему переписать ее набело. Но снедаемый тщеславием, которого он не мог преодолеть, прибавил к

статье, до него относившейся, неприличное выражение о том, что «достоинство генералиссимуса предоставляет он принцу Брауншвейгскому». Расписание сие было утверждено великою княгинею.

Милости, оказанные правительницею

(Зап. Маншт., стр. 172)

В тот же день, около 11 часов перед полуднем, правительница, возложив на себя орден св. Андрея, вышла и допустила всех к руке. Потом именем императора объявлены следующие повышения и награды: принц Брауншвейгский всемилостивейше пожалован генералиссимусом всех сухопутных и морских сил; фельдмаршал граф Бурхард-Христофор Миних — первым министром; граф Андрей Иванович Остерман — великим адмиралом с оставлением министром иностранных дел; князь Алексей Михайлович Черкасский — великим канцлером; граф Михаил Гаврилович Головкин — вице-канцлером с повелением присутствовать ему в тайном кабинете. Генерал-аншеф Андрей Иванович Ушаков, обер-шталмейстер князь Александр Борисович Куракин и адмирал граф Николай Федорович Головин получили орден св. Андрея, а тайный советник и московский губернатор князь Борис Григорьевич Юсупов, тайный советник и сенатор Василий Иванович Стрешнев, зять графа Остермана, и коммерц-коллегии президент барон Менгден — орден св. Александра Невского. После возвещения о сих милостях правительница возвратилась во внутренние покои и, призвав графа Миниха, вручила указ о пожаловании ему 100 000 рублей серебром. Обер-гофмаршал граф Левенвольде получил 80 000 рублей, действительный тайный советник барон Миних — 20 000 рублей; граф Миних, сын фельдмаршала, пожалован был обер-гофмейстером, а гофмаршалу Шепелеву и генерал-майору Апраксину, известному потом победою при Егерндорфе над прусским фельдмаршалом Левальдом, пожалованы богатые поместья. Весь народ российский ощутил благотворную перемену в правлении; сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось к облегчению участи несчастных, пострадавших под грозным деспотизмом Бирона как в регентство его, так и в государственное Анны Иоанновны. Каждый день просматривала она дела о важнейших ссыльных, предоставив Сенату облегчить судьбу прочих. Число всякого звания людей, томившихся в заточении, простиралось до многих тысяч человек. Находившиеся под истязанием в Петербурге немедленно были освобождены; все в знак прощения прикрыты знаменем, и многие за безвинно претерпенное гонение повышены чинами, определены к должностям или получили другие награды.

Такое прекрасное вступление в правление, доказывая превосходство сердца правительницы, долженствовало бы предвещать благополучную участь самой великой княгини. Но в книге судеб предначертан был ей жребий самый злополучный.

***Миних не получал от правительницы отказа
на просьбы свои***

(Зап. Маншт., стр. 173—176)

Предыдущее замечание опровергает заключение г. Манштейна, что граф Миних в первый день правления великой княгини Анны получил отказ на просьбу свою о возведении его в достоинство генералиссимуса и о пожаловании герцогом Курляндским; от первого желания отклонил фельдмаршала сын его, а последнее было слишком безрассудно и не могло прийти в голову умному Миниху. Справедливо, что порицали выражение, прибавленное графом Минихом, об уступлении звания генералиссимуса принцу Брауншвейгскому, но никогда ни слова не слышно было при дворе, чтобы он домогался быть украинским герцогом.

***Встреченное затруднение в переписке
между принцем Брауншвейгским и Минихом***

(Зап. Маншт., стр. 173—174)

Справедливо также, что в самом начале правления великой княгини Анны возник небольшой спор между принцем и фельдмаршалом об образе переписки. Последний, оставшись президентом военной коллегии, полагал сноситься сообщениями; принц требовал донесений; Миних, не желая из ничтожного дела заводить раздор, на все согласился.

***О внушениях Остермана и о показании Бирона
во вред Миниху***

(Зап. Маншт., стр. 173—175)

Не внушения хитрого графа Остермана, и не навет герцога Курляндского, и даже не мнимое опасение правительницы были причиною удаления графа Миниха. Фельдмаршал признавал необходимость пользоваться советами графа Остермана как по внешним, так и по внутренним делам государства. Великая княгиня тоже знала об этом, и тщетно бы Миних старался доказать противное. Низверженный регент показал: 1) что никогда бы не принял он на себя регентства, если бы не просил его о том убедительно граф Миних; 2) что если правительница не удовлетворит какой-либо просьбы этого графа, то должна будет крайне помышлять о безопасности своей.

Принцесса, поняв, что слова эти произнесены ненавистью и мщением, точно в этом смысле приняла навет Бирона; не обращала она также внимания и на другие нелепости, во вред Миниху распространяемые. Например, старались уверить правительницу, будто бы фельдмаршал имел тайные свидания с царевною Елизаветой Петровной. Принц Брауншвейгский, негодовавший на Миниха за то, что тот похитил у него честь низвержения Бирона, раздувал пламень раздора. Хотя трудно согласиться, чтобы принц успел с присущей Миниху отважностью и быстротою нанести Бирону смертельный удар, хотя очевидно было, что всякое отлагательство и медлительность в этом случае повлекли бы неизбежную гибель принца, ибо Бирон, несомненно, умышлял об изгнании его из России или заточении в отдаленную область, — но оскорбленное самолюбие отстраняло от себя такие рассуждения. К тому присоединить еще неудовольствие и за то, что фельдмаршал казался мало склонным споспешествовать выгодам Австрии. Ниже объясню настоящие причины, побудившие графа Миниха просить увольнения, а принцессу — согласиться на него.

***Предложение берлинского кабинета
о заключении союза***
(Зап. Маншт., стр. 175)

Саксонский курфюрст, заключив договор с регентом, сообщил о содержании его берлинскому двору. Король прусский, также желая преклонить Россию, дабы держава сия не препятствовала и его притязаниям на наследие Карла VI, препоручил пребывавшему в С.-Петербурге министру своему открыть о том переговоры; но едва посланник приступил к делу, как последовало низвержение Бирона. Происшествие это долженствовало произвести перемену в политической системе российского двора. Надлежало предполагать, что великая княгиня и супруг ее по близкому родству с императрицей-королевой неравнодушно будут взирать на умышляемые против нее предприятия. Итак, прусский король, приняв на себя личину, под предлогом искания дружества царствовавшего тогда в России дома, но в действительности с намерением усыпить его предложил оному заключить оборонительный союз; в декабре барон Мердефельд сделал об этом предложение российскому министерству. Фельдмаршал, опасно занемогший в это время, не принимал никакого участия в делах. Граф Остерман воспользовался болезнью фельдмаршала; с давнего времени будучи ревностным приверженцем бранденбургского дома, министр этот с таким искусством сумел изложить выгоды предлагаемого союза, что легко убедил правительницу согласиться на него. Как скоро граф Миних получил облегчение в болезни, великая княгиня повелела известить его о заключаемом договоре и

спросить мнения его. Фельдмаршал отвечал, что союз со столь могущественным соседом всеконечно полезен во время малолетия императора и при угрозе России войны со стороны Швеции. Но поскольку Россия приняла на себя ручательство по прагматическому уложению (*Sanctio Pragmatica*), поскольку не известны еще были ни преднамерения императрицы-королевы, ни замыслы противоборников ее, то предосторожность и справедливость требуют выжидать последствий, сообразить и тщательно рассмотреть прежние договоры и до времени воздержаться от заключения нового. Между тем, вероятно, и венский двор сделает какие-нибудь предложения. Невзирая на это замечание, невзирая на то, что не знали еще положительно о прямых преднамерениях прусского монарха, правительница настаивала на заключении предложенного договора. Существенные условия его состояли в том, что обе договаривающиеся державы взаимно ручаются за целостность европейских своих владений и обязываются в случае нападения на какую-нибудь из них вспомоществовать друг другу 12-тысячным корпусом войск.

Оставляю на суд читателя, можно ли порицать графа Миниха за мнение, изъявленное им в переговорах с прусским двором.

Возвращение австрийского посланника маркиза де Ботта к российскому двору

(Зап. Маншт., стр. 177)

Маркиз де Ботта, человек умный, ловкий, приятный, откровенный, отправляя прежде посольство при российском дворе, до такой степени умел снискать благоволение принцессы Анны, что государыня эта, приняв бразды правления, дала знать венскому кабинету, что она желала бы иметь при своем дворе австрийским министром маркиза де Ботта, и повелела обер-гофмейстеру графу Миниху письменно удостоверить маркиза в милостивом своем к нему благорасположении. Посланник этот прибыл в С.-Петербург в феврале 1741 г., когда еще не помышляли о вспомоществовании наследнице Карла VI.

Замешательство российского двора при получении известия о вторжении прусского короля в Силезию

Петербургский двор пребывал в совершенной безопасности, нимало не подозревая о неприязненных преднамерениях прусского короля, как внезапно пришло известие о вторжении Фридриха II в Силезию; известие это тем более встревожило, что, с одной стороны, ежедневно ожидали требования венского двора о вспомоществовании, с другой — не знали, как поступить с королем прусским, с которым

незадолго перед тем заключили союз и с которым поспорить при предстоявшем разрыве со шведами было крайне опасно. В этом затруднительном положении не изобрели лучшего средства, как отнестись к Фридриху, убедительнейше прося его примириться с императрицей-королевой и предлагая для этого посредство России. Граф Остерман, щеголявший красотой пера, истощил все свое красноречие. Письмо, отправленное прусскому монарху, по признанию всех знатоков, было написано превосходно. Ответ Фридриха был краток и ясен: если королева венгерская, не прибегая к решению распри посредством оружия, добровольно уступит ему некоторые области в Силезии, на обладание которыми имеет он неоспоримые права, то он не только готов заключить с нею мир, но обязывается подкреплять и защищать ее всеми своими силами против прочих неприятелей австрийского дома. Повторенные об этом уверения прусского короля петербургскому дому доказывают, что если бы Мария-Терезия в самом начале согласилась сделать некоторые жертвования, то несомненно сохранила бы она большую часть Силезии, но непреодолимая вражда к королю прусскому и какое-то непонятное предубеждение о добром расположении кардинала Флери удалили ее от всякого примирения. Маркиз де Ботта объявил петербургскому двору, что императрица-королева лучше согласится искать дружества версальского двора, чем уступит прусскому королю хотя один вершок земли из наследственных своих владений.

Происки венского министерства

Венский кабинет, пылая мщением против Фридриха II, предположил заключить союз с российским и саксонским дворами. Стремясь преклонить первый, успел он вступить в тесные связи с последним. В марте саксонский первый министр граф Бриль, по соглашению с упомянутым кабинетом, предложил петербургскому двору предначертание, чтобы соединенные силы трех держав обратили против прусского короля и разделить между собою все приобретенные завоевания. Для приведения в исполнение этого обширного предположения оставалось только исходатайствовать согласие России.

Едва лишь получено было известие о нападении прусского короля на Силезию, как маркиз де Ботта начал настоятельно просить вспомоществования от России. В совете, для того собранном, фельд-маршал представил: хотя Россия обязана поддерживать прагматическое уложение, при настоящих обстоятельствах, при угрозе со стороны Швеции, долженствует она с величайшей осмотрительностью располагать поступками своими и предварительно исследовать, в состоянии ли будет разделить военные свои силы, чтобы одной частью

их отразить умышленное нападение стокгольмского двора, а другую действовать за пределами империи. Граф Миних утверждал, что для отвращения предстоящей бури Австрия должна приложить старание о примирении себя с прусским королем, сделав некоторые пожертвования; что крайне опасно открывать брань и подвергаться превратностям счастья и тягостям военным. Однако венский двор, не приемля в уважение ни сих причин, ни предложенного совета, настаивал на поспешнейшем вспомоществовании и тщательно употреблял к тому все возможные средства. Две вдовствующие герцогини Брауншвейгские — одна бабка императрицы-королевы и принца Брауншвейгского, другая мать последнего и тетка первой — не переставали письмами своими убеждать правительницу и супруга ее, воспалая гнев их против прусского короля, осуждать поведение его и между многими приписываемыми ему пороками заметили и то, что государь сей розно почивал с супругою своею. Средства очень хорошо споспешествовали замыслам австрийского дома, (так) что когда дрезденский двор сообщил петербургскому о предположении своем, то правительница, нимало не затрудняясь, согласилась на оное. Хворый и не выезжающий из дома граф Остерман до такой степени умел приобрести доверенность принца Брауншвейгского, что сей почти ежедневно посещал его. Узнав через принца мысли правительницы в отношении предложения Саксонского курфюрста, хитрый министр воспользовался этим случаем, дабы угодить родителям императора и вместе с тем представить в превратном виде возражение графа Миниха, которое легко он предвидел. Итак, не только не осуждал он предполагаемого союза, но даже предложил скорее уполномочить пребывавшего при дрезденском дворе российского посланника заключить договор.

Мнение графа Миниха о предложенном союзе с венским и дрезденским дворами

Правительница, призвав графа Миниха, наедине спросила мнения его о предлагаемом союзе; фельдмаршал представил: «Я соглашаюсь, что по существующим договорам Россия обязана подкреплять австрийский дом вспомогательным войском, но предварительно надлежит со вниманием рассмотреть, что в то время, когда возбуждают против нее (т. е. России) шведов, в состоянии ли она разделить силы свои и для обороны империи, и для действия за пределами отечества? Но если бы и не встретили последнего затруднения, то и тогда, мне кажется, совесть спросит: можно ли, не подвергаясь упреку в вероломстве, вступать в союз, предложенный к покорению и разделению владений такого государя, который не причинил России

ни малейшего оскорбления и с которым в недавних днях заключен дружественный и оборонительный договор? Я простой ратник, провозждавший всю жизнь с мечом; я вовсе не понимаю хитростей дипломатии. Впрочем, если вашему высочеству непременно угодно открыть войну, то я советую начать ее со Швецией, угрожающей разрывом. Всегда лучше предупреждать неприятеля, нежели допускать его окончить свои вооружения. И в сем случае за особенную честь вменю себе начальствовать вашими войсками, ежели на сие последует воля вашего высочества».

Мнение, противоположное желаниям правительницы и принца, произвело ожидаемое графом Остерманом действие. Праводущие фельдмаршала называли пристрастием и превозносили похвалами хитрого противоборника его.

Объяснение графа Миниха с правительницей

После сего не спрашивали уже советов у фельдмаршала и без участия его приступили к заключению союза. Изготовили предписание российскому посланнику в Дрезден, дабы он присутствовал в конференциях саксонского двора по сему предмету и всевозможно бы старался скорее привести к окончанию начатое дело. По заведенному тогда обыкновению, граф Миних подписывал все исходящие из Кабинета бумаги, потому граф Остерман прислал к нему для подписания и вышеупомянутое предписание с извещением, что оно изготовлено по точной воле правительницы. Фельдмаршал, оскорбленный таким предложением, немедленно поехал к великой княгине с жалобой, что принуждают его подписывать такое дело, против которого представил он основательные возражения. Повторив прежде сказанное о вооружениях Швеции, удостоверил ее высочество, что открыв войну с этой державою, она отмстит за честь России; напротив того, вступив в предлагаемый союз, завлечет себя в посторонние брани, которые не могут прекратиться скоро и от которых империя не получит ни малейшей пользы. Когда же правительница с холодною сказала ему: «Удивляюсь, что вы один противоречите в таком деле, которое граф Остерман и все министры единогласно мне присоветовали», фельдмаршал отвечал: «Дабы впредь не подать вашему высочеству ни малейшего повода к неудовольствию за прекословие мое мнениям других, я смею просить увольнения от службы».

Сказав сие, почтительно поклонился великой княгине и вышел из комнаты. Возвратясь домой, послал в Верховный кабинет письменное представление о причинах, побудивших его не подписать повеление к российскому посланнику в Дрезден.

Увольнение графа Миниха

(Зап. Маншт., стр. 174—176)

Противники фельдмаршала, опасаясь, чтобы непоколебимая твердость сего воина не переменяла мыслей правительницы, поспешно старались разными наветами и происками раздражать сию благосердную государыню против графа Миниха; в собранном 7 марта совете положили уволить фельдмаршала от всех дел. Хотя гг. министры скоро решились удалить от правительства полководца, гремевшего победами, которого дарования нужны и полезны были обществу, но никто из них не отваживался сообщить ему это известие. Правительница вывела их из затруднения, повелев обер-гофмаршалу графу Левенвольде и обер-гофмейстеру графу Миниху уведомить фельдмаршала об увольнении и объявить ему от имени ее, что хотя она искренно удостоверена в благонамерении и усердии фельдмаршала к пользам империи, однако в отвращение бедственных последствий от несогласия в министерстве находит себя принужденною преклониться на принесенное от него прошение. Снисходя на это, просит фельдмаршала верить, что она во всю жизнь не забудет услуги и, в доказательство продолжения к нему уважения, не замедлит оказать явные опыты благоволения своего. Фельдмаршал принял известие это с обычной твердостью духа своего и просил донести великой княгине: если увольнение его от службы может принести малейшую пользу ее высочеству, то он за священную обязанность поставляет исполнить волю ее, отказываясь от всех должностей, на него возложенных, и, принимая с чувствами глубочайшего благоговения продолжение милостивого благорасположения правительницы, смеет испрашивать для себя одной милости — позволения предстать пред лицо ее высочества для принесения сердечной своей благодарности. На другой день фельдмаршал был допущен к великой княгине, которая объявила о пожаловании ему ежегодного пенсiona по 15 000 рублей серебром, предоставляя ему свободу жительства, где заблагорассудит.

Благоразумие совета, преподанного графом Минихом, вскоре оправдалось последствиями: война возгорелась со Швецией. Российские войска под предводительством фельдмаршала Ласи двинулись против этой державы.

Ожидания венского кабинета не сбылись

Через несколько дней после этого происшествия при свидании моем с маркизом де Ботта посланник этот превозносил похвалами графа Остермана, уверяя, что российские войска вскоре выступят в поход.

На что я заметил ему, что, по мнению моему, венский двор более бы выиграл, если бы граф Миних оставался в министерстве; что фельдмаршал никогда не противоречил обязанности вспомоществовать австрийскому дому тем или другим средством; что я уверен, если бы Австрия потребовала только вспомогательного войска, предопределяя ему действовать против другого какого неприятеля, а не против прусского короля, то несомненно получила бы сие пособие. Что касается графа Остермана, то я мыслю, что венский двор не много может ожидать от него, ибо министр этот всегда был постоянным доброжелателем прусской монархии и никогда не прилеплялся к пользам Австрии, а при настоящих обстоятельствах мнимая его ревность устремлена была единственно к погублению фельдмаршала. И действительно, вскоре маркиз де Ботта убедился в справедливости моего мнения. В то самое время, когда последовало российским войскам повеление изготovitься к походу, граф Остерман не переставал уверять барона Мердефельда об усердии своем к пользам прусского короля и о том, что он не намерен никогда вредить сему монарху, и просил, дабы Фридрих не тревожился движением русских войск и не опасался бы дальнейших последствий; несогласие, вскоре потом возникшее между венским и дрезденским дворами, вовсе разрушило составление предполагаемого союза и принудило Августа вступить в сношение с французским кабинетом. Когда маркиз де Ботта настаивал на поспешнейшем отправлении войск на помощь императрице-королеве, то вместо удовлетворительного ответа получил следующий отзыв: что Россия не оставит выполнить всех своих обязанностей против австрийской державы, как скоро прекратится всякое опасение со стороны Швеции.

***О мнимом намерении Шах-Надира
вступить в брак
с Елизаветой Петровной
(Зап. Маншт., стр. 179)***

Приписываемое Шах-Надиру, или Кули-хану, намерение вступить в брак с Елизаветой Петровной есть пустая выдумка. Шах этот, упоенный торжеством, над Великим Моголом приобретенным, намеревался напасть на турок и изгнать их из всех областей, отторгнутых Портою у персидской монархии; он желал, чтобы Россия содействовала этому важному замыслу; с таким предложением персидский шах прислал посольство к петербургскому двору с богатыми подарками, похищенными в сокровищах индийской столицы Дели; посол персидский привел с собою между прочими драгоценностями четырнадцать слонов и тридцать верблюдов.

О приеме маркиза де ла Шетарди

(Зап. Маншт., стр. 179)

В качестве посла маркиз де ла Шетарди был допущен на аудиенцию к императору. Малолетнего государя держала на руках сама великая княгиня. Представив новые верительные грамоты, маркиз возвратился с аудиенции как полномочный министр.

О фрейлине баронессе Менгден

(Зап. Маншт., стр. 179—181)

Фрейлины баронессы Менгден были двоюродные сестры барона Менгдена, о котором упоминает г. Манштейн. Иулиана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткого нрава. Столько же предана она была великой княгине, сколько та любила ее всем сердцем. Не будучи сотворенной к притворным проискам, не хотела она принимать ни малейшего участия в делах. Беспечная по природе, Менгден не могла приметить этого недостатка в государыне своей, следственно не могла и сообщить ей оного. Заботы государственные подавали иногда повод к размолвке между правительницей и супругом ее; молодая фрейлина, не имея никакого понятия об оных, не могла примирить супругов, а тем менее ссорить их, ибо доброе сердце сей девицы опровергает такую клевету. Что касается до обвинения, будто бы она содействовала великой княгине в делах любовных, то кто поверит, чтобы обрученная молодая девица, влюбленная в жениха, стала вспомоществовать сопернице своей? Дружба между женщинами не простирается так далеко.

О предложении правительнице вступить на престол

(Зап. Маншт., стр. 192)

Законоположение, чтобы дочери, рожденные и впредь рождаемые от супружества великой княгини Анны с принцем Брауншвейгским, наследовали российский престол в случае пресечения мужского колена этого дома, была пустая мысль графа М. Г. Головкина. На это не нужно было никакого нового постановления. Вице-канцлер, не удовольствуясь таким вымыслом, несколько дней спустя предложил правительнице взойти на престол и царствовать совокупно с сыном своим. Легкомысленное это предложение не могло быть принято. История всех веков ясно убеждает, что совокупное государственование двух лиц всегда сопровождается бедствиями, а тем более угрожало оно гибельными последствиями для народа, издревле привыкшего повиноваться единой верховной власти.

О намерении уступить шведам Кексгольм

(Зап. Маншт., стр. 181—182)

Вопреки мнению г. Манштейна, российское министерство с самого вступления в правление государством великой княгини и принца Брауншвейгского, близкого родственника императрицы-королевы, предвидело, что Франция будет возбуждать шведов на Россию, как только держава эта примет участие в судьбе австрийского дома. Нельзя было предполагать, чтобы Швеция по заключении сейма приступила к примирению, и весьма бы неосторожно поступил граф Остерман, если бы согласился на уступку Кексгольма с принадлежащим к нему округом. Положение этого укрепленного города на Ладожском озере доставило бы шведам удобную возможность тревожить многие уезды С.-Петербургской и прилежащих губерний и даже самую резиденцию. И какая побудительная причина могла склонить на такую крайность? Неприятель не открывал еще неприязненных действий, и Россия могла противопоставить ему достаточные силы.

Причины, побудившие Елизавету Петровну к вступлению на престол, и меры, для того принятые

(Зап. Маншт., стр. 193—197)

Мысль о бракосочетании царевны Елизаветы Петровны с принцем Людвигом Брауншвейгским, братом правительницы, была, так сказать, мгновенной и немедленно преданной забвению. Не только не принуждали царевну к этому браку, но даже никогда не предлагали ей об этом явно. Впрочем, если бы согласилась она на супружество это, прекословившее пользам ее, то и тогда предлежало бы преодолеть другое затруднение: принц десятью годами был моложе царевны и не чувствовал к ней ни малейшей склонности. Не предложение этого супружества пробудило Елизавету от сна. Французский посланник маркиз де ла Шетарди заботился об этом гораздо раньше. Версальский кабинет в данных этому министру наставлениях предписал стараться всемерно сеять раздоры в России, дабы тем ослаблять эту державу и не допускать ее вмешиваться в дела австрийского дома. Де ла Шетарди внушил Елизавете Петровне мысль ко вступлению на престол, всевозможно возбуждал и поощрял ее к этому; приводя в пример смелое предприятие Миниха, успехом увенчанное, доказывал, что и она может подобным же путем овладеть державою. Французский посланник снабжал царевну деньгами, но в малом количестве; с таким слабым пособием Елизавета Петровна приступила к произведению дерзновеннейшего предприятия; первоначально привлекла на свою сторону только двенадцать гвардейских

гренадеров, обладала и одарила их. Будучи твердо уверена в непоколебимой преданности этих решительных людей, посредством их, когда наступила ночь, низринувшая в бездну злополучий брауншвейгский дом, Елизавета умножила число сообщников своих гренадерскою ротой Преображенского полка.

О сношениях Елизаветы Петровны со Швецией

(Зап. Маншт., стр. 194)

Сношения Елизаветы Петровны со Швецией, о которых упоминает г. Манштейн, состояли в обещании, исторгнутом маркизом де ла Шетарди. Усердствующий царевне француз желал безделицы: чтобы Россия возвратила Швеции все области, Петром Великим покоренные! Елизавета не согласилась дать письменного обещания, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всем положились на слово ее. Последствия показали, что Елизавета Петровна перехитрила лукавого француза и ослепила шведов.

Причины, погубившие правительницу

(Зап. Маншт., стр. 195)

Правительница имела многие доказательства о заговоре, но будучи излишне доверчива и крайне беспечна, не решилась употребить сильные средства, которые природа внушает к защищению нашему. Все споспешествовало к погублению великой княгини Анны Карловны. Несогласие ее с супругом; устранение от дел мужей, которые умом своим могли бы поддерживать ее, как-то: Миних, Бестужев; связи с графом Линаром и слепая доверенность к этому иноземцу. Саксонский посланник, поссорясь с графом Остерманом, злобно очернил этого министра, представил его коварным, опасным, недоброхотствующим правительнице; даже успел возбудить подозрение на принца Брауншвейгского, действовавшего, как он говорил, по внушению Остермана. Принцесса всему легко поверила, прекратила благоволение к графу Остерману, не хотела принимать от него никаких представлений; не внимала советам супруга своего. Тщетно покушался Остерман открыть глаза правительнице; тщетно желал он предостеречь ее от угрожавшей опасности. Принцесса с презрением отвергала все представления единственного человека, могущего подать спасительные советы в таком деле, от которого зависели и сохранение и судьба ее. К большей же безрассудности правительница вздумала объясниться с противоборницей своею наедине: слезы и притворные знаки усердия последней совершенно усыпили первую. Елизавета Петровна, приведенная этим объяснением в большое беспокойство и замешательство, поспешно возвратилась во дворец свой, призвала приближенных своих и по

совещании с ними решила в наступающую же ночь внезапно совершить замышл, который, по предположению французского посланника, намеревались произвести в действие месяцем (позже) и совсем иным способом, не подававшим большой надежды к успеху. Алексей и Кирилл Гавриловичи (Григорьевичи) Разумовские, Михайло Ларионович Воронцов, Александр и Петр Ивановичи Шуваловы, Василий Федорович Салтыков, все соделавшиеся потом знатыми и сильными вельможами, и медик Лесток непосредственно содействовали императрице Елизавете Петровне при восшествии на престол.

Разрушенные замыслы маркиза де ла Шетарди

Маркиз де ла Шетарди пришел в чрезвычайное изумление, когда среди ночи разбудил его присланный от Елизаветы Петровны камергер П. И. Шувалов и уведомил о восшествии ее на престол. Приняв на себя личину, посланник изъявил притворную радость и поспешно поехал в цесаревин дворец. Толпы волнующегося по улицам народа, с восторгом увидевшего на троне дочь незабвенного в сердцах наших монарха, стоявшие под ружьем гвардейские полки, раздававшиеся в воздухе громогласные восклицания: «Да здравствует наша матушка императрица Елизавета Петровна!» приводили маркиза в сильное смущение. Внезапно совершенный Елизаветою удар разрушил все зловерные его замыслы: доброхотствующий России француз желал, чтобы перемена эта произведена была по его предначертанию; чтобы шведы приблизились к берегам Невы, силою оружия своего споспешествовали возведению на престол Елизаветы, предписали ей законы в стенах столицы, основанной победителем их*, — и тогда-то маркиз мечтал беспрепятственно и самовластно господствовать при российском дворе.

Изображение великой княгини и правительницы Российского государства Анны Карловны

(Зап. Маншт., стр. 198—199)

Изображение великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейном, есть вымышленное. Вот как описывает ее один человек, имевший честь знать эту государыню коротко.

---

* Не постигаю, на чем мог г. Шетарди основывать такое затейливое предначертание; кажется, при самом начале войны с Швецией ясно видима была безрассудная опрометчивость кабинета сей державы: российские войска с обыкновенным бодрым своим духом выступили против неприятеля, внесли оружие в пределы его, настигли шведские силы у Вильманстранда, со свойственным им мужеством напали на шведов и разбили их и вильманстрандскую крепость покорили приступом. — *Примеч. рук.*

Великая княгиня родилась в Ростке в 1718 г. от Карла-Леопольда, герцога Мекленбургского, и Екатерины Иоанновны, старшей дочери царя Иоанна Алексеевича, и наречена при крещении Елизаветой-Екатериной-Христиной. По кончине герцога с родительницей своей прибыла в Москву в 1722 г. и, вскоре лишившись матери, осталась в сиротстве. Анна Иоанновна, родная тетка принцессы, по восшествии своем на российский престол обратила особое попечение на воспитание ее и, будучи безбрачной, почитала ее за собственную дочь. В 1733 г. принцесса, будучи миропомазана в греко-российское исповедание, наречена Анною. В июле 1739 г. среди пышных и великолепных празднеств, продолжавшихся несколько дней, сочеталась она браком в Петербурге с Антоном-Ульрихом, принцем Брауншвейг-Вольфенбюттельским. Принц этот был родной племянник Шарлотты-Христины, супруги царевича Алексея Петровича, и брат родной же герцога Фердинанда, знаменитого полководца, разделявшего славу триумфов с Фридрихом Великим. Низверженная с престола, Анна Карловна влачила остаток жизни своей в Холмогорах, где и скончалась в родах в 1746 г. Тело ее привезено в Петербург и с надлежащей почестью погребено в Александровском монастыре.

Анна Карловна была статна, ростом выше среднего, волосы имела темно-каштанового цвета, которые подчеркивали белизну лица ее; хотя черты лица у нее не были правильные, но это вознаграждалось приятным и привлекательным видом. В убранстве не следовала щегольству покойной тетки своей.

Правительница одарена была хорошим умом, добрым сердцем и возвышенной душою. Нимало не заразаясь подозрением отправлявших (отравлявшим?) двор Анны Иоанновны, она украшалась привлекательным чистосердечием. Будучи откровенна, с негодованием взирала на притворство, столь необходимое при дворах; потому приближенные покойной императрицы, привыкшие к раболепной лести, несправедливо называли ее надменной и пренебрегающей всеми. Заслуги награждала щедро, ко всем была благотворительна, никому в жизнь свою не сделала зла, с комнатными служителями обращалась кротко и милостиво, и можно сказать, что они обожали ее.

Первейшее блаженство супругов — как на троне, так и в хижине, — если они имеют полную доверенность друг к другу; величайшее же злополучие для них, когда лишены сего сладчайшего удовольствия. Анна Карловна не наслаждалась таким счастьем. Противоположность во нравах, склонностях, словом, слабое уважение правительницы к принцу, с которым сочеталась она против воли, никогда не могли произвести сердечной связи между этими злополучными супругами.

Принудительная жизнь, которую Анна Карловна вела с самых нежных лет, тщательный надзор за всеми поступками ее и позволение видаться только с некоторыми известными особами сделали ее задумчивой и поселили в ней такую наклонность к уединению, что по вступлении в правление государством тягостно было для нее принимать к себе разных (лиц) и являться в больших собраниях двора.

Сделавшись правительницей, Анна Карловна с особенным удовольствием проводила время в малочисленном избранном ею обществе. Тут всегда видели ее веселой и приятной в обхождении. Уважая достойных иностранцев, призывала некоторых из них в короткие свои беседы; в числе таковых находился австрийский посланник маркиз де Ботта и английский — г. Финк. По-русски, по-немецки и по-французски говорила свободно. Чтение, особенно драматических творений, составляло приятнейшее ее времяпровождение; однажды при таковом упражнении сказала, что внимание ее преимущественно привлекают те сочинения, в которых представляется несчастная государыня, с благородною гордостью и величием духа переносящая бедствие и узы. Посему можно бы подумать, что она имела предчувствие об угрожавшем ей злополучии, но справедливее заключить должно, что слова сии произнесены умом, преданным горестной задумчивости. Та же причина влияла в нее страсть к уединению и покойной жизни, не возмущаемой никакими занятиями и заботами. Почти и нельзя сомневаться в этом по следующему изречению, многократно ею повторенному. Госпожа Адеркас, находившаяся в числе наставниц при воспитании великой княгини, имевшая прежде пребывание в Гамбурге, сделала ей столь привлекательное описание о приятностях жизни, каковой наслаждаются там люди, удалившиеся от большого света, что поразившись этой мыслью, правительница часто в минуты неудовольствия произносила: «Боже мой! Для чего не могу я проживать в Гамбурге, устраненной от суеты пышных дворцов и всякого величества!»

Молодая баронесса Иулиана Менгден пользовалась особой милостью Анны Карловны. Согласие в нравах породило, а неограниченная преданность баронессы и совершенно укрепила ее. Комнаты, занимаемые Менгден, были смежными с покоями правительницы, и в продолжение траура по покойной императрице вечерние собрания каждодневно происходили в них; не могу согласиться с г. Манштейном, чтобы наперсница эта управляла всеми действиями государыни своей и располагала образом жизни ее. Правительница была упорна в своих мнениях, имела особые наклонности и свой образ мыслей. Баронесса никогда ни в чем не противилась и не противоречила ей.

Анна Карловна не скучала, занимаясь государственными делами, и обращала на них тщательнейшее внимание. При избрании людей к должностям взирала более на честность и праводушие, нежели на дарования. Дабы все подданные могли свободно представлять о своих нуждах, учредила она при кабинете новую должность генерал-реклетмейстера и назначила один день в неделю, в который всякий имел безвозвратный ход во дворец для подания упомянутому чиновнику прошения. Она охотно рассматривала просьбы эти и справедливые без отлагательства удовлетворяла. Благополучна была бы участь Анны Карловны, если бы она, преодолев природную свою беспечность, обращала более попечения на безопасность свою и всего своего дома!.. Будучи добродушна и имея благородный образ мыслей, [она] не ведала, что осторожность есть мать безопасности.

Ссылка Миниха, Остермана, Головкина и пр.
(Зап. Маншт., стр. 200—204)

Рассматривая летописи российской истории XVIII столетия, с изумлением замечаем чудесные превращения счастья. Воцарение каждого государя низвергает возвышенных властью предшественника и мощной рукою старается возвысить наперсников нового повелителя. Видя жестокие примеры, как все любимцы счастья и другие мужи деловые, государственные, каждый в свою чреду, или погибал, или падал в ничтожество, все умы, естественно, объаты были невольным страхом, всякое дарование и благородное честолюбие должныствовали исчезать во мраке неизвестности. Екатерина II, служащая образцом всем царям мира, первая показала пример праводушия, что есть возможность изливать новые благодеяния, не погубляя, не оскорбляя и не унижая служивших прежнему правительству. Только в ее благословенное время пресеклись гонения, лишения чести, свободы, ссылки и казни, жестоко преследовавшие роды знатных во все правления преемников славного престола Петра Великого; Елизавета Петровна, государыня действительно благосердая, без содрогания по восшествии своем на трон подписала приговор, достойный решения константинопольского дивана.

Преступление погубленных ею знаменитых жертв состояло единственно в приверженности их к императрице Анне, в ревностном служении этой государыне. Итак, не справедливее ли, не благоразумнее ли поступила бы Елизавета, если бы, продолжив к ним монаршее благоволение, старалась извлечь пользу для государства из опытности и отличных их дарований? Разум, совесть, великодушие, правосудие говорили в пользу гонимых, но бессмыслие, злоба, алчность к корысти сделали иные внушения и возбудили к жестокости сердце доброй государыни. Тогда многие жадничали похитить

описанное имущество злополучных ссыльных; другие, не имея дарований этих несчастливцев, помогали занять их должности; иные мщением руководствовали себя. Де ла Шетарди тоже хотел воспользоваться этим обстоятельством. Находясь в большой силе при петербургском дворе, он желал удалить от управления государственными делами достойных и опытных мужей, дабы низринуть Россию в то ничтожество, из которого Петр Великий с такой мудростью и усилиями извлек ее. Таким образом, тщательно занимаясь тем, чтобы при российском дворе не было людей твердых и проницательных, которые бы могли воспротивиться коварным замыслам версальского кабинета, не только непосредственно содействовал гибели Миниха, Остермана, Головкина и проч., но происками своими совокупно с прусским министром был причиною, что Россия лишилась двух знаменитых полководцев — Левендаля и Кейта и многих отличных офицеров, перешедших из российской во французскую и прусскую службу. Так во все времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству.

Изображение фельдмаршала графа Миниха
(Зап. Маншт., стр. 200—201)

Г. Манштейн, сказав, что характер фельдмаршала графа Миниха был противоположное совокупление добрых и дурных качеств, старается, нисколько не щадя его, убедить в справедливости сего заключения. Непрекословно, что граф Миних имел недостатки, но укажите мне великого человека, который бы изъят был от них. Г. Манштейн на погрешности фельдмаршала смотрел в увеличительное стекло. Я коротко знал этого полководца и смею уверить, что он не был грубияном, но с неисправных взыскивал неослабно: правило, необходимое для удержания в войске благоустройства. Миних был вспыльчив, но никогда не выступал из пределов благопристойности. Необманчиво постигал прямое достоинство, справедливо отличал и награждал заслуги и удалял от себя неспособных к делу и тунеядцев. Домашние его расходы несоразмерны были доходам; где достоинство сана его требовало нарочитых издержек, там не жалел денег; но во всяком другом случае строго взыскивал с управителя дома своего и требовал, чтобы наблюдались в нем порядок и бережливость. Никогда не видели в нем подлого льстеца; обращая в свою пользу всякое обстоятельство, он умел искусно угождать временщикам или услугою, кстати оказанной, или приятным подарком. Честолюбие господствовало над ним, и он знал цену свою. Напрасно порицали его в гордости. Читатель правосудия и добродетели, Миних гнушался лихоимством и несправедливым стяжанием богатства. Похвалы о себе слушал с удовольствием; любя похвалы, не остерегался ласкателей, и можно ли строго осуждать его за эту слабость, которой подвержены

были многие знаменитые мужи, предшествовавшие ему и последовавшие по нем? Отдавая справедливость воинским дарованиям графа Миниха, г. Манштейн говорит, что он мало способен был к отправлению звания первого министра. На это замечу, что фельдмаршал по стечению обстоятельств вынужденно принял на себя это достоинство и отправлял важную должность первого министра столь короткое время, что никак нельзя решительно сказать ни о способности, ни о малоспособности его к ней. Впрочем, нет сомнения, что совет, преподанный им правительнице при случае предположенного союза с венским и дрезденским дворами, делает ему честь и похвальнее коварных уверток противоборников его. Не знаю, на чем основался г. Манштейн, говоря: кто желал выманить от фельдмаршала тайну, тот долженствовал только прекословить ему и раздражать его; короткие знакомые не замечали в фельдмаршале этого недостатка, и сочинитель, говоря о человеке необыкновенном, обязан был представить в доказательство хотя один пример. О предприятиях своих Миних редко открывался; единожды обдумав и удостоверясь в доброту предположения своего, не почитал нужным спрашивать советов. Он много уважал мужество и воинские дарования графа Левендаля, бывшего потом французским маршалом. Генерал этот тоже почитал фельдмаршала. Однажды, разговаривая со мною и отдавая похвалу графу Миниху, Левендаль сказал: «Жаль только, что он не принимает ничьих советов»; тот же Левендаль посетил меня вскоре по несчастии фельдмаршала и, изъявляя соболезнование о бедственной участи своего бывшего предводителя: сказал: «Я не знаю, в чем состоит преступление графа Миниха, но если бы и не учинил он никакого, то я бы все [равно] обвинил его и предал суду за то, что он первый подал опасный пример — как с помощью роты гренадеров можно низвергать и возводить на престол государей».

***Биографическое известие
о фельдмаршале графе Минихе***
(Зап. Маншт., стр. 200—201)

Когда Утрехтский мир прекратил брань, возникшую за наследие испанского престола, и войска ландграфа Гессенского возвратились в отечество свое, тогда граф Миних, не сотворенный к спокойной жизни, вознамерился явиться на новом позорище. Оставив гессенскую службу, в которой был он полковником, перешел в службу польского короля, занятого в то время покорением остатков войск стороны, поддерживаемой шведами. Август II принял Миниха с чином генерал-майора и, желая учредить корпус войск на жалованье республики, поручил ему образование его. Миних начал составлением одного полка, который потом существовал под названием

польской коронной гвардии. Фельдмаршал граф Флеминг, первый министр и наперсник короля, был назначен полковником, а Миних — командиром сего полка. Они условились между собою, чтобы выгодами, от полка получаемыми, первые три года пользовался Миних один в награду понесенных им трудов при учреждении, а впоследствии — разделять пополам. Сколь ни справедливо было таковое условие, но граф Флеминг, узнав, что доход от полка простирался свыше 8 000 ефимков ежегодно, хотел нарушить договор. Миних не уступал права своего. Из-за того произошло между ними приметное охлаждение. Между тем прибыл в Варшаву знаменитый Герц и, по давнему знакомству с Минихом, остановился у этого генерала. Герц заметил, что Миних с неудовольствием продолжает службу Августа II, воспользовался этим случаем, чтобы доставить своему государю хорошего воина, и по данному полномочию предложил Миниху патент на чин генерал-поручика шведских войск. Но так как Карл XII в том же году был убит под Фридрихсгаллем, а несчастный Герц потерял голову на эшафоте в Стокгольме, то Миних, не помышляя более о вступлении в войска бывшего северного героя, скрывал свое неудовольствие; в 1719 г. по повелению Августа II ездил он в Дрезден, дабы присутствовать и участвовать в великолепных празднествах, которые давал этот расточительный король по случаю бракосочетания наследного принца с австрийской эрцгерцогиней Марией-Иозефиной, дочью покойного императора Иосифа I. Король принял его с отличной милостью, и граф Флеминг оказывал наружные знаки благорасположения. Возвратясь в Варшаву, вскоре Миних увидел злоумышление министра, который не переставал заниматься полковыми доходами. Действительно ли жадничал он пользоваться ими или этим способом намеревался вытеснить Миниха, только желая всячески вредить этому генералу, преклонил некоторых офицеров разглашать, что полковая сумма употребляется Минихом неправильно. Оскорбительные речи об этом полковника Бонафу дошли до ушей Миниха. Справедливо раздраженный Миних вызвал Бонафу на поединок и прострелил ему грудь, но, по счастью, не смертельно.

При этом случае Август оказал Миниху благоволение свое необыкновенным образом, заслуживающим, чтобы упомянуть о нем. Дабы укрыть себя от преследования в случае смерти Бонафу от раны, Миних ушел в один монастырь и прожил в этом убежище несколько недель. В это время король пожелал осмотреть небольшой канал, строившийся под руководством Миниха у Уяздова, загородного дворца. Дорога туда лежала мимо упомянутого монастыря; Август, приблизясь к монастырским воротам, остановился, велел позвать Миниха, посадил его с собою в карету и поехал к каналу; осмотрев все работы и изъявив удовольствие и благодарность директору, отвез

его обратно в монастырь. Невзирая на сие, не укротилась злоба г. Флеминга, и король, совершенно благорасположенный к Миниху, но поработенный власти первого министра, не мог защитить достойного генерала. Ненависть простерлась столь далеко, что Флеминг вздумал однажды арестовать Миниха. Это возродило спор между министром и коронным генералом г. Синявским. Миних в качестве генерал-майора республики и командира польской гвардии зависел от коронного генерала. Граф Флеминг, хотя был саксонский фельдмаршал, но в польских войсках имел только звание полковника гвардейского полка, следовательно, был подчинен тому же чиновнику. Г. Синявский, найдя поступок графа Флеминга оскорбительным для себя, немедленно возвратил Миниху шпагу, удостоверяя его в своем покровительстве.

Князь Григорий Федорович Долгорукий, находившийся в Варшаве чрезвычайным российским послом, будучи свидетелем этого происшествия, убедил Миниха перейти в службу государя своего, продолжавшего тогда брань со шведами. Миних, лишившийся в это время отца, под предлогом получения наследства испросил у польского короля увольнение в отпуск и получил от него на дорогу 500 червонных, но вместо того чтобы ехать в Ольденбург, отправился под чужим именем в Ригу, где находился Петр I. Хотя и не исходатайствовал от сего государя всего князем Долгоруким обещанного, однако заключил условие на вступление в российскую службу. Миних обязывался прослужить шесть лет, первые три года в чине генерал-майора, а на четвертый обещано произвести его в генерал-поручики. По заключении сего договора поехал он в Ольденбург для принятия наследства и в то же время, испросив увольнение от службы польского короля, скоро возвратился в Россию.

Великий царь, проникнув отличные дарования Миниха, поручил ему главное смотрение над устройением Ладожского канала, едва начатого и плохо производимого. При этом директоре все пошло иначе: деятельность его поощряла подчиненных; ум его руководствовал к прочному и правильному устройению всех работ. Петр незадолго пред кончиною своею изволил прибыть для обозрения отделанной части канала, осмотрев работы, пожелал, чтобы в присутствии его спустили воду. Сев с Минихом и одним офицером на случившийся на берегу ботик, император повелел открыть ворота и по стремлению пущенной воды первым въехал в сотворенный волею его канал. Столь велика была радость мудрого и о благе подданных неутомимого Петра, что он, в восторге махая шляпою над головой, многократно изволил прокричать «ура». Торжественно благодарил и обнимал Миниха. Отужинав и проведя ночь в укромном жилище этого генерала, государь на другой день отправился в Петербург, и в первое происходившее потом заседание Сената император в

присутствии его похвалил искусство всех работ канала и отличную ревность Миниха и повелел Сенату учинить потребные распоряжения, дабы к совершенному окончанию сего важного и преполезного для государства предприятия доставлены были все нужные пособия.

Неоспоримо, что граф Миних был из лучших инженеров и знаменитейших полководцев своего времени. Твердый в начальстве, решительный в предприятиях, был мужествен, проницателен и быстр на поле сражения. Просвещение его было обширное; в истории почерпал он уроки для поведения своего; в математических науках имел большие сведения и артиллерийскую часть знал превосходно.

При пяти различных правлениях российских монархов Миних пользовался отличным уважением и доверенностью.

Екатерина I пожаловала его первым генералом и кавалером новоучрежденного ордена св. Александра Невского. Петр II повелел ему быть председательствующим государственной военной коллегии, градоначальником в С.-Петербурге в отсутствие двора, пожаловал деревнями в Лифляндии, а в день коронования своего возвел его в графское достоинство. В царствование Анны Иоанновны Миних приобрел многие награды и самые знаменитые достоинства: орден св. Андрея, шпаги и орденские знаки, алмазами украшенные, многократно денежные подарки, звание генерал-фельдцейхмейстера, генерал-директора над фортификациями, над Ладожским каналом и Балтийским портом, подполковника лейб-гвардии Преображенского полка и члена Верховного кабинета; в 1732 г. возведен в степень генерал-фельдмаршала. В начале регентства при правительнице Анне Карловне получил достоинство первого министра и при ней же вскоре по прошению его уволен от всех дел.

С восшествием на российский престол Елизаветы разразился гром над головою Миниха, и в продолжение всего государствования этой монархини Миних претерпевал жесточайшее гонение, а Россия лишена была знаменитого полководца. Петр III возвратил ему свободу и достоинства, кровью и заслугами отечеству приобретенные, Екатерина Великая удостоивала Миниха отличным благоволением и пользовалась советами его.

Сказанное г. Манштейном о пребывании фельдмаршала в ссылке большей частью ложно. Он содержался под строгим присмотром, не позволяли доставлять к нему ни перьев, ни бумаги и запрещали вести с ним переписку, даже и семейству его. Следовательно, не мог он ни посылать увещательных писем к правителям сибирских губерний, ни угрожать им о донесении императрице о злоупотреблениях. Но справедливо, что он внушал к себе почтение и приставленные к присмотру за ним чиновники не смели поступать с ним, как с прочими ссыльными, не смели ничего похищать из отпускаемого на содержание его. Фельдмаршал по возвращении из ссылки

говорил мне, что сохранил у себя три карандаша, выдирал он из присылаемых ему месяцесловов белые листы и на них писал рассуждения о воинстве и о внутреннем управлении Российского государства, но узнав, что один из приставов заметил это и намеревался сделать донос, все написанное бросил он в огонь. Также справедливо, что граф обучал геометрии одного из приставов своих, способного и страстного к просвещению молодого человека.

Примечание о графе Минихе по возвращении его из ссылки

В примечаниях издателя «Записок...» г. Манштейна* вкрались некоторые погрешности. Сын графа Миниха, сопровождаемый своими детьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными во время ссылки его в Вологде, прибыл в Петербург за несколько недель до родителя своего. Тут нашел он уже приехавших из Риги старшую дочь свою и супруга ее барона Фитингофа. При получении известия о приближении фельдмаршала к Петербургу сын его с прочим семейством выехал ему навстречу за тридцать верст от столицы, и застали его садящимся с графиней за обед. Не дочь знаменитый старец увидел через двадцать один год горестной разлуки, но внучку свою, а о существовании других внучат не имел и понятия. Миних советовал Петру III ехать прямо не в Петербург, где уже сердца всех преклонились пред Екатериною, но в Кронштадт, наполненный и войском и флотом; таковыми пособиями, с которыми возможно было если не противиться торжествующей противоборнице, то по крайней мере приобрести снисхождение и согласие ее, чтобы низверженному Петру позволить приличным образом отъехать в какое-нибудь место, избранное для уединенного убежища его. Но нерешительный и робкий Петр ничего не умел предпринять; окруженный роскошными придворными и барынями и трусливыми царедворцами, преданный забавам, находился он в страшном смущении духа и в непрерывных колебаниях; напоследок бросился на яхту и поплыл к Кронштадту, но уже было поздно; прозорливый ум Екатерины и тут поставил ему преграду непреодолимую: Талызин угрожает открыть огонь со всех батарей и низринуть яхту в пучину морскую. Пораженный страхом, Петр поспешно удаляется, плывет, не зная сам куда; судьба высаживает его в Ораниенбауме. Когда все было решено и Миних предстал пред Екатериною, императрица сказала ему: «Вы намеревались сражаться против меня?» — «Так, государыня, — отвечал фельдмаршал, — но теперь буду сражаться единственно за ваше величество».

---

* То есть издания 1771 г. на немецком языке. — *Примеч. рук.*

Известно, что потом эта великодушная монархиня всегда с особой милостью и уважением обращалась с Минихом.

Об обер-гофмаршале графе Левенвольде

(Зап. Маншт., стр. 203—204)

Несправедливо, что и обер-гофмаршал граф Левенвольде подавал правительнице совет объявить себя императрицей. Левенвольде был прозорливого ума, и не предстояло ни малейшей побудительной причины преклонять великую княгиню на такой легкомысленный поступок. Преступление Левенвольде состояло в том, что граф показал правительнице письмо, полученное им из Фландрии, от одного уволенного от российского двора метрдотеля; прежний усердный служитель подробно описал заговор, умышляемый Елизаветой. Достойный Левенвольде, сотворенный для того, чтобы блистать при великом дворе, к общему сожалению, умер в Соликамске, куда он сослан был в заточение. Беспристрастие требует воздать похвалу гг. Строгановым, имеющим богатые заводы и соляные варницы в этом месте: сострадательные их сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию. Да цветет и наслаждается всеми благами потомство добродетельных душ!

Об описании в казну имения, принадлежавшего женам и детям сосланных в Сибирь особ

(Зап. Маншт., стр. 200)

Движимое и недвижимое имение жен всех особ, сосланных в заточение, описали в казну; богатые поместья графини Головкиной, наследованные ею от Ромодановских, Шеина и Салтыкова, пожалованы были новым временщикам, появившимся на позорище, и частью гренадерам, споспешествовавшим Елизавете при восшествии на престол. Имение графини Миних подверглось той же участи. Даже невзирая на закон Петра Великого, святою справедливостью внушенный, воспреещающий касаться имения детей тех родителей, которых несчастная судьба заключает в ссылку, в этом случае преследовали и детей знаменитых жертв.

О графе Эрнсте Минихе, сыне фельдмаршала

(Зап. Маншт., стр. 202)

Хотя обер-гофмейстер Эрнст Миних не был в числе особ, составлявших совет правительницы, хотя не занимался никакими государственными делами и единственно только по званию своему отправ-

лял должность при дворе, но не менее того понес гонение от нового правительства. Однажды Елизавета Петровна, разговаривая в собрании с чужестранными министрами, изъявила, что она крайне соболезнует о сыне фельдмаршала, а особенно о супруге его, присовокупив: «Они всегда были ко мне отменно почтительны, и я была довольна ими». Такой благосклонный отзыв императрицы нимало не переменял несчастного жребия Минихова сына. Одно добродушие в царе недостаточно. Дабы народы вкушали блаженство, необходимо, чтобы сердце государя управляемо было собственным умом; чтобы воля его превозмогала все происки и ухищрения ласкателей-царедворцев.

Графа Эрнста Миниха обвинили за то, что зная о замыслах некоторых особ, желавших объявить правительницу императрицею, не старался отклонить ее от этого намерения; [его] приговорили к лишению должности, чинов и ордена; взамен описанных в лифляндскую казну поместий назначили для проживания его деревню в России. Но захваченные драгоценные вещи и всю движимость, ему принадлежавшую, ни полушки не выдали. Определенная Миниху для жительства деревня была самая бедная, поэтому он просил пожаловать вместо деревни какое-либо денежное содержание; удовлетворили прошению сему: повелели Миниху жить под присмотром в Вологде и производили на содержание его по 1000 рублей в год, а под конец ссылки увеличили это содержание до 1400 рублей.

Прекращение военных действий со Швецией

(Зап. Маншт., стр. 208)

Г. Бецкой известил французского посла, что императрица Елизавета отправляет к графу Левенгаупту нарочного чиновника с предложением о перемирии и о прекращении военных действий, и именем ее убедил этого министра, дабы и он со своей стороны содействовал в сем случае. Маркиз де ла Шетарди с тем же нарочным писал к Левенгаупту; шведский полководец послушался и прекращением военных действий учинил большую погрешность, за что и лишился головы. Упомянутый г. Бецкой есть тот самый, который в царствование Екатерины и под руководством этой мудрой царицы учредил в России знаменитые заведения, сделавшие имя его известным во всей Европе.

Замечание о сосланных в правление Анны Иоанновны

(Зап. Маншт., стр. 208—209)

Число ссыльных в правление Анны Иоанновны показано г. Манштейном по народным слухам, обычно все увеличивающим. Так же

неосновательно повествует он, будто бы случалось, что с трудом отыскивали местопребывание ссыльных. Правда, что часто отправляли преступников, не объявляя об имени их ни препровождавшим, ни начальникам тех мест, куда они ссылались, но всегда таким образом отправляемый обозначался номером, по которому легко было найти в архиве тайной канцелярии, кто где содержится.

***Причины несогласия
между графом Бестужевым-Рюминым
и маркизом де ла Шетарди***

(Зап. Маншт., стр. 210)

Граф Бестужев-Рюмин не потому старался сблизить Россию с Австрией, что он лучше был расположен к венскому, нежели к версальскому двору. Причиною тому был посланник последнего двора. Маркиз де ла Шетарди, оказавший Елизавете Петровне преданность при прежних правлениях, споспешествовавший возведению ее на престол, действительно пользовался особым благоволением императрицы, но не довольствуясь этим, пожелал мешаться в дела Российского государства, возмечтав властвовать и при дворе и над министрами. Бестужев-Рюмин не мог потерпеть такого унижения, поклялся непримиримой враждою версальскому кабинету и, будучи хитер и деятелен, употреблял все способы низвергнуть силу и доверенность французского посла. Англичане, искусно извлекающие для себя пользу из всех обстоятельств, и старались снискать дружество графа Бестужева-Рюмина и раздували пламень вражды между ним и маркизом.

***Об уничтожении Елизаветою наград,
пожалованных от правительницы***

(Зап. Маншт., стр. 210)

Елизавета Петровна, уничтожив все награждения, пожалованные правительницею, несправедливо обидела удостоенных возмездия за службу отечеству, в числе которых находились люди отличнейшего достоинства. Подавшие ей такой совет поступили столь же неправоудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращает милостивый взор и на служивших усердно у предшественника его. Это согласно и с благодушием и с здравой политикой: да не влачат дни свои в презрении и нам служащие.

О заключении мира со Швецией

(Зап. Маншт., стр. 242)

Швеция, вовлеченная в пагубную войну, не знала как окончить ее. В то же время упраздненный в Стокгольме престол повергал сейм в

недоумение в избрании короля. Сторона под названием шляп, воспламенившая войну, стараясь найти подкрепления и пособия к продолжению ее, намеревалась возвести на шведский престол сына датского короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что избрав королем российского наследника, можно будет заключить выгодный мир, хотя, впрочем, и не надеялась, чтобы в Петербурге приняли такое предложение. Напоследок восторжествовали колпаки, и Швеция вместе с миром получила от руки российской императрицы короля Адольфа-Фридриха, бывшего епископа Любского, администратора Голштейн-Готторпского, родного дядю наследника российского престола. Мир постановлен был в Абопе уполномоченными от России генералами графом Александром Ивановичем Румянцевым и бароном фон Люберасом, а от Швеции сенатором бароном Цедеркрейцем и государственным секретарем бароном Нолькеном. Этим миром Россия приобрела крепость Нейшлот и Кименсгердскую область.

О графе Левендале

(Зап. Маншт., стр. 225)

Граф Владимир Левендаль, знатного происхождения, находившийся в российской службе полным генералом, г. губернатор в Ревеле и кавалер ордена св. Александра Невского, был человек умный, просвещенный, храбрый и искусный на поле сражения. Одаренный красноречием, граф Левендаль хорошо говорил почти на всех известных языках, превосходно знал и положение дворов, и состояние войск европейских. Левендаль, обращавшийся со мною дружески, вскоре по вступлении на престол Елизаветы Петровны открылся мне, что он твердо решил оставить российскую службу, но дабы не имели предлога отнести это к трусости, то он намеревался прослужить предстоявшую кампанию. В то же время показывал мне письмо, которым удостоверяли о благосклоннейшем приеме его в Берлине, если пожелает он разделять славу с Фридрихом. Но граф де Сакс, питавший к Левендалю особое уважение, убедил его вступить в службу французского короля. С похвалою прослужив все фландрские кампании, Левендаль прославил себя покорением Берг-оп-цойма и был возведен в маршалы.

О генерале Кейте

(Зап. Маншт., стр. 225)

Яков Кейт, находившийся в российской службе полным генералом, подполковником гвардии и кавалером орденов св. Андрея и св. Александра, имел ум самый основательный и просвещенный, кротостью своею привлекал сердца подчиненных. Среди звука оружия не

переставал он заниматься науками и с необыкновенным мужеством соединял превосходные знания в военном искусстве. Кейт тотчас по восшествии на престол Елизаветы был приглашен с большими выгодами в прусскую службу. Тогда удержали его в России ласками и наградами. Между тем он твердо решил при первом неудовольствии оставить российские знамена, чрезвычайно негодуя, что не сдержали данного обещания об устройении судьбы брата его. Вскоре встретился неприятный случай для Кейта. Императрица Елизавета Петровна, предполагая отправить 30-тысячный корпус войск на помощь императрице-королеве, назначила начальником его генерала князя Василия Никитича Репнина. Кейт, будучи старше в чине, оскорбился этим и просил увольнения от службы. Прусский король принял Кейта в свою службу фельдмаршалом, а брата его пожаловал нейшательским губернатором. Кейт погиб в бедственную для Фридриха II ночь при Гохкирхене в 1758 г.

**О заговоре против императрицы
Елизаветы Петровны**
(Зап. Маншт., стр. 241—242)

Вовсе не имели ясных доказательств о сем заговоре. В тогдaшнее время многие люди, достойные всякого вероятия, называли этот заговор вымышленным; утверждали, что все заключалось в пустых разговорах двух недовольных барынь и в нескромных речах сына одной из них, ветреного и невозддержного жителя молодого человека, и что для предъявления извета подкуплен был один слуга, принадлежавший этим господам. Маркиз де Ботта, почитаемый зачинщиком и душою заговора, еще в царствование императрицы Анны Иоанновны познакомился с г-жою Лопухиной, супругою флотского генерал-кригс-комиссара, одной из первейших красавиц своего времени, с родной сестрой несчастного графа М. Г. Головкина, бывшей в супружестве за графом Михаилом Петровичем Бестужевым-Рюминым, братом государственного канцлера. Долговременное знакомство наконец обратилось между ними в откровенную и дружественную связь. Бедственная участь графа Головкина и графа Левенвольде, искреннего друга г-жи Лопухиной, а особенно чрезвычайное злополучие бывшей правительницы и всего ее дома, повергли упомянутых госпож в сердечную скорбь и часто исторгали у них жалобы против нового правительства. Маркиз де Ботта, принимая живейшее участие в горести их, старался всячески утешать, представляя, что в государстве, где в недавнем времени произошло столько внезапных перемен, могут они надеяться, что счастье их неожиданно обрадует. Статься может, что в утешение удостоверял он, что венгерская королева и король прусский, как ближайшие родственники низверженного дома, страдавшего в заточении, примут меры

и попечение об облегчении судьбы его. Легковерие женщин могло вывести из такого простого утешения мечтательные в пользу свою последствия, и легко было при следствии, среди угроз и пыток, исторгнуть от них желаемое признание для обвинения австрийского посланника. Не заслуживает ни малейшего вероятия распушенная молва, будто бы маркиз де Ботта, находясь в Берлине, имел переписку с графинями Бестужевой и Лопухиной, обнадеживая, что король прусский примет участие в заговоре и подкрепит его. Простое замечание, что какое-нибудь одно перехваченное письмо откроет весь замысел и разрушит заговор, если бы действительно он существовал, удержало бы от переписки министра этого, человека весьма осторожного. Так же невероятно, чтобы завлекли они в свое намерение многих молодых людей, ибо подверглись наказанию только одни упомянутые госпожи и родственники их. Впрочем, Мария-Терезия достаточно убедила, что не находила столь виновным маркиза де Ботта, как объявлено было в обнародованном по сему случаю российским двором манифесте, ибо государыня эта, в удовлетворение Елизаветы Петровны, продержала маркиза самое малое время под стражей, но потом скоро изъявила ему несомненные знаки благоволения своего и поручила ему начальство над войсками, действовавшими в Италии. Итак, с какой стороны ни разбирать это дело, надлежит признаться, что не существовало явного заговора; что наказание, учиненное несчастным знатым барыням, супругу и сыну Лопухиной, исторгает сострадание наше. Жестокое это наказание, свойственное варварским временам, конечно, не послужит в похвалу государыне, чье великодушие и сострадательность к человечеству с таким тщанием старались превознести.

О французском после маркизе де ла Шетарди

(Зап. Маншт., стр. 243—244)

Маркиз де ла Шетарди был человек беглого ума, надменный и опрометчивый. В 1742 г., когда, по странной системе кабинета Людовика XV, находились при российском дворе два французских министра (маркиз — в качестве чрезвычайного посла, а г. Юсон-Даллон полномочным министром), маркиз поссорился с последним и в канцелярии посольской дрался с ним на поединке. Вспыльчивый и скорый де ла Шетарди не способен был никакое дело проводить с благоразумной осторожностью, поэтому и в сем случае учинил величайшую глупость, обнаружив замысел свой к ниспровержению графа Бестужева-Рюмина. Напротив, российский канцлер имел ум обширный и просвещенный и характер твердый; находясь при других дворах во многих посольствах, отправляя важнейшие государственные дела при различных правительствах, долговременным опытом утвердил он дарования природные; такой прозорливый и деятельный

министр не дремал, когда угрожаема была безопасность его: проискам и ухищрениям француза противопоставил он равносильные орудия. Любопытствуя узнать о содержании подозрительной переписки между де ла Шетарди и французским посланником в Стокгольме, канцлер приказал схватить нарочного гонца, отправленного от первого, и отобрать у него все бумаги. Между ними найдено одно письмо, в котором маркиз весьма невыгодным и оскорбительным образом представлял изображение Елизаветы Петровны. Канцлер немедленно показал это письмо государыне своей. Раздраженная императрица в то же мгновение повелела выслать де ла Шетарди за границу, лишив его российских орденов.

Что касается до прибавления издателя, присовокупленного к сочинению г. Манштейна, то о нем достаточно сказать, что войско, торговля, государственные доходы — словом, все ветви правления Российской империи по вступлении на престол Екатерины Великой получили совершенное преобразование, несомненно ведущее это знаменитое государство к благоденствию и славе.

Послепетровская эпоха глазами российских немцев

Кончина Петра I 25 января 1725 г. завершила период грандиозных преобразований, охвативших практически все стороны жизни России. Молодая империя вступила в новый этап своей истории: движение вперед резко замедлилось, началась переоценка реформ и кропотливая работа по закреплению достигнутого. Перенасыщенная событиями петровская эпоха разительно отличается от последующих десятилетий, которые на первый взгляд могут показаться бесцветными и пустыми. Для их характеристики историки до сих пор употребляют такие определения, как государственно-политическая летаргия, безвременье, застой, упадок государственных дел. Особенно заметен контраст между великим преобразователем и сменившими его на престоле женщинами и детьми, которых А. С. Пушкин с излишней категоричностью называл «ничтожными наследниками Северного исполина». Эти правители могут показаться едва ли не случайными гостями на российском троне, тем более что права каждого из них неминуемо оспаривались другими претендентами на царскую власть. Такова была династическая ситуация, спровоцировавшая непрерывную череду дворцовых интриг, заговоров и переворотов.

Виновником этих смут оказался Петр I, который 4 февраля 1722 г. издал «Устав о наследии» — немислимый в условиях России того времени закон, закрепивший за самодержцем право назначить себе любого преемника по своему усмотрению. Тем самым нарушалась традиция передачи царской власти по прямой мужской линии. Но выбрать себе наследника Петр не успел, поэтому после его смерти все члены семьи Романовых могли в равной мере притязать на российскую корону. Первыми ее соискателями стали жена и внук покойного монарха — императрица Екатерина Алексеевна и великий князь Петр Алексеевич. Победа первой из них была обеспечена поддержкой гвардии, которая стала в дальнейшем основной движущей силой придворной политической борьбы.

Смертельная болезнь Екатерины I в апреле 1727 г. вновь остро поставила вопрос о престолонаследии. А. Д. Меншиков склонил императрицу завещать корону Петру II, собираясь женить его на своей дочери. Против этих планов выступили А. М. Девьер, П. А. Толстой, А. И. Ушаков и другие сподвижники Петра I, желавшие видеть на престоле одну из дочерей преобразователя. Но Меншиков одержал верх, а его противники отправились в ссылку. С этого времени каждый последующий переворот сопровождался репрессиями в отношении побежденных.

При Петре II Екатерина I установила коллегиальное регентство из девяти персон, но Меншиков на правах будущего императорского тестя захватил всю власть. Однако он переоценил свои силы и степень влияния на юного царя, который в сентябре 1727 г. отправил его в Раненбург, а затем в Березов. При этом двенадцатилетний Петр II упразднил регентство и объявил себя совершеннолетним, что явилось, пожалуй, самым необычным переворотом.

В январе 1730 г. молодой монарх скоропостижно скончался от оспы. Верховный тайный совет объявил, что «фамилия Петра Первого угасла», отказал Елизавете Петровне в правах на престол и «пригласил на царство» Анну Иоанновну — представительницу старшей ветви дома Романовых. Численно преобладавшие в совете Долгорукие и Голицыны решили ограничить самодержавную власть особыми условиями («кондициями»), согласно которым императрица не имела права самостоятельно объявлять войну, заключать мир, назначать наследника престола, расходовать государственные средства, устанавливать подати, жаловать вотчины, производить в чины выше полковника и т. д. Анна подписала этот документ, но по приезду в Москву убедилась в прочности своих позиций и разорвала «кондиции», восстановив тем самым самодержавие. Эти события января—февраля 1730 г. занимают особое место в череде придворных бурь послепетровского времени. Речь шла не просто о замене правителя, а об изменении формы правления — следовательно, верховники предприняли попытку переворота не дворцового, а государственного. А затем последовал контрпереворот Анны Иоанновны, уничтоживший несвоевременное и опасное в условиях России XVIII века политическое новшество.

Указом от 17 декабря 1731 г. новая самодержица восстановила в силе петровский «Устав о наследии» 1722 г. А затем население России принесло присягу на верность еще не родившемуся сыну царской племянницы. Тем самым Анна Иоанновна надеялась пресечь дорогу к трону потомкам Петра I, которого считала узурпатором прав своего отца Иоанна V.

Дальнейшие события показали тщетность подобных предосторожностей. В октябре 1740 г. Иоанн Антонович унаследовал престол после кончины двоюродной бабки, назначившей регентом при нем Э.-И. Бирона. Но через три недели фельдмаршал Б.-Х. Миних произвел классический военный переворот и передал бразды правления Анне Леопольдовне. Эта смелая ночная операция послужила примером для Елизаветы Петровны, которая в ноябре 1741 г. осуществила захват власти в точном соответствии с миниховским сценарием. А в 1762 г. Екатерина II умело воспользовалась опытом елизаветинского заговора и переворота, что обеспечило ей легкую победу над доверчивым и нерешительным Петром III.

Так кратко выглядит смена правлений за 37 лет после кончины Петра Великого. Нестабильность верховной власти кажется основным признаком этого времени, названного в историографии «эпохой дворцовых переворотов». Но, как ни странно, лихорадка у трона мало отра-

жалась на жизни страны. Курс внутренней и внешней политики в целом отличался преемственностью и лишь в редких случаях зависел от волеизъявления монарха. А самодержавие как государственный строй все более упрочивалось, невзирая на личные качества носителей абсолютной власти. Дело в том, что система российской монархии в это время начала действовать на надежной бюрократической основе, заложенной в петровское царствование. Необходимые функции монархов брали на себя высшие правительственные органы — Сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция при высочайшем дворе и др. Кроме того, олицетворением самодержцев являлись фавориты, игравшие существенную роль в управлении страной. Характерная для послепетровского времени система фаворитизма — это не скандальное явление, а особая форма построения правящей верхушки, в которой основную роль играли «доверенные лица и учреждения» (удачная формулировка, примененная С. О. Шмидтом для оценки елизаветинского царствования¹, может быть распространена и на весь послепетровский период в целом).

Сущность и значение эпохи 1725—1762 гг. до сих пор в полной мере не определены историками. Во всяком случае распространенные представления о ее ничтожности и бессодержательности несправедливы. Достаточно сравнить состояние России в 1725 и 1762 гг. Петр I оставил страну в не преодоленном до конца варварстве и в полном истощении сил. А Екатерина II унаследовала от предшественников почти цивилизованное и достаточно благополучное государство, что позволило ей сразу же провозгласить начало своего «золотого века».

Первые пять лет послепетровской эпохи характеризуются ревизией преобразований и восполнением нанесенного ими экономического ущерба, стабилизацией жизни страны. Правительство не вело войн, сокращало штаты центральных и местных учреждений, уменьшало поборы с населения. Но с воцарением Анны Иоанновны Россия вернулась к активной внешней политике и вскоре была признана европейскими дворами империей и великой державой, чего не смог добиться в свое время Петр I.

В царствование Елизаветы Петровны международный престиж России настолько укрепился, что все ведущие государства Европы стремились к союзу с ней. В сфере внутренней политики проводились административные, финансовые, военные и другие реформы преимущественно мелкого масштаба, которые как раз и были нужны для налаживания нормальной жизни государства. В целом же продолжалось движение по курсу Петра I, основными принципами которого являлись упорочение абсолютизма и европеизация страны.

Петр I сблизил Россию с Западом и открыл в страну дорогу тысячам высококвалифицированных иностранных специалистов. Многие из них нашли в неведомой прежде «Московии» вторую родину, другие не

---

¹ Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 49.

смогли остаться здесь навсегда, но успели внести свой вклад в русскую историю. Были и такие, кто запечатлел жизнь современной им России в бесценных документальных памятниках. Воспоминания нескольких свидетелей и участников политических и военных событий послепетровского времени собраны в этой книге.

Издание открывается «Записками о России» Х.-Г. Манштейна, которые по праву считаются одним из самых информативных мемуарных источников по истории нашего Отечества. Кажется, ни один исследователь проблем государственно-политической истории России первой половины XVIII века не обошел их вниманием. Многие десятки авторитетных историков в нашей стране и за рубежом ссылались на эти мемуары и заимствовали из них уникальные сведения для своих работ. Кроме того, «Записки о России» уже свыше двухсот лет являются достоянием широкой читательской аудитории, которой автор изначально и адресовал свой труд.

Христофор-Герман фон Манштейн родился в 1711 г. в Петербурге. Его предки происходили из старинного богемского рода, отец поступил на российскую службу при Петре I и дослужился до чина генерал-поручика. Мать была шведской дворянкой, жившей в Лифляндии; после присоединения прибалтийских земель к России она стала русской подданной. Будущий мемуарист несколько лет воспитывался в Нарвском училище, а затем продолжил свое образование в Берлине. Там же он начал карьеру на воинском поприще, получив в 1727 г. чин подпоручика прусской армии. В начале 1736 г. Манштейн приехал в Россию навестить родителей и после некоторых колебаний согласился перейти на русскую службу в чине капитана пехотного полка. В том же году он принял участие в походе в Крым и совершил свой первый военный подвиг, захватив с ротой солдат одну из башен Перекопской линии (этот эпизод описан на стр. 72—73 настоящего издания). В схватке с янычарами Манштейн получил ранение и за проявленное мужество был награжден чином секунд-майора. В 1737 г. он участвовал в походе на Очаков, при штурме крепости вновь был ранен и произведен в премьер-майоры. В течение двух последующих лет он воевал под командованием Б.-Х. Миниха и в конце 1739 г. был в чине подполковника назначен старшим адъютантом знаменитого генерал-фельдмаршала. В ночь на 8 ноября 1740 г. Манштейн по поручению Миниха арестовал регента Российской империи Э.-И. Бирона. Подробный рассказ об этом событии относится к числу самых красочных страниц «Записок о России».

Новая правительница Анна Леопольдовна произвела Манштейна в полковники и пожаловала ему поместья в Ингерманландии. Летом 1741 г. он участвовал в военных действиях против шведов, отличился в сражении под Вильманстрандом и вновь был ранен.

25 ноября 1741 г. в Петербурге произошел очередной дворцовый переворот, решительно повлиявший на дальнейшую судьбу автора «Записок». Вступившая на престол Елизавета Петровна расценивала арест Бирона как противоправную акцию, поэтому Манштейн был лишен своего полка и поместий. Кроме того, он приобрел опасного врага в лице

вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, в прошлом активного сторонника Бирона. Некоторое время Манштейну удавалось продолжать карьеру в России: он получил другой полк, расположенный в Лифляндии, участвовал в 1743 г. в походе на галерах к берегам Швеции. Но в том же году начались открытые преследования: Манштейн был арестован по ложному доносу, отдан под военный суд и с трудом оправдался, несмотря на отсутствие доказательств преступления. С этого времени он дважды просил об отставке, но получил отказ и вынужден был осенью 1744 г. уехать в Германию, воспользовавшись отпуском. Из Берлина он вновь неоднократно требовал увольнения с русской службы, но из-за происков врагов не добился результата. В 1756 г. в Петербурге его заочно предали военному суду, объявили дезертиром и приговорили к смертной казни через повешение. Теперь дорога в Россию была закрыта для Манштейна навсегда.

Но бывший российский полковник к тому времени уже больше года служил в прусской армии. Фридрих II очень ценил его как военного специалиста, поручал ему ответственные задания, назначил своим адъютантом. В окружении короля Манштейн являлся своего рода экспертом по делам России. В 1754 г. ему был пожалован чин генерал-майора.

С начала Семилетней войны в сентябре 1756 г. Манштейн участвовал в военных действиях на территории Богемии. Будучи ранен в руку в одном из сражений, он был в июле 1757 г. отправлен Фридрихом II на излечение в Дрезден. По дороге на небольшой прусский отряд напали две тысячи австрийцев и кроатов. Манштейн отказался сдаться в плен и был убит в неравном бою.

«Записки о России» были окончены примерно за четыре года до героической гибели их автора. Датировку можно вывести из текста, поскольку автор характеризует А. П. Бестужева-Рюмина следующими словами: «Вот человек, который управляет Россией уже 11 лет как властитель-деспот». Реальную власть Бестужев обрел почти сразу же после елизаветинского переворота, чему Манштейн был еще свидетелем. Следовательно, завершение работы над мемуарами можно отнести к 1753 г.

Сложнее ответить на вопрос, когда «Записки...» были начаты. Существовать свидетельства о том, что автор работал над ними в конце 1740-х гг., живя длительное время в Потсдаме. Но, по всей видимости, книга была начата еще в России. Хронологическая точность и большая степень подробности описания событий позволяют с уверенностью предположить, что Манштейн делал дневниковые заметки и составлял наброски фрагментов «Записок...» по свежим следам увиденного и услышанного.

С другой стороны, тщательная выверенность фактического материала, особенно по военной истории, была достигнута благодаря использованию других источников — прежде всего реляций и журналов российской армии, публиковавшихся на русском и немецком языках. Исследователь «Записок о России» А. Я. Юргенсон путем сравнения текстов доказал, что часть сочинения Манштейна представляет собой

компиляцию сведений из официальных документов российского военного ведомства. Наименее самостоятелен автор при описании событий войны за польское наследство 1733—1734 гг., в которой сам не участвовал. По данным Юргенсона, Манштейн полностью основал эту часть своих мемуаров на пространном официальном источнике под названием «Точные сведения об осаде Данцига»². Вышесказанное, впрочем, несколько не снижает информативной ценности «Записок о России», поскольку использованные в них документы не были широко распространены и в XVIII веке, в настоящее же время они труднодоступны, а частично даже утрачены.

Произведение Манштейна по своему назначению и содержанию значительно шире, чем мемуары в обычном понимании этого слова. «Записки...» близки по жанру к западноевропейской хронике, они представляют собой беллетризованный свод сведений о событиях государственно-политической и военной истории России 1727—1744 гг., который лишь отчасти основан на личных воспоминаниях автора. Можно удивляться уму и наблюдательности Манштейна, а также степени его осведомленности о секретах государственной политики и придворной жизни Петербурга. Автор хорошо знал русский язык, по должности своей вращался в высших кругах общества, многое видел и слышал. Несомненно, он умел также расспрашивать людей, улавливая нужные сведения для создания общей картины событий. Высокий уровень аналитических способностей Манштейна позволял ему отбирать преимущественно достоверные факты, которые в большинстве своем подтверждаются другими источниками.

«Записки...» предназначались для опубликования — это видно из замечания автора: «Легко может случиться, что в числе лиц, которые будут читать эти Записки, найдутся и такие, которые довольно плохо знают Россию». Указанное соображение побудило Манштейна присовокупить к своим мемуарам небольшой трактат («Дополнение к «Запискам о России»), в котором систематически изложены сведения о государственном устройстве, экономике, армии и флоте страны, а также охарактеризован «общий дух русского народа». По всей видимости, работа Манштейна поощрялась Фридрихом II, проявлявшим большой интерес к России. Дело в том, что начиная с 1745 г., петербургский двор все более склонялся к активному антипрусскому курсу. Проницательные политики понимали неизбежность столкновения растущего Прусского королевства и молодой Российской империи, что и произошло в Семилетней войне. Известное стремление Фридриха лучше узнать опасного противника позволяет высказать предположение о том, что «Записки...» созданы в какой-то мере по королевскому заказу.

Следует остановиться на вопросе о позиции автора мемуаров в отношении описываемых предметов. Манштейн считал себя пруссаком, на чем особенно настаивал в прошениях об отставке с русской службы.

---

² *Jurgensohn A. Mansteins Memoiren und seine Quellen für Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739) // Russische Revue. 1886. № 4. S. 438—491.*

Тем не менее есть все основания считать его российским немцем как по рождению, так и по тому, что в России прошла треть его жизни. Если бы не переворот 1741 г., он скорее всего остался бы россиянином. Историки зачастую причисляют Манштейна к разряду иностранных авторов, что вряд ли в полной мере оправдано. На Россию и русский народ он действительно смотрит со стороны, но в то же время с большим интересом и симпатией, что обычно не свойственно «иноземным» сочинителям. В конце «Дополнения к «Запискам о России» Манштейн специально подчеркивает ложность распространенного в Европе мнения о глупости русских. Он справедливо замечает, что правильные выводы «невозможно делать, не зная языка страны, и немногие иностранцы приняли на себя труд изучать его; от этого и возникли столь неосновательные рассказы об этом народе». Отстраненный и в то же время сочувственный взгляд Манштейна на Россию и русских обеспечивает объективность его сочинения, повышает ценность этого замечательного исторического источника.

«Записки о России» содержат детальное изображение практически всех сторон государственной жизни послепетровской эпохи. Особое внимание автор обращает на ситуацию внутри правящей верхушки и на различные аспекты военной истории. Чрезвычайно интересны характеристики российских правителей и вельмож конца 20-х—начала 40-х гг. XVIII века. Манштейн тонко разбирается в людях и не позволяет себе руководствоваться личными симпатиями или антипатиями, поэтому созданные им портреты заслуживают полного доверия читателей. На некоторых фактах из его мемуаров мы остановимся позже при рассмотрении анонимного сочинения «Замечания на «Записки о России» генерала Манштейна».

Свою книгу адъютант Фридриха II писал на французском языке, который к тому времени вошел в моду при прусском дворе, а вскоре начал широко употребляться сочинителями и дипломатами большинства стран. Однако «Записки...» впервые были опубликованы на английском в Лондоне в 1770 г. В течение трех последующих лет книга выдержала еще шесть изданий на французском, немецком и английском языках в Амстердаме, Бремене, Лейпциге, Лионе и Лондоне. В России того времени мемуары Манштейна не могли быть напечатаны по цензурным соображениям, но тем не менее они получили широкую известность в русском обществе начиная уже с 1770-х гг. Интерес к ним был столь велик, что они стали распространяться в списках с печатных изданий, в том числе и в русском переводе³. Первые публикации «Записок о России» на русском языке появились в 1810 г. в Москве и Дерпте и в 1823 г. в Москве. Последнее издание мемуаров Манштейна осуществлено М. И. Семевским в 1875 г. в Петербурге.

«Записки...» прусского генерал-майора по своему содержанию пере-
кликаются с сочинением российского генерал-фельдмаршала Б.-Х. Ми-

³ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII—первой половины XIX в. М., 1991. С. 86.

ниха «Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи». Автор этого документа относится к числу наиболее выдающихся иностранцев, обретших в России вторую родину. Подробная биография фельдмаршала приведена в мемуарах его сына, поэтому отметим лишь некоторые эпизоды.

Бурхард-Христофор Миних родился 9 мая 1683 г. в Ольденбурге — датском владении в Германии. Его отец был полковником датской армии, фортификатором и строителем гидротехнических сооружений. Он дал сыну прекрасное образование, с юных лет готовил его в инженеры. В 1701—1716 гг. молодой Миних состоял на гессен-дармштадтской и гессен-кассельской службе, прошел путь от капитана до полковника, воевал против французов в Италии и Нидерландах, побывал во французском плену, по возвращении в Германию занимался строительством шлюза и канала в Гессен-Касселе. В 1716 г. он поступил на польско-саксонскую службу, через год получил чин генерал-майора. Вскоре неприязненные отношения с начальством вынудили Миниха искать другого патрона. Он послал свой трактат о фортификации Петру I, который оценил способности немецкого инженера и пригласил его в Россию. В феврале 1721 г. началась его удивительная карьера на русской земле.

Важнейшим делом Миниха в последние годы жизни Петра I и после его кончины являлось строительство Ладожского канала. В 1727 г. его назначили главным директором над фортификационными работами. Годом позже он получил графский титул и должность генерал-губернатора Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии. Но лучшим временем в его жизни стало десятилетнее правление Анны Иоанновны. С ее воцарением он был назначен президентом Военной коллегии и генерал-фельдцейхмейстером, а в 1732 г. получил чин генерал-фельдмаршала.

В 1734 г. Миних руководил осадой Гданьска и добился его капитуляции, в 1736—1739 гг. являлся главнокомандующим российскими войсками в русско-турецкой войне. Историки в большинстве своем высоко оценивают полководческие таланты фельдмаршала. Но нельзя не заметить, что он добивался успеха во всех военных предприятиях, а в битве при Ставучанах проявил подлинное тактическое мастерство и одержал блистательную победу.

В день мирного торжества 1740 г. Миних получил почетное звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка (полковником считалась императрица). Новая должность очень пригодилась фельдмаршалу. Вскоре Анна Иоанновна скончалась, назначив Бирона регентом при младенце императоре Иоанне Антоновиче. А три недели спустя Миних с подчиненными ему гвардейцами произвел переворот и передал власть Анне Леопольдовне, которая поручила ему сформировать состав нового правительства. Фельдмаршал не упустил случая назначить себя первым министром. Но в этой должности ему не суждено было преуспеть. Начались обычные раздоры и интриги при дворе, в которых Миних не выдерживал конкуренции с Остерманом. В досаде первый министр подал в отставку, рассчитывая, что его будут удерживать и позволят диктовать свои условия. Но Анна Леопольдовна обманула его ожидания,

и Миних в марте 1741 г. оказался не у дел. Тем не менее во время переворота в ноябре того же года он был арестован, а затем отдан под суд, объявлен государственным преступником и приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Пелым. Там он провел долгие двадцать лет и вернулся в Петербург в начале 1762 г. по указу Петра III.

В мае фельдмаршалу исполнилось 79 лет, но он был полон сил и творческих планов. В том же месяце Петр III назначил его членом Императорского совета, но Миних попросил для себя еще две должности: сибирского губернатора и главного директора Ладожского канала. Сибирью он собирался управлять не выезжая из Петербурга. Указом 9 июня 1762 г. император удовлетворил оба желания деятельного и честлюбивого старца, поручив ему заодно заведование Кронштадтским каналом. Но в том же месяце произошел новый переворот, Петр III свергнут с престола и вскоре убит. Миних сохранял верность императору до последних часов его царствования и пытался подсказать ему пути к спасению. Но Екатерина II со свойственным ей благоразумием не стала преследовать бывших сторонников своего несчастного супруга. Она подчеркнуто доброжелательно относилась к «патриарху с волосами, белыми как снег» и «самому старшему фельдмаршалу в Европе», как Миних сам себя именовал в письмах к императрице. Он был оставлен в должности главного директора Ладожского и Кронштадтского каналов, а кроме того, ему было поручено завершить строительство Балтийского порта. Миних трудился до последних месяцев своей жизни, руководил строительством и ремонтом вверенных ему гидротехнических сооружений, посылал императрице предложения по вопросам государственной политики. Он скончался в 1767 г. в возрасте 84 лет.

«Очерк управления Российской империи», или «Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи» (*Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie*), создан в конце жизни его автора. В декабре 1763 г. академик Г.-Ф. Миллер в одном из своих писем сообщал: «Императрице угодно было назначить меня помогать генерал-фельдмаршалу Миниху писать его мемуары. Это будет очень любопытный труд. Как ни стар фельдмаршал, однако у него прекрасная память и по-французски он пишет очень изящно. Мне остается только исправлять даты»⁴. Следовательно, Екатерина II знала о работе Миниха и была в ней заинтересована. Из других источников известно, что в 1763 г. один из вариантов «Очерка...» был уже завершен и послан автором на отзыв историку А.-Ф. Бюшингу. Более точных сведений о времени создания мемуаров не обнаружено, но, по всей видимости, они были написаны в 1763—1764 гг.

Сочинение Миниха предназначалось для Екатерины II, как видно из содержащихся в нем рекомендаций по вопросу об организации верховной власти. «Очерк...» фельдмаршала, как и произведение Манштейна, можно лишь условно назвать мемуарами. Это тоже труд по истории России предшествующих царствований, отчасти основанный на личных

⁴ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала. СПб., 1874. С. XVI.

воспоминаниях. Но Миних не ставит перед собой задачу подробного описания событий государственно-политической жизни. Он характеризует главным образом правителей России и выделяет основные, по его мнению, особенности царствований от Петра I до Петра III. Кроме того, в «Очерке...» последовательно проводится идея о необходимости создания высшего правительственного органа, который должен заполнить «пустоту» между верховной властью и Сенатом. Такие проекты обсуждались в первые годы правления Екатерины II. Миних вносит свой вклад в разработку реформы высших государственных органов, заканчивая «Очерк...» предложением о создании Императорского совета, разделенного на департаменты по функциональному принципу.

В свете этой идеи фельдмаршал приписывает себе инициативу аналогичного государственного нововведения в короткое правление Анны Леопольдовны, когда функции Кабинета министров были распределены между четырьмя его членами: Остерман заведовал делами внешней политики и флота, Черкасский и Головкин руководили внутренней политикой страны, а в ведении Миниха находились вопросы военного управления. В действительности же указ о разделении Кабинета на департаменты был принят во время тяжелой болезни фельдмаршала 28 января 1741 г. — вероятно, по инициативе Остермана, завettным желанием которого являлось уменьшение власти первого министра Миниха. Эта цель и была достигнута сужением сферы непосредственного ведения фельдмаршала, которого к тому же обязали рапортовать по всем военным вопросам генералиссимусу Антону-Ульриху.

Рассмотренный эпизод показывает, что к сочинению Миниха следует относиться с осторожностью. Тщеславие заставляет автора несколько преувеличивать свои исторические заслуги, которые, впрочем, несомненны. Кроме того, фельдмаршал не всегда объективен в оценке российских правителей. Например, ничтожество Бирона сильно преувеличено, несправедливы утверждения о его совершенной необразованности и незнании им русского языка. Столь же пристрастна характеристика Анны Леопольдовны, на которую Миних, видимо, затаил обиду. В то же время портрет Елизаветы Петровны представляется вполне объективным. Весьма удачен также образ Петра III, а нежелание Миниха сгустить в угоду Екатерине II отрицательные черты этого правителя делает ему честь как мемуаристу.

По сравнению с «Записками...» Манштейна сочинение Миниха менее скрупулезно. Фельдмаршал иногда ошибается в датах, случайно или умышленно искажает отдельные факты. Кроме того, автор не всегда критически оценивает и отбирает передаваемые им известия. Например, предположение об отравлении Екатерины I А. М. Девьером совершенно неправдоподобно и неуместно в таком серьезном документе. Но несмотря на указанные недостатки, «Очерк...» имеет важное значение и как информативный источник, и как составная часть творческого наследия выдающегося деятеля российской истории.

Сочинение Миниха было впервые опубликовано в 1774 г. В качестве места издания указан Копенгаген, хотя книга, по всей видимости,

печаталась в Лейпциге. Обстоятельства выхода «Очерка...» в свет до сих пор не выяснены. Неизвестно лицо с инициалами «М. Б.», снабдившее мемуары Миниха историческими комментариями на профессиональном уровне. Эти подстрочные замечания в ряде случаев существенно дополняют и исправляют труд фельдмаршала и, кроме того, имеют самостоятельную научную ценность. Например, М. Б. приводит уникальные сведения о планах елизаветинского переворота, первоначально намеченного на 6 января 1742 г.

Первая полная публикация «Очерка...» Миниха на русском языке появилась в 1874 г. в Петербурге с сохранением комментариев М. Б. В настоящем издании их также решено было оставить по указанным выше причинам.

Классический вариант произведения мемуарного жанра представляют собой воспоминания графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, не похожие по форме ни на хронику Манштейна, ни на трактат Миниха-старшего. Но этот источник тоже не является простым рассказом о прожитой жизни. В нем на фоне эпохи соединены биографии прославленного фельдмаршала и его скромного и добросовестного сына.

Эрнст Миних родился 30 декабря 1707 г. (10 января 1708 г. по новому стилю) близ Эттингена. В возрасте 13 лет он приехал с отцом в Россию, два года учился в Рижской городской школе, а затем отправился для довершения образования в Женеву, где слушал лекции в течение четырех лет. В 1727 г. Миних вернулся в Россию на службу в Коллегию иностранных дел и вскоре был отправлен на конгресс в Суассон в качестве секретаря посольства. В 1729—1732 гг. он состоял сотрудником российской миссии в Париже, являясь с сентября 1731 г. поверенным в делах во Франции. В апреле 1733 г. Миних был отозван в Петербург и приступил к придворной службе в звании камер-юнкера, а с 1737 г. — камергера.

После кончины Анны Иоанновны Миних был назначен гофмейстером ко двору Анны Леопольдовны и сразу же удостоился ее особого доверия и расположения. Став правительницей, она произвела его в обер-гофмейстеры с чином генерал-поручика. Карьера молодого человека начиналась самым блестящим образом, но продолжалась недолго.

В ночь на 26 ноября 1741 г. Миних-младший был арестован одновременно с отцом, предан суду, лишен чинов и должностей. Судебно-следственная комиссия вынесла ему нелепое обвинение в том, что он знал о планах Анны Леопольдовны провозгласить себя императрицей, но не пытался ее отговорить. Бывший обер-гофмейстер был приговорен к ссылке в деревню, замененной поднадзорным проживанием с семьей в Вологде. Там он провел почти двадцать лет и вернулся в Петербург только в январе 1762 г. по указу Петра III. Император собирался направить Миниха-младшего посланником в Стокгольм, но из-за дворцового переворота это назначение не состоялось. Екатерина II пожаловала ему чин действительного тайного советника и вскоре определила на вновь учрежденную должность главного директора всех таможенных сборов в империи. Прекрасное образование, безупречная честность и

справедливость Миниха как нельзя лучше соответствовали его служебным обязанностям. Скончался он в Петербурге 24 января 1788 г.

Место и время создания своих мемуаров Э. Миних указал в конце рукописи: Вологда, 1758 г. Возможно, работа должна была ознаменовать пятидесятилетний юбилей бывшего дипломата и обер-гофмейстера. Воспоминания имели характер семейного документа и не предназначались для печати; цель их создания Миних выразил в следующей фразе: «дабы мои дети пример из того взяли и старались подобного избегать и уклоняться».

Мемуары сына фельдмаршала охватывают период от рождения автора до лета 1741 г. Учеба Миниха за границей и начало его дипломатической карьеры описаны живо и интересно; сообщаемые факты не всегда значительны, но в большинстве случаев уникальны, поскольку основаны исключительно на личных впечатлениях мемуариста.

Иначе обстоит дело с присутствующими в воспоминаниях сюжетами военной истории. Внимательный читатель заметит сходство мемуаров Манштейна и Э. Миниха в тех частях, которые касаются осады Гданьска и событий русско-турецкой войны. Объяснение этому факту нашел А. Юргенсон, установивший, что Манштейн после завершения «Записок о России» передал один из текстов своей книги зятю Б.-Х. Миниха графу Ф.-Л. Сольмсу-Вильденфельсу с условием «не обнародовать их до смерти фельдмаршала»⁵. Юргенсон полагает, что от Сольмса «Записки...» могли попасть к Э. Миниху, который воспользовался ими в вологодском уединении как справочным материалом. Впрочем, сюжеты военной истории мало интересуют Миниха-младшего: он описывает их вкратце и, в отличие от Манштейна, не стремится воспроизвести точную хронологию событий. Главное для него — ярче обозначить полководческую деятельность прославленного отца.

Героический образ фельдмаршала, разумеется, приукрашен в силу сыновней почтительности и любви. Бурхард Миних представляется человеком, лишенным недостатков и слабостей, великим полководцем и инженером, тонким и проницательным политиком, заботливым отцом. Но добросовестно изложенные факты неизбежно обнаруживают реальные черты человека своего времени и своей среды. Примечателен, например, бесхитростный рассказ Э. Миниха о том, как он по приказу отца сватался к некрасивой и тяжело больной Текле Трейден, сестре жены всемогущего Бирона. Можно себе представить, с какой радостью молодой человек получил отказ.

Наибольшую ценность имеет вторая половина мемуаров Миниха-младшего, в которой повествуется о событиях при российском дворе с февраля 1739 г. до июля 1741 г. В силу своих придворных обязанностей Миних мог непосредственно наблюдать жизнь на троне и вокруг трона, поэтому сообщаемые им сведения во многом уникальны. В других

---

⁵ Юргенсон А. Я. Записки графа Эрнста Миниха и его замечания на мемуары Манштейна // *Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха*. СПб., 1891. С. 244.

источниках нельзя найти столь подробное и точное описание частной жизни Анны Иоанновны и ее взаимоотношений с Бироном. В числе прочего мемуарист сообщает неожиданный факт о пристрастии императрицы и ее фаворита к яркой и пестрой одежде «розовых, желтых и попугайных зеленых цветов», что не согласуется с хрестоматийными представлениями о мрачных красках аннинского двора.

Содержащаяся в воспоминаниях Э. Миниха характеристика Анны Леопольдовны заметно отличается от оценок правительницы в произведениях Манштейна, Б. Миниха и других авторов. Опровергая распространенное мнение о лени Анны, бывший обер-гофмейстер ее двора утверждает, что «дела слушать и решить не скучала она ни в какое время». В мемуарах сообщаются также важные подробности о формировании состава правительства Анны Леопольдовны и о дипломатической борьбе при петербургском дворе в начале 1741 г., когда решался вопрос о возможном вмешательстве России в первую силезскую войну на стороне Австрии.

Мемуары сына фельдмаршала были написаны на немецком языке, но получили известность в русском переводе, автором которого считается Н. М. Лонгинов — секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I). Подобно «Запискам о России» Манштейна, воспоминания Э. Миниха расходились в списках, удовлетворяя возросший в конце XVIII—начале XIX века интерес к событиям навсегда ушедшей докатолинской эпохи.

Первое издание воспоминаний Э. Миниха появилось в 1817 г. в Петербурге, второе вышло там же в 1891 г. В последний раз мемуары отца и сына Минихов были опубликованы в сборнике «Безвременье и времешники» в 1991 г.

В приложении к настоящему изданию публикуется источник, история создания которого до сих пор не выяснена. «Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» не были известны историкам до момента их первой публикации в «Отечественных записках». В журнале документ печатался небольшими фрагментами в течение четырех лет с перерывами (1825, 1826, 1828, 1829 гг.). Об авторстве «Замечаний...» в литературе высказывались различные предположения, в частности они приписывались сыновьям А. И. Остермана — Федору Андреевичу или Ивану Андреевичу. Первым серьезным исследованием этого вопроса явилась небольшая статья П. К. Щебальского, который, сравнив тексты «Замечаний...» и мемуаров Э. Миниха, обнаружил между ними большое сходство⁶. В результате был сделан вывод о том, что в роли неизвестного критика Манштейна выступил сын фельдмаршала.

В 1879 г. в журнале «Русская старина» появилось второе издание «Замечаний...» с приложением статьи П. Н. Петрова, который решил вопрос об авторстве источника иначе. По его мнению, документ был

---

⁶ Щебальский П. К. Кто написал Замечания на Записки Манштейна о России? // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 3. С. 141—146.

написан русским человеком, близким к придворной среде, и в то же время профессиональным военным, участвовавшим в русско-турецкой и русско-шведской войнах. После ряда интересных и небезосновательных рассуждений Петров пришел к выводу о том, что создателем «Замечаний...» является граф Петр Иванович Панин (1720—1789) — участник войн с Турцией, Швецией и Пруссией, генерал-аншеф и сенатор. Это мнение показалось столь убедительным издателю «Русской старины» М.И.Семевскому, что он без колебаний опубликовал документ под авторством Панина⁷.

Но вскоре устоявшаяся, казалось бы, точка зрения была пересмотрена А.Я.Юргенсоном, который подверг выводы Петрова основательной критике и на новом уровне исследования вернулся к мнению об авторстве Э.Миниха⁸. М.И.Семевский был полностью убежден его доводами и во второй раз издал «Замечания...» уже под фамилией Миниха⁹. К сожалению, подробности этой чрезвычайно интересной дискуссии приходится опустить, тем более что оба историка правы в частностях, но ошибаются в целом. Нужно окончательно отказаться от версии об авторстве П.И.Панина, поскольку существуют написанные им воспоминания о русско-турецкой войне 1735—1739 гг.¹⁰, которые не похожи на «Замечания...» ни по содержанию, ни по стилю. Сложнее вопрос о принадлежности этого произведения Э.Миниху, так как оно вне всякого сомнения написано с использованием его мемуаров, воспроизведенных в ряде случаев от первого лица. Например, рассказ Миниха о его беседе с А.-Ф.Ботта-Адорно по поводу перспектив русско-австрийского союза буквально повторен в «Замечаниях...». И все-таки автором окончательного текста этого сочинения был не Э.Миних.

Все без исключения историки относили написание загадочного текста к 1770-м годам. При этом упускался из виду один фрагмент подстрочника рукописи, в котором дана ссылка на книгу И.Н.Болтина «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка». Книга эта вышла в свет в 1788 г. через несколько месяцев после смерти Э.Миниха. Следовательно, «Замечания...» — по крайней мере в их окончательном варианте — написаны не ранее конца 1780-х гг. и не сыном фельдмаршала.

⁷ Русский двор в 1725—1744 годах. Замечания графа Петра Ивановича Панина на Записки генерала Манштейна о России // Русская старина. 1879. № 11. С. 359—410; № 12. С. 567—616; *Петров П. Н.* Составитель «Замечаний на Записки Манштейна о России» // Там же. С. 616—626.

⁸ *Юргенсон А. Я.* Замечания на Записки о России генерала Манштейна, изданные в 1879 г. под именем графа Петра Ивановича Панина // Русская старина. 1887. № 5. С. 309—328; № 6. С. 613—628.

⁹ Замечания на Записки Манштейна о России 1724—1744 гг. графа Иоанна Эрнеста Миниха, написанные в 1770-х годах. Издание 2-е // *Миних Э.* Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб., 1891. С. 121—222.

¹⁰ *Панин П. И.* Записки о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах // Русский архив. 1878. Кн. I. С. 257—274; Воспоминания и дневники XVIII—XIX вв. Указатель рукописей. М., 1976. С. 274.

Возвращаясь к версии П. Н. Петрова, подчеркнем одно его безусловно правильное наблюдение: «Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» написаны русским человеком. Э. Миних не обрусел до такой степени, чтобы назвать Бирона «иноплеменным извергом». Сетования по поводу конфискации Елизаветой Петровной старинных родовых имений Ромодановских, Шейных и Салтыковых при ссылке графини Е. И. Головкиной выдают в авторе «Замечаний...» родовитого русского, который в силу своего происхождения компетентен в вопросах земельного наследования и генеалогии боярских фамилий. Манштейн в подобном случае ограничивается бесстрастным замечанием о том, что в России поместья часто меняют своих владельцев. В авторе «Замечаний...» ощущается озабоченность судьбами престола, страны и, самое главное, русского народа; все это еще не свойственно российским немцам XVIII века, которые уже научились любить Россию и гордиться ею, но пока не привыкли за нее переживать. Сравнение авторских позиций в «Замечаниях...» и мемуарах Э. Миниха может дать интересный материал для изучения исторической психологии.

По какой-то причине автор «Замечаний...» был близок к Минихам, что позволяет ему излишне свободно пользоваться воспоминаниями младшего и заставляет защитить старшего из них от Манштейна, который якобы «на погрешности фельдмаршала смотрел в увеличительное стекло». Но, как ни странно, образы Бурхарда Миниха в «Записках о России» и «Замечаниях...» довольно схожи, различие заметно лишь в мелочах. Так бывает в споре объективных и доброжелательных людей, преувеличивающих свои разногласия. В некоторых частных подробностях Манштейн оказывается более прав, чем его критик. Например, в «Замечаниях...» утверждает, что фельдмаршал не принимал никакого участия в планах убийства шведского дипломатического курьера М. Синклера. Но сохранившаяся инструкция Миниха поручику Левицкому предписывает «старатца его умертвить или в воде утопить, а писма прежде без остатка отобрать»¹¹. Мы можем лишний раз убедиться в том, что Манштейн был хорошо информирован о секретах российской политики.

«Замечания на «Записки о России» выходят далеко за рамки критики сообщаемых Манштейном сведений. Они сами по себе являются весьма информативным источником по истории России 1725—1762 гг. Во многих случаях интересны не только сами факты, но и оценка их автором «Замечаний...». Например, в отличие от предшествующих мемуаристов, он весьма свободно отзывается о недостатках Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Первая справедливо обвиняется в подчиненности Бирону, жестокости, пустом времяпрепровождении. Вторую автор упрекает в несправедливости по отношению к Миниху и Остерману, которые за свои выдающиеся заслуги перед Россией были «вознаграждены» ссылкой. Порицает он и расправу над Лопухиными с жестокостью, «свойственной варварским временам». Но это уже взгляд из второй

¹¹ Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 269—270.

половины просвещенного екатерининского царствования, идеалы которого во многом были заложены именно при Елизавете. Кровавое лопухинское дело можно рассматривать как последний рубеж российского средневековья.

Собранные на страницах этого издания мемуары российских немцев хронологически охватывают послепетровскую эпоху в целом, но основное место в них отведено десятилетнему царствованию Анны Иоанновны. В литературе это время до сих пор именуется «бироновщиной», с которой принято связывать «засилье иностранцев» в государственной жизни России. Имена Миниха и Остермана по-прежнему фигурируют в числе «иноземных временщиков», часто цитируется легковесное высказывание А. И. Герцена о «кондотьерах (наемниках. — В. Н.) и авантюристах, заведовавших в XVIII веке государством». Думается, эта книга внесет вклад в достижение исторической справедливости. В мемуарах показано, как честно служили России немцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, норвежцы и представители других европейских национальностей. Читатель откроет для себя имена Джеймса Кейта и Вольдемара Левендаля — лучших генералов России аннинского времени, узнает о героической обороне очаковского гарнизона под командованием Федора фон Штофельна и Федора фон Братке. Публикуемые источники позволяют по-новому оценить значение деятельности «иноземцев» на гражданской и придворной службе. Именно эти люди способствовали внедрению европейской культуры в русское общество в сложный период между варварством и цивилизацией. Особенно велик вклад в российскую историю А. И. Остермана и Б.-Х. Миниха, которых С. М. Соловьев оценил как «иностранцев очень даровитых и усыновивших себя России, неразрывно соединивших свою славу с ее славою...»¹²

Содержательность послепетровской эпохи и огромная роль «российских иноземцев» в истории нашей страны ярко и убедительно показаны в мемуарах, представленных на страницах этого издания.

В. Наумов

---

¹² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 261.

Указатель имен*

Август II Сильный (Август-Фридрих, 1670—1753) — курфюрст Саксонский с 1694. В 1697 избран королем Польши. В 1700 в союзе с Россией вступил в войну со Швецией. В 1706 по условиям мирного договора с Карлом XII отказался от польского престола в пользу поддерживаемого Швецией Станислава Лещинского. В 1709 объявил договор недействительным и при поддержке России вновь утвердился на польском престоле 48, 156, 178, 201, 279, 280, 284, 321—323, 343, 358, 425, 477, 478

Август III (Фридрих-Август, 1696—1763) — курфюрст Саксонии и король Польши с 1733. Сын Августа II. Утвердился на польском престоле при поддержке России в результате войны за польское наследство 1733—35 49, 50—54, 56, 58, 59, 147, 295, 296, 323, 345—347, 349, 351—353, 357, 452, 465, 468

Агия-паша (Ягья-паша, Яйя-паша) — турецкий сановник, трехбунчужный паша. Зять вел. везира Али-паши. В 1737 сераскир, командовавший обороной Очакова от русских войск. После капитуляции города взят в плен 102, 364, 381

Адеркас — уроженка Гамбурга, с 1731 воспитательница Анны Леопольдовны, потворствовавшая ее любовной связи с польско-саксонским посланником в Петербурге М.-К. Линаром. В 1735 уволена от должности и выслана в Германию 61, 306, 471, 474

Адлерфельд (уб. 1743) — граф, шведский сенатор. Убит в Стокгольме восставшими далекарлийцами 238

Адольф-Фридрих Голштейн-Готторпский (1710—1771) — принц, брат кн-и Иоганны-Елизаветы Ангальт-Цербстской, дядя Екатерины II. С 1727 князь-епископ Любский. В 1739—41 опекун своего двоюродного племянника Карла-Петра-Ульриха (впоследствии императора Петра III). В 1743 по настоянию России избран наследником шведского престола. С 1751 король Швеции под именем Адольфа I Фредрика 237, 239, 240, 485

Александр Курляндский (ум. 1686) — принц из династии Кетлеров, младший сын герцога Курляндского Иакова III 34

---

* Указатель составлен только к текстам сочинений Х.-Г. Манштейна, Б.-Х. Миниха, Э. Миниха и «Замечаний на «Записки о России генерала Манштейна».

Принятые сокращения: вел. — великий,
кн. — князь,
кн-я — княгиня,
л.-гв. — лейб-гвардия.

Имена авторов обозначаются: Х. М. — Х.-Г. Манштейн, Б. М. — Б.-Х. Миних, Э. М. — Э. Миних. Библийские имена и мифологические персонажи в указатель не включены.

- Алексей Алексеевич (1654—1670) — царевич, сын царя Алексея Михайловича. В 1669 являлся одним из кандидатов на польскую корону. Вопреки мнению Б. М., официального приглашения на престол со стороны поляков не было, речь шла только о возможном браке царевича и племянницы бывшего польского короля Яна-Казимира 275
- Алексей Михайлович (1629—1679) — царь с 1645. Сын царя Михаила Федоровича. Отец царей Федора, Иоанна V, правительницы Софьи и императора Петра I 17, 258, 259, 270, 271, 275
- Алексей Петрович (1690—1718) — царевич, сын Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной. Отец Петра II. Являлся противником петровских преобразований. В 1716 тайно уехал в Вену. В 1718 возвратился в Россию, где был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Приговорен к смертной казни. Умер при невыясненных обстоятельствах 413
- Али-мурза (ум. 1739) — крымский сановник. В сражении близ Хотина 3.8.1739 был ранен в ногу и взят в плен. Умер вскоре после ампутации ноги 138
- Али-паша — турецкий государственный деятель, вел. везир Османской Порты до 1735 364
- Аллион (Юсон-Даллон) — см. Д'Аллион
- Альбрехт фон Людвиг (Иван, ум. 1741 или 1742) — на русской службе с 1698. С 1734 майор л.-гв. Преображенского полка. По поручению Э.-И. Бирона руководил слежкой за неблагонадежными лицами, в том числе за Елизаветой Петровной. С 1741 генерал-майор. В сражении при Вильманстранде 23.8.1741 командовал особым отрядом, сыгравшим большую роль в победе над шведами. В этом сражении потерял ногу, что ускорило его кончину 189, 293, 305
- Анастасия Романовна Захарьина (ум. 1560) — царица, первая жена царя Иоанна IV с 1547 269
- Анна (ум. 1011) — византийская царевна, сестра императора Василия II. Жена киевского князя Владимира Святославича с 987 278
- Анна Иоанновна (1693—1740) — дочь царя Иоанна V, племянница Петра I. В 1710 выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма. После смерти мужа с 1711 вдовствующая герцогиня Курляндская. 25.1.1730 приглашена на российский престол Верховным тайным советом. Подписала кондиции (условия), ограничивающие императорскую власть, но через месяц разорвала их и восстановила самодержавие 17, 26—28, 31—33, 35—37, 39, 40, 41, 43, 62, 65, 120, 156, 166, 167, 174—177, 180, 193, 198—200, 203, 206, 208—210, 215, 246, 247, 251—253, 255, 156, 260, 261, 266, 271, 292, 294, 297, 299, 302—306, 309, 313, 314, 335, 336, 378, 388, 393, 394, 402, 404, 413, 418, 419, 420, 421, 423—425, 428, 434, 435, 439—442, 444—446, 448, 453, 458, 460, 473, 475, 480
- Анна Карловна — см. Анна Леопольдовна
- Анна Леопольдовна (1718—1746) — Елизавета-Екатерина-Христина, дочь герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского и царевны Екатерины, дочери Иоанна V. В 1722 вместе с матерью приехала в Россию. С 1730 воспитывалась при дворе своей тетки императрицы Анны Иоанновны. В 1733 приняла православие с именем Анны. В 1739 выдана замуж за принца Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского Антона-Ульриха. В 1740 родила сына Иоанна, объявленного императором при регентстве Э.-И. Бирона. 8.11.1740

после ареста Б.-Х. Минихом регента провозглашена правительницей России. 25.11.1741 свергнута Елизаветой Петровной. Жила с семьей в заточении в Риге в 1741—42, крепости Дюнамюнде в 1742—44, Раненбурге в 1744 и Холмогорах с 1744 39, 47, 61, 155, 157, 161, 164, 165—167, 169, 171—173, 177, 194, 195, 198, 202, 203, 300, 303, 306, 309—311, 342, 370, 372, 382, 383, 386, 387, 390, 392, 393, 395, 418, 423, 426, 436, 439, 440, 445, 450, 453, 455, 457, 458, 461, 463, 469, 471—475, 480, 482

Анна Мекленбургская — см. Анна Леопольдовна

Анна Петровна (1708—1728) — цесаревна, дочь Петра I и Екатерины Алексеевны. С 1725 жена герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха. В 1727 вместе с мужем уехала из России в Голштейн, где родила принца Карла-Петра-Ульриха, впоследствии императора Петра III 11, 13, 286, 288, 289, 312, 313, 327, 414, 415

Антон-Ульрих Бланкенбургский — герцог, которого Э. М. называет дедом Петра II. В действительности его дедом был Людвиг-Рудольф Брауншвейг-Бланкенбургский (1671—1735), с которым Э. М. встречался в 1728. Антон-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский (1633—1714) — прадед Петра II, умерший задолго до приезда Э. М. в Брауншвейг. Мемуарист путает имена 333

Антон-Ульрих Брауншвейг-Беве-рн-Люнебургский (1714—1774) — принц, сын герцога Фердинанда-Альбрехта Брауншвейгского. В 1733 вызван в Россию в качестве жениха Анны Леопольдовны, после отсрочки брака назначен полковником кирасирского полка. В 1737 участвовал в русско-турецкой войне, за отличие при взятии Очакова произведен в генерал-майоры. В 1739 вступил в брак с Анной Леопольдовной. С 1740 подполковник л.-гв. Семеновского полка в чине генерал-лейтенанта. Отец младенца императора Иоанна VI. После свержения регента Э.-И. Бирона и провозглашения правительницей Анны Леопольдовны в 1740 произведен в генералиссимусы. 25.11.1741 арестован, лишен чинов и званий. Жил с семьей в заточении, умер в Холмогорах 39, 42, 95, 102—104, 107, 124, 128, 136, 155, 159, 164, 167, 173, 180, 181, 192, 194, 305—308, 311, 327, 333, 363, 370, 372, 373, 380, 383, 392, 396, 400, 401, 407, 418, 420, 426, 440, 450, 451, 454, 461, 462, 465, 469—471, 473

Анциферов (уб. 1737) — майор, убит под Очаковым 116

Апостол Даниил Павлович (1654—1734) — в 1683 начал службу в должности миргородского полковника. Руководил отражением набегов крымских татар на Украину, участвовал в Азовском походе 1696. В 1700—1711 воевал со шведами в Лифляндии под командованием Б. П. Шереметева. В 1704 сражался в Польше на стороне Августа II. В 1708 вместе с И. С. Мазепой перешел на сторону шведов, но был прощен Петром I. В 1722—23 участвовал в Персидском походе. В 1727 избран гетманом Левобережной Украины 20, 289

Апраксин Степан Федорович (1702—1758) — начал службу рядовым л.-гв. Преображенского полка, с 1727 капитан. В 1734 произведен в секунд-майоры с переводом в Семеновский полк, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1735—39. За отличие при штурме Очакова в 1737 получил чин премьер-майора. С 1739 генерал-майор. В 1742 посланник в Персии. С 1743 вице-президент Военной коллегии. С 1746 генерал-аншеф. С 1756 генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в Семилетней войне. В 1757 отстранен от командования и арестован по обви-

нению в государственной измене. Умер во время следствия. Вопреки мнению Х. М., графом не был 136, 179, 207, 306, 401, 449, 460

Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728) — граф с 1710. С 1708 генерал-адмирал. Участник Северной войны. С 1717 сенатор, президент Адмиралтейской коллегии. С 1726 член Верховного тайного совета 11, 284, 285, 290

Аракчеев Василий Степанович — полковник Тобольского драгунского полка. В 1736 произведен в генерал-майоры. В 1740 генерал-лейтенант 68, 79, 96, 102

Аргаматов Михаил Федорович — поручик л.-гв. Преображенского полка. В октябре 1740 участвовал в гвардейском заговоре против регента Э.-И. Бирона в пользу родителей Иоанна Антоновича. Был арестован, подвергнут пыткам. После падения Бирона освобожден, произведен в капитаны. В 1742 уволен со службы. В 1743 привлекался к следствию по делу Лопухиных — Ботта, но был оправдан 451

Ахмед-паша — см. Бонневаль Клод-Александр

Байер Готлиб-Зигфрид (1694—1738) — немецкий историк. С 1725 член Петербургской Академии наук 276

Балакирев Иван Емельянович (р. 1699) — при Петре I придворный камер-лакей. Протеже и доверенное лицо камергера Вилима Монса — фаворита императрицы Екатерины Алексеевны, арестован вместе с ним в 1724, наказан батогами и сослан в Рогервик. В 1725 возвращен Екатериной I из ссылки, определен солдатом в л.-гв. Преображенский полк. В 1730 вновь взят ко двору, получил назначение придворного шута. Пользовался особым расположением Анны Иоанновны 443

Балк Петр Федорович (1712—1762) — начал службу пажом императрицы Екатерины Алексеевны. В 1724 впал в немилость у Петра I и в чине сержанта отправлен в армию на персидской границе. В 1725 возвращен Екатериной I ко двору, назначен камер-юнкером, а затем камергером цесаревны Елизаветы Петровны. После переворота 1741 произведен в действительные камергеры с рангом генерал-майора 204

Бальмен де Богдан Адрианович (Рамсей де Бальмен, уб. 1741) — шотландский граф. В начале XVIII в. выехал во Францию, затем на турецкую службу. Участвовал в создании корпуса турецких войск по европейскому образцу. В 1743 принят на русскую службу в чине майора, вскоре произведен в полковники. 23.8.1741 погиб в сражении под Вильманстрандом 60, 61, 188, 189

Бараль — офицер французского флота (1734) 350, 427, 428

Барятинский Иван Федорович (1687—1738) — кн. Участвовал во многих походах Петра I. С 1719 бригадир, с 1726 генерал-майор. Деятельно участвовал в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны. С 1730 сенатор, генерал-лейтенант. В 1735 московский генерал-губернатор, в 1736—38 правитель Малороссии. С 1737 генерал-аншеф 30, 51, 160

Барятинский Сергей Иванович (ум. 1746) — кн., сын И. Ф. Барятинского. С 1736 бригадир, участник русско-турецкой войны. В 1738 по болезни уволен из действующей армии 106

Бассевич Геннинг-Фридрих (1680—1748) — граф с 1726. Уроженец Мекленбурга. С 1713 на голштейнской службе. Голштейнский посланник в 1714 в России, в 1722—24 в Швеции. С 1724 находился в Петербурге в качестве

советника герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха, а с 1725 — первого министра Голштейна. Добился согласия Петра I на брак герцога и цесаревны Анны Петровны, содействовал воцарению Екатерины I и в годы ее правления оказывал существенное влияние на дела России. В 1727 выехал в Голштейн, назначен обер-гофмаршалом и обер-гофмейстером двора герцогини Анны Петровны. В 1728—1730 голштейнский представитель на конгрессе в Суассоне. В 1730 арестован герцогом по подозрению в измене, отставлен от всех должностей. Бежал в Мекленбург 13, 288, 413—416

Баур Рудольф-Феликс (Родион Христианович, 1667—1717) — уроженец Голштейна. В 1700 принят на российскую службу в чине полковника драгунского полка. Отличился в ряде сражений Северной войны. С 1705 генерал-майор, с 1706 генерал-лейтенант. В 1717 произведен в генералы-от-кавалерии, получил в командование дивизию на Украине, но вскоре умер 412

Бахметев Иван Иванович (1690—1780) — начал службу в гвардии, состоял при Канцелярии тайных розыскных дел. С 1726 полковник Астраханского полка. С 1733 генерал-майор. В 1737 участвовал во взятии Очакова. С 1740 генерал-поручик и обер-прокурор Сената. В 1741—43 участвовал в войне со Швецией. С 1753 действительный тайный советник, сенатор 59, 96, 103, 105, 107, 136, 189, 365, 366

Бахти-Гирей — султан кубанских татар (1737) 94

Беве́рские принцы — см. Антон-Ульрих и Карл Брауншвейг-Беверн-Люнебургские

Бегли-Гирей — см. Менгли-Гирей

Бельфон де — маркиз, французский полковник. В 1734 взят в плен русскими в Гданьске 354, 428

Бергер Фридрих — поручик кирасирского полка. В 1743 донес И.-Г. Лестоку на И. С. Лопухина, что явилось началом дела Лопухиных—Ботта 242

Беренклау фон — барон, австрийский полковник, волонтер при российской армии в 1736—37 121

Бернулли Даниил (1700—1782) — швейцарский математик и физик. В 1725—33 академик Петербургской Академии наук. В 1733 вернулся в Швейцарию 255

Бестужев — см. Бестужев-Рюмин

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) — граф с 1742. Брат М. П. Бестужева-Рюмина. В 1721—30 и 1734—40 посол в Дании, в 1731—34 в Гамбурге. В 1740 действительный тайный советник и кабинет-министр. Активно поддерживал Э.-И. Бирона, после свержения которого приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой в деревню. После переворота 1741 возвращен ко двору, назначен вице-канцлером и сенатором. С 1744 канцлер. Оказывал огромное влияние на государственную политику России. Являлся противником Пруссии и Франции и сторонником союза России с Австрией, Англией, Голландией и Саксонией. С 1756 член созданной по его инициативе Конференции при высочайшем дворе. В 1757 принял активное участие в придворных интригах в пользу вел. кн-и Екатерины Алексеевны. В 1758 арестован, обвинен в «оскорблении величества», в 1759 приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой в деревню. В 1762 возвращен ко двору Екатериной II, оправдан. С 1763 гене-

рал-фельдмаршал 162, 171, 205—207, 210, 225, 242—244, 303, 305, 382, 383, 393, 399, 436, 437, 449, 451, 457, 471, 484

Бестужев-Рюмин Михаил Петрович (1688—1760) — граф с 1742. Брат А. П. Бестужева-Рюмина. В 1720 резидент в Лондоне. Дипломатический представитель России в Швеции в 1721—25 и 1731—41, в Польше в 1726—30 и 1744—48, в Пруссии в 1730—31 и 1744, в Австрии в 1748—52, во Франции в 1757—60 153, 163, 182, 449

Бестужев-Рюмин Петр Михайлович (1664—1743) — граф с 1742. Отец А. П. и М. П. Бестужевых-Рюминых. С 1712 обер-гофмейстер двора вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны, вскоре стал ее фаворитом. В 1727 оттеснен Э.-И. Бироном, добившимся обвинения его в служебных злоупотреблениях. В 1727—30 находился под следствием в Петербурге. В 1731 сослан в деревню, в 1737 освобожден с разрешением жить в Москве. После воцарения Елизаветы Петровны приближен к императорскому двору 34, 35

Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна, урожденная графиня Головкина (ум. 1751) — дочь канцлера Г. И. Головкина, в первом браке за графом П. И. Ягужинским. С 1743 жена графа М. П. Бестужева-Рюмина. В том же году арестована по делу Лопухиных—Ботта, после наказания кнутом и урезания языка сослана в Якутск. Умерла в ссылке 241, 242, 486, 487

Бецкой Иван Иванович (1704—1795) — внебрачный сын генерал-фельдмаршала И. Ю. Трубецкого. С 1719 секретарь русского посольства во Франции. В 1728 служил в Военной коллегии. В 1742—47 камергер двора вел. кн. Петра Федоровича. С 1747 в отставке, жил за границей. В 1762 вызван Петром III в Петербург, назначен главным директором Канцелярии строей и домов его величества. С 1763 президент Академии художеств. С 1766 действительный тайный советник 483

Бибиков Иван Иванович (ум. 1745) — начал службу в 1703 офицером л.-гв. Преображенского полка. В 1722—23 прокурор Ревизион-коллегии. В 1723—27 обер-прокурор Сената. С 1727 президент Ревизион-коллегии. В 1730 участвовал в движении дворянства в защиту самодержавия Анны Иоанновны. С 1730 белгородский губернатор, затем президент Камер-коллегии. С 1742 главный командир Малороссии 449

Бирен Карл (1653—1733) — отец Э.-И. Бирона, конюший в чине поручика при принце Александре Курляндском до 1686. Капитан охотничьей команды герцога Курляндского Иакова III с 1686 34

Бирен Карл (ум. 1683) — дед Э.-И. Бирона. Первый конюх герцога Курляндского Иакова III 34

Бирон Александра Александровна, урожденная княжна Меншикова (1712—1736) — дочь А. Д. Меншикова. В 1727 сослана с отцом в Березов. В 1731 возвращена ко двору, назначена фрейлиной. С 1732 жена Густава Бирона 17

Бирон Бенигна-Готлиба, урожденная Тротта фон Трейден (1703—1782) — герцогиня Курляндская с 1737. С 1720 фрейлина при дворе Анны Иоанновны, с 1723 — жена Э.-И. Бирона, статс-дама с 1730. В 1741—62 в ссылке вместе с мужем. После восстановления Бирона в правах герцога Курляндского вернулась с ним в Митаву 35, 300, 302, 373, 418

Бирон Густав (1700—1746) — брат Э.-И. Бирона. С 1730 на российской службе. С 1732 подполковник л.-гв. Измайловского полка. В русско-турецкую

войну 1735—39 командовал сводным гвардейским отрядом в чине генерал-майора, затем генерал-поручика. С 1740 генерал-аншеф. В том же году арестован одновременно с братом, признан его соучастником. В 1741 сослан в Нижнеколымский острог. В 1742 переведен в Ярославль. В 1744 освобожден, восстановлен в чине генерала, возвращен на службу 17, 34, 37, 96, 100, 124—126, 136, 141, 144, 170, 171, 181, 209, 305, 380, 396, 399, 454, 457

Бирон Карл (1684—1746) — брат Э.-И. Бирона. Находился на российской военной службе при Петре I, был взят в плен шведами, бежал в Польшу. С 1705 на польской военной службе. В 1730 поступил на российскую службу в чине генерал-майора. Участвовал в военных действиях в Польше в 1733 и русско-турецкой войне 1735—39. С 1739 генерал-аншеф. С 1740 московский губернатор. В том же году арестован как соучастник брата. В 1741 сослан в Среднеколымск, в 1742 переведен в Ярославль. В 1744 освобожден, получил разрешение жить в лифляндском имении 34, 59, 96, 124, 126, 128, 136, 171

Бирон Карл-Магнус (ум. 1739) — генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1735—39. Троюродный брат Э.-И. Бирона 53, 68, 75, 78, 80, 88, 96, 124

Бирон Петр (1724—1800) — старший сын Э.-И. Бирона. С 1737 наследный принц Курляндский. В 1741 сослан вместе с отцом в Пелым, затем переведен в Ярославль. В 1762 возвращен Петром III в Петербург, получил звание генерал-майора. В том же году восстановлен Екатериной II в правах наследного принца Курляндского. С 1769 управлял Курляндией от имени отца, с 1772 владетельный герцог Курляндский. После присоединения Курляндии к России с 1795 жил в Германии 163, 164, 303, 305, 396, 454

Бирон Эрнст-Иоганн (1690—1772) — граф с 1730. С 1718 камер-юнкер двора вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны, с 1727 ее фаворит. После ее воцарения в 1730 назначен обер-камергером. Оказывал большое влияние на императрицу, активно вмешивался в государственные дела. В 1737 под давлением российского правительства избран герцогом Курляндским. С 17.10.1740 регент Российской империи при младенце императоре Иоанне VI. 8.10.1740 арестован Б.-Х. Минихом, предан суду и в 1741 приговорен к смертной казни, которая заменена ссылкой в Пелым. В 1742 переведен в Ярославль. В 1762 освобожден из ссылки Петром III. В том же году восстановлен Екатериной II в правах герцога Курляндского. В 1769 передал управление герцогством сыну Петру 17, 27, 31, 33—40, 52, 55, 61, 88, 122, 132, 154, 156, 158, 159, 161, 162, 165—168, 171, 173, 174—178, 180, 194, 197, 199, 200, 203, 206, 209, 293, 300—302, 304, 310, 315, 338, 342, 358, 360, 365, 366, 370, 371, 373, 374, 380, 382, 383, 385—387, 389—392, 397, 409, 419, 420—423, 425, 426, 432, 434—436, 438—443, 445, 450, 452, 453, 455—458, 460, 462

Бироны — французские герцоги 422

Бисмарк фон Рудольф-Август (1683—1750) — с 1732 на российской службе в чине генерал-майора. В 1733 женился на фрейлине Текле фон Трейден, сестре Бенигны Бирон; в день свадьбы получил чин генерал-лейтенанта. Участвовал в войне за польское наследство и русско-турецкой войне. С 1737 генерал-аншеф, губернатор Лифляндии. В 1740 арестован как соучастник Э.-И. Бирона, в 1741 сослан в Тобольск, в 1742 переведен в Ярославль. В 1747 освобожден, назначен главнокомандующим Украинской армией 122, 171, 177, 209, 344, 380, 410

Бишенг — см. *Бюшинг*

Бломберг — по сведениям Х. М., первый командир Преображенского полка. В действительности первым полковником этого полка был Ю. А. фон Менген. Бломберг среди офицеров-преображенцев не значится 260

Блументрост Лаврентий Лаврентьевич (1692—1755) — с 1718 лейб-медик Петра I. С 1725 первый президент Петербургской Академии наук. С 1730 потерял значение при дворе, в 1733 выслан из Петербурга в Москву. В 1755 вызван в Петербург для обсуждения дел по созданию Московского университета, но вскоре умер 255

Болтин Иван Никитич (1735—1792) — историк, государственный деятель. С 1786 член Российской Академии наук. С 1788 член Военной коллегии. В 1784—86 написал свой основной труд «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (т. I, 2; 1788) 417

Бонафу (Бонифу) — французский офицер, состоявший на польско-саксонской службе в чине подполковника. В 1719 ранен Б.-Х. Минихом на дуэли 324, 478

Бонде (Бунде) Густав — граф, член Государственного совета Швеции. В 1742 приезжает в Петербург в составе делегации для предложения вел. кн. Петру Федоровичу шведской короны 224

Бонневаль Клод-Александр (Ахмед-паша, 1675—1747) — французский авантюрист, состоял на военной службе различных европейских государств. В 1729 уехал в Константинополь, принял ислам с именем Ахмеда, получил титул трехбунчужного пашы. Возглавлял турецкую артиллерию, пытался реформировать турецкую армию по европейскому образцу 60

Ботта-Адорно де Антон-Отто (1693—1745) — маркиз, австрийский генерал-фельдмаршал-лейтенант. Посланник в России в 1737, 1738—40, 1741—42, в Пруссии в 1742—43. После раскрытия дела Лопухиных—Ботта выслан Фридрихом II из Берлина. В Австрии заключен Марией-Терезией в крепость, но вскоре освобожден 121, 175, 177, 197, 241—243, 307, 308, 366, 371—374, 405, 406, 409, 463, 464, 467, 468, 474, 486, 487

Борис Федорович Годунов (ок. 1552—1605) — царь с 1598. Возвысился благодаря браку сестры Ирины с царевичем Федором Иоанновичем, царем с 1584, в правление которого практически единовластно управлял государством. После смерти царя Федора избран на царство Земским собором. Скоропостижно скончался в разгар борьбы с Лжедмитрием I 271

Брадлей — англичанин, первый руководитель Морской академии в Петербурге 257

Братке фон Федор — инженерный полковник. С 1737 бригадир, в октябре того же года комендант Очакова. За героическую оборону этой крепости произведен в 1738 в генерал-майоры. При Елизавете Петровне в чине генерал-лейтенанта заведовал строительством Рогервикского порта 103, 115, 117, 118, 120, 213, 228, 231, 233, 237

Браун — капитан пехотного полка (1742) 211

Брауншвейгский принц — см. *Антон-Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский*

Бреверн фон Адам-Людвиг (1708—1761) — полковник, участник русско-шведской войны 1741—43 229

- Бреверн фон Карл Германович (1704—1744) — действительный статский советник, сотрудник Коллегии иностранных дел, с 1735 секретарь Кабинета министров. С 1740 тайный советник. В 1740—41 президент Петербургской Академии наук. С 1741 конференц-министр, ведал иностранными делами вместе с А. П. Бестужевым-Рюминым 256
- Бредаль Петр Петрович (1681—1756) — уроженец Норвегии. С 1703 на российской службе. С 1706 лейтенант. С 1709 капитан-поручик. С 1721 капитан-командор. В 1736 в чине контр-адмирала командовал донской флотилией при взятии Азова. С 1737 вице-адмирал. Главный командир Ревельского и Архангельского портов при Елизавете Петровне 83, 109, 113, 114, 133
- Бриль — см. Брюль
- Бриллы (Брильи) де Андрей (ум. 1746) — уроженец Италии. В 1701 принят на российскую службу в инженерный полк. С 1727 генерал-майор, в том же году комендант в Риге. В 1736—39 участвовал в русско-турецкой войне. С 1737 генерал-лейтенант. С 1746 в отставке 83, 109, 213, 217, 222, 227
- Бриньи де (Дебрини, Бриньи-младший) Адриан (ум. 1747) — с 1725 российский генерал-майор, инженер. В 1733 обер-комендант в Ревеле. С 1741 генерал-поручик 83, 109, 133, 449
- Бриньи де (Дебрини, Бриньи-старший) Петр (ум. 1754) — инженер, генерал-майор с 1727. Строил гидравлические сооружения в Петергофе. В 1736—39 участвовал в русско-турецкой войне, в 1736 комендант Азова. С 1737 генерал-лейтенант 83, 85, 449
- Броун Юрий Юрьевич (Георгий Георгиевич, 1698—1782) — граф. В 1738 российский полковник при австрийской армии, взят в плен турками при Кроцке. После мира в 1740 освобожден. С 1742 генерал-майор. С 1755 генерал-аншеф, с 1762 лифляндский генерал-губернатор 122, 213, 297
- Брылкин Иван Онуфриевич (1709—1788) — камер-юнкер Анны Иоанновны, в 1735 удален от двора и назначен капитаном в казанский гарнизон. В 1740 возвращен Анной Леопольдовной в Петербург, произведен в камергеры, назначен обер-прокурором Сената (у Х. М. ошибочно генерал-прокурором, у Б. М. ошибочно сенатором). Сенатор с 1762. С 1764 в отставке 61, 310
- Брюль (Бриль) фон Генрих (1700—1763) — граф с 1737, первый министр Саксонского курфюрста и польского короля Августа III 308, 464
- Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — граф с 1721, сподвижник Петра I, один из организаторов российской артиллерии. С 1711 генерал-фельдцейхмейстер. С 1717 сенатор и президент Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии. В 1721 вместе с А. И. Остерманом подписал Ништадтский мир с Швецией. С 1762 генерал-фельдмаршал, в том же году вышел в отставку 262, 281
- Брюс Александр Романович (ок. 1705—1751) — граф с 1735, племянник Я. В. Брюса. С 1740 генерал-майор. С 1745 муж княжны Е. А. Долгорукой 213, 418
- Будденброк фон Генрих-Магнус (уб. 1743) — шведский генерал-лейтенант, командующий армией в первый год русско-шведской войны (1741). Обвинен в неудачных военных действиях, казнен 183—187, 190, 191, 222
- Бутлер — российский полковник с 1737, генерал-майор с 1742 214

- Буске — шведский генерал-майор, командующий действующей армией после ареста К.-Э. Левенгаупта и Г.-М. Будденброка. В 1742 капитулировал в Финляндии 220, 222
- Бутурлин Александр Борисович (1694—1767) — граф с 1760. Служил денщиком Петра I с 1720. С 1727 камергер цесаревны Елизаветы Петровны. С 1728 генерал-майор. В 1735—38 смоленский губернатор. В 1738—39 участвовал в русско-турецкой войне. С 1740 генерал-лейтенант. С 1742 генерал-аншеф, сенатор, московский генерал-губернатор. С 1756 генерал-фельдмаршал и член Конференции при высочайшем дворе. В 1760—61 главнокомандующий русской армией в Семилетней войне. С 1762 вновь московский генерал-губернатор 124, 449
- Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — спальник и стольник у молодого Петра I. Премьер-майор л.-гв. Преображенского полка со времени его формирования в 1698. В 1700 попал в плен под Нарвой, освобожден в 1710. В 1711—21 участвовал в различных сражениях Северной войны. С 1721 генерал-аншеф. В 1727 сослан в деревню за участие в заговоре против А. Д. Меншикова 13, 286, 290
- Бюшинг (Бишенг) Антон-Фридрих (1724—1793) — известный немецкий географ и историк. В 1749—50 находился в Петербурге в качестве воспитателя сына датского посланника, в 1760—65 — в качестве пастора лютеранской церкви Святого Петра. Собирал и публиковал материалы по истории России 458
- Вазаборг — граф, шведский подполковник. В 1741 взят в плен при Вильманстранде 191
- Вален — бургомистр Гданьска (1734) 353
- Валлис — австрийский генерал-фельдцейхмейстер (1737), генерал-фельдмаршал (1739) 150, 433
- Василий IV Иванович Шуйский (1552—1612) — русский царь в 1606—10. С 1584 боярин. Возглавил заговор, закончившийся низложением и убийством Лжедмитрия I. В 1606 избран на царство. В 1610 низложен, пострижен в монахи. Взят в плен поляками. Умер в Польше 269
- Васильчиков Григорий Семенович (р. 1663) — участник Крымского похода 1689 276
- Ведель Рудольф Кондратьевич — полковник Троицкого драгунского полка, участник русско-турецкой войны 1735—39 и русско-шведской войны 1741—43. С 1740 генерал-майор 79, 103, 116, 118, 213, 215—217, 227
- Вейсбах фон Иоганн-Бернгард (ум. 1735) — граф с 1730. Уроженец Богемии. С 1707 на русской службе. С 1720 командующий войсками в Малороссии. С 1729 генерал-аншеф. С 1731 киевский генерал-губернатор 63, 64, 89, 296
- Вейсбах фон Георг-Карл (Егор Иванович) — полковник Ингерманландского полка. С 1739 генерал-майор 70
- Вейсенфельский герцог — см. Иоганн-Адольф Саксен-Вейсенфельский
- Великий Могол Мохаммад-Шах — правитель Монгольской империи в Северной Индии. 8.3.1739 его войска были разгромлены Надир-Шахом близ Дели, после чего персы разграбили город и захватили огромную добычу 179, 468

Вели-паша — бендерский сераскир, главнокомандующий турецкой армией в Молдавии. Потерпел поражение в битве при Ставучанах 17.8.1739 127, 136, 138, 140, 143, 144, 154, 375

Вельцег — см. Вильчек

Вельяминов Степан Лукич — генерал-майор. В 1726 президент Малороссийской коллегии, в 1734—36 президент Коммерц-коллегии 449

Веселовский — российский поручик, причастный к убийству М. Синклера 17.6.1739 154

Вешняков Алексей Андреевич — надворный советник, российский дипломатический представитель в Турции: в 1734—36 резидент, в 1739—45 чрезвычайный и полномочный посол 65, 66

Вильбранд — шведский полковник, комендант Вильманстранда (1741) 186, 220

Вильбуа (Вильбоа) Александр Никитич (1717—1781) — сын Н. П. Вильбуа. В 1742—46 камергер двора вел. кн. Петра Федоровича, затем полковник, участник Семилетней войны. При Петре III член Императорского совета. В 1762—65 генерал-фельдцейхмейстер. С 1765 в отставке 316

Вильбуа (Вильбоа) Никита Петрович (Франсуа-Гильмот де Вильбоа, 1674—1760) — француз, на русской службе с 1697. С 1727 капитан-командор. С 1741 контр-адмирал, с 1743 главный командир Кронштадтского порта. С 1747 в отставке с чином вице-адмирала 412

Вильдеманн — генерал-адъютант и племянник Б.-Х. Миниха. В 1737 произведен в полковники 365

Вильнев (Вилленев) де Луи-Совер — маркиз, французский посол в Турции в 1733—40 122, 149, 151, 297, 298, 378, 433

Вильчек (Вельцег) — граф, австрийский генерал-фельдмаршал, посланник в Польше в 1733—34 51, 59, 346

Винтерфельд — прусский майор, генерал-адъютант Фридриха II. В январе 1741 приезжал в Петербург с поздравлением короля Анне Леопольдовне по случаю вступления в регентство 175, 404, 405

Вицлебен Анна-Дебора, урожденная Себах — бабка Э. Миниха по материнской линии 328

Вишневецкий Януш-Антон (1678—1741) — князь, каштелян краковский с 1726 50

Вишневский Федор Степанович — полковник, затем генерал-майор. Доверенное лицо Елизаветы Петровны. В 1731 привез в Петербург молодого певчего А. Розума — впоследствии графа А. Г. Разумовского 205

Владимир Святославич Красное Солнышко (ум. 1015) — князь Новгородский с 969, князь Киевский с 980. В 987 крестился в Корсуни и женился на византийской царевне Анне. В 988—89 ввел христианство в качестве государственной религии на Руси 278

Волков Дмитрий Васильевич (1727—1785) — с 1742 на службе в Коллегии иностранных дел. В 1756—62 руководитель канцелярии Конференции при высочайшем дворе. При Петре III тайный секретарь императора, член Коллегии иностранных дел и Императорского совета. В 1764—77 президент Мануфактур-коллегии, в 1768—82 сенатор. В 1776—77 смоленский наместник. С 1782 в отставке 316, 317

Волконский Михаил Никитич (1713—1788) — кн., племянник А. П. и М. П. Бестужевых-Рюминых. С 1736 секунд-майор, затем премьер-майор. В 1756 в чине генерал-майора назначен полномочным послом в Польшу. С 1758 генерал-поручик, прикомандирован к австрийской армии, действовавшей в союзе с Россией против Пруссии. В 1759 командовал войсками в Познани. В марте 1762 подписал перемирие России и Пруссии, в мае—июне того же года являлся членом совета при Петре III. В 1769—71 посол в Польше. С 1771 московский генерал-губернатор 316

Волинский Артемий Петрович (1689—1740) — с 1704 служил солдатом драгунского полка. С 1711 ротмистр, в том же году участвовал в Прутском походе. В 1715—19 посланник в Персии. В 1719—22 астраханский губернатор. С 1725 генерал-майор. В 1725—30 казанский губернатор. С 1736 обер-егермейстер и генерал-аншеф. В 1737 входил в состав российской делегации на Немировском конгрессе. С 1738 кабинет-министр. В кругу друзей выражал недовольство правлением Анны Иоанновны, обсуждал проекты улучшения государственных дел. В 1740 арестован, обвинен в заговоре и «оскорблении величества», казнен 33, 120, 158, 161, 162, 206, 302, 304, 381, 434, 435, 449

Вользек — граф, представитель Австрии на Немировском конгрессе 1737 120

Вольф Христиан (1679—1754) — барон, выдающийся немецкий философ. Помогал Петру I в выборе и приглашении в Россию ученых для Академии наук, сыграл немалую роль в ее создании, но сам отказался возглавить кафедру в академии. Впоследствии активно поддерживал за границей М. В. Ломоносова 255

Вольфенбюттельская принцесса — см. Шарлотта-Христина-София Вольфенбюттельская

Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — граф с 1744. Паж, затем камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны. За участие в перевороте 1741 пожалован в камергеры и генерал-поручики. С 1744 вице-канцлер и сенатор, с 1758 канцлер. С 1765 в отставке 196, 204—206, 312, 316, 472

Воронцова Анна Карловна, урожденная Скавронская (1721—1775) — племянница Екатерины I. С 1742 — жена М. И. Воронцова, с того же года статс-дама. С 1760 обер-гофмейстерина 206

Врангель — шведский майор, один из предводителей восстания далекарлийцев 1743. После его подавления приговорен к пожизненному заключению 238, 239

Врангель Карл — шведский генерал-майор. Командовал отрядом, прикрывавшим Вильманstrand. 23.8.1741 потерпел поражение в битве с русскими войсками и попал в плен 185—187, 189—191

Вратислав фон Митрович Франциск-Карл — граф, австрийский посол в России в 1728—34 39, 308, 423

Галлатин Езекииль — женеvский пастор, профессор философии (1725) 328, 330

Гамильтон — барон, шведский сенатор. В 1742 приезжал в Петербург в составе делегации, предлагавшей шведскую корону вел. кн. Петру Федоровичу 225

Ганф фон Иоганн-Фридрих — российский бригадир, участник русско-турецкой войны 1735—39. 13.7.1737 тяжело ранен при штурме Очакова 102

- Гаслингер — барон, австрийский генерал-лейтенант (1734) 59, 60
- Геджес — английский посол в Турине (1727) 329
- Геймбург фон Август-Адольф — барон, брауншвейгский подполковник, гувернер принца Антона-Ульриха. С 1740 полковник российской службы, генерал-адъютант генералиссимуса Антона-Ульриха. После переворота 1741 находился в заключении в Риге, Дюнамонде и Раненбурге. Освобожден в 1762 Екатериной II 102, 364
- Гейн Георгий — российский генерал-майор с 1731, участник русско-турецкой войны 1735—39. В июне 1736 предан военному суду и разжалован в рядовые. После мира 1740 прощен, восстановлен в прежнем звании 68, 74, 75
- Гендриковы — графы, родственники Екатерины I 412
- Гензия-паша — турецкий военачальник, командовавший в октябре 1737 осадой захваченного русскими войсками Очакова 366
- Геннин Вилим Иванович (Георг-Вильгельм, 1676—1750) — уроженец Голландии. С 1698 на российской службе. С 1713 комендант Олонца, управляющий Олонецкими горно-металлургическими заводами. В 1721 руководил строительством Сестрорецкого завода. В 1722—34 начальник Уральских горных заводов. С 1728 генерал-лейтенант. В 1735—37 член Военной коллегии, управляющий Главной артиллерийской канцелярией 253
- Генрих III Валуа (1551—1589) — герцог Анжуйский, польский король в 1573—74, французский король с 1574 50, 346
- Георг I (1660—1727) — курфюрст Ганноверский с 1698, английский король с 1714, основатель Ганноверской династии 279
- Георг-Людвиг Голштейн-Готторпский (1719—1763) — принц, брат. кн-и Иоганны-Елизаветы Ангальт-Цербстской, дядя Екатерины II, двоюродный дядя Петра III. Состоял на прусской военной службе в чине генерал-майора. После воцарения Петра III вызван в Петербург, получил чин российского генерал-фельдмаршала и полковника Конногвардейского полка. В мае—июне 1762 первоприсутствующий член Императорского совета. В день переворота 28.6.1762 арестован, но вскоре освобожден, отпущен в Голштейн 316
- Германн Иаков (1678—1783) — немецкий ученый-математик. В 1725 прибыл в Россию по приглашению Петра I. Первый ученый, принявший на себя обязанности члена Петербургской Академии наук. В 1731 вернулся в Германию 255
- Герц фон Георг-Генрих (1668—1719) — барон. Состоял на голштейнской службе в должности фельдмаршала, затем перешел на шведскую службу. Пользовался особым доверием и расположением Карла XII. С 1714 министр финансов, затем первый министр Швеции. Стремясь поправить финансовое положение государства, выпустил большое количество бумажных денег, но тем самым только усилил экономические трудности. Настроил против себя знать и наследницу престола Ульрику-Элеонору. После смерти Карла XII арестован, обвинен в растрате и измене, казнен. Позже выяснилась его невиновность 323, 414, 478
- Гершельман — немецкий историк XVIII в., автор сочинения «Прагматическая история Российской империи» 305
- Гессен-Гомбургский (Гессенский) принц — см. Людвиг-Иоганн-Вильгельм Гессен-Гомбургский

Гессен-Кассельский ландграф — см. Фридрих I Гессенский

Гика Григорий II — молдавский господарь в 1733—52 144, 377

Глебов Алексей — подполковник, начальник русского гарнизона в Запорожской Сечи во время русско-турецкой войны 1735—39. При Елизавете Петровне бригадир и комендант крепости Святой Елисаветы. В 1758 вышел в отставку в чине генерал-майора 22

Глюк Эрнст (1652 или 1655—1706) — уроженец Саксонии. С 1673 лютеранский пастор и проповедник в Лифляндии. Изучил латышский и русский языки. В его семье жила служанка Марта Скавронская — впоследствии императрица Екатерина I. В 1702 при взятии русскими войсками Мариенбурга Глюк вместе с семейством попал в плен. В 1703 вместе с семейством отвезен в Москву. В том же году назначен начальником вновь учрежденной школы для дворянской молодежи на Покровке. Составил славяно-латино-греческий словарь, несколько учебников на русском языке по географии и русской грамматике 254, 255, 411, 412

Годунов — см. Борис Годунов

Голдан-Нарма — сын калмыцкого владетеля Дондук-Омбо. В 1736 вместе с отцом предпринял поход в земли кубанских татар. В 1737 во главе четырехтысячного отряда калмыков принял участие в походе русских войск в Крым 86, 109

Голицын Василий Васильевич (1643—1714) — кн., с 1676 боярин. Фаворит царевны Софьи Алексеевны, после переворота 1682 занял первое место в ее правительстве, получил звание дворового воеводы. В 1686 заключил «Вечный мир» с Польшей. В 1687 и 1689 руководил неудачными Крымскими походами. В 1689 после падения правительства Софьи лишен боярства, сослан в Каргополь 73, 276, 277, 357

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737) — кн. С 1694 капитан л.-гв. Преображенского полка. В 1697—1700 обучался за границей. В 1701 посланник в Турции. В 1707—13 киевский губернатор. С 1718 сенатор. С 1726 член Верховного тайного совета. Инициатор попытки ограничения самодержавия Анны Иоанновны в 1730. В 1736 привлечен к суду, приговорен к смертной казни. Умер в Шлиссельбурге 11, 26, 41, 284, 294

Голицын Михаил Алексеевич (1687—1775) — кн., племянник В. В. Голицына. В 1731 принял католичество, за что сделан Анной Иоанновной придворным шутом 158

Голицын Михаил Михайлович (1674—1730) — кн. Командовал гвардией в Полтавском сражении, участвовал в Прутском походе 1711. С 1725 генерал-фельдмаршал. При Петре II президент Военной коллегии, сенатор. С 1726 член Верховного тайного совета. После неудачи верховников в 1730 удален от двора, вскоре умер 27, 37, 260, 281

Голицыны — князья 33, 292, 302

Головин Николай Федорович (1695—1745) — граф. В 1727—32 посланник в Швеции. С 1733 адмирал, президент Адмиралтейской коллегии. С 1741 сенатор, конференц-министр. В 1742—43 командовал балтийским флотом в войне со шведами 227, 229, 230, 300, 306, 385, 401, 460

Головин Александр Иванович (ум. 1766) — капитан флота с 1743. С 1757 адмирал 229

- Головкин Александр Гаврилович (ум. 1760) — граф, сын Г. И. Головкина, брат М. Г. Головкина. Дипломатический представитель России в Пруссии в 1727—28, на конгрессе в Суассоне в 1728, во Франции в 1729—31, в Голландии в 1731—43. С 1730 действительный тайный советник. Узнав о судьбе брата, остался с семьей за границей 330, 332—335, 337, 340, 341, 401
- Головкин Гавриил Иванович (1660—1734) — граф с 1707. Первый государственный канцлер в России с 1709. С 1717 президент Коллегии иностранных дел. С 1726 член Верховного тайного совета. С 1731 член Кабинета министров 11, 26, 28, 32, 38, 172, 282, 284, 290, 339
- Головкин Михаил Гаврилович (1699—1755) — граф, сын Г. И. Головкина, брат А. Г. Головкина. С 1726 действительный камергер. В 1723—25 российский посол в Пруссии. С 1730 сенатор, действительный тайный советник. В 1740—41 вице-канцлер внутренних дел. Имел большое влияние на Анну Леопольдовну, пытался соперничать с А. И. Остерманом и создать антинемецкую придворную группировку. В октябре 1741 выдвинул проект провозглашения Анны Леопольдовны императрицей. В ночь дворцового переворота 21.11.1741 арестован. Приговорен к смертной казни, которая заменена ссылкой на Колыму. Умер в ссылке 172, 174, 181, 192, 197, 200, 206, 241, 294, 306, 308, 309, 311, 313, 315, 394, 395, 400, 401, 449, 452, 453, 454, 459, 460, 469, 476
- Головкина Екатерина Ивановна, урожденная графиня фон Дона — графиня, жена А. Г. Головкина 332, 333, 335
- Головкина Екатерина Ивановна, урожденная княжна Ромодановская (1702—1791) — графиня, дочь И. Ф. Ромодановского, двоюродная сестра императрицы Анны Иоанновны по матери. Жена М. Г. Головкина с 1722. С 1730 статс-дама. В 1742 добровольно отправилась в ссылку с мужем, где провела 14 лет до самой его смерти 394, 452, 482
- Голштейн-Готторпский герцог — см. Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский
- Голштейнская герцогиня — см. Анна Петровна
- Голштейнский герцог — см. Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский или его сын Петр III
- Голштейнский (Голштейн-Бекский) принц — см. Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский
- Голштейнский принц и Любский епископ — см. Адольф-Фридрих или Карл-Август Голштейн-Готторпские
- Гордон Патрик (Петр Иванович, 1635—1699) — уроженец Шотландии. На русской службе с 1661. Генерал и контр-адмирал, один из учителей и сподвижников Петра I 268, 276
- Гордон Томас (ум. 1741) — уроженец Англии. С 1717 на российской службе в чине капитан-командора. С 1721 вице-адмирал. С 1727 адмирал. В 1734 командовал эскадрой, участвовавшей в осаде и взятии Гданьска. Впоследствии главный командир Кронштадтского порта 268
- Горник — ректор городской школы в Риге (1721) 325
- Гохгольцер фон Николаус-Себастьян — секретарь австрийского посольства в Петербурге в 1721—41, австрийский посланник в России в 1742—48 406
- Гохмут Карл — российский генерал-майор с 1721. С 1730 генерал-поручик. При Елизавете Петровне вице-губернатор Риги 449

Грамматин Петр — на военной службе с 1732. В 1733 участвовал в польском походе, в 1736—38 в русско-турецкой войне. С 1738 адъютант Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского в чине поручика. В 1740 произведен в капитаны. В октябре 1740 участвовал в заговоре против регента Э.-И. Бирона в пользу родителей Иоанна Антоновича. Был арестован, подвергнут пыткам в Тайной канцелярии. После падения Бирона освобожден, назначен директором канцелярии генералиссимуса Антона-Ульриха. В 1741 после елизаветинского переворота лишен чинов и уволен со службы 166, 305, 454

Грациан (Грасиан) Балтасар (1601—1658) — испанский мыслитель, арагонский иезуит 318

Гревс Томас — на российской военной службе с 1732. Офицер гренадерской роты л.-гв. Преображенского полка (1741), шотландец по происхождению. Генерал-майор с 1764, комендант в Воронеже в 1765—71 196

Гросс Христиан-Фридрих (Крестьян Леонтьевич, ум. 1742) — уроженец Вюртемберга. С 1725 в России как студент Академии наук, с 1726 как профессор нравоучительной философии и академик. В 1731 назначен секретарем Брауншвейгского посольства в России. Являлся одним из сотрудников А. И. Остермана, привлечен вместе с ним к суду после переворота 1741. Застрелился до окончания следствия 312

Грюнштейн Петр (Георг) — солдат л.-гв. Преображенского полка, активный участник возведения на престол Елизаветы Петровны. С 1741 подпоручик лейб-компаний с чином генерал-майора. В 1744 после ссоры с родственниками А. Г. Разумовского арестован, в 1745 сослан в Устюг Великий 194, 205

Гудович Андрей Васильевич (1731—1808) — генерал-адъютант Петра III, после его свержения вышел в отставку. В 1796 произведен Павлом I в генерал-аншефы 316

Дадан — мингрельский кн., на российской службе в чине подполковника артиллерии в 1738—39. С 1739 полковник 143

Д'Аллион д'Юсон Боннак — французский посол в России в 1742—48 210, 243, 487

Д'Альсиель — см. Долиель Томас

Даревский Франц — российский полковник, состоял при австрийской армии в 1737. В 1737—39 российский посланник в Польше. С 1739 генерал-майор 121, 122

Дебрины — см. Бриньи де

Девиз Андрей (ум. 1758) — полковник ландмилицкого корпуса в 1735—36. С 1737 генерал-майор. С 1742 генерал-лейтенант 73, 109

Девьер Антон Мануилович (1682—1745) — граф с 1726, по происхождению португалец. На российской службе с 1797 в должности денщика Петра I, затем его генерал-адъютанта. С 1718 петербургский генерал-полицеймейстер. С 1725 генерал-майор. С 1726 сенатор и генерал-лейтенант. В 1727 за попытку противодействовать А. Д. Меншикову сослан в Тобольск. В 1742 возвращен в Петербург, восстановлен в должности генерал-полицеймейстера. С 1744 генерал-аншеф 13, 289, 313

Деламарк — граф, состоял на французской службе (1728) 333

Деламот — см. Мот де ла Пейруз

- Делиль Жозеф-Никола (Осип Николаевич, 1688—1768) — французский астроном. В 1725—47 работал в России в качестве академика Петербургской Академии наук и первого директора астрономической обсерватории. В 1747 вернулся во Францию 255
- Демидов (Антуфьев) Никита Демидович (1656—1725) — основатель ряда металлургических заводов в Туле и на Урале. В 1720 возведен в дворянское достоинство 252
- Джанум-Кодиа — капитан-паша турецкого флота (1736) 83
- Дидрон (Дидерон) — шведский капитан, адъютант генерал-майора К. Врангеля. При Вильманстранде взят в плен. 26.11.1741 освобожден, отправлен к шведскому главнокомандующему К.-Э. Левенгаупту с известием о желании Елизаветы Петровны прекратить войну со Швецией 191, 208
- Дисков — барон. В 1741 безуспешно хлопотал в Петербурге и Митаве о восстановлении Морица Саксонского в правах герцога Курляндского 178
- Дмитриев-Мамонов Василий Афанасьевич (ум. 1739) — с 1724 капитан-лейтенант. С 1727 капитан-командор. С 1732 контр-адмирал. В 1737—38 командовал флотилией, доставившей к Очакову осадные орудия и провиант. Во время этой экспедиции умер от чумы 107
- Долгорукая Екатерина Алексеевна (1712—1745) — княжна, дочь А. Г. Долгорукого. 30.11.1729 обручена с Петром II. В 1730 сослана в Березов, затем в Томск и Новгород. При Елизавете Петровне освобождена, получила звание фрейлины. В 1745 вышла замуж за графа А. Р. Брюса 23, 25, 33, 291, 418
- Долгорукие — князья 15, 18, 19, 23—25, 27, 29, 32, 33, 271, 291, 292, 302, 331, 335, 337, 419, 421
- Долгорукий Алексей Григорьевич (ум. 1734) — кн. С 1713 смоленский губернатор. С 1726 сенатор и второй воспитатель вел. кн. Петра Алексеевича. С 1728 действительный тайный советник и член Верховного тайного совета. Отец Екатерины Долгорукой — невесты Петра II. В 1730 сослан в Березов, умер в ссылке 18, 19, 24, 335
- Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746) — кн. В 1708 майор гвардии, подавлял восстание К. Булавина. В 1716—17 сопровождал Петра I в заграничной поездке. В 1718—24 находился в ссылке в Соликамске по делу царевича Алексея Петровича. В 1724 получил разрешение вернуться на службу с чином полковника. С 1726 генерал-аншеф, главнокомандующий войсками на Кавказе. В 1728 вызван в Москву, произведен в генерал-фельдмаршалы, назначен членом Верховного тайного совета. В 1730 сенатор и президент Военной коллегии. С 1731 в заключении в Ивангороде, с 1739 переведен в Соловки. В 1741 освобожден Елизаветой Петровной, восстановлен в званиях и должностях 32, 42, 261, 422
- Долгорукий Василий Лукич (1670—1739) — кн. В 1706—07 и 1724 российский посол в Польше, в 1707—20 в Дании, в 1720—22 во Франции, в 1726—27 в Швеции. С 1723 сенатор. С 1728 член Верховного тайного совета. В 1730 сначала назначен губернатором в Сибирь, затем сослан в деревню, позже на Соловки. После повторного следствия по делу Долгоруких казнен 11, 26—28, 30, 33, 292, 336, 421
- Долгорукий Григорий Федорович (1657—1723) — кн. С 1668 стольник, с 1682 комнатный стольник Петра I. В 1695—96 в чине капитана Преображенского полка участвовал в Азовских походах. В 1700—21 с небольшими

перерывами российский посол в Польше. С 1709 действительный тайный советник. С 1721 сенатор 324, 325, 479

Долгорукий Иван Алексеевич (1708—1739) — кн., обер-камергер, любимец Петра II. Сын А. Г. Долгорукого и брат Е. А. Долгорукой — невесты императора. В 1730 сослан в Березов. После повторного следствия казнен 15, 18, 19, 23, 25, 32, 33, 290, 291, 331, 332, 418

Долгорукий Михаил Владимирович (1667—1750) — кн. С 1711 сенатор. С 1718 по 1721 в опале в связи с делом царевича Алексея Петровича. С 1724 сибирский губернатор. С 1729 действительный тайный советник, член Верховного тайного совета. В 1730 назначен астраханским губернатором. В 1731 сослан в Нарву, в 1739 — на Соловки. Возвращен из ссылки Елизаветой Петровной 32

Долгорукий Михаил Юрьевич (1658—1682) — кн., сын Ю. А. Долгорукого. Стольник с 1658, боярин с 1671. Являлся начальником ряда приказов, пользовался особым расположением царя Федора Алексеевича. Убит во время стрелецкого восстания в Москве 277

Долгорукий Сергей Григорьевич (уб. 1739) — кн. Состоял при российских посольствах в Париже, Вене и Лондоне. В 1721—25 и 1728—29 посланник в Польше. В 1729 вызван родственниками в Россию, принял активное участие в интригах клана Долгоруких. В 1730 сослан в Рененбург, с 1735 получил разрешение жить в одной из своих деревень. В 1738 помилован и назначен послом в Англию. Накануне отъезда арестован в связи с возобновлением следствия по делу Долгоруких, казнен 33, 418

Долгорукий Юрий Алексеевич (ум. 1682) — кн. С 1634 стольник, с 1648 боярин. С 1649 воевода, одержал ряд побед в русско-польской войне 1654—67. Являлся начальником ряда приказов. С 1676 опекун молодого царя Федора Алексеевича. Убит во время стрелецкого восстания в Москве 277

Долиель Томас (Фома) — шотландский офицер. При царе Алексее Михайловиче состоял на русской службе в чине генерала, командовал Бутырским полком 259

Дона фон Екатерина — см. Головкина Екатерина Ивановна

Дона фон — графиня, в замужестве Нейвидская, двоюродная сестра графини Екатерины Ивановны Головкиной, урожденной фон Дона 335

Дондук-Омбо (ум. 1741) — внук калмыцкого хана Аюки, его воспитанник и любимец. С 1724 по смерти Аюки добивался титула хана, но тогда Петр I утвердил ханом Дондук-Церена — дядю Дондук-Омбо. В 1735 Дондук-Омбо получил от Анны Иоанновны звание «главного калмыцкого правителя». В 1736 по заданию российского правительства совершил победоносное нападение на земли кубанских татар, после чего они приняли русское подданство. За эту заслугу Дондук-Омбо получил в 1737 высочайшую грамоту на ханское достоинство 86, 87, 94, 299

Дорошенко Петр Дорофеевич (1627—1698) — гетман Правобережной Украины в 1665—76. В 1669 привел Правобережную Украину в турецкое подданство. В 1676 сдался русским, присягнув на верность царю Федору Алексеевичу. В 1692 предпринял неудачную попытку поднять восстание на Украине против России 20

Дромонд Уильям (Вилим, ум. 1688) — английский офицер. При царе Алексее Михайловиче состоял на русской службе в чине генерал-майора, командовал первым Московским полком 259

- Дуглас (Дуклас) — граф, российский генерал-майор с 1725. С 1729 генерал-лейтенант, с 1738 генерал-аншеф. Ревельский губернатор в 1740 63, 83, 109, 111
- Дука Александр — секретарь валахского господаря (1737—39) 148
- Дюринг — шведский генерал. В 1743 послан в Петербург шведским Сенатом с просьбой о военной помощи 240
- Евгений Савойский (1663—1737) — принц Кариньянский, по женской линии принадлежал к Суассонской ветви дома Бурбонов. В 1683 покинул Францию и поступил на австрийскую службу. Главнокомандующий австрийской армией в ряде войн конца XVII—первой половины XVIII вв., снискал славу непобедимого полководца. С 1701 президент Гофкригсрата (придворного военного совета), член Тайной придворной конференции 321, 355, 429
- Евдокия Дмитриевна (ок. 1351—1407) — вел. кн-я Московская, дочь нижегородского кн. Дмитрия Константиновича. В 1366—89 жена кн. Дмитрия Ивановича Донского. В 1389 пострижена в монахини под именем Евфросинии 413
- Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина (1670—1731) — царица, жена Петра I с 1689. Мать царевича Алексея Петровича. В 1698 пострижена в монахини под именем Елены. В 1727 освобождена своим внуком Петром II 12, 413
- Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская, 1684—1727) — царица, жена Петра I с 1712. С 1722 императрица. С 1725 правящая императрица. Мать Голштейнской герцогини Анны Петровны и императрицы Елизаветы Петровны 11, 18, 19, 24, 31, 36, 41, 43, 120, 200, 201, 203, 207, 208, 253, 255, 261, 266, 268, 271, 286, 289, 310, 312, 313, 328—330, 334, 358, 371, 411, 412, 415, 416, 418, 419, 422, 448, 480
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — принцесса Ангальт-Цербстская София-Августа-Фредерика. В 1744 приехала с матерью в Россию, крещена по православному обряду под именем Екатерины. С 1745 жена вел. кн. Петра Федоровича. С 1761 императрица Екатерина II. Пришла к власти в результате дворцового переворота, свергнув своего мужа Петра III 243, 443, 446, 448, 475, 480, 481, 488
- Екатерина Антоновна (1741—1807) — вел. княжна, дочь Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны. С 1741 до 1780 в ссылке с семьей, впоследствии жила в Дании 183
- Екатерина Иоанновна (1691—1733) — царевна, дочь Иоанна V и племянница Петра I. С 1716 жена герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда. В 1722 покинула мужа и вернулась в Россию. Мать Анны Леопольдовны 26, 39, 292, 306, 342, 473
- Елизавета I Тюдор (1533—1603) — английская королева с 1558 249
- Елизавета Петровна (1709—1761) — цесаревна, дочь Петра I и Екатерины I. С 1741 императрица, пришла к власти в результате дворцового переворота 11, 24, 27, 32, 40, 41, 153, 155, 157, 161, 164, 167, 168, 172, 174, 176, 178—181, 184, 192, 193, 194—200, 205—207, 209, 210, 246, 247, 256, 261, 262, 266, 288, 289, 309—315, 330, 332, 342, 370, 373, 387, 393, 394, 417—420, 422, 423, 468, 470—472, 475, 480, 482—484, 487, 488

Еропкин Дмитрий Федорович (ум. 1750) — с 1728 московский обер-комендант и генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1735—39. В 1740 вышел в отставку в чине генерал-поручика. При Елизавете вернулся на службу. С 1745 рижский вице-губернатор 48, 99, 109

Еропкин Петр Михайлович (уб. 1740) — архитектор, главнокомандующий над строениями, гоф-интендант. Друг А. П. Волынского, вместе с которым арестован и казнен 161, 162, 302

Ефремов Данила Ефремович (ум. 1760) — участник русско-турецкой войны, казачий старшина в чине полковника. С 1738 донской войсковой атаман. С 1753 генерал-майор. С 1759 тайный советник 94

Ефимовские — графы, родственники Екатерины I 412

Жермен — французский ювелир (королевский золотых дел мастер), член Парижской Академии наук 340

Загряжский Артемий Григорьевич (ум. 1754) — генерал-майор при Петре I. С 1726 генерал-поручик. В 1738 разжалован в рядовые драгуны. После мира с Турцией в 1740 прощен, восстановлен в прежнем звании. При Елизавете Петровне генерал-аншеф 53, 124, 125, 130, 449

Залусский (Салуцкий) Андрей-Станислав (1695—1758) — епископ в Луцке и Кракове. Впоследствии польский вел. коронный канцлер 323

Залусский (Салуцкий) Иосиф-Андрей (1702—1774) — епископ в Плоцке, сторонник Станислава Лещинского в 1733—34 295, 322

Зейкин (Секан) Иван Афанасьевич — уроженец Венгрии. С 1723 учитель вел. кн. Петра Алексеевича. В 1727 выслан за границу по указу от имени Петра II, принятому Верховным тайным советом 24, 290

Зоммер — адъютант генерал-поручика М. И. Леонтьева (1736) 79

Зуда — см. Суда

Иаков III Кетлер (1610—1682) — герцог Курляндский с 1642. В 1658 изгнан из Курляндии, в 1660 вновь получил курляндский престол 34

Иенч-Али-паша — турецкий военачальник (1737—39) 115, 141

Изенбург фон — граф, подполковник гессен-кассельской службы, волонтер при российской армии в 1738 126

Измайлов Лев Васильевич (1685—1738) — генерал-майор с 1733, генерал-лейтенант с 1735 68, 69, 77, 78

Иксуль (уб. 1741) — российский генерал-майор. Погиб в сражении со шведами при Вильманстранде 184, 189

Илия-Калчак-баша — см. Колчак-паша

Ильинишна — воспитательница цесаревен Анны Петровны и Елизаветы Петровны 312

Иоанн III Васильевич (1440—1505) — вел. кн. Московский с 1462. С 1470-х прекратил выплату дани в Орду. В 1480 хан Ахмат пытался принудить Ивана III возобновить выплату дани, но не решился вступить в сражение с русским войском на реке Угре. «Стоянием на Угре» закончилось ордынское

иго. Х. М. называет его Иваном I и ошибочно относит начало его правления к 1413 268

Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584) — вел. кн. с 1533, царь с 1547. Х. М. называет его Иваном II 258, 262, 269, 271, 275, 280

Иоанн V Алексеевич (1666—1696) — царь с 1682. Брат Петра I, отец Анны Иоанновны. Б. М. ошибочно считает его братом-близнецом царя Федора Алексеевича 26, 270, 275—277, 292, 335, 441, 473

Иоанн VI Антонович (1740—1764) — император с 1740 по 1741. Сын Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны. С 1741 в заключении. Убит при попытке освобождения его поручиком В. Я. Мировичем 164, 166, 198, 300, 301, 303, 306, 310, 311, 382, 384—386, 419, 438

Иоанна II (Джованна) (1371—1435) — неаполитанская королева с 1414. Отличалась безнравственным поведением, ее любовники правили при дворе и разоряли королевство 435

Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская (1711—1760) — кн-я, урожденная принцесса Голштейн-Готторпская. Мать Екатерины II. В 1744 приехала в Россию с дочерью — невестой вел. кн. Петра Федоровича. Активно включилась в борьбу придворных политических партий, отстаивая интересы Пруссии и Франции и своего брата Адольфа-Фридриха — наследника шведского престола. После свадьбы дочери в 1745 вернулась в Германию 24, 243

Иоганн-Адольф Саксен-Вейсенфельский — герцог, командующий корпусом австрийских войск под Гданьском в 1734 54, 56, 349, 350, 352

Иосиф I (1618—1711) — австрийский эрцгерцог и император Священной Римской империи с 1705, отец австрийской эрцгерцогини Марии-Иозефины 478

Ислам-Гирей (Излум-Гирей) — сераскир-султан белгородских татар (1736) 137, 141

Кайзерлинг — см. Кейзерлинг

Калчак-баша — см. Колчак-паша

Камбиз — французский посланник в Турине (1727) 329

Кампредон Жан — французский посол в России в 1721—26 25

Каниони — советник Коммерц-коллегии. В 1739 командирован А. И. Остерманом в Константинополь для участия в мирных переговорах между Россией и Турцией при посредничестве Франции 151, 298

Кантакузен Константин — валахский кн., предводитель депутации молдавских чинов к Б.-Х. Миниху в августе 1739 377

Кантакузен Константин Степанович (ум. 1781) — валахский кн., состоявший на российской военной службе. В 1736—37 полковник Архангелогородского драгунского полка. С 1738 бригадир. В сентябре разжалован в рядовые драгуны. После мира с Турцией в 1740 прощен, восстановлен в прежнем звании. С 1746 в отставке с чином генерал-майора 130

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — кн., сын Д. К. Кантемира. Поэт, переводчик, дипломат. В 1731—38 резидент в Англии, в 1738—44 посол во Франции. С 1741 тайный советник 159, 444

- Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723) — господарь Молдавии с 1710. Стремился к освобождению Молдавии от турецкого владычества и вхождению ее в состав России. После заключения русско-турецкого Прутского мира 1711 уехал с семьей в Россию, получил от Петра I титул светлейшего кн. С 1721 сенатор, с 1722 тайный советник. Известен как писатель, историк, философ 138
- Кантемир Константин Дмитриевич — валахский кн. На российской службе с 1736 в чине полковника. С 1755 генерал-лейтенант 138, 139, 144
- Капнист Василий Петрович (уб. 1757) — отец известного поэта В. В. Капниста. С 1734 полковник Миргородского малороссийского казачьего полка, затем бригадир Киевского полка. Погиб в сражении с прусскими войсками при Гросс-Егерсдорфе 115
- Караулов Иван Савинович — полковник Новгородского драгунского полка с 1735. Генерал-майор с 1741 213, 230
- Каркетель Самойло — полковник Нарвского пехотного полка в 1738—43 145, 228
- Карл Брауншвейг-Беверн-Люнебургский (1713—1780) — старший брат принца Антона-Ульриха. Правящий герцог Брауншвейгский с 1735 333
- Карл I Стюарт (1600—1649) — английский король с 1625. Низложен и казнен во время Английской революции 259, 262
- Карл VI (1685—1740) — австрийский эрцгерцог и император Священной Римской империи с 1711. Последний мужской потомок Габсбургов, отец Марии-Терезии. В 1713 издал Прагматическую санкцию — закон о престолонаследии в Австрийской монархии, предусматривающий наследование габсбургских земель дочерьми монарха при отсутствии у него сыновей. Путем территориальных и дипломатических уступок добился гарантии этого документа со стороны большинства европейских правителей. Тем не менее после его смерти началась война за австрийское наследство 59, 287, 297, 330, 360, 371, 394, 418, 422, 423, 448, 451, 452, 462, 463
- Карл VII (1697—1745) — Баварский курфюрст с 1726 под именем Карла-Альбрехта. После смерти Карла VI в 1740 заявил свои права на австрийское наследство. В 1741 с французско-баварским войском занял Верхнюю Австрию, где принял титул эрцгерцога. В 1742 избран императором Священной Римской империи 207
- Карл XII (1682—1718) — шведский король с 1697 20, 21, 95, 201, 280, 281, 284, 312, 321, 323, 377, 414, 425, 478
- Карл-Август Голштейн-Готторпский (ум. 1727) — принц, кн., епископ Любский. Жених цесаревны Елизаветы Петровны, умер вскоре после обручения. Брат кн-и Иоганны-Елизаветы Ангальт-Цербстской, дядя Екатерины II 11, 24, 288
- Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский (1677—1747) — герцог. Муж царевны Екатерины Иоанновны с 1716. Отец Анны Леопольдовны 39, 199, 292, 301, 383, 473
- Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский (1700—1739) — герцог с 1716. Претендовал на шведскую корону. В 1721—27 жил в России. С 1725 муж цесаревны Анны Петровны. Отец Петра III 11—13, 43, 224, 286—289, 313, 331, 333, 414, 415, 416, 418

- Карл-Фридрих-Вильгельм (1713—до 1758) — маркграф Бранденбург-Аншпахский. Сын прусского короля Фридриха-Вильгельма I, брат Фридриха II 25, 39, 417
- Кейзерлинг фон Герман-Карл (1697—1764) — граф с 1741. С 1730 на российской службе. С 1733 президент Петербургской Академии наук. Посол в Польше в 1733—41, 1748—52, 1762—64, в Пруссии в 1741—48, в Австрии в 1752—61. С 1746 действительный тайный советник 256, 308, 358, 455
- Кейзерлинг фон Иоганн-Христофор — барон, полковник с 1736, генерал-майор с 1738. При Елизавете Петровне генерал-лейтенант 124, 136
- Кейт Джеймс (Яков Вилимович, 1696—1758) — шотландский дворянин, в 1715—16 участвовал в восстании якобитов, после его поражения эмигрировал во Францию. С 1717 на испанской военной службе. С 1728 на российской службе в чине генерал-майора. С 1730 подполковник л.-гв. Измайловского полка. Участник войны за польское наследство, русско-турецкой войны. С 1740 генерал-аншеф. В 1740—41 главный директор Войсковой канцелярии Малороссии (выполнял обязанности гетмана). В 1741 командовал корпусом, разбившим шведские войска у Вильманстранда. В 1743—44 командовал русским вспомогательным корпусом, оборонявшим Стокгольм от датского флота. С 1744 командующий войсками в Эстляндии, военный губернатор Ревеля и Риги. В 1747 перешел на прусскую военную службу в чине генерал-фельдмаршала. Участник Семилетней войны, погиб в сражении с австрийцами 37, 51, 59, 60, 62, 68, 87, 95, 100—103, 124, 138, 161, 182—184, 186, 188, 189, 192, 193, 213—215, 224, 228, 229, 231, 233—236, 239, 240, 241, 247, 261, 364, 380, 422, 432, 449, 476, 485, 486
- Кенигфельс — капитан, адъютант Б.-Х. Миниха (1740) 171
- Кизлинг (уб. 1739) — саксонский подполковник при российской армии в 1738—39 138
- Киндерман Христиан — российский генерал-майор (1741—42) 213, 216
- Кинсберг, урожденная Вицлебен — тетка Э. Миниха по матери, жена бранденбург-аншпахского обер-гофмаршала 330
- Клозюр де ла — французский резидент в Женеве (1725) 329
- Колокольцов — полковник Украинского ландмилицкого корпуса. В 1736 произведен в бригадиры 111
- Колчак-паша (Илия-Калчак-баша, Илия-Колчак-паша, Калчак-баша) — турецкий сановник, трехбунчужный паша. Комендант Хотина; после его капитуляции 19.8.1739 взят русскими в плен 137, 139, 140, 143, 154, 376
- Контаиш — калмыцкий владетель в начале XVIII в. Возможно, имеется в виду хан Аюка (1640—1724) 252
- Корф Иоганн-Альбрехт (1697—1766) — барон. С 1728 камер-юнкер герцогини Курляндской Анны Иоанновны. В 1734—40 президент Академии наук. Российский посланник в Дании в 1740—46 и 1748—66, в Швеции в 1746—48 31, 35, 256
- Крам — брауншвейгский посланник в Петербурге (1739) 371
- Краснощеков (Краснощек) Иван — старшина донских казаков. С 1735 полковник, с 1738 бригадир 85, 94

Краффорд — граф, волонтер в российской армии (1738) 126

Крейц — см. Крюйс

Крюйс (Крейц) Корнелий Иванович (ум. 1727) — уроженец Дании. С 1698 на российской службе в чине вице-адмирала. С 1717 вице-президент Адмиралтейств-коллегии. С 1721 адмирал 203

Куракин Александр Борисович (1697—1749) — кн., сын Б. И. Куракина. Российский посол во Франции в 1722—25 и 1727—28. При Анне Иоанновне камергер, обер-шталмейстер, тайный советник. С 1741 сенатор, конференц-министр 157, 300, 306, 334, 385, 401, 449, 460

Куракин Борис Иванович (1676—1727) — кн., действительный тайный советник, генерал-майор. С 1716 посол во Франции. С 1722 руководил деятельностью всех послов России при европейских дворах 332

Курляндская герцогиня — см. Анна Иоанновна или Бирон Бенигна-Готлиба

Курляндский герцог — см. Бирон Эрнст-Иоганн

Кутлер — уроженец Силезии, капитан российской службы. В 1739 участвовал в убийстве шведского дипломатического курьера М. Синклера 154

Лагеркранц — шведский полковник (1742) 216, 224

Ласперг — эттингенский обер-егермейстер (1725) 327

Ласперг, урожденная Вицлебен — тетка Э. Миниха по матери, жена эттингенского обер-егермейстера 327, 330

Ласи (Ласси, Лэйси) Петр Петрович (1678—1751) — граф с 1739. Уроженец Ирландии. С 1700 на российской службе, участник Северной войны. С 1708 полковник, с 1712 генерал-майор, с 1721 генерал-лейтенант. В 1723—25 член Военной коллегии. С 1725 генерал-аншеф. Участвовал в войне за польское наследство 1733—35 и русско-турецкой войне 1735—39. В 1736 взял Азов, в том же году произведен в генерал-фельдмаршалы. Главнокомандующий российской армией в русско-шведской войне 1741—43. В 1740—41 и 1743—51 ливонский генерал-губернатор 50—53, 55, 56, 58, 59, 72, 81—85, 87, 88, 109, 110, 113, 114, 132, 133, 152, 159, 163, 182, 185, 186, 189—191, 197, 211—218, 223—230, 236, 239, 240, 261, 295—297, 312, 345, 346, 348, 355, 356, 380, 381, 429, 432, 449, 467

Ласи Франц-Мавриций (1724—1801) — граф, сын П. П. Ласи. С 1741 российский генерал-майор, участник русско-шведской войны. Впоследствии перешел на австрийскую службу 213

Левальд фон Ганс (1685—1768) — прусский генерал-фельдмаршал с 1757, командующий армией в Восточной Пруссии. 19.9.1757 потерпел поражение в битве при Гросс-Егерсдорфе. С 1758 губернатор Берлина. В 1760 отстранен от должности и от командования 413, 460

Левашев Василий Яковлевич (1667—1751) — генерал-аншеф, сенатор 44, 68, 82, 83, 85, 109, 213, 217, 218, 227, 240, 356

Левашев Иван Васильевич (1715—до 1784) — сын В. Я. Левашева. С 1741 полковник, с 1760 генерал-поручик 189

Левенвольде Карл-Густав (ум. 1735) — граф с 1726. Брат Р.-Г. Левенвольде. Генерал-адъютант Петра I, при Екатерине I бригадир. В 1727—30 в отставке, жил в своем ливонском имении. В 1730 по поручению брата известил

- Анну Иоанновну о решении Верховного тайного совета. С 1731 генерал-поручик, полковник л.-гв. Измайловского полка. В 1731—32 российский посол в Австрии, затем в Пруссии и Польше. С 1732 обер-штальмейстер 31, 37, 46, 55, 62, 88, 337—339, 341, 343, 344, 420, 426, 427
- Левенвольде Рейнгольд-Густав (1693—1758) — граф с 1726. Брат К.-Г. Левенвольде. С 1725 камергер. С 1730 обер-гофмаршал. В ходе переворота 1741 арестован. В 1742 сослан в Соликамск. Умер в ссылке 50, 197, 200, 203, 205, 241, 293, 300, 311, 313, 315, 336, 381—383, 401, 408, 420, 425, 436, 437, 467, 482
- Левенгаупт Карл-Эмиль (1691—1743) — граф. С 1740 маршал, командующий шведской армией в войне с Россией. За неудачные военные действия отдан под суд и казнен 184, 185, 192, 193, 195, 208, 212, 213, 216, 220, 222—224, 483
- Левендаль фон Ульрих-Фридрих-Вольдемар (1700—1755) — граф с 1742. Уроженец Дании. С 1716 на австрийской военной службе. В 1721 перешел на службу к Августу II. В 1734—35 командовал саксонскими войсками на Рейне. С 1735 на российской службе в чине генерал-лейтенанта. Участвовал в русско-турецкой войне 1735—39. С 1739 военный губернатор Эстляндии. С 1740 генерал-аншеф. В русско-шведской войне 1741—43 командовал корпусом. В 1743 перешел на французскую службу. С 1747 маршал Франции 96, 98, 100, 102, 118, 124, 126—128, 136, 141, 151, 176, 182, 213, 219, 222, 225, 261, 364, 380, 422, 449, 476, 477, 485
- Леклерк Николай-Гавриил (1726—1798) — французский врач и историк. Работал в России в 1759—71. Собирал материалы для книги «Древняя и новая история России», которую издал в 1783—94 417
- Леонтьев Михаил Иванович (1672—1753) — с 1725 генерал-майор. В 1730 вошел в число депутатов, отправленных верховниками к Анне Иоанновне в Митаву. С 1732 генерал-лейтенант, сенатор. В 1735 возглавил поход в Крым, но вскоре вернулся из-за холодов и недостатка фуража. В 1736 участвовал во взятии Перекопа и Кинбурна, в 1737—Очакова. С 1737 киевский генерал-губернатор. С 1741 генерал-аншеф 27, 63—65, 68, 69, 73, 79—81, 95—97, 104, 105, 119, 292, 296, 359, 449
- Лесавецкий (в действительности Левицкий) — российский драгунский поручик. В 1739 участвовал в убийстве М. Синклера 154
- Лесли (уб. 1737) — российский генерал-майор, убит в бою с крымскими татарами 68, 76, 77, 92
- Лесток Анна-Аврора, урожденная баронесса фон Менгден — сестра Юлианы Менгден. С 1748 жена И.-Г. Лестока. С 1753 добровольно находилась с мужем в ссылке в Устье Великом 180, 315
- Лесток Иоганн-Герман (Жан-Арман, Иван Иванович, 1692—1767) — граф с 1744. Из семьи французских гугенотов, родился в Ганновере. В 1713 прибыл в Россию в качестве лекаря. В 1718 сослан Петром I в Казань за аморальное поведение. В 1725 возвращен ко двору Екатериной I, назначен лейб-хирургом цесаревны Елизаветы Петровны. Руководил подготовкой и осуществлением дворцового переворота 1741. С 1741 действительный тайный советник, президент Медицинской канцелярии. Активно вмешивался в дела государственной политики, боролся с А. П. Бестужевым-Рюминым, возглавляя группировку сторонников Франции и Пруссии. В 1748 арестован

по обвинению в государственной измене, сослан в Углич. В 1753 переведен в Устюг Великий. Освобожден Петром III в 1762 27, 180, 194—198, 204—207, 225, 242, 311, 312, 472

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) — уроженец Швейцарии. С 1678 на русской службе. С 1695 генерал-адмирал, командовал флотом в Азовских походах. Известный сподвижник Петра I. Участник Великого посольства 1697—98 в качестве одного из трех великих полномочных послов 16, 279, 417

Лещинский Станислав — см. Станислав I Лещинский

Лжедмитрий I (уб. 1606) — самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, сына Иоанна Грозного. Настоящее имя — Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий, дьякон Чудова монастыря. В 1601 бежал в Речь Посполитую, где назвался именем царевича. В 1604 с польско-литовскими войсками вступил в Россию, где был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. После смерти Бориса Годунова в 1605 стал русским царем. Убит во время переворота 17.05.1606, организованного группой заговорщиков во главе с В. И. Шуйским 268, 269

Лжедмитрий II (уб. 1610) — самозванец, выдававший себя за спасшегося царя Дмитрия Ивановича, т. е. Лжедмитрия I. Происхождение его неизвестно. Объявился в Речи Посполитой в 1607. В 1608 разбил армию Василия Шуйского и осадил Москву, встав лагерем в Тушино, за что получил прозвание «Тушинский вор». После ряда поражений бежал в Калугу, где был убит 268

Ливен фон Георг-Рейнгольд (Юрий Григорьевич, 1696—1763) — премьер-майор Конногвардейского полка. С 1737 генерал-майор. В 1740—63 подполковник Конногвардейского полка. С 1755 генерал-аншеф 99, 102, 104, 124, 189, 213, 214, 305

Ливен фон Матвей-Эбергардт (1698—1762) — российский полковник с 1738, с 1741 генерал-майор. Участник русско-турецкой и русско-шведской войн 189

Лизвета Андреевна — корелка, воспитательница цесаревен Анны Петровны и Елизаветы Петровны 312

Лилиенфельд Карл (ум. 1759) — барон, камергер. Муж Софьи Лилиенфельд, вместе с которой арестован в 1743 по делу Лопухиных—Ботта. В ходе следствия оправдан, но добровольно отправился в ссылку вместе с женой. Умер в Томске 242

Лилиенфельд Софья Васильевна, урожденная княжна Одоевская — первая статс-дама Анны Леопольдовны. В 1743 арестована по делу Лопухиных—Ботта, сослана в Томск. Освобождена в 1762 242

Линар фон Мориц-Карл (1702—1768) — граф, тайный советник польско-саксонского двора, камергер. Польско-саксонский посланник в России в 1733—36 и 1741. Возлюбленный Анны Леопольдовны 177, 181, 307, 308, 405, 471

Линген — шведский подполковник (1743) 237, 238

Липсий Юст (1547—1606) — голландский филолог, историк и политический деятель 435

Лобкович Георг-Христиан (1702—1753) — кн., австрийский генерал-фельдмаршал-лейтенант, командующий армией в Трансильвании во время войны с турками в 1736—39 145, 150

- Ломан (уб. 1741) — российский полковник, участник войн с турками и шведами. Погиб при взятии Вильманстранда 84, 188, 189
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — великий русский ученый-естествоиспытатель, поэт, художник, историк. С 1745 первый русский академик Петербургской Академии наук. С 1763 член Академии художеств 444
- Лонуа — француженка, обучавшая цесаревен Анну Петровну и Елизавету Петровну французскому языку 313
- Лопухин Авраам Федорович (уб. 1718) — боярин, стольник. Брат царицы Евдокии Федоровны. Казнен по делу царевича Алексея Петровича 413
- Лопухин Василий Авраамович (1711—1757) — сын А. Ф. Лопухина. Полковник с 1738, участник русско-шведской войны в чине генерал-майора. Генерал-поручик с 1742, затем генерал-аншеф. Погиб в сражении при Гросс-Егерсдорфе 213, 227, 240
- Лопухин Иван Степанович (р. ок. 1720) — сын С. В. и Н. Ф. Лопухиных. Начал службу пажом Анны Иоанновны. С 1740 камер-юнкер Анны Леопольдовны, подполковник. В 1743 арестован по доносу приятелей. Под пытками дал показания против матери, отца и ряда других лиц, что явилось основанием для дела Лопухиных—Ботта. Приговорен к смертной казни, которая заменена наказанием кнутом, урезанием языка и ссылкой в Селенгинск. Освобожден в 1762 242, 487
- Лопухин Степан Васильевич (ум. 1748) — двоюродный брат царицы Евдокии Федоровны. Генерал-лейтенант, действительный камергер, обер-кригс-комиссар флота. В 1743 арестован вместе с женой Н. Ф. Лопухиной. Приговорен к смертной казни, которая заменена наказанием кнутом, урезанием языка и ссылкой в Селенгинск. Умер в ссылке 241, 486
- Лопухина Евдокия Федоровна — см. Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина
- Лопухина Наталья Федоровна, урожденная Балк (1699—1763) — статс-дама Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В 1743 арестована вместе с мужем С. В. Лопухиным, сыном И. С. Лопухиным, А. Г. Бестужевой-Рюминой и другими лицами по делу Лопухиных—Ботта. Обвиняемым инкриминировался заговор с целью возвращения к власти Иоанна Антоновича и его родителей при поддержке австрийского посла А.-О. Ботта-Адорно. В действительности преступление состояло лишь в порицании образа жизни Елизаветы Петровны и сочувственном отношении к Брауншвейгской фамилии и сановникам, сосланным после елизаветинского переворота. Приговорена к смертной казни, которая заменена наказанием кнутом, урезанием языка и ссылкой в Селенгинск. Освобождена в 1762 241, 486
- Лопухины — родственники царицы Евдокии Федоровны Лопухиной 12, 18
- Лотарингский герцог — см. Франц I Стефан
- Люберас фон Людвиг-Иоганн (ум. 1752) — барон, поступил на российскую службу при Петре I. С 1718 первый президент Берг-коллегии. С 1743 генерал-майор, в том же году командовал частью русских войск в Польше. С 1740 генерал-лейтенант. С 1742 генерал-аншеф. В 1743 полномочный российский министр на мирном конгрессе России и Швеции в г. Або. В 1743—51 руководил строительством Кронштадтского канала 42, 54, 55, 225, 266, 427, 485

- Людвиг-Эрнст Брауншвейгский (1718—1788) — принц, брат Антона-Ульриха. 23.6.1741 избран герцогом Курляндским, но не получил утверждения польского короля Августа III. В том же месяце приехал в Петербург. Во время переворота 25.11.1741 арестован, но вскоре освобожден. В январе 1742 уехал в Германию 177, 178, 182, 194, 199, 303, 306, 470
- Людовик XV (1710—1774) — король Франции с 1715 (до 1723 при регентстве Филиппа Орлеанского). С 1725 муж Марии Лещинской, дочери бывшего короля Польши Станислава I 25, 425, 487
- Людвиг-Иоганн-Вильгельм Гессен-Гомбургский (1704—1745) — принц, сын ландграфа Фридриха-Иакова. На российской службе с 1723. Воевал на Кавказе и в Польше, участвовал в Крымском походе Б.-Х. Миниха. С 1735 генерал-фельдцейхмейстер. В 1738—40 президент Военной коллегии. Поддержал Елизавету Петровну в ходе переворота 1741. С 1742 генерал-фельдмаршал, подполковник л.-гв. Измайловского полка. В 1745 уехал в Германию, умер в Берлине 32, 47, 48, 68, 69, 72, 74, 87, 88, 95, 96, 100, 108, 109, 124, 182, 204, 205, 207, 296, 312, 422
- Люцерн де ла — маркиз, французский полковник. В 1734 взят в плен русскими в Гданьске 354, 428
- Маврин Семен Афанасьевич — с 1711 паж Екатерины Алексеевны. С 1719 воспитатель («дядька») вел. кн. Петра Алексеевича. С 1725 камер-юнкер. С 1727 камергер. В том же году сослан А. Д. Меншиковым в Тобольск 290
- Магомет (Мухаммед) (ок. 570—632) — основоположник ислама. Согласно мусульманской традиции и Корану, последний посланник Аллаха, величайший пророк 297, 376
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины в 1687—1708. Стремился к отделению Левобережной Украины от России. Во время Северной войны в 1708 перешел на сторону вторгшихся на Украину шведов. После Полтавской битвы 1709 бежал с Карлом XII в турецкую крепость Бендеры, где и умер 20, 278, 282
- Макарти (Маккарти) — шотландский аббат, эмигрировавший во Францию, а затем в Турцию 60
- Макиавелли Никколо (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, писатель 434
- Мальборо (у Э. М. — Марльбургский) Джон Черчилл (1650—1722) — герцог с 1702. Английский полководец и государственный деятель 321, 329
- Мальцан — см. Мольцан
- Мамай (уб. 1380) — ордынский военачальник, фактический правитель Золотой Орды с 1361. Организатор походов в русские земли. Потерпел поражение от московского кн. Дмитрия Донского в битве на реке Вожа в 1378 и в Куликовской битве 1380. Потеряв власть в Золотой Орде, бежал в Крым. Убит в Кафе войнами хана Тохтамыша 90
- Мамонов — см. Дмитриев-Мамонов
- Манштейн Христофор-Герман 72, 169, 170, 172, 188, 189, 305, 397, 399, 411, 419, 421—424, 429—431, 434, 435, 456—458, 461, 469, 470, 472, 477, 488
- Маньян — французский резидент в Петербурге в 1726—33 341

- Мардефельд фон Аксель — барон, тайный военный советник и камергер. Прусский посол в России в 1728—46 175, 403, 409, 410, 462, 468
- Мария-Жозефина (Иозефа) — австрийская эрцгерцогиня, дочь императора Священной Римской империи Иосифа I. С 1719 жена Саксонского принца Августа-Фридриха, ставшего впоследствии польским королем Августом III 323, 478
- Мария-Терезия (1717—1780) — австрийская эрцгерцогиня и венгро-богемская королева с 1740, дочь императора Священной Римской империи Карла VI. Утвердила свои права на владения Габсбургов в результате войны за австрийское наследство 1740—48. С 1745 императрица Священной Римской империи как жена императора Франца I 452, 464, 487
- Марльбургский герцог — см. Мальборо
- Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728) — граф с 1715. С 1699 российский посол в Гааге и Вене. Президент Морской академии, Юстиц-коллегии. Х. М. ошибочно приписывает ему речь, обращенную к Анне Иоанновне с просьбой о восстановлении самодержавия 30, 421
- Махмед-бей — сын Колчак-паши 376
- Мекленбургская герцогиня — см. Екатерина Иоанновна
- Мекленбургский герцог — см. Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский
- Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1756—61. При Петре III член Императорского совета. С 1762 генерал-поручик. С 1765 сенатор. В 1765—77 президент Камер-коллегии. С 1777 ярославский генерал-губернатор 316
- Менгден Аврора — см. Лесток Анна-Аврора
- Менгден Доротея — см. Миних Анна-Доротея
- Менгден фон Иоганн-Генрих — барон, муж Христины-Елизаветы Миних с 1728 332
- Менгден фон Карл-Людвиг — барон. В 1740—41 президент Коммерц-коллегии. Двоюродный брат Юлианы Менгден. В 1742 лишен чинов и сослан в Нижнеколымск 165, 180, 197, 200, 250, 311, 313, 315, 400, 401, 405, 435, 439, 459, 460, 469
- Менгден фон Юлиана (1719—1786) — баронесса с 1736. Первая статс-фрейлина в 1740—41. Фаворитка Анны Леопольдовны. С 1741 в заключении и ссылке в Риге, Дюнамонде, Раненбурге. Освобождена в 1762 169, 175, 180, 307, 312, 397, 398, 456, 469, 474
- Менгден фон Якобина — баронесса, фрейлина при дворе Анны Леопольдовны, младшая сестра Юлианы Менгден. С 1741 в заключении и в ссылке в Риге, Дюнамонде, Раненбурге и Холмогорах. Освобождена в 1763 180
- Менгли-Гирей (у Х. М. Бегли-Гирей) — крымский хан в 1724—30 и 1737—40. Младший брат хана Каплан-Гирея, смещенного в 1736 по требованию Турции 115
- Меншиков Александр Александрович (1714—1764) — кн., сын А. Д. Меншикова. С 1725 действительный камергер, с 1727 обер-камергер и майор л.-гв. Преображенского полка. В 1727 лишен чинов и званий, сослан с отцом в Березов. В 1730 освобожден, произведен в поручики гвардии. С 1753 генерал-майор, с 1757 генерал-лейтенант, с 1762 генерал-аншеф 11, 12

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — светлейший кн. с 1707. Выдающийся сподвижник Петра I, участвовавший во всех его начинаниях. Одержал ряд побед в Северной войне. В 1718—24 и 1726—27 президент Военной коллегии. С 1726 член Верховного тайного совета, оказывал большое влияние на государственную политику в царствование Екатерины I, добился ее согласия на брак наследника престола Петра Алексеевича с Марией Меншиковой. По завещанию Екатерины I назначен членом коллегияльного регентства при Петре II, но захватил всю власть как будущий тесть императора. В 1727 произведен в генералиссимусы. Вызывающее поведение Меншикова привело к его аресту 8.9.1727 и последующей ссылке в Березов 11—19, 23, 25, 41, 42, 45, 175, 201, 271, 284—291, 313, 331, 358, 412—417

Меншикова Александра Александровна — см. Бирон Александра Александровна

Меншикова Мария Александровна (1711—1729) — княжна, дочь А. Д. Меншикова. 25.5.1727 обручена с Петром II. В том же году сослана с отцом в Березов, где и умерла 288

Мердефельд — см. Мардефельд

Метипей — турецкий везир, раис-эфенди (вел. канцлер), представитель Турции на Немировском конгрессе 1737 120

Миллер Герард-Фридрих (1705—1783) — российский историк. Член Петербургской Академии наук (адъютант с 1725, профессор с 1730) 277

Миних фон Анна-Доротея, урожденная баронесса фон Менгден (ум. 1760) — графиня, фрейлина при дворе Анны Иоанновны, сестра Юлианы Менгден. С 1739 жена Э. Миниха. С 1743 в ссылке с мужем в Вологде, где и умерла 180, 367, 370, 455, 456

Миних фон Антон-Гинтер (1650—1720) — датский тайный советник, отец Б.-Х. Миниха 324

Миних фон Барбара-Элеонора, урожденная фон Мольцан, в первом браке Салтыкова — вторая жена Б.-Х. Миниха с 1728 332, 334, 482

Миних фон Бурхард-Христофор 40—43, 45—47, 52—58, 60, 64, 65, 66—69, 71—77, 80—82, 85, 87, 88, 89, 91, 93, 95, 96, 98, 99, 101, 103, 104, 106—109, 119, 121, 124, 126—128, 131, 132, 134—137, 139, 143, 145, 150, 152, 153, 154, 159, 160, 163, 164, 167—169, 172—177, 181, 197, 200, 201, 209, 225, 247, 261, 263, 286, 298, 301, 303, 306, 321, 331, 343, 355, 380, 396, 400, 401, 404, 423—427, 429, 430—432, 434—437, 439, 440, 449, 455—457, 459—463, 465, 467, 468, 476—480, 482

Миних фон Иоганн-Готлиб (р. 1740) — действительный статский советник, лифляндский ландрат. Сын Э. Миниха 382

Миних фон Луиза-Доротея (р. 1713) — дочь Б.-Х. Миниха. С 1730 жена барона И.-В. Шаумбурга. С 1739 жена графа Ф.-Л. Сольмса-Вильденфельса 334, 379

Миних фон София-Анна-Луиза (р. 1709) — дочь Б.-Х. Миниха. До 1729 фрейлина двора цесаревны Елизаветы Петровны. С 1729 жена барона А.-Г. фон Мольцана 313, 334

- Миних фон Христиан-Вильгельм (1688—1768) — барон. Брат Б.-Х. Миниха. С 1731 на российской службе в чине действительного тайного советника. С 1742 обер-гофмейстер 401, 454
- Миних фон Христина-Лукреция, урожденная фон Вицлебен (1685—1727) — первая жена Б.-Х. Миниха с 1705. Мать Э. Миниха 321
- Миних фон Христина-Елизавета (р. 1711) — дочь Б.-Х. Миниха. С 1728 жена барона И.-Г. Менгдена 332, 341
- Миних фон Эрнст 180, 398, 467, 481—483
- Минхгаузен — бранденбург-прусский дворянин (1728) 333
- Мира Пьетро (Педрилло, Петрисло) — по происхождению неаполитанец. В 1730 прибыл в Россию с итальянской труппой играть на скрипке в придворной опере. Вместо этого устроился в придворные шуты к Анне Иоанновне, скопил в этой должности значительное состояние и через несколько лет вернулся в Италию 389, 443
- Михаил Федорович (1596—1645) — царь с 1613. Первый царь из династии Романовых по избранию Земского собора. Из старомосковской боярской семьи, сын Федора Никитича Романова, внучатый племянник царицы Анастасии Романовны 257, 258, 269, 270
- Мишуков Захарий Данилович (ум. 1762) — с 1710 штурман. С 1718 капитан-лейтенант. С 1726 капитан-командор. С 1742 вице-адмирал, главнокомандующий флотом, высланным из Кронштадта для военных действий против шведов. Крейсировал в Финском заливе и обозревал шведский флот, но атаковать его не решился. В 1743—44 главный командир Кронштадтского порта. С 1757 адмирал 213, 222
- Мольцан фон Альбрехт-Герман — барон, прусский полковник. С 1729 муж дочери Б.-Х. Миниха Софии-Анны-Луизы 341, 355
- Монти де — маркиз, французский посланник в Польше (1733—34). Командовал польскими войсками в Гданьске. В 1734 взят в плен русскими 51, 58, 295, 347, 349, 351, 352
- Моншеврель (ум. 1735) — французский офицер, переселившийся в Турцию и принявший ислам. Помогал К.-А. Бонневалю в создании корпуса турецких войск по европейскому образцу. Принял предложение поступить на русскую службу, но умер в пути из Константинополя в Петербург 60, 61
- Мориц Саксонский (де Сакс, 1696—1750) — граф, внебрачный сын польского короля Августа II. С 1720 на французской военной службе. В 1726 избран герцогом Курляндским, но изгнан из Курляндии русскими войсками. Участник войны за австрийское наследство 1740—48. Маршал Франции с 1742. В том же году приезжал в Москву, безуспешно добивался восстановления в правах на Курляндское герцогство 178, 210, 358, 485
- Мот Пейруз де ла — бригадир французской армии, посланный во главе трех полков на помощь Гданьску в 1734. После взятия города русскими войсками попал в плен 56, 349, 353, 354, 428
- Мусин-Пушкин Платон Иванович — граф. В 1716—20 выполнял дипломатические поручения в Гессене, Дании, Франции. Затем губернатор в Смоленске, Казани и Эстляндии. С 1736 президент Коммерц-коллегии. С 1739 сенатор. В 1740 арестован по делу А. П. Воынского, после урезания языка сослан на Соловки. Освобожден при Елизавете Петровне 161, 162, 435

Мустафа-паша — двухбунчукный паша, комендант Очакова. После взятия крепости русскими войсками в 1737 попал в плен 102, 120

Мустафа-эфенди — везир, представитель Турции на Немировском конгрессе в 1737 120

Надир-Шах Афшар (1688—1747) — шах Персии с 1736. Именовался также Тахмасп-Кули-ханом. Вел успешные войны с соседними государствами, за счет завоеваний создал обширную империю. В 1738 начал поход в Северную Индию. 8.3.1739 разгромил войска Великого Могола Мохаммад-Шаха близ Дели, захватил огромную добычу. Впоследствии деспотическое правление Надира привело к заговору, в результате которого он был убит 44, 47, 60, 61, 63, 179, 468

Нарышкин Александр Львович (1694—1746) — граф, двоюродный брат Петра I. С 1724 директор Морской академии. С 1725 президент Камер-коллегии и директор Артиллерийской канторы. В 1727 сослан А. Д. Меншиковым, после его падения возвращен, но в 1729 снова выслан из Петербурга. Возвращен при Анне Иоанновне, назначен президентом Коммерц-коллегии. С 1740 действительный тайный советник, сенатор 13

Нарышкины — графы, родственники Петра I 24

Наталья Алексеевна (1714—1728) — вел. княжна, сестра Петра II 13, 14, 23, 291, 331, 413

Нащиус Генрих-Готтлиб (1686—1751) — пастор лютеранской церкви Святого Петра в Петербурге, проповедник 370

Нейбаур — саксонский полковник. В начале 1741 приезжал в Петербург с поздравлением Августа II Анне Леопольдовне по случаю вступления в регентство 405

Нейвидский — граф, секретарь российского посольства в Суассоне (1729) 335

Нейперг Вильгельм-Рейнгард (1684—1774) — граф. С 1702 на австрийской военной службе. В 1717 в чине полковника отличился в войне с турками. С 1723 генерал-майор. С 1735 генерал-фельдцейхмейстер. В 1739 без согласования с императором Карлом VI заключил Белградский мир с Турцией, за что был арестован и посажен в крепость, но вскоре освобожден. В 1741 назначен командующим австрийскими войсками в Силезии, но после поражения под Мольвицем отозван. С 1755 председатель Гофкригсрата 146, 151, 297, 378, 433

Неккер — профессор в Женеве с 1726 328

Неплюев Адриан Иванович — сын И. И. Неплюева. Советник российской миссии в Константинополе 159

Неплюев Иван Иванович (1693—1773) — российский резидент в Турции в 1721—34. В 1737 входил в состав российской делегации на Немировском конгрессе. В 1741—42 главный командир Малороссии. В 1742—60 наместник Оренбургского края. С 1760 сенатор, в 1760—62 член Конференции при высочайшем дворе. С 1764 в отставке 63, 65, 120

Новосильцев Василий Яковлевич (1680—1743) — президент Мануфактур-коллегии в 1722—30. С 1726 сенатор. С 1736 директор Генерал-кригс-комиссариата и президент Коммерц-коллегии. С 1738 тайный советник. В 1740 сослан Анной Леопольдовной в деревню за приверженность Э.-И. Бирону 302

Нолькен Эрик-Матиас (1694—1755) — барон. Шведский посол в Пруссии в 1727—28, в России в 1738—41. Член шведской делегации на мирном конгрессе в Або (1743). Статс-секретарь с 1744. Канцлер с 1747 163, 182, 224, 225, 485

Огильви Георг-Бенедикт (р. 1644) — по происхождению шотландец. Состоял на австрийской военной службе, получил чин генерал-фельдмаршала-лейтенанта. В 1704 принят на российскую службу, руководил осадой Нарвы. С 1705 командовал русскими войсками в Польше. В 1708 уволен с российской службы 260

Огинский Игнатий (ум. 1775) — граф, польский посланник в России в 1739—43 160

Осман-бей — сын герцеговинского паши. В 1737 взят в плен русскими в Очакове и привезен в Петербург, где крещен по православному обряду, возведен в дворянское достоинство и назначен пажом ко двору 364

Оссолинский — граф, государственный казначей Станислава Лещинского в 1733—34 295

Остейн фон Генрих-Карл — граф, австрийский тайный советник, камергер. Посол в России в 1734—39 и в Англии в 1740. Представитель Австрии на Немировском конгрессе 1737. Президент Государственного совета с 1741 36, 120, 121, 366

Остерман Андрей Иванович (Генрих-Иоганн-Фридрих, 1686—1747) — граф с 1730, уроженец Вестфалии. С 1704 на российской службе. С 1710 секретарь Посольского приказа. В 1721 заключил Ништадтский мир со Швецией, за что пожалован Петром I в бароны. С 1723 вице-президент Коллегии иностранных дел. С 1725 вице-канцлер и действительный тайный советник, сенатор, воспитатель вел. кн. Петра Алексеевича. С 1726 член Верховного тайного совета. С 1731 кабинет-министр. В 1740—41 генерал-адмирал (главный начальник военно-морского ведомства) и одновременно руководитель внешней политики России. Во время переворота 25.11.1741 арестован по причине личной ненависти к нему Елизаветы Петровны. В 1724 приговорен к смертной казни, которая заменена ссылкой в Березов. Умер в ссылке 15, 24, 27, 31, 32, 36—39, 46, 47, 66, 67, 154, 157, 162, 164, 172—175, 181, 182, 193, 194, 197, 200, 202, 203, 281, 290, 291, 293, 294, 298, 300—303, 305, 306, 308, 309, 311—313, 315, 331, 332, 339, 343—345, 381, 384, 385, 386, 387, 392, 393, 400, 401, 403, 406—409, 419, 426, 438, 440, 449, 450, 459—462, 464—468, 471, 476

Остерман Марфа Ивановна, урожденная Стрешнева (1698—1781) — графиня с 1730. С 1721 жена А. И. Остермана. С 1730 статс-дама. В 1742—47 добровольно находилась в ссылке вместе с мужем 203

Панин Алексей Иванович (1675—1762) — генерал-майор с 1726, президент Ревизион-коллегии при Анне Иоанновне 449

Паули Карл-Фридрих — немецкий историк второй половины XVIII в., профессор, автор сочинения «Жизнь прусского генерал-майора Манштейна» 305

Педрилло (Петрисло) — см. Мира Пьетро

Петр I (1672—1725) — царь с 1682, император с 1721 11, 12, 16, 17, 20, 24—26, 29, 36—38, 40—45, 62, 64, 134, 157, 159, 162, 177, 182, 201, 203, 207,

210, 215, 222, 230, 246, 247, 249, 250, 252—257, 259—266, 268, 270—272, 275, 277—279, 282, 283, 285, 287, 289, 290, 292, 293, 298, 299, 308, 310, 312—315, 317, 325—328, 331, 334, 342, 377, 388, 391, 412—415, 417, 419, 422, 425, 429, 441, 444, 445, 471, 475, 476, 479

Петр II (1715—1730) — внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича. С 1727 император 11, 12, 18, 19, 20, 23—26, 29, 31, 32, 35, 41, 201, 207, 253, 255, 261, 263, 266, 268, 271, 287—291, 329, 330, 332, 335, 371, 384, 412—415, 417—419, 423, 448, 480

Петр III (Карл-Петр-Ульрих Голштейн-Готторпский, 1728—1762) — внук Петра I, сын герцога Карла-Фридриха и цесаревны Анны Петровны. В 1742 привезен в Россию, крещен по православному обряду под именем Петра Федоровича. Назначен Елизаветой Петровной наследником престола. С 1745 муж Екатерины Алексеевны (до перехода в Православие Софии-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской). С 25.12.1761 император. 29.6.1762 свергнут с престола своей женой Екатериной II и через неделю убит 167, 168, 184, 209, 224, 237, 312, 315, 317, 480, 481

Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский (1698—1775) — принц. На российской службе с 1734 в чине полковника. С 1738 генерал-майор, в 1739 отличился в битве при Ставучанах. Участвовал в русско-шведской войне 1741—43 в чине генерал-поручика. С 1755 генерал-аншеф. С 1762 генерал-фельдмаршал. В мае—июне 1762 член Совета при Петре III. При Екатерине II продолжал службу в должности петербургского и ревельского генерал-губернатора 105, 124, 213, 316

Писарев — см. Скорняков-Писарев

Плело де Луи (ум. 1734) — граф, французский посланник в Дании. В 1734 прибыл в Гданьск в составе французских войск, убит в бою с русскими 57, 349

Понятовский Станислав (1676—1762) — граф. Служил в австрийской армии под начальством принца Евгения Савойского, затем был адъютантом шведского короля Карла XII. После его смерти на службе у Августа II. С 1731 воевода мазовецкий. После смерти Августа II перешел на сторону Станислава Лещинского, но после его поражения признал Августа III. С 1735 каштелян краковский. Отец последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского 45, 58, 295

Потоцкие — графы, польские магнаты 45

Потоцкий Иосиф (ум. 1751) — польский граф, воевода киевский с 1702. С 1735 коронный вел. гетман Польши 120, 131, 138, 139, 345, 354, 368

Потоцкий Федор — примас Польши, сторонник Станислава Лещинского 295

Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова (1664—1723) — с 1684 жена царя Иоанна V Алексеевича. Мать императрицы Анны Иоанновны 313, 441

Прокопович Феофан — см. Феофан Прокопович

Путятин Иван Семенович (ум. 1751) — кн., адъютант л.-гв. Семеновского полка. В октябре 1740 участвовал в гвардейском заговоре против регента Э.-И. Бирона в пользу родителей Иоанна Антоновича. Был арестован, подвергнут пыткам. После падения Бирона освобожден, произведен в капитаны. В 1743 арестован по делу Лопухиных—Ботта, наказан кнутом и выслан в Кецк. Умер в ссылке 396, 454

Пясты — польская королевская династия 48

- Рабутин-Бусси Амадей (ум. 1727) — граф, австрийский посол в России в 1726—27 289, 330
- Радинг фон — российский генерал-майор. В 1736 определен к Украинскому ландмилицкому корпусу, участвовал в русско-турецкой войне. В 1737 уволен из армии 92
- Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771) — граф с 1744. В 1731 взят певчим в украинскую капеллу при императорском дворе. Фаворит Елизаветы Петровны, по некоторым сведениям ее тайный супруг. После переворота 1741 камергер, генерал-поручик, обер-егермейстер. С 1756 генерал-фельдмаршал. С 1762 в отставке 204, 205, 472
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1724—1803) — граф с 1744. Брат А. Г. Разумовского. В 1746—65 президент Академии наук. В 1750—64 гетман Украины. С 1762 сенатор, генерал-адъютант. С 1764 генерал-фельдмаршал. В 1768—71 член Императорского совета 256, 472
- Ребиндер фон Бернгард-Отто (1662—1742) — по происхождению лифляндец. С 1706 савойский генерал-майор. С 1720 сардинский генерал-аншеф. С 1730 сардинский гросс-маршал 329
- Резанов Федор — майор Новгородского драгунского полка (1737). С 1741 полковник 186, 187
- Рейски (Реске) де — барон, австрийский полковник при российской армии в 1738—39 122
- Ренне фон Карл-Эвальд (1663—1716) — по происхождению курляндец. С 1702 на российской службе в чине полковника. С 1704 генерал-майор, с 1705 генерал-поручик, с 1709 генерал-аншеф. Командовал кавалерией в сражениях Северной войны и в Прутском походе 1711 260
- Репнин Василий Аникитович (ок. 1698—1748) кн., в 1729 чрезвычайный посол в Австрии. Участник Северной войны, русско-турецкой войны 1735—39, русско-шведской войны 1741—43. С 1744 генерал-фельдцейхмейстер, с 1745 обер-гофмейстер двора вел. кн. Петра Федоровича. В 1747—48 главнокомандующий русского корпуса, отправленного в Нидерланды на помощь императрице Марии-Терезии. На обратном пути умер 68, 96, 124, 136, 449, 486
- Роден — полковник Тобольского драгунского полка (1739) 137
- Романов Михаил Федорович* — см. Михаил Федорович
- Ромодановская Анастасия (в «Замечаниях...» ошибочно *Наталья*) Федоровна, урожденная Салтыкова (ум. 1745) — жена И. Ф. Ромодановского, сестра царицы Прасковьи Федоровны, тетка императрицы Анны Иоанновны 452
- Ромодановский Григорий Григорьевич (уб. 1682) — кн. С 1665 боярин. В 1654—56 один из воевод русской армии в войне против Польши. Командовал войсками во время Чигиринских походов 1677—78. Убит во время стрелецкого восстания в Москве 277
- Ромодановский Иван Федорович (ум. 1730) — кн., сын Ф. Ю. Ромодановского. После смерти отца в 1717 возведен Петром I в звание князя-кесаря. С 1725 действительный статский советник, с 1727 московский генерал-губернатор. В 1729 вышел в отставку 452, 482
- Ромодановский Федор Юрьевич (1640—1717) — кн. В 1686—1717 возглавлял Преображенский приказ. Во время частых отъездов Петра I в 1695—98

фактически являлся правителем страны. С 1697 в ведение Ромодановского было передано исключительное право розыска по делам о государственных и политических преступлениях. В том же году Петр I присвоил ему титул кн.-кесаря и Его Величества 259, 260

Румянцев Александр Иванович (1677—1749) — граф с 1743. Один из любимцев Петра I. С 1718 майор гвардии и генерал-адъютант. С 1721 бригадир. Участник Северной войны и Персидского похода. В 1731 назначен президентом Камер-коллегии, но не принял этой должности, чем вызвал гнев Анны Иоанновны, и был сослан в свое имение в Алатырском уезде Казанской губернии. В 1735 прощен, назначен казанским губернатором. В 1736—39 в войне с Турцией командовал дивизией в чине генерал-поручика, затем генерал-аншефа. В 1740 российский посланник в Константинополе. В 1741—42 участвовал в русско-шведской войне. В 1743 являлся российским представителем (полномочным министром) на мирных переговорах со шведами в г. Або, завершившихся выгодным для России миром. С того же года сенатор 40, 95, 96, 99, 100, 106, 124, 125, 127, 128, 134, 137, 142, 160, 215, 225, 307, 485

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф, сын А. И. Румянцева. С 1743 полковник, с 1755 генерал-майор, участник Семилетней войны. В 1761 руководил осадой и взятием Кольберга. С 1762 генерал-аншеф, назначен Петром III главнокомандующим в русско-датской войне, не состоявшейся из-за свержения императора. С 1764 генерал-губернатор Малороссии. В русско-турецкой войне 1768—75 одержал победы при Ларге и Кагуле. С 1770 генерал-фельдмаршал 447

Руссо Жан-Батист (1670—1741) — французский поэт. В 1712 за анонимные нападки на влиятельных лиц приговорен французским парламентом к изгнанию. Жил в Брюсселе, затем в Вене 333

Рюрик (ум. 879) — полулегендарный родоначальник русской княжеской династии. Согласно русским летописям, приглашен в 862 ильменскими славянами княжить в Новгород 268, 269

Савойский Евгений — см. Евгений Савойский

Садеркрейц — см. Цедеркрейц

Сакен — курляндский дворянин (1737) 122

Сакс де — см. Мориц Саксонский

Саксонский курфюрст — см. Август III

Салтыков Василий Федорович (1675—1755) — граф. С 1730 петербургский генерал-полицеймейстер, генерал-поручик. С 1741 генерал-аншеф. В 1742—44 сопровождал в ссылку Анну Леопольдовну и Антона-Ульриха с детьми 198, 385, 449, 472

Салтыков Михаил Алексеевич — первый муж Барбары-Элеоноры фон Мольцан, вышедшей после его смерти за Б.-Х. Миниха 313

Салтыков Петр Семенович (1698—1772) — граф, сын С. А. Салтыкова. Начал службу солдатом гвардии в 1714. С 1731 действительный камергер. В 1734 участвовал в Польском походе в чине генерал-майора. С 1741 генерал-поручик. Участвовал в русско-шведской войне в 1742—43. С 1754 генерал-аншеф. С 1759 генерал-фельдмаршал. В 1759—60 и в начале 1762 главно-

- командующий русской армией в Семилетней войне. С 1764 московский генерал-губернатор и сенатор. С 1771 в отставке 213, 227, 240, 241
- Салтыков Семен Андреевич (1672—1742) — граф. Генерал-лейтенант с 1727, руководил арестом А. Д. Меншикова. Сыграл важную роль при воцарении Анны Иоанновны. С 1730 генерал-аншеф, подполковник л.-гв. Преображенского полка, обер-гофмейстер, действительный тайный советник. С 1732 московский главнокомандующий 15, 16, 29, 30, 290, 421
- Салтыков Федор Петрович (ум. 1697) — боярин, стольник, воевода. Отец царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Иоанна V Алексеевича 421, 482
- Салтыкова Наталья Федоровна — см. Ромодановская Наталья Федоровна
- Салтыкова Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая — графиня, статс-дама с 1730. Жена генерал-фельдмаршала П. С. Салтыкова. Сыграла важную роль в утверждении самодержавия Анны Иоанновны 421
- Салтыкова Юлия Михайловна — дочь М. А. Салтыкова, падчерица Б.-Х. Миниха. Фрейлина двора цесаревны Елизаветы Петровны 313
- Салтыковы — графский род 18
- Салуцкий — см. Залусский
- Сапега Петр (1701—1771) — польский граф, сын Я. Сапеги. С 1720 жил в Петербурге в доме А. Д. Меншикова в качестве жениха его дочери Марии. В 1726 получил звание действительного камергера и был обручен с невестой, но брак не состоялся. В 1727 Сапега женился на племяннице Екатерины I С. К. Скавронской 288
- Сапега Ян-Казимир (ум. 1730) — польский граф, староста бобруйский, с 1708 вел. гетман литовский, один из самых богатых и влиятельных магнатов Речи Посполитой. В 1720 договорился о браке своего сына Петра и дочери А. Д. Меншикова Марии. В 1726 прибыл в Петербург на торжество обручения жениха и невесты, был произведен Екатериной I в генерал-фельдмаршалы. После падения Меншикова примкнул к партии Долгоруких, в 1727 назначен петербургским губернатором. Вскоре уехал в свои польские поместья, где и умер 288
- Секан — см. Зейкин
- Секендорф фон Фридрих-Генрих — граф с 1720, австрийский генерал-фельдмаршал-лейтенант с 1717. Посол в Пруссии в 1726—32. С 1737 генерал-фельдмаршал, командующий австрийскими войсками в Венгрии 39, 366
- Сиверс Петр Иванович (ум. 1740) — уроженец Дании. На российской службе с 1704 в чине капитана. С 1715 капитан-командор. С 1721 вице-адмирал. С 1727 адмирал и президент Адмиралтейств-коллегии. В 1732 уволен в отставку 41, 423, 424
- Синклер (Цинклер) Малькольм (уб. 1739) — майор, член Секретного комитета шведского риксдага. В июле 1738 отправлен из Стокгольма в Константинополь с секретной миссией. На обратном пути убит 17.6.1739 в Силезии российскими офицерами 153, 154, 163, 184, 433
- Синцендорф фон Филипп-Август — граф, австрийский обер-гофканцлер, член Тайного конференц-совета при императоре Карле VI 297
- Синявский — польский коронный генерал в 1715—23 324, 479
- Скавронская Анна Карловна — см. Воронцова Анна Карловна

- Скавронская Софья Карловна — графиня, племянница Екатерины I. С 1727 жена графа П. Сапеги 288
- Скавронские — графы, родственники Екатерины I 412
- Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич — в 1717 вел следствие по делу царицы Евдокии Федоровны, в 1718 участвовал в суде над царевичем Алексеем. В 1718—23 обер-прокурор Сената. В 1727 за участие в заговоре против А. Д. Меншикова сослан на Камчатку. В 1731—40 начальник Охотского порта. В 1741 возвращен в Петербург 13, 45
- Соймонов Федор Иванович (1692—1780) — с 1739 генерал-кригс-комиссар флота. Друг А. П. Волянского, вместе с которым арестован в 1749. После наказания кнутом сослан в Сибирь. Освобожден в 1742. С 1757 тайный советник. В 1757—63 сибирский губернатор. В 1763—66 сенатор Московской сенатской канторы. С 1766 в отставке. Известен как ученый — картограф и гидрограф 435
- Соловьев Осип Алексеевич (1671—1747) — барон с 1727, русский купец, основатель российской купеческой канторы в Амстердаме 250
- Солтыков — см. Салтыков
- Сольмс-Вильденфельс Фридрих-Людвиг — граф. С 1739 муж дочери Б.-Х. Миниха Луизы-Доротеи, вдовствующей баронессы фон Шаумбург. В 1741 российский посланник в Саксонии 405
- Сотрон — адъютант фельдмаршала П. П. Ласи (1742) 211
- Софья Алексеевна (1657—1704) — царица, дочь царя Алексея Михайловича. Правительница России в 1682—89 при обоих братьях — малолетних царях Иоанне V и Петре I. Свергнута Петром I, заключена в Новодевичий монастырь 270, 277
- Спарейтер — см. Сперейтер
- Спенсеры — внуки герцога Д. Ч. Мальборо 329
- Сперейтер (Спарейтер) фон Ульрих Олафович (1677—1744) — эстляндский дворянин. С 1696 на российской службе в артиллерии. С 1704 поручик, с 1707 капитан, с 1709 майор, с 1727 полковник, с 1730 генерал-майор. Участвовал в русско-турецкой войне 1735—39. С 1744 генерал-лейтенант 68, 83, 296, 449
- Станислав I Лещинский (1677—1766) — польский король в 1704—11 и 1733—34. В первом случае являлся противником Августа II, во втором — Августа III. В обоих случаях изгнан из Польши силой русского оружия. В 1736 отрекся от престола, формально сохранив королевский титул, получил в пожизненное владение Лотарингское герцогство 49—51, 58, 61, 147, 152, 284, 294—296, 298, 343—348, 351, 352, 353—355, 425
- Стефан Яворский (в миру Симеон, 1658—1722) — местоблюститель патриаршего престола с 1700 после смерти патриарха Адриана. С 1707 ректор Славяно-греко-латинской академии. С 1721 президент Святейшего Синода. Сначала сторонник, затем противник петровских реформ. Известный писатель и проповедник своего времени, автор антипротестантского трактата «Камень веры» 254
- Стоффельн — см. Штофельн
- Стоянов Иван — полковник Сербского гусарского полка с 1737. С 1742 генерал-майор 98, 130

- Стрешнев Василий Иванович (1707—1782) — камергер, тайный советник, сенатор с 1740. Брат жены А. И. Остермана. После переворота Елизаветы Петровны привлечался к следствию, но был прощен 401, 460
- Стрешнева Марфа Ивановна* — см. Остерман Марфа Ивановна
- Строгановы — бароны, крупные заводовладельцы 482
- Стуарт — российский генерал-майор (1743) 227, 240
- Суда де ла Жан (Иван) — секретарь Коллегии иностранных дел. В 1740 арестован по делу А. П. Волынского, наказан плетью, сослан на Камчатку 161, 162, 435
- Сукин Семен Иванович (1680—1738) — генерал-майор с 1728, исполнял должность генерал-провиантмейстера. С 1730 сенатор. С 1736 губернатор в Киеве 302
- Сум — саксонский посол в Пруссии (1724) 327
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — известный русский поэт и драматург. В 1756—61 директор первого российского театра 444
- Сумароков Петр Спиридонович (1709—1780) — в 1730 камер-паж, адъютант П. И. Ягужинского. С 1752 обер-шталмейстер. С 1761 действительный тайный советник и сенатор. С 1764 в отставке 28, 420
- Талызин Иван Лукьянович (1700—1777) — член Адмиралтейской коллегии с 1748; 28.6.1762 сыграл решающую роль в дворцовом перевороте, не допустив спасения Петра III в Кронштадте 481
- Тальман Иоганн-Михаил — барон, австрийский посланник в Турции в 1735—38. Представитель Австрии на Немировском конгрессе 1737 66, 120
- Тамас-Кули-хан* — см. Надир-Шах
- Тарakanов Алексей Иванович (1671—после 1752) — генерал-майор с 1730, участник русско-турецкой войны. С 1740 генерал-лейтенант, член Военной коллегии 68, 69, 73, 96, 97
- Тарло Адам (1713—1744) — польский граф, люблинский воевода. Командовал армией сторонников Станислава Лещинского в 1733—34 53, 345, 354
- Татищев Алексей Данилович (1699—1760) — камергер при дворе Анны Иоанновны, инициатор постройки Ледяного дома в 1739. С 1747 генерал-аншеф, генерал-полицеймейстер 444
- Татищев Василий Никитич (1686—1750) — государственный деятель, историк. В 1720—22 и 1743—37 управлял казенными заводами на Урале. В 1741—45 астраханский губернатор. Автор «Истории Российской с самых древнейших времен» 447, 449
- Темирязов Иван Назарьевич — действительный статский советник. В октябре 1741 участвовал в планах провозглашения Анны Леопольдовны императрицей. Во время переворота 25.11.1741 арестован. В 1742 сослан в Тобольск, потом переведен в Мангазею. Освобожден в 1763 311
- Терти-Гирей — начальник отряда крымских татар, вторгшихся в 1732 в российские владения в Закавказье 47
- Тиммерман Франц Федорович — голландец, живший в Немецкой слободе в Москве. В 1697 сообщил Петру I первые сведения о мореплавании и кораблестроении 264

- Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — граф с 1724. В 1702—14 российский посол в Константинополе. С 1714 сенатор. В 1718 возглавлял следствие по делу царевича Алексея Петровича. В 1717—21 президент Коммерц-коллегии. В 1718—26 начальник Тайной канцелярии. С 1726 член Верховного тайного совета. В 1727 за попытку противодействовать А. Д. Меншикову арестован и сослан в Соловки. Умер в ссылке 13, 284, 290
- Толстой Матвей Андреевич (ум. 1763) — муж графини Анны Андреевны Осерман. С 1743 полковник артиллерии. С 1755 генерал-поручик. В 1758 уволен в отставку с чином генерал-аншефа 203
- Томилов Антон Егорович (р. 1687) — генерал-майор с 1740 213
- Трейден Бенигна-Готлиба — см. Бирон Бенигна-Готлиба
- Трейден фон Тротта Текла (Екатерина) — младшая сестра Бенигны Бирон. С 1733 жена Р.-А. Бисмарка 342
- Трубецкой Иван Юрьевич (1667—1750) — кн. В 1698 новгородский наместник. Участник Северной войны, в 1700—18 в шведском плену. С 1722 член Военной коллегии, генерал-губернатор в Киеве. С 1728 генерал-фельдмаршал. В 1730 деятельно участвовал в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны. С 1731 сенатор. С 1739 в отставке 30, 292, 303, 337, 421, 449
- Трубецкой Никита Юрьевич (1699—1763) — кн. В 1715—17 обучался за границей, затем был на придворной и военной службе. В 1730 содействовал восстановлению самодержавия Анны Иоанновны. Генерал-кригс-комиссар в 1733—39. С 1737 генерал-лейтенант. В 1740—60 генерал-прокурор Сената. С 1756 генерал-фельдмаршал, член Конференции при высочайшем дворе. Президент Военной коллегии с 1760. При Петре III член Императорского совета, полковник л.-гв. Преображенского полка. С 1763 в отставке 68, 69, 98, 99, 160, 166, 301, 385, 392, 429, 431, 450
- Тур де ла — полковник Суздальского пехотного полка (1737) 118
- Тютчев Андрей (уб. 1739) — полковник Нарвского конного полка. В августе 1738 руководил охраной фуражиров, косивших сено, но не смог защитить их от нападения крымских татар, что привело к большим потерям. Расстрелян по приговору военного суда 130
- Ульрика-Элеонора (1688—1741) — сестра шведского короля Карла XII. С 1715 жена принца Фридриха Гессенского. После смерти Карла XII в 1718 провозглашена королевой Швеции. В 1720 передала власть своему мужу, правившему под именем Фредрика I 192
- Ушаков Андрей Иванович (1672—1747) — граф с 1744. С 1712 адъютант Петра I. Сенатор в 1724—27 и 1730—47. В 1727 арестован за попытку противодействовать А. Д. Меншикову, но после его падения освобожден. С 1730 генерал-аншеф. В 1730—34 полковник и командир л.-гв. Семеновского полка. В 1731—46 начальник Канцелярии тайных розыскных дел 13, 166, 244, 284, 305, 306, 381, 385, 460
- Фалькенберг Матвей — майор. В 1743 донес И.-Г. Лестоку на И. С. Лопухина, что явилось началом дела Лопухиных—Ботта 242
- Фалькенгрэн — шведский контр-адмирал (1743) 233
- Федор Алексеевич (1661—1682) — царь с 1676. Сын царя Алексея Михайловича, брат царя Иоанна V и императора Петра I 270, 275—277

Федор Никитич Романов — см. Филарет

Фенелон де Салиньяк Франсуа (1651—1715) — архиепископ Камбрейский, выдающийся французский писатель 321

Феофан Прокопович (1681—1736) — государственный и церковный деятель, писатель, историк, просветитель, сподвижник Петра I. С 1718 епископ Псковский и Нарвский. В своих трактатах и проповедях сформулировал основы идеологии российского абсолютизма. В 1719—20 составил устав Духовной коллегии («Духовный регламент»), закрепивший отмену патриаршества в России и подчинение Русской Православной Церкви интересам государства. С 1721 второй вице-президент Синода, с 1725 архиепископ Новгородский. В 1730 активно содействовал утверждению самодержавия Анны Иоанновны, в годы ее правления пользовался большой властью в качестве первоприсутствующего члена Синода 33, 254, 283, 444

Фергюсон — уроженец Англии, первый руководитель Морской академии в Петербурге 257

Фердинанд Брауншвейгский (1721—1792) — принц, брат Антона-Ульриха. В 1757—62 один из полководцев прусской армии в Семилетней войне 473

Фердинанд (ум. 1737) — герцог Курляндский из династии Кетлеров, дядя герцога Фридриха-Вильгельма 35, 122, 358

Фермор Вилим Вилимович (1702—1771) — англичанин по происхождению, родился в России. С 1720 на службе в чине бомбардира. С 1724 поручик, с 1729 капитан. В 1733 произведен в подполковники, назначен генерал-адъютантом фельдмаршала Б.-Х. Миниха. Участвовал в осаде и взятии Гданьска в 1734, в русско-турецкой войне 1735—39. С 1736 полковник Ростовского пехотного полка. В 1737 генерал-квартирмейстер армии, действовавшей против турок. С 1738 генерал-майор. Участвовал в сражении при Вильманстранде 23. 08.1741. С 1746 генерал-лейтенант и заведующий Канцелярией от строений. С 1755 генерал-аншеф. Участник Семилетней войны, в 1757—59 и осенью 1760 главнокомандующий русской армией. С 1763 смоленский генерал-губернатор. С 1764 сенатор. С 1768 в отставке 104, 105, 124, 128, 136, 184, 189, 191, 449

Фик (в «Замечаниях» Финк) Генрих (Андрей) — действительный статский советник. В 1730 разрабатывал с Д.М. Голицыным меры по ограничению самодержавия, за что в том же году был сослан в Сибирь. В 1742 освобожден. С 1744 вице-президент Коммерц-коллегии 40, 41, 423, 474

Филарет (в миру Федор Никитич Романов, ок. 1550—1633) — патриарх Московский и всея Руси с 1619. Племянник царицы Анастасии Романовны. Отец царя Михаила Федоровича. С 1619 управлял страной совместно с сыном вплоть до своей смерти 257, 269, 270

Философов Михаил Иванович (ум. 1748) — полковник Ладожского пехотного полка в 1736—37. С 1737 генерал-майор. С 1740 сенатор 124, 125, 128, 136

Финк — см. Фик Генрих или Финч Эдвард

Финч (Финк) Эдвард — английский посол в Польше в 1725—27, в Швеции в 1728—39, в России в 1740—42 307, 309

Фитингоф Иван Андреевич — барон, действительный тайный советник. Муж старшей дочери Б.-Х. Миниха Анны-Ульрики 481

- Флемминг Якоб-Генрих (1667—1728) — граф. Уроженец Померании, с 1694 на саксонской службе. Адъютант Саксонского курфюрста и польского короля Августа II. С 1712 генерал-фельдмаршал и первый министр 201, 322, 323, 478, 479
- Флери де Андре-Эркуль (1653—1743) — епископ Фрежюса в 1698—1714. В 1715—23 воспитатель французского короля Людовика XV. С 1723 член Государственного совета. С 1726 кардинал и первый министр Франции 334, 341, 343, 416, 425, 464
- Франц I Стефан (1708—1765) — герцог Лотарингский с 1729. С 1735 муж Марии-Терезии. В том же году по условиям Венского мира отказался от Лотарингии в пользу Станислава Лещинского. Взамен получил Тоскану с титулом вел. герцога. В 1745 избран императором Священной Римской империи и стал соправителем жены в делах Австрийской монархии 297
- Фремери — офицер российского флота (1734) 350, 428
- Фридрих I Гессенский (1676—1751) — сын ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Командовал гессенским вспомогательным корпусом в составе англо-голландских войск во время войны за испанское наследство. С 1715 муж Ульрики-Элеоноры, ставшей в 1718 королевой Швеции. В 1720 жена передала ему королевскую власть 201, 321
- Фридрих Гессен-Кассельский — принц, племянник шведского короля Фридриха I. Претендент на шведский престол в 1742—43 237
- Фридрих I (1688—1713) — курфюрст Бранденбургский. С 1701 первый король Пруссии 263, 279, 441
- Фридрих II Великий (1712—1786) — король Пруссии с 1740 330, 463, 464, 468, 473, 485, 486
- Фридрих-Вильгельм I (1688—1740) — король Пруссии с 1713. Отец Фридриха II 175, 263, 327
- Фридрих-Вильгельм (1693—1711) — герцог Курляндский из династии Кетлеров. С 1710 муж Анны Иоанновны. Умер по дороге из России в Курляндию 177, 441
- Фролов Иван Васильевич — старшина (бригадир) и походный атаман донских казаков во время русско-турецкой войны 1735—39 150
- Ханыков Петр Максимович — поручик л.-гв. Преображенского полка. В октябре 1740 участвовал в гвардейском заговоре против регента Э.-И. Бирона в пользу родителей Иоанна Антоновича. Был арестован, подвергнут пыткам. После падения Бирона освобожден, произведен в капитаны 451
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657) — гетман Украины. В 1654 на Переяславской раде провозгласил воссоединение Украины с Россией. Х. М. ошибочно полагает, что он передал Украину под власть Турции 20, 275
- Хованский Иван Андреевич (уб. 1682) — кн., боярин. Воевода в русско-польской войне в 1654—67. В 1667—68 глава Ямского приказа. Пользовался популярностью среди стрельцов. После стрелецкого восстания 1682 и прихода к власти царевны Софьи Алексеевны назначен главой Стрелецкого и Судного приказов. Обвинен Софьей и И. М. Милославским в стремлении захватить царскую власть, казнен 277

- Хрипунов Кузьма Авксентьевич — секретарь Коллегии иностранных дел (1730) 31
- Хрипунов Иван — полковник Великолуцкого пехотного полка с 1737. С 1738 бригадир. С 1744 воронежский вице-губернатор 105
- Хрущев Андрей Федорович (1691—1740) — советник Конюшенной конторы, друг А. П. Волынского, вместе с которым арестован и казнен 161, 162, 435
- Хрущев Михаил Семенович (1697—до 1756) — генерал-майор с 1737. В 1739 после взятия Хотина назначен его комендантом. С 1741 генерал-лейтенант, участник русско-шведской войны 102, 124, 136, 143, 228, 231
- Цедеркрейц Герман — барон, шведский сенатор, член шведской делегации на мирном конгрессе в Або (1743) 225, 485
- Цербстская принцесса* — см. Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская или Екатерина II
- Цинклер* — см. Синклер
- Цинцендорф* — см. Синцендорф
- Цвейбрюкенский герцог — претендент на шведский престол в 1742—43 237
- Чарторижские (Чарторыйские) — князья, польские магнаты 295
- Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — кн. С 1702 помощник Тобольского воеводы. В 1715—19 обер-комиссар Петербурга. В 1719—24 губернатор Сибири. С 1726 сенатор. В 1730 возглавил движение дворян против Верховного тайного совета в защиту самодержавия Анны Иоанновны. В 1731—41 кабинет-министр. С 1740 канцлер 30, 32, 172, 206, 292, 293, 300, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 337, 339, 380—383, 387, 393, 395, 400, 401, 421, 436, 450, 453, 459, 460
- Чернышев Григорий Петрович (1672—1745) — граф с 1742. С 1730 генерал-аншеф и сенатор. В 1731—32 московский генерал-губернатор 449
- Чернцов Дмитрий — генерал-майор с 1741, генерал-лейтенант с 1752 213
- Шарлотта-Христина-София Вольфенбюттельская (1694—1715) — принцесса, дочь герцога Людвиг-Рудольфа Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бланкенбургского. В 1711 выдана замуж за царевича Алексея Петровича, от которого в 1715 родила вел. кн. Петра Алексеевича, впоследствии императора Петра II 11, 473
- Шаумбург фон Иоганн-Вильгельм (ум. до 1739) — барон, обер-штальмейстер маркграфа Бранденбург-Анспбахского. С 1730 муж Луизы-Доротеи Миних 334, 379
- Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — барон с 1710. С 1709 вице-канцлер. В 1711—14 российский посланник в Турции. С 1717 вице-президент Коллегии иностранных дел. В 1723 обвинен в казнокрадстве и сослан в Нижний Новгород. В 1725 возвращен Екатериной I. В 1725—27 и 1733—39 президент Коммерц-коллегии. В 1730—32 российский посол в Иране. В 1737 член российской делегации на Немировском конгрессе 120, 203, 284, 293
- Шах-Надир* — см. Надир-Шах Афшар

- Шедин (Шединг) Густав (уб. 1744) — предводитель восстания в Далекарлии в 1743. После его подавления казнен 238, 239
- Шейн Алексей Семенович (1662—1700) — боярин, воевода в Крымских походах 1687 и 1689. Командовал сухопутными войсками в Азовском походе 1696. С того же года генералиссимус 482
- Шемберг фон Курт-Александр — барон, польский камергер и саксонский обер-берг-гауптман. С 1736 на российской службе в должности генерал-берг-директора (главного начальника горного ведомства). Улучшил состояние горно-металлургических заводов, но допускал финансовые злоупотребления, задолжал значительные суммы казне. В 1742 его имения были конфискованы, а сам он выслан в Германию 252
- Шепелев Дмитрий Андреевич (1681—1759) — начал службу в 1704 солдатом гвардии, участник Северной войны и Прутского похода 1711. С 1728 генерал-майор, с 1731 генерал-поручик, гофмейстер, с 1742 генерал-аншеф. С 1744 обер-гофмаршал 306, 385, 401, 460
- Шепелева Мавра Егоровна* — см. Шувалова Мавра Егоровна
- Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — граф с 1706. С 1681 воевода, участвовал в Крымских и Азовских походах. С 1701 генерал-фельдмаршал. Во время Северной войны командовал войсками в Прибалтике, на Украине и в Померании. Главнокомандующий армией в Полтавском сражении 1709 и Прутском походе 1711 278, 411
- Шетарди де ла Иоахим-Жак (1705—1758) — маркиз. В 1731—39 французский посол в Пруссии. В 1739 назначен послом в Россию, где вступил в тайные сношения с Елизаветой Петровной и ее сторонниками, способствовал осуществлению дворцового переворота 1741. Убеждал Елизавету Петровну окончить русско-шведскую войну и передать Швеции прибалтийские земли, но потерпел неудачу. В 1742 покинул Россию. В 1743 вновь прибыл в Петербург в качестве посла, активно включился в придворные интриги с целью низвержения противника Франции А. П. Бестужева-Рюмина. Перехваченные письма Шетарди дали основание для его высылки из России в 1744 159, 179, 194—198, 208—210, 243, 244, 311, 469—472, 476, 483, 484, 487, 488
- Шеффер — барон, шведский сенатор. В 1742 приезжал в Петербург в составе делегации для предложения шведской короны вел. кн. Петру Федоровичу 225
- Шипов Иван Афанасьевич (ум. 1749) — с 1730 майор л.-гв. Измайловского полка. С 1733 член Военной коллегии. В 1738—40 управляющий Малороссией. В 1740—42 сибирский губернатор 125, 134, 136, 145, 184
- Шлиппенбах фон Вольмар-Антон — шведский военачальник во время Северной войны. С 1701 генерал-майор. В 1709 взят русскими в плен под Полтавой 411
- Шовелин де Жермен-Луи — французский статс-секретарь и «хранитель печати» 334, 341
- Шпигель фон Карл-Людвиг — российский генерал-майор с 1734, генерал-лейтенант с 1737. Участник войны с Турцией 68, 69, 77, 78, 80, 81, 85, 109, 110, 133, 449
- Штейнфлихт — прусский генерал, сопровождал Станислава Лещинского при побеге из Гданьска в 1734 351

- Штокман Георгий — полковник Украинского ландмилицкого корпуса. С 1736 бригадир. С 1738 генерал-майор. Участник войны с Турцией. В 1739—40 находился в турецком плену 124, 136, 140
- Штофельн (Штофель, Стоффельн) фон Федор (ум. 1747) — с 1730 генерал-майор, с 1741 генерал-лейтенант. В 1742—43 участвовал в русско-шведской войне 68, 96, 107, 114, 115, 117—119, 133, 184, 189, 213, 221, 228, 237, 239, 366, 449
- Шубин Алексей Яковлевич (1707—1766) — прапорщик л.-гв. Семеновского полка, фаворит цесаревны Елизаветы Петровны. В 1731 сослан на Камчатку. В 1742 освобожден, в 1743 произведен в премьер-майоры Семеновского полка и генерал-майоры армии. В 1744 вышел в отставку в чине генерал-поручика 208, 209
- Шувалов Александр Иванович (1710—1771) — граф с 1746. Начал службу пажом при дворе Петра I, затем камер-паж и камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны, ведал ее вотчинным хозяйством. После переворота 1741 произведен в действительные камергеры. С 1744 генерал-поручик. В 1746—62 начальник Канцелярии тайных розыскных дел. С 1751 генерал-аншеф. В 1754—61 гофмейстер двора вел. кн. Петра Федоровича. В 1756—62 член Конференции при высочайшем дворе. С 1760 сенатор. С 1761 генерал-фельдмаршал. С 1763 в отставке 204, 205, 472
- Шувалов Иван Максимович (старший) (ум. 1736) — полковник, комендант Выборга в 1721. Отец А. И. и П. И. Шуваловых. Вопреки мнению Х. М., графом не был 38
- Шувалов Петр Иванович (1711—1762) — граф с 1746. Начал службу пажом жены Петра I Екатерины Алексеевны. В 1727—28 находился в Голштейне в свите цесаревны Анны Петровны. С 1731 камер-юнкер Елизаветы Петровны. После переворота 1741 произведен в действительные камергеры. С 1744 генерал-поручик и сенатор. С 1751 генерал-аншеф. С 1756 генерал-фельдцейхмейстер. В 1756—62 член Конференции при высочайшем дворе. С 1761 генерал-фельдмаршал 204, 205, 313, 314, 472
- Шувалова Мавра Егоровна, урожденная Шепелева (1708—1759) — графиня с 1746. С 1719 состояла при дворе Елизаветы Петровны в качестве камер-юнгферы, затем фрейлины. С 1742 жена П. И. Шувалова, с того же года статс-дама, близкая подруга Елизаветы Петровны, имела в ее царствование большое влияние при дворе 313
- Шуйский Василий — см. Василий Шуйский
- Эйхлер Иван — тайный секретарь Кабинета министров с 1739. В 1740 арестован по делу А. П. Волюнского, наказан кнутом и сослан в Жиганский острог близ Якутска 161, 162, 435
- Эммануил (Эмануэль, Мануэл-Бартоломеу, 1697—1736) — португальский принц, сын короля Педру II. В 1715 тайно уехал в Голландию и почти до конца жизни скитался по Европе. В конце 1730—начале 1731 приезжал в Москву с целью сватовства к императрице Анне Иоанновне 39, 423

Юсон-Даллон — см. д'Аллион

Юсупов Борис Григорьевич (1695—1759) — кн. С 1730 действительный камергер. С 1736 сенатор, с 1738 — московский вице-губернатор. С 1742 директор

Ладожского канала. С 1750 главный директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса 284, 401, 460

Юшкова — камер-фрау Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны 301

Яворский Стефан — см. Стефан Яворский

Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — граф с 1731. Уроженец Польши. Российский посланник в Австрии в 1720—21. С 1722 генерал-прокурор Сената. Российский посол в Польше в 1726—27, в Пруссии в 1731—35. С 1727 генерал-аншеф, с 1735 кабинет-министр 28, 31, 37—39, 162, 284—286, 290, 293, 341

Яйа-паша — см. Агия-паша

Ян II Казимир (1609—1672) — польский король с 1648. В 1668 отрекся от престола и уехал в Париж, где постригся в монахи в принадлежавшем ему аббатстве 275

Ян III Собеский (1629—1696) — король Польши с 1674. Выдающийся полководец. В 1683 разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену. В 1686 заключил «Вечный мир» с Россией 139

Указатель географических и этнических названий*

- Або (Абов) г. 222, 224, 225, 228, 231, 235, 236, 239, 267, 485
Абовский мост 184
Абсук г. 84
Абосская дорога 222
Австрийцы 298, 428
Австрия 49, 210, 278, 298, 433, 462, 465, 484
Азия 285
Азов г. 65—68, 77, 82—87, 109, 133, 148, 151, 263, 265, 278, 279, 296, 298, 299, 344, 355, 356, 358, 379, 426
Азовское море 72, 80, 83, 94, 109, 110, 132, 148, 264, 267, 268, 275, 356
Акмечеть (Ахмечеть) г. 78, 359
Аланд о. 228, 233, 236—238
Алекسانдро-Невский (Александровский) мон. 254, 473
Алеутские о-ва 447
Альма р. 78
Америка 447
Амстердам г. 250
Англичане 447, 484
Англия 33, 248, 249, 250, 254, 259, 264—266, 279, 283, 304, 321, 406
Андреевка местечко 105
Аншпах г. 327, 330
Арабат мест. 110
Аравия 304
Ардебиль г. 44

---

* В указатель не включены термины Россия, русские, Санкт-Петербург (Петербург)

Принятые сокращения: г. — город,
д. — деревня,
креп. — крепость
местн. — местность,
мон. — монастырь,
обл. — область,
оз. — озеро,
о. — остров,
о-ва — острова,
р. — река,
с. — село.

Разночтения и другие названия даются в скобках.

- Армила д. 186, 187
Армяне 75, 249
Арнауы 98
Архангельск г. 249, 264, 265, 290
Астраханское царство 275
Астрахань г. 86, 179, 248, 249
Ахен г. 367
- Багдад (Вавилон) г. 47
Баден г. 330
Балтийский порт 480
Балтийское (Восточное) море 25, 45, 267, 354
Балчик пролив 74
Банат обл. 147
Барра-Сунта местн. 228
Бахмут г. 81, 85, 109
Бахчисарай (Баксичарай) г. 75—78, 88, 112, 278, 359, 431
Белград г. 145—149, 297, 360, 378, 428
Белградская креп. 147
Белгород г. 149
Белочище р. 127—129
Белозерка г. (с.) 90
Белозерка р. 90
Бендеры г. 21, 80, 96—98, 104—106, 119, 131, 132, 136, 138, 144, 145, 149, 297, 360, 365, 368
Березов г. 16, 32, 290
Березовка р. 119
Березовый Остров местечко 240
Берда р. 109, 114
Берг-оп-цойм креп. 485
Берлин г. 38, 208, 242, 243, 327, 328, 330, 341, 355, 414, 487
Берн г. 330
Биген имение в Бранденбурге 404, 410
Бишофсберг форт 55
Бланкенбург г. 333
Богдан д. 144
Богемия 59, 87
Борго г. 221, 223
Бордо г. 250
Босняки (боснийцы) 98
Брабандия (Брабант) 321
Бранденбург (Бранденбургское маркграфство) 278, 308
Бреда р. 53
Бреславль г. 153
Бресция обл. 259
Брода г. 138, 153

- Брюссель г. 333
Брянск г. 64, 98, 263, 360
Брянская верфь 95
Буг р. 96, 97, 104—108, 120, 124, 125, 130, 132, 136, 154, 360, 361, 366
Буда г. 34
Буджак обл. 150, 377, 378
Бухарцы 249
Бюген майорат в Бранденбурге 175
- Вавилон* — см. Багдад
Вартенберг земельное владение в Силезии 410
Васильевский о. в Петербурге 16
Васильков креп. 136
Валахи 137—140, 144
Валахия 121, 131, 134, 146, 297, 378
Валецка р. 139
Варшава г. 44, 48—51, 54—56, 60, 276, 295, 296, 322, 323, 325, 345, 346, 349, 353, 357, 427, 478, 479
Везель г. 330, 333
Везер р. 321
Вейксельмюнде (Вейсзельмюнде) форт 54, 56—58, 295
Вена г. 33, 39, 50, 59, 121, 131, 147, 150, 279, 297, 323, 344, 366, 406, 414, 451
Венгрия 34, 120, 121, 132, 366, 367, 370, 378
Венеция 279
Верюки р. 216
Версаль дворец 334
Вестфалия 203, 333
Вильманstrand г. 185, 186, 187, 190, 191, 472
Вильно г. 275
Висла р. 50, 51, 53—55, 345, 346, 349, 350, 352
Вичезина д. 53
Вознесенский мон. в Кремле 413
Волга р. 45
Вологда г. 202, 481
Волхов р. 45, 46, 326
Волчий буерак местн. 85
Вольфенбюттель г. 333
Воронеж г. 62, 263, 264, 267
Восточное море — см. Балтийское море
Восточный океан — см. Тихий океан
Всесвятское с. 28, 291
Выборг г. 38, 164, 183, 184, 191—193, 195, 208, 212—214, 216, 219, 225, 227, 249, 432
Высокий мыс 113
Вышний Волочек г. 45, 325

- Гаага г. 340, 341
Гегельсберг форт 55, 348, 349, 350
Гам г. 333
Гамбург г. 153, 206, 244, 474
Гангеуд (Гангут) полуостров 229, 230, 231
Ганновер 206, 279
Гданьск (Данциг) г. 50—55, 58, 59, 61, 122, 152, 268, 295, 325, 327, 330, 345, 347—349, 351—353, 426, 427, 429, 433
Гейнсфурт д. 321
Гельсинг-Кирке д. 221
Гельсингфорс г. 220—224, 228, 229, 231, 240
Гессен (Гомбург) 208
Гессен-Кассель 322
Гитис о. и расположенная на нем церковь 232
Германия 61, 87, 167, 168, 176, 198, 199, 254, 304, 308, 442, 452, 455
Глухов г. 21, 161, 282
Гнилое море 81
Гогланд о. 230
Гогорлика р. 86
Голландия, Голландская республика 61, 192, 250, 254, 264, 265, 278, 279, 321, 406
Голландцы 447
Голштейн (Голштейнское герцогство, Голштиния) 42, 416, 446
Гомбург — см. Гессен
Гороблагодатский рудник 447
Горнбург местечко 333
Горячая д. 48
Гостилицы с. 309
Гохкирхен г. 486
Греки 267, 377
Гросс-Егерсдорф д. 460
Гука р. 140
Гусумское поместье в Шлезвиге 416
- Дагестан (Дагестанская обл.) 63
Далекарлийцы 240
Далекарлия обл. 238
Далматинцы 267
Дания 238, 241, 242, 257, 315
Данциг — см. Гданьск
Датчане 240
Дворцовая площадь в Петербурге 450
Дегерби о. 236, 240
Денен г. 201, 321
Дели г. 468
Дербент г. 282

Дерпт г. 255, 341, 411

Димель р. 321

Динамюнд — см. Дюнамюнде

Днепр (Борисфен) р. 20, 21, 62, 64, 68, 69, 73, 80, 81, 90—92, 95, 96, 98, 105, 107, 114, 119, 123, 124, 134, 135, 149, 152, 154, 275, 298, 355, 359, 360—362, 366, 367, 377, 379, 431

Днестр р. 105, 127—132, 136—139, 143, 144, 146, 151, 154, 361, 367, 374

Домбровино г. 275

Дон (Танаис) р. 22, 62, 64, 67, 68, 79, 83, 113, 114, 135, 149, 154, 264, 265, 267, 296, 332, 355, 356

Донец р. 22, 85, 114, 123, 135

Дрезден г. 295, 308, 323, 406, 407, 408, 466, 478

Дружка р. 69

Дунай р. 67, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 154, 155, 297, 375, 377

Дюнамюнде (Динамюнд) креп. 198, 312

Дюнкирхен г. 349

Европа 20, 62, 89, 149, 156, 162, 194, 245, 248, 249, 251, 261, 262, 264, 272, 275, 282, 285, 287, 302, 307, 313, 344, 377, 422, 428, 483

Егерндорф — см. Гросс-Егерсдорф

Егорлик р. 94

Екатериненбург (Екатеринбург) г. 250, 263

Еникале креп. 149, 280

Женева г. 325, 327—330

Жида 359

Запорожская Сечь — см. Сечь 89

Запорожцы — см. казаки запорожские

Збруч р. 136, 137

Зельбургский уезд 411

Зомершанц (Зоммельшанц) форт 54, 55

Зунд пролив 265, 349, 354

Ивангород креп. 32, 280

Измайлово с. 264

Израильтяне 361

Изюм г. 65, 82, 85, 123, 205, 296

Ильмень оз. 285

Имперцы — см. австрийцы

Ингерманландия (Ингрия) обл. 242, 246, 249, 280, 287, 294

Индия 251

Иностранная слобода в Москве — см. Немецкая слобода

Испания 241, 304

Италия 157, 201, 251, 254, 283, 321, 329, 487

- Кабарда Верхняя 275
Кадикс г. 250
Казаки 20, 22, 54, 79, 91, 94, 111, 124, 215, 216, 228, 278, 363
Казаки донские 20, 22, 68, 74, 75, 77, 82, 85, 86, 93, 94, 97, 98, 104, 106, 127—129, 133, 144, 150, 227, 296, 362, 378
Казаки запорожские, запорожцы 20, 68, 69, 93, 105, 140, 298, 367
Казаки украинские, украинцы 20, 21, 68, 78, 125, 133, 275
Казанский собор в Петербурге 155
Казанское царство 258, 275
Казань г. 33, 40, 61, 248, 265
Каланча р. 71
Калиберда г. 92
Калмиус р. 85, 109
Калмыки 86, 93, 94, 109—111, 123, 249, 252
Камбрай (Камбре) г. 321
Каменный затон местечко 64, 69
Камчатка 245
Каннаноя д. 184
Капиль г. 94
Карасу р. 111
Карасубазар г. 111, 112, 148
Карелия 280
Карловиц (Карловцы) местечко 275
Карлскрона г. 22, 230
Каспийское море 45, 249, 282, 325
Кафа г. 78, 112, 114, 133, 359
Кафская гавань 77
Кваренби д. 213
Кенигсберг г. 279, 295, 325, 327, 330, 354
Кексгольм г. 164, 182, 470
Керчь 279
Киев г. 87, 95, 121, 131, 135, 138, 149, 154, 254, 275, 278, 296
Кизикермен с. 90
Кизляр г. 114, 179
Киль г. 313, 416
Кинбурн г. 73, 79, 81, 103, 107, 115, 116, 133, 148, 151, 359, 431
Кипень с. 441
Китай 43, 246, 248, 249, 424
Кодима р. 124, 125
Козельское княжество 287
Козлов г. 74—76, 148, 279, 358, 359
Кола г. 249
Комиец д. 50
Конские воды р. 85
Константинов г. 136

- Константинополь (Стамбул) г. 60, 63, 67, 75, 102, 138, 151—153, 159, 298, 160, 178, 279, 376, 433, 446
- Константинопольский пролив 265
- Копенгаген г. 31, 43, 57, 244, 256
- Корпо д. 233, 235
- Корсунь (Херсу) г. 278
- Краков г. 346
- Красная горка с. 182, 208
- Кременчуг г. 95
- Кронштадт порт 58, 157, 163, 227, 251, 265, 266, 282, 285, 314, 353, 354
- Кронштадтская гавань 481
- Кронштадтский канал 388, 447
- Кроцк г. 122, 378
- Крым 21, 63, 66, 67, 69, 71—76, 80, 81, 85—89, 92, 109, 110, 112, 114, 132, 133, 148, 152, 247, 249, 276, 278, 280, 296, 298, 299, 355, 356, 358—360, 366, 367, 431
- Кубань р. 86, 94, 123, 148, 151, 280
- Кубань обл. 123, 280
- Курильские о-ва 447
- Курляндия (Курляндское герцогство) 13, 28, 34, 44, 49, 122, 178, 209, 210, 242, 302, 325, 338, 357, 358, 394, 411, 421, 441
- Курская обл. 65
- Кюменегордская обл. 239, 485
- Кюмень р. 220, 221, 239
- Ладога Новая г. 326
- Ладога Старая г. 45, 413
- Ладожский канал 25, 45, 285, 286, 289, 314, 325, 326, 330, 338, 339, 343, 388, 425, 447, 479, 480
- Ладожское оз. 45, 325, 326, 425, 470
- Лангфур местечко 56
- Лафер г. 333
- Ледовитое море 447
- Лемберг — см. Львов
- Лесная (Лесное) д. 37
- Летичев г. 136
- Летний дворец в Петербурге 307
- Лефортовский дворец в Москве 23, 26
- Либава 184
- Ливония 275, 276, 280, 281, 287
- Лилль г. 348
- Липканы — см. татары липканские
- Литва, Великое княжество Литовское 50, 51, 275, 276, 295, 345
- Литтик — см. Лютик
- Лифляндия 37, 49, 180—182, 184, 214, 226, 242, 244—246, 249, 266, 330, 336, 370, 411, 420, 480

- Лифляндцы 37, 58
Лозанна г. 328
Лондон г. 33
Львов (Лемберг) г. 153
Лютик (Лютитц, Лютис, Литтик) форт 68, 148, 296, 356
- Малабар обл. 316
Малая Россия, Малороссия — см. Украина
Мариенбург г. 411, 412
Мариенвендер г. 351, 441
Мастрихт г. 333
Мекленбург (Мекленбургское герцогство) 316, 334
Мендзибож с. 136
Мендолак д. 216, 217
Мертвые воды р. 96, 106, 296
Митава г. 26, 28, 29, 30, 33, 35, 122, 178, 292, 293, 336, 420—422, 441
Миус р. 109
Могилев г. 136
Молдавия 131, 134, 139, 143, 144, 145, 148—150, 154, 167, 297, 298, 360, 361, 367, 370, 377, 379, 432, 458
Молочище р. 127—129
Молочные воды р. 85, 109, 112—114
Монс г. 333
Москва г. 12, 16, 19, 20, 23, 24, 26—29, 33, 35, 39—41, 45, 171, 209—211, 216, 243, 248, 254, 255—257, 259, 263, 264, 270, 275, 276, 278—280, 286, 291—295, 332, 336, 338, 339, 340, 395, 413, 422—424, 441, 453
Мста р. 45, 325
Мула-Мыза д. 183
- Нарва г. 32, 249, 255, 280, 354, 428
Неаполь г. 304
Нева р. 45, 47, 157, 175, 195, 265, 326, 374, 442, 444, 472
Недоборческие горы 137
Нейшлот креп. 485
Нейшлотский округ 239
Нейшотланд, местн. 56
Нейштедель г. 153
Немиров г. 120, 212, 159, 366
Немецкая слобода в Москве 259
Нерчинские заводы 447
Нислотский округ — см. Нейшлотский округ
Ништадт 281
Новгород Великий г. 33, 45, 271
Ново-Павловск г. 62, 263
Ногайцы — см. татары ногайские
Норвегия 201

- Обер-Пфальц (Верхний Пфальц) 59
Олива форт 55, 56
Оливский мон. 295, 353
Олонец г. 263
Ольденбург г. 201, 325, 479
Ольденбург графство 325
Омельник р. 96
Ор — см. Перекоп
Ора укрепление в Гданьске 53, 351
Ораниенбаум дворец 15, 481
Орлик г. 95, 296
Орпа р. 86
Орсова креп. 147, 149, 368
Осиновая роща д. 182
Остерготия обл. 241
Оттоманская Порта — см. Турция
Оттоманы — см. турки
Очаков г. 73, 79, 80, 95, 97, 98, 100, 102—104, 106—108, 114—117, 119, 120, 124, 132—134, 148, 151, 163, 247, 268, 299, 355, 359, 360, 362, 364—366, 379, 431, 432

Павловск г. 296
Павловская крепостца 109
Париж г. 282, 332, 334, 335, 341
Паркала местечко 228
Пелым г. 209, 305
Переволочна г. 95, 107, 124, 296, 361
Перекоп (Ор-Капы) креп. 71, 73, 74, 76, 78—81, 90, 112, 131, 133, 148, 276, 278, 296, 356, 357, 359
Перекопские линии 356
Переяславское оз. 264
Пернов г. 249
Перно-Кирке д. 221
Персия 44, 47, 61, 63, 114, 162, 249, 282, 284, 287, 304
Персияне (персы) 65
Петербургская креп. — см. Петропавловская креп.
Петергоф дворец 15, 157, 227, 290, 331, 391, 442
Петропавловская креп. 434
Петропавловский собор в Петербурге 416
Пиллавский порт 349
Пиллау г. 54, 428
Плат о. 57
Подолия обл. 366
Покровский мон. в Суздале 413
Полтава г. 107, 124, 254, 281, 282, 284, 321
Польская Пруссия — см. Пруссия Западная

Польская Украина — см. Украина Польская

Польша (Польская республика) 20, 22, 34, 44, 45, 48, 51, 52, 60, 62, 87, 120, 126, 131, 134, 136, 139, 143, 144, 148, 150, 152, 153—155, 160, 178, 225, 247, 249, 254, 256, 257, 269—271, 275, 276, 279—281, 287, 288, 294—296, 298, 299, 302, 321—325, 345, 346, 355, 360, 367, 370, 376, 377, 426, 427

Поляки 20, 21, 53, 54, 152, 160, 163, 184, 271, 322, 432, 434

Померания 53, 182, 192, 414

Порта — см. Турция

Прага д. 50, 345

Прекопские ущелья 137, 139, 140, 141, 154

Преображенское с. 280

Пруссия 192, 238, 249, 308, 325, 341, 354

Пруссия Западная (Польская) 51

Пруст местечко 51

Прут р. 137—139, 141, 144, 145, 154, 155, 265, 287, 377

Радауна р. 52

Раваиоки д. 217

Раненбург г. 16

Ранцен имение в Лифляндии 370

Ревель г. 214, 230, 249, 266, 349

Рейн р. 59, 147, 296, 355, 360

Рига г. 171, 177, 198, 249, 279, 280, 309, 312, 325, 327, 330, 341, 429, 479, 481

Ригин поместье 287

Ризенбург местечко 341, 355

Рим г. 254, 323

Рогервик гавань 266

Рокшера о. 235

Росток г. 473

Руденгам о. 237

Русская Финляндия — см. Финляндия Русская

Рыльская обл. 65

Саардам г. 448

Саардамская верфь 264

Саволакская обл. 239

Савран р. 126

Саксония 54, 181, 251, 252, 323, 447

Саксонцы 57, 59

Самара г. (в Запорожской степи) 81, 90, 151, 299

Свартова местн. 229

Святого Андрея редут 108

Святого Иоанна редут 144, 145

Святой Анны креп. 67, 296

Святой Елисаветы креп. 299

- Северск г. 275
Седерманландия, Седерманландская провинция в Швеции 239, 241
Седмиградская земля — см. Трансильвания
Сейкьерви с. 193
Семеновское с. 280
Семибашенный замок в Константинополе 67
Сербия (Сербское королевство) 378
Сестрорецк г. 253, 263
Сестрорецкий завод 446
Сечь (Запорожская Сечь) станица 22, 69
Сибирь 13, 16, 18, 32, 33, 41, 43, 122, 153, 162, 165, 175, 177, 200, 208, 209, 215, 242, 246, 252, 290, 305, 337, 391, 409, 419, 435
Сибург (Карлсгаген) местечко 321
Силезия 59, 153, 154, 249, 251, 308, 309, 405, 406, 463, 464
Синковца д. 137
Синявки местечко 374
Систербек — см. Сестрорецк
Соассон — см. Суассон
Соликамск г. 420
Сорока г. 136
Сканийская провинция в Швеции 239
Смоленск г. 275
Смолоданская провинция в Швеции 239
Смольный дворец в Петербурге 310
Солотурн г. 328
Сома р. 220
Соттунга (Суттонга) залив 231, 235, 236
Ставучаны (Ставушан, Ставасл) д. 142, 148, 379
Стаке гавань 241
Стамбул — см. Константинополь
Старая Руса г. 285, 286
Страсбург г. 330, 341
Стокгольм г. 61, 153, 181, 182, 184, 222, 224, 236—239, 241, 280, 323, 353, 414, 433, 478, 484, 488
Суассон г. 202, 332—335, 416
Суздаль г. 413
Суттонга — см. Соттунга
Сухая Чертала р. 96

Таганрог г. 264, 279, 298
Татарские Колодцы местн. 70
Татары 64—66, 72—78, 81, 85, 86, 90, 92, 104—106, 108, 114, 115, 123, 127, 133, 139, 141, 148, 150, 152, 154, 262, 268, 275, 276, 299, 374, 380, 430
Татары белгородские 139, 362
Татары буджакские 80, 145, 360, 378
Татары крымские 21, 47, 48, 74, 93, 355

- Татары кубанские 22, 86, 94, 355
Татары липканские (липканы) 154, 362
Татары ногайские (ногайцы) 149
Тверминна местн. 229, 230
Тверца р. 45, 325
Тверь г. 16, 19
Тенинген г. 414
Терек р. 48
Тихий (Восточный) океан 447
Тобольск г. 43, 137, 253, 305
Торнь (Торунь) г. 51, 58
Торнео г. 223, 227
Трансильвания (Седмиградская земля) 145, 147, 149, 150, 378
Троицкая гавань (Троицкий порт) в Таганроге 264, 279
Тула г. 253
Турин г. 329
Турки 20—22, 47, 60—63, 66, 68, 69, 75—78, 80, 82, 84, 85, 93, 97, 103—105, 107, 114, 115, 117, 118, 125—129, 136—138, 142, 145, 146, 148, 149, 151—154, 160, 247, 262—265, 275, 280, 299, 362—368, 375—377, 380, 428, 433
Турция (Оттоманская империя) 20, 21, 44, 47, 60—67, 71, 73, 86, 90—92, 94, 120—122, 143, 146, 147, 149—153, 159, 160, 208, 249, 262, 263, 268, 275—278, 280, 289, 299, 304, 355, 378, 428, 431, 446, 468

Угория обл. 253
Украина 16, 20, 49, 60, 63—65, 69, 71, 79, 80, 81, 85, 89, 91, 92, 106, 107, 110, 114, 123, 126, 131—134, 144, 151, 152, 160, 161, 167, 209, 251, 261, 275, 298, 299, 346, 355, 356, 359, 361, 365, 367, 370, 374, 377, 429
Украина Польская (Правобережная) 432
Украинцы — см. казаки украинские
Украинские линии 64, 82, 91, 135
Ульм г. 328
Упландская провинция в Швеции 239
Уральские горы 253
Уяздов дворец 324, 478

Фармунд гавань 241
Филипсбург креп. 330
Финляндия 157, 163, 164, 183, 185, 190, 208, 212, 215, 216, 220, 224, 228, 239, 246, 249, 267, 280, 311, 379
Финляндия Русская 41, 152, 193
Финны (финляндцы) 222, 223
Фландрия 201, 348, 482
Франция 33, 49, 50—52, 58, 60, 61, 147, 151, 159, 161, 182, 183, 201, 207, 209, 210, 243, 247, 254, 255, 264, 265, 268, 283, 297, 298, 311, 332, 334, 335, 341, 346, 350, 351, 354, 355, 360, 378, 379, 406, 428, 447, 470
Французы 56, 57, 351, 406, 426, 428

Фридрихсгалль г. 478

Фридрихсгам г. 191, 212, 213, 215, 216, 218—221, 223, 228, 233, 249, 323

Харьков г. 85

Холмогоры г. 312, 473

Хотин г. 131, 136—138, 140, 142—146, 148, 149, 151, 152, 154, 297, 298, 368, 375—377, 379

Царицын г. 68, 86

Циганкенберг холм 52

Черкасск г. 22

Черкесы пятигорские 275

Черная долина местн. 431

Чернанские дефилеи — см. Прекопские ущелья

Чернигов г. 254

Черное море 64—66, 72, 76, 95, 98, 99, 103, 105, 114, 148, 264, 298, 299, 356, 360—363, 365, 377

Чертала — см. Сухая Чертала

Чеченя д. 48

Чичаклей р. 105

Чигирин г. 20

Шафгаузен г. 328

Шведы 34, 37, 61, 163, 188, 208, 214, 217, 220, 222—224, 228, 233—236, 238, 265, 266, 271, 281, 311, 322, 325, 334, 379, 404, 405, 464, 465, 470, 479

Швец г. 53

Швеция 37, 40, 41, 52, 61, 147, 148, 152, 153, 161—163, 177, 182—185, 190, 192—194, 208, 210, 212, 223—225, 227, 232, 236—242, 247, 252, 262, 264, 266—268, 271, 277, 279, 280—282, 284, 308, 322, 325, 433, 447, 463—468, 470—472, 484, 485,

Шейдлици форт 55

Шемаха г. 44

Шиваскула форт 132

Шлезвиг 315, 316, 333, 415

Шлиссельбург креп. 32, 45, 164, 171, 176, 177, 281, 305, 312, 326, 399, 409

Шотланд предместье Гданьска 347

Штокгольм — см. Стокгольм

Шуланец р. 141

Шунгар р. 112, 113

Эльбинг г. 53, 352

Эльбингский порт 349

Эмба р. 411

Эстер-Ботния обл. 237

Эстляндия (Эстония) 182, 266, 280

Эттинген г. 321, 330

Юнгферн-Зунд пролив 232

Якобштадт г. 411

Янчикзай р. 97

Япония 245, 246

Ярославль г. 209, 420

Яссы г. 144, 145, 151, 377, 378, 379

Ятицкая р. 97

Глоссарий

- аванпост* — передовой пост, выставляемый войсками для своей охраны
- ага* — турецкий воинский начальник
- алебарда* — холодное оружие, длинное копье, поперек которого прикреплены топорик или секира
- альбертов талер* — род монеты, употребляемой с 1589 и получившей название по имени штатгальтера Южных Нидерландов эрцгерцога Альберта
- андреевская лента (голубая лента)* — знак ордена Святого Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи
- апроши* — траншеи, использовавшиеся при осаде города
- арнауты* — бургские казаки
- аспина* — маленькое шведское военное судно, вооруженное 10-ю пушками
- ассамблеи* — собрания и балы в домах вельмож, введенные при Петре I с 1718
- балверк (болверк)* — то же, что бастион
- бастион* — укрепление, возведенное в углах крепостной ограды или пристроенное в других ее местах для обстреливания местности впереди и вдоль крепостных стен
- баши-чаус* — генерал-адъютант турецкого военачальника
- бердыш* — широкий топор, иногда с гвоздевым обухом
- берма* — полоска земли, оставляемая при отрытии окопа между рвом и насыпью и препятствующая осыпанию земли в ров
- босняки (бошняки)* — жители Боснии и Герцеговины
- бруствер* — земляная насыпь, вал для защиты от неприятельского огня
- буер* — морское или речное полупалубное одномачтовое судно
- бунчук* — древко с золотым шаром и пучком конских волос на конце, знак различия для пашей разных рангов — например, для трехбунчужного или двубунчужного паши
- везир* — титул министров и высших сановников султанской Турции; великий везир — глава правительства
- верки* — верхняя часть (надстройка) оборонительных сооружений
- визирь* — см. везир

габион — кузов, набитый землей и предназначенный для прикрытия от неприятельского огня

гайдук — слуга при езде, помещавшийся на запятках кареты или саней

герольд — глашатай и распорядитель на придворных торжествах

гершафство — земельное владение в Германской империи

гласис — покатый бруствер, окружающий крепостные укрепления со стороны поля

голубая лента — см. андреевская лента

гофмаршал — придворный чиновник, ведавший дворцовым хозяйством

гофмейстер — придворный чиновник, ведавший придворным церемониалом

гоф-фурьер — придворный слуга, официально извещавший сановников высших классов о предстоящих придворных торжествах и увеселениях

гросс-приор — предводитель рыцарского ордена

гросс-фельдгер (коронный генерал) — один из высших воинских чинов Речи Посполитой

гульден — серебряная монета в Германии и Австрии XVII—XIX вв.

деташемент — легкий корпус, отряд из разных родов войск

дефилей (дефиль) — узкий проход, теснина

диван — совещательный орган при турецком султани

эфимок (эфимок) — русское название иоакимсталера, серебряной монеты, чеканившейся в г. Иоакимстале в Богемии

закрытый путь — см. прикрытый путь

камель — приспособление для поднятия корабля с мели

камергерский ключ — ключ на голубой ленте, отличительный знак камергера

камка — шелковая цветная ткань с узорами

кампеш — древесина синего сандала, ценный материал для изготовления мебели и паркета

канонир — пушкарь

канчибас — небольшое турецкое судно, вмещающее до 80 человек экипажа

каре — боевой строй пехоты в виде сомкнутого четырехугольника

карусель — конное состязание на точность поражения разного рода целей с помощью холодного и огнестрельного оружия и одновременно пышное придворное празднество

каштелян (кастелян) — первоначально военачальник и одновременно судья в польской провинции. Позднее эти функции стали выполнять

городские старосты, а каштеляны перешли в Сенат. Исключение составлял краковский каштелян, который был одновременно городским старостой и первым по достоинству светским сенатором

кирасир — кавалерист, оснащенный кирасами (латами) и каской

клевет — приспешник, приверженец

кордебаталия — центр боевого построения сухопутных войск или флота

кордегардия — помещение для воинского караула

контрвалационная линия — линия окопов, насыпей и других земляных укреплений, создаваемых для осады и штурма крепости

контрмина — заряд взрывчатых веществ, заложенный в подземный ход для подрыва минных галерей осаждающего противника

контрэскарп — внешняя сторона оборонительного рва

конфедерация — объединение представителей польской шляхты во время выборов короля

кошевой атаман — глава войскового управления в Запорожской Сечи, избиравшийся сечевой радой (советом)

кригс-комиссар (генерал-кригс-комиссар) — военный чиновник, ведавший снабжением армии

кронверк — вспомогательная крепостная ограда впереди главной

курантный талер — талер, находившийся в обращении, ходячая монета

ландрат — в прибалтийских провинциях — член ландратской коллегии (органа самоуправления рыцарства)

либерум вето — право депутата польского сейма отклонить решение этого органа одним голосом против

ложемент — мелкий полевой окоп с узким бруствером

лье — французская мера длины, равная 4,5 километра

магазин — военный продовольственный склад

мандарин — китайский сановник

маркграф — владетель княжества в Германии

милиция (ландмилиция) — вспомогательное войско, комплектовавшееся из населения южных городов России. Использовалось главным образом для охраны границ от набегов кочевников

мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначавшееся для разрушения особо прочных оборонительных сооружений

мурза — мелкий и средний дворянин у татар

мушкет — ружье с кремневым замком

мыза — село или деревня в прибалтийских землях

намет — шатер, большая раскидная палатка

наперсник — друг или приближенное лицо

негоциация — отношения, взаимодействие; дипломатические отношения, внешняя торговля

оттоманский — турецкий

паша — титул высших военных и гражданских чиновников в султанской Турции; трехбунчужный паша — паша первого (высшего) класса; двухбунчужный — второго класса

пистоль — испанская золотая монета XV—XVIII вв.

позорище — всеобщее обозрение; «явиться на позорище» — оказаться на виду, снискать известность

полушка — мелкая разменная монета, чеканилась из меди

понтировать — играть против банкомета

поташ — древесная щелочь

прагматическая санкция (прагматическое уложение) — закон о престолонаследии в Австрийской монархии Габсбургов, изданный Карлом VI в 1713. Устанавливал нераздельность габсбургских земель, разрешал их наследование дочерьми монарха при отсутствии у него сыновей

прикрытый путь — совокупность траншей, насыпей и других укреплений, позволяющих войскам передвигаться в безопасности от неприятельского огня

прам — однопалубное судно (паром), вооруженное пушками

примас — первенствующий епископ

ранжировка — расстановка солдат по росту

редан — полевое укрепление с двумя сторонами, образующими угол в сторону противника

редут — небольшое сомкнутое укрепление из земли, чаще всего в виде прямоугольника

рейтар — воин наемной тяжелой кавалерии

рекетмейстер (генерал-рекетмейстер) — чиновник, ведавший приемом жалоб и прошений на имя монарха

рекогносцировка — разведка с целью получения сведений о расположении противника, его огневых средствах, особенностях местности в районе предстоящих боевых действий

реляция — донесение на имя монарха, преимущественно по вопросам внешней политики и военных действий

рентерей — казначейство

рескрипт — акт от имени монарха в форме конкретного предписания учреждению или должностному лицу

ретраншемент — вспомогательная фортификационная постройка, предназначенная для усиления обороны полевой позиции или долговременного укрепления

сапа — траншея

сейм — высший выборный орган в Польше. В XVIII в. сеймом по аналогии часто именовали риксдаг — шведский парламент

сераскир — главнокомандующий в турецкой армии

серденгесты — конные янычары

спаги — турецкие кавалеристы

специй (специя) талеров, специф-талер — талер в реальной серебряной монете

статс-дама — старшая придворная дама в свите императрицы или великой княгини

талер — золотая или серебряная монета; впервые отчеканена из серебра в 1518 в Богемии

тезоименитство — день Ангела, именины

тет-де-пон (тен-де-пон) — предмостное укрепление, прикрывающее переправу через реку

траверс — земляная насыпь в окопах и траншеях, защищающая от неприятельского огня с флангов или с тыла

туаз — французская мера длины, равная 1,949 метра

упалое место — освободившееся место, вакансия

фашина — связка хвороста, применявшаяся для укрепления валов и насыпей, дорог по болоту

фельдцейхмейстер (генерал-фельдцейхмейстер) — начальник артиллерии и инженерных войск

фланкировать — прикрывать сбоку

флешь — полевое фортификационное сооружение, имеющее форму выступающего в сторону противника тупого угла

фузилер — солдат, вооруженный фузеей (ружьем)

фура — длинная повозка для кладки

фураж — корм для лошадей

фуражир — должностное лицо, занимавшееся заготовкой корма для лошадей

фуражировка — заготовка корма для лошадей. В полевых условиях — косьба сена

фурьер — унтер-офицер, ведавший заготовлением провизии, фуража и квартир для своей роты или эскадрона

хирагра — подагра в кисти руки

циркумвационная линия — линия рвов вокруг крепости

червонец — наименование русской золотой монеты трехрублевого достоинства в XVIII в.

четверик — мера объема сыпучих тел в России с XVIII в., равная 26,24 литра

чресла — поясница или окружность тела над тазом

шанец — временное полевое укрепление из земли

шляхта — среднее и мелкое дворянство в Речи Посполитой

шталмейстер — придворный чиновник, заведовавший царскими конюшнями

штатс-дама — см. статс-дама

штоф — мера объема жидкости, равная двум водочным бутылкам

штоф (штофная материя) — материя с тканым рисунком

штурмфалы — преграда из сплошного ряда заостренных бревен, уложенных горизонтально и свешивающихся над краем рва

шушун — русская женская верхняя одежда, подобие кофты

эволюция — передвижение войск или маршировка на парадах и учениях

экзерциции — военные упражнения

экспонтон — древковое холодное оружие пехотных офицеров XVIII—XIX вв.

юфть — кожа, выделанная на дегте

янычары — турецкая гвардия

Содержание

<i>Х.-Г. Манштейн.</i> Записки о России	9
Часть первая	11
Часть вторая	166
Дополнение	245
<i>Б.-Х. Миних.</i> Очерк управления Российской империи	273
<i>Э. Миних.</i> Записки	319
<i>Неизвестный автор.</i> Замечания на «Записки о России генерала Манштейна»	411
<i>Послепетровская эпоха глазами российских немцев</i>	489
<i>Указатель имен</i>	505
<i>Указатель географических и этнических названий</i>	551
<i>Глоссарий</i>	565

*История России и Дома Романовых в мемуарах
современников. XVII—XX вв.*

ПЕРЕВОРОТЫ И ВОЙНЫ

Христофор-Герман Манштейн
Бурхард-Христофор Миних
Эрнст Миних
Неизвестный автор

Редактор: *Л. Иконникова*
Компьютерная верстка: *А. Канищев*

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36.
Формат 60х90/16. Тираж 5000 экз.

Фонд Сергея Дубова
105318 Москва, ул. Щербаковская, 41-А
Лицензия 030766 от 1 сентября 1997 г.

Издание осуществлено при участии ИЧП «РИТА-Принт»

Отпечатано на полиграфическом комбинате
Графишер Гроссбетриб ГмбХ Пёсснек, Германия

П27   **Перевороты и войны**/Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. — 576 с. — (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.).
ISBN 5-89486-004-0

В книгу вошли четыре источника мемуарного жанра: записки о России генерал-майора Х.-Г. Манштейна, сочинение фельдмаршала Б.-Х. Миниха об образе правления Российской империи, воспоминания Э. Миниха — сына фельдмаршала, а также произведение неизвестного автора «Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». Книга снабжена послесловием, расширенными указателями имен, географических и этнических названий и словарем устаревших слов и выражений.

ББК 63.3(2)

В серии «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.» вышли следующие книги

О НАЧАЛЕ ВОЙН И СМУТ В МОСКОВИИ

Записки свидетелей Смутного времени

«Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии...» И. Массы, голландского купца и торгового резидента в Москве

«История о великом княжестве Московском...» шведского дипломата П. Петрея

УТВЕРЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ

Россия в царствование Алексея Михайловича

«Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде»

«Путешествие в Московию...» австрийского дипломата барона А. Мейерберга

«Нынешнее состояние России...» англичанина С. Коллинса, придворного врача царя Алексея Михайловича

«Сказания... о Московии» Я. Рейтенфельса, уроженца Курляндии, жившего в Москве в 1670—1673 гг.

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Накануне петровских реформ

Дневниковые записи неизвестного автора о стрелецком бунте 1682 г. и избрании царей Петра и Иоанна

Дневник секретаря австрийского посольства И.-Г. Корба (1698 г.)

Записки думного дворянина, окольничего И. А. Желябужского

Записки известного дипломата А. А. Матвеева о стрелецких восстаниях в Москве конца XVII в.

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ СЕРИИ

Московская хроника Конрада Буссова (1584—1613)

Сочинение Григория Карповича Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666—1667)

Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время шведской и польской службы (1655—1661) и во время его пребывания в России (1661—1699)

Записки Яна Корнелиссона Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах (1697—1698 и 1716—1717)

Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого (1721—1725)

Записки генерал-лейтенанта Василия Александровича Нащокина (1712—1759)

Записки князя Якова Петровича Шаховского, обер-прокурора Св. Синода, генерал-прокурора Сената и конференц-министра при Елизавете Петровне, сенатора при Екатерине II (1705—1766)

Краткая справка об издателях серии

ФОНД СЕРГЕЯ ДУБОВА —
НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ, СОЗДАННАЯ В ПАМЯТЬ
О ТАЛАНТЛИВОМ ИЗДАТЕЛЕ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕ, ПОГИБШЕМ
ОТ РУКИ НАЁМНОГО УБИЙЦЫ.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА:

Издание литературы в развитие планов Сергея Дубова — в первую очередь книг просветительского и научного характера. Среди наиболее важных проектов — тридцатитомная серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.»
Второй, не менее важный проект — «Народный архив. Век XX. Противостояние Человек — Система».

Оказание поддержки семьям журналистов и полиграфистов, ставших жертвами криминальных структур и современных войн.

Помощь на конкурсной основе талантливым студентам — журналистам и полиграфистам, а также студентам Независимого института российского предпринимательства, учредителем которого был С. Л. Дубов.

Создание Службы временной занятости в сфере редакционно-издательских и полиграфических услуг.

Фонд приглашает к сотрудничеству инвесторов, которых заинтересовали наши планы, а также всех, кто желает оказать помощь в работе, стать участником благотворительной деятельности.

Контактный телефон/факс Фонда Сергея Дубова: (095) 973 2707, 923 4320

Реквизиты фонда: ИНН7719109553 р/с 40703-810-7-0001-0000022

валютный — 40703-840-6-0001-0000008

в 1 отд. АКБ «СБС-АГРО»

БИК 044541506 к/с 30101810200000000506

ИНН7705012472 в ОПЕРУ-2 г. Москва

ФОНД СЕРГЕЯ ДУБОВА
Москва 1997